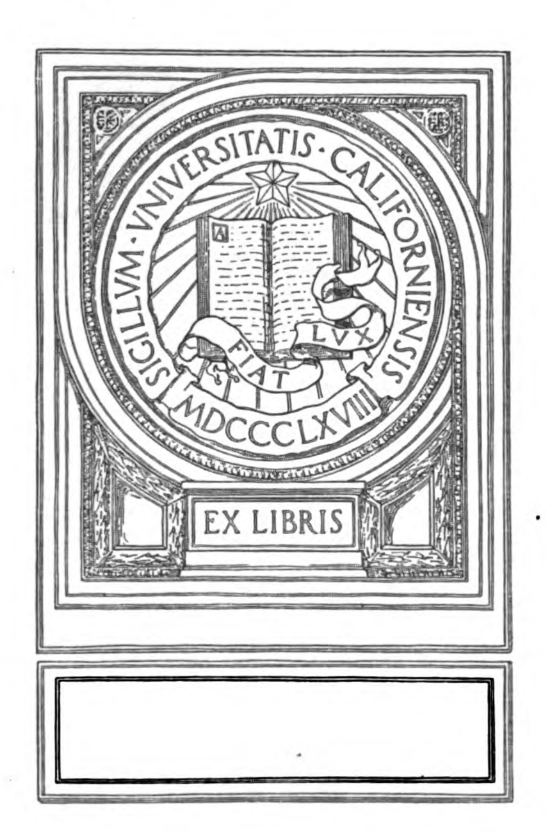

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ X-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43)
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ X-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1901.

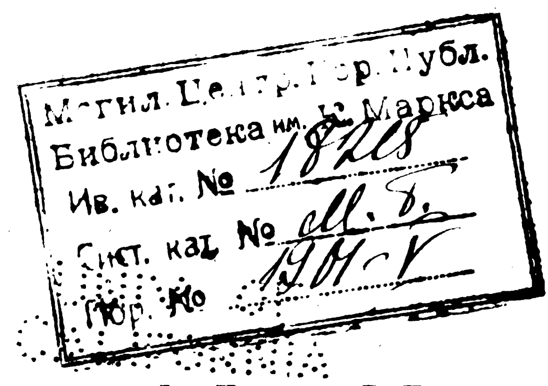
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 апрѣля 1901 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Мученики греческой культуры въ I—II вв. до Р. Хр.

(Публичная лекція)

Въ предлагаемомъ очеркѣ я буду говорить о нѣкоторыхъ явленіяхъ культурно-историческаго и политическаго характера далекаго прошлаго, о тѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, которыя, исходя изъ великаго культурнаго центра греческаго міра—Александріи и направленныя противъ Рима вообще и императорской власти въ частности, прошли по всему греческому міру и дали цѣлый рядъ политическихъ мучениковъ,—рядъ, можетъ быть, еще болѣе интересный и характерный, чѣмъ та серія римскихъ аристократовъ, которая пала жертвой своей оппозиціи новой формѣ римской государственности—императорской власти.

Все это какъ будто очень далеко отъ современности съ ея стремленіями, задачами и мученіями, но только какъ будто и только во времени: за 18 вѣковъ духъ культурныхъ и антикультурныхъ силъ не измѣнился, тѣми же остались въ существѣ своемъ и формы его проявленія.

Сближаетъ меня съ современностью и то чисто внѣшнее обстоятельство, что возможность предлагаемыхъ мною сближеній и обобщеній дана серіей полу-оффиціальныхъ документовъ, открытыхъ въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ, возставшихъ передъ нами свидѣтелями человѣческихъ страстей, горя и мученій изъ мусорныхъ ямъ небольшихъ египетскихъ городовъ и селеній *).

I.

Оппозиція александрійской родовой и имущественной аристократіи.

Только что въ бассейнѣ Средиземнаго моря отзвучали послѣдніе отклики долгой и кровавой борьбы римскихъ партій, борьбы, принявшей въ послѣдней ея стадіи характеръ послѣдней, отчаянной

*) Документы эти, написанные на папирусѣ, хранятся частью въ Берлинскомъ и Гизехскомъ музеяхъ, частью составляютъ собственность гг. Гренфелля и Гента (Hunt) и опубликованы послѣдними («The Oxyrynchus Papyri», I), Т. Рейнакомъ (Rev. des études juives 1893 и 1895) и Вилькеномъ («Hermes 1893 и 1897» и «Berliner griech. Urkunden»),

схватки между западомъ въ лицѣ Рима и Октавіана и востокомъ въ лицѣ Антонія и Александріи съ Антіохіей, только что рѣшился вопросъ измѣненія мирового режима въ пользу западной полуреспубликанской формы монархіи въ противуположность восточному абсолютизму въ его эллинистической формѣ; но волны разбушевавшагося моря не могли успокоиться сразу; и востокъ не хотѣлъ и не могъ признать себя окончательно побѣжденнымъ. Кончилась только острая фаза борьбы и началась другая борьба частью медленная и мирная, частью интенсивная и революціонная, сводившаяся къ борьбѣ восточныхъ и западныхъ вліяній на новую монархію, что равносильно борьбѣ болѣе высокой эллинской культуры съ заимствованной, пересаженной и плохо-привившейся западной, борьбѣ болѣе прогрессивной экономической жизни мануфактурнаго и денежнаго востока съ западомъ, хозяйство котораго всецѣло было основано на самодовлѣющемъ ойкосѣ, спекуляціи, грабежѣ и рабствѣ.

Мирная часть этой борьбы шла вездѣ, во всѣхъ закоулкахъ общественной и политической жизни: въ области администраціи, экономической политики, мѣстной организаціи съ одной стороны и въ области науки, литературы и искусства съ другой, вездѣ эллинизмъ медленно, но вѣрно шелъ впередъ, модифицируя всю жизнь новаго государственнаго организма и самъ модифицируясь, распускаясь, теряя свою жизненность и крѣпость въ многочисленной массѣ, подвергавшейся его воздѣйствію. Эта мирная борьба есть несомнѣнный фактъ, привлекающій къ себѣ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вниманіе современной науки. Но рядомъ съ этой мирной культурной борьбой жила и другая борьба, борьба революціонная и острая, вспыхивавшая отъ времени и до времени яркимъ огнемъ возстаній и революцій, и этой борьбой менѣе важной, но зато и совсѣмъ не изученной и не характеризованной въ наукѣ я позволю себѣ занять вниманіе читателей.

Борьба эта сосредоточивалась и исходила, какъ это и естественно, изъ двухъ главныхъ культурныхъ и политическихъ центровъ тогдашняго эллинскаго востока—Александріи и Антіохіи, столицъ могущественнѣйшихъ эллинистическихъ монархій, теперь римскихъ провинцій—Сиріи и Египта. Сообразно историческимъ судьбамъ и географическому положенію той и другой, и борьба была неодинакова на Нилѣ и на Оронтѣ, неодинакова ни по интенсивности ея, ни по роли въ общей жизни Римской имперіи. Сирія съ ея открытымъ восточнымъ флангомъ, съ ея стратегическимъ значеніемъ для Рима въ его борьбѣ съ персидскимъ и арабскимъ востокомъ, раньше вошла въ составъ римскаго государства, раньше и сильнѣе подверглась римскому вліянію, тѣснѣе связана была въ своихъ движеніяхъ и своей свободѣ оковами сильной военной оккупаціи и крѣпкой военной власти. Императорскій легатъ, опираясь на многочисленные восточные легіоны, крѣпче и тверже держалъ въ своихъ рукахъ смѣшанное полу-грече-

ское населеніе Антіохіи, чѣмъ его сосѣдъ египетскій агентъ императора—александрійскій префектъ. Да Сирія и не имѣла въ своемъ прошломъ той могучей организаціи, той сплоченности и того единства, которыя такъ характерны для Птолемеевскаго Египта. Здѣсь все было измѣнчивѣе и непостояннѣе, начиная отъ границъ и кончая династіями, здѣсь болѣе чѣмъ на Нилѣ приходилось думать не столько объ организаціи и внутреннемъ расцвѣтѣ, сколько о дворцовыхъ интригахъ, о постоянныхъ походахъ и постоянной защитѣ границъ отъ набѣговъ восточныхъ сосѣдей и вожделѣній западныхъ.

И все же духъ оппозиціи живъ былъ и здѣсь, только проявленія его были иными, чѣмъ въ Египтѣ. Онъ дѣйствовалъ не самъ по себѣ, не на свой страхъ, а только примыкалъ къ революціоннымъ движеніямъ, исходившимъ изъ среды римскихъ легіоновъ, къ тѣмъ многочисленнымъ претендентамъ, которыхъ отъ времени и до времени выставлялъ сирійскій востокъ. И только ѣдкія жалящія остроты антіохійскихъ грековъ, направленныя противъ римскихъ императоровъ и легатовъ, отвѣтомъ на которыя чаще были палки и плеть, чѣмъ мечъ а копье, свидѣтельствуютъ о томъ, что антіохійцы не примирились ни съ Римомъ, ни съ императоромъ и продолжаютъ думать о тѣхъ временахъ своего хоть и не славнаго, но блестящаго прошлаго, когда объектомъ ихъ остроумія были свои греческіе монархи, эпигоны великаго Александра.

Иначе обстояло дѣло въ Александріи. Александрія и Египетъ сыграли гораздо болѣе важную роль въ исторіи античности, чѣмъ Сирія и Антіохія. Уже самое положеніе Египта, обособленное, не соприкасавшееся непосредственно ни съ однимъ изъ крупныхъ центровъ политическаго развитія античности, позволило Александру и Птолемеямъ обезопасить Египетъ отъ слишкомъ частыхъ помѣхъ его внутреннему развитію въ видѣ вооруженныхъ нападеній близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Это, затѣмъ благопріятное положеніе въ центрахъ бассейна Средиземнаго моря, наконецъ, богатство самой страны естественными продуктами позволили Египту вылиться въ стройное и могучее государственное цѣлое, дававшее тонъ всей внѣшней и внутренней жизни тогдашняго эллинскаго міра. И Александрія, естественная глава Египта, сдѣлалась центромъ эллинизма во всѣхъ отрасляхъ эллинскаго развитія.

Здѣсь прежде всего сошлись главныя артеріи торговаго движенія съ дальнаго индійскаго и китайскаго востока и африканскаго юга въ бассейнъ Средиземнаго моря. Эта централизація была дѣломъ рукъ первыхъ Птолемеевъ. Цѣлый рядъ мѣръ былъ направленъ ими къ тому, чтобы отвести русло восточной торговли изъ Аравіи и Сиріи въ порты восточнаго побережья Египта, а оттуда по Нилу въ Александрію. Вся внѣшняя политика Египта, вся его борьба съ Сиріей и Аравіей преслѣдуютъ эту цѣль, и высшей побѣдой птолемеевской политики

надо считать возможность для александрійскаго правительства учредить и провести покровительственную пошлину въ 25% на западномъ аравійскимъ берегу Краснаго моря, удерживая на восточномъ египетскомъ незначительную пошлину въ 2%. Не менѣе усилій и изобрѣтательности потратили Птолемеи на централизацію торговли продуктами южной Африки въ Александріи, на отвлеченіе каравановъ отъ протореннаго пути въ Карѳагенъ на новую дорогу черезъ оазисы въ Александрію. Здѣсь, правда, помогли александрійцамъ внѣшнія обстоятельства: борьба Рима съ Карѳагеномъ и близорукость римскихъ политиковъ, стершихъ съ лица земли финикійскій центръ караванной торговли Африки. Но не одно это. Египетское правительство сдѣлало все, чтобы укрѣпить за собою выгоды этого случайнаго событія: оно дѣятельно охраняло и снабжало водой южные караваны, оно не обременяло ихъ пошлинами (тѣ же 2%), оно обезпечивало вѣрный и постоянный сбытъ африканскимъ продуктамъ. Наконецъ, сама Александрія— этотъ центръ моды и веселой, лихорадочной жизни—болѣе притягивала къ себѣ эллинскими прелестями кочевника пустыни, чѣмъ суровая столица мрачныхъ и властолюбивыхъ финикійцевъ.

Восточные и южные товары плывшіе непрерывнымъ и могучимъ потокомъ въ Александрію, сдѣлали ее тѣмъ, чѣмъ она была: первымъ торговымъ и промышленнымъ центромъ тогдашняго міра. Восточный и южный импортъ создалъ александрійскія мануфактуры, а геній александрійскихъ грековъ грозилъ превратить ихъ въ фабрики; промышленный и торговый духъ оживилъ и внутреннее производство страны, и въ этотъ именно моментъ Александрія побѣждаетъ всякую конкуренцію въ фабрикаціи льняныхъ и пеньковыхъ продуктовъ, стекла и бумаги. Въ этотъ періодъ она пользуется расцвѣтомъ греческаго искусства, чтобы примѣнить его побѣду надъ формой къ художественной промышленности, чтобы сдѣлать искусство роднымъ и необходимымъ для каждаго культурнаго человѣка, чтобы провести его во всѣ мелочи и детали обыденной жизни. Золотая и серебряная посуда, издѣлія изъ слоновой кости, изъ пахучихъ и красочныхъ сортовъ африканскаго дерева, домашняя утварь и туалетныя принадлежности до шпилекъ и булавокъ, туалетныхъ несессеровъ и баночекъ съ ароматами и притираніями включительно—всѣмъ этимъ Александрія наводнила весь рынокъ Средиземнаго моря и удержала его за собой во все время своего существованія.

Благодаря этой лихорадочной торговой и промышленной жизни, страна выросла и окрѣпла, выдѣлила изъ своей среды аристократію капитала и сдѣлала Александрію міровымъ городомъ.

Это же экономическое благосостояніе и то, что его сопровождало и вызвало, дали Александріи и ту особую физіономію, которую признавали за ней всѣ, кто ее зналъ и видѣлъ. Большой промышленный и торговый центръ, портъ первостепенной важности, резиденція могучей

династіи—Александрія собрала въ себѣ огромное и разношерстное населеніе. Все, что было подвижного, энергичнаго, ищущаго наживы, стекалось сюда изъ Греціи, Сиріи, Іудеи и создавало тотъ γένος Ἀλεξανδρέων, въ самомъ имени котораго сквозитъ его основная черта—смѣшанность и разношерстность. Кто побойчѣе и поэнергичнѣе, тотъ быстро создавалъ себѣ состояніе—торговлей, промышленностью, откупами, другіе входили въ составъ сложной административной машины, большая часть работала въ мастерскихъ и мануфактурахъ, а свободное время проводила въ портикахъ, гимназіяхъ, палэстрахъ, театрахъ, обсуждая въ своихъ клубахъ и ассоціаціяхъ злобы дня и изощряя свое остроуміе на своихъ генералахъ и царяхъ. Немногіе выдѣлялись окончательно и входили въ составъ высшаго класса, о которомъ сейчасъ.

Рядомъ съ этими александрійцами стояли мѣстные феллахи—коренные египтяне. Въ большинствѣ случаевъ, какъ и теперь, это были прекрасные, выносливые работники, но безъ иниціативы и безъ большихъ потребностей, матеріалъ, эксплоатаціей котораго жили фабриканты, купцы, чиновники, помѣщики, откупщики и самое государство въ лицѣ двора и войска. Жилось имъ не хуже, чѣмъ прежде при фараонахъ, и не лучше, чѣмъ теперь при англичанахъ.

На этомъ фонѣ выдѣлялась кучка пришельцевъ, спутниковъ великаго Александра и Птолемеевъ, служилая и родовая знать—македонцы, офицеры и генералы великаго Александрова войска. Эта знать стояла въ самой тѣсной связи съ войскомъ и дворомъ, съ войскомъ въ силу александровой традиціи, со дворомъ въ силу традиціи александрійской. Эта знать, вмѣстѣ съ македонскимъ войскомъ, создала Птолемеевъ и создала Египетъ, она твердо это помнила, не забывали этого и Птолемеи. Монархическій режимъ быстро создалъ внутри нея особую іерархію, независимую отъ служилыхъ функцій лица,—іерархію, основывавшуюся на близости даннаго лица отъ престола: высшая ступень была—родственникъ царя, вторая—тѣлохранитель, третья—первый другъ, четвертая—другъ просто и т. д. Рядомъ съ этой существовала еще сложная іерархія дворцовыхъ чиновъ—стольниковъ, кравчихъ, ловчихъ и т. д. и т. д.

Въ обычной государственной жизни эти друзья и тѣлохранители царя исполняли самыя разнообразныя функціи: изъ нихъ набиралось все офицерство, изъ нихъ выходили важнѣйшіе чиновники центральнаго управленія и управленія дворцоваго, они были агентами царя за предѣлами Египта.

Уже въ самомъ своемъ зародышѣ замкнутая въ рамки извѣстной національности, знать только неохотно и рѣдко пропускала въ свою среду чужихъ, будь то свои же македонцы или чужіе александрійцы, особенно же тщательно охраняла она себя отъ египтянъ. Но нѣтъ той двери, которую нельзя сломать, и мало-по-малу предпріимчивые александрійскіе милліонеры пробивали брешь за брешью въ стѣнѣ, окру-

жавшей родовую знать. Это, однако, не уменьшало и не умаляло традиціи, она держалась крѣпко, и чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе сплачивалась аристократія, тѣмъ глубже внѣдрялось въ народъ и самихъ аристократовъ понятіе бѣлой кости и синей крови.

Птолемеи не ополчались противъ этого: это придавало блескъ ихъ престолу, окружало ихъ ореоломъ родовитости и всегда позволяло опереться на сплоченную стѣну лойальныхъ уже въ силу родовитости и традиціи приближенныхъ. Они не жалѣли средствъ, чтобы поддерживать блескъ этой знати, и ихъ колоссальное богатство позволяло имъ не давать бѣднѣть и ихъ «родственникамъ» и «друзьямъ». Выросшая и окрѣпшая аристократическая традиція и іерархія закрѣплена была и внѣшнимъ образомъ: митра, тюрбанъ, особая обувь, особыя повязки выдѣляли бѣлую кость изъ остальной массы александрійскаго населенія.

Всѣ эти основныя свойства александрійской знати нашли себѣ яркое выраженіе въ метрическомъ надгробіи жены и сына одного высокаго сановника и родовитаго аристократа Птоломея. Вотъ что говоритъ о себѣ его сынъ Аполлоній устами поэта:

Имя мое Аполлоній, я славнаго сынъ Птолемея—
Коему митрой главу царь Евергетъ увѣнчалъ,
Знакомъ священнымъ родства; ему вѣрно служилъ онъ въ походахъ
Въ глубь ли родимой страны иль къ брегамъ далекаго моря.
Зрѣлище славы отцовской глубоко мнѣ въ сердце запало,
Доблести той же достичь жадно стремилась душа.
Жизненный путь я избралъ Аполлонова града достойный
Той, что царитъ на скалѣ родины чудной моей.
Бодро съ дружиною бравой отцовскихъ друзей я отчалилъ
Въ годъ, когда въ Сиріи брань чуждая рать разожгла,
Вѣрность царю я хранилъ, я былъ ему честнымъ слугою,
Всѣхъ превзошедши въ бою бранною силой копья.
Лишь на обратномъ пути загубилъ меня рокъ неизбѣжный,
Гдѣ загубилъ онъ и какъ—вѣдать не нужно тебѣ *).

Основной тонъ всего стихотворенія это то, что мы и хотѣли отмѣтить—сознаніе своего собственнаго достоинства, своего аристократическаго происхожденія, основнымъ признакомъ котораго служитъ вѣрность царю и доблестное служеніе ему на полѣ брани.

Такова была Александрія и александрійцы. Жилось всѣмъ хорошо и привольно, привольно и весело, весело и богато. Но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще стали заволакивать александрійскій горизонтъ мрачныя и зловѣщія тучи. Грозный признакъ могучаго Рима вырисовывался все яснѣе и яснѣе, все ближе и ближе. За дружескимъ посольствомъ Сципіона послѣдовали одинъ за другимъ римскіе комиссары, александрійское золото рѣкой потекло въ всепоглощающій Римъ, но и оно не по-

---

*) Надгробіе сохранилось на камнѣ и издано недавно Виламовицемъ во второй книжкѣ новаго журнала Archiv für Papyrusforschung. Переводъ даваемый мною принадлежитъ проф. Ѳ. Фр. Зелинскому.

могло. Египетъ все урѣзывали и урѣзывали. Наконецъ, при Антоніи и Клеопатрѣ онъ далъ послѣднюю битву грозному западу и... склонилъ голову навсегда. Погибла національная династія съ ея блескомъ, ея помпой, ея процессіями и зрѣлищами, смело съ головъ родственниковъ и друзей ихъ тюрбаны и повязки, прошли тѣ времена, когда грекъ и особенно македонецъ были особыми избранными людьми. Жизнь Александріи стала удивительно прозаична и скучна. Для Августа и его преемниковъ Египетъ и Александрія были исключительно житницей и кассой, откуда императоры брали столько, сколько могли выдержать александрійскіе мануфактуры и египетскіе земледѣльцы. Вмѣсто національной династіи, связанной съ греками происхожденіемъ и связавшей себя съ египтянами ловкой политикой, въ Александріи появляется личный агентъ императора, членъ даже не перваго, а второго сословія имперіи, иногда даже отпущенникъ, и этотъ солдатъ, этотъ фискальный чиновникъ поселяется въ резиденціи Птолемеевъ, руководитъ гордымъ своимъ прошлымъ музеемъ, третируетъ бывшихъ первыхъ министровъ, бывшихъ друзей и приближенныхъ царя, всю александрійскую аристократію благородныхъ, культурныхъ грековъ.

Всѣ были недовольны новымъ режимомъ: правда, Египетъ не обѣднѣлъ, но безумная политика послѣднихъ царей много испортила изъ того, что сдѣлали первые Птолемеи, и это все, конечно, валили на чужихъ руководителей—римлянъ, и валили не безъ основанія. Египетъ не обѣднѣлъ, но жить въ немъ стало труднѣе; новые налоги легли на населеніе, новые чиновники стали требовательнѣе, нужно было денегъ и хлѣба во чтобы то ни стало. Недоволенъ былъ египетскій крестьянинъ, но еще больше горевала Александрія. У александрійской черни отняли ея забавы и ея привилегіи, у коммерсантовъ и промышленниковъ требовали денегъ, но горше всѣхъ было бывшей знати. Высшею цѣлью стремленій ея сдѣлалось теперь либо забавлять александрійскую чернь въ качествѣ гимнасіарха, либо съ большимъ трудомъ и униженіями вступить въ ряды мелкихъ финансовыхъ чиновниковъ новаго режима, въ чемъ, однако, передъ ними всецѣло оказывалось предпочтеніе выслужившемуся центуріону римскаго легіона.

И въ средѣ этой аристократіи, родовой и культурной не могло не зародиться оппозиціи, не могла не проснуться ненависть къ пришлымъ варварамъ съ желѣзной рукой, желѣзнымъ режимомъ и желѣзными легіонами. И оппозиція зародилась и разрослась въ кругѣ людей принадлежавшихъ къ музею и къ высшимъ слоямъ александрійской родовой и служилой знати.

Форма этой оппозиціи и ея первыя проявленія вызваны были спеціальными условіями александрійской жизни. Населеніе Александріи было, какъ сказано, далеко не однороднымъ: рядомъ съ греками жило не мало египтянъ, которые раздѣляли чувства грековъ, жило и много евреевъ, которые этихъ чувствъ не раздѣляли. Они всегда держались

въ Александріи особнякомъ, они никогда не были особенно тѣсно связаны съ Птоломеевской династіей, никогда не были при ней привилегированнымъ сословіемъ. Для нихъ перемѣна режима принесла только измѣненіе къ лучшему. Мирное время давало имъ возможность успѣшнѣе чѣмъ раньше вести свои денежныя и торговыя операціи, интенсивное обложеніе Египта позволяло имъ дѣйствовать въ качествѣ государственныхъ откупщиковъ, а между тѣмъ гнетъ римскаго режима сказывался на нихъ менѣе, чѣмъ на остальныхъ частяхъ египетскаго и александрійскаго населенія. Римское правительство, вѣроятно сознательно, въ пику грекамъ, даровало имъ повсемѣстно рядъ привилегій: они были свободны отъ всякой воинской повинности, платили только тѣ подати, что шли на содержаніе храма въ Іерусалимѣ, имѣли свое внутреннее самоуправленіе и свой національный судъ и т. д., т.-е. выдѣлены были всецѣло въ особое привилегированное сословіе, особенно тамъ, гдѣ они были только пришельцами: въ Римѣ, Александріи и Антіохіи. Понятно, что ненависть греческаго и египетскаго населенія къ нимъ была безгранична и что александрійское недовольство сказывалось прежде всего въ презрѣніи къ евреямъ и при первой возможности въ тѣхъ специфическихъ возмущеніяхъ, которыя проявлялись и тогда въ формѣ слишкомъ хорошо намъ знакомыхъ «еврейскихъ безпорядковъ». Первое крупное антиправительственное и антиеврейское движеніе засвидѣтельствовано намъ для времени императора Калигулы.

Въ то время египетскимъ вице-царемъ, префектомъ былъ Л. Авиллій Флаккъ. Сдѣлался онъ префектомъ еще при Тиберіи и держался по отношенію къ Александіи политики этого императора, т.-е. жалъ и давилъ греческое населеніе, обрушиваясь главнымъ образомъ на греческія общества и клубы и на греческихъ вожаковъ - представителей аристократіи, покровительствовалъ съ другой стороны еврейскому элементу. Этимъ онъ вызвалъ протестъ всего греческаго населенія, поведшій даже къ попыткѣ революціи, вожакомъ которой явился греческій аристократъ, гимнасіархъ Исидоръ. Возстаніе было подавлено, Исидоръ успѣлъ бѣжать. Другого непримиримаго врага въ средѣ греческой аристократіи создалъ себѣ римскій префектъ въ лицѣ своего же чиновника, завѣдующаго протоколлированіемъ его административныхъ и судебныхъ дѣйствій, грека Лампона, котораго когда-то, можетъ быть, не безъ основанія, обвиняли въ неуваженіи къ личности императора Тиберія.

Но вотъ въ Римѣ настаетъ новое время, новое направленіе, связанное съ перемѣной императора. На престолѣ появляется Калигула и съ нимъ опредѣленное эллинофильское теченіе. Сказывается это теченіе между прочимъ и въ томъ, что Калигула выступаетъ первымъ рѣшительнымъ провозвѣстникомъ эллинистическаго принципа божественности императора. Это приводитъ его въ столкновеніе съ евреями, рѣшительными и фанатическими противниками императорскаго культа.

Особенно рѣзкимъ дѣлается конфликтъ въ Александріи, гдѣ новымъ теченіемъ пользуются греки какъ противъ ненавистнаго имъ Флакка, такъ попутно и противъ евреевъ. Вожакомъ грековъ является знакомый намъ Лампонъ: начинаются смуты и безпорядки въ Александріи. Прежде всего греки устраиваютъ скандалъ проѣзжавшему черезъ Александрію іудейскому царю Агриппѣ, воспользовавшись этимъ случаемъ для осмѣянія мессіанскихъ надеждъ евреевъ. Затѣмъ они требуютъ отъ евреевъ поклоненія статуѣ бога-императора, въ чемъ Флаккъ, положеніе котораго было далеко не прочнымъ, не смѣетъ имъ препятствовать. Все предыдущее, а особенно послѣднее требованіе является поводомъ къ ужаснымъ сценамъ грабежа и убійства; греческое и египетское населеніе бросаются какъ звѣри на евреевъ и на нихъ отводятъ свою оскорбленную душу. Флаккъ не смѣетъ открыто выступить противъ буяновъ, такъ какъ революція идетъ на почвѣ неуваженія къ божественности императора и на сторонѣ бушующихъ находится самъ императоръ. Кромѣ того въ Римѣ теперь находится Исидоръ, возбуждающій противъ префекта Калигулу, указывая подозрительному деспоту на якобы сепаратистическія стремленія Флакка. Революція продолжаетъ бушевать въ Александріи, евреи тщетно ищутъ въ Римѣ покровительства и защиты у императора, продѣлывающаго съ ними комически-перипатетическую сцену не то аудіенціи, не то суда въ садахъ Мецената и Ламіи; Флакка, между тѣмъ схватываютъ на пиру агенты императора и увозятъ въ изгнаніе на далекій островъ Андросъ, гдѣ онъ впослѣдствіи и погибаетъ отъ руки присланнаго императоромъ убійцы. Душой всей антиеврейской и антифлакковой партіи являются Исидоръ и Лампонъ, которые теперь состоятъ неотлучно при Калигулѣ. Еле-еле удается іудейскому царю Агриппѣ отстоять хоть до извѣстной степени свой народъ.

Но Калигула гибнетъ отъ руки убійцы въ мрачномъ подземномъ коридорѣ своего Палатинскаго дворца, и въ Римѣ вмѣстѣ съ императоромъ Клавдіемъ вновь укрѣпляется національная партія, Агриппа вновь выплываетъ на поверхность и возбуждаетъ судебное преслѣдованіе противъ александрійцевъ и ихъ представителей-пословъ Исидора и Лампона. Акты засѣданія верховнаго суда сохранились до насъ въ обрывкахъ въ той редакціи, въ которой они циркулировали въ Александріи. Засѣданіе происходитъ въ лукулловыхъ садахъ въ присутствіи верховнаго совѣта и императрицы съ ея свитой. Первый день засѣданія проходитъ безъ подсудимыхъ. Среди членовъ совѣта есть партія благопріятная подсудимымъ. Указываютъ на взрывъ негодованія въ Александріи въ случаѣ ихъ осужденія. Вводятся подсудимые, и засѣданіе откладывается до слѣдующаго дня. День второй. Слово дается Исидору для обвиненія Агриппы. Клавдій упрекаетъ Исидора въ томъ, что по его навѣтамъ погибло много лицъ, приверженныхъ императору. На это Исидоръ отвѣчаетъ: «я слушался приказаній царя, приказаній

которыхъ слушался и ты. Назови кого хочешь (изъ убитыхъ), я ихъ обвиню». Дерзскій отвѣтъ *) вызываетъ реплику императора, упрекающаго Исидора въ некультурности. Исидоръ рѣзко парируетъ упрекъ: «я не рабъ и не некультурный человѣкъ, а славнаго города Александріи гимнасіархъ, а ты»... и за этимъ очевидно шла нелестная для императора параллель, вызывающая неменѣе рѣзкое замѣчаніе со стороны другого обвиняемаго Лампона: «нечего намъ съ тобой дѣлать въ присутствіи безумнаго царя, надо уступить ему мѣсто».

Приговоръ суда гласилъ: смерть Исидору и Лампону.

Конечно, разсказанное движеніе не было единственнымъ. Наше историческое преданіе сохранило намъ не мало свидѣтельствъ о послѣдовательныхъ александрійскихъ возмущеніяхъ съ еврейскими осложненіями и безъ нихъ, движеній, исходившихъ все изъ той же александрійской знати. При Траянѣ, при М. Авреліи, при Северахъ и позже мы слышимъ о бунтахъ, о рѣзнѣ, о вмѣшательствѣ легіоновъ. Къ одному изъ этихъ бунтовъ на еврейской подкладкѣ относятся новые акты процесса передъ императоромъ во II в. по Р. Хр. Судя по всему, начались смуты съ такого же издѣвательства александрійцевъ надъ мессіанскими надеждами евреевъ, какъ и бунтъ при Калигулѣ. Греки выряжаютъ шута въ еврейскаго царя «со сцены и изъ комедіи», какъ выражаются акты, и глумятся надъ нимъ. Слѣдуетъ обычный смертный бой евреевъ, въ результатѣ чего 60 александрійскихъ грековъ выселяютъ изъ Александріи, а рабовъ ихъ казнятъ. Зачинщики Павелъ, Антонинъ и Ѳеонъ предстаютъ на судъ императора. И здѣсь, судя по незначительнымъ фрагментамъ, греки держатъ себя гордо и вызывающе. Одинъ изъ обвиненныхъ—Павелъ говоритъ: «въ Александріи я владѣю гробницей, она одна меня занимаетъ и скоро собираюсь я уйти туда. Идя къ смерти, я не побоюсь сказать тебѣ всю правду. Выслушай же меня, Цезарь, выслушай человѣка, котораго завтра уже не будетъ въ живыхъ».

Чѣмъ кончилось дѣло, мы не знаемъ. Слова Павла и, можетъ быть, также ссылка документа, который я приведу сейчасъ, позволяютъ думать, что Ѳеонъ и Павелъ были казнены.

Наконецъ, времени Коммода принадлежатъ наиболѣе полные и характерные акты суда надъ Аппіаномъ, александрійскимъ гимнасіархомъ, обвиненномъ въ революціи, но, судя по всему, безъ примѣси еврейскихъ безпорядковъ. Все начало документа потеряно, потеряно все изложеніе допроса обвиняемаго и показаній обвинителей, наконецъ мо-

*) Дерзость этого отвѣта станетъ особенно ясной, если вспомнить, какъ грубо и презрительно обращался Калигула съ Клавдіемъ. Въ памфлетѣ на императора Клавдія, приписываемомъ Сенекѣ, императоръ присуждается въ заключительной сценѣ судьей подземнаго царства Эакомъ Калигулѣ въ рабство, такъ какъ рядъ свидѣтелей показалъ, что видѣлъ «какъ Калигула билъ Клавдія плетью и розгами, кормилъ его пощечинами».

тивы и текстъ приговора. До насъ дошелъ только эпилогъ судебнаго разбирательства.

Мы застаемъ подсудимаго въ тотъ моментъ, когда уже отданъ приказъ вести его на казнь. Со своимъ послѣднимъ словомъ Аппіанъ обращается къ какому-то, ближе намъ неизвѣстному Геліодору и говоритъ:

«Геліодоръ, меня ведутъ, а ты ничего не говоришь»?

На это Геліодоръ: «съ кѣмъ же намъ и говорить-то, нѣтъ никого, кто бы насъ выслушалъ; иди, дитя мое, иди, умирай. Слава тебѣ будетъ умереть за дорогую тебѣ родину. Не бойся»!

Реплика Аппіана на это замѣчаніе Геліодора, въ которой, можетъ быть, содержалось оскорбительное замѣчаніе по адресу императора, потеряна. Императора дерзость подсудимаго,—очевидно, только эпилогъ ряда предыдущихъ дерзостей,—задѣваетъ за живое. Онъ зоветъ Аппіана назадъ и говоритъ:

«Развѣ ты не знаешь, съ кѣмъ ты говоришь»?

Аппіанъ: «знаю. Аппіанъ съ тиранномъ».

Императоръ: «не съ тиранномъ, а съ царемъ!»

Аппіанъ: «не говори этого. Богу Антонину, отцу твоему, приличествовало быть императоромъ. Слушай почему: прежде всего онъ былъ философомъ, затѣмъ онъ не былъ корыстенъ, наконецъ онъ любилъ добро. Въ тебѣ же соединено все противоположное этому: тираннія, злодѣйство, некультурность».

Цезарь велитъ увести его. Аппіанъ передъ уходомъ говоритъ:

«Позволь мнѣ изъ милости одно, господинъ мой Цезарь».

Императоръ: «что»?

Аппіанъ: «повели вести меня на казнь въ одеждѣ, соотвѣтствующей моему благородному происхожденію».

Императоръ: «хорошо!»

Аппіанъ надѣваетъ на голову свой тюрбанъ, на ноги бѣлые башмаки. Ведомый въ центрѣ Рима онъ кричитъ:

«Сбѣгайтесь, римляне, смотрите, какъ ведутъ на смерть родовитаго гимнасіарха и посла александрійцевъ!»

Эвокатъ (унтеръ-офицеръ, бывшій среди стражи или, можетъ быть, командовавшій ею) бѣжитъ къ императору и говоритъ ему: «Господинъ мой, сядь! Римляне мятутся»!

Императоръ: «Изъ-за чего»?

На это консулъ: «по поводу казни александрійца».

Императоръ: «пусть его приведутъ сюда».

Аппіанъ, войдя, говоритъ:

«Кто это вновь зоветъ меня, уже во второй разъ стоявшаго у дверей Аида и собиравшагося привѣтствовать погибшихъ до меня Ѳеона, Исидора, Лампона? Сенатъ то былъ или ты, разбойничій атаманъ»?

Императоръ: «Аппіанъ, мы умѣемъ приводить въ разумъ безумцевъ и сумасшедшихъ. Помни, что ты говоришь, только пока на то моя воля».

Аппіанъ: «не безумецъ я, я въ полномъ умѣ, я ратую за мое благородство и требую того, что мнѣ подобаетъ».

Императоръ: «въ какомъ качествѣ»?

Аппіанъ: «въ качествѣ человѣка благороднаго и гимнасіарха».

Императоръ: «ну, а мы по твоему не родовиты»?

Аппіанъ: «этого я не знаю, я говорю о *моемъ* благородствѣ и моихъ правахъ»!

Императоръ: «да развѣ ты и въ самомъ дѣлѣ не знаешь, что и мы благородны»?

Аппіанъ: «ну, если ты не знаешь правды, такъ выслушай ее. Первый Цезарь спасъ Клеопатру...»

Тутъ, къ сожалѣнію, документъ обрывается. Дальше, очевидно, шла, рѣчь объ исторіи римской монархіи и смѣнявшихся на престолѣ династій съ точки зрѣнія александрійскихъ патріотовъ и аристократовъ, египетская версія исторіи имперіи. Потеря именно этой части документа глубоко досадна, она, несомнѣнно, позволила бы намъ заглянуть въ самую сущность тѣхъ идей и представленій, которыя одушевляли александрійскую оппозицію.

Только что разобранный документъ вызываетъ въ каждомъ, привыкшемъ мыслить исторически, цѣлый рядъ недоумѣній. Поражаетъ прежде всего тонъ документа, затѣмъ вульгарный, чисто-народный его языкъ, явно говорящій объ его александрійскомъ происхожденіи, наконецъ, историческая несообразность и невозможность нѣкоторыхъ деталей. Если психологически и понятно первое возвращеніе Аппіана императоромъ, вызванное желаніемъ императора сказать самому заключительное слово въ отвѣтъ на дерзость гимнасіарха, то вполнѣ невозможна вся слѣдующая сцена, сцена смятенія въ Римѣ, доклада эвоката и вторичной бесѣды императора съ Аппіаномъ. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ подлинности факта казни Аппіана, но разсказъ объ этомъ фактѣ, циркулировавшій въ Александріи, очевидно сильно ретушированъ и дополненъ, хотя и восходитъ въ существѣ своемъ къ подлиннымъ протоколамъ судебнаго разбирательства. Вся заключительная сценка, очевидно, изобрѣтена спеціально для того, чтобы ввести потерянную для насъ характеристику римскихъ династій изъ устъ александрійскаго аристократа. Какъ бы тамъ ни было, даже въ этомъ приукрашенномъ видѣ и именно въ этомъ видѣ, документъ для насъ высоко характеренъ. Онъ ясно показываетъ намъ, какъ повторные случаи казни вожаковъ александрійскихъ революцій дѣйствовали на греческое населеніе Египта, какъ эти Ѳеоны, Исидоры, Аппіаны облекались въ ореолъ мучениковъ и какъ о нихъ создавалась цѣлая литература мученическихъ полу-достовѣрныхъ актовъ.

Таковы были александрійскіе революціонеры. Все ихъ поведеніе, всѣ ихъ дѣйствія, весь ихъ складъ говоритъ за то, что это были люди гордые своей культурой, своей старой знатью, своимъ чуднымъ горо-

домъ—Александріей. Каждое слово ихъ дышитъ ненавистью къ некультурнымъ завоевателямъ, къ тиранамъ на престолѣ. Они, очевидно, выросли на традиціяхъ античной гуманности, на идеалѣ греческой культурности, на воспоминаніяхъ о быломъ величіи своемъ и своей родины. Правда, идеалы эти узки и за предѣлы Александріи и своего стараго благородства, своей врожденной культурности не идутъ, но за эти идеалы, каковы бы они ни были, александрійцы идутъ на смерть и идутъ сознательно и безстрашно.

II.

Оппозиція греческихъ философовъ.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ римской имперіи немедленно послѣ ея зарожденія является ея сознательно національный или даже націоналистическій, если не римскій, то италійскій характеръ. Уже самое рожденіе имперіи изъ пламени отчаянной борьбы востока съ западомъ, Октавіана съ Антоніемъ, является очень характернымъ предсказаніемъ той формы, которую приметъ новая государственность. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы эллинизмъ сохранилъ въ организаціи римской имперіи ту же силу, которую онъ имѣлъ въ послѣдній вѣкъ республики. Вся дѣятельность Августа разсчитана для запада и проходитъ на западѣ. Онъ сознательно минуетъ востокъ въ своихъ поѣздкахъ и своей реорганизаціи государства; тамъ, гдѣ онъ принужденъ считаться съ нимъ, видно недоброжелательное къ нему отношеніе, сказывающееся съ особой яркостью на организаціи Египта: эта могущественнѣйшая монархія не получаетъ даже тѣхъ гарантій и той самостоятельности, которую имѣли остальныя эллинистическія государства, сдѣлавшіяся римскими провинціями: ни муниципальной организаціи, съ ея хотя бы кажущейся автономіей, ни провинціальныхъ собраній, съ ихъ правомъ жаловаться на правителя провинціи, ни правителя изъ культурныхъ первыхъ классовъ римскаго гражданства, ни даже самого имени «провинція» Египетъ не получилъ: онъ сдѣлался самой крупной латифундіей, личнымъ помѣстьемъ римскаго императора и управлялъ имъ личный агентъ императора, на обязанности котораго лежало выжимать изъ страны столько, сколько она можетъ дать. Это отношеніе къ Египту въ высшей степени характерно для пониманія основныхъ принциповъ, руководившихъ Августомъ. Онъ хотѣлъ покончить съ принципомъ «Graecia capta feros victores cepit—порабощенная Эллада побѣдила суровыхъ своихъ побѣдителей», онъ хотѣлъ создать національное италійское государство, національную италійскую религію, національную италійскую культуру. Новая имперія должна была опираться на войско, набранное исключительно среди италиковъ, только италикъ могъ быть римскимъ сол-

датомъ, римскимъ легіонеромъ; чтобы создать это войско, нужно было возродить молодежь италійскихъ городовъ, поднять ихъ физическую мощь охотой, военными упражненіями, спортомъ, который въ то время носилъ кровавый характеръ боевъ гладіаторовъ и убійства дикихъ звѣрей на аренахъ амфитеатровъ, и Августъ заводитъ особыя полу-школы, полу-ассоціаціи юношей по всей Италіи. Чтобы выработать италійскую форму монархіи, не пересаживать эллинистическаго царства на римскую почву, нужно было создать modus vivendi на обломкахъ республики при условіи фактической безконтрольности и самодержавія императора, но съ формальнымъ двое или троевластіемъ императора—магистрата, сената и народа; и Августъ создаетъ недолговѣчную и больную форму принципата, носившую въ своемъ существѣ непримиримое противорѣчіе республиканской оболочки съ самодержавнымъ ядромъ. На развалинахъ убитой въ корнѣ эллинскимъ философскимъ скептицизмомъ римской или римско-греческой религіи Августъ пытается создать италійскую религію новаго италійскаго государства, онъ пробуждаетъ къ жизни давно погребенныхъ боговъ муниципальныхъ культовъ, всѣхъ этихъ Консовъ, Семоновъ, Дій и особенно Пенатовъ и Ларовъ, изъ соединенія которыхъ съ культомъ своего генія онъ думаетъ создать государственную религію, подобную культу эллинистическихъ царей; и для поддержанія этого своего созданія онъ возобновляетъ старую форму сакральныхъ магистровъ въ новой оболочкѣ августаловъ.

Сознавая полное отсутствіе самостоятельной литературы и культуры у новаго своего созданія, Августъ нѣжно лелѣетъ и роститъ quasi-италійскій эпосъ Вергилія, quasi-италійскую лирику Горація и Овидія, онъ ухаживаетъ за Варрономъ, этимъ историкомъ его италійскаго государства, этимъ изслѣдователемъ-антикваромъ, добывавшимъ для него и очищавшимъ отъ шелухи времени забытыхъ италійскихъ боговъ и героевъ, создававшимъ традицію божественности Ромула, къ которому при помощи Вергиліева эпоса такъ страстно хотѣлъ примкнуть Августъ въ своей монархической антиэллинской тенденціи.

Но вся дѣятельность Августа въ этомъ направленіи привела только къ кажущимся результатамъ. Италійской культуры и италійскаго народа не было, а слѣдовательно не могло быть и италійскаго государства! Сильна и жива была культура эллинская, и самъ Августъ въ своей безпомощности, создавая и насаждая элементы своего италійскаго принципата, вездѣ и повсюду заимствуетъ для своего д тища, клочки, оторванные отъ стараго ствола эллинизма.

Коллегіи юношей это все та же эллинская эфебія, культъ генія—это плохо скрытый культъ александрійскихъ Птолемеевъ и сирійскихъ Селевкидовъ; для организаціи своей имперіи и даже своей резиденціи, даже своего имущества Августу постоянно приходится черпать изъ сокровищницы эллинизма: пожарные Рима—это та же александрійская

команда, налогъ на наслѣдства—это старая эллинистическая финансовая мѣра, агенты императора, его прокураторы—это тѣ же эллинистическіе чиновники. Наконецъ, и литературу и науку изъ ничего не создашь, и Вергилій оказывается неважной италійской копіей съ Гомера, Горацій всецѣло стоитъ на эллинскихъ образцахъ и Варронъ постоянно оперируетъ съ эллинистическими идеями, методами и, можетъ быть, даже съ собраннымъ александрійскими учеными историческимъ и лингвистическимъ матеріаломъ. Но какъ бы тамъ ни было, а націонализмъ былъ принципомъ, и грекамъ не было легче отъ того, что италійское государство было вороной въ греческихъ павлиньихъ перьяхъ.

И этимъ принципомъ, правда, нѣсколько модифицированнымъ, націонализмъ остается и въ долгое, и мрачное управленіе Тиберія.

Блестящій умъ послѣдняго отпрыска талантливой семьи Германика—Калигулы ясно видѣлъ всю фальшивость возведеннаго Августомъ зданія, Калигула былъ филэллиномъ въ полномъ смыслѣ слова и притомъ такимъ, который видѣлъ или, лучше сказать, прозрѣвалъ суть вещей. Онъ прозрѣвалъ неизбѣжность абсолютизма и проводилъ его въ видѣ своего культа, въ видѣ глумленія надъ сенатомъ и т. д., и т. д. И въ этомъ онъ шелъ по слѣдамъ великаго прародителя имперіи Юлія Цезаря, который, по словамъ Малалы, выстроилъ въ Антіохіи, этомъ главномъ въ то время римскомъ центрѣ эллинизма, императорскій дворецъ, поставилъ тамъ стелу римской Фортунѣ и возобновилъ центръ культа сирійскихъ царей, антіохійскій Пантеонъ. Въ связи съ его египетскими приключеніями и его увлеченіемъ Клеопатрой, съ его мечтами о покореніи пареянъ и созданіи міровой восточной монархіи, это свидѣтельство позволяетъ видѣть уже въ Цезарѣ перваго поборника міровой имперіи на базѣ эллинства.

Но больная натура Калигулы не выдержала величія главы міра и мірового бога и онъ рано сходитъ со сцены, гибнетъ отъ руки Кассія Хэреи въ подземномъ ходѣ своего Палатинскаго дворца. Былъ ли этотъ актъ актомъ сознательной реакціи національной партіи, мы этого не знаемъ, да это и безразлично. Важно то, что Клавдій, этотъ этрусскій историкъ на престолѣ, явно высказываетъ во все время своего правленія свои италійскія симпатіи и свой открытый націонализмъ.

Съ Нерономъ, казалось, наступила филэллинская реакція, но это реакція внѣшняя и кажущаяся. Поверхностный умъ Нерона позволялъ ему даровать свободу Греціи и выступать жрецомъ греческаго искусства во всѣхъ его проявленіяхъ и все-таки не мѣшать своимъ приближеннымъ проводить въ основныхъ вопросахъ старую августовскую политику италійства.

Послѣдней, наиболѣе серьезной вспышкой націонализма была династія Флавіевъ, этихъ италиковъ, муниципальныхъ аристократовъ на престолѣ. Веспасіанъ и Титъ, съ ихъ колоссальнымъ пріютомъ для національныхъ гладіаторовъ и дикихъ звѣрей—римскимъ Колизеемъ. Домиціанъ

съ его острою ненавистью къ эллинскимъ философамъ и страстью къ италійской Минервѣ, этомъ переодѣтомъ изъ Аѳины символѣ италійской культуры, даютъ непрерывную цѣпь націоналистовъ. Но время беретъ свое. Мирная борьба эллинства, постепенное измѣненіе государственности, упадокъ искусственно привитой италійской литературы, науки и искусства и все росшее недовольство эллинства и востока, этой культурной и экономической базы имперіи, раскрываютъ глаза новой династіи Ульпіевъ и Антониновъ на истинное положеніе вещей и на ложь идеи италійскаго, а не мірового на базѣ эллинской культуры государства.

Здѣсь не мѣсто характеризовать подробно этотъ поворотъ въ политикѣ римскихъ императоровъ. Достаточно назвать имена великаго путешественника и принципіальнаго, а не внѣшняго филэллина съ александрійскимъ оттѣнкомъ — Адріана, греческаго философа на римскомъ престолѣ — М. Аврелія, наконецъ полу-восточную династію Северовъ, съ которой я уже выхожу за хронологическія рамки моей программы, чтобы понять и оцѣнить это новое сознательное движеніе на востокъ. И стоитъ только бросить взглядъ на культуру той эпохи, на бѣдность и мертвечину римскихъ научныхъ и литературныхъ продуктовъ и на пышный расцвѣтъ второй софистики, философіи и тѣхъ остатковъ эллинистической точной науки, которые еще продолжали быть въ обиходѣ, чтобы понять, какъ глубоко правы были филэллины на римскомъ престолѣ. Весь этотъ блескъ возрожденія эллинизма покоился на томъ экономическомъ процвѣтаніи востока, на томъ ростѣ муниципальной и провинціальной жизни, который вызвала разумная провинціальная политика всѣхъ императоровъ безъ исключенія и котораго остановить не были въ состояніи никакія націоналистическія попытки. Это возрожденіе греческой націи съ особой интенсивностью сознавалось ею самой, и глубоко правъ Роде, говоря, что съ конца I в. по Р. Хр. замѣчается «живое сознаніе эллинами превосходства своей природы надъ остальными народностями имперіи, особенно же римлянами. Эллины,— продолжаетъ онъ,—начинаютъ съ вновь пробудившейся гордостью сознавать себя настоящими носителями вышедшей изъ ихъ среды міровой культуры, которая въ рукахъ римлянъ выродилось было во внутренне грубую вакханалію наслажденія и безрадостнаго дебоша...»

Съ особой яркостью отразились всѣ эти колебанія императорской политики на отношеніяхъ отдѣльныхъ императоровъ къ высшему, философскому образованію и въ частности къ философамъ, отдѣльнымъ или en masse.

Философія въ жизни римскаго культурнаго общества играла огромную, для насъ, можетъ быть, и не такъ уже непонятную роль. Философія была синтезомъ всѣхъ наукъ и въ ней культурный человѣкъ того времени искалъ не только высшаго, но и вообще знанія; мало того, извѣрившись въ своихъ боговъ, въ національные и чуждые культы,

онъ искалъ въ философіи и откровенія, а такъ какъ она его не давала, то хоть нравственной поддержки своего бытія, регулировки своего отношенія къ себѣ и къ людямъ. Философъ былъ и учителемъ, и духовникомъ римлянина, онъ руководилъ имъ во всѣхъ поступкахъ его, слѣдилъ за его душой, какъ врачъ за его тѣломъ, а мэтръ-д'отель за его кухней. Самостоятельно мыслили и знали очень немногія исключительныя натуры, большинство нанимало себѣ и умъ, и совѣсть. Для большинства, конечно, все это было внѣшностью, но люди вдумчивые и впечатлительные испытывали и глубокое внутреннее вліяніе философской морали и этики. Бурныя времена послѣдняго вѣка республики не особенно позволяли культурному римлянину сосредоточиться и подумать, нужно было дѣйствовать, принимать рѣшенія, бороться. Но настала имперія и тѣ, кто раньше дѣятельно интриговалъ и мало мыслилъ, были поставлены обстоятельствами въ необходимость бездѣйствовать, молчать и найти modus vivendi въ новой обстановкѣ и при новыхъ условіяхъ. Натуры мистическія бросились въ исканіе религіозной истины въ новыхъ для запада и глубокихъ по содержанію восточныхъ религіяхъ, натуры дѣятельныя и практическія поступили на службу къ новому режиму, но былъ и цѣлый рядъ лицъ, въ которыхъ не было ни мистицизма, ни способности примириться, но которыя въ то же время сознавали ненужность и безполезность борьбы съ совершившимся фактомъ и эти лица стали искать руководства и утѣшенія въ греческой философіи и у греческихъ философовъ. Этимъ удрученнымъ общественнымъ настроеніемъ объясняется успѣхъ, которымъ пользовался въ то время стоицизмъ. Уйти въ самого себя, ничѣмъ не смущаться и только пассивно защищать свое «я» отъ нападеній жизни, эти положенія стоицизма какъ нельзя лучше подходили къ настроенію римской аристократіи. Другіе, примирившіеся, искали своего кодекса морали въ приспособленномъ для толпы эпикуреизмѣ.

Казалось, оба господствовавшія ученія не давали особыхъ поводовъ правительству быть недовольнымъ философіей и философами. Если подъ вліяніемъ стоицизма Трасея Пэтъ молчалъ въ сенатѣ и умиралъ мужественно и твердо, когда этого отъ него требовали, если Сенека, наиболѣе плодовитый и самостоятельный провозвѣстникъ принциповъ стоической морали, находилъ въ своемъ удаленіи отъ дѣлъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ стоиками, то это, можетъ быть, и казалось молчаливымъ вызовомъ философской мысли, брошеннымъ печальной дѣйствительности, но не представляло опасности ни для режима, ни для личности императора.

И первые императоры относятся къ философіи безразлично; они казнятъ аристократовъ за ихъ политическія преступленія, но не трогаютъ тѣхъ, кто является руководителями ихъ совѣсти.

Другую картину представляетъ отношеніе императоровъ второй половины вѣка къ философіи. Уже при Неронѣ слышимъ мы о преслѣдо-

ваніяхъ противъ Аполлонія Тіанскаго и друга Сенеки и Пэта Деметрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы присутствуемъ при любопытномъ явленіи: римская оппозиція при Веспасіанѣ, Титѣ и Домиціанѣ мѣняетъ свой характеръ. Главари ея ведутъ себя вызывающе и дерзко: при Веспасіанѣ Гельвидій Прискъ дерзкими и смѣлыми рѣчами накликаетъ на себя смерть, при Домиціанѣ политическія жертвы, публикующія брошюры антиправительственнаго характера, выступающія открыто и не стѣсняясь противъ власти, считаются десятками...

И на ряду съ этимъ мы видимъ изгнаннаго Нерономъ Деметрія въ роли ближайшаго друга и наставника Гельвидія и знаемъ, что въ отвѣтъ на его выходки противъ Веспасіана, тотъ ограничился изгнаніемъ философа и словами: «ты дѣлаешь все, чтобы заставить меня убить тебя, но я не убиваю лающей собаки»; мы слышимъ отъ Діона Кассія, что отношенія Тита къ Береникѣ вызвали рядъ дѣйствій противъ философовъ: «Діогенъ первый вошелъ въ театръ, полный народу, и наговорилъ много дерзостей по адресу Тита и Береники, за что битъ былъ плетьми; Герасъ послѣ него, надѣясь, что и съ нимъ не сдѣлаютъ ничего худшаго, много накричалъ на манеръ циниковъ безсмыслицы, за что ему, однако, отрубили голову». Наконецъ, при Домиціанѣ начинается просто гоненіе на философовъ: преслѣдуемымъ аристократамъ ставятъ въ вину, главнымъ образомъ, ихъ философскія симпатіи и, наконецъ, въ 93 г. изгоняютъ всѣхъ философовъ изъ Рима, а позже, какъ кажется, и изъ Италіи. «Выгнали,—говоритъ Тацитъ,—учителей мудрости; послали въ изгнаніе благородныя дарованія, чтобы не оставалось на глазахъ ничего честнаго».

Чѣмъ же провинилась теперь философія и кто изъ философовъ накликалъ на нее бѣду?

Всѣ источники въ одинъ голосъ называютъ виновниками циниковъ. Но въ чемъ лежала ихъ провинность, въ ихъ ученіи или въ чемъ другомъ?

Послушаемъ источники. Одинъ изъ преслѣдуемыхъ Домиціаномъ философовъ былъ Аполлоній Тіанскій неопиѳагореецъ, изукрашенный позднѣйшей легендой въ полу-чародѣя, полу-святого. Что же онъ сдѣлалъ? Вотъ какъ характеризуетъ преслѣдуемую сторону дѣятельности Аполлонія Филостратъ, его біографъ, создавшій изъ его жизнеописанія скучноватый и напыщенный романъ: при Неронѣ онъ былъ на сторонѣ возставшаго Виндика, онъ не щадитъ въ своей критикѣ и оппозиціи ни самого Нерона, ни его ближайшаго сотрудника Тигеллина. При Домиціанѣ онъ ѣздитъ по провинціямъ и проповѣдуетъ, что сила тиранніи не вѣчна, приводитъ примѣры тираноубійцъ, какъ греческіе, такъ римскіе, позволяетъ себѣ постоянные выходки противъ Домиціана публично и афишируетъ свои симпатіи къ выставляемому общественнымъ мнѣніемъ претенденту, родоначальнику эллинофильства—Нервѣ. Въ этой своей дѣятельности онъ прямо заявляетъ себя идущимъ по слѣдамъ великаго мученика Сократа и постоянно выдвигаетъ свой элли-

низмъ. А вотъ какъ характеризуетъ настроеніе философовъ Эліанъ, префектъ преторіи, въ разговорѣ съ Домиціаномъ: «легковѣсны эти софисты и дерзко ихъ занятіе; не ожидая отъ жизни ничего хорошаго, они жаждутъ смерти и не ждутъ ея прихода, а накликаютъ ее, обращая противъ себя мечи власть имущихъ».

Что же все это такое, какъ не острая вспышка политической оппозиціи, эллинизма противъ италійскаго націонализма? Что такое эти сотни одѣтыхъ въ рубища циниковъ, наводняющихъ площади городовъ и нападающихъ на современный строй, современную мораль и современную религію? Эти бородатые незнакомцы съ сумой черезъ плечо и толстыми плащами на плечахъ. Эти бродячіе аскеты? Они ничто иное, какъ армія протеста, очевидно гдѣ-то организованная и выпущенная постепенно на арену исторіи.

Но гдѣ она организовалась и почему она выбрала форму своего проявленія именно въ видѣ цинизма? Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ глубокихъ знатоковъ античности Бернайсъ, характеризуя первый періодъ распространенія цинизма:

«Циники хотѣли выдѣлиться изъ окружавшаго ихъ общества, которое казалось имъ разлагающимся и выдѣлить оттуда какъ можно большее количество другихъ. Пониманіе того, что старой греческой культурѣ пришелъ конецъ, наполняло душу Діогена, видѣвшаго постепенный ростъ и конечную рѣшительную побѣду грубой македонской силы; говорятъ онъ образно выразилъ это свое убѣжденіе въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ, какъ онъ хочетъ быть погребеннымъ: «лицомъ внизъ, сказалъ онъ, такъ какъ близко то время когда все низменное окажется наверху».

Но насталъ новый расцвѣтъ эллинизма и цинизмъ замолкъ и возродился только тогда, когда вновь настала подобная эпоха надвигающагося и поглощающаго эллинизмъ варварства, и тогда циники выступили, по словамъ Бернайса, «носителями политической оппозиціи, той оппозиціи, которая хотя и была безцѣльна, но была за то тѣмъ ожесточеннѣе».

Мы видимъ, однако, что возродился цинизмъ не сразу съ измѣненіемъ режима, а только въ концѣ I в. Объясненіе этому лежитъ въ слѣдующемъ. Наиболѣе прогрессивная часть эллинизма—александрійское эллинство только недавно лишилось своей самостоятельности. На первыхъ порахъ эллинизмъ былъ задавленъ и только вспышки александрійскихъ революцій показываютъ, что оппозиція эллинства не умерла. Но время шло, эллинскій востокъ собирался цвѣсти новымъ, пышнымъ, хотя и нездоровымъ цвѣтомъ, мирная работа эллинскихъ идей и культуры расчистила почву для побѣднаго шествія эллинизма и въ этотъ какъ разъ моментъ изъ Рима идетъ струя особенно сильнаго націонализма. Эллинство загорается и сила его сказывается въ томъ, что

она проникаетъ въ глубь римскаго общества и снизу, и сверху и пытается поджечь государство со всѣхъ концовъ.

Гдѣ же источникъ этой революціонной струи? Все говоритъ за то, что однимъ изъ главныхъ очаговъ ея надо считать Египетъ и Александгію. Мы слышимъ, что одинъ изъ Деметріевъ былъ въ тѣсной связи съ Александріей, что нѣкій циникъ Агаѳобулъ былъ очень извѣстнымъ и вліятельнымъ александрійскимъ философомъ, особенно же характерны свѣдѣнія о сношеніяхъ Аполлонія съ египетскими гимнософистами, названіе какъ нельзя лучше подходящее къ аскетизму послѣдователей цинизма. Не забудемъ, что и христіанскій аскетизмъ и монашество зародились и окрѣпли въ Египтѣ.

Такъ связываются въ нашей концепціи александрійская оппозиція аристократовъ съ воинствующей оппозиціей философовъ, источникъ ихъ географически одинъ и тотъ же, сходятся и та и другая въ старой александрійской культурѣ, но оппозиція философовъ, конечно, куда шире и глубже, выходя не изъ самознанія кучки, а изъ сознанія своей былой культурной мощи, мощи еще не умершей цѣлой націи.

Дѣятельность Домиціана направленная противъ острой оппозиціи римскаго общества не мало способствовала окончательному укрѣпленію принципа самодержавія, а его столкновеніе съ философами и эллинизмомъ было хорошимъ показателемъ того, какого опаснаго врага пріобрѣла было себѣ монархія въ лицѣ философіи и эллинизма. Этотъ урокъ не прошелъ даромъ для послѣдующаго времени. Начиная съ Нервы, какъ сказано, императоры пытаются примирить эллинизмъ и философію съ Римомъ, что имъ и удается вполнѣ. Преслѣдуемый при Домиціанѣ Діонъ дѣлается другомъ Нервы, при Антонинѣ философы поступаютъ на службу къ государству и за деньги учатъ молодежь конечно не воинствующей философіи, наконецъ, теперь же изъ устъ примирившагося грека Лукіана исходитъ ѣдкое и злобное обличеніе циниковъ. Эллинизмъ и философія окончательно примиряются съ Римомъ, найдя себѣ должную оцѣнку и признаніе. Роль циниковъ въ политической жизни Рима была окончательно сыграна.

Тѣмъ интереснѣе для насъ фигура одного изъ послѣднихъ крупныхъ представителей цинизма Перегрина. Перегринъ современникъ Антонина. Это натура ищущая, ищущая правды и добра, моральнаго возрожденія личности, общества и государства. Въ этотъ періодъ религіознаго шатанія и уже явно сказывавшагося культурнаго упадка онъ бросается изъ стороны въ сторону. Одно время онъ былъ христіаниномъ, но христіанство его не удовлетворило: оно было для него слишкомъ простымъ и не столько мирнымъ, сколько пассивнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ государству и современности. Онъ ищетъ пострадать за христіанство, но на его протестъ не обращаютъ вниманія и отпускаютъ его съ миромъ. Отъ христіанъ онъ бросился къ египетскимъ циникамъ и тамъ нашелъ то, чего искалъ, нашелъ фор-

мулу для своего протеста и, какъ горячій новичокъ, не сознавая того, что пора цинизма прошла, бросился примѣнять эту формулу на дѣлѣ. Онъ ѣдетъ въ Римъ. Здѣсь, по образцу Гельвидія и Деметрія, позволяетъ себѣ дерзкія выходки по адресу императора, но платится за это только высылкой, т.-к. теперь онъ не опасенъ, онъ не могъ найти отклика своему протесту, который находили его предшественники. Тогда онъ надѣется на успѣхъ среди родного ему эллинства, пытается поднять возстаніе въ Греціи, родинѣ своихъ идей, но, кромѣ нѣсколькихъ горячихъ головъ, не находитъ себѣ приверженцевъ.

Правительство такъ мало обращаетъ вниманія на эту дѣтскую попытку, что Перегринъ остается даже безнаказаннымъ и можетъ продолжать проповѣдовать въ пустынѣ. Конецъ свой Перегринъ находитъ въ Олимпіи: онъ выстраиваетъ себѣ невдалекѣ отъ мѣста сборища всей Эллады костеръ и, какъ новый Гераклъ, идеалъ цинической философіи, всходитъ на него и сгораетъ на глазахъ у немногихъ своихъ учениковъ и почитателей.

Трагизмъ положенія Перегрина въ томъ, что онъ пережилъ свое время и что вполнѣ правъ былъ примирившійся кроткій циникъ Демонактъ, когда въ отвѣтъ на упрекъ ему Перегрина въ томъ, что онъ не циникъ (οὐ κυνᾷς), онъ отвѣчалъ ему, а ты, Перегринъ, убилъ въ себѣ все человѣческое (οὐκ ἀνθρωπίζεις).

Отчаянная попытка Перегрина оживить цинизмъ прошла безслѣдно. Циники не исчезли сразу, но для характеристики ихъ мирнаго настроенія достаточно привести тотъ фактъ, что династія Северовъ была очень благосклонна къ аскетамъ циникамъ, находя, что они даютъ хорошій примѣръ выносливости для войска.

Таково было то оппозиціонное движеніе, которое было прямымъ послѣдствіемъ антагонизма между эллинизмомъ востока и романизмомъ запада и которое кончилось сліяніемъ обоихъ руслъ, смѣшеніемъ того, что они несли, и созданіемъ того греко-римскаго міра, который представляетъ изъ себя послѣдній и самый слабый растворъ выработавшейся въ греческихъ политіяхъ культуры.

Намъ остается еще задать себѣ послѣдній вопросъ: правы ли мы были, называя всю ту серію лицъ, которая прошла передъ нами, «мучениками греческой культуры». Древность держалась въ этомъ отношеніи разныхъ взглядовъ.

Александрійцамъ ихъ аристократы и гимнасіархи рисовались несомнѣнно въ ореолѣ мучениковъ. Аполлоній Тіанскій и Перегринъ считались святыми, суевѣрная толпа имъ поклонялась, и Александръ Северъ держалъ даже статуэтку Аполлонія въ своей божницѣ рядомъ съ Юпитеромъ, Августомъ и Христомъ. Но были и такіе, какъ Лукіанъ, которые клеймили Перегрина прозвищемъ шарлатана и лгуна. Одного, думается мнѣ, отрицать нельзя: всѣ эти лица имѣли въ виду идеалъ эллинства въ противуположность варварскому съ ихъ точки зрѣнія

романизму, всѣ они любили этотъ идеалъ и страдали за него, а такъ какъ слова эллинство и культура неотдѣлимы, то они дѣйствительно были мучениками эллинства и культуры. Правда, цинизмъ какъ философское ученіе отрицаетъ культуру, но не принципіально, а только современную, истлѣвшую на ихъ взглядъ, да къ тому же мы видѣли, что цинизмъ въ это время не есть опредѣленное ученіе, а есть маска, надѣтая въ цѣляхъ, ничего общаго съ философіей не имѣющихъ, соединявшая подъ собой и неопиѳагорейца Аполлонія, и стоика Мусонія. И кто этого не сознавалъ, какъ Перегринъ, тому былъ одинъ выходъ — отчаяніе.

Впрочемъ, отчаяніе сквозитъ и въ дѣятельности другихъ эллинскихъ мучениковъ, болѣе прозорливые изъ нихъ видѣли, что идеалъ эллинства и культуры постепенно умираетъ, и въ этомъ глубокая разница между ними и христіанскими мучениками, дѣйствовавшими тѣми же средствами, умиравшими какъ и они съ мужествомъ и самоотреченіемъ, но видѣвшими за собою массу и народъ, носившими въ сердцѣ своемъ вѣру въ свой несложный идеалъ и поэтому надѣявшимися на то, что за ними будущее. Въ актахъ эллинскихъ мучениковъ мы не найдемъ той простой и общепонятной формулы, которая, какъ побѣдный кличъ, проходитъ черезъ ранніе и поздніе, подлинные и пріукрашенные акты христіанскихъ мучениковъ: christianus sum.

Идеалъ эллинскихъ мучениковъ былъ сложнѣе и неопредѣленнѣе, и если бы они говорили только одно «graecus sum», ихъ бы никто не понялъ и не казнилъ.

М. Ростовцевъ.

ИЗЪ БЬЁРНСОНА.

Эй, смѣлѣе гляди, молодецъ!
Вѣдь, не всѣмъ же надеждамъ конецъ;
Много еще ихъ таится во взорѣ,—
Прочь же изъ памяти старое горе!

Да смѣлѣй подымай ты свой взоръ!
Слышишь, птичекъ ликующій хоръ
Громко навстрѣчу тебѣ раздается;
Внемли ему, и отвага проснется!

Прямо въ небо смѣлѣе гляди!
Та же ширь въ молодецкой груди,
Тотъ же просторъ для надеждъ, упованій,
Пѣсенъ и звуковъ, и грёзъ, и желаній!

Всѣ смѣлѣе ихъ въ пѣснѣ излей!..
Чтò зимы безпощаднѣй и злѣй?
Но не сгубить ей живыя всѣ силы:
Знаешь, весною цвѣтутъ и могилы!

Да, смѣлѣе гляди ты впередъ!
Все надеждою въ мірѣ живетъ,
Держится силой ея животворной!
Съ нею въ союзъ ты вступи плодотворный!

Анна Ганзенъ.

ЗАПИСКИ ВРАЧА

(*Окончаніе* *).

XVIII.

Да, не нужно ничего принимать къ сердцу, нужно стоять выше страданій, отчаянія, ненависти, смотрѣть на каждаго больного, какъ на невмѣняемаго, отъ котораго ничего не оскорбительно. Выработается такое отношеніе,—и я хладнокровно пойду къ тому машинисту, о которомъ я разсказывалъ въ прошлой главѣ, и меня не остановитъ у порога мысль о незаслуженной ненависти, которая меня тамъ ждетъ. И часто, часто приходится повторять себѣ: „нужно выработать безразличіе!“ Но это такъ трудно...

Недавно лечилъ я одну молодую женщину, жену чиновника. Мужъ ея, съ нервнымъ, интеллигентнымъ лицомъ, съ странно-тонкимъ голосомъ, перепуганный пріѣхалъ за мною и сообщилъ, что у жены его, кажется, дифтеритъ. Я осмотрѣлъ больную. У нея оказалась фолликулярная жаба.

— Это не опасно?—спросилъ мужъ.

— Нѣтъ. Вѣроятнѣе всего, черезъ день-другой пройдетъ, хотя, впрочемъ, можетъ образоваться и нарывъ.

Черезъ два дня, дѣйствительно, лѣвая миндалина стала нарывать.

— Отчего это? Отчего вдругъ нарывъ сталъ образовываться?—любопытствовалъ мужъ.

Отчего!.. Какъ будто на такой вопросъ кто-нибудь можетъ отвѣтить!..

И мужъ, и жена относились ко мнѣ съ тѣмъ милымъ довѣріемъ, которое такъ дорого врачу и такъ поднимаетъ его духъ; каждое мое назначеніе они исполняли съ серьезною, почти благоговѣйною аккуратностью и тщательностью. Больная пять дней сильно страдала, съ трудомъ могла раскрывать ротъ и глотать. Послѣ сдѣланныхъ мною насѣчекъ опухоль опала, больная стала

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1901 г.

быстро поправляться; но остались мускульныя боли въ обѣихъ сторонахъ шеи. Я приступилъ къ легкому массажу шеи.

— Какъ все у васъ нѣжно и мягко выходитъ!—сказала больная, краснѣя и улыбаясь.—Право, я рада бы все время болѣть, только чтобъ вы меня лечили.

Каждый разъ, по ихъ настойчивымъ приглашеніямъ, я оставался у нихъ пить кофе и просиживалъ часъ-другой; мнѣ это самому было пріятно, съ такимъ дружественнымъ, любовнымъ расположеніемъ оба они относились ко мнѣ.

Дня черезъ два у больной появились боли въ правой сторонѣ зѣва, и температура снова поднялась.

— Ну, что?—спросилъ меня обезпокоенный мужъ.

— Вѣроятно, и въ другой миндалинѣ образуется нарывъ.

— Господи, еще! — проговорила больная, уронивъ руки на колѣни.

Мужъ широко раскрылъ глаза.

— Но отчего же это? — съ изумленіемъ спросилъ онъ. — Кажется, все дѣлалось, что нужно!

Я объяснилъ ему, что предупредить это было невозможно.

— Ахъ, ты, моя бѣдная Шурочка! — нервно воскликнулъ онъ.—Опять, значитъ, все это сначала продѣлывать!

И въ его голосѣ ясно зазвучала враждебная нотка ко мнѣ.

Нарывъ созрѣвалъ медленно-медленно, несмотря на дважды произведенныя мною насѣчки. Опять больной раздуло шею, опять она ничего не могла глотать. Я видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ все холоднѣе встрѣчаютъ меня и мужъ, и жена, какъ все больше сгущается атмосфера какого-то прямо отвращенія ко мнѣ. Теперь мнѣ тяжело было идти къ нимъ, тяжело было осматривать сосредоточенно молчащую больную и дѣлать распоряженія мужу, который выслушивалъ меня, стараясь не смотрѣть въ глаза. Вмѣстѣ съ этимъ у нихъ явилась по отношенію ко мнѣ какая-то преувеличенная, изысканная вѣжливость; ясно чувствовалось недовѣріе и отвращеніе ко мнѣ, но и то, и другое тщательно прикрывалось этою вѣжливостью, которая лишала меня возможности поставить вопросъ прямо и отказаться отъ дальнѣйшаго леченія. Да это, въ сущности, и не было недовѣріемъ: я просто являлся символомъ и спутникомъ всѣмъ надоѣвшаго, всѣхъ истомившаго страданія, и, какъ олицетвореніе этого страданія, я сталъ ненавистенъ и противенъ.

Больная, наконецъ, выздоровѣла. Мы простились наружно очень хорошо; но когда, недѣлю спустя, я встрѣтился съ мужемъ въ фойе театра, онъ вдругъ сдѣлалъ озабоченное лицо и, отвернувшись, быстро прошелъ мимо, какъ будто не замѣтивъ меня.

Нужно ко всему этому привыкнуть, не нужно тяготиться такимъ отношеніемъ, потому что это лежитъ въ самой сути дѣла. Но часто, особенно съ неизлечимыми хроническими больными, вся сила привычки и всѣ усилія воли не могутъ устоять передъ взрывами ярой ненависти отчаявшагося больного къ врачу. Высшую радость для врача составляетъ возможность отвязаться отъ такого больного, но при всей своей ненависти больной часто цѣпко держится за врача и ни за что не хочетъ его перемѣнить. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Италіи, около Милана, произошелъ такой случай. Д-ръ Франческо Бертола лечилъ одного сапожника, находившагося въ послѣдней стадіи легочной чахотки. Состояніе больного все ухудшалось. Потерявъ терпѣніе, онъ сталъ осыпать врача ругательствами, называя его при каждомъ посѣщеніи шарлатаномъ, невѣждою и т. п. Убѣдившись, что больной окончательно его возненавидѣлъ, д-ръ Бертола заявилъ ему, что отъ дальнѣйшаго леченія онъ вынужденъ отказаться. Это рѣшеніе привело больного въ изступленіе. На слѣдующій день онъ подкараулилъ врача на улицѣ.

— Возьметесь вы снова за леченіе или нѣтъ?—спросилъ сапожникъ.

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ всадилъ доктору въ животъ большой кухонный ножъ. Врачъ упалъ съ распоротымъ животомъ; одновременно упалъ и убійца-больной, у котораго хлынула кровь горломъ. Оба были тотчасъ подняты и свезены въ одну и ту же больницу; тамъ оба они и умерли.

Вся дѣятельность врача сплошь заполнена моментами страшнонервными, которые почти безъ перерыву бьютъ по сердцу. Неожиданное ухудшеніе въ состояніи поправляющагося больного, неизлечимый больной, требующій отъ тебя помощи, грозящая смерть больного, всегдашняя возможность несчастнаго случая или ошибки, наконецъ самая атмосфера страданій и горя, окружающая тебя,—все это непрерывно держитъ душу въ состояніи какой-то смутной, неуспокоивающейся тревоги. Состояніе это не всегда сознается. Но вотъ выдастся рѣдкій день, когда у тебя все благополучно: умершихъ нѣтъ, больные всѣ поправляются, отношеніе къ тебѣ хорошее, — и тогда, по неожиданно охватившему тебя чувству глубокаго облегченія и спокойствія, вдругъ поймешь, въ какомъ нервно-приподнятомъ состояніи живешь все время. Бываетъ, что совершенно падаютъ силы нести такую жизнь; охватитъ такая тоска, что хочется бѣжать, бѣжать подальше, всѣхъ сбыть съ рукъ, хоть на время почувствовать себя свободнымъ и спокойнымъ.

Такъ жить всегда невозможно. И вотъ кое къ чему у меня ужъ начинаетъ вырабатываться спасительная привычка. Я ужъ

не такъ, какъ прежде, страдаю отъ ненависти и несправедливости больныхъ, меня не такъ ужъ рѣжутъ по сердцу ихъ страданія и безпомощность. Тяжелые больные особенно поучительны для врача; раньше я не понималъ, какъ могутъ товарищи мои по больницѣ всего охотнѣе брать себѣ палаты съ „интересными" трудно-больными; я, напротивъ, всячески старался отдѣлываться отъ такихъ больныхъ: мнѣ было тяжело смотрѣть на эти изсохшія тѣла съ отслаивающимся мясомъ и загнивающею кровью, тяжело было встрѣчаться съ обращенными на тебя надѣющимися взглядами, когда такъ ничтожно-мало можешь помочь. Постепенно я съ этимъ свыкся.

Сталъ я свыкаться и вообще съ той атмосферой постоянныхъ страданій, въ которой приходится жить и дѣйствовать. Я чувствую, что во мнѣ постепенно начинаетъ вырабатываться совершенно особенное отношеніе къ больнымъ: я держусь съ ними мягко и внимательно, добросовѣстно стараюсь сдѣлать все, что могу, но—съ глазъ долой, и съ сердца долой. Я сижу дома въ кружкѣ добрыхъ знакомыхъ, болтаю, смѣюсь; нужно съѣздить къ больному; я ѣду, дѣлаю, что нужно, утѣшаю мать, плачущую надъ умирающимъ сыномъ; но, воротившись, я сейчасъ же вхожу въ прежнее настроеніе, и на душѣ не остается мрачнаго слѣда. „Больной", съ которымъ я имѣю дѣло, какъ врачъ,—это нѣчто совершенно другое, чѣмъ просто больной человѣкъ. — даже не близкій, а хоть сколько-нибудь знакомый; за этихъ я способенъ болѣть душою, чувствовать вмѣстѣ съ ними ихъ страданіе, по отношенію же къ первымъ способность эта все больше исчезаетъ; и я могу понять одного моего пріятеля-хирурга, гуманнѣйшаго человѣка, который, когда больной вопитъ подъ его ножомъ, съ совершенно искреннимъ изумленіемъ спрашиваетъ его:

— Чудакъ, чего-жъ ты кричишь?

Мнѣ понятно, какъ Пироговъ, съ его чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, могъ позволить себѣ ту возмутительную выходку, о которой онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Только однажды въ моей практикѣ,—пишетъ онъ,—я такъ грубо ошибся при изслѣдованіи больного, что, сдѣлавъ камнесѣченіе, не нашелъ въ мочевомъ пузырѣ камня. Это случилось именно у робкаго, богобоязненнаго старика; раздосадованный на свою оплошность, я былъ такъ неделикатенъ, что измученнаго больного нѣсколько разъ послалъ къ чорту.

„— Какъ это вы Бога не боитесь,—произнесъ онъ томнымъ, умоляющимъ голосомъ,—и призываете нечистаго злого духа, когда только имя Господне могло бы облегчить мои страданія!"

Это—странное свойство души притупляться подъ вліяніемъ привычки въ совершенно опредѣленномъ, часто очень узкомъ от-

ношеніи, оставаясь во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ неизмѣнною. Раньше я не могъ себѣ представить, а теперь убѣжденъ, что даже тюремщикъ и палачъ способны искренно и горячо откликаться на все доброе, если только это доброе лежитъ внѣ сферы ихъ спеціальности.

Я замѣчаю, какъ все больше начинаю привыкать къ страданіямъ больныхъ, какъ въ отношеніяхъ съ ними я руководствуюсь не непосредственнымъ чувствомъ, а головнымъ сознаніемъ, что держаться слѣдуетъ такъ-то. Это привыканіе даетъ мнѣ возможность жить и дышать, не быть постоянно подъ впечатлѣніями мрачнаго и тяжелаго; но такое привыканіе врача въ то же время возмущаетъ и пугаетъ меня,—особенно тогда, когда я вижу его обращеннымъ на самого себя.

Ко мнѣ пріѣхала изъ провинціи сестра; она была учительницею въ городской школѣ, но два года назадъ должна была уйти вслѣдствіе болѣзни: отъ переутомленія у нея развилось полное нервное истощеніе; слабость была такая, что дни и ночи она лежала въ постели, звонокъ вызывалъ у нея припадки судорогъ, спать она совсѣмъ не могла, стала злобною, мелочною и раздражительною. Двухгодичное леченіе не повело ни къ чему. И вотъ она пріѣхала къ столичнымъ врачамъ. Я не узналъ ее, такъ она похудѣла и поблѣднѣла; глаза стали большіе, окруженные синевою, съ страннымъ нервнымъ блескомъ; прежде энергичная, полная жажды дѣла, она была теперь вяла и равнодушна ко всему. Я поѣхалъ съ нею къ знаменитому невропатологу.

Намъ долго пришлось дожидаться, пріемъ былъ громадный. Наконецъ, мы вошли въ кабинетъ. Профессоръ, съ веселымъ, равнодушнымъ лицомъ, сталъ разспрашивать сестру; на каждый ея отвѣтъ онъ кивалъ головою и говорилъ: „прекрасно!“ Потомъ сѣлъ писать рецептъ.

— Могу я надѣяться на выздоровленіе? — спросила сестра дрогнувшимъ голосомъ.

— Конечно, конечно!—благодушно отвѣтилъ профессоръ.— Тысячи тѣмъ же больны, чѣмъ вы,—поправитесь! Вотъ мы вамъ назначимъ ванны, два раза въ недѣлю, потомъ...

Мнѣ становилось все противнѣе смотрѣть на это веселое, равнодушное лицо, слушать этотъ тонъ, какимъ говорятъ только съ маленькими дѣтьми. Вѣдь тутъ цѣлая трагедія: полгода назадъ мать, случайно вошедши къ сестрѣ, вырвала изъ ея рукъ морфій, которымъ она хотѣла отравиться, чтобъ не жить недужнымъ паразитомъ... И вотъ этотъ противный тонъ, эта развязность, показывающая, какъ мало дѣла всѣмъ постороннимъ до этой трагедіи.

Сестра стояла молча, и изъ ея глазъ непроизвольно текли

крупныя слезы; гордая, она досадовала, что не можетъ ихъ удержать, и онѣ капали еще чаще. Ея большое горе было опошлено и измельчено, такихъ, какъ она,—тысячи, и ничего въ ея горѣ нѣтъ ни для кого ужаснаго... А она такъ ждала его совѣта, такъ надѣялась!

— Ну, во-отъ!.. Ну, это, барышня, ужъ совсѣмъ нехорошо!—воскликнулъ профессоръ, увидѣвъ ея слезы. — Ай-ай-ай, какой срамъ! Плакать, а!.. Полноте, полноте!..

И опять все въ его тонѣ говорило, что профессоръ каждый день видитъ десятки такихъ плачущихъ, и что для него эти слезы—просто капли соленой воды, выдѣляемыя изъ слезныхъ железокъ расшатанными нервами.

Мы молча вышли, молча сѣли на извозчика. Сестра наклонилась, прижала къ губамъ муфту—и вдругъ разрыдалась, злобно давя рыданія и все-таки не въ силахъ ихъ сдержать.

— Не стану я принимать его глупыхъ лекарствъ!—воскликнула она и, выхвативъ рецептъ, разорвала его въ клочки. Я не протестовалъ; у меня въ душѣ было то же чувство, и всякая вѣра пропала въ леченіе, назначенное этимъ равнодушнымъ, самодовольнымъ человѣкомъ, которому такъ мало дѣла до чужого горя...

А вечеромъ въ тотъ же день я думалъ: гдѣ же найти границу, при которой могли бы жить и врачъ, и больной, и съумѣю ли я самъ всегда удержаться на этой границѣ?..

XIX.

Какъ-то ночью ко мнѣ въ квартиру раздался сильный звонокъ. Горничная сообщила мнѣ, что зовутъ къ больному. Въ передней стоялъ высокій, угреватый молодой человѣкъ въ фуражкѣ почтоваго чиновника.

— Пожалуйста, докторъ, нельзя ли поскорѣе посѣтить больную!—взволнованно заговорилъ онъ.—Дама одна умираетъ... Тутъ недалеко, сейчасъ за угломъ...

Я одѣлся, и мы пошли съ нимъ.

— Что случилось съ вашею больною? Давно она больна?—спросилъ я своего спутника.

Онъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Прямо не понимаю!.. Что такое, Господи!.. Она — жена моего товарища, я у нихъ живу въ нахлѣбникахъ... Вечеромъ пріѣхала съ мужемъ изъ гостей,—шутила, смѣялась. А сейчасъ мужъ будитъ меня, говоритъ,—помираетъ, послалъ за вами... Отчего это случилось, положительно не могу опредѣлить!

Мы поднялись на четвертый этажъ по темной и крутой лѣстницѣ, освѣщая дорогу спичками. Спутникъ мой быстро позвонилъ.

Намъ открылъ дверь молодой смуглый мужчина съ черною бородкою, въ одной жилеткѣ.

— Докторъ... Ради Бога!..—прорыдалъ онъ.—Поскорѣе!..

Онъ ввелъ меня въ спальню. На широкой двухспальной кровати, согнувшись, головою къ стѣнѣ, неподвижно лежала молодая женщина. Я взялся за пульсъ,—рука была холодна и тяжела, пульса не было; я положилъ молодую женщину на спину, посмотрѣлъ глазъ, выслушалъ сердце... Она была мертва. Я медленно выпрямился.

— Ну, что?—спросилъ мужъ.

Я съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Умерла?! — захлебнулся онъ — и вдругъ, глядя на меня остановившимися, выпученными глазами, быстро, коротко зарыдалъ, словно залаялъ; онъ какъ будто не могъ оторвать взгляда отъ моихъ глазъ, трясясь и рыдая этимъ страннымъ, отрывистымъ, похожимъ на быстрый лай рыданіемъ.

— Успокойтесь... Ну, что же дѣлать!—сказалъ я, кладя ему руку на рукавъ.

Онъ тяжело опустился на стулъ и, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, схватился за голову. Стоявшая у комода дѣвушка въ ночной кофтѣ и вязаной юбкѣ громко заплакала.

Умершая холодѣла. Молодая и прекрасная, въ обшитой кружевами рубашкѣ, она лежала средь смятыхъ простынь, еще, казалось, полныхъ тепломъ постели.

— Какъ все это произошло?—спросилъ я.

— Совсѣмъ была здорова!—выкрикнулъ мужъ. — Вчера изъ гостей пріѣхали... Ночью просыпаюсь, вижу, лежитъ какъ-то бокомъ. Тронулъ ее за плечо,—не шевелится, холодная... Господи, Господи, Господи!—повторялъ онъ, крутя на себѣ волосы.—Оо-оо-оо!.. Ваня, да что же это такое?!

Мой спутникъ жалко заморгалъ глазами.

— Ну, голубчикъ! Сережа!... Ну, что же дѣлать!—печально и упрашивающе произнесъ онъ.—Божья воля! Вонъ у Чепракова, самъ знаешь, то же было,—что-жъ подѣлаешь противъ Бога?

— Да вѣдь... Сейчасъ только!.. На-астенька! Настя!..

Дѣвушка одѣлась и пошла послать дворника за матерью умершей. Товарищъ продолжалъ утѣшать мужа. Мнѣ было нечего дѣлать, я всталъ уходить.

— Сейчасъ, докторъ! Одну минутку... будьте добры!—быстро проговорилъ мужъ.

Продолжая рыдать, онъ поспѣшно выдвинулъ ящикъ комода, порылся въ немъ и протянулъ мнѣ три рубля.

— Не надо!—сказалъ я, нахмурившись и отводя его руку.

— Нѣтъ, докторъ, какъ же такъ?—встрепенулся онъ.—Съ какой стати? Нѣтъ ужъ, пожалуйста!..

Пришлось взять. Я воротился домой. Мнѣ было тяжело и обидно, полученные три рубля жгли мнѣ карманъ: какимъ грубымъ и рѣзкимъ диссонансомъ они ворвались въ ихъ горе! Мнѣ представлялось, что такъ у меня на глазахъ умерла моя жена,—и въ это время искать какіе-то три рубля, чтобъ заплатить врачу! Да будь всѣ врачи ангелами,—одно это оплачиваніе ихъ помощи въ то время, когда кажется, что весь міръ долженъ замереть отъ горя,—одно это способно внушить къ нимъ брезгливое и враждебное чувство. Такое именно чувство, глядя на себя со стороны, я и испытывалъ къ себѣ.

О, эта плата! Какъ много времени должно было пройти, чтобъ хоть сколько-нибудь свыкнуться съ нею! Каждый твой шагъ отмѣчается рублемъ, звонъ этого рубля непрерывно стоитъ между тобою и страдающимъ человѣкомъ. Сколько осложненій онъ вызываетъ въ отношеніяхъ, какъ часто мѣшаетъ дѣлу и связываетъ руки...

Особенно тяготилъ меня первое время самый способъ оцѣнки врачебнаго труда,—плата врачу не за *излеченіе*, а просто за *леченіе*. При теперешнемъ состояніи науки иначе и быть не можетъ; но все-таки казалось дикимъ и безсмысленнымъ получать деньги за трудъ, не принесшій никому пользы. Года три назадъ одинъ ліонскій врачъ лечилъ больную внутриматочными впрыскиваніями іода; больная не поправлялась. Мужъ больной, состоятельный человѣкъ, вмѣсто уплаты гонорара предъявилъ къ врачу искъ въ 10.000 франковъ за причиненный якобы вредъ здоровью его жены. Судъ отказалъ истцу въ искѣ и приговорилъ его уплатить врачу шестьсотъ франковъ за леченіе, *такъ какъ врачъ при леченіи употреблялъ способъ, выработанный наукою, и поэтому не можетъ быть отвѣтственъ за неудачу леченія.*

Ну, а чѣмъ же виноватъ больной, который обращается къ врачу за помощью, а долженъ платить ему за удовольствіе безрезультатно лечиться по „способу, выработанному наукою“? Сганарель въ мольеровскомъ „Le médecin malgré lui“ говоритъ: „Я нахожу, что ремесло врача—самое выгодное изъ всѣхъ; дѣлаешь ли ты свое дѣло хорошо или худо, тебѣ всегда одинаково платятъ. Неудача никогда не обрушивается на наши спины, и мы кроимъ, какъ намъ угодно, матерію, надъ которою работаемъ. Если башмачникъ, дѣлая башмаки, испортитъ кусочекъ кожи, онъ долженъ будетъ заплатить убытки; но здѣсь можно испортить человѣка, ничѣмъ не платясь за это“. Въ этихъ словахъ Сганареля, какъ и вообще у Мольера, много убійственно-вѣрнаго. Дѣло только въ томъ, что для насмѣшки тутъ совершенно нѣтъ мѣста: передъ нами опять одна изъ тѣхъ сложныхъ, тяжелыхъ несо-

образностей, которыми такъ томительно-обильно врачебное дѣло. Ліонскій судъ нашелъ, что обвиняемый врачъ „употреблялъ способъ, выработанный наукою, и поэтому не можетъ быть отвѣтственъ за неудачу леченія“. Мольеръ устами субретки Туанетты (въ „Le malade imaginaire“) насмѣшливо замѣтитъ: „Ну, конечно! Вы, врачи, находитесь при больныхъ только для того, чтобъ получать ваши гонорары и дѣлать назначенія; а остальное — ужъ дѣло самихъ больныхъ: пусть поправляются, если могутъ“. И на это приходится совершенно серьезно отвѣтить словами, которыми у Мольера каррикатурный докторъ Діафойрусъ отвѣчаетъ Туанеттѣ: „Celà est vrai. On n'est obligé qu'à traiter les gens dans les formes“. Да, именно,—мы только обязаны лечить людей по всѣмъ правиламъ науки. И не наша вина, что эта наука такъ несовершенна. Если бы врачъ получалъ вознагражденіе только за успѣшное леченіе, то, щадя свой трудъ, онъ не сталъ бы браться за леченіе сколько-нибудь серьезной болѣзни, такъ какъ поручиться за ея излеченіе онъ никогда не можетъ.

Вначалѣ вообще всякая плата, которую мнѣ приходилось получать за мой врачебный совѣтъ, страшно тяготила меня; она принижала меня въ моихъ собственныхъ глазахъ и грязнымъ пятномъ ложилась на мое дѣло. Я не понималъ, какъ могли западно-европейскіе врачи дойти до такого цинизма, чтобъ ввести въ обычай посылку паціентамъ счетовъ за леченіе. Счетъ за леченіе! Какъ будто врачъ — торговецъ, и его отношенія къ паціенту можно усчитывать, словно какую-нибудь бакалею, франками и марками! Какъ вольтеровскій идеальный врачъ, я принималъ плату „не иначе, какъ съ сожалѣніемъ“, и пользовался всякимъ предлогомъ, чтобъ отказаться отъ нея. Первые два года я нанималъ въ Петербургѣ комнату отъ хозяйки. Хозяйка часто обращалась къ моей врачебной помощи и первое время при прощаніи вручала мнѣ деньги.

— Полноте! Что вы? — оскорбленнымъ голосомъ говорилъ я и втискивалъ деньги обратно въ ея ладонь.

Хозяйка, скрывая улыбку, прятала деньги въ карманъ; а я изъ ея просторной спальни шелъ въ свою узкую и темную комнату возлѣ кухни и садился за переписку, по пятнадцать копѣекъ съ листа, какого-то доклада объ элеваторахъ, чтобъ заработать денегъ на плату той же хозяйкѣ за свою комнату.

Древне-русскіе иноки-цѣлители не знали платы за леченіе; они были „врачами безмездными“. На мой взглядъ, эта „безмездность“ необходимо должна была лежать въ основѣ высокой дѣятельности каждаго врача. Плата — это лишь печальная необходимость, и чѣмъ меньше она будетъ замѣшиваться въ отношенія между врачомъ и больнымъ, тѣмъ лучше; она дѣлаетъ эти

отношенія неестественными и напряженными, и часто положительно связываетъ руки. Больной поправляется, но онъ еще слабъ, за нимъ необходимо внимательно слѣдить; а близкіе вѣжливо говорятъ мнѣ: „Теперь ему, слава Богу, лучше; если станетъ хуже, вы ужъ будьте добры, не откажитесь снова навѣстить насъ". На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: „Я долженъ продолжать навѣщать его и теперь, — сами вы не въ состояніи опредѣлить, когда ему понадобится моя помощь". Но это значило бы въ то же время: „Продолжай платить мнѣ за визиты". И единственнаго нужнаго отвѣта не даешь, и оставляешь больного на произволъ судьбы.

Когда я читалъ въ газетахъ, что какой-нибудь врачъ взыскиваетъ съ паціента гонораръ судомъ, мнѣ становилось стыдно за свою профессію, въ которой возможны такіе люди; мнѣ ясно рисовался образъ этого врача,—черстваго и алчнаго, видящаго въ страданіяхъ больного человѣка лишь возможность получить съ него столько-то рублей. Зачѣмъ онъ пошелъ во врачи? Шелъ бы въ торговцы или подрядчики, или открылъ бы кассу ссудъ.

Я вступилъ въ жизнь. Я ближе увидѣлъ отношеніе больныхъ къ врачамъ, ближе узналъ своихъ товарищей-врачей. И постепенно прежніе мои взгляды стали значительно мѣняться. У меня былъ товарищъ-врачъ, спеціалистъ по массажу. Онъ въ теченіе двухъ лѣтъ лечилъ семью одного богатаго коммерсанта. Коммерсантъ, очень интеллигентный господинъ и вполнѣ „джентльменъ", задолжалъ товарищу около двухсотъ рублей. Прошло полгода. Товарищу были очень нужны деньги; онъ написалъ коммерсанту вѣжливое письмо, гдѣ просилъ его прислать деньги. Коммерсантъ въ тотъ же день самъ пріѣхалъ къ нему, привезъ деньги и разсыпался въ извиненіяхъ.

— Ради Бога, докторъ, простите!.. Мнѣ такъ неловко, что я заставилъ васъ ждать! Совсѣмъ изъ головы вонъ. Знаете, такая масса дѣлъ,—то, другое, поневолѣ иной разъ забудешь! Пожалуйста, простите,—виноватъ!

Но все время онъ называлъ товарища не по имени и отчеству, а „докторъ", все время держался съ тою изысканною вѣжливостью, которою люди прикрываютъ свое брезгливое отношеніе къ человѣку.

Съ этихъ поръ коммерсантъ пересталъ обращаться за помощью къ товарищу. Въ своихъ дѣлахъ онъ, конечно, не считалъ предосудительнымъ предъявлять кліентамъ векселя и счеты; но врачъ,—врачъ, который въ свое дѣло замѣшиваетъ деньги... Такой врачъ, въ его глазахъ, не стоялъ на высотѣ своей профессіи.

Поведеніе коммерсанта поразило меня и заставило сильно задуматься; оно было безобразно и безсмысленно, а между тѣмъ

въ основѣ его лежалъ именно тотъ возвышенный взглядъ на врача, который цѣликомъ раздѣлялъ и я. По мнѣнію коммерсанта, врачъ долженъ стыдиться,—чего? Что ему нужно ѣсть и одѣваться, и что онъ требуетъ вознагражденія за свой трудъ! Врачъ можетъ весь свой трудъ отдавать обществу даромъ, но кто же сами-то эти безкорыстные и самоотверженные люди, которые считаютъ себя въ правѣ требовать этого отъ врача?

Да, за свой трудъ, какъ всякій работникъ, врачъ имѣетъ право получать вознагражденіе, и ему нечего стыдиться этого; ему нечего принимать плату тайно и конфузливо, какъ какую-то позорную, незаконную взятку. Обществу извѣстны свѣтлые образы самоотверженныхъ врачей-безсребренниковъ, и такими оно хочетъ видѣть всѣхъ врачей. Желаніе, конечно, вполнѣ понятное; но вѣдь было бы еще лучше, если бы и само общество состояло сплошь изъ идеальныхъ людей. Средній врачъ есть обыкновенный средній человѣкъ, и отъ него можно требовать лишь того, чего можно требовать отъ средняго человѣка. И если онъ не желаетъ трудиться даромъ, то какое право имѣютъ клеймить его за корыстолюбіе люди, которые свой собственный трудъ умѣютъ оцѣнивать весьма зорко и старательно?

Не такъ давно г. Эмъ-Ге разсказывалъ въ газетѣ „Сынъ Отечества“, какъ одинъ его знакомый обратился къ нему съ просьбою „пропечатать“ въ газетѣ врача, подавшаго на этого знакомаго въ судъ за неуплату гонорара.

— А отчего вы не заплатили ему? — спросилъ сотрудникъ газеты.

— Да такъ, знаете, — праздники подходятъ, дачу нанимать, дѣтямъ лѣтніе костюмчики, ну, все такое прочее...

Вотъ она, обратная сторона возвышеннаго взгляда общества на врачей. Врачъ долженъ быть безкорыстнымъ подвижникомъ,— ну, а мы, простые смертные, будемъ на его счетъ нанимать себѣ дачи и веселиться на праздникахъ. Одинъ врачъ разсказалъ мнѣ такой случай изъ своей практики:

„Пріѣзжаетъ ко мнѣ дама, проситъ навѣстить ея больного сына. Ѣду. Небольшая, но очень уютная и милая квартирка; сынъ-гимназистъ лежитъ въ тифѣ. Я спрашиваю, лечилъ ли его кто-нибудь раньше. Мать брезгливо поморщилась.

„— Да, говоритъ, его д-ръ N. лечилъ... Скажите, пожалуйста, докторъ, отчего среди врачей такъ много безсердечныхъ, корыстолюбивыхъ людей? Этотъ д-ръ N. пріѣхалъ разъ, осмотрѣлъ Васю; приглашаю его во второй разъ,—я, говоритъ, ужъ знаю его болѣзнь, могу и такъ, не видя, прописать вамъ рецептъ...

„Я согласился, что это очень нехорошо. Осмотрѣлъ мальчика, назначилъ леченіе, ухожу. Мать провожаетъ меня, благодаритъ

и... ничего! Пожала руку, „очень вамъ благодарна",—только и всего. Дня черезъ три является снова звать меня.

„— Я, говорю, ужъ знаю болѣзнь вашего мальчика, могу и такъ, не видя, прописать вамъ рецептъ...

„Барыня взяла рецептъ, въ негодованіи встала и, не прощаясь, ушла".

Барыня эта, конечно, много и горячо будетъ всѣмъ разсказывать о корыстолюбіи нашихъ врачей. И удивительно, съ какою увѣренностью въ своей правотѣ распространяютъ свои разсказы подобные люди, и съ какимъ сочувствіемъ встрѣчаетъ общество эти разсказы. Въ № 248 „Рижскаго Вѣстника" за 1892 годъ было помѣщено письмо г-на А. Иванова слѣдующаго содержанія:

„21-го сентября сего года, по случаю болѣзни моей дочери, былъ приглашенъ ко мнѣ въ домъ д-ръ Гордонъ. Пробывъ минутъ десять у больной, г. Гордонъ уѣхалъ, съ обѣщаніемъ пріѣхать на другой день опять. За визитъ ему было заплачено одинъ рубль. Черезъ полчаса послѣ его ухода моя дочь получаетъ отъ него визитную карточку, на которой написано слѣдующее: „Милостивая Государыня! Въ виду неопасности вашего положенія совѣтую вамъ впредь обращаться къ врачу поближе. Я же меньше, чѣмъ за три рубля, не ѣду на домъ и меньше, чѣмъ за два, не принимаю у себя. Пребываю съ почтеніемъ Л. Гордонъ". Не мѣшало бы г. Гордону, печатая о себѣ объявленія въ газетахъ, прибавлять къ нимъ также свою таксу визитовъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ ошибаться въ своихъ разсчетахъ".

„Трудъ врача,—писалъ въ своемъ возраженіи д-ръ Гордонъ,— не можетъ правильно оцѣниваться опредѣленнымъ, разъ навсегда положеннымъ гонораромъ. Безсонная ночь, проведенная у постели бѣдняка-больного, вполнѣ оплачивается сознаніемъ исполненнаго долга; пользуя же больного состоятельнаго, врачъ въ правѣ претендовать и на соотвѣтствующую труду его матеріальную оцѣнку. У врача, безъ сомнѣнія, много святыхъ обязанностей въ отношеніи ближняго; но должны же быть кое-какія обязанности и по отношенію къ врачу со стороны больного или окружающихъ его... Перехожу къ случаю, бывшему въ моей практикѣ. 21-го сентября сего года меня просили „немедленно поѣхать" къ больной на Курмановскую улицу, на Московскій форштатъ, что я исполнилъ по возможности скоро. У постели больной я, ничуть не спѣша, остался ровно столько, сколько требовалъ на мой взглядъ данный случай. По пріѣздѣ домой я расплатился съ извозчикомъ, которому пришлось отдать бо́льшую половину гонорара. Остаткомъ отъ рублеваго гонорара я, дѣйствительно, остался недоволенъ. Въ виду кропотливости дальнѣйшаго леченія хроническаго стра-

*

данія больной, я рѣшился предложить ей свои условія, на которыя ей вольно было соглашаться, или нѣтъ".

Этотъ случай очень характеренъ. Господинъ А. Ивановъ,—замѣтьте, человѣкъ состоятельный,—заставляетъ врача „немедленно" пріѣхать къ себѣ съ другого конца такого большого города, какъ Рига, потраченное врачомъ время оплачиваетъ тридцатью-сорока копѣйками,—и не себя, а врача же пригвождаетъ къ позорному столбу за корыстолюбіе! И газета печатаетъ его письмо, и читатели возмущаются врачомъ...

Будучи даже обыкновеннымъ среднимъ человѣкомъ, врачъ все-таки, въ силу самой своей профессіи, дѣлаетъ больше добра и проявляетъ больше безкорыстія, чѣмъ другіе люди. Единственный кормилецъ семьи тяжело боленъ, семья голодаетъ,—врачъ не беретъ платы за леченіе. Несомнѣнно, что и всякій другой сколько-нибудь порядочный человѣкъ при такихъ обстоятельствахъ не взялъ бы денегъ. Разница только та, что другой *не взялъ бы*, а врачъ *не беретъ*. Это очень немалая разница. Для обыкновеннаго средняго человѣка доброе дѣло есть нѣчто экстраординарное и очень рѣдкое, для средняго врача оно совершенно обычно. У большинства врачей есть пріемные часы для безплатныхъ больныхъ, въ большинствѣ городовъ существуютъ безплатныя амбулаторіи, и никогда нѣтъ недостатка въ врачахъ, соглашающихся работать въ нихъ даромъ. По подсчету проф. Сикорскаго, въ главнѣйшихъ амбулаторныхъ пунктахъ г. Кіева (Красный Крестъ, Покровская община и др.) было подано въ 1895 году свыше 138.000 безплатныхъ врачебныхъ совѣтовъ. Если оцѣнить каждый совѣтъ только въ 25 коп., если допустить, что у себя на дому и при посѣщеніяхъ врачи со всѣхъ берутъ плату, то все-таки выйдетъ, что двѣсти кіевскихъ врачей ежегодно жертвуютъ на бѣдныхъ около тридцати пяти тысячъ рублей... Читатель, сколько въ годъ жертвуете на бѣдныхъ вы?

Если бы люди всѣхъ профессій,—адвокаты, чиновники, фабриканты, помѣщики, торговцы,—дѣлали для несостоятельныхъ людей столько же, сколько въ предѣлахъ своей профессіи дѣлаютъ врачи, то самый вопросъ о бѣдныхъ до нѣкоторой степени потерялъ бы свою остроту. Но суть въ томъ, что врачи должны быть безкорыстными, а остальные... остальные могутъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ требовать этого безкорыстія отъ врачей.

Лѣтъ двадцать назадъ въ Кіевѣ произошелъ такой случай. Д-ръ Проценко былъ приглашенъ на домъ къ одному больному; онъ осмотрѣлъ его, но, узнавъ, что у больного нѣтъ средствъ заплатить за визитъ, ушелъ, не сдѣлавъ назначенія. Докторъ былъ привлеченъ къ суду и приговоренъ къ штрафу и аресту на мѣсяцъ на гауптвахтѣ. Многочисленная публика, наполнявшая

судебный залъ, встрѣтила приговоръ аплодисментами и криками: „браво!"

Поступокъ д-ра Проценко былъ возмутителенъ,—объ этомъ не можетъ быть и спору; но вѣдь интересна и психологія публики, горячо поаплодировавшей обвинительному приговору—и спокойно разошедшейся послѣ этого по домамъ: расходясь, она говорила о жестокосердномъ корыстолюбіи врачей, но ей и въ голову не пришло хоть грошомъ помочь тому бѣдняку, изъ-за котораго былъ осужденъ д-ръ Проценко. Я представляю себѣ, что этотъ бѣднякъ умѣлъ логически и послѣдовательно мыслить. Онъ подходитъ къ первому изъ публики и говоритъ:

— Какъ вы слышали, на судѣ было съ несомнѣнностью доказано, что я бѣденъ и не имѣлъ средствъ заплатить врачу; вы легко догадаетесь, что мнѣ нужно не только лечиться, но и ѣсть, дѣти мои тоже голодаютъ... Потрудитесь дать мнѣ рубля два-три.

— Прежде всего, голубчикъ, если ты этого *требуешь*, то я тебѣ ничего не дамъ,—отвѣчаетъ господинъ, нѣсколько удивленный такою развязностью.—А если ты *просишь*, то, пожалуй, для спасенія своей души я дамъ тебѣ пятачокъ; возьми и поминай раба Божія такого-то.

— Нѣтъ-съ, я не прошу, а требую, и не какого-нибудь пятачка, а по крайней мѣрѣ рубля два-три. Визитъ врача стоитъ около этого, а вы видѣли, что съ нимъ сдѣлали за то, что онъ отказалъ мнѣ въ помощи,—и вы сами рукоплескали его осужденію. Если вы мнѣ не дадите трехъ рублей, то я и васъ посажу на скамью подсудимыхъ.

Возмущенный господинъ, разумѣется, зоветъ городового и, при всеобщемъ сочувствіи публики, велитъ отправить нахала въ участокъ. И тамъ бѣднякъ узнаетъ, что не всегда можно мыслить послѣдовательно, что врача за отсутствіе безкорыстія можно упрятать въ тюрьму, а всѣ остальные люди пользуюся правомъ невозбранно распоряжаться своимъ кошелькомъ и трудомъ; за отказъ въ помощи умирающему съ голоду человѣку имъ предоставляется право вѣдаться только съ собственною совѣстью и, если совѣсть эта достаточно тверда, то они могутъ гордо нести свои головы и пользоваться всеобщимъ почетомъ.

XX.

„Первый долгъ всякаго врача есть: быть человѣколюбивымъ и во всякомъ случаѣ готовымъ къ оказанію дѣятельной помощи всякаго званія людямъ, болѣзнями одержимымъ. Посему всякій врачъ обязанъ по приглашенію больныхъ являться для поданія имъ помощи. Кто этого не сдѣлаетъ безъ особыхъ законныхъ къ

тому препятствій, тотъ, за такую неисправность и неуваженіе къ страждущему человѣчеству, подвергается штрафу не свыше ста рублей и къ аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ".

Такъ гласитъ 81 ст. Врачебнаго Устава и стт. 872 и 1522 Уложенія о наказаніяхъ. Напрасно во всемъ Сводѣ Законовъ стали бы мы искать другихъ случаевъ, въ которыхъ бы на людей налагалась *юридическая* обязанность „быть человѣколюбивымъ" и устанавливалось наказаніе „за неуваженіе къ страждущему человѣчеству". Подобныя требованія законъ предъявляетъ къ однимъ только врачамъ. Но неужели же страданія человѣчества исчерпываются одними внезапными заболѣваніями людей, и только въ этомъ случаѣ имъ нужна скорая и безотлагательная помощь? Безпріютный человѣкъ можетъ замерзнуть на подъѣздѣ никѣмъ незанятой квартиры, можетъ умереть съ голоду подъ окномъ булочной,—и законъ равнодушно отправитъ трупъ въ полицейскій пріемный покой и ограничится констатированіемъ причины смерти погибшаго; владѣльцы дома и булочной могутъ быть спокойны: они не обязаны быть человѣколюбивыми и уважать страждущее человѣчество. Но если врачъ, истомленный дневнымъ трудомъ и предыдущею безсонною ночью, откажется поѣхать къ больному, является законъ и запрятываетъ „безчеловѣчнаго" врача въ тюрьму.

Заболѣвшаго человѣка нельзя оставлять безъ помощи. Если предоставить врачамъ право отказываться отъ приглашеній, то въ нужную минуту невозможно будетъ добыть врача. У меня въ смертельной опасности близкій, дорогой мнѣ человѣкъ. Я ѣду за врачомъ. Онъ выходитъ ко мнѣ въ прихожую, пережевывая бифштексъ, и хладнокровно заявляетъ: „Я сейчасъ ужинаю, а послѣ ужина лягу спать; ѣхать поздно, поищите другого врача". Въ другомъ мѣстѣ мнѣ отвѣчаютъ, что врача нѣтъ дома, въ третьемъ,—что онъ играетъ въ карты и не расположенъ ѣхать. Пока я рыскалъ по городу въ поискахъ за врачомъ, больной умеръ; а могъ бы быть спасенъ. Развѣ не врачи виноваты въ его смерти и развѣ не заслуживаютъ они тюрьмы?

Но развѣ не владѣльцы домовъ съ незанятыми квартирами виноваты въ безпріютности безпріютныхъ людей, не булочники—въ голоданіи голодныхъ? Такъ просто и близоруко рѣшать общественные вопросы позволительно только дѣтямъ. Нельзя, чтобъ люди умирали съ голоду и замерзали на улицахъ,—но общество все въ цѣломъ должно организовать для нихъ помощь, а не сваливать заботу на отдѣльныхъ домовладѣльцевъ только потому, что у нихъ есть незанятыя квартиры, и на булочниковъ, потому что они торгуютъ именно хлѣбомъ. Нельзя, чтобъ бѣднякъ умиралъ безъ врачебной помощи, нельзя, чтобъ въ ночное время люди не

могли найти врача,—но объ этомъ должно заботиться само же общество, устраивая ночныя дежурства врачей и содержа спеціальныхъ врачей для бѣдныхъ. Въ Англіи, Франціи и Германіи давно отмѣнены законы, обязывающіе врачей лечить бѣдныхъ даромъ и являться къ больнымъ по первому призыву.

У насъ общество не хочетъ затруднять себя лишними хлопотами; всю тяжесть оно сваливаетъ съ своихъ плечъ на плечи единичныхъ людей и жестоко караетъ ихъ въ случаѣ, если они отказываются нести эту тяжесть. Несправедливость такого порядка вещей бьетъ въ глаза, но такъ какъ она выгодна для общества, то ея не замѣчаютъ и не хотятъ замѣчать. И вотъ, уклоняясь само отъ своей прямой обязанности, общество преисполняется благороднымъ негодованіемъ, когда тѣ, на кого оно свалило эту обязанность, съ недостаточною готовностью исполняютъ налагаемыя на нихъ требованія. Происходитъ нѣчто невѣроятное: люди какъ-будто теряютъ пониманіе самыхъ простыхъ вещей, о которыхъ и спорить стыдно, съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя,—неужели нравственная слѣпота способна доходить до такихъ предѣловъ?

Вотъ что, напр., писалъ г. А. П—въ въ № 8098 „Новаго Времени“:

„Могутъ ли по ночамъ и по праздникамъ болѣть зубы? Должно быть, не могутъ, судя по словамъ того лица, которое жалуется мнѣ. У насъ обрушиваются на врачей, когда послѣдніе не идутъ совсѣмъ или идутъ неохотно ночью къ больному, а большая часть дантистовъ пользуется какою-то особенной привилегіей, въ силу непонятныхъ обычаевъ,—отдыхать въ праздники и не тревожить себя ночью. Больной обращался къ нѣсколькимъ дантистамъ и ни одного не могъ увидѣть“.

Замѣтка приведена мною совершенно точно; въ ней такъ-таки и напечатано: „какая-то особенная привилегія“ и „непонятный обычай“. По отношенію къ какому другому работнику повернется языкъ даже у того же г-на А. П—ва сказать, что отдыхать въ праздники есть особенная привилегія и не тревожить себя по ночамъ—непонятный обычай?! По отношенію къ самому себѣ г. А. П—въ наврядъ ли нашелъ бы такой обычай особенно непонятнымъ.

У меня былъ товарищъ по университету, по фамиліи Петровъ. Окончивъ курсъ, онъ поступилъ земскимъ врачомъ въ глухой уѣздъ одной изъ восточныхъ губерній, и я потерялъ его изъ виду. Года два назадъ въ газетахъ, сначала провинціальныхъ, потомъ и столичныхъ, былъ опубликованъ возмутительный случай, героемъ котораго оказался какъ разъ этотъ мой товарищъ. Въ деревнѣ N.,—сообщали газеты,—волостной старшина поѣлъ гнилой рыбы

и заболѣлъ. Онъ послалъ въ сосѣднее мѣстечко за земскимъ врачомъ Петровымъ. Петровъ вмѣсто себя прислалъ фельдшера. Больному становилось все хуже. Онъ вторично послалъ за врачомъ, но пріѣхалъ опять фельдшеръ. Къ утру старшина умеръ. Какъ оказалось, д-ръ Петровъ былъ въ ту ночь мертвецки пьянъ. Земство немедленно уволило его. Мѣсяца два имя Петрова не сходило со столбцовъ газетъ и прославилось на всю Россію.

Черезъ полгода я увидѣлъ Петрова у себя въ Петербургѣ; онъ пріѣхалъ искать мѣста и зашелъ ко мнѣ. Загорѣлый и неуклюжій, въ крахмальной манишкѣ, къ которой онъ не привыкъ, Петровъ сидѣлъ, понуривъ свою лохматую голову, и разсказывалъ мнѣ о случившемся.

— Все такъ и было, какъ въ газетахъ описано,—вѣрно. У насъ была тогда ярмарка; амбулаторный пріемъ въ такіе дни громадный, пришлось принять около двухсотъ человѣкъ, — ты-то поймешь, что это значитъ. А ночь передъ этимъ позвали на роды въ Щегловку, дѣлалъ поворотъ, воротился домой какъ-разъ къ пріему, только стаканъ чаю и успѣлъ выпить. На ярмарку съѣхались кой-какіе пріятели. Сѣли мы вечеромъ за винтъ, потомъ выпили. Выпито было, дѣйствительно, основательно... Идетъ эдакъ недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, треплютъ тебя во всѣ стороны,— такъ, братъ, иной разъ замутитъ, что и на свѣтъ не глядѣлъ бы. И я ужъ знаю о себѣ: подойдетъ такая линія, — бываетъ это разъ пять-шесть въ годъ,—задашь себѣ встряску, выпьешь, какъ слѣдуетъ,—непремѣнно такъ, чтобъ въ похмѣльѣ быть, какъ въ аду,—ну, и опять свѣжъ и бодръ... Воротился я, значитъ, домой. Зовутъ къ больному,—„помираетъ“. Грѣшный человѣкъ, не могъ ѣхать,—пришлось бы больничному мужику взваливать меня на телѣгу... Ну, вотъ и случилось...

Онъ помолчалъ

— Ты, братъ, не знаешь, что такое земская служба. Со всѣми нужно ладить, отъ всякаго зависѣть. Больные приходятъ, когда хотятъ, и днемъ, и ночью; какъ откажешь? Иной мужикъ ѣдетъ лошадь подковать, проѣздомъ завернетъ и къ тебѣ: нельзя-ли пріѣхать, баба помираетъ. Ѣдешь за пять верстъ: „гдѣ больная?“ — „А она сейчасъ рожь ушла жать...“ Участокъ у меня въ пятьдесятъ верстъ, два фельдшерскихъ пункта въ разныхъ концахъ, каждый я обязанъ посѣтить по два раза въ мѣсяцъ. Спишь и ѣшь, чортъ знаетъ, какъ. И это изо дня въ день, безъ праздниковъ, безъ перерыву. Дома сынишка лежитъ въ скарлатинѣ, а ты поѣзжай... Крайне тяжелая служба!

Онъ задумался, положивъ руки на колѣни.

— Служба крайне тяжелая!—повторилъ онъ и снова замолчалъ.—Въ газетахъ пишутъ: „д-ръ Петровъ былъ пьянъ“. Вѣрно,

я былъ пьянъ, и это очень нехорошо. Всѣ въ правѣ возмущаться. Но сами-то они,—вѣдь девяносто девять изъ нихъ на сто весьма не прочь выпить, не разъ бываютъ пьяны и въ вину этого себѣ не ставятъ. Они только не могутъ понять, что другому человѣку *ни одна минута* его жизни не отдана въ его полное распоряженіе... А это, братъ, охъ, какъ тяжело,—не дай Богъ никому!..

Я позволю себѣ познакомить читателя еще съ одной газетной замѣткой.

„Петербургъ въ настоящее время буквально можетъ быть названъ „безпомощнымъ",—писалъ въ іюлѣ 1898 года хроникеръ „Петербургской Газеты", г. В. П.:—въ теченіе послѣдней недѣли мнѣ три раза пришлось убѣждаться въ томъ, что лѣтомъ столичные обыватели совершенно лишены медицинской помощи. Лѣтомъ петербуржецъ не смѣетъ болѣть, иначе ему придется очень плохо: онъ рискуетъ не найти доктора"... Разсказавъ, какъ ему и нѣкоторымъ изъ его знакомыхъ пришлось тщетно искать по всему Петербургу врача, г. В. П. заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими „очень интересными принципіальными вопросами": „имѣютъ ли право врачи такъ неглижировать своими отношеніями къ паціентамъ, какъ они дѣлаютъ это въ настоящее время? Являются ли врачи безусловно-свободными людьми, могущими располагать своимъ временемъ по личному желанію? Короче: служатъ ли они обществу или нѣтъ?"

Вопросы, дѣйствительно, интересные... Служатъ ли врачи обществу или нѣтъ? Вѣдь всякое служеніе предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, хоть какую-нибудь взаимность обязанностей. Врачи уѣзжаютъ на лѣто изъ Петербурга, — одни, чтобъ отдохнуть отъ зимней работы, другіе, — потому что прожить лѣтомъ практикою въ обезлюдѣвшемъ Петербургѣ трудно. Они должны оставаться, такъ какъ могутъ понадобиться г-ну В. П. и его знакомымъ, которые брезгаютъ работающими и лѣтомъ больницами и думскими врачами. Ну, а если г. В. П. и его знакомые будутъ здоровы, позаботятся ли они о томъ, чтобъ окупить содержаніе оставшихся для нихъ врачей? Съ какой стати! Пусть живутъ, какъ хотятъ, но пусть каждую минуту будутъ готовы къ услугамъ г-на В. П.

Замѣтка хроникера „Петербургской Газеты" цѣнна тою наивною грубостью и прямотою, съ которой она высказываетъ господствующій въ публикѣ взглядъ на законность и необходимость закрѣпощенія врачей. „Являются-ли врачи безусловно-свободными людьми, могущими располагать своимъ временемъ по личному желанію?" Рѣчь тутъ идетъ не о служащихъ врачахъ, которые, принимая выгоды и обезпеченіе службы, тѣмъ самымъ, конечно, отказываются отъ „безусловной свободы"; рѣчь — о врачахъ во-

обще, по отношенію къ которымъ люди самихъ себя не считаютъ связанными рѣшительно ничѣмъ. Съ грознымъ, пристальнымъ и безпощаднымъ вниманіемъ слѣдятъ они за каждымъ шагомъ врача: „служи обществу", будь героемъ и подвижникомъ, не смѣй пользоваться „непонятнымъ обычаемъ" отдыхать; а когда ты истреплешься или погибнешь на работѣ, то намъ до тебя нѣтъ никакого дѣла *).

Недавно мы хоронили нашего товарища д-ра Стратонова. Недѣлю передъ тѣмъ онъ дѣлалъ въ частномъ домѣ трахеотомію и, высасывая изъ разрѣза трахеи дифтеритныя пленки, заразился дифтеритомъ самъ; онъ умеръ молодымъ, сильнымъ и энергичнымъ, и эта смерть была ужасна по своей быстротѣ и неожиданности.

Въ часовнѣ стоялъ его гробъ, увѣшанный ненужными вѣнками. Пахло ладаномъ, подъ сводами замирала „вѣчная память", въ окна доносился шумъ и грохотъ города. Мы стояли вокругъ гроба—

И молча смотрѣли въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя...

После него осталась вдова, дѣти; ни до нихъ, ни до него никому нѣтъ дѣла. Городъ за окнами шумѣлъ равнодушно и суетливо, и казалось, устели онъ всѣ улицы трупами, — онъ будетъ жить все тою же хлопотливою, сосредоточенною въ себѣ жизнью, не отличая взглядомъ труповъ отъ камней мостовой...

„Служатъ ли врачи обществу или нѣтъ?"

По подсчету д-ра Гребенщикова, отъ заразныхъ болѣзней умираетъ 37% русскихъ врачей вообще и около *шестидесяти процентовъ* земскихъ врачей въ частности. Въ 1892 году половина всѣхъ умершихъ земскихъ врачей умерла отъ сыпного тифа. Въ какихъ бьющихъ по нервамъ условіяхъ проходитъ дѣятельность врача, можно было достаточно видѣть изъ предыдущихъ главъ этихъ записокъ. Проф. Сикорскій на основаніи оффиціальныхъ данныхъ изслѣдовалъ вопросъ о самоубійствѣ среди русскихъ врачей. Онъ нашелъ, что „въ годы отъ 25 до 35 лѣтъ самоубійства врачей составляютъ почти 10% обычной смертности, т.-е. въ эти годы *изъ десяти умершихъ врачей одинъ умираетъ отъ самоубій-*

*) Въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 8 декабря 1900 года, управою былъ сдѣланъ докладъ о выдачѣ единовременнаго пособія двумъ санитарнымъ врачамъ и одному фельдшеру, заразившимся тифомъ при исполненіи своихъ обязанностей. Гласный П. П. Дурново рѣзко возсталъ противъ предложенія управы. Противъ зараженія,—заявилъ онъ,—никто не застрахованъ, врачи же по самому характеру службы своей, обязаны рисковать здоровьемъ. Если бы врачъ умеръ, то еще можно было бы помочь его семейству, въ данномъ же случаѣ онъ только заболѣлъ. Изъ 9 санитарныхъ врачей губерніи каждый годъ одинъ, навѣрное, будетъ лежать въ тифѣ или другой болѣзни, неужели въ каждомъ подобномъ случаѣ земство должно давать пособія? *Если земство будетъ такъ щедро раздавать пособія, то врачи нарочно будутъ заражаться тифомъ.*—Къ чести петербургскаго земства, заявленіе г. Дурново вызвало единодушный протестъ собранія.

ства". Цифра эта до того ужасна, что кажется невѣроятною. Но вотъ другой изслѣдователь, д-ръ Гребенщиковъ, на основаніи другого матеріала и совершенно независимо отъ проф. Сикорскаго, пришелъ къ выводамъ, почти не разнящимся отъ выводовъ профессора; по Гребенщикову, за годы 1889—1892, самоубійства составляли 3,4% смертей врачей вообще и болѣе десяти процентовъ смертей *всѣхъ* земскихъ врачей.

Проф. Сикорскій занялся далѣе сопоставленіемъ своихъ данныхъ съ данными относительно другихъ профессій въ Россіи и Западной Европѣ. Оказалось, что „*русскіе врачи имѣютъ печальную привилегію занимать первое мѣсто въ свѣтѣ по числу самоубійствъ*". При этомъ замѣчательно слѣдующее обстоятельство: врачъ, рѣшившись на самоубійство, съумѣлъ бы легче, чѣмъ кто-либо другой, выбрать себѣ наиболѣе безболѣзненную смерть; на дѣлѣ же оказывается, что въ самоубійствахъ врачей поразительно часто фигурируютъ, напротивъ, самые мучительные способы: отравленіе стрихниномъ, сѣрною и карболовою кислотами, проколъ сердца троакаромъ и т. п. „Очевидно,—замѣчаетъ проф. Сикорскій,—значительное подавленіе инстинкта самосохраненія дѣлало для несчастныхъ товарищей безразличнымъ всякій способъ прекращенія жизни, лишь бы только достигалась цѣль".

Да, врачи „служатъ обществу", и служба эта не изъ особенно легкихъ и безмятежныхъ. А вотъ какая судьба ждетъ врачей, „отслужившихъ обществу". У насъ существуетъ вспомогательная медицинская касса, учрежденная проф. Я. А. Чистовичемъ. Передо мною печатные протоколы засѣданій комитета кассы за 1896 годъ. Вотъ двѣ выдержки изъ нихъ.

„Доложена просьба участника кассы М. А. Высоцкаго о назначеніи ему пенсіи въ виду отсутствія средствъ къ жизни и невозможности по болѣзни заниматься практикою. Г. Высоцкій, бывшій Ашинскій городовой врачъ, 59 лѣтъ, не имѣетъ никакого состоянія, пенсіи государственной не получаетъ, не имѣетъ родныхъ, которые могли бы его пріютить, не въ состояніи пропитывать себя личнымъ трудомъ и нуждается въ постороннемъ уходѣ, вслѣдствіе того, что страдаетъ развитымъ порокомъ сердца и параличомъ мышцъ тѣла правой стороны.—Назначена пенсія въ 300 рублей".

„Доложена просьба женщины-врача Ек. Ив. Линтваровой о назначеніи ей пособія въ размѣрѣ 200 руб. въ виду ея весьма тяжелаго матеріальнаго положенія, такъ какъ страдаетъ хроническою маляріею и сильнымъ малокровіемъ, развившимся послѣ перенесеннаго сыпного тифа, которымъ заразилась на службѣ, будучи земскимъ врачомъ. Проф. В. А. Манассеинъ и д-ръ Д. Н. Жбанковъ удостовѣряютъ бѣдственное положеніе г-жи Линтваровой и

необходимость имѣть средства для лѣченія и пропитанія.—Назначено 200 руб.“

Упомянутая касса—касса взаимопомощи, и составляется изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ кассы, которые одни только и имѣютъ право на пособіе. Общество, которому служатъ врачи, къ этой кассѣ, разумѣется, никакого касательства не имѣетъ и не хочетъ имѣть. Заражайтесь и калѣчьте себя на работѣ для насъ, а разъ вы выбыли изъ строя, то помогайте себѣ сами. Размѣры назначенныхъ пособій въ приведенныхъ выдержкахъ говорятъ сами за себя, какую помощь можетъ оказывать своимъ членамъ касса.

XXI.

Въ докторской диссертаціи В. К. Анрепа въ числѣ другихъ тезисовъ помѣщенъ слѣдующій: „Околоточные надзиратели, дворники и швейцары Петербурга обезпечиваются лучше служащихъ врачей“. Это вовсе не преувеличеніе. Врачи многихъ городскихъ больницъ получаютъ у насъ 45—50 руб. въ мѣсяцъ; въ Петербургѣ только совсѣмъ недавно жалованье больничнымъ врачамъ увеличено до 75 руб. Городовые врачи, обремененные массою самыхъ разнообразныхъ обязанностей, получаютъ жалованья двѣсти рублей *въ годъ*. По Гребенщикову, регистрація врачей по карточкамъ показала, что 16% всѣхъ служащихъ врачей получаетъ жалованья меньше 600 р. въ годъ, и 62%—не болѣе 1200 руб. Очень распространено мнѣніе, что незначительность получаемаго содержанія врачи легко восполняютъ частною практикою, что этимъ именно и объясняются скудные размѣры назначаемаго имъ содержанія. Но вѣдь для частной практики прежде всего требуется свободное распоряженіе своимъ временемъ; она не можетъ не отзываться на аккуратномъ несеніи службы, — это лежитъ въ самой сути условій частной практики. Между тѣмъ, если врачъ „небрежно“ относится къ своей службѣ, то на него летятъ громы, и въ это время люди забываютъ, что они же сами указываютъ на частную практику, какъ на подсобный заработокъ къ скудному жалованію. Кромѣ того, этотъ подсобный заработокъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, очень невеликъ: по изслѣдованіямъ Гребенщикова, у 77% всѣхъ врачей (считая и вольнопрактикующихъ) заработокъ по частной практикѣ не превышаетъ тысячи рублей въ годъ. Мало есть интеллигентныхъ профессій, трудъ которыхъ вознаграждался бы хуже.

Рынокъ врачебнаго труда у насъ давно переполненъ, предложеніе значительно превышаетъ спросъ. Это ведетъ къ конкуренціи между врачами, въ которой худшіе изъ нихъ не брезгаютъ никакими средствами, чтобъ отбить паціента у соперника; при-

глашенные къ больному, такіе врачи первымъ дѣломъ раскритикуютъ всѣ назначенія своего предшественника и заявятъ, что „такъ недолго было и уморить больного"; послѣднія страницы всѣхъ газетъ кишатъ рекламами такихъ врачей, и ихъ фамиліи стали извѣстны каждому не менѣе фамиліи вездѣсущаго Генриха Блокка; болѣе ловкіе искусно пускаютъ въ публику черезъ газетныхъ хроникеровъ и интервьюеровъ извѣстія о совершаемыхъ ими блестящихъ операціяхъ и излеченіяхъ и т. п. Съ другой стороны, не мало врачей, убѣдившись въ трудности и необезпеченности своей профессіи, поступаютъ въ чиновники или берутся за какое-либо другое дѣло; повидимому, число ихъ все растетъ. За послѣдніе годы было опубликовано нѣсколько случаевъ самоубійствъ врачей вслѣдствіе полнѣйшей голодовки; извѣстны примѣры, гдѣ врачи поступали на мѣста фельдшеровъ съ фельдшерскимъ же жалованьемъ.

Люди даже сравнительно образованные нерѣдко высказываютъ мнѣніе, что причиною бѣдственнаго положенія врачей является ихъ тяготѣніе къ городамъ. Люди эти говорятъ: у насъ около двадцати тысячъ врачей, а населеніе Россіи составляетъ 128 милліоновъ. Какая тутъ можетъ быть рѣчь о перепроизводствѣ? Врачи не хотятъ идти въ глушь, а хотятъ непремѣнно жить въ культурныхъ центрахъ; понятно, что въ этихъ центрахъ наблюдается перепроизводство, но перепроизводство это — совершенно искусственное: врачи въ центрахъ голодаютъ, а деревня гибнетъ и вырождается, не зная врачебной помощи. У насъ врачей слишкомъ мало, а не много, и нужно всячески заботиться объ увеличеніи ихъ числа.

Деревня, дѣйствительно, гибнетъ и вырождается, не зная врачебной помощи. Но неужели причина этого лежитъ въ томъ, что у насъ мало врачей? Половина русскаго населенія ходитъ въ лаптяхъ, — неужели это оттого, что у насъ мало сапожниковъ? Увеличивайте число сапожниковъ безъ конца,—въ результатѣ получится лишь одно: самимъ сапожникамъ придется ходить въ лаптяхъ, а кто ходилъ въ лаптяхъ, тотъ и будетъ продолжать ходить въ нихъ.

Врачи вовсе не обладаютъ такимъ страннымъ вкусомъ, чтобъ предпочитать голодовку въ городахъ куску хлѣба въ глуши. На вакансіи земскихъ врачей въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ, съ самымъ скромнымъ содержаніемъ, всегда является масса кандидатовъ; напр., въ 1883 году, какъ сообщалось во „Врачѣ", на одну вакансію земскаго врача въ Княгининскомъ уѣздѣ было подано семьдесятъ шесть прошеній, на другую, въ Кашинскомъ уѣздѣ, девяносто два прошенія. Дѣло не въ боязни врачей передъ глушью, — дѣло просто въ томъ, что деревня безысходно-

бѣдна и не въ состояніи оплачивать трудъ врача. Восьмидесятые годы представляютъ не мало попытокъ вольной врачебной практики въ деревнѣ; у всѣхъ еще въ памяти имена д-ровъ Сычугова, Таирова и др. Но попытки эти лишь доказали, что люди, воодушевленные идеей, могутъ кое-какъ перебиваться въ деревнѣ безъ посторонней поддержки. Вопросъ же вовсе не въ этомъ; вопросъ въ томъ, можетъ ли средній врачъ, — не подвижникъ, а обыкновенный работникъ, — прожить въ деревнѣ врачебнымъ трудомъ. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ нашей деревни, тотъ не будетъ спорить, что ея бѣдность и некультурность совершенно закрываютъ доступъ къ ней обыкновенному вольнопрактикующему врачу.

Матеріальная обезпеченность врачей все больше ухудшается. Между тѣмъ, въ послѣднее время у насъ выступаетъ новый имъ конкурентъ, — желанный и въ то же время грозный, — женщина. Какъ вездѣ, гдѣ она выступаетъ конкуренткой мужчинѣ, она за тотъ же трудъ довольствуется меньшею платою, и тѣмъ самымъ понижаетъ вознагражденіе мужчины. Изъ приводимыхъ д-ромъ Гребенщиковымъ данныхъ видно, что средній размѣръ жалованья всѣхъ служащихъ врачей-мужчинъ составляетъ 1161 р., тогда какъ врачей-женщинъ—833 р. Съ увеличеніемъ числа женщинъ-врачей онѣ, несомнѣнно, будутъ оказывать все большее вліяніе на общее пониженіе платы за врачебный трудъ.

Таково положеніе врачей вовсе не у насъ однихъ. Въ западной Европѣ оно даже еще болѣе бѣдственное. Вездѣ—громадная армія врачей, безъ дѣла, безъ заработка, готовая идти на какія угодно условія. Лѣтъ восемь назадъ больничная касса въ Будапештѣ заявила, что будетъ платить врачамъ за каждое посѣщеніе ими больного по сорокъ крейцеровъ (ок. 25 коп.); несмотря на это, желающихъ войти въ соглашеніе съ кассою оказалось множество. Больше половины берлинскихъ врачей вырабатываетъ въ мѣсяцъ не болѣе семидесяти пяти рублей; вѣнскіе врачи не брезгуютъ платою въ 20 крейцеровъ (12 коп.) за визитъ. Анри Беранже въ своей статьѣ „Интеллигентный пролетаріатъ во Франціи" говоритъ: „Цѣлая половина парижскихъ врачей находится въ положеніи, не достигающемъ уровня безбѣднаго существованія; большая же часть этой половины въ дѣйствительности нищенствуетъ,—нищенствуетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ представители этой профессіи нерѣдко ночуютъ въ ночлежныхъ домахъ. Въ провинціи изъ десяти тысячъ врачей еле пять тысячъ вырабатываютъ на приличное существованіе".

И въ западной Европѣ массы врачей не находятъ себѣ дѣла, разумѣется, вовсе не потому, что потребность общества въ врачебной помощи вполнѣ насыщена; и тамъ, какъ у насъ, для гро-

мадныхъ слоевъ населенія врачебная помощь представляетъ недоступную роскошь. Это—просто частичное проявленіе тѣхъ поражающихъ противорѣчій, которыя, какъ корни дуба—почву, прочно и глубоко проникаютъ самыя основанія нынѣшней жизни. Тысячи пудовъ хлѣба и мяса гніютъ, не находя сбыта, а рядомъ тысячи людей умираютъ съ голоду, не находя работы; потоками льется кровь, чтобъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта отвоевать рынки для суконъ и бархата, а люди, изготовляющіе эти сукна и бархаты, ходятъ въ ситцѣ и бумазеѣ.

XXII.

Недавно рано утромъ меня разбудили къ больному, куда-то въ одинъ изъ пригородовъ Петербурга. Ночью я долго не могъ заснуть, мною овладѣло странное состояніе: голова была тяжела и тупа, въ глубинѣ груди что-то нервно дрожало, и какъ-будто всѣ нервы тѣла превратились въ туго-натянутыя струны; когда вдали раздавался свистокъ поѣзда на вокзалѣ, или трещали обои, я болѣзненно вздрагивалъ, и сердце, словно оборвавшись, вдругъ начинало быстро биться. Принявъ бромистаго натра, я, наконецъ, заснулъ; и вотъ черезъ часъ меня разбудили.

Чуть свѣтало. Я ѣхалъ на извозчикѣ по пустыннымъ, темнымъ улицамъ; въ предразсвѣтномъ туманѣ угрюмо дрожали гудки далекихъ заводовъ, было холодно и сыро; рѣдкіе огоньки сонно мигали въ окнахъ. На душѣ было смутно и какъ-то жутко-пусто. Я вспоминалъ свое вчерашнее состояніе, наблюдалъ теперешнюю разбитость,—и съ ужасомъ почувствовалъ, что я боленъ, боленъ тяжело и серьезно. Ужъ два послѣдніе года я замѣчалъ, какъ у меня все больше выматываются нервы, но теперь только ясно понялъ, до чего я дошелъ.

Семь лѣтъ я врачемъ. Какъ прожилъ я эти семь лѣтъ? Всѣ они были жестокою насмѣшкою надъ тѣмъ, что я же, какъ врачъ, долженъ былъ предписывать своимъ паціентамъ. Все время нервы напряжены, все время жизнь бьетъ по этимъ нервамъ; чтобъ безнаказанно переносить такое состояніе, нужна громадная нервная сила, а между тѣмъ жить приходится такъ, что и самая желѣзная устойчивость должна разрушиться. Для меня нѣтъ праздниковъ, нѣтъ гарантированнаго отдыха; каждую минуту, отъ сна, отъ ѣды, меня могутъ оторвать на цѣлые часы, и никому нѣтъ дѣла до моихъ силъ. И вотъ съ каждымъ годомъ все больше обращаешься въ развалину-неврастеника; пропадаетъ радость жизни и любовь къ ней, пропадаетъ, еще страшнѣе, отзывчивость и способность горячо чувствовать. А между тѣмъ видишь, что это есть въ душѣ: стоитъ хоть немного пожить человѣческою жизнью, —

и душа возрождается, и кажется, что въ ней такъ много силы и любви...

А въ какихъ условіяхъ я живу? Послѣ пятилѣтняго ожиданія я, наконецъ, получилъ жалованье въ семьдесятъ пять рублей; на него и на невѣрный доходъ съ частной практики я долженъ жить съ женою и двумя дѣтьми; вопросы о зимнемъ пальто, о покупкѣ дровъ и наймѣ няни—для меня тяжелые вопросы, изъ-за которыхъ приходится мучительно ломать себѣ голову и бѣгать по ссуднымъ кассамъ. Мои товарищи—кто податной инспекторъ, кто инженеръ, кто акцизный чиновникъ; за спокойную, безмятежную службу они получаютъ жалованье, о какомъ я не смѣю и мечтать. Я даже лишенъ семейныхъ радостей, лишенъ возможности спокойно приласкать своего ребенка, потому что въ это время мелькаетъ мысль: а что, если съ своею ласкою я перенесу на него ту оспу или скарлатину, съ которою сегодня имѣлъ дѣло у больного?

Въ утреннемъ туманѣ передо мною тянулся громадный городъ; высокія зданія, мрачныя и тихія, тѣснились другъ къ другу, и каждое изъ нихъ какъ-будто глубоко ушло въ свою отдѣльную, угрюмую думу. Вотъ оно, это грозное чудовище! Оно требуетъ отъ меня всѣхъ моихъ силъ, всего здоровья, жизни,—и въ тоже время страшно, до чего ему нѣтъ дѣла до меня... И я долженъ ему покоряться,—ему, которое беретъ у меня все и взамѣнъ не даетъ ничего!

Думать, что его можно разжалобить,—смѣшно; смѣшно и ждать, что можно чего-нибудь достигнуть указаніемъ на его несправедливое отношеніе къ намъ. Только тотъ, кто борется, можетъ заставить себя слушать. И выходъ для насъ одинъ: мы, врачи, должны объединиться, должны совмѣстными силами бороться съ этимъ чудовищемъ и отвоевать себѣ лучшую и болѣе свободную долю.

Я ѣхалъ пригороднымъ трактомъ. Около заросшихъ желтѣвшею травою канавъ тянулись деревянные мостки, матовые отъ росы. Изъ фабричныхъ трубъ валилъ дымъ и темнымъ, душнымъ пологомъ разстилался надъ крышами. Извозчикъ остановился у воротъ желто-коричневаго деревяннаго дома.

По темной, крутой лѣстницѣ я поднялся во второй этажъ и позвонилъ. Въ маленькой комнатѣ сидѣлъ у стола блѣдный человѣкъ лѣтъ тридцати, въ синей блузѣ съ разстегнутымъ воротомъ; его русые усы и бородка были въ крови, около него на полу стоялъ большой глиняный тазъ; тазъ былъ полонъ алою водою, и въ ней плавали черные сгустки крови. Молодая женщина, плача, колола кухоннымъ ножомъ ледъ.

— Вы простите, докторъ, что обезпокоилъ васъ!—сказалъ

мужчина, быстро поднимаясь мнѣ навстрѣчу и протягивая руку.— Дѣло у меня извѣстное,—туберкулезъ, и вслѣдствіе этого кровохарканіе. Да вотъ, очень ужъ жена пристала,—непремѣнно чтобъ докторъ пріѣхалъ...

— Прежде всего ложитесь и не разговаривайте!—прервалъ я его.—Вамъ ни одного слова не слѣдуетъ говорить. И не волнуйтесь,—это вовсе не опасно.

— А я волнуюсь?—удивленно произнесъ онъ про себя, пожавъ плечомъ, и сѣлъ на постель.

Я уложилъ больного и осторожно приставилъ стетоскопъ къ его груди. Закинувъ свою красивую голову и прикусивъ тонкія, окровавленныя губы, онъ лежалъ и, прищурившись, смотрѣлъ въ потолокъ.

— Вашъ мужъ чѣмъ занимается?—спросилъ я молодую женщину, кончивъ выслушивать и выпрямляясь. Она сидѣла у стола, съ слезами на щекахъ, и съ тоской слѣдила за мною.

— Литейщикъ онъ по мѣди, въ N—скомъ заводѣ работаетъ... Господи, Господи, до тридцати лѣтъ всего дотянулъ! А какой былъ здоровый!.. Мѣдные-то пары,—какъ скоро всю грудь выѣли!

Она, рыдая, припала грудью къ краю стола.

— Ну, Катя, чего ты? Не такъ оно опасно!—нетерпѣливо и ласково проговорилъ литейщикъ.—Слышала, и докторъ сказалъ... Съ такими кровохарканіями и до пятидесяти лѣтъ доживаютъ,— не такъ ли?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да, конечно!.. Только не разговаривайте, лежите смирно... Бываютъ случаи, что и совсѣмъ выздоравливаютъ...

Литейщикъ лежалъ, молча и подтверждающе кивая головою. Я сѣлъ писать рецептъ.

— Боже мой, Боже мой, какъ жизнь-то скоро сломала!—съ всхлипывающимъ вздохомъ произнесла женщина.—Я вамъ скажу, господинъ докторъ,—вѣдь онъ нисколько себя не жалѣетъ; какъ жилъ-то! Придетъ съ работы, сейчасъ за книги, всю ночь сидитъ, или по дѣламъ бѣгаетъ... Вѣдь на одного человѣка ему силы отпущено, не на двухъ!..

Больной закашлялся и, наклонившись надъ тазомъ, выплюнулъ большой сгустокъ крови.

— Ну, будетъ! Что много разговариваешь?—вполголоса обратился онъ къ женѣ, отдышавшись.

Я просидѣлъ у больного съ полчаса, утѣшая и успокаивая его жену. Комната была убогая, но все въ ней говорило о запросахъ хозяина. Въ углу лежала груда газетъ, на комодѣ и на швейной машинѣ были книги, и на ихъ корешкахъ я прочелъ нѣкоторыя дорогія, близкія имена.

Я вышелъ и сѣлъ на извозчика. Теперь было совсѣмъ свѣт-

ло; туманъ поднялся отъ земли и влажными, сѣрыми клубами ползъ по небу; въ просвѣтахъ виднѣлось чистое небо, освѣщенное солнцемъ. На улицахъ было попрежнему тихо, но изъ трубъ домовъ уже шелъ дымъ, въ окнахъ блестѣли самовары и были видны люди; по сизымъ отъ росы мосткамъ вдоль канавъ прошелъ густо-натоптанный черный слѣдъ. Я вспомнилъ то настроеніе, съ какимъ я ѣхалъ сюда и съ какимъ смотрѣлъ на эти мостки и заросшіе желтою травою откосы канавъ; настроеніе это показалось мнѣ теперь удивительно-мелкимъ и чуждымъ; не то, чтобъ мнѣ было стыдно за него,—мнѣ просто было странно и непонятно, какъ я могъ ему отдаться.

Мы должны объединиться и бороться,—конечно, это такъ. Но кто „мы"? Врачи? Мы можемъ, разумѣется, стараться улучшить положеніе своей корпораціи, усовершенствовать взаимопомощь, и другое въ такомъ родѣ. Но борьба, борьба широкая и коренная, невозможна, если на знамени стоитъ голый грошъ. Наше положеніе тяжело. Но кому изъ постороннихъ оно можетъ казаться таковымъ? На рогожныхъ фабрикахъ у насъ рабочему при наймѣ ставится условіемъ не просить по городу милостыни, женщина-работница принуждена у насъ отдавать себя мастеру, быть проституткой, за одно право имѣть работу... Было бы, конечно, очень хорошо, если бы мы получали оклады, какіе получаютъ инженеры, если бы мы могли работать не утомляясь, и не думая о завтрашнемъ днѣ. Но это легко говорить. Земскій врачъ получаетъ нищенское жалованье, но не можетъ деревня изъ своей черной корки хлѣба создать ему мясо и вино. Вознагражденіе врача вообще очень низко,—и тѣмъ не менѣе не только для бѣдняка, а даже для человѣка средняго достатка леченіе есть разореніе. Выходомъ тутъ не можетъ быть тотъ путь, о какомъ я думалъ. Это была бы не борьба отряда въ рядахъ большой арміи, это была бы борьба кучки людей противъ всѣхъ окружающихъ, и поэтому самому она была бы безсмысленна и безплодна. И почему такъ трудно понять это намъ, которые съ дѣтства росли на „широкихъ умственныхъ горизонтахъ", когда это такъ хорошо понимаютъ люди, которымъ каждую пядь этихъ горизонтовъ приходится завоевывать тяжелымъ трудомъ?

Да, выходъ въ другомъ. Этотъ единственный выходъ— въ сознаніи, что мы—лишь небольшая часть одного громаднаго, неразъединимаго цѣлаго, что исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу и успѣхъ.

В. Вересаевъ.

По поводу «Записокъ врача».

— Неужели въ вашемъ материнскомъ сердцѣ нѣтъ голоса, который бы запрещалъ вамъ разрушать идеалы вашего сына?
— Что же тогда будетъ съ правдой?
— Что же тогда будетъ съ идеалами?
— Ахъ, идеалы, идеалы!..

Г. Ибсенъ. «Привидѣнія».

Опубликованныя мною въ „Мірѣ Божіемъ“ „Записки врача“ вызвали противъ меня среди нѣкоторой части читателей бурю негодованія: какъ могъ я рѣшиться въ общей печати, передъ профанами, съ полною откровенностью разсказывать все, что переживаетъ врачъ,—какую цѣль я при этомъ преслѣдовалъ? Я долженъ былъ знать, что въ публикѣ и безъ того распространено сильное недовѣріе къ медицинѣ и врачамъ, разоблаченія же, подобныя моимъ „Запискамъ“, могутъ только усилить это недовѣріе; уличныя газеты, постоянно травящія врачей, съ радостью ухватятся за сообщаемый мною матеріалъ, чтобъ использовать его для своихъ темныхъ цѣлей; слухи могутъ дойти до низшихъ слоевъ общества, до невѣжественнаго народа, и оттолкнуть его отъ медицины, въ помощи которой онъ такъ нуждается. Авторъ, будучи самъ врачомъ, долженъ бы понимать, что̀ онъ дѣлаетъ, подрывая въ публикѣ довѣріе къ врачамъ и медицинѣ.

Негодованіе это представляется мнѣ очень знаменательнымъ. Мы такъ боимся во всемъ правды, такъ мало сознаемъ ея необходимость, что стоитъ открыть хоть маленькій ея уголокъ,—и люди начинаютъ чувствовать себя неловко: для чего? Какая отъ этого польза? Что скажутъ люди непосвященные, какъ поймутъ они преподносимую правду?

Съ самаго поступленія моего на медицинскій факультетъ, и еще больше—послѣ выступленія въ практику, передо мною шагъ за шагомъ стали подниматься вопросы, одинъ другого сложнѣе и тяжелѣе. Я искалъ ихъ разрѣшенія въ врачебныхъ журналахъ, въ книгахъ,—и нигдѣ не находилъ. Врачебная этика тщательно и педантически разрабатывала крохотный кругъ вопросцевъ, касающихся непосредственныхъ отношеній врача къ паціенту и врачей между собою; всѣ тѣ вопросы, которые стояли передо мною, для нея почти совсѣмъ не существовали. Почему? Смѣшно сказать,—неужели, дѣйствительно, нужна была какая-то особенная проницательность или чуткость, чтобъ замѣтить и поднять тѣ вопросы, которыхъ я касаюсь въ „Запискахъ“? Вѣдь эти вопросы бьютъ въ глаза каждому врачу, ими мучается каждый врачъ, не совсѣмъ еще застывшій въ карьерномъ благополучіи. Но почему же, тѣмъ

не менѣе, объ нихъ не говорятъ, почему разрѣшенія ихъ каждый принужденъ искать въ одиночку?

Мнѣ кажется, тутъ возможно лишь одно объясненіе: всѣ боятся, что, если поднимать и обсуждать подобные вопросы, то это можетъ „подорвать довѣріе къ врачамъ“. И вотъ на самые серьезные и жгучіе вопросы врачебнаго дѣла набрасывается непроницаемое покрывало, и объ нихъ молчатъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не существуетъ. А между тѣмъ это систематическое замалчиваніе сдѣлало и продолжаетъ дѣлать очень недоброе дѣло: благодаря ему, нѣтъ самаго главнаго,—нѣтъ той общей атмосферы, которая была бы полна сознаніемъ неразрѣшенности этихъ вопросовъ и сознаніемъ насущной, неотложной надобности ихъ разрѣшенія. Вопросы рѣшаются въ одиночку и втихомолку, вкривь и вкось, а еще чаще просто заглушаются безъ всякаго разрѣшенія. По поводу моихъ „Записокъ“ мнѣ приходилось слышать отъ врачей возраженія, которыя я положительно не рѣшаюсь привести,—до того они дики и профессіонально-эгоистичны; а слышать ихъ мнѣ приходилось отъ многихъ. Я думаю, подобныя возраженія могутъ выплывать лишь изъ того непрогляднаго, безгласнаго мрака, въ которомъ мысль начинаетъ шевелиться, лишь вплотную натолкнувшись на вопросъ; и трудно ждать, чтобъ при такихъ условіяхъ вопросъ былъ охваченъ сколько-нибудь широко.

Мнѣ говорятъ: если вы считали необходимымъ поднять ваши вопросы, то почему вы не прибѣгли къ спеціальной врачебной печати, зачѣмъ вы обратились съ этими вопросами къ профанамъ? Разрѣшить ихъ профаны, все равно, не въ состояніи, и имъ совсѣмъ даже не слѣдуетъ знать о существованіи этихъ вопросовъ.

Въ средніе вѣка одинъ вормсскій врачъ, Рёслинъ, издалъ свой медицинскій трудъ не на латинскомъ языкѣ, какъ тогда было въ обычаѣ, а на нѣмецкомъ; вполнѣ сознавая всю возмутительность такой „профанаціи“ своей науки, онъ въ предисловіи извинялся въ этомъ передъ читателями и убѣдительно просилъ ихъ получше прятать его книгу, „чтобъ она не попала въ руки непосвященнымъ, и чтобъ такимъ образомъ бисеръ не метался передъ свиньями“.

Времена эти давно миновали; спеціальная печать пользуется теперь исключительно роднымъ языкомъ, доступнымъ и понятнымъ всякому „непосвященному“. Напиши я свои „Записки“ хотя бы и менѣе популярно, опубликуй я ихъ въ спеціальномъ изданіи,—все равно, общая пресса извлекла бы изъ нихъ на вольный свѣтъ все „интересное“; разница была бы только та, что она придала бы фактамъ свое собственное освѣщеніе,—можетъ быть, невѣрное и невѣжественное.

Впрочемъ, суть дѣла не въ этомъ; суть вотъ въ чемъ: почему

профанамъ не слѣдуетъ знать о существованіи указываемыхъ вопросовъ? Кто далъ кому право опекать профановъ? Пускай публикуютъ свои „записки“ судья, учитель, литераторъ, адвокатъ, путеецъ, полицейскій приставъ. Если мнѣ скажутъ, что мнѣ, какъ профану, вредно знать изнанку всѣхъ этихъ профессій, то я отвѣчу, что я не ребенокъ, и что я самъ въ правѣ судить, что для меня вредно.

Узнавъ правду, профаны могутъ потерять довѣріе къ врачамъ и медицинѣ. Какой это старый и негодный, и всетаки всѣми признаваемый способъ,—предписывать молчаніе, изъ боязни, чтобъ правда не поколебала авторитетъ! Какъ будто есть такой крѣпкій ящикъ, въ которомъ можно наглухо закупорить правду! Какими обручами ни оковывай ящикъ, онъ съ неотвратимою неизбѣжностью разъѣдется по всѣмъ скрѣпамъ, и правда поползетъ изъ щелей, — обезображенная, отрывочная, раздражающая своею неполнотою и заставляющая предполагать все самое худшее. Врачи тщательно оберегаютъ публику отъ всего, что могло бы поколебать въ ней вѣру въ медицину. Ну, и что же? Сильна въ публикѣ вѣра въ медицину? Не подхватываетъ она всякую самую чудовищную сплетню о врачахъ, не предъявляетъ она къ врачамъ самыхъ нелѣпыхъ обвиненій и требованій?

Для пользы *даннаго момента* иногда по необходимости приходится обманывать тяжелаго больного; но общество въ цѣломъ— не тяжелый больной, и минутную ложь нельзя возводить въ постоянный принципъ. Одно изъ двухъ: либо правда можетъ уменьшить вѣру въ медицину и врачей потому, что медицина по самой своей сути не заслуживаетъ подобной вѣры,—въ такомъ случаѣ правда полезна: ничего нѣтъ вреднѣе и ничего не несетъ съ собою столько разочарованій, какъ преувеличенная вѣра во что-нибудь. Либо, во-вторыхъ, правда можетъ колебать вѣру во врачей потому, что она указываетъ на устранимыя, но не устраняемыя темныя стороны врачебнаго дѣла, — въ такомъ случаѣ правда *необходима*; если темныя стороны будутъ устранены, то вѣра опять появится, пока же онѣ не устранены, то полной вѣры и не должно быть. Повторю здѣсь то, что я уже говорилъ въ „Запискахъ“: я лично не обращусь за помощью къ только что кончившему врачу, не лягу подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцію, не позволю дать своему ребенку новаго, малоиспытаннаго средства, не позволю привить ему сифилисъ. Думаю, что ни на что это не согласится и ни одинъ изъ врачей. Разъ же это такъ, то какъ можно скрывать все это отъ „непосвященныхъ“, какъ можно предоставлять имъ идти на то, отъ чего всякій „посвященный“ благоразумно уклонится?

Что профаны не въ состояніи разрѣшить поднимаемыхъ во-

просовъ, — это совершенно вѣрно. Но профаны въ правѣ требовать разрѣшенія этихъ вопросовъ и интересоваться ихъ разрѣшеніемъ: дѣло слишкомъ близко касается ихъ. Даже больше, — гласное обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ, по моему, представляетъ единственную гарантію удовлетворительности ихъ рѣшенія; одни врачи легко могутъ при этомъ впадать въ большую или меньшую односторонность.

Мнѣ предъявляютъ еще другое обвиненіе. Одна распространенная врачебная газета утверждаетъ, что я „непозволительно обобщаю единичные факты изъ врачебной практики“, что я, „неизвѣстно ради чего“, позволяю себѣ „несомнѣнныя преувеличенія и чрезмѣрное сгущеніе красокъ“. Съ такимъ обвиненіемъ приходится, разумѣется, считаться самымъ серьезнымъ образомъ; къ сожалѣнію, оно высказано совершенно голословно, такъ что возражать на него довольно трудно. Возможность подобныхъ обвиненій я предвидѣлъ съ самаго начала и, въ прямой ущербъ изложенію, обильно уснастилъ свои „Записки“ цитатами, какъ мнѣ кажется, достаточно характерными и убѣдительными. Въ общей печати мнѣ даже пришлось встрѣтить упрекъ, что я „вдаюсь въ черезчуръ большія подробности“, и что „Записки“ мои „смахиваютъ временами на спеціальную статью въ медицинскомъ журналѣ“. Если и не привожу еще больше подтвержденій правильности моихъ „обобщеній“, то, во всякомъ случаѣ, никакъ ужъ не за недостаткомъ такихъ подтвержденій.

В. Вересаевъ.

ФИЛОСОФІЯ КАНТА.

СТАТЬЯ 3-я.

(Теоретическая философія)

Проф. Г. Челпанова.

(*Продолженіе* *).

Вторую, главную, часть кантовской философіи составляетъ его моральная философія, изложенная въ его «Критикѣ Практическаго Разума» **).

Въ «Критикѣ Чистаго Разума», какъ мы видѣли, онъ подвергаетъ критикѣ нашу способность *познанія*. Въ «Критикѣ Практическаго Разума» онъ подвергаетъ критикѣ нашу другую способность, именно *волю*. Но здѣсь тотчасъ возникаетъ вопросъ, умѣстенъ ли этотъ терминъ «критика» по отношенію къ волѣ. Критика «разума» необходима, потому что существуетъ сомнѣніе относительно того, можетъ ли разумъ познавать что-либо, выходящее за предѣлы чувственнаго опыта. Но такого сомнѣнія не можетъ быть относительно воли. Что же Кантъ въ ней будетъ подвергать критикѣ?

Впрочемъ, объяснить терминъ «критика» въ примѣненіи къ волѣ, или, какъ ее Кантъ называетъ, «практическому разуму», не трудно. Этотъ терминъ возникаетъ не изъ внутренней необходимости, а изъ соображеній, такъ сказать, архитектоническихъ. У Канта была тенденція проводить аналогію между различными способностями духа. Его желаніе видѣть аналогію между познавательною способностью и волей обнаруживается, между прочимъ, и въ томъ, что и самое раздѣленіе «Критики Практическаго Разума» на части совершенно напоминаетъ собою раздѣленіе «Критики Чистаго Разума». Мы увидимъ впослѣдствіи, почему Кантъ называетъ волю практическимъ разумомъ, а теперь замѣтимъ только, что, по его мнѣнію, связь этой способности съ разу-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1901 г.

**) А также въ «Grundlegung zur Metaphysik d. Sitten».

момъ состоитъ въ томъ, что воля есть способность поступать сообразно съ представленіемъ законовъ, т.-е. для волевыхъ рѣшеній необходимо пониманіе, познаніе.

Для того, чтобы моральное ученіе Канта сдѣлалось понятнымъ, я напомню читателямъ значеніе такихъ терминовъ, какъ *всеобщность, необходимость, форма, содержаніе.*

Возьмемъ въ примѣръ тотъ же законъ причинности, который мы разбирали во второй статьѣ. Всякій знаетъ, что называется закономъ причинности. Если мы обратимъ вниманіе на то, что дѣлается въ мірѣ физическомъ, то увидимъ, что нѣтъ ни одного дѣйствія, которое возникало бы безъ причины, или иначе, «нѣтъ дѣйствія безъ причины», все, въ мірѣ совершающееся, имѣетъ соотвѣтствующую причину, подчиняется закону причинности. Этотъ послѣдній законъ характеризуется слѣдующими признаками: во-1-хъ, онъ *всеобщъ.* Это значитъ, что мы не можемъ показать въ опытѣ ни одного дѣйствія, которое возникало бы безъ причины. Переберемъ въ наукѣ всѣ извѣстныя намъ явленія и такого случая мы не найдемъ. Это показываетъ, что законъ причинности обладаетъ признакомъ всеобщности, онъ распространяется на весь нашъ опытъ. Второй важный признакъ—это тотъ, что между двумя, находящимися въ причинной связи явленіями связь эта будетъ *необходима.* Это значитъ, что связь, которая нами признана сегодня, какъ причинная, признана нами таковой потому, что мы увѣрены, что эта связь будетъ и завтра, и здѣсь на землѣ, и на любомъ мѣстѣ, т.-е. она абсолютно постоянна. Напр., изъ физики мы знаемъ, что всѣ тѣла отъ холода сжимаются и отъ теплоты расширяются, и если физикъ это утверждаетъ въ качествѣ закона, то онъ имѣетъ въ виду сказать, что во всѣ времена и повсюду тѣла подчиняются этому закону.

Мы видѣли, что законъ причинности обладаетъ всеобщностью и необходимостью именно потому, что онъ не эмпирическаго происхожденія, а получаетъ начало въ самомъ разсудкѣ.

Теперь должно быть понятно, что если когда-нибудь намъ встрѣтится законъ, обладающій признакомъ всеобщности и необходимости, то мы можемъ сказать, что онъ есть продуктъ разсудка, что разсудокъ его созидаетъ, что причина его есть разсудокъ.

Какъ мы видѣли, по Канту, мы приступаемъ къ познанію природы съ закономъ, который есть продуктъ нашего разсудка. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, что разсудокъ *созидаетъ* природу. Безъ этого закона, который есть форма нашей мысли, познать природу невозможно. Кантъ показалъ, что нашъ теоретическій разумъ обладаетъ извѣстными формами, благодаря которымъ онъ созидаетъ *закономѣрность* природы. Замѣтивъ это, очень не трудно понять, какимъ образомъ созидается закономѣрность въ области волевой дѣятельности. Нужно принять только въ соображеніе, что, подобно теоретическому разуму, и практическій разумъ обладаетъ апріорными формами. Какъ

теоретическіе законы обладаютъ всеобщностью и необходимостью, такъ и практическій или моральный законъ обладаетъ этими свойствами; какъ теоретическіе законы созидаются теоретическимъ разумомъ, такъ и практическій законъ созидается практическимъ разумомъ. Какъ теоретическій разумъ при помощи своихъ апріорныхъ формъ созидаетъ природу, такъ и практическій разумъ при помощи своихъ формъ созидаетъ моральный міръ и моральную жизнь.

Нравственная жизнь созидается нравственнымъ закономъ. Но въ чемъ же этотъ послѣдній состоитъ?

Примѣняясь къ обычной терминологіи, мы можемъ сказать, что главная задача этики состоитъ въ томъ, чтобы отыскать *критерій* нравственности, т. е. отыскать тотъ масштабъ, при помощи котораго мы были бы въ состояніи опредѣлить характеръ того или другого дѣйствія.

Какъ извѣстно, въ утилитарной этикѣ, напр., критеріемъ является «сумма наибольшаго счастья наибольшаго числа индивидуумовъ» *).

Кантъ съ этой формулой не согласенъ, потому что счастье одному представляется такъ, а другому иначе; въ одно время подъ счастьемъ люди понимали одно, въ другое время другое, а между тѣмъ, по Канту, критеріемъ должно служить нѣчто такое, что имѣетъ *всеобщій* и *необходимый* характеръ. Поэтому онъ не соглашался ни съ одно формулой какой бы то ни было ходячей этической теоріи, такъ какъ онѣ носятъ эмпирическій характеръ, слѣдовательно лишены признака всеобщности и необходимости. Кантъ ищетъ именно такого закона, который имѣлъ бы значеніе для всѣхъ разумныхъ существъ и не допускалъ бы никакихъ исключеній, а такимъ можетъ быть только *апріорный*, *формальный* законъ, который не содержитъ въ себѣ ничего эмпирическаго.

Въ чемъ же заключается этотъ законъ?

Стоитъ его только формулировать, чтобы тотчасъ видѣть огромное различіе между этикой Канта и другими этическими системами.

Кантъ формулируетъ свой основной законъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣйствуй по такому принципу, о которомъ ты могъ бы желать, чтобы онъ сдѣлался всеобщимъ закономъ». Чтобы понять, какой смыслъ имѣетъ эта формула, намъ нужно только посмотрѣть, какимъ образомъ Кантъ совѣтуетъ пользоваться ею при обсужденіи того или другого дѣйствія, которое мы предполагаемъ совершить. Положимъ, при извѣстныхъ условіяхъ жизни мнѣ приходится солгать. Я нахожусь въ нерѣшимости относительно того, долженъ ли я это сдѣлать. Съ точки зрѣнія этики утилитаризма я рѣшаю этотъ сомнительный вопросъ весьма просто: именно, я при рѣшеніи его принимаю въ соображеніе, будетъ ли отъ этого моего поступка сумма общаго счастья увеличена или же нѣтъ. Если, по моимъ соображеніямъ, этотъ поступокъ можетъ

*) См. мою статью «Моральная система утилитаризма». «Міръ Божій» 1900. № 10.

увеличить общую сумму счастья, то я его совершаю, въ противномъ случаѣ я воздерживаюсь отъ этого поступка.

Съ кантовской точки зрѣнія, я долженъ разсуждать иначе. Я долженъ свой поступокъ возвести во всеобщій законъ и затѣмъ посмотрѣть, что́ изъ этого выйдетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что́ произошло бы, если бы я свое рѣшеніе солгать возвелъ во всеобщій законъ? Получилось бы положеніе: «Всѣ люди должны лгать». Но что произошло бы, если бы люди стали слѣдовать этому закону, т.-е. стали лгать? Прямымъ послѣдствіемъ этого обстоятельства было бы то, что у людей перестало бы существовать какое бы то ни было довѣріе другъ къ другу, а при такихъ условіяхъ невозможна никакая соціальная жизнь: человѣческое общество перестало бы существовать. Слѣдовательно, возвести ложь во всеобщій законъ нельзя, а это является признакомъ того, что предполагаемое мною дѣйствіе будетъ дѣйствіемъ безнравственнымъ.

Теперь ясно, какъ нужно пользоваться этой формулой. Каждый разъ, какъ мы оцѣниваемъ какое-либо дѣйствіе, мы должны вспомнить эту формулу и попытаться возвести разбираемое дѣйствіе во всеобщій законъ. Если это окажется возможнымъ сдѣлать, то и самое дѣйствіе будетъ нравственное, въ противномъ случаѣ, наоборотъ.

Этотъ законъ имѣетъ всѣ признаки всеобщности и необходимости. Онъ необходимъ всегда и вездѣ, онъ долженъ быть признанъ всегда и вездѣ. Онъ не имѣетъ опредѣленнаго *содержанія*, онъ не указываетъ, какія именно дѣйствія мы должны совершать и какихъ дѣйствій мы должны избѣгать, но за то указываетъ, при соблюденіи какой *формы* дѣйствія будутъ нравственны или безнравственны. Другими словами, этотъ законъ даетъ намъ въ руки безошибочный внѣшній признакъ, при помощи котораго мы можемъ отличить дѣйствіе нравственное отъ дѣйствія безнравственнаго.

Этотъ моральный законъ Кантъ называетъ *категорическимъ императивомъ*, т.-е. правиломъ, которое повелѣваетъ дѣйствовать безусловно такъ, а не иначе. Но почему это есть категорическій императивъ? Потому что есть еще *гипотетическій* императивъ, совершенно отъ него отличающійся. Этотъ послѣдній всегда выражается въ формѣ условнаго предложенія и относится къ вопросамъ, касающимся нашего личнаго благополучія. Напр., предложеніе: «Если ты желаешь достигнуть счастья, ты долженъ совершить то или другое», есть гипотетическій императивъ. Совершеніе того или другого дѣйствія обусловливается только лишь опредѣленной цѣлью. Если ты желаешь достигнуть той или иной цѣли, то ты *долженъ* дѣлать то или иное. Если же ты такой цѣли не поставляешь, то ты этого можешь и не дѣлать. Здѣсь долженствованіе представляется обусловленнымъ. Хотя мы и въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ императивомъ, однако онъ имѣетъ характеръ условный, относительный. Категорическій же императивъ имѣетъ зна-

ченіе абсолютное. «Ты не долженъ лгать»—такъ нравственный законъ намъ повелѣваетъ; ты никогда, ни при какихъ условіяхъ не *долженъ* обманывать: нравственный законъ обладаетъ абсолютностью и не подвергается никакимъ ограниченіямъ. Человѣкъ долженъ *всегда* повиноваться этому нравственному закону абсолютно, безусловно, не обращая вниманія ни на что. По теоріи Канта, нельзя лгать даже у постели умирающаго для утѣшенія его *). Категорическій императивъ обладаетъ всеобщностью и необходимостью.

Если этотъ законъ обладаетъ всеобщностью и необходимостью, то какого онъ происхожденія, не трудно опредѣлить. Онъ, конечно, не эмпирическаго происхожденія, а происходитъ изъ самого разума. Разумъ самъ себѣ его даетъ. Всеообщность и необходимость есть самый лучшій способъ для опредѣленія происхожденія. Если какое-нибудь правило поведенія не можетъ быть выражено въ формѣ всеобщаго и необходимаго закона, то можно быть увѣреннымъ, что оно вытекаетъ не изъ разума, а изъ чувственности, и поступокъ, основанный на этомъ законѣ, не имѣетъ моральной цѣны. Всѣ тѣ дѣйствія, которыя можетъ совершать человѣкъ, руководясь стремленіемъ къ достиженію личнаго счастья, удовольствія, дѣйствія подъ вліяніемъ какихъ-либо чувственныхъ побужденій, дѣйствія, въ которыхъ мы руководствуемся какими-либо эгоистическими интересами, никакъ не могутъ выдержать указанной пробы. Они не могутъ быть выражены въ формѣ всеобщаго и необходимаго закона. Какъ только мы попытаемся возвести ихъ во всеобщій и необходимый законъ, то противорѣчивость этого послѣдняго тотчасъ же обнаружится.

Изъ этихъ разсужденій становится понятнымъ, какъ Кантъ отвѣтитъ на вопросъ, въ чемъ *цѣль жизни*. Онъ никогда не скажетъ, подобно утилитаристамъ, что удовольствіе и счастье есть цѣль жизни. По Канту, конечная цѣль человѣческой жизни заключается въ томъ, чтобы мы выработали въ себѣ *добрую волю* (guter Wille) **), т.-е. волю, дѣйствующую нравственно.

Но что такое добрая воля, и почему добрая воля должна составлять цѣль жизни? Потому что, по мнѣнію Канта, только добрая воля есть то единственное въ мірѣ, что никогда не можетъ привести ко злу. «Нигдѣ въ мірѣ, да и вообще внѣ его нельзя придумать ничего такого, что безъ ограниченія могло бы считаться добрымъ, кромѣ доброй воли». Такія свойства души, какъ умъ, остроуміе, мужество, рѣшимость, настойчивость, въ извѣстномъ отношеніи должны быть признаны хо-

---

*) См. его «Metaphysik d. Sitten». Tugendlehre, § 9.

**) Я охотно въ этомъ случаѣ guter Wille перевелъ бы посредствомъ *хорошая* воля вмѣсто «добрая воля», такъ какъ съ этимъ послѣднимъ терминомъ у насъ связывается представленіе о «добровольности», но въ виду того, что «хорошій» примѣняется по преимуществу къ вещамъ, то я оставляю терминъ «добрая воля», сознавая его полную неудовлетворительность.

рошими и желательными, но они могутъ сдѣлаться крайне дурными и вредными, если только та воля, которая пользуется этими дарами природы, не будетъ добра. То же самое слѣдуетъ сказать и о дарахъ счастья. Могущество, богатство приводятъ къ высокомѣрію, если только владѣющій ими не обладаетъ доброй волей. Такимъ образомъ, все можетъ привести ко злу, и только одна добрая воля есть нѣчто абсолютно доброе и никогда не можетъ превратиться въ дурное *).

Что такое добрая воля? Возьмемъ примѣры нравственныхъ дѣйствій человѣка и мы увидимъ, въ чемъ она состоитъ.

Вотъ, напримѣръ, купецъ, который не беретъ у своего неопытнаго покупателя больше, чѣмъ слѣдуетъ, и обращается съ своими покупателями на столько добросовѣстно, что и ребенокъ можетъ у него покупать. Мы называемъ дѣйствія такого купца *честными*, однако мы не считаемъ его дѣйствія нравственными въ истинномъ смыслѣ этого слова. Мы думаемъ, что онъ дѣйствуетъ добросовѣстно потому, что боится утратить довѣріе своихъ покупателей и выгоду, съ нимъ связанную.

Но вотъ другой случай: человѣкъ, обладающій добрымъ сердцемъ, помогаетъ своимъ ближнимъ. Онъ поступаетъ согласно нравственному закону, но такъ какъ онъ дѣйствуетъ, руководясь своими склонностями и чувствами, то хотя мы относимся съ большой похвалой къ такого рода поступкамъ, однако мы не считаемъ ихъ нравственными въ наивысшемъ смыслѣ. Для того, чтобы поступокъ былъ истинно нравственнымъ, мы не должны дѣйствовать согласно нашимъ чувствамъ и склонностямъ, но мы должны дѣлать добро ради добра, мы должны исполнять долгъ ради долга, не обращая вниманія на наши склонности. Тотъ, кто дѣйствуетъ согласно своему долгу, поступаетъ истинно нравственно и обладаетъ доброй волей. Напримѣръ, если человѣкъ, различными неудачами доведенный до отчаянія, желаетъ покончить свою жизнь самоубійствомъ, но воздерживается отъ него изъ сознанія долга (потому что сохранять жизнь есть долгъ), тотъ совершаетъ поступокъ, имѣющій наивысшую нравственную цѣну.

Относительно торговца, благотворителя можно сказать, что они поступаютъ согласно нравственному закону, они поступаютъ *законно*, истинно же *нравственно* поступаетъ только лишь тотъ, кто дѣйствуетъ вопреки своимъ склонностямъ, вопреки чувствамъ, кто исполняетъ долгъ изъ одного лишь уваженія къ нравственному закону.

Добрая воля называется доброй не вслѣдствіе тѣхъ результатовъ, которые благодаря ей достигаются, не вслѣдствіе пригодности ея для достиженія тѣхъ или иныхъ цѣлей, а вслѣдствіе того душевнаго настроенія, которое сопровождаетъ наши дѣйствія. Важно замѣтить, что Кантъ, говоря о томъ душевномъ состояніи, которое сопровождаетъ

---

*) «Grundlegung zur Metaphysik d. Sitten», (изд. Kirchmann'a), стр. 10.

слѣдованіе нравственному закону, не имѣетъ въ виду какое-нибудь чувство удовольствія или неудовольствія или вообще какое-нибудь чувство, а называетъ это состояніе просто *уваженіемъ къ нравственному закону.*

«Исполненіе долга ради самого долга»—вотъ основное положеніе этики Канта. Вслѣдствіе этого моральная система Канта и называется *системой долга.*

Въ исполненіе долга изъ *уваженія* къ нравственному закону Кантъ видитъ критерій нравственности. «О, долгъ!—восклицаетъ онъ.—Ты возвышенное, великое имя, ты не содержишь ничего такого, что нравится, что ласкаетъ наши чувства, но ты требуешь только подчиненія, ты не произносишь угрозъ, которыя возбуждали бы въ нашемъ духѣ какія-либо склонности и не вызываешь страха для того, чтобы привести въ движеніе нашу волю; ты выставляешь только законъ, который самъ по себѣ находитъ доступъ въ нашъ духъ и который самъ по себѣ всегда противъ желанія вызываетъ *уваженіе*». Уваженіе передъ моральнымъ закономъ есть нѣчто, что не можетъ быть разсматриваемо ни какъ предметъ склонности, ни страха. Нравственному закону мы подчиняемся, не спрашиваясь собственнаго благополучія. Вотъ основная мысль Канта: истинно нравственный человѣкъ долженъ повиноваться нравственному закону, долженъ дѣйствовать, сообразуясь исключительно съ долгомъ, совершенно въ то же время отрѣшаясь отъ какихъ бы то ни было чувственныхъ побужденій.

Обратимъ вниманіе на то, что когда человѣкъ дѣйствуетъ, слѣдуя только лишь долгу, то онъ дѣйствуетъ *независимо отъ чего бы то ни было внѣшняго.* Воля человѣка дѣйствуетъ, опредѣляясь исключительно только закономъ, который она сама же и создаетъ *).

На этомъ мы могли бы остановиться. Здѣсь уже есть отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ критерій нравственности, въ чемъ конечная цѣль человѣческой жизни. По Канту, «дѣйствуй по такому принципу, относительно котораго ты могъ бы пожелать, чтобы онъ сдѣлался всеобщимъ закономъ». По кантовской морали, законъ нравственности абсолютенъ, безусловенъ и никакимъ ограниченіямъ не подлежитъ; цѣль жизни Кантъ видитъ въ томъ, чтобы выработать такую волю, съ помощью которой можно было бы дѣйствовать согласно вышеприведенному закону. Вотъ моральная система Канта, но съ ней связанъ цѣлый рядъ очень важныхъ вопросовъ, которые мы сейчасъ и разсмотримъ.

Мы говоримъ: «разумъ самъ себѣ даетъ законъ»; слѣдовательно, разумъ есть причина возникновенія нравственнаго закона. Изъ этого утвержденія вытекаетъ весьма важное послѣдствіе.

---

*) Способность воли подчиняться только нравственному закону называется *автономіей* воли; подчиненіе же воли чему-нибудь внѣшнему, напр., представленію счастья и т. п. называется *гетерономіей* воли.

Если мы разсмотримъ, что дѣлается въ окружающей насъ природѣ, то мы увидимъ что въ ней все находится въ причинной связи другъ съ другомъ, вездѣ цѣпь причинъ безконечна, рядъ другъ съ другомъ связанныхъ звеньевъ непрерывенъ: такъ все совершается въ физическомъ мірѣ. Но такъ ли дѣлается и въ моральной жизни? Наша воля, когда она дѣйствуетъ нравственно, т.-е. когда она подчиняется только лишь нравственному закону и не подчиняется чему-либо, получающему начало извнѣ, является какъ бы нарушеніемъ того общаго закона причинности, который царитъ въ физическомъ мірѣ. Въ этомъ смыслѣ Кантъ говоритъ, что воля, дѣйствующая нравственно, дѣйствуетъ *свободно*, не подчиняясь физической причинности, или, какъ еще Кантъ это называетъ, воля дѣйствуетъ, подчиняясь особой причинности, которую онъ называетъ *причинностью изъ свободы* (Causalität aus Freiheit).

Въ данномъ случаѣ воля можетъ быть названа *свободной*, потому что она дѣйствуетъ, не находясь въ зависимости отъ какихъ бы то ни было чувственныхъ побужденій, а исключительно подъ вліяніемъ нравственнаго закона, не подчиняясь ничему чувственному.

Но признаніе человѣческой свободы приводитъ къ несомнѣнному противорѣчію. Съ одной стороны оказывается, что человѣкъ, какъ физическое существо, подчиненъ закону причинности, его дѣйствія необходимы, а съ другой стороны, какъ существо, дѣйствующее нравственно, онъ свободенъ; поскольку наши дѣйствія являются продуктомъ воздѣйствія нравственной воли, они должны быть свободны, поскольку же они суть дѣйствія физическія и протекаютъ во времени, они должны подчиняться закону причинности, постолько они необходимы. Кантъ думаетъ, что противорѣчіе можетъ быть устранено, если принять въ соображеніе, что существуетъ различіе между міромъ феноменовъ и міромъ ноуменовъ. Міръ феноменовъ—это міръ чувственный, нами воспринимаемый, это міръ, составляющій предметъ науки. Міръ ноуменовъ—это міръ умопостигаемый, міръ абсолютныхъ реальностей, въ который метафизика старается проникнуть, но, какъ думаетъ Кантъ, тщетно. Различіе между этими двумя мірами происходитъ отъ пространства и времени, которыя представляютъ собою формы чувственнаго міра и не составляютъ закона міра умопостигаемаго, ноуменовъ. Міръ ноуменовъ находится внѣ пространства и времени. Міръ чувственный есть видъ, который принимаетъ видъ умопостигаемый, когда онъ облекается въ формы пространства и времени. Это же подраздѣленіе примѣнимо и къ человѣку. Существуетъ человѣкъ ноуменъ. Это человѣкъ вѣчный, который одинъ только обладаетъ абсолютной реальностью, и существуетъ человѣкъ феноменъ, жизнь котораго протекаетъ во времени. Эта жизнь, созидающаяся изъ послѣдовательныхъ явленій, есть ничто иное, какъ отраженіе вѣчной и внѣвременной жизни, отраженіе, воплощающееся въ форму пространства и времени. Подобно тому, какъ существуетъ два человѣка, существуетъ также два вида при-

чинности. Именно причинность эмпирическая, которая осуществляется во времени и причинность умопостигаемая, которая осуществляется внѣ времени. Во времени и въ пространствѣ всѣ явленія суть предшествующія и послѣдущія. Они слѣдуютъ другъ за другомъ и опредѣляются другъ другомъ. Тамъ же, гдѣ дѣйствуетъ причинность умопостигаемая, тамъ нѣтъ ни до, ни послѣ, тамъ не существуетъ ни предшествующаго, ни послѣдующаго. Такая причинность именно и есть причинность изъ свободы *).

Теперь понятно, почему человѣкъ той стороной своего существа, которою онъ подчиняется нравственному закону, *принадлежитъ сверхчувственному міру*. Нравственный законъ есть въ сущности законъ, даваемый намъ разумомъ, а умопостигаемый міръ есть именно царство разумныхъ существъ. Въ этомъ мірѣ каждое разумное существо, самостоятельно создающее себѣ нравственный законъ, дѣйствуетъ такъ, что не опредѣляется внѣшними причинами, какъ въ природѣ. Здѣсь господствуютъ лишь свободныя самоопредѣленія. Поскольку человѣкъ принадлежитъ этому міру, онъ свободенъ, поскольку онъ принадлежитъ къ физическому міру, его дѣйствія подчинены необходимости. Свобода и необходимость не суть два понятія, совершенно другъ друга исключающія. Человѣческія дѣйствія и свободны, и необходимы въ одно и то же время, но только мы должны помнить, что дѣло идетъ о двухъ различныхъ мірахъ. Необходимость человѣческихъ дѣйствій истинна для міра чувственнаго, для человѣка-феномена. Свобода истинна для міра умопостигаемаго, для человѣка-ноумена. Человѣкъ-феноменъ подчиненъ причинности, человѣкъ-феноменъ, какъ мы видѣли выше, есть обнаруженіе человѣка-ноумена, или умопостигаемой стороны его сущности. Поэтому Кантъ дѣлаетъ различіе между человѣкомъ эмпирическимъ и человѣкомъ умопостигаемымъ.

Такъ какъ, далѣе, дѣйствія одного человѣка отличаются отъ дѣйствій другого человѣка въ зависимости отъ того, каковъ его *характеръ*, то Кантъ и предполагаетъ существованіе двухъ характеровъ, именно характера *эмпирическаго*, т.-е. характера человѣка, какъ онъ намъ данъ въ чувственномъ мірѣ, и характера *умопостигаемаго*, или *интеллигибельнаго*, т.-е. характера человѣка, принадлежащаго къ сверхчувственному міру. При этомъ Кантъ думаетъ, что эмпирическій характеръ является отраженіемъ умопостигаемаго.

Вслѣдствіе того, что существуетъ такая зависимость между умопостигаемымъ характеромъ и эмпирическимъ нужно признать, что истинная причина волевыхъ рѣшеній человѣка есть въ дѣйствительности умопостигаемый характеръ. Хотя мы и знаемъ, что каждое наше волевое рѣшеніе слѣдуетъ законамъ природы, но мы должны признать, что самъ нашъ эмпирическій характеръ есть проявленіе умопостигаемаго.

---

*) Объ этомъ см. вторую статью стр. 174.

Эту зависимость эмпирическаго характера отъ умопостигаемаго нужно понимать такимъ образомъ, что «всѣ наши волевые акты возникаютъ изъ нашего *сверхчувственнаго существа*, изъ внѣвременной основы нашихъ дѣятельностей, возникающихъ во времени» *). Другими словами, каждое наше дѣйствіе, подчиняющееся нравственному закону, опредѣляется разумомъ, который, какъ таковой, дѣйствуетъ внѣ эмпирической причинности, а поэтому *принадлежитъ къ сверхчувственному міру*. Вслѣдствіе этого на каждое наше нравственное дѣйствіе мы должны смотрѣть, какъ на возникающее изъ нашего сверхчувственнаго существа.

Итакъ, мы видимъ, что, по Канту, эмпирически всѣ дѣйствія воли необходимы, т.-е. подчинены закону причинности, но въ то же время воля свободна, потому что она подчиняется совершенно особой причинности, получающей начало въ сверхчувственномъ мірѣ. «Какъ разумное, умопостигаемому міру принадлежащее существо, человѣкъ можетъ причинность своей воли мыслить не иначе, какъ только подъ идеей свободы, ибо независимость отъ опредѣляющихъ причинъ чувственнаго міра есть свобода» **).

Аргументація Канта сводится вкратцѣ къ слѣдующему. У насъ есть нравственный законъ, имѣющій формальный характеръ. Воля, (т.-е. практическій разумъ) сама себѣ даетъ этотъ законъ, сама себя обязуетъ, не зависитъ ни отъ чего внѣшняго, слѣдовательно, она свободна. Но такъ какъ Кантъ самъ признавалъ, что все въ мірѣ эмпирическомъ подчиняется закону причинности, разумная же воля этой причинности не подчиняется, то онъ долженъ придти къ признанію существованія сверхчувственнаго міра и къ тому, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, относящихся къ міру сверхчувственному, человѣкъ свободенъ, во всемъ же остальномъ онъ подчиненъ необходимости ***).

Моральный законъ у Канта имѣетъ совершенно формальный характеръ, но онъ дѣлаетъ попытку вложить въ него нѣкоторое содержаніе и именно тѣмъ, что проводитъ различіе между «вещами» просто и «личностью», человѣкомъ, какъ носителемъ нравственнаго закона.

Но почему наличность нравственнаго закона возвышаетъ человѣка, ставитъ его выше всего существующаго? Понять это не трудно. Человѣкъ, который слѣдуетъ велѣніямъ нравственнаго закона, отрѣшается отъ низшихъ чувственныхъ побужденій, отрѣшается отъ того, что приближаетъ человѣка къ животному. Человѣкъ, благодаря нравственному закону, можетъ стать выше животнаго. «Достоинство человѣка состоитъ въ томъ, что его разумъ, нѣчто высшее, можетъ господствовать въ его жизни, и не допустить, чтобы страсти, нѣчто низшее,

*) Целлеръ «Geschichte d. deutschen Philosophie». 1875, стр. 370.

**) «Grundlegung z. Metaph. d. Sitten», стр. 82.

***) О различныхъ пониманіяхъ свободы у Канта. См. Jodl Geschichte d. Ethik. B. II, стр. 26—40. Русскій переводъ: «Исторія Этики», т. II.

господствовали надъ нимъ. Вслѣдствіе того, что онъ обладаетъ разумомъ, онъ принадлежитъ къ высшему порядку вещей, къ умопостигаемому, божественному міру, въ качествѣ же чувственнаго существа онъ принадлежитъ къ числу продуктовъ природы. Поэтому позорно и унизительно божественную часть природы подчинять животной и отказываться отъ правъ гражданства въ царствѣ разумныхъ существъ, чтобы довольствоваться животною жизнью. Отдавать разумное существо, составляющее по природѣ абсолютную самоцѣль, на службу чувственности, т.-е. того, что по самой природѣ предназначено къ служебной цѣли, это значитъ абсолютно извращать вещи» *).

Поэтому въ качествѣ средствъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей могутъ употребляться только чувственныя вещи, человѣкъ же, какъ существо, принадлежащее къ высшему міру, въ качествѣ *цѣли* не долженъ употребляться. Отсюда выводъ очевиденъ.

Различіе между міромъ чувственнымъ и міромъ высшимъ и производитъ то, что возникаетъ различіе между *вещами* и *лицами*, изъ которыхъ первымъ приписывается *цѣнность*, а вторымъ *достоинство*. Вещи, какъ принадлежащія къ чувственному міру, могутъ служить средствомъ для достиженія какой-либо цѣли и поскольку онѣ этой цѣли служатъ, постольку онѣ и обладаютъ цѣнностью (Werth), а то, что не можетъ служить средствомъ для достиженія какой-либо цѣли, какъ, напр., нравственный законъ, и что поэтому есть само для себя цѣль, тому присуще достоинство (Würde).

Но такъ какъ всякое разумное существо само себѣ даетъ этотъ законъ и себя съ нимъ отожествляетъ, то ему сообщается это достоинство нравственнаго закона. Поэтому человѣческая личность, какъ разумное существо, само себѣ дающее законъ, есть абсолютная самоцѣль; личность человѣка, какъ носительница нравственнаго закона, должна быть цѣлью въ самой себѣ и не должна быть средствомъ.

Исходя изъ такихъ взглядовъ на достоинство личности, Кантъ расширилъ свою формулу такимъ образомъ: «Дѣйствуй такъ, чтобы человѣкъ какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого употреблялся не какъ *средство*, но какъ *цѣль*». Я не долженъ, напр., давать кому-нибудь ложныя обѣщанія, потому что въ этомъ случаѣ то лицо, которому я даю ложныя обѣщанія, не можетъ участвовать въ моей цѣли; оно оказывается только лишь средствомъ, между тѣмъ какъ по существу оно должно являться цѣлью. Это значитъ, другими словами, что человѣкъ не долженъ смотрѣть на другого, какъ на средство для достиженія эгоистическихъ цѣлей, что онъ никогда не долженъ смотрѣть на личность другого, какъ на средство, а обязанъ уважать въ немъ достоинство личности. Отсюда понятно, почему, съ точки зрѣнія кантовской этики, можно говорить о всеобщемъ *ра-*

*) Паульсенъ. «Кантъ», стр. 284.

венствѣ всѣхъ разумныхъ существъ. Всѣ люди имѣютъ разумъ, всѣ обладаютъ способностью давать себѣ нравственные законы и поэтому всѣ они обладаютъ одинаковымъ человѣческимъ достоинствомъ *).

Это особенное свойство нравственнаго закона влечетъ за собою, какъ мы видѣли, признаніе *свободы*. Разсмотримъ ближе этотъ важный пунктъ кантовской этики.

Кантовское доказательство свободы воли по отношенію къ нравственному закону совершенно отличается отъ того доказательства, которымъ пользовались метафизики до Канта. Они сначала доказывали, что человѣкъ свободенъ, а затѣмъ старались доказать необходимость нравственнаго закона. Кантъ дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ сначала доказываетъ необходимость нравственнаго закона, а отсюда уже дѣлаетъ выводъ о необходимости свободы. Онъ показываетъ, что признаніе нравственнаго закона въ той формѣ, въ какой мы съ нимъ познакомились, предполагаетъ свободу. Человѣкъ свободенъ потому, что въ немъ есть нравственный законъ, который ему повелѣваетъ. Это нужно понимать слѣдующимъ образомъ.

Нашъ разумъ выставляетъ извѣстный нравственный законъ, который намъ повелѣваетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ быть независимыми отъ какихъ бы то ни было чувственныхъ побужденій. Но чтобы мы были въ состояніи подчиниться повелѣніямъ этого нравственнаго закона мы должны быть въ состояніи дѣйствовать независимо отъ какихъ бы то ни было чувственныхъ побужденій. Способность же не дѣйствовать подъ вліяніемъ чувственныхъ побужденій и есть свобода.

Такимъ образомъ ясно, что для подчиненія нравственному закону необходима свобода. *Свобода есть необходимое условіе существованія самого нравственнаго закона.* Въ самомъ дѣлѣ, нравственный законъ повелѣваетъ, обязываетъ безусловно, поэтому исполненіе его велѣній должно быть возможно. Мы должны быть *увѣрены*, что существуетъ воля, опредѣляемая не чувственными побужденіями, а только своимъ собственнымъ представленіемъ закона, иначе его безусловное повелѣніе было бы просто безсмысленно. Было бы очень странно, если бы законъ, даваемый нашимъ разумомъ, повелѣвалъ бы безусловно, и въ то же время не подразумѣвалось бы само собою, что исполненіе этого закона возможно. Другими словами, это означаетъ: «Ты свободенъ, ты можешь дѣйствовать независимо отъ чувственныхъ побужденій, потому, что въ тебѣ есть нравственный законъ, тебѣ это повелѣвающій». Безусловность нравственнаго закона есть именно доказательство свободы воли, или, какъ это Шиллеръ выражаетъ: «Du kannst, denn du sollst, «ты *можешь*, потому что ты *долженъ*». Ты можешь потому, что нравственный законъ повелѣваетъ безусловно.

Кажется на первый взглядъ, что Кантъ такимъ образомъ *дока-*

---

*) См. объ этомъ Vorländer. «Kant und. Socialismus», стр. 13.

зываетъ свободу воли; въ дѣйствительности же кантовское признаніе свободы вовсе не есть теоретическое доказательство въ собственномъ смыслѣ, потому что сознаніе нравственнаго закона, на которое опирается признаніе свободы, вовсе не есть доказательство, а есть предметъ *вѣры*.

Признаніе свободы воли исходитъ изъ вѣры, которую всякій истинно нравственный человѣкъ признаетъ по отношенію къ самому себѣ и по отношенію ко всѣмъ разумнымъ существамъ. *Поскольку онъ сознаетъ въ себѣ нравственный законъ, постольку онъ вѣритъ въ возможность слѣдовать ему.* Но само собою разумѣется, въ такой же мѣрѣ онъ вѣритъ и въ условія нравственнаго закона и думаетъ, что всякое разумное существо мыслитъ такимъ же образомъ. Истинно нравственный человѣкъ вѣритъ, у него есть убѣжденіе, что нравственный законъ всеобщъ и необходимъ. Изъ такого сознанія является признаніе свободы, но такъ какъ сознаніе нравственнаго закона не есть *знаніе* въ собственномъ смыслѣ, а только лишь *вѣра*, то и признаніе свободы является предметомъ вѣры: признаніе свободы не есть продуктъ доказательства, а есть *постулатъ*, какъ его называетъ Кантъ.

Кромѣ этого постулата у Канта есть еще постулаты вѣры, именно постулатъ *безсмертія* и постулатъ *Бога*.

Первый постулатъ выводится имъ слѣдующимъ образомъ.

Что можетъ быть цѣлью нравственной воли? Нельзя сказать, что счастье, потому что, какъ мы видѣли, у Канта понятіе счастья исключается, какъ нѣчто эмпирическое. Стремленіе къ *счастью* есть предметъ чувственной воли, цѣлью же нравственной воли является собственно *добродѣтель*. Но дѣло въ томъ, что между добродѣтелью и счастьемъ нѣтъ необходимой связи, т.-е. стремленіе къ счастью не дѣлаетъ человѣка добродѣтельнымъ, а стремленіе къ добродѣтели не дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, человѣческое существо принадлежитъ одновременно къ чувственному и къ нравственному міру, то добродѣтель должна связываться со счастьемъ. Это соединеніе добродѣтели со счастьемъ Кантъ называетъ *высшимъ благомъ*, или *блаженствомъ*. Мысль его состоитъ въ томъ, что добродѣтель должна сопровождаться счастьемъ. Это требованіе отвѣчаетъ нашимъ чувствамъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ добродѣтельный несчастливъ, а человѣкъ порочный счастливъ, то мы это считаемъ несправедливымъ, это противорѣчитъ нашимъ чувствамъ, мы желали бы, чтобы было наоборотъ, чтобы добродѣтель сопровождалась счастьемъ, мы признаемъ, что только добродѣтель достойна счастья.

Разумная воля должна стремиться къ блаженству; достиженіе блаженства можетъ осуществиться только черезъ добродѣтель. Но спрашивается, возможно ли достиженіе блаженства черезъ посредство добродѣтели? Для того, чтобы достигнуть высшаго блаженства, нужна высшая добродѣтель, а этого именно въ нашей жизни не можетъ

быть; нельзя сказать, чтобы мы могли что-либо совершать съ абсолютно чистыми побужденіями, наоборотъ, мы должны признать, что наши дѣйствія, даже нравственныя, не вполнѣ свободны отъ своекорыстныхъ побужденій. Для достиженія же высшаго блага, именно необходима абсолютная чистота нравственныхъ дѣйствій, или полная святость; но ея въ земной жизни быть не можетъ, а потому въ земной жизни высшее благо достигнуто быть не можетъ.

Но мы никакъ не можемъ примириться съ тѣмъ, чтобы нравственно дѣйствующая воля не была вознаграждена блаженствомъ. Если бы мы это допустили, то у насъ оставалась бы извѣстное чувство неудовлетворенія.

Чтобы получить удовлетвореніе, мы должны допустить, что наша воля способна къ абсолютному усовершенствованію; а чтобы такое усовершенствованіе оказалось возможнымъ, нужно допустить, что человѣкъ будетъ продолжать свое существованіе до безконечности, чтобы при помощи безконечнаго совершенствованія и приближенія къ святости сдѣлаться достойнымъ высшаго блага. Кантъ вѣритъ, что человѣкъ способенъ продолжать существованіе до безконечности, т.-е., другими словами, онъ вѣритъ въ безсмертіе.

Такимъ образомъ, безсмертіе души есть постулатъ, допущеніе необходимое съ точки зрѣнія нашей *вѣры* въ необходимость высшаго блага для удовлетворенія нашего нравственнаго чувства.

Вотъ второй постулатъ практическаго разума. Кантъ идетъ еще дальше. Онъ спрашиваетъ, чѣмъ мы гарантированы, что между добродѣтелью и высшимъ благомъ можетъ установиться полное соотвѣтствіе, т.-е. что высшая добродѣтель будетъ награждена высшимъ благомъ? Разумнаго соотношенія между добродѣтелью и блаженствомъ можно ожидать лишь въ потусторонней жизни; оно можетъ быть установлено только существомъ совершеннымъ справедливымъ; только божество можетъ распредѣлять блаженство соразмѣрно добродѣтели. Такимъ образомъ, для того, чтобы понять возможность правильнаго соотношенія между добродѣтелью и блаженствомъ, мы должны допустить существованіе Бога.

Какъ видите, Кантъ приходитъ къ признанію того, что онъ въ «Критикѣ Чистаго Разума» раньше отрицалъ, и за что его признавали позитивистомъ. Теперь онъ признаетъ свободу, сверхчувственный міръ, безсмертіе, Бога. На этомъ основаніи Канту дѣлали упреки въ томъ, что онъ одною рукою даетъ позитивизмъ, а другою его отнимаетъ. Но на самомъ дѣлѣ этого противорѣчія здѣсь нѣтъ. Кантъ доказалъ въ «Критикѣ Чистаго Разума,» что мы *теоретически* не можемъ признать міра сверхчувственнаго, свободы и т. п. Здѣсь же онъ говоритъ не о *знаніи*, а о *вѣрѣ*. Свобода и міръ сверхчувственный не есть продуктъ теоретическаго доказательства, а есть лишь выраженіе убѣжденія и вѣры, а знаніе и вѣра не исключаютъ другъ друга.

Такимъ образомъ въ «Критикѣ Практическаго Разума» мы вновь

пріобрѣтаемъ то, что было отвергнуто въ Критикѣ Чистаго Разума. То, что тамъ признавалось только возможнымъ, здѣсь признается дѣйствительнымъ на основаніи нравственной вѣры. Всякій чувствуетъ въ себѣ нравственный законъ, всякій вѣритъ въ исполнимость его, но онъ долженъ также вѣрить и въ условія его т.-е. въ свободу, сверхчувственный міръ и т. п. Такъ какъ въ данномъ случаѣ требуется, чтобы мы отдавали предпочтеніе интересамъ практическимъ, этическимъ передъ интересами теоретическими, то ясно, что Кантъ признавалъ «первенство» практическаго разума передъ теоретическимъ.

Слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу собственно этической системы Канта.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ его утвержденіе, что человѣкъ только тогда поступаетъ истинно нравственно, когда онъ дѣйствуетъ, руководясь не своими склонностями, а только лишь сознаніемъ долга. Дѣйствовать изъ сочувствія, по Канту, не значитъ дѣйствовать нравственно; помощи ближнимъ на основаніи сочувствія человѣческое сознаніе обыкновенно придаетъ особенное значеніе, Кантъ же такое дѣйствіе даже не считаетъ нравственнымъ. Но уже первые ученики относились къ этому отрицательно и Шиллеръ осмѣялъ это противорѣчіе въ одномъ стихотвореніи. Одинъ изъ героевъ говоритъ: «Охотно служу я друзьямъ, но, къ сожалѣнію, я это дѣлаю по склонности и часто терзаюсь я мыслью, что я недобродѣтеленъ». Ему другой говоритъ «Совѣтъ тутъ одинъ, ты долженъ стараться ихъ презирать и потомъ съ отвращеніемъ дѣлать то, что повелѣваетъ тебѣ *долгъ*». Противорѣчіе въ системѣ Канта было замѣчено совершенно правильно.

Если мы возьмемъ кантовское требованіе «повиноваться долгу» и ограничимъ его извѣстными предѣлами, то оно пріобрѣтетъ разумный смыслъ. Въ большинствѣ случаевъ, когда наша воля *подвергается искушенію*, то наши дѣйствія пріобрѣтаютъ особенный нравственный смыслъ. Положимъ, идетъ богачъ, находитъ кошелекъ съ деньгами и возвращаетъ его владѣльцу. Конечно, этотъ поступокъ хорошъ, но богачу не стоило никакого усилія совершить его. Если то же самое сдѣлаетъ бѣднякъ, то мы отнесемся къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, потому что у него шла борьба между долгомъ и склонностью, и его дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше. Въ этомъ смыслѣ Кантъ былъ правъ, когда говорилъ, что дѣйствія наиболѣе похвальны въ нравственномъ отношеніи въ томъ случаѣ, когда есть выборъ между склонностью и долгомъ, гдѣ отдается предпочтеніе послѣднему; въ большинствѣ случаевъ кантовская формула оказывается въ полномъ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью, когда человѣкъ совершаетъ благодѣяніе, сопровождающееся извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенія. «Прекрасное и великое въ большинствѣ случаевъ происходитъ не изъ чувства долга, а изъ побужденій любящаго сердца» *).

*) См. *Паульсенъ.* System d. Ethik B. I, Кн. II. Гл. 5.

Моральная система Канта имѣла весьма важное значеніе для послѣдующаго развитія этики. Она пріобрѣла огромное число послѣдователей не только въ Германіи, но также во Франціи и Англіи.

Но самая важная мысль, которую современная философія усвоила изъ кантовской моральной философіи, состоитъ въ томъ, что *вѣрѣ* принадлежитъ въ нашемъ міровозрѣніи такое же равноправное положеніе, какъ и познанію. Въ этомъ отношеніи въ числѣ послѣдователей Канта слѣдуетъ назвать *А. Ланге*, *Паульсена*, *Вундта*, *Джемса* и др.

Лучшую оцѣнку кантовской философіи съ этой точки зрѣнія даетъ Паульсенъ *).

«Задача критической философіи Канта, говоритъ Паульсенъ, заключалась въ томъ, чтобы установить согласіе между вѣрой и знаніемъ, но онъ опирается при этомъ на моральную философію, а не на натуръ-философію. Въ теоретической философіи Кантъ вмѣстѣ съ матеріализмомъ утверждаетъ, что наука приводитъ только къ познанію закономѣрности, а не *смысла* вещей, она даетъ механическое, а не телеологическое объясненіе міра. Однако, съ другой стороны, Кантъ вмѣстѣ съ идеализмомъ убѣжденъ въ томъ, что въ вещахъ есть *смыслъ*, и что мы можемъ убѣдиться въ этомъ. Жизнь имѣетъ смыслъ. Съ непосредственною достовѣрностью мы признаемъ нравственныя блага за абсолютную цѣль жизни, но дѣлаемъ это не разсудкомъ или научнымъ мышленіемъ, а *волею* или, какъ говоритъ Кантъ, практическимъ разумомъ. Именно вѣра убѣждена въ томъ, что Богъ создалъ міръ, чтобы осуществить въ немъ вмѣстѣ съ людьми идею блага (Heilsgedanken)».

Всѣ догматы религіи представляютъ ничто иное, какъ разнообразныя выраженія увѣренности въ томъ, что міръ существуетъ для добра, что природа и исторія имѣютъ основаніе въ божественной идеѣ-цѣли.

Отсюда ясно, что у Канта являются какъ бы два способа разсмотрѣнія вещей. Разсмотрѣніе вещей съ точки зрѣнія *разума* и разсмотрѣнія вещей съ точки зрѣнія *воли*. Съ одной точки зрѣнія вещи представляются намъ находящимися другъ съ другомъ въ причинной связи, съ точки зрѣнія воли вещи представляются намъ имѣющими извѣстный смыслъ, достигающими извѣстной цѣли. Какимъ же образомъ совмѣщаются въ одномъ міропониманіи эти два независимые другъ отъ друга способа разсмотрѣнія вещей, научное разсмотрѣніе и религіозное ихъ истолкованіе? Кантъ думаетъ, что этого можно достигнуть путемъ различенія чувственнаго и сверхчувственнаго міра. Міръ, составляющій предметъ математическаго и естественно-научнаго разсмотрѣнія есть не дѣйствительность *сама по себѣ*, а лишь *явленіе*

---

*) Paulsen. «I. Kant». 1998. Стр. 4 и д.

въ нашей чувственности. Наоборотъ, міръ религіозной вѣры есть сама сверхчувственная дѣйствительность.

Какъ мы уже видѣли, при помощи разсудка мы не можемъ познать дѣйствительности, какъ она есть сама въ себѣ, потому что она не дана намъ въ нашей чувственной интуиціи. Задача вѣры заключается въ постиженіи дѣйствительности, какъ она есть сама въ себѣ. Это познаніе осуществляется вслѣдствіе того, что нашъ духъ, который неесть просто разсудокъ, считаетъ себя какъ нравственное существо членомъ этой абсолютной дѣйствительности и опредѣляетъ ея сущность на основаніи своей собственной сущности.

Такимъ образомъ, Кантъ имѣетъ возможность примирить вѣру и знаніе. Они, по мнѣнію Канта, не находятся другъ съ другомъ въ антагонизмѣ, если только мы укажемъ каждой изъ нихъ соотвѣтствующую функцію. Религіозная вѣра будетъ въ мирѣ съ наукой до тѣхъ поръ, пока она будетъ выступать только въ истолкованіи жизни и міра съ точки зрѣнія смысла, т.-е. будетъ нравственною увѣренностью въ томъ, что высшее благо возможно въ дѣйствительности. Наука оставляетъ мѣсто для такой вѣры.

Религія не есть наука, поэтому она и не можетъ быть предметомъ доказательства, но именно поэтому религія не можетъ быть предметомъ разсудочной критики, ее нельзя отвергать на основаніи теоретическихъ доказательствъ. «Догматы можно разрушать на основаніи доказательствъ при помощи критики, сама же религія не уничтожима, она постоянно вновь выростаетъ въ человѣческомъ духѣ изъ вѣчныхъ корней».

Въ связи съ этимъ находится другая огромная заслуга Канта. Именно, «онъ отводитъ *волѣ* подходящее для нея положеніе въ мірѣ. Онъ положилъ конецъ одностороннему интеллектуализму XVIII вѣка. Слишкомъ высокая оцѣнка развитія разсудка проводится въ теченіе всего новаго времени; начиная съ эпохи возрожденія, принято думать, что цѣнность человѣка основывается на его образованіи, что нравственное развитіе зависитъ также отъ его образованія. Вопреки этому взгляду, Кантъ показалъ, что цѣнность человѣка зависитъ не отъ его разсудка, но только лишь отъ его воли, міровоззрѣніе человѣка зависитъ также отъ его разсудка, но прежде всего отъ его воли. Моральная достовѣрность есть послѣдняя основа всякой достовѣрности. Послѣднія и высшія истины, при помощи которыхъ и ради которыхъ человѣкъ живетъ и умираетъ, имѣютъ основаніе не въ научномъ познаніи, но вытекаютъ изъ сердца, изъ воли. Всякій изъ насъ вѣритъ въ себя, въ свое назначеніе, вѣритъ въ будущее и въ прогрессъ, вѣритъ въ конечную побѣду истины, права и добра на землѣ. Все это вещи, которыя не могутъ быть *доказаны*. Онѣ обладаютъ не логическою, а нравственною достовѣрностью, безъ нихъ нельзя было бы ни дѣйствовать, ни жить. Такого же рода достовѣрность и религіозной

истины. Религія, если ее понимать въ самомъ общемъ видѣ, заключается въ увѣренности въ томъ, что все, на что направлены глубочайшія стороны моей воли и моего существа, имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, что Богъ стоитъ за меня и мое дѣло. Въ концѣ концовъ человѣкъ всегда живетъ *вѣрою,* а не *знаніемъ»* *).

Изъ числа философовъ, усвоившихъ себѣ эту точку зрѣнія, укажу прежде всего на автора «Исторіи Матеріализма» **) *А. Ланге*, по мнѣнію котораго при созиданіи міровоззрѣнія мы не можемъ ограничиваться только лишь тѣми данными, которыя намъ доставляетъ эмпирическая наука. Мы должны *дополнять* дѣйствительность при помощи нами самими созданныхъ идеальныхъ построеній. «Вселенная, когда мы ее понимаемъ только естественно-научно, можетъ насъ такъ же мало воодушевлять, какъ читаемая по складамъ «Иліада». Но если мы обнимаемъ цѣлое, какъ единство, то мы въ актѣ синтеза вносимъ въ объектъ наше собственное существо, подобно тому, какъ мы въ созерцаніи ландшафтъ дѣлаемъ гармоническимъ, сколько бы онъ въ частностяхъ не скрывалъ дисгармоніи. Всякое цѣлостное пониманіе слѣдуетъ эстетическимъ принципамъ, и всякій шагъ къ цѣлому есть шагъ къ *идеалу»*, т.-е. разсматривая міръ въ цѣломъ, мы при помощи субъективныхъ дополненій создаемъ гармоническое единство, которое производитъ на насъ эстетическое впечатлѣніе.

Это субъективное дополненіе можетъ совершаться при помощи той функціи, которую Ланге называетъ «творческимъ синтезомъ». Но, разумѣется, это «творчество нельзя считать чѣмъ-либо произвольнымъ. Творчество въ высокомъ и широкомъ смыслѣ слова нельзя разсматривать, какъ игру талантливаго произвола для забавы пустыми измышленіями, но оно есть необходимый и проистекающій отъ самыхъ глубокихъ корней человѣческой природы плодъ духа, источникъ всего высокаго и святого».

Человѣку нужно «дополненіе» дѣйствительности посредствомъ имъ самимъ созданнаго идеальнаго міра; высшія и благороднѣйшія функціи его духа совокупно дѣйствуютъ въ этомъ творчествѣ. Но должно ли это свободное дѣло ума принимать обманчивый образъ *доказательной* науки? Ланге думаетъ, что это построеніе не имѣетъ характера науки, а что это есть извѣстный видъ «творчества, родственнаго съ *поэзіей»*. Образчикъ такихъ построеній Ланге находитъ въ философской поэзіи Шиллера, которая соединяетъ съ самою благородною строгостью мысли самый высокій подъемъ надъ дѣйствительностью, и которая даетъ идеалу могущественную силу, относя его открыто и прямо въ область фантазіи. «Философскія поэмы Шиллера не есть порожденіе только

*) ib. стр. 381—386. Русскій пер. *Паульсенъ*. «И. Кантъ, его жизнь и ученіе». Спб. 1898 стр. 10—12 и 347—351.

**) См. *Lange*. «Geschichte des Materialismus». 1875. B. II стр. 538 и д. Русскій пер. Исторія матеріализма Спб. 1899 стр. 723.

умозрительнаго стремленія. Онѣ суть изліяніе истинно *религіознаго* возвышенія духа къ чистымъ и невозмутимымъ источникамъ того, что человѣкъ когда-либо почиталъ, какъ божественное и неземное». Ланге не думаетъ, чтобы однимъ *теоретическимъ* познаніемъ исчерпывалось наше міровоззрѣніе. Необходимо эстетическое построеніе въ связи съ религіозными и этическими потребностями человѣка. Онъ думаетъ, подобно Канту, что теоретическое построеніе міровоззрѣнія невозможно. «Пусть,—говоритъ онъ,—метафизика и далѣе продолжаетъ пытаться разрѣшать свои неразрѣшимыя задачи. Чѣмъ болѣе она остается теоретической и хочетъ соперничать въ достовѣрности съ науками дѣйствительности, тѣмъ менѣе она будетъ въ состояніи достигнуть общаго значенія. Чѣмъ болѣе она, напротивъ, будетъ приводить въ связь міръ бытія съ міромъ *значенія*, и своимъ пониманіемъ явленій будетъ стремиться къ этическому дѣйствію, тѣмъ болѣе она дастъ преобладанія формѣ надъ веществомъ и, не производя насилія надъ фактами, воздвигнетъ въ архитектурѣ своихъ идей храмъ почитанія вѣчному и божественному. Свободная же поэзія можетъ совершенно покинуть почву дѣйствительнаго и брать миеъ, чтобы невыразимое облечь въ слова». Здѣсь уже ясно, что построеніе міровоззрѣнія должно носить религіозный характеръ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Ланге, не все мы можемъ познать при помощи науки или теоретическаго разума. Намъ необходимо дополненіе дѣйствительности, а это дополненіе можетъ совершаться черезъ посредство творческой фантазіи, творчества, родственнаго съ творчествомъ въ поэзіи, въ религіи, признающей вѣчное и божественное.

Въ недавнее время *Вундтъ* и *Паульсенъ* пришли къ тому же. Эти философы, говоря о волѣ, стараются доказать, что она принимаетъ такое же участіе въ нашемъ міровоззрѣніи, какъ и умъ. Подобно тому, какъ наше познаніе созидается теоретическимъ разумомъ, такъ наша вѣра созидается волей.

Паульсенъ *) высказывается противъ тѣхъ, которые отожествляютъ философію съ религіей. По его мнѣнію. «философія не религія и не можетъ заступить ея мѣста. Она стремится быть не вѣрой, а знаніемъ. Тѣмъ не менѣе всякая философія, поскольку она желаетъ быть философіей въ старомъ смыслѣ, міросозерцаніемъ и жизнесозерцаніемъ, содержитъ въ себѣ также и элементы *вѣры*, которыхъ наука, какъ таковая, не содержитъ. Всякая философія, въ концѣ концовъ, сводится къ тому, чтобы внести *смыслъ* въ вещи, или скорѣе, показать смыслъ, существующій въ вещахъ. Смыслъ же въ своемъ послѣднемъ основаніи всегда есть дѣло не знанія, а воли и вѣры. То, что самому философу представляется высшимъ благомъ и конечною цѣлью, онъ привноситъ въ міръ, какъ благо и цѣль этого послѣдняго и затѣмъ въ послѣдую-

*) *Паульсенъ*. «Введеніе въ философію» М. 1899. Стр. 325, ср. также его «Ethik». B. I.

щемъ созерцаніи онъ думаетъ, что находитъ въ немъ таковыя». Т.-е. мы ищемъ, какой содержится смыслъ въ вещахъ и находимъ въ нихъ именно тотъ смыслъ, который подсказывается нашей волей. Мы предполагаемъ, мы надѣемся, мы вѣримъ, что въ мірѣ есть именно тотъ смыслъ, который наибольше отвѣчаетъ нашему хотѣнію. Вѣра въ возможность нашихъ послѣднихъ цѣлей, въ возможность высшаго блага служитъ точкой опоры въ образованіи міросозерцанія. Такого рода вѣра живетъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Собственно каждый человѣкъ *вѣритъ*, что въ мірѣ существуетъ смыслъ, даже если бы онъ захотѣлъ это отрицать. Напримѣръ, матеріалистъ принципіально отклоняетъ толкованіе міра изъ его смысла. По его словамъ, въ мірѣ нѣтъ никакого смысла, а если и возникаетъ что-нибудь осмысленное, то это происходитъ только случайно и мимоходомъ. «Но въ дѣйствительности и матеріалистъ вѣритъ въ разумный строй вещей, и онъ вѣритъ въ побѣду добраго дѣла, въ перевѣсъ разума, истины, права; вѣритъ, слѣдовательно, въ моральный строй міра».

Вѣра есть функція не разсудка, а воли. Различіе между этими двумя функціями заключается въ томъ, что разсудокъ познаетъ вещи, какъ онѣ есть, воля опредѣляетъ смыслъ въ вещахъ. Какъ одна, такъ и другая функція имѣетъ опредѣляющее значеніе въ созиданіи міросозерцанія. Цѣнности существуютъ только для субъекта, но не для его разсудка, а только для его воли, для практическаго разума. Что такое отношеніе существуетъ между волей и разсудкомъ, легко понять при слѣдующемъ предположеніи. Существу, которое не обладало бы волей, а было бы лишь чистымъ разсудкамъ совершенно не было бы возможно доказать значеніе или хотя бы только смыслъ царства цѣлей и нравственнаго міропорядка, какъ его внутренней закономѣрности. Для человѣка съ человѣческой волей, опредѣляемой высшими цѣлями человѣчества, вѣра въ нравственный строй естественна и необходима, и вѣра эта необходимо становится краеугольнымъ камнемъ всего его міросозерцанія. Неизбѣжно, чтобы въ нашей философіи запечатлѣвались какъ черты нашего *ума*, такъ и черты нашей *воли*.

Мы вѣримъ, или мы надѣемся, что въ мірѣ осуществляются тѣ цѣли, которыя мы желаемъ, которыя согласны съ нашей волей. Въ этомъ смыслѣ мы и можемъ сказать, что *вѣра есть функція воли*.

По опредѣленію *Вундта* *), задача философіи заключается въ томъ, чтобы «частныя познанія соединить въ такое цѣльное міропониманіе и жизнепониманіе, которое удовлетворяло бы какъ требованіямъ разсудка, такъ и потребностямъ чувствъ». Слѣдовательно по Вундту, нельзя при построеніи міровоззрѣнія заботится только о томъ, чтобы оно удовлетворяло извѣстнымъ логическимъ требованіямъ, напротивъ, мы должны принять также въ соображеніе и то, удовлетворяетъ ли это построеніе потребностямъ нашихъ чувствъ.

---

*) «System d. Philosophie». Введеніе.

Для того, чтобы читателю сдѣлалось понятнымъ, о какого рода построеніяхъ въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь, я позволю себѣ привести одинъ примѣръ изъ сочиненій Вундта. Возьмемъ вопросъ о *безсмертіи* души. По мнѣнію Вундта, при помощи теоретическихъ соображеній этого вопроса рѣшить нельзя, при помощи науки мы рѣшить этого вопроса не можемъ: она не доставляетъ намъ для этого достаточно данныхъ. Поэтому мы поставлены въ необходимость *дополнять* дѣйствительность. Дополняя дѣйствительность, мы и приходимъ къ необходимости признать безсмертіе. Если мы разсмотримъ, какимъ образомъ Вундтъ производитъ это дополненіе дѣйствительности, то для насъ сдѣлается яснымъ, что онъ принимаетъ въ соображеніе именно наши нравственныя потребности. «Задача идеальнаго дополненія дѣйствительности требуетъ,—говоритъ онъ,—чтобы философія признала *продолжаемость духовной жизни* (geistige Fortdauer) въ самомъ общемъ смыслѣ, т. е. продолженіе духовныхъ развитій за всякій предѣлъ, гдѣ бы и когда бы то ни было достигнутый», ибо если мы предположимъ, что въ извѣстный моментъ для духовнаго развитія наступитъ предѣлъ и что оно уступитъ мѣсто абсолютному ничто, то это должно было бы привести насъ къ мысли, что духовное содержаніе міра представляетъ изъ себя полное ничтожество. При такомъ предположеніи, все духовное содержаніе имѣло бы значеніе жалкаго обмана, такъ какъ все возростающее богатство духовныхъ благъ возбуждаетъ въ насъ ожиданіе дальнѣйшаго духовнаго развитія, а между тѣмъ при предположеніи, что духовное развитіе должно имѣть извѣстный предѣлъ, всѣ достигнутыя духовныя благо должны были бы превратиться въ ничто.

Такимъ образомъ, у насъ раждается *вѣра* въ неуничтожаемость нашей духовной жизни.

Но, разумѣется, это признаніе не есть теоретическое доказательство, а только лишь убѣжденіе. Наше нравственное сознаніе могло бы примириться только съ такимъ порядкомъ, въ которомъ существуетъ продолжаемость духовнаго развитія *).

Такъ какъ въ изложенныхъ ученіяхъ непонятной является мысль, почему вообще должно признаваться значеніе воли въ созиданіи нашего міровоззрѣнія, то и позволю себѣ, въ видѣ разъясненія, привести взглядъ *Джемса*, извѣстнаго у насъ автора «Психологіи», потому что у него особенно ясно выражается то направленіе, которое выступаетъ противъ односторонняго интеллектуализма **).

Сущность вопроса заключается въ слѣдующемъ. Намъ очень часто приходится видѣть, что наша воля принимаетъ участіе въ созиданіи того или другого сужденія: мы въ томъ или другомъ случаѣ выбираемъ то или другое рѣшеніе потому, что это болѣе отвѣчаетъ нашимъ

*) См. его «Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele». 3-е изд. 1897 г. Лекція 30-я, русскій пер. «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ». Спб. 1894 г. Лекція 30-я.

**) См. его «The Will to believe and other Essays in popular Philisophy». 1897.

хотѣніямъ, нашей волѣ. Это фактъ, относительно котораго едва ли кто-нибудь можетъ сомнѣваться. Но вопросъ въ томъ, правильно ли это? Должно ли это такъ быть?

Обычное мнѣніе таково, что въ созиданіи какихъ бы то ни было сужденій наша воля или желаніе является чѣмъ-то совершенно излишнимъ, что собственно мы, по мѣрѣ возможности, должны избѣгать вліянія воли, чтобы достигнуть возможно болѣе объективной истины.

Джемсъ съ этимъ не согласенъ. Нельзя сказать, что наши мнѣнія или убѣжденія созидаются чистымъ интеллектомъ. Въ дѣйствительности большинство нашихъ сужденій основано на *вѣрѣ*. Мы часто бываемъ убѣждены въ правильности сужденій не на основаніи строгихъ доказательствъ, а потому что у насъ есть *хотѣніе* вѣрить. Мы вѣримъ въ атомы и въ сохраненіе энергіи, не имѣя для этого никакихъ твердыхъ основаній или, вѣрнѣе сказать, имѣя для этого самыя ничтожныя основанія.

Наша вѣра въ саму истину, т.-е. вѣра въ то, что вообще существуетъ истина и что она достижима для насъ, есть не что иное, какъ утвержденіе нашего хотѣнія. Мы желаемъ имѣть истину. Мы желаемъ вѣрить, что наши опыты и изслѣдованія постепенно приблизятъ насъ къ возможности достигнуть полной истины. Но если бы какой-нибудь скептикъ спросилъ насъ, откуда мы это знаемъ, то едва ли наша логика нашла бы какой-нибудь отвѣтъ на это.

Отсюда ясно, въ выработкѣ нашихъ убѣжденій принимаетъ участіе не только наша интеллектуальная природа. Чистая логика не есть то единственное, что созидаетъ наши убѣжденія. Въ ихъ созиданіи принимаетъ участіе и *вѣра*. Сторонникъ интеллектуализма скажетъ, что это есть явленіе ненормальное, котораго слѣдуетъ избѣгать. Джемсъ соглашается съ тѣмъ, что объективная очевидность и достовѣрность несомнѣнно представляютъ очень возвышенный идеалъ, но онъ сомнѣвается въ томъ, что онѣ могутъ быть достигнуты. Въ концѣ концовъ есть одна только истина, противъ которой никакой скептицизмъ ничего не можетъ подѣлать, это именно та истина, что «данное явленіе сознанія существуетъ». Это предложеніе, дѣйствительно, можетъ считаться безспорнымъ. Но за исключеніемъ этого предложенія не существуетъ ни одного предложенія, котораго одни не считали бы очевидно истиннымъ, въ то время, какъ другіе съ одинаковой искренностью, не считали бы ложнымъ. Другими словами, всѣ истины въ концѣ концовъ основываются на чемъ-нибудь такомъ, во что мы «вѣримъ» и что не можетъ быть объективно доказано.

Вѣримъ же мы въ истинность того, относительно чего мы хотѣли бы, чтобы оно было истиннымъ. Въ этомъ смыслѣ мы должны сказать, что наша воля производитъ вліяніе на созиданіе сужденій. Можно сказать, что никогда ни одно сужденіе не можетъ быть произносимо безъ того, чтобы въ немъ такъ или иначе не участвовала бы наша страсть или воля.

Если мы изслѣдуемъ наши убѣжденія, то окажется не только то, что наши чувства оказываютъ воздѣйствіе на наши убѣжденія, но окажется также, что существуютъ такія убѣжденія, въ которыхъ это воздѣйствіе должно быть разсматриваемо, какъ *неизбѣжное* и какъ опредѣляющее нашъ выборъ. Джемсъ находитъ, что Паскаль былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что «сердце имѣетъ свои основанія, которыхъ не знаетъ разумъ».

Въ особенности воздѣйствіе воли замѣчается на моральныхъ сужденіяхъ. Моральные вопросы, это именно такіе вопросы, которыхъ нельзя доказать при помощи очевидныхъ доказательствъ. Моральные вопросы состоятъ не въ томъ, чтобы опредѣлить, что *существуетъ*, а они имѣютъ цѣлью опредѣлить, что *хорошо*, и что можетъ быть хорошо, если бы оно существовало. Наука намъ говоритъ о томъ, что существуетъ, но при сравненіи *цѣнности* того, что существуетъ, мы обыкновенно спрашиваемъ не науку, но наше сердце. Вопросъ о томъ, какого рода моральныя убѣжденія мы должны имѣть, рѣшается нашей волей. «Желаніе имѣть извѣстнаго рода истину созидаетъ существованіе этой спеціальной истины».

Главная функція воли состоитъ въ томъ, что она дѣлаетъ тѣ вещи, которыя сами по себѣ совершенно безразличны, хорошими или дурными. Вещи представляются намъ хорошими или дурными только потому, что мы обладаемъ волей, потому что мы оцѣниваемъ вещи, потому что мы ищемъ въ нихъ *смысла*. «Если ваше сердце не желаетъ міра моральной реальности, то ваша голова никогда не заставитъ вѣрить въ таковую. Нѣкоторые люди отъ природы обладаютъ такимъ холоднымъ сердцемъ, что для нихъ моральная гипотеза никогда не можетъ имѣть побудительнаго значенія». Но за то съ другой стороны, есть люди, у которыхъ эта вѣра такова, что она не можетъ быть отвергнута никакими логическими аргументами.

Важность вѣры обнаруживается также и въ томъ, что она способствуетъ созиданію явленій. Существуютъ случаи, когда извѣстные факты не могли бы осуществиться, если бы имъ не предшествовала вѣра. Напр., «соціальный организмъ есть то, что онъ есть, только потому, что каждый членъ его приступаетъ къ исполненію своего долга въ *увѣренности*, что и другіе будутъ исполнять свой долгъ». Если бы у него не было такой вѣры, то разумѣется, и самой соціальной жизни не могло бы быть. Если вѣра въ какой либо фактъ можетъ создать этотъ фактъ, то было бы безуміемъ утверждать, что очевидность, созидаемая вѣрой, есть «безнравственность низшаго рода», какъ утверждаютъ тѣ, которые думаютъ, что только чистая логика должна регулировать нашу жизнь.

Но что сказать относительно вѣры въ *религію*? И въ чемъ состоитъ религіозная гипотеза? Религія въ самомъ общемъ смыслѣ утверждаетъ двѣ вещи.

Она утверждаетъ, во-первыхъ, что «самыя лучшія вещи суть са-

мыя вѣчныя вещи». Но это утвержденіе совсѣмъ не можетъ быть провѣрено научно.

Во-вторыхъ, она утверждаетъ, что «для насъ лучше въ томъ случаѣ, когда мы вѣримъ, что первое утвержденіе истинно.»

Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія основного религіознаго вопроса мы пріобрѣтаемъ извѣстное жизненное благо, въ случаѣ, если у насъ нѣтъ этой вѣры, то мы теряемъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, въ религіи мы чувствуемъ нашу близость къ вселенной. Эта послѣдняя представляется намъ въ *личной* формѣ. Вселенная не есть для насъ «она», но «ты», и если мы религіозны, то у насъ ко вселенной устанавливается такое отношеніе, какое можетъ быть между однимъ лицомъ и другимъ. Хотя мы въ извѣстномъ смыслѣ составляемъ пассивныя части вселенной, за то, съ другой стороны, намъ представляется, что мы обладаемъ *автономіей*, какъ если бы мы сами были активными центрами.

Такимъ образомъ, при религіозной вѣрѣ мы дѣлаемъ изъ вселенной самое глубокое употребленіе, какое только возможно. Нельзя сказать, что мы занимаемъ самую прочную позицію въ томъ случаѣ, когда мы становимся на просто скептическую точку зрѣнія и утверждаемъ, что вышеприведенное положеніе ложно. Мы не имѣемъ никакой возможности доказать, что оно ложно, а потому, когда мы становимся на скептическую точку, то мы дѣйствуемъ такъ, какъ если бы мы были увѣрены, что религіозная гипотеза ложна. Скептицизмъ есть тоже рискованная точка зрѣнія.

Противники вѣры говорятъ, что «лучше рисковать потерять истину, чѣмъ подвергаться опасности сдѣлать ошибку». Джемсъ съ этимъ совершенно не соглашается. По его мнѣнію, мы ничего не теряемъ, если бы религіозная гипотеза была ложной, но мы очень много теряемъ, если бы она оказалась истинной, а потому правильнѣе было бы принять эту гипотезу.

Мысль Джемса, такимъ образомъ, сводится къ слѣдующему. Наша воля побуждаетъ насъ вѣрить въ правильность религіозной гипотезы. Эта *вѣра* созидаетъ для насъ извѣстное жизненное благо. Но что дѣлать съ этой вѣрой? Скептикъ утверждаетъ, что ее нужно отвергнуть, потому что она не *доказана* при помощи какихъ-либо логическихъ аргументовъ. Но, по мнѣнію Джемса, скептикъ не имѣетъ права говорить такимъ образомъ. Онъ это могъ бы сказать только въ томъ случаѣ, если бы онъ имѣлъ какія-нибудь логическія основанія *отвергать* правильность религіозной гипотезы, но онъ такихъ основаній не имѣетъ, а потому мы не должны отказываться отъ вѣры въ гипотезу, которая доставляетъ намъ извѣстное жизненное благо. Вотъ почему мы должны вѣрить, если мы вѣримъ, и не искать логическихъ аргументовъ для оправданія рѣшенія нашей воли *).

---

*) Представителемъ «нравственной вѣры» въ русской литературѣ является проф. *А. И. Введенскій*. См. его «Условія допустимости вѣры въ смыслъ жизни». Спб. 1896.

Кантовское обоснованіе этики принято въ одномъ сочиненіи по соціальной философіи, которое въ послѣднее время обратило на себя всеобщее вниманіе. Я разумѣю сочиненіе *Штаммлера* «Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи»*). Штаммлеръ, подобно Канту, признаетъ въ человѣческомъ духѣ двѣ основныхъ функціи, именно *познаніе* и *волю*, изъ которыхъ та и другая предназначены къ тому, чтобы созидать закономѣрность и единство нашего опыта. Все, что составляетъ предметъ нашего мышленія, благодаря этимъ функціямъ, пріобрѣтаетъ единство и закономѣрность, хотя при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что это единство и закономѣрность оба раза разсматриваются съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Именно разумъ все разсматриваетъ съ точки зрѣнія закономѣрности и *причинности*, а воля поставляетъ опредѣленную цѣль и все разсматриваетъ съ точки зрѣнія *цѣлесообразности*.

Такимъ образомъ созидаются два направленія мышленія, или два рода закономѣрности: закономѣрность причинности и закономѣрность *хотѣнія* **).

Когда дѣло идетъ о дѣйствіяхъ человѣческихъ, сознательныхъ и даже преднамѣренныхъ, какъ это бываетъ въ соціальной жизни, то мы ихъ можемъ разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія, именно съ точки зрѣнія простой причинности, но мы можемъ ихъ также разсматривать какъ дѣйствія, которыя *долженствуютъ* совершиться ***).

Закономѣрность причинности вполнѣ понятна. Разберемъ, что означаетъ у Штаммлера «закономѣрность хотѣнія». Эта закономѣрность возникаетъ вслѣдствіе того, что мы должны оправдывать каждую частную цѣль, которую можетъ поставлять то или другое дѣйствующее существо. Мы должны доказать ея цѣлесообразность, а это мы можемъ сдѣлать только въ томъ случаѣ, если опредѣлимъ сначала «конечную цѣль» и затѣмъ посмотримъ, способствуетъ ли разбираемая частная цѣль достиженію этой конечной. Только въ случаѣ утвердительнаго отвѣта мы можемъ сказать, что частная цѣль оправдана.

Но въ чемъ именно заключается конечная цѣль жизни человѣка, или, вѣрнѣе сказать, въ чемъ заключается конечная цѣль соціальной жизни?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ Штаммлеръ становится на точку зрѣнія Канта и отрицаетъ какія бы то ни было эмпирическія цѣли. Онъ, подобно Канту, ищетъ безусловныхъ цѣлей. Конечною цѣлью, которая служитъ для оправданія каждой данной частной цѣли, по мнѣнію Штаммлера, будетъ та, которая не носитъ въ себѣ ничего частнаго и ничего случайнаго. Только такая цѣль есть абсолютная и безусловная конечная цѣль.

---

*) «Wirthschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung». 1896.

**) «Gesetzmässigkeit des Wollens».

***) «Ук. соч. стр.» 349 и д.

Безусловная конечная цѣль представляется, какъ понятіе, которое не можетъ быть осуществлено ни въ какомъ опытѣ. Когда человѣкъ мыслитъ о достиженіи этой цѣли, то онъ не руководится какой-либо субъективной частной цѣлью, или какимъ-либо случайнымъ влеченіемъ, или какими-либо конкретными личными пожеланіями. Конечная цѣль, собственно, не можетъ быть представлена конкретно. Ее можно, какъ и у Канта, мыслить, какъ *формальный* законъ, которому не соотвѣтствуетъ никакое конкретное содержаніе. Поэтому законъ постановки цѣлей (Zwecksetzung) есть только идея, которой не соотвѣтствуетъ никакой опытъ. Закономѣрность цѣли состоитъ въ томъ, чтобы «хотѣть свободно (frei wollen) отъ всякой эмпирической обусловленности».

Само собою разумѣется, что у Штаммлера, какъ и у Канта, свобода не значитъ свобода отъ закона причинности, а свобода отъ субъективности въ поставленіи цѣли. «Свободное хотѣніе, это поставленіе цѣли, объективно дѣйствительное, объективно оправданное». Частная цѣль можетъ быть объективно оправдана только въ томъ случаѣ, если будетъ показано, что она соотвѣтствуетъ достиженію конечной цѣли.

Конечная цѣль имѣетъ характеръ формальный. «Конечною цѣлью соціальной жизни не можетъ быть какая-нибудь частная цѣль, ею не могутъ быть такъ называемыя высшія блага культуры, ею не можетъ быть вообще какая-нибудь опредѣленная цѣль, но только лишь *формальная* мысль, которая стоитъ выше всѣхъ частныхъ цѣлей». Конечная цѣль есть высшій этическій законъ. Ее можно было бы выразить, какъ «*общеніе свободно хотящихъ людей*». Это есть идея такого человѣческаго общества, въ которомъ каждый считаетъ объективно оправданную цѣль своей жизни; этой идеѣ долженъ подчиняться всякій, коль скоро онъ освободится отъ того, что имѣетъ значеніе субъективнаго желанія. Конечно, эта соціальная цѣль есть только *идея*, но тѣмъ не менѣе она играетъ роль руководящей звѣзды.

Штаммлеръ, при построеніи этики, вполнѣ отдѣляетъ точку зрѣнія *генетическую* отъ точки зрѣнія *формальной*. Если разсматривать человѣческія дѣйствія съ точки зрѣнія причинно-генетической, т.-е. разсматривать генезисъ нравственности, то создать этику нельзя. Это будетъ психологія или антропологія, но это не будетъ этикой. Эта послѣдняя, неразрывно связанная съ понятіемъ *долженствованія*, возможна только при формальной точкѣ зрѣнія, при постановкѣ объективно оправданныхъ цѣлей.

Но что для насъ особенно важно замѣтить, такъ это то, что у Штаммлера, благодаря такой постановкѣ задачи, становится особенно яснымъ, что *соціальная проблема въ дѣйствительности есть проблема этическая*.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЯНГЪ-ХУНЪ-ЦЗЫ (Заморскій чортъ).

Разсказъ Александры Викторовны Потаниной и В. Сѣрошевскаго.

(*Окончаніе*) *).

III.

Нашъ заводъ, куда мы попали послѣ мѣсячнаго путешествія, находился на краю большого города на берегу судоходной рѣки. Городъ былъ больше Пекина, но того же типа: плоскій, пыльный, грязный, обнесенный высокой стѣной... Пригороды его были густо заселены и прекрасно воздѣланы. Нашъ заводъ стоялъ посреди нашихъ же чайныхъ плантацій. Онъ занималъ большой квадратный мощеный дворъ, кругомъ котораго шли склады и мастерскія, а по серединѣ стоялъ „корпусъ“—большое зданіе пробирнаго и сортировочнаго отдѣленій. Своего чаю у насъ было мало. Большую часть доставляли скупщики, иногда изъ далекихъ округовъ. На заводѣ чай сортировали, развѣшивали, укупоривали и грузили на суда для отправки водою въ Тянъ-Цзинъ и оттуда въ Кяхту.

Заводъ проявлялъ кипучую дѣятельность только въ періодъ сбора чая. Остальное время года онъ лѣниво дремалъ въ знойныхъ лучахъ южнаго солнца. Жизнь служащихъ проходила отъ сезона до сезона крайне скучно и однообразно. Штатъ служащихъ состоялъ изъ шести русскихъ и одного ирландца—пробирщика. Въ числѣ ихъ только управляющій Ѳома Ѳомичъ былъ женатъ. Остальные, молодые люди, вели разгульную жизнь холостяковъ въ колоніяхъ. Ирландецъ зѣло пилъ и трезвѣлъ, повидимому, только на время работъ. Всѣ они встрѣтили меня съ нѣкоторымъ сдержаннымъ, вѣжливымъ любопытствомъ, какъ родственника одного изъ собственниковъ фирмы.

— Вотъ вы и пожаловали къ намъ!.. Милости просимъ...—заговорилъ суховато Ѳома Ѳомичъ, увядшій, плотный мужчина съ остро-конечной рыжеватой бородой.

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль, 1901 г.

— Только вотъ задача, гдѣ васъ помѣстить? Гдѣ вы жить станете? Гдѣ поселитесь? Всѣ заводскія квартиры заняты!—говорилъ онъ, усаживая меня вѣжливо на мягкій крытый штофомъ диванъ. Я невольно взглянулъ на его богато по-европейски обставленную гостинную и смутился.

— Я... я хотѣлъ бы поселиться... вмѣстѣ съ моимъ Сяньшанемъ—отвѣтилъ я, чувствуя съ досадою, что краснѣю.

— Ахъ, да! Ну и хорошо! Онъ женатъ?—многозначительно спросилъ управляющій.

— Женатъ!—отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—И дѣти у него есть!..

— И большіе?!

— Да большіе...

Ѳома Ѳомичъ промолчалъ и задумался.

— Привыкаете?! — сказалъ вдругъ, кивая на мой китайскій костюмъ.—Это хорошо!.. Привыкайте... Это всегда пригодится... А насчетъ помѣщенія, такъ дѣло, въ виду вашего заявленія, упрощается. Я посовѣтовалъ бы вашему Сянь-шаню нанять домикъ у монаховъ, что у пагоды. И недалеко отъ завода, и домикъ хорошенькій... Да, впрочемъ, я самъ скажу ему... Вы, вѣрно, съ дороги устали? Какъ вы проѣхали? Не было ли у васъ приключеній? Гдѣ вы останавливались?.. Я вамъ даю три дня отдыху, а затѣмъ милости просимъ въ контору. А пока... осматривайтесь... Ваше знаніе китайскаго языка очень намъ пригодится; только сможете ли вы приспособиться къ здѣшнему нарѣчію? Вѣдь южные китайцы иначе говорятъ, чѣмъ пекинскіе... Раньше чѣмъ дѣлать покупки, я вамъ посовѣтую поговорить съ товарищами, они вамъ укажутъ, а то купцы здѣсь... мошенники!..

Онъ нетерпѣливо забарабанилъ по столу и я чувствовалъ, что пора мнѣ уйти.

Съ остальными служащими я познакомился скоро, но совѣтовъ и указаній у нихъ не просилъ. Всѣ они жили по-европейски, носили европейскіе костюмы и мое китайское платье и китайскія, пріобрѣтенныя въ пути привычки, видимо, смѣшили ихъ.

— Конечно, всю эту дрянь вы немедленно скинете... Она ненужна!.. Здѣсь привыкли къ намъ и мы здѣсь въ полной безопасности... Развѣ вотъ пожелаете почтить вашъ пріѣздъ и кутнете вмѣстѣ съ нами въ китайской чайной... Отправляясь туда, необходимо одѣться по-китайски... А есть роскошныя... Знаете что, останавливайтесь вы пока у меня!.. Хотите?!. Комната у меня небольшая, но устроимся...—предлагалъ мнѣ Саша Воробьевъ, самый младшій изъ нашихъ конторщиковъ, симпатичный, русый, свѣжій юноша, сѣвернаго яркаго румянца и бѣлизны лица, которую не успѣло еще уничтожить здѣшнее знойное небо.

Я отклонилъ его предложеніе и вернулся на постоялый дворъ къ Сянь-шаню. Тотъ еще не пришелъ, но госпожа Хань-Ми встрѣтила меня очень любезно; она была очень разговорчива и глаза ея весело блестѣли; повидимому, она уже успѣла выкурить трубочку, другую, своего „снадобья“.

— Пріятный городъ... пріятный городъ!..—повторяла она. Я зналъ, что это значило: дешевый опій, крѣпкій опій!..

— Есть рѣка и на ней плаваютъ большія и маленькія суда!.. Я видѣлъ... Изъ воротъ видно!.. Ліенъ тоже ходила смотрѣть...—разсказывалъ Маджи.

— Зачѣмъ ты ходила? И когда это ты успѣла!—разсердилась мать.

— А тогда, когда мама спала!.. Она ходила!.. Одинъ прохожій сказалъ ей даже: вотъ хорошенькая дѣвушка, я бы очень поцѣловалъ ее!—продолжалъ мальчикъ.

— Маджи!.. Да ничего подобнаго не было!—вскричала обиженно дѣвушка.

— Да, вотъ, было, было, не ври! А зачѣмъ показываешь лицо всякому?!.

Хань-Ми укоризненно качала головой.

— Вижу, дитя, что придется тебя сократить!.. А всему виною твои большія ноги... Ты движешься быстро!.. Ты всюду ходишь смѣло!.. Въ дорогѣ мы окончательно потеряли скромныя манеры благовоспитанныхъ людей!..—обратилась она ко мнѣ.

Вскорѣ вернулся Сянь-шань и сообщилъ, что онъ уже осмотрѣлъ домикъ, указанный управляющимъ. Это было хорошенькое двухъэтажное зданьице, которое монахи обыкновенно впродолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ сдавали горожанамъ какъ дачу. Они охотно согласились сдать его на круглый годъ и цѣна показалась намъ подходящей. Мы рѣшили туда немедленно перебраться. Домикъ оказался, дѣйствительно, прелестнымъ, съ большой тѣнистой верандой и крошечнымъ мощенымъ дворикомъ, по угламъ котораго стояли ящики съ благоухающими цвѣтами, а по серединѣ въ каменномъ квадратѣ посажена была виноградная лоза. Выходъ со двора направлялся на югъ въ рощу пагоды. Кругомъ много росло зелени и цвѣтовъ; оросительный каналъ журчитъ внизу холма въ узкомъ руслѣ, выложенномъ громадными обросшими мхомъ камнями. Было одно только неудобство—это колокольный звонъ въ сосѣдней пагодѣ, оглушающій ближайшихъ жителей три раза въ день чудовищной музыкой: утромъ, въ полдень да вечеромъ.

Я занялъ комнату въ верхнемъ этажѣ домика.

Мы сообща съ Сянь-шанемъ купили у старьевщика не дурную мебель чернаго дерева, нѣсколько дешевыхъ китайскихъ картинъ,

*

нѣсколько фонарей, вазъ и при помощи Ліенъ и Маджи быстро превратили домикъ въ хорошенькое уютное жилье. Здѣсь было всѣмъ достаточно мѣста, не то что въ Пекинѣ. Ми пересталъ быть нищимъ поденщикомъ, поэтому онъ позволилъ себѣ прежде всего устроить семейную комнату (она же и гостинная) съ семейнымъ алтаремъ. Въ той же комнатѣ, конечно, онъ повѣсилъ и православную икону...

— Учитель тоже повѣсилъ на стѣнѣ своихъ предковъ...—слышалъ я вечеромъ, сидя у открытаго окна, какъ Маджи разсказывалъ на верандѣ Ліенъ объ убранствѣ моей комнаты. Дѣвушкѣ обычай запрещалъ входить ко мнѣ, онъ запрещалъ ей входить въ жилыя комнаты мужчинъ, даже брата и отца, но вначалѣ тѣснота помѣщенія, бѣдность и трудовая необходимость уничтожили этотъ обычай въ семьѣ Ми, а затѣмъ, казалось, повліяли и мои уроки. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Чэ-коу уроки эти возобновились къ большому огорченію Маджи и тихой радости Ліенъ. Дѣвочка уже порядочно читала по-русски и сносно переводила болѣе легкіе разсказы. Но больше всего занимали ее уроки по физикѣ, естественнымъ наукамъ и разсказы о жизни европейцевъ.

— Счастливы ваши женщины! Онѣ, значитъ, все могутъ, все имъ доступно!..

— Нѣтъ, не все... — не безъ стыда сознавался я. — Но имъ доступно много больше, чѣмъ вамъ, китаянкамъ, а со временемъ все имъ доступно будетъ...

— Будетъ!..—повторяла Ліенъ и задумчиво глядѣла на крошечный дворикъ, съ крошечной виноградной лозой по серединѣ и четырьмя растеньицами-карлами по угламъ. Уроки происходили обыкновенно на верандѣ, гдѣ мы ѣли, пили, работали, вообще проводили большую часть свободнаго времени.

Рано утромъ, до жары, вскорѣ послѣ утренняго колокольнаго звона, я съ Сянь-шанемъ отправлялись на заводъ. Мы проходили тѣнистый монастырскій садъ, гдѣ встрѣчные толстые монахи, одѣтые въ желтые буддійскіе халаты, привѣтствовали насъ веселымъ окрикомъ.

— Съ раннимъ утромъ, старшіе братцы!..

— Съ раннимъ утромъ, святые отцы!..

— Вы откушали вашъ великолѣпный завтракъ?!.

— О, такъ, мы кушали нашъ нищенскій завтракъ, а теперь отправляемся на работу.

— Трудъ богоудное дѣло, желаемъ добродѣтельнымъ братцамъ легко и весело поработать!..

Дальше тропинка шла въ гору по отлогому склону холма, между густымъ кустарникомъ, гдѣ чирикали птички и гдѣ вѣте-

рокъ наигрывалъ нѣжно понавѣшанными на многихъ вѣткахъ стеклянными колокольчиками. Рощица эта непосредственно прилегала къ нашей чайной плантаціи, на краю которой мы обыкновенно разставались съ Ми: онъ шелъ къ своимъ рабочимъ, уже тамъ и сямъ сновавшимъ среди правильныхъ рядовъ чайныхъ деревьевъ, а я отправлялся дальше, въ контору. Съ моими заводскими сослуживцами я не сошелся. У нихъ были совсѣмъ другія привычки.

Я не порицалъ ни ихъ кутежей, ни ихъ карточной игры, прекрасно понимая, что они естественные результаты положенія молодыхъ людей, низкаго уровня ихъ развитія, ихъ оторванности отъ настоящей жизни, кипучій водоворотъ которой наполнялъ и сосѣдній городъ и окрестности. Я самъ подчасъ испытывалъ жестокія приливы тоски, отъ которыхъ не спасали меня ни книги, ни прогулки. Но тогда я спускался внизъ къ Сянь-шанямъ или уходилъ къ монахамъ. Я зналъ языкъ довольно хорошо и все занимало меня въ этомъ странномъ краѣ, гдѣ люди думаютъ какъ-то иначе и жизнь преслѣдуетъ какъ-будто другія цѣли. Все для меня было достойно вниманія и изученія.

— Нашъ тоскливо ожидаемый братъ, скушалъ ли свой великолѣпный обѣдъ?—спрашивали меня желтые монахи послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій.

— О да, я уже кушалъ мой дрянной рисъ! Благодарю васъ, преподобные отцы!

— Что же кушалъ нашъ высокоученый братъ?

Тутъ я разсказывалъ, что кушалъ, и въ обмѣнъ выслушивалъ перечень всевозможныхъ блюдъ и лакомствъ, изъ которыхъ, я зналъ, только нѣкоторыя были въ дѣйствительности съѣдены разсказчикомъ, а остальныя приводились, лишь какъ примѣръ пріятныхъ возможностей. Но я и виду не подавалъ, что не вѣрю разсказу. Это было бы крайней неучивостью. Затѣмъ разговоръ нашъ переходилъ на болѣе возвышенныя темы и мы мало-по-малу погружались въ разсужденія о Арупа—тайнѣ совершеннаго бытія внѣ матеріи, о правящемъ разумѣ и всеобщей любви Дхарма и другихъ высокихъ предметахъ, распивая при этомъ прилежно душистый чаекъ.

Изъ моихъ соотечественниковъ только Саша Воробьевъ изрѣдка приходилъ ко мнѣ и былъ принятъ въ семейномъ кругу Сяньшаня. Въ третій его визитъ даже госпожа Хань-Ми и Ліенъ вышли къ нему. Сянь-шань, видимо, желалъ быть популярнымъ на заводѣ.

— Да!.. У васъ губа не дура!..—протянулъ Воробьевъ, увидѣвъ дѣвушку.

— Что вы толкуете!.. Я васъ не понимаю!..

— Да что отпираться!.. Тайна открыта!..—смѣялся юноша. Я быстро отвернулся; я боялся, что дѣвушка услышитъ; мнѣ даже показалось, что она уже услышала, такъ какъ лицо ея вдругъ покрылось густою краскою.

— Почтенная Хань-Ми!—заговорилъ я торопливо,—позвольте представить вамъ моего скромнаго друга Са-шу. Ліенъ поздоровайтесь съ нимъ по-русски, покажите, что вы албазинка и что не даромъ прошли для васъ мои уроки... Вѣдь вы немного русская!..—добавилъ я нарочно по-русски.

Дѣвушка уже овладѣла собою. На европейскій поклонъ Саши, однако, отвѣтила обычнымъ китайскимъ поклономъ. Тотъ былъ, видимо, смущенъ.

— Она знаетъ по-русски? Что же вы не сказали?—упрекалъ онъ меня передъ уходомъ.

— Да я вѣдь говорилъ вамъ, что она православная!.. Вы должны были вообще воздержаться... Ваши замѣчанія обидны и не заслужены! На чемъ вы ихъ основываете?

— Ну, это ничего не значитъ! Такихъ христіанъ, какъ они, здѣсь много! Я вѣдь видѣлъ у нихъ въ залѣ алтарь предковъ...

— Это, правда, не хорошо, но я надѣюсь, что онъ исчезнетъ...

— Вотъ какъ! А это вотъ зачѣмъ? Впрочемъ, все равно: она прехорошенькая! Особенно головка съ этимъ вотъ цвѣткомъ въ волосахъ. И вообще здѣсь недурно, если бы не этотъ ужасный вѣчный звонъ колоколовъ...

Саша, какъ я опасался, проболтался въ конторѣ и тамъ встрѣтили меня подозрительнымъ шушуканьемъ. Вечеромъ старшій конторщикъ Стежневъ посѣтилъ меня на дачѣ и просидѣлъ долго, разговаривая о томъ и семъ. Онъ дождался возвращенія съ работъ Сянь-шаня, съ которымъ былъ въ дружбѣ, и былъ принятъ имъ съ обычной въ Китаѣ предупредительностью. Но ни Ліенъ, ни даже Хань-Ми не появились за чайнымъ столомъ.

— Можно бы подумать, что въ этомъ домѣ живутъ холостяки!— сказалъ Стежневъ на прощаніе съ присущей ему язвительностью въ голосѣ. Я недолюбливалъ его, мнѣ было досадно его посѣщеніе, но я удержался и промолчалъ.

Больше посѣщеній не случилось, но въ конторѣ молодые люди стали съ тѣхъ поръ громко вести удивительные разговоры въ родѣ того: „сколько мыла нужно потратить на каждую китаянку, чтобы привести ее въ человѣческій, удобопотребляемый обликъ?!“

— Въ этой странѣ купаются и моются только... пѣвицы... Поэтому только съ ними и можно водить знакомство... Развѣ особый любитель постарается самъ воспитать себѣ китаянку!— подсказалъ Стежневъ.

Я прекрасно понималъ, куда направлены всѣ эти стрѣлы, но

отмалчивался. Я подозрѣвалъ, что меня не любятъ товарищи за мою замкнутость и отчужденность моей жизни. Стежневъ же вдобавокъ боялся за свое мѣсто. Подъ видомъ общихъ сентенціи, онъ то и дѣло запускалъ мнѣ шпильки.

— Охъ, охъ! Грѣхи!.. Значительно вѣдь легче быть родственникомъ своего дядюшки, чѣмъ умѣло вести торговыя книги!... Правда, Иванъ Васильевичъ?—спросилъ онъ меня какъ-то разъ съ притворнымъ добродушіемъ, когда я обратился къ нему за какимъ-то указаніемъ.

Я вспылилъ.

— Я васъ прошу, Иванъ Ѳедоровичъ, оставить свои замѣчанія про себя. Они, думаю нужны только вамъ! Незачѣмъ повторять ихъ громко! Молчите!.. я вамъ приказываю!..—вскричалъ я ни къ селу, ни къ городу.

— Радъ стараться! Но если вы не нуждаетесь въ поученіяхъ относительно торговыхъ книгъ, то, можетъ быть, вамъ нужны указанія относительно прекраснаго пола... Можетъ быть, хоть въ этомъ я могу быть полезенъ вамъ?!

Присутствующіе сдержанно хихикали, а я почувствовалъ страстное желаніе бросить въ озорника чернильницей. Я чувствовалъ, что все это крайне глупо, и мои крики и мой гнѣвъ, и волновался еще больше. Съ большимъ трудомъ удержался я отъ скандала; мы только встрѣтились глазами со Стежневымъ. Тотъ поджалъ губы, но больше уже не шутилъ. Опъ подгонялъ свои словца и каламбуры къ моему уходу, такъ что я слышалъ только или ихъ конецъ, или начало, чего, впрочемъ, было совершенно достаточно.

— Что же тамъ у васъ съ товарищами... все не лады?—спросилъ меня какъ-то при случаѣ управляющій.—Слушайте, молодой человѣкъ: не нужно быть черезмѣрно строгимъ! Почему бы вамъ не сходить съ ними въ ресторанъ, или не поиграть въ карты. Они бы сразу почувствовали, что вы свой человѣкъ, что вы не чуждаетесь ихъ!.. Вы, правда, образованнѣе ихъ, но вѣдь у молодости свои права... А главное этимъ своимъ мѣстнымъ личнымъ увлеченіямъ не придавайте такого значенія! У всякаго они были да сплыли... Туземцы на это иначе смотрятъ, чѣмъ мы, европейцы... Да... къ тому... же... не останетесь же вы здѣсь... навсегда!..

— Я васъ не понимаю Ѳома Ѳомичъ!.. Право не понимаю!.. О какихъ вы говорите увлеченіяхъ?!

— Какъ знаете, какъ знаете... Только не полагаю, чтобы вашъ дядя...

Я сдѣлалъ нетерпѣливой жестъ и онъ умолкъ видимо задѣтый и удивленный. Нѣкоторое время мы молчали. Управляющій ждалъ

моихъ объясненій, я чувствовалъ, что долженъ смягчить мою рѣзкость но я боялся дальнѣйшаго разговора, боялся услышать глупый и оскорбительный отвѣтъ.

— Вы ошибаетесь!—сказалъ я, наконецъ, твердо.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!..—повторилъ Ѳома Ѳомичъ, кивая головой. Съ тѣмъ мы и разошлись.

Не знаю, подъ вліяніемъ ли заводскихъ сплетенъ или другимъ причинамъ я замѣтилъ вскорѣ, что отношенія мои съ семьей Ми мало-по-малу стали измѣняться. Прежде всего Маджи былъ отданъ въ школу и мои съ нимъ занятія естественно прекратились. Въ школѣ онъ проводилъ время съ утра до вечера и ему все было „некогда". Я пробовалъ было заниматься съ дѣвушкой только уроками рисованія разъ въ недѣлю.

— Она барышня... Изъ Китая она никуда не уѣдетъ! Чиновникомъ въ Кяхтѣ не будетъ... знаніе языковъ ей не нужно...

Онъ не сказалъ прямо русскаго языка, но вѣдь другихъ языковъ я и не преподавалъ. Впрочемъ, Ліенъ знала по-русски уже настолько, что могла читать книги самостоятельно. Она съ жадностью набрасывалась на журналы, которые періодически присылались намъ изъ Кантона по нѣскольку книжекъ заразъ. Конечно, она читала пока почти исключительно повѣсти. Ее сильно волновали судьбы героевъ и героинь и мы иногда пускались съ ней въ продолжительныя по этому поводу разсужденія. Постоянное отсутствіе Сянь-шаня и тупая сонность Хань-Ми, иногда съ утра не покидавшей своей трубки, способствовали этимъ разговорамъ. По требованію матери, которая все-таки не оставляла насъ однихъ ни на минуту, мы разговаривали по китайски, но въ вопросахъ болѣе щекотливыхъ мы незамѣтно переходили на русскій

— Неужели вы вѣрите въ эти дощечки или въ этихъ противныхъ уродовъ, которымъ, я видѣлъ, вы ставили свѣчи въ монастырской рощѣ?—спросилъ я какъ-то Ліенъ.

Дѣвушка смутилась.

— Вы видѣли? Когда же это было?

— Да, вотъ хотя бы третьяго дня...

— Ахъ, правда! Да вѣдь это Тьенъ-Хо, госпожа неба и милосердія, буддійская Маја... Символъ добра и состраданія... У нея много общаго съ Богородицей, и у нея, какъ и у Той, ребенокъ на рукахъ... Конечно, я не вѣрю и никто изъ насъ не вѣритъ, чтобы эти картины или статуи жили сами по себѣ божествами... Но знаете, такъ иногда необходимо забыться, такъ хочется оторваться отъ того, что насъ окружаетъ, и отъ того, что насъ ждетъ... Только въ храмѣ есть подходящая для этого обстановка и удается это намъ... Не все ли равно къ кому обращаюсь я? Вѣдь въ сущности я обращаюсь къ добру и

всепрощенію... Но если вы находите, что это не хорошо, то я не буду...

— Нѣтъ! зачѣмъ же?! На какомъ основаніи?—протестовалъ я, пораженный ея окончаніемъ.

— То же самое — предки! — продолжала она горячо.—Вѣдь предки то же, что родина, о которой такъ много пишутъ въ вашихъ книгахъ, по которой тоскуете вы... Вѣдь я не молюсь имъ... У насъ не молятся предкамъ. Жертвы, которыя мы имъ приносимъ: кадило, плоды, цвѣты... это только постоянное напоминаніе о нихъ, выраженіе нашей благодарности имъ, нашей памяти о ихъ трудахъ, подвигахъ и добродѣтеляхъ... Мы это дѣлаемъ не для нихъ, а для себя, для укрѣпленія въ себѣ хорошихъ намѣреній... Вѣдь почтенный мой учитель пишетъ ежемѣсячно письма къ своей матери?!. Я не вижу разумныхъ поводовъ, чтобы этого не дѣлать и огорчать отказомъ мою мать, портить наши отношенія съ сосѣдями... Вѣдь всѣ сейчасъ же замѣтятъ, что у насъ отсутствуетъ алтарь предковъ... Что мѣшаютъ цвѣты поставленные въ вазахъ по угламъ полки... Вѣдь они веселятъ глаза! Неправда ли?.. Вѣдь самъ мой уважаемый учитель, я замѣтила, любитъ цвѣты?.. — добавила она съ улыбкой.—Жертвенные плоды мы вѣдь поѣдаемъ или раздаемъ бѣднымъ... Нѣтъ, этого вы не требуйте отъ насъ!..

— Я ничего не требую...

— Вы, правда, не требуете... Но вы такъ презрительно и сурово смотрите на меня тогда, что мнѣ больно, что мнѣ стыдно... Во мнѣ просыпаются какія-то мучительныя сомнѣнія...

— Противъ этого я ничего не подѣлаю...

Дѣвушка замолкла и опустила голову внизъ. Мы нѣкоторое время молчали. Монастырскіе колокола вдругъ ударили дружно и гулко. Ліенъ вздрогнула.

— Это правда! Но вы научите меня... Вы такой умный, такой добрый... Что дѣлать, какъ устроить, чтобы я опять стала... могла, какъ раньше, молиться и жить какъ раньше!... Раньше все было—такъ просто, теперь все... спуталось...

— Опять... варварскій голосъ твой разбудилъ меня!.. Замолчи, большеногій попугай!..—пробормотала Хань-Ми, просыпаясь въ своихъ креслахъ, послѣ короткой дремоты.—Складывай свои бумаги... и принимайся за ужинъ... Скоро придетъ отецъ!..

На этотъ разъ я даже радъ былъ ея вмѣшательству. Я вышелъ въ монастырскій садъ, полный благоуханія и вечернихъ тѣней. Я отыскалъ въ укромномъ уголкѣ мшистый камень и присѣлъ на немъ. И меня, я чувствовалъ, покидало спокойствіе и осаждали многіе вопросы и давно я уже не могъ молиться

какъ раньше!.. Но сильнѣе всѣхъ говорило во мнѣ состраданіе къ Ліенъ.

— Хао! Старшій нашъ братъ отдыхаетъ! Старшій нашъ братъ уже откушалъ свой ужинъ?.. Пусть старшій братъ возвращается поскорѣе домой... Падаетъ роса, а съ ней приходятъ лихорадки...—раздался вблизи меня знакомый голоеъ.

Я вздрогнулъ отъ неожиданности, но послушался, всталъ и мы вмѣстѣ съ тучнымъ улыбающимся монахомъ пошли по широкой тропинкѣ, еще свѣтлой, среди чащи быстро темнѣвшаго сада.

— Старшій мой братъ печаленъ и задумчивъ... Пусть старшій братъ не забываетъ, что величайшіе мудрецы напрасно старались разгадать загадку жизни...

— Такъ какъ разгадка ея въ самомъ бытіѣ, которое и есть ея источникомъ... Змѣй, кусающій свой собственный хвостъ!— окончилъ я тысячу разъ слышанное отъ него поученіе.

— Совершенно вѣрно!.. — спокойно согласился онъ. — Такъ сказалъ великій учитель Фо!

IV.

Наступило унылое время зимнихъ дождей, когда все и даже надоѣдливый гулъ монастырскихъ колоколовъ казался сдавленъ и хриплъ. Затѣмъ подошли наши Рождественскіе праздники, которые мы встрѣтили сообща довольно весело у управляющаго. Въ числѣ приглашенныхъ, какъ православный, былъ и мой Сянь-шань. Онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, усиленно старался говорить по-русски, не смущаясь шутками Стежнева и смѣхомъ присутствующихъ. Одѣтъ онъ былъ великолѣпно, въ шелковое фіолетовое, узорчатое платье. Я, видѣвшій его въ Пекинѣ въ періодъ крайней нужды одѣтымъ не менѣе нарядно, сильно подозрѣвалъ, что и эти шелки взяты на прокатъ. Но я ошибся. Сянь-шань на новой должности быстро оперился. Его столъ и домашняя обстановка замѣтно улучшились. Благодаря стараніямъ Ліенъ, которая въ сущности завѣдывала всѣмъ въ домѣ, чистота и порядокъ царствовали тамъ для китайцевъ необычные. Наконецъ, у Сянь-шаня стали водиться, несомнѣнно, деньги. Онъ то и дѣло, подъ предлогомъ „дѣлъ“, отлучался въ городъ и проводилъ ночи внѣ дома. Чтобы избавитъся отъ воркотни Хань-Ми, онъ отпускалъ ей въ такихъ случаяхъ большія суммы денегъ на покупку опіума или прямо приносилъ ей шарики его, какъ городской гостинецъ. Несчастная все болѣе и болѣе худѣла, воспаленные глаза ея безпокойно бѣгали по сторонамъ, а руки и ноги безсильно гнулись и дрожали, неспособ-

ныя ни къ какой работѣ. Ліенъ замѣчала все это и грусть не покидала уже ея нѣкогда веселаго и оживленнаго личика. Согласно китайской морали, она не дѣлала все-таки никогда малѣйшаго замѣчанія родителямъ ни въ глаза, ни за глаза. Казалось, она не позволяла себѣ задумываться ни о своемъ положеніи, ни о своемъ будущемъ.

Вскорѣ прошла краткая зима и приближеніе весны дало себя чувствовать. Зимнія ненастья стали менѣе надоѣдливы, мало-помалу ушли тучи и яркое, лучистое солнце начало сильно согрѣвать влажную, размягшую почву. Вездѣ буйно поднялась разнообразная зелень, поблекшая и захирѣвшая въ струяхъ холодныхъ зимнихъ дождей. Цвѣты раскрыли свои чашки и гроздья бѣлыхъ да розовыхъ лепестковъ покрыли плодовыя деревья. Сильный ароматъ цвѣтущихъ померанцевъ несся съ окрестныхъ полей и садовъ. Съ пагоды несся въ опредѣленное время колокольный звонъ до того радостный, что не раздражалъ меня, а веселилъ. Издали отвѣчали ему такіе же мѣрные протяжные звуки колоколовъ и гонговъ другихъ пагодъ. Подошелъ китайскій Новый Годъ съ его общимъ весельемъ, ликованіемъ, съ торжественными процессіями, съ потѣшными огнями и обычнымъ нашествіемъ цвѣтовъ на людскія жилища. Колокола и гонги неистово весь день напролетъ гудѣли въ нашемъ буддійскомъ монастырѣ и въ городскихъ храмахъ.

Я вмѣстѣ съ семьей Ми-ло-ва-ни принялъ участіе въ общихъ празднествахъ, но веселье наше не было такъ беззаботно, какъ тогда въ Пекинѣ.

У Маджи оказались школьныя знакомства и онъ исчезъ; Сянь-шань, видимо, стѣснялся меня и радъ былъ, когда я выразилъ желаніе вернуться домой. Я осторожно прошелъ наверхъ въ мои комнаты и выставилъ рамы. Сверху изъ моего окна открывался прекрасный видъ на монастырскую рощу, на ликующій городъ и долину рѣки. Теплый вѣтеръ несъ благоуханія, колокольный звонъ и говоръ голосовъ. Я тамъ видѣлъ развѣвающіеся флаги и угадывалъ по внезапнымъ взрывамъ шума праздничныя потѣхи толпы.

Совсѣмъ какъ у насъ въ Пасху! Внизу, по плитамъ дворика, то и дѣло стучали деревянныя подставки китайскихъ женскихъ башмаковъ, шелестѣли шелковыя платья и раздавались тонкіе голоса посѣтительницъ:

— Почтенная, престарѣлая госпожа Хань-Ми, позвольте пожелать вамъ всего хорошаго!..

Гости проходили вереницей; изъ моего убѣжища я отлично различалъ ихъ фигуры, похожія на пестрыхъ бабочекъ со сложенными крыльями, ихъ раскрашенныя лица, цвѣтные вѣера, бу-

кеты и большія булавки изъ поддѣльнаго нефрита въ волосахъ—точь-въ-точь усики насѣкомыхъ.

Онѣ присѣдали въ глубокихъ поклонахъ, похожихъ на наши высокоторжественные реверансы. Ліенъ частенько провожала ихъ до воротъ. Разъ возвращаясь, она взглянула вверхъ и глаза наши встрѣтились. Лицо ея было тоже напудрено и нарумянено, ея фигура, перехваченная въ тальѣ широкой лентой съ бантомъ на спинѣ, тоже напоминала не то муху, не то стрекозу. Она страшно смутилась.

— Вы... дома?.. Вы одни?..

— Да! Отецъ вашъ ушелъ съ пріятелями, а Маджи куда-то исчезъ...

— Вамъ вѣрно скучно?.. Почему вы не идете къ вашимъ друзьямъ?

— У меня ихъ нѣтъ! .

— Какъ жаль, что вы не можете придти къ намъ...

— Ничуть не жаль! Что сталъ бы я дѣлать съ вашими дамами?.. Да что это, Ліенъ, вы сегодня, кажется, тоже нарумянились?!

Дѣвушка покраснѣла ярче румянъ.

— Такъ... Нужно...—сказала она глухо.—Хотите, я вамъ пошлю чаю и сластей... Все-таки вамъ будетъ веселѣе...

Она оглянулась въ сторону воротъ, гдѣ опять зазвучали голоса, и проворно юркнула въ глубину дома.

Вскорѣ слуга принесъ мнѣ чаю и сладкаго печенья; я принялся за книги, но всякій разъ, когда во дворикѣ раздавались голоса, я не могъ удержаться, чтобы не подойти и не взглянуть въ окно.

Дѣвушка больше не являлась.

Я настолько свыкся съ китайской рѣчью, китайскимъ костюмомъ и китайскими обычаями, что пребываніе въ китайской толпѣ ничуть не стѣсняло меня. Но меня не влекло больше туда на улицу. Мнѣ казалось, что я достигъ предѣла того механическаго знакомства съ китайской жизнью, которое доступно всякому иностранцу, и чтобы пойти дальше въ изученіи ея, я чувствовалъ, необходима была мнѣ какая-то новая сердечная или духовная связь, на которую я въ данный моментъ не былъ способенъ. Китайцы казались мнѣ болѣе чуждыми, странными и непріятными, чѣмъ это даже было вначалѣ. Ихъ заблужденія и недостатки, правда, меньше возмущали меня, но за то и ихъ страданія меньше трогали меня. Все чаще и чаще посѣщала меня хандра и просыпалась во мнѣ тоска по родинѣ. Въ такія минуты мнѣ противна была здѣшняя пища, платье, природа...—все здѣшнее! Мнѣ чудился порою кислый крѣпкій запахъ нашего простого деревенскаго хлѣба. Я вспоминалъ въ знойные, душные

дни морозный холодъ нашей зимы, бѣлизну снѣговыхъ полей, хмурые сѣверные лѣса и тепло натопленныя комнаты, полныя веселаго говора мужчинъ, женщинъ и дѣтей... Мой замкнутый нравъ сталъ еще суровѣе и люди все больше и больше сторонились меня. Часто я не проронилъ слова впродолженіи нѣсколькихъ дней. Одна Ліенъ тогда осторожно и ласково посматривала на меня и ловила всякій случай, чтобы сказать мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

Между тѣмъ быстро подвигалось знойное тропическое лѣто.

Влажный горячій воздухъ нѣжилъ поспѣшно развивающуюся растительность. На нашихъ плантаціяхъ засновали толпы загорѣлыхъ, желторыжихъ, одѣтыхъ въ синія рубахи и синія шаровары рабочихъ. На заводѣ тоже зашевелились. Въ мастерскихъ торопливо заготовляли ящики для укупорки чаю, починяли рѣшета для просѣиванія чайнаго муссора, налаживали прессы для прессованія кирпичнаго чая; носильщики приносили ежедневно десятки дюжинъ всякихъ корзинъ, деревянной и плетеной изъ бамбука посуды, холщевыхъ мѣшковъ...

Дѣятельность все возрастала и къ сбору листьевъ чая прямо пріобрѣла лихорадочный характеръ. Въ воздухѣ стоялъ гулъ человѣческихъ голосовъ, стукъ орудій и скрипъ машинъ. Ми, жирный и важный, крикливо распоряжался среди полевыхъ рабочихъ, гдѣ вводились какіе-то новые порядки. Ѳома Ѳомичъ былъ имъ очень доволенъ. На самомъ заводѣ все шло напряженнымъ, но ровнымъ, изъ году въ годъ установленнымъ ходомъ. Стали подходить партіи чаю изъ окрестностей и на рѣкѣ появились джонки съ грузами изъ дальнихъ провинцій. Торговые агенты и оптовые скупщики безсмѣнно засѣдали въ кабинетѣ Ѳомы Ѳомича, и большой серебряный чайникъ кипѣлъ тамъ неустанно. У насъ въ конторѣ валомъ валила работа: отмѣчались покупки, заносились въ книги, подсчитывались и составлялись описи приготовленнымъ къ отправкѣ караванамъ. Толпы грузильщиковъ приносили и уносили въ городъ на пристань товаръ, укупоренный въ кубическіе цибики. Чай, чай... вездѣ чай и душистый чайный запахъ! Ирландецъ пробирщикъ, принужденный выпивать ежедневно безсчетное число чашекъ этого чуднаго напитка, утратилъ совершенно обычную веселость и хмуро смотрѣлъ на всякаго приближающагося къ нему человѣка.

Впрочемъ, всѣ были не менѣе сильно заняты и раздражены. Тысячу дѣлъ, неожиданныхъ осложненій возникало на каждомъ шагу и Ѳома Ѳомичъ, къ которому всѣ естественно обращались за разъясненіями, метался иногда какъ угорѣлый и подчасъ жестоко ругался...

— Всему есть предѣлъ... Всему!.. Жалованье всѣ вы полу-

чаете, а думать вамъ не хочется!.. Все я, да я... Всякій пустякъ... я!.. Да оставьте вы меня, наконецъ, въ покоѣ!!..

Мнѣ, какъ знающему хорошо по-китайски, было поручено вести скучнѣйшіе предварительные переговоры съ болѣе мелкими торговцами чаемъ. Вечеромъ я вмѣстѣ съ кассиромъ производилъ разсчетъ наемнымъ рабочимъ. Простые рабочіе получали чрезвычайно мало—отъ 80 до 100 чохъ въ день, что составитъ на наши деньги отъ 8 до 10 копѣекъ. Но для этой мѣстности, особенно въ этотъ неурожайный годъ, это была хорошая плата и рабочіе казались довольны. Мѣдныя круглыя или квадратныя бляшки съ государственнымъ штемпелемъ и дырой по серединѣ, изображаютъ китайскіе деньги. Ихъ нанизывали мы на ремень связками въ 100 монетъ. Мѣста они занимали пропасть и тяжесть представляли огромную. Мы за годъ до сезона дѣлали ихъ большіе запасы, такъ какъ серебромъ разсчитывать рабочихъ не приходилось. Разсчетъ былъ утомителенъ и особенно при сдѣльной платѣ вызывалъ массу разговоровъ и претензій.

Китаецъ охотно пользуется всякимъ случаемъ, чтобы поговорить, пошумѣть и не нужно имъ въ этомъ отказывать. Но это занимаетъ чрезвычайно много времени.

Не знаю, по этому ли поводу или по другимъ причинамъ администрація стремилась перевести все на поденщину.

Китайцы не любятъ этой формы разсчета и у насъ въ самый разгаръ работъ возникли безпорядки. Сначала одиночки шумѣли и выражали неудовольствіе при разсчетѣ, а затѣмъ взбунтовались крупныя артели полевыхъ рабочихъ. Они привалили толпой къ воротамъ заводской ограды еще до заката солнца и стали требовать управляющаго:

— Деньги... Разсчетъ... Старый разсчетъ... Прибавку... Дорого... Все дорого!!..—кричали они такъ, что слышно было въ конторѣ.

Ѳома Ѳомичъ позвалъ меня...

— Идите, успокойте ихъ и спросите ихъ, что имъ нужно... Пусть выберутъ депутатовъ для объясненій!..

Я не безъ нѣкотораго волненія вышелъ во дворъ, а оттуда къ воротамъ, оберегаемымъ сторожами. Сейчасъ же окружила меня толпа желтолицыхъ, бѣдно одѣтыхъ, взволнованныхъ людей съ заскорузлыми руками. Запахъ чеснока, пота и китайскаго компоста непріятно обдалъ меня сразу.

— Пустите... Во дворъ!.. Самый старшій!.. Деньги!.. Поговорить!..—гудѣла толпа.

— Назадъ! назадъ!.. отступи! — осаживали напиравшихъ заводскіе сторожа, размахивая палками.

— Деньги... Разсчетъ... Не хотимъ Ми... Прочь Ми!.. Христіанская собака Ми!..—продолжали кричать рабочіе.

Мнѣ съ трудомъ удалось растолковать имъ, что претензіи ихъ будутъ уважены, чтобы они выбрали для переговоровъ уполномоченныхъ и выслали ихъ въ контору.

— Пойдемъ всѣ или... пусть выйдетъ... самый старшій господинъ!—закричали мнѣ въ отвѣтъ.

— Не станете же вы говорить всѣ заразъ?!..

Рабочіе нѣкоторое время молчали.

— Правда! Но мы боимся!

— Нечего бояться! Я останусь здѣсь, а вы вышлите двоихъ для переговоровъ! Да гдѣ же Ми? Онъ не здѣсь ли?

— Ми дрянной!.. Ми убѣжалъ... Самый старшій господинъ хорошій!.. Ми давно обманываетъ насъ!.. Обсчитываетъ!..—заговорили стоящіе въ первомъ ряду.

— Мы хотѣли Ми мало-мало повѣсить... Онъ хитрый, спрятался!..—сказалъ дюжій парень и добродушно осклабился. Эта улыбка поразила меня; все это походило на какую-то странную, ужасную дѣтскую игру.

„Маленькое повѣшеніе“ была мучительная общеизвѣстная пытка. Жертву подвѣшивали такъ низко надъ землею, что она могла касаться ея только концами пальцевъ.

— Что же такое онъ сдѣлалъ, что вы такъ жестоко хотѣли его наказять?—спросилъ я содрогаясь.

— Мы голодны... Годъ тяжелый... Все дорого... Онъ безъ мѣры обиралъ насъ... Онъ не только бралъ съ насъ деньги за наемъ, онъ заставлялъ насъ дѣлать больше, чѣмъ мы договорились, а деньги пряталъ себѣ...—толковали мнѣ выборные.

Я отослалъ ихъ къ управляющему, а самъ прислонился къ стѣнѣ и сталъ тоскливо прислушиваться къ говору окружающихъ... Вдали гулко звенѣлъ монастырскій вечерній благовѣстъ. Рабочіе продолжали жаловаться на Ми. Я понялъ, откуда происходило возрастающее благосостояніе моего учителя. Я не сомнѣвался, что его прогонятъ съ завода, но я сомнѣвался, правда ли все, что мнѣ разсказывали раздраженные рабочіе.

Подъ конецъ я недостаточно внимательно ихъ слушалъ, углубившись въ свои размышленія... Они повторяли все то же, а мнѣ вспомнилось вдругъ грустное, испуганное личико Ліенъ тогда... въ Пекинѣ. Можетъ быть, у многихъ изъ нихъ есть такая же Ліенъ?! Глупый старикъ погубилъ и опозорилъ всѣхъ... Куда дѣнутся они и чѣмъ это кончится?!—раздумывалъ я.

Мое вниманіе было вновь привлечено движеніемъ толпы и возраставшими криками. Многіе изъ окружающихъ обернулись назадъ. На дорогѣ показались конные манчжурскіе солдаты, за которыми, очевидно, послали въ городъ. Они въѣхали въ толпу и стали бить нагайками безъ разбору направо и налѣво. Колокола продолжали ровно гудѣть.

— Бѣги! Спасайся!.. Бей!.. Обманъ!..—закричали въ толпѣ, которая теперь пятилась и жалась къ стѣнѣ. Въ воздухѣ замелькали камни. Раньше, чѣмъ я успѣлъ спрятаться въ ворота и задвинуть засовъ, я былъ опрокинутъ, смятъ и дворъ наполнился разъяренными рабочими.

. . . .

Очнулся я въ квартирѣ управляющаго. Голова у меня была повязана мокрымъ полотенцемъ, члены страшно болѣли.

— Что случилось?!

— Плохо! Тысячные убытки...—отвѣтилъ угрюмо Ѳома Ѳомичъ.—Слава Богу, что вы очнулись! Какъ вы чувствуете себя?!

— Болитъ все!

— Ну, ничего! Вы молоды... Разъ вы очнулись, все будетъ хорошо... Кости у васъ цѣлы... Мы боялись только, чтобы вы кровью не истекли... Долго вы не приходили въ себя... Прямо изверги... Сторожа одного убили...

— Убили?—переспросилъ я.

— Да, убили!.. Все пробирочное отдѣленіе разнесли... Тысячные убытки... Еслибъ не догадались мы и не стали поливать ихъ водою изъ пожарныхъ трубъ, не знаю, чѣмъ кончилось бы... Смѣшно вспомнить, какъ эти нехристи боятся воды!.. Съ тѣхъ поръ насосы все время держимъ на готовѣ...

— Что-жъ будетъ дальше?!

— Да вотъ, не знаю! Развѣ пробирочное отдѣленіе перенесу къ себѣ въ домъ, а самъ переберусь въ холостыя квартиры... Придется всѣмъ потѣсниться... Что-жъ дѣлать... Разгаръ работъ... остановить нельзя...

— А Ми?

— Ми придется выгнать... Онъ, знаю я, не хуже другихъ, всѣ они дѣлаютъ то же... Здѣсь это въ нравахъ .. Только ему что-то не повезло... Дороговизна теперь большая, вызванная наводненіемъ въ долинѣ Хуанъ-Хэ... А заработанной платы повысить мы не можемъ... Заказы изъ Европы пришли неважные.

Ѳома Ѳомичъ пустился въ общія разсужденія о характерѣ китайцевъ, ничуть не отличающіяся отъ общихъ мѣстъ въ „Путешествіяхъ по Китаю“ всякихъ европейцевъ. Несмотря на долгіе года, проведенные имъ въ этой странѣ, онъ также поверхностно зналъ китайцевъ, какъ поверхностно знаетъ простолюдинъ явленія окружающей его природы.

Я не слушалъ его разглагольствованій и раздумывалъ о дальнѣйшей судьбѣ порочнаго, а все таки милаго мнѣ, привѣтливаго и мягкаго Сянь-шаня. Мнѣ трудно было вообразить себѣ, что вся семья уйдетъ скоро и навсегда въ невѣдомую даль, и я останусь здѣсь одинокій жить среди чуждыхъ мнѣ людей.

— Вѣдь эта система вознагражденія одинакова для всѣхъ во всемъ краѣ, начиная съ рабочаго и кончая мандаринами...—оправдывалъ я старика.

Тѣмъ сильнѣе обрадовался я, когда на другой день, чувствуя себя лучше, я сошелъ внизъ, чтобы отправиться въ паланкинѣ къ себѣ домой, и увидѣлъ на ступеняхъ лѣстницы Ми. Онъ съ искренней радостью привѣтствовалъ меня и заботливо помогалъ усѣсться въ носилки.

— Что же, почтенный Сянь-шань, вы остаетесь на заводѣ?..

— О, да! Только вотъ, высоко—великодушный господинъ управляющій перевелъ меня внутрь ограды!

Ми вздохнулъ.

— Что жъ дѣлать!.. Людей нѣтъ!.. Къ тому же все уладилось!..—объяснилъ мнѣ Ѳома Ѳомичъ перемѣну своего рѣшенія и весело махнулъ рукою.

На верхней площадкѣ лѣстницы подъ большимъ краснымъ зонтикомъ стоялъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ важный китайскій чиновникъ и быстро глядѣлъ узкими, блестящими глазками на мою повязанную окровавленнымъ полотенцемъ голову. Я понялъ, что мой выѣздъ былъ собственно представленіемъ, устроеннымъ ради него. Въ воротахъ стояли солдаты съ драконами на груди и спинѣ, солдатъ же увидѣлъ я вдали на чайныхъ плантаціяхъ, гдѣ по прежнему сновали толпы рабочихъ въ синихъ рубахахъ и шароварахъ, собиравшихъ съ кустовъ душистыя листья.

Въ дѣйствительности я не былъ даже особенно боленъ, раны мои стали быстро заживать, благодаря внимательному уходу Ліенъ. Хань-Ми отпускала дѣвушку ко мнѣ въ комнату, въ виду исключительности моего положенія и косвеннаго причастія къ нему главы дома.

— Дѣти должны отвѣчать за родителей!—поучала она меня, когда я сошелъ внизъ и сѣлъ на верандѣ въ ихъ семейномъ кругу.

— Матушка, да вѣдь И все равно, что нашъ старшій братъ!..—смягчила замѣчаніе матери Ліенъ.

Ми, однако, молчалъ. разговоръ, видимо, былъ ему непріятенъ, и онъ быстро перевелъ его на разсказъ о служебныхъ дѣлахъ. Несмотря на засуху и общій недородъ, сборъ чая былъ на заводскихъ плантаціяхъ удовлетворительный, а цѣны ожидались высокія. Съ присущимъ китайцамъ пристрастіемъ къ земледѣлію, Ми подробно разсказывалъ, какими мѣрами ему удалось достигнуть въ короткое время своего управленія такихъ результатовъ.

— Все это я прочелъ въ древнихъ книгахъ Кингъ! — хвалился онъ.

V.

Нѣсколько дней спустя я отправился вмѣстѣ съ Ми на заводъ. Мы шли, весело болтая, по обычной тропинкѣ въ гору между густымъ кустарникомъ, гдѣ чирикали птички и звенѣли стеклянные колокольчики. Несмотря на ранній часъ, жаркое время года давало себя чувствовать и я обливался потомъ. Мы миновали уже плантаціи и направились къ воротамъ завода, когда вдругъ Сяньшань, который шелъ впереди, замолкъ, остановился, а затѣмъ быстро пошелъ дальше, повернувъ голову въ сторону. Въ тотъ же мигъ я у входа въ заводъ въ тѣни сѣрой стѣны замѣтилъ рядъ странныхъ человѣческихъ фигуръ. Онѣ были закованы въ цѣпи по рукамъ и ногамъ и у каждой былъ надѣтъ на шею огромный деревянный воротникъ въ видѣ квадратной доски. Исхудалыя, испитыя, грязныя ихъ лица были безсмысленны и омертвѣлы. При нашемъ приближеніи, они стали издавать жалобные звуки, просить о подаяніи. Я узналъ среди нихъ бывшихъ нашихъ рабочихъ. Окровавленная голова предполагаемаго убійцы сторожа висѣла въ сѣткѣ у входа. Я до того растерялся, что забылъ подать несчастнымъ милостыню, составляющую единственное ихъ содержаніе во время заключенія. Я вернулся назадъ, но Ми побѣжалъ дальше, какъ ошалѣлый. Полицейскій принялъ отъ меня деньги и спряталъ ихъ въ мѣшокъ за пазухой. Напрасно мы просили китайскія власти, чтобы они убрали острожниковъ; насъ не послушали, намъ доказывали, что китайскіе законы требуютъ, чтобы пострадавшіе были свидѣтелями наказанія. Голова казненнаго стала разлагаться и распространяла на весь заводъ удушливый смрадъ. И всякій разъ, когда этотъ нестерпимый запахъ особенно надоѣдалъ мнѣ или когда болѣе громкій звонъ цѣпей долеталъ изъ-за стѣны, я невольно искалъ глазами Сянь-шаня, наблюдающаго за работами во дворѣ завода. И не я одинъ это дѣлалъ, это дѣлали всѣ. Кругомъ китайца образовалась мало-помалу странная пустота. Приближеніе его разсѣвало собравшіяся для разговоровъ группы рабочихъ, всякій отвѣчалъ ему коротко и неохотно и даже Ѳома Ѳомичъ, который, подозрѣваю, въ значительной мѣрѣ вліялъ на рѣшеніе судебнаго разбирательства, при встрѣчѣ съ нимъ, глядѣлъ куда-то въ сторону.

— Не лучше ли, Ѳома Ѳомичъ, прогнать его!—спросилъ какъ-то Стежневъ.

— Впослѣдствіи, теперь никакъ нельзя! — отвѣтилъ хмуро управляющій.

Жирное, самодовольное лицо Ми осунулось. Онъ утратилъ прежнюю благодушную болтливость. Даже дома онъ по большей части угрюмо молчалъ или устраивалъ рѣзкія крикливыя сцены

Хань-Ми. Та, лишенная обычныхъ сверхштатныхъ подачекъ опія, стала тоже крайне раздражительной и нерѣдко маленькій нашъ домикъ, одѣтый красиво снаружи сѣтью ползучей гарденіи и дикаго винограда, превращался внутри въ кромѣшный адъ. Я уходилъ поспѣшно гулять въ монастырскій садъ, а Маджи и Ліенъ прятались на заднемъ дворѣ.

Наконецъ, какъ-то вечеромъ, Ми не пришелъ ужинать домой. Раньше случалось это довольно часто и никто не обращалъ на это особаго вниманія, но теперь мы обезпокоились. Когда же старика и по утру не оказалось дома, тревога наша превратилась въ испугъ. Я отправился поспѣшно на заводъ. Преступники съ воротниками на шеяхъ все еще стояли подъ стѣною, но противной, мертвой головы уже не было у входа. Полицейскій въ смущеніи объяснилъ мнѣ, что случилось „нехорошее дѣло“, что онъ будетъ отвѣчать за исчезновеніе головы, если управляющій не заступится за него, и не скажетъ, что голова „благодаря волшебству“ разсыпалась и исчезла. Онъ униженно просилъ меня ходатайствовать передъ „самымъ старшимъ, высокочтимымъ господиномъ“ и увѣрялъ въ своей „невинности“. Я сильно подозрѣвалъ, что онъ продалъ голову родственникамъ казненнаго, но радъ былъ ея исчезновенію и обѣщалъ свою помощь.

Ми не оказалось на заводѣ. Когда я сообщилъ объ этомъ управляющему и вслѣдъ затѣмъ разсказалъ объ исчезновеніи головы, тотъ задумался.

— Вотъ-те фунтъ! Ничего не понимаю, но думаю, что это какая-то новая китайская пакость, за которую придется опять расплачиваться заводу... Вы, знаете, наведите справки въ городѣ, нѣтъ ли тамъ Ми... Сдѣлайте это, однако, съ возможной осторожностью и уговорите семью Сянь-шаня не дѣлать пока шума... Чортъ знаетъ, что такое! Когда же это, наконецъ, кончится!..

По тону его голоса я заключилъ, что онъ какъ будто винитъ во всемъ меня... И дѣйствительно: все это какъ будто началось съ момента моего пріѣзда.

— Что же я могу сдѣлать, Ѳома Ѳомичъ!..—оправдывался я.

— Конечно, ничего. Я и не виню васъ, только... пусть это будетъ для васъ урокомъ... Съ ними лучше подальше! Исправить вы тамъ ничего не исправите... И не для того мы здѣсь живемъ, чтобы исправлять, а чтобы нажиться... Я вамъ совѣтую: исподволь вы ретируйтесь, пока не поздно. Чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ труднѣе... Какъ только Ми найдется—уходите отъ нихъ!

Я вполнѣ сознавалъ практичность этого совѣта, и рѣшилъ послѣдовать ему. Съ тѣмъ большимъ волненіемъ я разыскивалъ Ми по городу. Я посѣтилъ всѣхъ торговцевъ и комиссіонеровъ, имѣвшихъ дѣла съ нашей фирмой. Но мои осторожные вопросы

сейчасъ же возбудили подозрительность китайцевъ. Тѣ стали ловко выспрашивать меня, мнѣ же давали уклончивые или сбивчивые отвѣты. Подъ конецъ я не зналъ чему вѣрить, чему не вѣрить. Между прочимъ, мнѣ указали чайные дома, гдѣ я могу Ми отыскать, но было уже поздно и я не рѣшился зайти въ эти освѣщенные разноцвѣтными огнями притоны разврата. Разсказы о моихъ поискахъ вызвали въ Ліенъ прямо бурю отчаянія...

— Они убили его... убили, убили!..—причитала она.

— Мы здѣсь одни... кругомъ чужіе... Кто заступится за насъ? Останемся безъ отца!..

— Подождите, Ліенъ, я не успѣлъ побывать вездѣ! Завтра...

— Ты не ходилъ въ чайные дома... Ты боялся... —глухо сказала изъ своего угла обрюзглая и равнодушная Хань-Ми.

— Да я не ходилъ туда...—согласился я,—но я пойду!

— Не нужно!.. Не ходите. И васъ убьютъ!.. Его тамъ нѣтъ... Его убили...—твердила старуха.—Заводъ заплатитъ намъ за это много, много денегъ... Ты сынъ хозяина... Ты долженъ выхлопотать... Онъ твой учитель... Его убили за васъ!.. Мы остались безъ лица!

— Нѣтъ, нѣтъ, мать!.. Не говори такъ!—останавливала ее Ліенъ.

Дѣвушка бросила на меня робкій умоляющій взглядъ, но я не могъ побороть досады и отвелъ глаза въ сторону.

Дальнѣйшіе розыски не привели ни къ чему, Ми исчезъ безслѣдно. Самъ ли онъ на себя наложилъ руки, или убили его злоумышленники, такъ и осталось навсегда тайной...

VI.

Дни проходили, жизнь, повидимому, сомкнулась надъ событіями и продолжала бѣжать обычной колеей. Маджи продолжалъ ходить въ школу. Ліенъ завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ, Хань-Ми курила опій и привередничала. Только передвинулись всѣ внутреннія оси и рычаги семейной жизни Милованей. Мало-по-малу я сталъ незамѣтно для самого себя центромъ того вниманія и поклоненія, какимъ раньше окружали домашніе отца. Ежедневно букеты свѣжихъ цвѣтовъ украшали мою комнату, платье мое внимательно очищалось отъ пыли, грязи и починялось; малѣйшее вскользь брошенное замѣчаніе сейчасъ же исполнялось съ величайшей точностью. Такимъ образомъ были устранены нѣкоторыя непріятныя для меня китайскія привычки и блюда. Я сдѣлался въ сущности полнымъ хозяиномъ дома и мнѣ это было очень удобно. Домъ содержался на полу-европейскомъ положеніи и стоило это значительно дешевле, чѣмъ еслибъ я устроился у кого-нибудь изъ товарищей на квартирѣ. Даже на

опій для матери Ліенъ никогда не просила у меня, ухитряясь какъ-то покупать его изъ домашнихъ сбереженій.

— Послушайте!—остановилъ меня нѣсколько недѣль спустя Ѳома Ѳомичъ.—Какъ же вы рѣшили поступить съ вашими вдовицами?!

— Какъ же рѣшать мнѣ?.. Онѣ ничуть не мои... живутъ... Трудно прогнать ихъ безъ копѣйки денегъ!—отвѣтилъ я.

— Да, я думалъ объ этомъ!.. Теперь, я полагаю, онѣ успокоились... Вы предложите имъ сто лянъ серебромъ и пусть онѣ убираются во-свояси... Сто лянъ это почти годовое жалованіе Ми... Заводъ не обязанъ, но такъ и быть... Я надѣюсь, дядя вашъ не будетъ возражать противъ этого, въ виду вашей близости къ семьѣ покойнаго... Пускай уѣзжаютъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше для насъ и... для васъ, молодой человѣкъ!

Онъ пожалъ мнѣ значительно руку и ушелъ. Это предложеніе взволновало меня. Я не разъ думалъ, что этимъ все кончится, я намѣревался даже современемъ хлопотать объ этомъ, но теперь, когда это неожиданно пришло само собою, я смутился. Мнѣ стало жаль моего спокойнаго житья, моего тихаго красиваго домика, спрятаннаго въ густой чащѣ монастырскаго сада, стало жаль бойкаго Маджи съ его забавной косичкой и важными разсужденіями взрослаго китайца о житейскихъ событіяхъ, но... больше всего мнѣ стало жаль... этой нѣжной, восточной дѣвушки съ бархатными, черными, продолговатыми глазами газели, съ милой привѣтливой улыбкой и плавными, тихими движеніями... Я съ болью думалъ о томъ, что она уѣдетъ и потонетъ безвозвратно въ желтой толпѣ чуждаго мнѣ народа! Но какъ быть?!. И чѣмъ все это кончится?—повторялъ я. Временами мнѣ казалось, что она нравится мнѣ больше, чѣмъ вообще нравятся красивыя дѣвушки молодымъ людямъ. Но мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ я могъ когда-либо жениться на ней! Вѣдь тогда мнѣ бы пришлось остаться здѣсь навсегда! А съ этимъ я не могъ помириться. Увезти ее въ Россію?!. Нѣтъ! Она черезчуръ китаянка и по складу ума, и по внѣшности... Она страдала бы въ нашемъ обществѣ, страдала бы за себя и... за меня. Къ тому же, куда дѣнутся ея мать и Маджи? Она не оставитъ ихъ!

— Что съ вами?.. Васъ разстроили?! — спросила Ліенъ порусски, когда мы вечеромъ усѣлись за общій столъ на верандѣ.

— Нѣтъ, ничего!..

— Зачѣмъ вы скрываете?! Или это касается насъ?—добавила она, блѣднѣя.

Я взглянулъ на нее, на темнѣющій крошечный дворикъ, на небо съ зарей, потухающей надъ дальней панорамой города, прислушался къ знакомому гулу затихающихъ колоколовъ и вдругъ... рѣшилъ сказать ей все.

— Слушайте, Ліенъ, управляющій предлагаетъ вамъ годовое жалованье отца и... издержки... въ обратный путь...

Дѣвушка, видимо, не понимала.

— Зачѣмъ?.. А вы?!

— Я тоже... вѣрно скоро... уѣду... Мать настоятельно требуетъ, чтобы я... вернулся!..

Слова эти прозвучали для меня глухо, странно, точно чужія слова и я сейчасъ же пожалѣлъ, что ихъ произнесъ. Но было поздно уже. Ліенъ вздрогнула, слегка наклонилась впередъ, грудь ея сильно заволновалась, затѣмъ она быстро овладѣла собой.

— Когда же это... Когда?..—спросила она чуть слышно.

— Не знаю... Не скоро... Послушайте, Ліенъ... Это не все... У меня есть... сбереженія... Я съ радостью... Вы мнѣ доставите величайшее наслажденіе... Это составитъ вмѣстѣ небольшую сумму, но вы...—заговорилъ я, и вдругъ почувствовалъ такое отвращеніе къ себѣ, что умолкъ.

— Ахъ! не то... не то!—сказала, подымаясь, Ліенъ.

— Да, Ліенъ, не то...—машинально повторилъ я.

Глаза наши на мгновеніе встрѣтились...

— Пойми, Ліенъ... я чужестранецъ... Я не могу... остаться здѣсь...

— Понимаю, высокочтимый учитель мой!.. Пусть будетъ такъ, какъ тебѣ угодно! Да хранитъ тебя вѣчно высокое всеобъемлющее небо!..

Она поклонилась мнѣ въ ноги красивымъ китайскимъ поклономъ, котоу, и исчезла въ глубинѣ дома раньше, чѣмъ удивленная мать и братъ успѣли ее разспросить о случившемся. Они нѣкоторое время глядѣли на меня вопросительно, широко открытыми глазами, но я не былъ расположенъ разговаривать и они вскорѣ ушли другъ за другомъ съ веранды. Я остался одинъ. Быстрыя тѣни южной ночи наполнили уже мракомъ и сосѣднюю рощу, и дворикъ; городъ вдали мерцалъ цвѣтными огоньками; отъ заснувшаго монастырскаго сада повѣяло ароматной прохладой. Теплая, влажная, душная ночь смѣнила знойный день.

Мнѣ не спалось. Вопреки всѣмъ китайскимъ обычаямъ, я сошелъ внизъ и отправился гулять въ монастырскую рощу. Прогалины дорожекъ чуть значились во мракѣ. Нѣсколько неугасимыхъ лампадъ, горящихъ въ открытыхъ капищахъ въ чащѣ казались звѣздочками, мерцающими среди тучъ на дальнемъ небосклонѣ. Толстыя, вычурныя, многоэтажныя башни пагодъ, подымающіяся тамъ и сямъ выше деревьевъ, казались мнѣ исполинскими сѣверными елями. Я подошелъ вплотную къ одному изъ безчисленныхъ одинокихъ алтарей, прячущихся въ кустахъ и цвѣтахъ и при слабомъ мерцаніи лампады замѣтилъ въ вышинѣ

темное таинственное улыбающееся лицо Будды, а около него уродливыя фигуры китайскихъ идоловъ съ оскаленными клыками и грозно сверкающими бѣлками огромныхъ глазъ... Ихъ ярко раскрашенныя губы, казалось, были вымазаны кровью... Я долго стоялъ здѣсь, не будучи въ состояніи оторвать глазъ отъ этихъ ужасныхъ лицъ... Мнѣ казалось, что они жестоко насмѣхаются и надъ моимъ душевнымъ разладомъ, и надъ кроткой улыбкой первопрестольнаго Будды...

— Ничего! Пустяки!.. Онѣ устроятся,—рѣшилъ я вдругъ,— лавочку откроютъ въ какомъ-либо городѣ или купятъ кусокъ земли на имя Маджи... Я имъ оставлю свой адресъ, чтобы онѣ могли въ случаѣ особой нужды обратиться ко мнѣ, и я помогу имъ... Незачѣмъ только... сентиментальничать! Въ сущности я... не люблю Ліенъ. Во мнѣ говоритъ простая жалость... не больше! Я привыкъ къ нимъ... Мнѣ трудно подумать, что этотъ нѣжный, воспитанный мною цвѣтокъ, эта душа, тонкая, добрая и отзывчивая, достанется—можетъ быть, современемъ, грубому, грязному и суевѣрному китайцу...—раздумывалъ я.

И опять сердце мое почему-то болѣзненно сжалось и грусть вновь овладѣла мною. Я съ понившей головой повернулъ обратно домой по покрытымъ мракомъ дорожкамъ. Я не нашелъ успокоенія. Вопросы и картины копошились, всплывали во мнѣ и, не получивъ отвѣта, давали мѣсто другимъ. То видѣлъ я себя на родинѣ богатымъ, независимымъ, ищущимъ сердечныхъ развлеченій въ кругу красивыхъ европейскихъ женщинъ, то кротко глядѣли на меня преданные бархатные глаза Ліенъ. „Имъ все доступно, а я... рабыня, выведи меня изъ темницы!“ шептали ея тонкія милыя губы.

Наконецъ, въ болѣе свѣтлой прогалинѣ среди кустовъ зачернѣли на бугрѣ на фонѣ звѣзднаго неба очертанія нашего домика. Двойная его крыша съ вздернутыми углами подымалась выше каменной ограды двора. Жгуты плюща и дикаго винограда свѣшивались по стѣнѣ съ обоихъ сторонъ открытыхъ воротъ. Внизу тихо журчалъ потокъ въ канавѣ, вымощенной большими мшистыми валунами. Пахло крѣпко сыростью и душистыми цвѣтами. Я тихо вошелъ во дворъ и направился къ беззвучно спящему дому. Я уже поднялся по каменнымъ ступенямъ на вернаду и собирался пройти въ двери, какъ вдругъ поразила меня странная тѣнь, притаившаяся за однимъ изъ столбовъ навѣса.

— Это вы, Ліенъ?—спросилъ я шопотомъ.

Тѣнь не отвѣчала. Мнѣ почудилось, что это привидѣніе, что это образъ погибшаго преждевременно Ми... Я съ трудомъ поборолъ суевѣрный ужасъ и приблизился къ фигурѣ. Она не шевелилась и только, когда я протянулъ руку и коснулся пальцами теплыхъ плечъ дѣвушки,—та обернулась.

— Что вы дѣлаете, Ліенъ?.. Уже поздно... идите домой... Вы наживете лихорадку...—сказалъ я мягко.

Дѣвушка не отвѣчала; мнѣ показалось, что она плакала, и я стоялъ въ смущеніи, не зная, что мнѣ предпринять, и раздумывалъ, какъ половчѣе удалиться.

— Итакъ, вы остаетесь! Какъ знаете, Ліенъ... А мнѣ пора... Завтра утромъ въ обычный часъ мнѣ нужно на заводъ!..

— Останьтесь...—заговорила она тихонько...—Вѣдь скоро васъ совсѣмъ не будетъ... Поговорите немного, какъ раньше! Разскажите, какъ намѣрены устроиться тамъ, гдѣ насъ не будетъ. Что съ нами будетъ тогда, я не могу представить себѣ?!. Для меня все тамъ темно, все тамъ... скучно! Мать ваша вѣрно важная престарѣлая госпожа?.. Скажите, подумаете ли вы когда-нибудь о насъ?.. О, досточтимый учитель мой, вы исчезнете, точно запахъ голубого цвѣтка! И вспомните ли вы когда-нибудь вашу желтолицую ученицу, которая... когда кругомъ васъ будутъ...

Голосъ ея оборвался, я ждалъ продолженія охваченный глубокимъ волненіемъ.

— Я, Ліенъ, чужестранецъ.. Я не могу... Ради тебя я не могу...—повторялъ я все то же.

— Я знаю. Да хранятъ тебя боги всего міра! Пусть въ спокойствіи побѣлѣютъ волосы твои... Пусть годы твои весело пройдутъ вблизи родныхъ могилъ... Ты точно лучъ солнца прошелъ сквозь жизнь мою и будешь жить вѣчно въ воспоминаніяхъ моихъ, подобно поясу радуги... Развѣ могу я сердиться на тебя за твое добро?.. Виноватъ ли ты, что ты не обидѣлъ меня, ничтожную рабыню?.. Вѣдь я слуга твоя, а ты пощадилъ меня?! Ты могъ прогнать меня подобно собакѣ, а ты позволилъ глядѣть въ твое лицо, слушать твой голосъ, высматривать твое появленіе... Мы были бѣдны и голодны и черезъ тебя только стали богаты и сыты...

— Да, но отецъ твой исчезъ, вслѣдствіе нашихъ дѣлъ!.. Мать твоя куритъ опій тоже черезъ насъ, европейцевъ,—подумалъ я.

— Мы были злы и темны... мы были горды... мы жили, думая только о ѣдѣ и платьи... Ты первый сказалъ дѣвушкѣ, дочери Серединной земли, что она человѣкъ, равный другимъ...

Смущеніе все больше и больше охватывало меня.

— Слушай, Ліенъ!—пробовалъ я остановить дѣвушку.—Все это не такъ! Ты не справедливо приписываешь мнѣ... Тебѣ все это кажется... Повѣрь мнѣ, что я не такой... Я гадкій, злой, себялюбивый... Вотъ теперь покидаю васъ...

— Нѣтъ!.. нѣтъ!..—шептала дѣвушка какъ бы про себя; она продолжала смотрѣть въ глубину дворика и прижималась плечомъ къ столбу.—Нѣтъ, нѣтъ! Ты долженъ! Тебѣ приказываетъ мать и твоя обязанность вернуться къ роднымъ могиламъ... Ты чужестранецъ... А мы останемся и останется вмѣстѣ съ нами вѣчный

дождь и сырость, точно съ тобою ушла душа, точно пришла смерть. Это ничего, мы, дѣти неба, не боимся смерти...

— Зачѣмъ же смерть?.. Наоборотъ... вы уѣдете къ себѣ въ родныя мѣста, вы купите себѣ кусокъ земли на имя Маджи... или устроите себѣ лавочку... Адресъ свой я вамъ оставлю...—принялся я успокойвать ее и тутъ же сообщилъ ей всѣ планы, только что составленные мною въ саду пагоды.

— А тогда что?—спросила послѣ нѣкотораго раздумья Ліенъ.

— Вы... замужъ выйдете!—добавилъ я съ досадой.—Вѣдь всѣ вы, китаянки, выходите замужъ!

— Нѣтъ, я не выйду!—быстро проговорила дѣвушка, оборачиваясь ко мнѣ.—Кто женится на мнѣ, дѣвушкѣ, отецъ которой исчезъ... Къ тому же всѣ думаютъ, что я...

— Да вы уѣдете въ мѣстность, гдѣ васъ не знаютъ...

— Нѣтъ, такія, какъ я, дѣлаются только... чайными пѣвицами... Замужъ ихъ берутъ только изъ-за денегъ... носильщики, лавочники... или старики и то... только какъ вторыхъ женъ!.. Слушай И, небомъ ниспосланный господинъ мой, останься еще немного... годъ... полгода... Возьми меня... Пусть я буду такой въ дѣйствительности... какъ думаютъ всѣ... а затѣмъ... мнѣ все равно!..—заговорила она страстно, наклоняясь ко мнѣ.

Я вздрогнулъ, отступилъ назадъ и руки ея обхватили пустоту; затѣмъ онѣ жалко повисли и обняли столбъ. При свѣтѣ звѣздъ я замѣтилъ, что голова ея стыдливо склонилась на тяжело дышущую грудь. У меня стучало въ вискахъ, пахучій теплый воздухъ опьянялъ меня, но я понималъ, что ничего подобнаго случиться не можетъ... Я безсознательно повернулся и ушелъ, не переставая въ тоже время размышлять, что мнѣ отвѣтить ей...

На слѣдующій день я до завтрака ушелъ на заводъ. Я все время бился съ мыслями, боролся съ чѣмъ-то пламеннымъ и разнузданнымъ, что проснулось въ нѣдрахъ моей души, всю ночь вскипало и бурлило въ крови, не давая мнѣ успокоиться и уснуть. Я былъ во время занятій до того разсѣянъ, что это обратило вниманіе моихъ сослуживцевъ.

— Ну что же—ваши вдовицы?—опять спросилъ вскользь Ѳома Ѳомичъ, проходя черезъ контору.

«Слезы мелкія роняютъ,
«Никуда не отпускаютъ!..»

пропѣлъ вполголоса Стежневъ.

— Бабьи слезы—весеннія грозы!—утѣшалъ меня Саша Воробьевъ.

Передъ самымъ уже уходомъ я обратился къ Воробьеву съ просьбой принять меня къ себѣ на квартиру. Юноша удивился, но согласился съ видимымъ удовольствіемъ.

— Давно пора! Хотите я пойду съ вами за вещами... Сейчасъ сложимъ ихъ и пошлемъ носильщиковъ... Еще сегодня можете у меня ночевать!

Но я отклонилъ его предложеніе. Я хотѣлъ вручить деньги и поговорить съ женщинами въ послѣдній разъ безъ свидѣтелей. Мнѣ казалось, что я обязанъ щадить Ліенъ и что присутствіе юноши больно бы задѣло ее. Но на пути я уже хотѣлъ было вернуться и пригласить его, такъ какъ мнѣ показалось, что я не совсѣмъ искрененъ съ собою и что возможенъ еще и другой исходъ... Чѣмъ ближе подходилъ я къ дому, тѣмъ быстрѣе дѣлались мои шаги... Подъ конецъ я почти бѣжалъ... Кровь огненной струей хлынула мнѣ къ сердцу... Пусть будетъ, что будетъ... Полгода не богъ вѣсть сколько времени...

На пустой, не подметенной верандѣ встрѣтилъ меня испуганный, плачущій Маджи.

— Что такое?

— Мама спитъ... Обѣда нѣтъ... Каминъ холодный!..

— А Ліенъ?

— Ліенъ тоже спитъ!

— Гдѣ?

— Въ своей комнатѣ... Толкалъ я ее, да не слушаетъ!

Я быстро, руководимый мальчикомъ, прошелъ въ женскія комнаты. Въ сумеркахъ большой нѣкогда спальной комнаты я увидѣлъ на низкой кровати женскую фигуру, лежащую на спинѣ съ посинѣлымъ лицомъ и закатившимися глазами. Она тяжело дышала и бѣлая пѣна струилась изъ угловъ полуоткрытаго ея рта. Я безъ труда узналъ Хань-Ми въ обычномъ наркотическомъ трансѣ и прошелъ дальше въ небольшой темный чуланъ, гдѣ спала Ліенъ.

— Она холодна и не дышитъ!..—шепнулъ опередившій меня Маджи.

Я зажегъ спичку: дѣвушка тоже лежала вытянувшись на спинѣ, но лицо ея было спокойно и красиво. Длинныя рѣсницы отбрасывали большія тѣни на нѣжныя щеки, тонкія и блѣдныя губы были плотно сомкнуты... Я хотѣлъ сказать что-то, произнести имя ея, но не могъ... Я еще зажегъ спичку и еще... и глядѣлъ, все глядѣлъ на ея бездыханное тѣло...

— Она мертва!.. Вѣдь она мертва!.. Мама, Ліенъ умерла!..—вскричалъ вдругъ Маджи и бросился опрометью изъ комнаты...

— Мама... Ліенъ умерла и никого нѣтъ, нѣтъ... кромѣ... этого... христіанина... Мама, я боюсь!.. — кричалъ Маджи. Голосъ его гулко звучалъ въ пустомъ и мрачномъ домѣ. Я очнулся и пошелъ къ нему, но онъ, завидѣвъ меня, выпустилъ руки матери и, дико озираясь, попятился назадъ.

— Маджи... что ты!? Это я... И... твой учитель!

— Нѣтъ, нѣтъ... не трогай меня... Ты убилъ моего отца... Всѣ такъ говорятъ въ школѣ... Ты, вѣрно, убилъ и Ліенъ... А теперь хочешь убить меня... Нѣтъ, нѣтъ... не трогай меня... Я знаю, вамъ, заморскимъ чертямъ, нужны человѣческіе глаза для вашихъ волшебствъ... но ты не трогай меня, возьми лучше глаза моей матери, которая все равно не шевелится...

Онъ юркнулъ въ уголъ и раньше, чѣмъ я сообразилъ въ чемъ дѣло, затрещала тамъ бумажная перегородка, блеснулъ сквозь пробитую дыру свѣтъ и мелькнула фигура ребенка. Топотъ быстрыхъ шаговъ загремѣлъ на верандѣ и во дворѣ. Когда я вышелъ наружу, мальчика и слѣдъ простылъ.

Гулко гудѣлъ въ монастырѣ знакомый вечерній благовѣстъ. Или нѣтъ: это гудѣли у меня въ ушахъ странные голоса! Быстро потухала на небѣ короткая южная заря. Или, можетъ быть, темнѣлъ въ глазахъ у меня весь свѣтъ!? Темнѣло небо, темнѣли окружности... Влажная душистая прохлада повѣяла съ окрестныхъ садовъ... Я ее слышу, до сихъ поръ ее помню... Вдали надъ тускло блестящей рѣкою зажигались цвѣтные огни... Все это вмѣстѣ съ землей слегка колебалось подъ моими ногами въ тактъ колокольному звону... Вдругъ непоборимый ужасъ охватилъ меня. Мнѣ показалось, что мое сознаніе падаетъ куда-то въ разверзшуюся передъ нимъ бездну, и я опрометью бросился по тропинкѣ на заводъ.

Когда я разсказалъ о случившемся Ѳомѣ Ѳомичу, тотъ привсталъ отъ волненія съ дивана.

— Вотъ вамъ и филантропія!—сказалъ онъ сердито.—Вы не знаете, чѣмъ это пахнетъ! Да тутъ всѣхъ насъ перерѣжутъ!..

Онъ долго молча расхаживалъ по кабинету, наконецъ обратился ко мнѣ почти грозно.

— Пошлите ко мнѣ Стежнева и сейчасъ же не медля собирайтесь въ путь... Сторожъ пусть сбѣгаетъ на пристань и предупредитъ заводскихъ лодочниковъ... Для меня пусть заготовятъ къ разсвѣту паланкинъ къ дао-таю... Знаете, что случилось? — обратился онъ къ вошедшему на зовъ колокольчика Стежневу.

И онъ сталъ пространно, дополняя своими соображеніями, разсказывать бухгалтеру о случившемся... Я слышалъ разсказъ какъ сквозь сонъ: часто онъ пронзалъ меня, точно ударами шпаги, я вздрагивалъ, но не въ силахъ былъ произнести ни слова ни въ защиту себя, ни въ защиту поруганной дѣвушки и моихъ чистыхъ, добрыхъ намѣреній...

Я пришелъ въ себя только тогда, когда подо мною закачалась лодка и мѣрно всплескивавшіе удары веселъ понесли меня плавно въ туманную черную даль тихо стонущей рѣки...

ВО ИМЯ ДОЛГА.

Романъ Гарлянда.

Переводъ съ англійскаго.

(*Продолженіе* *).

VI.

Брадлей присутствуетъ на конвентѣ.

Въ одно печальное сентябрьское утро слѣдующаго года Брадлей помогалъ Мильтону копать картофель. Приближалась пора его возвращенія въ школу и въ контору судьи Брауна.

Головы молодыхъ людей были полны проектовъ: Мильтонъ намѣревался пробыть въ школѣ еще годъ, а Брадлей хотѣлъ продолжать ученье и въ то же время служить у Брауна.

— Послушай-ка, — сказалъ Мильтонъ, — намъ бы слѣдовало быть на этомъ конвентѣ.

— На какомъ конвентѣ?

— Да на конвентѣ по поводу назначеній въ Рокѣ. Отецъ отправляется сегодня. Я самъ никогда не былъ. Поѣдемъ.

— А кто-жъ картошки-то будетъ копать?

— Чортъ съ ними, съ картошками! Если мы хотимъ быть политическими дѣятелями, то должны знать все, что относится къ политикѣ.

— Такъ-то такъ. Если твой отецъ освободитъ насъ отъ картошекъ, я поѣду.

М-ръ Дженнингсъ былъ согласенъ.

— Только это все одна комедія!—сказалъ онъ.

— Почему же?

— Я объясню вамъ это дорогой... Идите-ка закладывать лошадей, ребята, да захватимъ Каунсиля по дорогѣ.

Брадлей слушалъ м-ра Дженнингса съ интересомъ. Его наблюдательный умъ не пропускалъ ни одной подробности, и все положеніе дѣлъ выяснилось для него какъ нельзя лучше.

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1901 г.

За послѣднія шестнадцать лѣтъ страной управляла кучка ловкихъ рокъ-риверскихъ гражданъ, которые весьма искусно помогали другъ другу забирать въ свои руки капиталы страны; господство ихъ было установлено, повидимому, такъ прочно, что фермеры потеряли всякую надежду избавиться отъ нихъ. Годъ за годомъ они видѣли, какъ эти джентльмены строили себѣ дома, открывали банки и покупали заложенныя земли — «внѣ предѣловъ округа», какъ увѣряли многіе гренджеры.

Каждый годъ собирался конвентъ, и каждый годъ делегаты землевладѣльцевъ убѣждались въ томъ, что они являлись сюда лишь для проформы—чтобы заполнить собою пустыя мѣста. Они всегда находили, что списки кандидатовъ уже составлены, и ловкіе ораторы готовились провести ихъ при такомъ громѣ апплодисментовъ, передъ которыми менѣе смѣлые фермеры оказывались совершенно безсильными. Кучка оффиціальныхъ лицъ яростно защищала свои преимущества противъ требованій неорганизованной толпы гражданъ.

Власти Рокъ-Ривера и сосѣднія съ нимъ села Седарвиля, соединясь другъ съ другомъ, могли связать конвентъ по рукамъ и по ногамъ; кромѣ того, они имѣли вліяніе и на другія общины, умѣя льстить ихъ выборнымъ властямъ, оказывая имъ разныя мелкія услуги и давая имъ чувствовать при этомъ, что они имѣютъ руководящее значеніе въ округѣ. Начинали уже замѣчать и то, что окружный казначей не разъ подкупалъ вліятельныхъ избирателей, любезно освобождая ихъ отъ налоговъ.

— Отчего же вы не боретесь съ ними?—спросилъ Мильтонъ, когда Дженнингсъ объяснилъ все это.

Каунсилъ разсмѣялся.

— Мы уже пробовали, попробуйте-ка теперь вы!

— Дайте намъ возможность, и мы сдѣлаемъ, что можемъ. Правда, Брадъ?

Брадлей кивнулъ головой и такимъ образомъ выразилъ свое согласіе принять участіе въ борьбѣ. Очевидно, ему было суждено начать свою политическую карьеру въ качествѣ независимаго республиканца.

На улицѣ они встрѣтили другихъ гренджеровъ округа. Всѣ они были явно недовольны существующимъ порядкомъ. Въ кленовыхъ аллеяхъ, ведущихъ къ зданію суда, уже толкались кучки собиравшагося народа.

Зданіе суда, построенное въ обычномъ псевдо-классическомъ стилѣ, представляло собою кирпичную постройку съ четырьмя жиденькими деревянными колоннами на фасадѣ. На лѣстницѣ раздавались голоса и шаги людей, входящихъ по старымъ, широкимъ, грязнымъ ступенямъ въ залъ, казавшійся еще болѣе старымъ и грязнымъ отъ окурковъ сигаръ и грязныхъ опилокъ, которыми усыпанъ былъ полъ. Грубыя скамьи походили на парты сельской школы. Нельзя было пред-

ставить себѣ ничего болѣе безотраднаго и печальнаго. Только виднѣвшіеся черезъ окна пурпурные и золотистые клены, растущіе на дворѣ, вносили нѣкоторое оживленіе въ эту картину. Пріѣхавшіе нашли въ залѣ уже множество делегатовъ, между которыми шли возбужденные разговоры. Изъ боковой комнаты близъ судейской трибуны время отъ времени выходили посланцы, которые подходили къ наиболѣе вліятельнымъ делегатамъ и приглашали ихъ присоединиться къ центральному комитету.

Въ собраніи, очевидно, происходилъ расколъ.

— У старыхъ крысъ сегодня ушки на макушкѣ!—сказалъ Мильтонъ.—Быть потѣхѣ!

Голубые глаза его смѣялись и острый языкъ не пропускалъ ни одного изъ тѣхъ, которые, вступивъ въ разговоръ съ окружающими, не могли слышать его.

— Скувырнемъ мы ихъ сегодня?—сказалъ онъ, обращаясь къ Каунсилю.

— Попробуемъ,—отвѣчалъ тотъ.

Всякими хитростями и неправдами группа заправилъ завладѣла округомъ, несмотря на неудовольствіе большинства, а теперь приступала къ борьбѣ съ явной и спокойной самоувѣренностью. Тотчасъ же былъ выбранъ, единодушной подачей голосовъ, прежній предсѣдатель, который назначилъ коммиссію для составленія бюджета и коммиссію для назначеній. Затѣмъ конвентъ приступилъ къ дѣлу.

Коммиссія назначеній представила свой списокъ. Но тутъ-то и началась настоящая борьба. Брадлей моментально превратился въ слухъ и вниманіе. Вѣроятно, предки его были ораторами и политическими дѣятелями, такъ какъ атмосфера конвента совершенно преобразила его.

Здѣсь онъ видѣлъ уже не одни только пренія, а настоящую борьбу. Эта борьба чувствовалась какъ бы въ самомъ воздухѣ залы, наполненной табачнымъ дымомъ и запахомъ сигаръ. Она чувствовалась въ неподвижности этихъ сѣдыхъ затылковъ и плотныхъ, согнутыхъ плечъ фермеровъ, которые были теперь совершенно безмолвны. Полковникъ Россель одобрилъ списокъ, такъ такъ, по его словамъ, онъ былъ представленъ коммиссіей, къ которой конвентъ имѣетъ полнѣйшее довѣріе. Нѣсколько фермеровъ тотчасъ же вскочили на ноги, и на трибуну взошелъ Осмондъ Дирингъ. Въ эту минуту публика на галлереѣ перестала жевать табакъ, заинтересованная происходящимъ. Дирингъ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ округѣ.

— Г. президентъ,—началъ онъ со своей обычной мягкостью,—я не желаю дѣлать затрудненій въ этомъ случаѣ, но я хочу только напомнить конвенту, что тотъ же самый списокъ кандидатовъ представляется фермерамъ Рокъ-Каунти уже восьмой годъ и постоянно проводится противъ ихъ желанія.

Поэтому не желательно было бы, чтобы онъ прошелъ и на этотъ

разъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не пройдетъ безъ моего протеста. (Одобреніе). Этотъ конвентъ лишили права дѣлать назначенія каждый годъ, и каждый годъ мы возвращались домой съ сознаніемъ, что мы таскали каштаны изъ огня для нѣсколькихъ граждан Рокъ-Ривера. Я протестую противъ списка. Я требую права выставить своего кандидата. Я не допускаю, чтобы коммиссія лишала меня права...

Оппозиція подняла крикъ, намѣреваясь приступить къ вотированію. Но разошедшійся старикъ потрясалъ въ воздухѣ рукою и кричалъ: «Я имѣю право говорить, джентльмены, и я желаю говорить». Фермеры апплодировали.

— Я говорю конвенту: пусть онъ отмѣнитъ этотъ методъ избирательства и установитъ старый способъ составлять списки. Иначе это несправедливо, неправильно—и я протестую.

Онъ сѣлъ на мѣсто въ сильнѣйшемъ возбужденіи, его сторонники старались поддержать его, а оппозиція продолжала кричать. Нѣсколько вліятельныхъ гренджеровъ произнесли пламенныя рѣчи, но президентъ коммиссіи назначеній отвѣтилъ на нихъ спокойной убѣдительной рѣчью. Онъ сказалъ, что нѣтъ никакого основанія полагать, будто избранная конвентомъ коммиссія составитъ списокъ, который не будетъ отвѣчать нуждамъ и чести страны. Правда, лица, значащіяся въ спискѣ—большею частью изъ Рокъ-Ривера и Седарвиля; но не слѣдуетъ забывать, что населеніе округа сосредоточено, главнымъ образомъ, въ этихъ именно городахъ и что другія назначенія не могли бы обезпечить подлежащаго представительства для этихъ городовъ. Кромѣ того, никто не можетъ сравняться съ этими лицами въ отношеніи опытности и дѣловой практичности. Они состарились на своихъ мѣстахъ—это правда, но округъ проходитъ черезъ критическій, трудный періодъ и потому не слѣдуетъ забывать поговорку: «Не мѣняй лошадей посреди потока». Тѣмъ не менѣе президентъ вполнѣ согласенъ предоставить вопросъ рѣшенію конвента.

Вотированіе провело списокъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ. Фермеры снова остались обиженными и безпомощными. Дальнѣйшей заботой конвента было возстановить по возможности миръ и добрыя отношенія между членами.

Брадлей самъ удивлялся тому, какъ успокоительно дѣйствовала на него простая и спокойная рѣчь президента коммиссіи назначеній. Это ясно показывало ему, какое значеніе имѣетъ ораторскій талантъ. Списокъ былъ проведенъ единственно благодаря рѣчи президента коммиссіи. Выходя изъ собранія, онъ видѣлъ, что Дженнингсъ и Каунсиль шли съ президентомъ собранія, Росселемъ, который, положивъ руку на плечо тому и другому, съ веселымъ добродушіемъ говорилъ:

— Ну, что-жъ, мы опять побили васъ! Въ политикѣ, знаете, все позволено.

— Да, но это ужъ въ послѣдній разъ, — отвѣчалъ безъ всякой улыбки Дженнингсъ.—Дальше мы этого не потерпимъ.

— Ну, полноте, сосѣдъ! Вы не должны принимать этого такъ къ сердцу. Вѣдь вы сами знаете, что это люди хорошіе и способные.

— Можетъ быть, и способные,—замѣтилъ Дирингъ,—только намъ другихъ надо.

— Такъ и смѣните ихъ!—съ добродушно-вызывающимъ смѣхомъ сказалъ Россель.

— И смѣнимъ!—воскликнулъ Амосъ Райдингсъ.

— Попробуйте! — крикнулъ, уже уходя, Россель, дружески махая имъ на прощанье рукой.

Фермеры возвращались домой, кипя сдержанной злобой. На нихъ нашелъ духъ борьбы и недоставало только предводителя, чтобы сплотить ихъ въ одно могучее и опасное войско.

VII.

Фермеры идутъ войной.

Въ слѣдующую субботу, работая съ Мильтономъ, Брадлей увидѣлъ, какъ прискакалъ Амосъ Райдингсъ. Онъ слѣзъ у воротъ съ лошади и вызвалъ Дженнингса. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ часовъ Брадлей наблюдалъ, какъ они серьезно разговаривали о чемъ-то у свиного закута. То Дженнингсъ смотрѣлъ на Амоса, который, прислонясь къ забору, обтачивалъ ножомъ палочку, то Амосъ говорилъ что-то Дженнингсу, который, упершись локтями въ заборъ, глядѣлъ, какъ Амосъ точитъ палочку. Наконецъ, Дженнингсъ позвалъ всѣхъ обѣдать; вопросъ, повидимому, остался нерѣшеннымъ, хотя они и перемѣнили разговоръ и толковали объ урожаѣ и цѣнахъ на пшеницу.

— Брадъ,—сказалъ Дженнингсъ,—садитесь сюда и сдѣлайте нѣсколько копій съ этого воззванія. А ты, Мильтъ, помоги ему.

Воззваніе гласило слѣдующее:

Реформа въ окружной политикѣ.

Сего 28 сентября въ Рокъ-Крико-Гровѣ состоится общее собраніе гражданъ Рокъ-Каунти для выбора народнаго депутата. Всѣхъ, которые сочувствуютъ политической реформѣ и возмущаются кружковымъ управленіемъ нашихъ окружныхъ чиновниковъ, приглашаютъ явиться на это собраніе.

Подписано:

Амосъ Райдингсъ,
Джонъ Дженнингсъ,
Уильямъ Каунсиль.
Народный комитетъ.

— Что это значитъ?—спросилъ Мильтонъ отца.

— Мы хотимъ составить свой собственный конвентъ.

— Мы объявляемъ имъ войну, — сердито сказалъ Амосъ,—и ужъ дадимъ мы имъ себя знать!

Послѣ обѣда Амосъ взялъ пачку прокламацій и уѣхалъ къ сѣверу. Дженнингсъ заложилъ лошадь и отправился къ югу. Мильтонъ и Брадлей вернулись къ молотьбѣ, чувствую, что они еще пока не имѣютъ ровно никакого значенія.

— Они и не намѣрены допускать насъ до этого дѣла,—сказалъ Мильтонъ. — Но я все равно знаю, въ чемъ тутъ суть. Они хотятъ связать конвентъ по рукамъ и по ногамъ... Ну, будетъ потѣха!

На слѣдующее утро по всему округу у дверей школъ читали прокламацію, призывающую фермеровъ къ возстанію. Всюду только и говорили, что о новомъ управленіи, о реформѣ. Общее соглашеніе было прямымъ результатомъ дѣятельности грenджа, т. е. фермерской ассоціаціи. Грenджъ соединилъ фермеровъ и ознакомилъ ихъ другъ съ другомъ и съ ихъ главарями, и когда, нѣсколько дней спустя, они собрались, какъ древніе саксы, подъ открытымъ небомъ, всѣ были воодушевлены однимъ духомъ протеста, однимъ желаніемъ перемѣны. Это было настоящее собраніе демократіи.

Въ ясное сентябрьское утро подъ большимъ дубомъ собрались эти серьезные, преданные идеѣ свободы люди, готовые идти туда, куда поведутъ ихъ вожди. Высокій Амосъ Райдингсъ, съ умными глазами и строгимъ ртомъ, былъ президентомъ этого собранія. Онъ стоялъ на крышѣ фургона, съ шляпой на головѣ, и представлялъ собой могучую фигуру, не лишенную истинной поэзіи.

— Граждане,—началъ онъ,—мы собрались здѣсь, чтобы сговориться относительно того, какъ уничтожить кружокъ, такъ долго державшій дѣла нашего округа въ своей власти. Мы можемъ сдѣлать это только въ томъ случаѣ, если будемъ дѣйствовать единодушно,—иначе это невозможно. Я надѣюсь, что мы будемъ заодно. Грenджъ принесъ намъ большую пользу. Онъ познакомилъ насъ другъ съ другомъ. Время для борьбы настало. Прежде всего намъ нуженъ постоянный президентъ. Кого избираете вы президентомъ?

— Амоса Райдингса!—закричалъ кто-то.

— Поддерживайте выборъ,—закричали два голоса.

Строгое лицо президента не дрогнуло. Кокетничать было не время.

— Готовы ли вы къ отвѣту?—спросилъ онъ.

— Да, да!—закричала толпа.

— Кто согласенъ, тотъ пусть крикнетъ: да!

Раздался общій крикъ одобренія.

Нѣсколько голосовъ сказали: нѣтъ!

Прочія лица были выбраны такимъ же способомъ. Собраніе перешло къ выбору должностныхъ лицъ и относительно всѣхъ ихъ выка-

зывалось одинаковое единодушіе, пока дѣло не дошло до назначенія окружного аудитора.

Какой-то маленькій человѣчекъ, поднявъ руку, закричалъ:

— Я предлагаю избрать аудиторомъ Джемса Макъ Ганна изъ Рока.

Наступило короткое молчаніе, затѣмъ послышался ропотъ неодобренія.

Прозвучала первая фальшивая нота. Кто-то поддержалъ выборъ. Президентъ застучалъ линейкой.

— Я прошу секретаря занять на минуту мое мѣсто, —сказалъ онъ, и въ голосѣ его слышалась серьезность.

Делегаты собрались въ кучку.

Мѣсто предсѣдателя занялъ секретарь.

— Я долженъ сказать вамъ два слова,—началъ Райдингсъ.—Граждане, намъ предстоитъ борьба, и мы не должны допускать себя до ошибокъ, мы не должны позволять сбивать себя съ толку. Кто этотъ человѣкъ? Знаетъ ли его кто-нибудь? Я знаю его—это шпіонъ. Онъ присланъ сюда съ дурнымъ намѣреніемъ. Если бы онъ назвалъ кого-нибудь получше, его голосъ не имѣлъ бы никакого значенія; но онъ назвалъ Джима Макъ Ганна нарочно. Джимъ Макъ Ганнъ не получитъ и полфунта сахара въ кредитъ въ своемъ собственномъ городѣ. И никогда онъ не пользовался ни кредитомъ, ни вліяніемъ. Зачѣмъ же его назвали? Очевидно, чтобы насмѣяться надъ нами. Поэтому, я хочу предостеречь васъ. Если вы желаете успѣха нашему дѣлу, не поддерживайте ни одного кандидата, который не представленъ хорошо знакомымъ вамъ человѣкомъ.

Собраніе громко выразило свое одобреніе, а маленькій шпіонъ исчезъ.

Было нѣчто величественное въ этомъ сборищѣ возмутившихся фермеровъ. Назначеніе должностныхъ лицъ продолжалось и выбраны были всѣ до самыхъ значительныхъ должностныхъ лицъ города. Между членами собранія царствовало полное единодушіе. Диринга заставили принять должность казначея. Чувство единства и полнаго согласія, сопровождавшее каждое избраніе, когда эти люди поднимали руки и кричали, было то же самое чувство, которое оживляло героевъ Ури, Швица и Унтервальдена, произносившихъ свою клятву среди окружающихъ ихъ горъ.

Это собраніе и это единодушіе были дѣломъ гренджа. Каждый изъ руководящихъ членовъ гренджа, благодаря праздникамъ, пикникамъ и сборищамъ, знакомился съ прочими членами и потому всѣ они могли тотчасъ же выбрать своихъ вожаковъ. Дирингъ, какъ казначей, и Каунсиль, какъ шерифъ, могли быть увѣрены въ успѣхѣ.

Возвращаясь домой, Каунсиль крикнулъ молодымъ людямъ, ѣхавшимъ съ Дженнингсомъ:

— А теперь, ребята, ваше дѣло ѣздить по деревнямъ и наставлять людей на путь истины. Мы же будемъ теперь сидѣть дома.

Таковъ былъ планъ кампаніи. Амосъ Райдингсъ давалъ практическія наставленія, какъ вести дѣло.

— Кандидаты должны оставаться дома,—говорилъ онъ,—а мы будемъ работать. Вы сидите смирно, а мы васъ будемъ выбирать.

Въ пятницу ночью молодые люди выѣхали, чтобы собирать голоса для кандидатовъ гренджа.

— Вотъ весело-то,—сказалъ Мильтонъ отцу.—Куда занятнѣе, чѣмъ пшеницу молотить. Забавно мнѣ смотрѣть, какъ будущій шерифъ копаетъ картофель, а я въ праздничномъ платьѣ разъѣзжаю верхомъ и произношу рѣчи.

— Вотъ погоди, какъ мы васъ къ рукамъ приберемъ, когда вступимъ въ должность,—отвѣчалъ ему Дженнигсъ.

— Не поймавъ воробья, не хвались, что ощипешь его,—отвѣчалъ посмѣиваясь Мильтонъ.

Молодые люди возбуждали большой энтузіазмъ и у каждаго изъ нихъ было много почитателей, хотя по манерѣ говорить оба были совершенно различны. Мильтонъ, пересыпая рѣчь анекдотами и прибаутками, увѣщевалъ фермеровъ крѣпче держаться другъ друга.

— Справедливо ли,—спрашивалъ онъ,—что городъ держитъ всѣ должности?

Въ общемъ онъ говорилъ весьма убѣдительно.

Брадлей дѣйствовалъ на слушателей инымъ способомъ. Ему трудно было начинать, его низкій голосъ звучалъ въ началѣ хрипло; но потомъ прояснялся; слова текли медленно и тяжело; онъ давалъ факты или то, что считалъ фактами. Онъ тщательно собралъ все, что служило къ обвиненію должностныхъ лицъ округа, и въ его безстрашной, смѣлой манерѣ высказывать эти обвиненія заключалась его главная, дѣйствительно большая сила.

VIII.

Брадлей нападаетъ на отца Нетти.

Совершенно неожиданно и внезапно среди фермеровъ возникъ вопросъ о томъ, почему они должны молчать, тогда какъ горожане забираютъ въ свои руку всѣ должности и даже считаютъ невозможнымъ чтобы фермеры могли добиться какой-либо перемѣны въ этомъ отношеніи; при этомъ они смѣются надъ обвиненіями въ кляузничествѣ и открыто говорятъ, что «никогда человѣкъ съ мозолями на рукахъ и клочками сѣна въ волосахъ не можетъ быть допущенъ къ занятію общественной должности». Эти-то слова и послужили темою для рѣчей молодыхъ людей.

Рѣчь, прославившая между фермерами Брадлея, была произнесена имъ въ серединѣ октября на одномъ митингѣ, собравшемся подъ открытымъ небомъ въ окрестностяхъ Котонвуда. Брадлей и Мильтонъ

отправились туда въ занятой у кого-то телѣжкѣ. День былъ чудесный; оба они чувствовали себя счастливыми и каждый выказывалъ это по своему. Мильтонъ положилъ ноги на передокъ телѣжки и всю дорогу пѣлъ или свисталъ, изрѣдка только останавливаясь, чтобы сказать:

— Чортъ знаетъ, какъ хорошо! Вотъ это я называю дѣло дѣлать.

Брадлей улыбался на его слова. Онъ чувствовалъ то же самое, но не могъ выражать этого, какъ Мильтонъ. Ему казалось удивительно прекраснымъ принимать участіе въ подобной борьбѣ. Уже одна мысль о толпѣ, ожидавшей ихъ прибытія, казалась ему чѣмъ-то необычайнымъ. Ѣхать въ совершенно неизвѣстную для нихъ часть округа, говорить передъ совершенно незнакомыми имъ людьми,— все это представлялось ему какой-то сказкой. Ему казалось, что должно совершиться нѣчто сверхъестественное.

Не смотря на рабочую пору, они нашли здѣсь множество фермеровъ; это доказывало, какъ глубоко интересовала ихъ борьба, и Мильтонъ въ началѣ своей рѣчи обратилъ на это особенное вниманіе.

— Если фермеръ добьется чего слѣдуетъ, то онъ долженъ будетъ найти время, чтобы являться на собранія. Мало того, онъ и работу долженъ бросить для выборовъ,—сказалъ онъ.

Послѣ Мильтона, рѣчь котораго понравилась фермерамъ своимъ безъискусственнымъ юморомъ, поднялся Брадлей.

— Мой коллега,—такъ началъ онъ по обычаю общества Дельты,— говорилъ вамъ о кружкѣ, который уже столько лѣтъ поставляетъ должностныхъ лицъ округа. Но онъ не сообщилъ вамъ фактической стороны дѣла, я намѣренъ вести борьбу не для того, чтобы вытѣснить горожанъ и посадить на ихъ мѣста фермеровъ, но для того, чтобы выгнать воровъ и впустить честныхъ людей.

Это былъ рѣшительный ударъ, за которымъ послѣдовали громкіе аплодисменты. Нѣсколько голосовъ закричали:

— Возьмите свои слова назадъ!

— Я ничего не возьму назадъ, потому что знаю, что это правда.

— Нѣтъ! Это ложь, и вы сами это знаете!

— Позвольте мнѣ разсказать вамъ одну исторію, — продолжалъ Брадлей.—Во время послѣдней сессіи суда одинъ изъ моихъ пріятелей былъ въ числѣ присяжныхъ. Когда разбирательство окончилось, онъ взялъ свой ордеръ на полученіе платы за сессію и отправился за деньгами къ окружному казначею Росселю. Казначей сказалъ ему: «Очень сожалѣю, но денегъ на уплату присяжнымъ нѣтъ!»—«Не можете-ли вы въ такомъ случаѣ выдать мнѣ изъ другихъ фондовъ?»—«Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать.»—«Такъ когда же вы получите деньги?»—«Трудно сказать, мѣсяца черезъ два или три».—«Мнѣ необходимо получить деньги по этому ордеру сейчасъ. Развѣ никто не можетъ учесть мнѣ его?»—«Право, не знаю. Можетъ быть, его возьмутъ въ банкѣ, и мой братъ Джонъ согласится учесть его за извѣстный про-

центъ». Мой пріятель отправляется въ контору брата Джона. Братъ Джонъ учитываетъ ордеръ и даетъ за него 8 долларовъ. Затѣмъ тотъ же братъ Джонъ идетъ къ казначею, получаетъ за тотъ же ордеръ 12 долларовъ и оба брата дѣлятъ барышъ между собою. Не правда-ли, хорошенькая сдѣлка?

— Это безсовѣстная ложь!—закричалъ одинъ изъ слушателей. Онъ уже засучилъ рукава и, казалось, готовъ былъ вступить въ бой.

— Это истинная правда,—повторилъ Брадлей.

На собраніи было много сторонниковъ Джона Росселя, которые всѣ были страшно раздражены. Первый изъ нападавшихъ, стоящій впереди, закричалъ еще разъ:

— Это ложь! Возьми это назадъ или я спущу тебя съ фургона.

— Поди-ка, попробуй!—отвѣчалъ ему Брадлей, сбрасывая съ себя сюртукъ.

Возбужденіе достигло того предѣла, когда начинается драка.

— Стащи его, Ханкъ, стащи его! Посмотримъ, что онъ запоетъ!—подстрекали нѣкоторые отчаянные парни.

— Держись крѣпче, Брадъ!—орали другіе.

Ханкъ не унимался. Онъ пробрался къ колесу фургона и замахнулся на оратора кулакомъ.

— Возьми сейчасъ назадъ...

Брадлей схватилъ его за поднятую руку и, упершись ногами въ колесо, втащилъ его въ фургонъ и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, вытолкалъ его на другую сторону. Затѣмъ онъ гордо выпрямился во всю вышину своей мощной фигуры.

— Я утверждаю, что это правда,—повторилъ онъ,—а если найдутся еще дураки, которымъ захочется спихнуть меня отсюда,—пусть только попробуютъ...

Но, очевидно, никто уже болѣе не имѣлъ къ этому охоты. Одобрительные крики толпы и рѣшительная поза молодого оратора заставили буяновъ присмирѣть.

— Теперь я назову вамъ то лицо, которое явилось съ ордеромъ въ кассу. Это былъ Уильямъ Бэконъ. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ, господа, скажетъ, что и *онъ* лжетъ?

Брадлей окончилъ эту рѣчь безъ всякаго перерыва. Всѣ фермеры поздравляли его съ успѣхомъ. Однако, на обратномъ пути въ Рокъ-Риверъ онъ былъ не веселъ, тогда какъ Мильтонъ былъ внѣ себя отъ восторга.

— Желалъ бы я обладать твоей силой, Брадъ! Вѣдь я тебѣ и въ подметки не гожусь въ этомъ отношеніи! Славно ты его втащилъ на фургонъ-то и вытолкалъ вонъ! Удивительно!

— А меня это мучаетъ,—сказалъ Брадлей.—Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался взрослымъ человѣкомъ, я дрался только одинъ разъ. Мнѣ просто стыдно за себя.—Но Мильтонъ былъ въ восхищеніи. Какъ онъ славно будетъ разсказывать этотъ эпизодъ! Просто чудо, что такой

Но Брадлей не могъ успокоиться и, уже лежа въ постели, все еще думалъ объ этомъ. Чтобы подумала о немъ *она* по поводу этой злосчастной драки? Онъ старался припомнить, ругался-ли онъ при этомъ или нѣтъ. Ему чудились даже въ потьмахъ ея глубокіе, кроткіе глаза, которые печально и съ упрекомъ смотрѣли на него. Онъ застоналъ и повернулся къ стѣнѣ, какъ бы не желая видѣть свою собственную фигуру, стоящую на фургонѣ безъ сюртука и перебранивающуюся съ толпой неотесанныхъ парней.

Однако, эпизодъ этотъ сталъ повсюду извѣстенъ и очень нравился фермерамъ. Смѣлость обвиненія и замѣчательная сила мускуловъ Брадлея вызывали всеобщее удивленіе и содѣйствовали его популярности. Между прочимъ, исторія эта дошла и до судьи Брауна, который очень смѣялся надъ ней. Въ слѣдующій понедѣльникъ, когда Брадлей усердно былъ занятъ своимъ писаньемъ, судья вошелъ въ комнату.

— Такъ какъ же Брадъ?—говорятъ вы всѣхъ сторонниковъ Росселя обругали ворами?

— Да, похоже на это!

— А это... это вамъ не помѣшаетъ развѣ, когда... когда вы пойдете въ гости къ Нетти.

— Я и не собираюсь идти туда въ гости.

— Ого! Что же, вы, можетъ быть, ждете, чтобы самъ полковникъ пришелъ къ вамъ?

— Какое мнѣ дѣло до него!?—закричалъ Брадлей, поворачиваясь всѣмъ корпусомъ къ своему принципалу.—Я сказалъ то, что считаю правдой. Я называю ихъ образъ дѣйствій воровствомъ, а что это имъ не нравится, такъ это мнѣ все равно. Я отъ своего мнѣнія не отступлюсь ни на іоту.

— Великолѣпно!—воскликнулъ судья. Какъ демократъ онъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ нападокъ на кружокъ республиканцевъ.—Идите смѣло впередъ. Если они пойдутъ жаловаться въ судъ, я буду за васъ!

IX.

Брадлей знакомится съ миссисъ Браунъ.

Не смотря на то, что Брадлей не разъ бывалъ въ домѣ Росселя, такъ какъ часто заходилъ за Нетти для прогулокъ или провожалъ ее изъ школы, ему ни разу не приходилось разговаривать съ ея отцомъ. Онъ былъ такой важный господинъ, да кромѣ того, какъ истый американецъ, никогда не вмѣшивался въ любовныя дѣла своей дочери. Онъ зналъ, что Брадлей порядочный и честный юноша, а двѣ старшія дочери ясно доказали ему совершенную безполезность его усилій отдать ихъ замужъ за людей, которые нравились ему и его женѣ.

Нападки Брадлея на него и на его брата, казначея, сильно раздражили его. Правда, ему не въ диковинку были нелестные эпитеты и некра-

сивыя обвиненія со стороны кандидатовъ противной партіи, въ сущности, не слѣдовало бы даже обращать вниманія на нападки Брадлея, но это былъ совершенно особенный случай. Во первыхъ, это была истинная правда, а, во-вторыхъ, обвиненіе исходило отъ молодого человѣка, котораго ввела въ домъ его дочь и котораго онъ начиналъ уже считать своимъ будущимъ зятемъ.

Во вторникъ утромъ, только что Брадлей опустилъ въ лоханку съ горячей водой свою посуду, какъ послышался рѣзкій стукъ въ дверь и звонкій женскій голосъ крикнулъ ему:

— Эй, Брадъ! можно мнѣ войти?

— Войдите.

Вошла Нетти; щеки ея пылали, глаза сіяли.

— О! вы посуду моете? Подождите-ка, я вамъ помогу.

Она моментально сбросила съ себя пальто и засучила рукава.

Брадлей протестовалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не стоитъ, ихъ такъ мало, я сейчасъ самъ кончу.

— Ну, хорошо, я буду вытирать,—отвѣчала она.—Вотъ потѣха то! Это должно изображать полотенце?

И Нетти подняла за кончикъ одну сторону мѣшка изъ-подъ муки, на которомъ отпечатано было коричневыми буквами клеймо фирмы.

Она громко хохотала. Мысль, что она помогаетъ ему въ хозяйствѣ, была ей очень пріятна.

Брадлей былъ сконфуженъ; но она продолжала трещать, забывая о времени и мѣстѣ. Она, очевидно, хотѣла показать ему, что онъ замѣчательно выросъ въ ея глазахъ. Она для того и пришла, чтобы онъ видѣлъ ея расположеніе къ нему,—пришла съ полной довѣрчивостью, которая была одновременно и прекрасна, и трогательна. Она встрѣтила его утромъ, идя въ школу, а вечеромъ заставила проводить себя домой. Днемъ она пріѣхала за нимъ, чтобы прокатиться съ нимъ въ тележкѣ. Что ихъ видѣлъ весь городъ, это ей было все равно; она взяла его подъ руку и пошла съ нимъ, горячась и радуясь тому, что онъ допускалъ это.

— Слушайте,—вдругъ сказала она,—папа хочетъ о чемъ-то поговорить съ вами. Онъ велѣлъ мнѣ позвать васъ къ намъ сегодня вечеромъ.

Въ эту минуту она подметала полъ, а онъ переставлялъ мебель.

— Что ему нужно, желала бы я знать!

— Не знаю,—уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Ужъ, вѣрно, что-нибудь насчетъ политики!

Она подошла и молча остановилась подлѣ него. Несмотря на свое длинное платье и претензію казаться взрослой, она была совсѣмъ еще дѣвочка; но она безъ памяти любила его. Она стояла такъ близко, что могла бы положить свою руку на его руку, лежащую на столѣ.

Ея ясные, кроткіе каріе глаза глядѣли на него съ довѣрчивостью и невинностью ребенка. Брадлей радъ былъ, когда раздался, наконецъ, призывный колоколъ. Она быстро отдернула руку и бросила метлу, которую держала въ лѣвой рукѣ.

— О, это послѣдній призывъ. Помогите мнѣ надѣть пальто! скорѣе!

Онъ надѣлъ ей пальто. Она нетерпѣливо топнула ногой.

— Вытащите же мнѣ волосы!

Онъ взялъ въ обѣ руки ея роскошныя кудри, вытащилъ ихъ и поправилъ вокругъ шеи воротникъ. Она схватила его за обѣ руки и, смотря прямо ему въ глаза, весело разсмѣялась.

— А теперь вы можете поцѣловать меня.

Онъ нагнулся и,—весь красный отъ стыда, поцѣловалъ ее въ щеку. Всю дорогу къ капеллѣ онъ мучился угрызеніямъ совѣсти. Онъ смутно чувствовалъ, что нанесъ непоправимое оскорбленіе своему идеалу. Нетти болтала, не обращая вниманія на его молчаніе. Съ дѣтскою радостью смотрѣла она ему въ глаза, проектируя катанье при лунномъ свѣтѣ.

Все это утро онъ не могъ сосредоточить своихъ мыслей на урокахъ.

Въ полдень онъ постарался избѣжать Нетти и пошелъ домой, чтобы обдумать свое положеніе; но какъ онъ ни старался, онъ не могъ выяснить себѣ ничего опредѣленнаго.

Онъ любилъ Нетти. Она была ему близка и была для него воплощеніемъ страсти. А чувство его къ миссъ Уильбёръ, которое онъ даже не думалъ называть любовью, было какимъ то смутнымъ обожаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ плотскою страстью. Она была для него олицетвореніемъ стремленій и идей, еще неясныхъ ему самому. Одно только онъ уяснилъ себѣ. Онъ не долженъ былъ допускать, чтобы Нетти такъ часто показывалась съ нимъ, если онъ не хотѣлъ жениться на ней, а онъ даже не могъ себѣ представить ее своей женой.

Онъ не зналъ, какъ ему встрѣтиться съ Росселемъ, и потому отложилъ свое посѣщеніе до другого раза, извинившись тѣмъ, что у него очень много дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшилъ поселиться на пансіонѣ гдѣ-нибудь въ бордингъ-гаузѣ, въ другомъ мѣстѣ города. Когда онъ сообщилъ объ этомъ судьѣ, тотъ сказалъ:

— Отчего бы вамъ не поселиться у насъ? Миссисъ Браунъ скучаетъ иногда, а кромѣ того я ненавижу доить корову, чистить лошадей и рубить дрова. Переѣзжайте къ намъ и живите съ нами.

Брадлей принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Это было чрезвычайно важно для него. Изъ своего подвала онъ перебрался въ одинъ изъ лучшихъ домовъ города, хотя это былъ очень холодный и мрачный домъ: большое, бѣлое квадратное строеніе съ вѣчно-закрытыми ставнями.

Въ этотъ же день Брадлей пошелъ обѣдать къ судьѣ, чтобы познакомиться съ миссисъ Браунъ, которой онъ еще никогда не видѣлъ.

Когда судья представилъ ей Брадлея, объявивъ при этомъ, что пригласилъ его обѣдать, она взглянула на мужа съ удивленіемъ.

— Если вы дѣлаете такія вещи, то вы должны предупреждать гостей, что у насъ сегодня будничный столъ.

— Можетъ быть, нашъ будничный столъ покажется этому молодому человѣку праздничнымъ, миссисъ Браунъ.

Они сѣли за столъ. Миссисъ Браунъ сама накладывала кушанья, каждый разъ вставая съ мѣста, чтобы налить чай или подать бисквиты. Она говорила очень мало, но Брадлей нѣсколько разъ поймалъ взглядъ ея, устремленный на него черезъ очки. У нея былъ прекрасный ротъ, но линія губъ выражала печаль и молчаливость.

— Миссисъ Браунъ, я желалъ бы, чтобъ вы позаботились объ этомъ молодомъ человѣкѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Это мой клеркъ и полагаю, что онъ будетъ доить корову и колоть дрова вмѣсто меня въ уплату за столъ и квартиру.

Она снова взглянула на него и еще больше сжала губы, какъ бы ожидая, не скажетъ ли судья еще что-нибудь.

— Этотъ молодой человѣкъ будетъ изучать у меня законы, и я надѣюсь сдѣлать изъ него выдающагося дѣятеля, миссисъ Браунъ!

— Я жалѣю только, мистеръ Браунъ, что вы не посовѣтовались со мною раньше!—безъ гнѣва сказала она.

— На это не было времени, миссисъ Браунъ. Я готовъ былъ просто бросить доить корову, а моя спина буквально трещитъ каждый разъ, какъ я колю дрова. Я полагаю, что дѣлаю вамъ этимъ удовольствіе, а себѣ приношу пользу, миссисъ Браунъ.

Она снова внимательно осмотрѣла Брадлея черезъ свои очки. Это была очень представительная дама лѣтъ пятидесяти; ея густые, бѣлые волосы волнами лежали на ея головѣ, обрамляя спокойный и ясный лобъ. Глазъ ея не было видно, но ротъ и подбородокъ сохранили почти дѣвическую свѣжесть.

Судья почувствовалъ, что поступилъ опрометчиво.

— Миссисъ Браунъ!—заговорилъ онъ уже совсѣмъ другимъ голосомъ,—помните ли вы тотъ день, когда вы впервые увидѣли меня? Тогда я пробивалъ себѣ дорогу въ Оберлинѣ (я рубилъ бревна на дрова, потому что ихъ тогда еще не пилили) и жилъ въ подвалѣ, совершенно такъ же, какъ этотъ молодой человѣкъ.

Онъ варилъ себѣ пищу точно такъ же, какъ когда-то и я, потому что ему нечѣмъ заплатить за пансіонъ. Теперь мнѣ кажется, что намъ слѣдуетъ помочь ему. Какъ вы думаете, миссисъ Браунъ?

Линія рта у миссисъ Браунъ смягчилась, очки снова обратились къ Брадлею и такъ уставились на него, что онъ могъ разсмотрѣть ея сѣрые глаза.

— Мистеръ Браунъ никогда не спрашиваетъ моего мнѣнія,—объяснила она Брадлею,—но, тѣмъ не менѣе, будьте здѣсь пожалуйста какъ дома, сэръ, если только нашъ скучный домъ не хуже вашего подвала. Мистеръ Браунъ рѣдко беретъ на себя трудъ объяснить мнѣ, что онъ хочетъ; но я постараюсь, чтобъ вамъ было здѣсь хорошо, сэръ.

Обѣдъ окончился въ молчаніи. Судья, очевидно, вспоминалъ былыя времена, но трудно было бы сказать, о чемъ думала его жена. Наконецъ, онъ всталъ изъ-за стола, промолвивъ:

— Хотите, я покажу вамъ корову и колодецъ?

Проходя мимо стула своей жены, онъ остановился на минутку и ласково сказалъ ей:

— Такимъ двумъ старикамъ будетъ веселѣе съ нимъ, Елизавета.

Онъ погладилъ ее по плечу и вышелъ. Брадлей, идя за нимъ, видѣлъ, какъ она, держа очки въ рукѣ, вытирала платкомъ глаза.

— У насъ былъ только одинъ ребенокъ—мальчикъ, который былъ убитъ на охотѣ,—быстро проговорилъ судья и замолчалъ.

— Вотъ тутъ кормъ для коровы, — продолжалъ онъ.—Я даю ей по двѣ лохани въ день, если не забуду.

Когда Брадлей вновь увидѣлъ миссисъ Браунъ за ужиномъ, она была уже гораздо ласковѣе и линія рта казалась мягче. Въ своей комнатѣ онъ нашелъ слѣды ея заботливой материнской руки: чистая, мягкая постель и разныя бездѣлушки женскаго рукодѣлія, которыя напомнили ему его собственную мать, умершую, когда ему было всего пятнадцать лѣтъ. У него никогда не было еще такой комнаты, и она казалась ему прекрасной. Онъ не замѣчалъ ни ея холода, ни недостатка уютности и комфорта; это былъ настоящій дворецъ послѣ его подвала.

Ему знакома была семейная жизнь въ Западныхъ Штатахъ; поэтому онъ зналъ, что эта чопорная холодность между судьей и его женою была лишь обще-принятой манерой обращенія, и что ласка судьи, погладившаго жену по плечу, стоила больше, чѣмъ множество избитыхъ ласкательныхъ словъ, которыя у другихъ не сходятъ съ языка. Подъ этой сдержанностью скрывалась истинная, глубокая нѣжность, въ которой они не смѣли признаться даже самимъ себѣ. Ихъ одинокая жизнь сдѣлалась имъ обоимъ невыносимою, а Брадлей вносилъ въ нее молодость и лучъ солнца.

X.

Выборы.

Всѣ газеты округа были полны разнорѣчивыхъ и безпокойныхъ толковъ относительно выборовъ. Органъ демократовъ «Призывъ» хвалился тѣмъ, что онъ одинъ стоитъ за реформу. Другая газета, чисто республиканскаго направленія, упорно защищала старый порядокъ выборовъ, какъ если бы всякій другой порядокъ былъ просто не мыслимъ и не допустимъ. Сборнымъ пунктомъ избирателей сдѣлался школьный домъ въ Гровъ-Окѣ, и народъ толпился тамъ цѣлый день. Было холодно и сыро. Мужчины и молодые парни пришли въ толстыхъ пальто и стояли на подвѣтренной части школьнаго дома, куда про-

брался блѣдный лучъ солнца; они болтали, спорили и держали пари на яблоки и пирожки.

Нѣкоторые парни разводили огни на опушкѣ лѣса и когда холодъ дѣлался невыносимымъ, бѣгали туда погрѣться. Они присаживались передъ огнемъ на корточкахъ, какъ дикари, и хохотали, когда клубы дыма неожиданно попадали имъ въ лицо. Цѣлыя компаніи отправлялись на фуражировку за яйцами, яблоками и картофелемъ, который пекся тутъ же въ золѣ.

Порой скакали мимо верховые, принося ободряющія вѣсти изъ разныхъ избирательныхъ мѣстъ, подъѣзжали фургоны съ фермерами, которые громко и сердечно привѣтствовали другихъ избирателей. Они весело выскакивали на нѣсколько минутъ изъ фургоновъ, потомъ снова усаживались и ѣхали дальше, на работу, криками выражая свое сочувствіе къ избирательному дѣлу гренджеровъ.

Школьный домъ весь дрожалъ отъ смѣха и оживленныхъ толковъ, и у огромной печи посреди комнаты, въ которую то и дѣло подкладывали дрова, было нестерпимо жарко. Никогда выборы президента не собирали столько народа и не вызывали такихъ возбужденныхъ толковъ.

Брадлей былъ назначенъ письмоводителемъ съѣзда. Его прекрасный почеркъ и знаніе бухгалтеріи дѣлали его весьма цѣннымъ человѣкомъ для этой должности. Онъ сидѣлъ за конторкой передъ книгами и невозмутимо исполнялъ свою обязанность; это была его первая общественная должность, и онъ былъ чрезвычайно доволенъ. Теперь онъ чувствовалъ себя вознагражденнымъ за весь свой тяжелый трудъ въ теченіе года.

Около двухъ часовъ, когда большинство избирателей было въ сборѣ, вдругъ прискакалъ верхомъ человѣкъ, который съ возбужденнымъ видомъ и едва сдерживая свою взмыленную лошадь, прокричалъ:

— Дирингъ отказался отъ кандидатуры въ пользу Росселя!

Вся толпа избирателей высыпала на улицу.

— Что случилось?

— Кто говоритъ?

— Дирингъ отказался отъ кандидатуры въ пользу Росселя. Подавайте голоса за Росселя,—повторилъ верховой и поскакалъ дальше.

Фермеры удивленно переглядывались.

— Что все это значитъ?—спросилъ Смитъ.

— Кто это былъ?

— Не знаю.

— Кто бы это ни былъ, онъ лжетъ,—сказалъ Каунсиль.—Только гдѣ это я видѣлъ его прежде?

— Я знаю—это работникъ Диринга.

— Не можетъ быть!

Однако, это было похоже на правду.

— Я знаю, кто это! — закричалъ Мильтонъ,—это Самъ Гардингъ. Лошадь—не Диринга. Это все выдумка республиканцевъ! Садитесь на коня, Каунсиль!

Онъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства и гнѣва. Мужчины вспрыгнули на коней.

— Пусть кто-нибудь изъ васъ ѣдетъ по тому пути, по которому онъ только что проѣхалъ,—сказалъ Каунсиль.—Онъ, навѣрное, изъ Шелль-Рока и изъ Гельсъ-Корнера.

Всѣ тотчасъ же смекнули, что ихъ хотѣли обмануть. Этотъ человѣкъ былъ посланъ въ наиболѣе населенныя мѣста округа, гдѣ производились выборы, чтобы распространить ложный слухъ, въ надеждѣ на то, что многіе, застигнутые имъ врасплохъ, подадутъ голосъ за Росселя. Нѣкоторые изъ парней, сѣвъ на коней, поѣхали по тому пути, по которому обманщикъ уже проѣхалъ, тогда какъ Каунсиль, Мильтонъ и старый Бэконъ пустились догонять его.

Они скакали сломя голову, надѣясь нагнать его прежде, чѣмъ онъ достигнетъ слѣдующаго избирательнаго пункта. Мильтонъ на своемъ красивомъ сѣромъ жеребцѣ скакалъ впереди. Онъ былъ прекрасный наѣздникъ и далеко оставилъ за собой обоихъ стариковъ. Но и у подосланнаго негодяя была добрая лошадь, онъ ѣхалъ очень скоро.

Когда они достигли слѣдующаго избирательнаго пункта, онъ былъ уже на противоположномъ концѣ его. Они въѣхали въ разступившуюся съ изумленіемъ толпу.

— Это ложь! Это обманъ!—кричалъ Мильтонъ.—Дирингъ не отказывался. Подавайте голоса за Диринга. Они васъ подводятъ!

За нимъ подоспѣли и другіе, также крича: «это ложь!»

— Впередъ! — крикнулъ Мильтонъ, отпуская повода своему Марку и продолжая скакать по слѣдамъ обманщика.

Молодые парни мѣстечка мгновенно заразились его возбужденіемъ и каждый, у кого была подъ руками осѣдланная лошадь, вскочилъ на сѣдло и помчался вслѣдъ за обманщикомъ съ такимъ гиканьемъ и крикомъ, какъ если бы они гнались за волкомъ.

Но обманщикъ уже замѣтилъ, что за нимъ гонятся, и помчался по дорогѣ, которая огибала лѣсъ и потомъ внезапно пересѣкала рѣку.

Погоня была отчаянная. Въ молчаніи Мильтона и Бэкона, ѣхавшихъ впереди, было что-то зловѣщее, что заставляло сердце виновнаго биться страхомъ и предчувствіемъ жестокаго наказанія. Онъ безпощадно погонялъ свою лошадь, надѣясь, что эта отчаянная скачка утомитъ, наконецъ, его преслѣдователей.

Кровь Мильтона разгорѣлась и, въ первый разъ въ жизни, ударивъ ладонью по шеѣ своего гордаго скакуна, онъ крикнулъ:

— Выручай, Маркъ!

Чудное животное вытянуло шею и прижало назадъ уши; оно вдругъ сдѣлалось ниже и вытянулось въ длину, глаза засверкали. Всѣ из-

вѣстные разсказы объ отчаянныхъ погоняхъ мгновенно возникли въ умѣ Мильтона.

Бѣшеная скачка Марка постепенно уменьшала пространство между нимъ и обманщикомъ. При поворотѣ дороги Мильтонъ поскакалъ ему наперерѣзъ и обогнавъ его, закричалъ:

— Стой! ни съ мѣста!

— Прочь съ дороги!—отвѣчалъ тотъ.

— Остановись! — повелительно повторилъ Мильтонъ, поворачивая своего коня поперегъ дороги.

Парень ударилъ Марка.

— Прочь съ дороги, говорю!—прокричалъ онъ.

Но Мильтонъ схватилъ его лошадь подъ уздцы и не выпускалъ ее. Парень поднялъ руку и прежде, чѣмъ подоспѣлъ Бэконъ, дважды ударилъ Мильтона.

— Ну, теперь берегись, проклятый!

Съ этими словами Бэконъ соскочилъ съ коня и, подбѣжавъ къ парню, стащилъ его на землю. Тотъ отчаянно сопротивлялся.

— Оставьте меня или я убью васъ!

Бэконъ пробормоталъ что-то, толкнулъ парня изъ стороны въ сторону, потомъ встряхнулъ его, какъ мѣшокъ картофеля, и бросилъ на землю. Парень лежалъ совсѣмъ ошеломленный. Между тѣмъ Бэконъ, взявъ его лошадь, привязывалъ ее къ дереву.

Потомъ, увидѣвъ, что парень вставалъ на ноги, Бэконъ вернулся къ нему и снова схватилъ его своей желѣзной рукой.

— Кто нанялъ тебя сдѣлать это?—спросилъ онъ въ то время какъ подскакали на своихъ взмыленныхъ и измученныхъ лошадяхъ Каунсиль и другіе. Парень молча ударилъ Бэкона по лицу. Старикъ приподнялъ его на воздухъ и съ яростнымъ крикомъ бросилъ о земь, какъ бросаютъ кусающуюся кошку. Человѣкъ не шевелился.

— Вы убили его!—закричалъ Мильтонъ.

— Пускай! Мнѣ все равно!

Парню было лѣтъ тридцать пять. Онъ былъ тонокъ, лицо его съ рыжими усами было блѣдно. Всѣ знали, что это былъ хитрый и низкій человѣкъ, но все-таки заступились за него.

— Оставьте его, Бэконъ! Довольно съ него!

Парень вдругъ приподнялся и сталъ оглядываться по сторонамъ. Кровь лилась у него изъ носа и изъ раны на головѣ. У него былъ дикій запуганный видъ. Онъ отнюдь не сдавался, но былъ такъ ошеломленъ, что могъ только ругаться.

— За что вы меня бьете, подлецы вы этакіе! Шестеро на одного напали!

— А ты зачѣмъ ѣздилъ по деревнямъ?

— Не ваше дѣло, мошенники!

Бэконъ взмахнулъ ременнымъ поводомъ, который держалъ въ рукахъ, и по плечамъ парня свистнулъ ударъ.

— Не мѣшаетъ проучить тебя голубчикъ!—сказалъ онъ и, смолкнувъ продолжалъ хлестать парня, который, ругаясь и крича, не поднимался съ мѣста.

— Будетъ съ него!—закричала толпа.

— Отпустите дурака!

Но Бэконъ продолжалъ работать съ такимъ видомъ, будто это чрезвычайно забавляло его. Онъ хлесталъ поводомъ по шеѣ, плечамъ и спинѣ человѣка, и эти удары проникали чрезъ его толстую одежду до самаго тѣла. Но еще мучительнѣе чѣмъ эти удары, былъ взглядъ Бэкона. Видно было, что старикъ готовъ стоять надъ нимъ и хлестать его до утра.

— Да остановись же чортъ тебя возьми! убить меня, что ли, хочешь?

— Ага! Довольно съ тебя?

— Да, да! Господи! да!

— Влѣзай на лошадь.

Парень влѣзъ на лошадь и, обливаясь кровью, поѣхалъ назадъ по дорогѣ рядомъ съ Бэкономъ, который держалъ его лошадь подъ уздцы

— Теперь я хочу, чтобы ты самъ, своимъ собственнымъ языкомъ объявилъ, что ты солгалъ! — сказалъ Бэконъ, когда они въѣхали въ послѣднее избирательное мѣстечко, по которому онъ проѣхалъ. На встрѣчу имъ высыпала цѣлая толпа.

— Кого это вы привели, Бэконъ?—спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Лжеца! Ну, говори, что я тебѣ велѣлъ, — сказалъ Бэконъ, обращаясь къ своему плѣннику.

— Я солгалъ: Дирингъ не отказывался.

Они поѣхали дальше. Каунсиль и Мильтонъ слѣдовали за ними. У школьнаго дома въ Окъ-Гровѣ по прежнему кишѣлъ народъ. Всѣ бросились навстрѣчу всадникамъ. Брадлей оставилъ свои книги и тоже вышелъ посмотрѣть на плѣнника, который качался на сѣдлѣ, покрытый кровью и грязью.

Между тѣмъ, всадники поскакали къ слѣдующему избирательному пункту, принуждая обманщика по возможности исправить сдѣланное имъ зло.

Мильтонъ остался съ Брадлеемъ.

— Это показываетъ только, что они потеряли всякую надежду!— сказалъ онъ, входя въ школьный домъ вмѣстѣ съ другими.—Они поняли, что на этотъ разъ мы, дѣйствительно, взялись за дѣло въ серьезъ!

Когда Брадлей и Мильтонъ вернулись въ Рокъ-Риверъ, все было тамъ уже спокойно, даже мрачно. Улицы казались пустынными. Лишь изрѣдка отворялась какая-нибудь дверь, въ аптекарскомъ складѣ или въ лавкѣ Роби, показывая, что не одна живая душа съ интересомъ ждала результата выборовъ. Нигдѣ не видно было ни костровъ, ни

процессій мальчишекъ, колотящихъ въ кастрюльки и сковородки. Правда, нѣсколько головорѣзовъ попробовали было изъ шалости произвести нѣчто подобное, но были тотчасъ же осажены строгой рукою начальника мѣстной полиціи, который явно сочувствовалъ разбитому «кружку». Уже съ ранняго утра замѣтно было, что населеніе Рокъ-Ривера раздѣлилось на два лагеря: Амосъ Райдингсъ и Роби увлекли многихъ на сторону фермеровъ. Чувствовалась какая-то общая потребность въ перемѣнѣ.

Мильтонъ былъ въ страшномъ возбужденіи. Онъ яснѣе, чѣмъ Брадлей, сознавалъ все значеніе одержанной побѣды, потому что гораздо раньше его сталъ заниматься политикою. Впервые, въ исторіи округа, фермеры настояли на своихъ правахъ и почувствовали силу своей численности.

Впервые, въ исторіи американскаго фермера, они сознали необходимость солидарности. Они понимали,—по крайней мѣрѣ, въ данную минуту,—общность своихъ интересовъ и сознавали возможность защитить себя противъ соединенныхъ силъ политическихъ паразитовъ маленькихъ городовъ.

Правда, они дѣлали при этомъ одну ошибку, считая интересъ купцовъ, ремесленниковъ и техниковъ также враждебными своимъ интересамъ. Кругозоръ ихъ былъ еще слишкомъ ограниченъ, они еще не доросли до пониманія общности всѣхъ промышленныхъ интересовъ. Но несомнѣнно, что современемъ они должны были дойти и до этого.

XI.

Ученые у судьи.

По окончаніи этой кампаніи, Брадлей вернулся къ своимъ занятіямъ въ школѣ и къ работѣ въ конторѣ Брауна. Мильтонъ же не возвратился. Дирингъ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ въ казначействѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сообщилъ Брадлею о своей близкой женитьбѣ на Еленѣ Дирингъ.

Говоря съ Брадлеемъ объ этомъ проектѣ Мильтона, старикъ Дженнингсъ съ грустью сказалъ:

— Теперь я одинъ остался! Онъ ужъ никогда больше не вернется на ферму. Когда онъ былъ въ школѣ, я не такъ замѣчалъ его отсутствіе, потому что онъ приходилъ домой по субботамъ. А теперь... ну да что объ этомъ толковать... Только не весело намъ будетъ теперь работать...

— Можетъ быть, онъ вернется, когда окончитъ срокъ службы.

М-ръ Дженнингсъ покачалъ головой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—городская жизнь и служба испортятъ его. А потомъ онъ женится. Да и ты не вернешься на ферму. Кто

разъ уйдетъ съ фермы и научится зарабатывать свой хлѣбъ иначе, тотъ ужъ не вернется.

Эта грусть совсѣмъ не соотвѣтствовала обычному настроенію м-ра Дженнингса. Онъ всегда несъ свой жизненный крестъ съ улыбкою на устахъ, и Брадлею было тяжело видѣть его теперь такимъ мрачнымъ.

Самому ему было хорошо и уютно. Онъ жилъ по прежнему съ судьей и его старою женою, которая все болѣе и болѣе привязывалась къ нему и выказывала ему свое расположеніе заботливымъ убранствомъ его комнаты и дружескими бесѣдами.

Что касается судьи, то онъ былъ просто въ восторгѣ отъ молодого человѣка: онъ такъ хорошо умѣлъ слушать. Въ обществѣ Брадлея онъ находилъ удовлетвореніе своей потребности припомнить какую-нибудь старинную исторію, пофилософствовать на ту или другую тему. Онъ много говорилъ о политикѣ, цитируя Джексона и Джеферсона. Онъ критиковалъ членовъ конгресса и говорилъ о томъ, что сдѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ онъ самъ. Онъ критиковалъ также и движеніе гренджа, къ которому подходилъ, какъ онъ самъ выражался, съ высшей точки зрѣнія.

— Они взяли себѣ девизомъ: «равныя права всѣмъ, особыхъ привилегій никому». Сказать-то это не трудно, но какъ дойдетъ до дѣла—невольно призадумаешься! Я самъ не имѣю уже достаточно силъ, чтобы проводить этотъ принципъ, слишкомъ ужъ онъ глубокъ для меня. А вотъ вамъ, молодымъ политикамъ, дѣйствительно не дурно было бы заняться изученіемъ этого вопроса. Скоро этотъ принципъ проникнетъ въ жизнь и многое тогда перемѣнится. Демократическая партія всегда стремилась къ осуществленію его, и если она снова войдетъ въ силу, то должна будетъ проводить его на дѣлѣ. Вотъ почему я и желаю, чтобы вы, молодые люди, взялись за его разработку посерьезнѣе...

Но всѣ эти разговоры не производили на Брадлея того дѣйствія, какого желалъ судья. Обыкновенно онъ занятъ былъ работой и только наполовину вслушивался въ рѣчи старика, который маршировалъ передъ нимъ съ табакомъ за щекою. Иногда приходилъ старый полковникъ Пиви и д-ръ Карверъ, и тогда разговорамъ о добромъ старомъ времени демократической партіи не было конца.

Въ этихъ случаяхъ, судья обыкновенно пускался въ разсужденія о теоріяхъ Калхуна.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говорилъ онъ,—что Калкунъ напалъ на вѣрную дорогу. Если бы онъ не мѣшалъ свое ученіе о правахъ штатовъ съ рабовладѣльческимъ вопросомъ, то былъ бы совершенно правъ. Въ сущности, онъ стоялъ за самоуправленіе—въ противоположность центральному управленію. Вотъ мы и теперь возвращаемся отчасти къ теоріи Калхуна.

Эти мнѣнія судьи глубоко проникли въ душу Брадлея и долгое

время спустя, каждый разъ, какъ онъ мысленно возвращался къ нимъ, они пріобрѣтали въ его глазахъ все большую и большую цѣну.

Теперь онъ уже не такъ часто думалъ о миссъ Уилоберъ и могъ слышать ея имя не краснѣя. Роль, которую она играла въ его жизни, казалась теперь не столь опредѣленною, хотя и не менѣе значительною. Мѣсто, занимаемое ею въ его душѣ, по прежнему было для него какимъ-то святилищемъ. Здѣсь черпалъ онъ свое вдохновеніе. И однако, онъ не могъ сознательно стремиться къ тому, чтобы увидѣть ее, а тѣмъ болѣе познакомиться съ ней.

Но какъ бы ни было неопредѣленно въ немъ это чувство, оно спасло его отъ женитьбы на Нетти, что, конечно, было бы съ его стороны серьезной ошибкой. Бѣдная дѣвочка! Она впервые любила всей силою своей души и была безпомощна, какъ птичка со сломанными крылышками среди бурнаго потока. Она была то безумно весела, то смертельно печальна. Запрещеніе отца видѣться съ Брадлеемъ только усиливало ея упрямство, а увѣщаніямъ матери она просто не придавала никакого значенія. Даже равнодушіе Брадлея не производило на нее сдерживающаго вліянія.

Подруги смѣялись надъ ней такъ же, какъ смѣялись надъ тремя-четырьмя другими школьными парочками, которыя свидѣтельствовали свою пожирающую любовь другъ къ другу тѣмъ, что гуляли подъ ручку изъ капеллы въ школу и обратно, или сидѣли рядышкомъ въ классѣ, держась за руки и не обращая вниманія ни на выговоры учителей, ни на бросаемую въ нихъ пропитанную мѣломъ губку. Директоръ школы махнулъ на это рукой, говоря, что это «своего рода корь, отъ которой они со временемъ вылѣчатся».

Но Нетти могла возбуждать только настоящую жалость. Къ удовольствію здѣсь примѣшивалось столько истиннаго страданія и разочарованій. Каково ей было, напримѣръ, стоять у двери въ ожиданіи Брадлея и потомъ видѣть, что онъ выходитъ изъ дома съ какимъ-нибудь кліентомъ Брауна. Горе заключалось, конечно, не въ присутствіи кліента, а въ томъ холодномъ взглядѣ, какой бросалъ на нее въ этихъ случаяхъ самъ Брадлей. Губы ее начинали дрожать отъ сдерживаемыхъ слезъ, а горло сжималось отъ подступавшаго рыданія.

Теперь она была уже далеко не такъ весела и шаловлива, какъ прежде. Дома она почти не говорила и только когда была съ Брадлеемъ, снова дѣлалась прежней беззаботной птичкой. Тогда она начинала щебетать, захлебываясь отъ восторга, если онъ былъ въ духѣ, или напускала на себя притворную нервную веселость, если онъ былъ холоденъ и не поддавался ея шуткамъ.

Брадлей сознавалъ, что долженъ рѣшиться на что-нибудь опредѣленное и часто говорилъ себѣ, что откажется идти гулять или кататься съ нею. Но когда она приходила, у него просто не хватало духа отвѣтить ей отказомъ. Къ тому же, такъ не много нужно было, чтобы сдѣ-

лать ее счастливою, что онъ невольно поддавался искушенію, и жизнь ихъ текла по прежнему. Онъ бралъ ее на гулянья и поѣздки съ остальной молодежью, но по возвращеніи никогда не соглашался войти въ ея домъ. Онъ ожидалъ ее у воротъ и здѣсь же прощался съ нею, проводивъ ее обратно.

Полковникъ встрѣтилъ его вскорѣ послѣ выборовъ. Онъ готовъ былъ отхлестать юношу за взведенныя на него обвиненія; однако, рѣшилъ не дѣлать ничего подобнаго и только сказалъ.

— Я попрошу васъ, молодой человѣкъ, никогда не переступать моего порога.

Въ общемъ жизнь Брадлея протекала весьма однообразно. Онъ прилежно работалъ въ конторѣ, знакомясь съ основными законами, ибо въ этихъ вопросахъ судья былъ столь же строгъ, какъ и въ вопросахъ жизненнаго такта и здраваго смысла вообще.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ однажды, когда Брадлей возвратился съ прогулки въ обществѣ Нетти,—я вижу у васъ теперь на очереди женскій вопросъ. Смотрите, не промахнитесь! Въ девяти случаяхъ изъ десяти лучше всего идти на попятный!

Брадлей, раздувая въ печкѣ огонь и грѣя себѣ руки, молчалъ.

— Я замѣтилъ, что въ настоящее время женатому человѣку еще труднѣе, чѣмъ прежде, идти впередъ. По моему мнѣнію, вамъ не слѣдовало-бы становиться на этотъ путь. Сколько людей дѣлаютъ ошибку въ этомъ отношеніи! Вы понимаете, что ужасно трудно знать заранѣе, какого рода женщина выйдетъ изъ любимой вами дѣвушки.

— Вы обо мнѣ не безпокойтесь! — нѣсколько мрачно отвѣчалъ Брадлей.

— Вотъ и миссисъ Браунъ тоже самое говоритъ. Но мнѣ все-таки хотѣлось сказать вамъ слова два объ этомъ предметѣ. А если я зашелъ слишкомъ далеко, то дайте пинка моей собакѣ.

Брадлей поглядѣлъ на спящаго пса, потомъ на судью и улыбнулся. Онъ принялся за работу, и больше объ этомъ вопроса не подымалось.

XII.

Совѣтъ судьи.

По совѣту Брауна, Брадлей рѣшился пробыть годъ въ школѣ правовѣдѣнія въ Айова-Сити. Онъ работалъ въ конторѣ уже полтора года, но все еще не примкнулъ къ демократической партіи. Однако, судья не терялъ надежды.

— О, вы непремѣнно должны перейти въ демократическій лагерь!—говорилъ онъ.—Видите ли, въ чемъ дѣло: республиканцы такъ чертовски гордятся своимъ прошлымъ, что готовы окаменѣть и застыть въ немъ. Прошлое-то у нихъ, дѣйствительно, есть, но за то будущаго ни-

какого. У демократической-же партіи, наоборотъ, нѣтъ прошлаго, которымъ бы она могла дорожить, и потому она должна смотрѣть впередъ, а не назадъ. Вы, молодежь, люди прогресса, не можете оставаться въ партіи, гдѣ все уже сдѣлано и гдѣ вамъ ничего больше не остается, какъ только преклоняться передъ великими мертвецами. Поэтому, вы принуждены будете идти по пути новыхъ идей. Впрочемъ, я васъ не тороплю, вы и сами со временемъ выйдете на эту дорогу.

Брадлей никогда не спорилъ съ нимъ. Онъ какъ бы наложилъ печать молчанія на свои уста, но оставался при собственномъ мнѣніи. Демократія, однако, не имѣла уже въ его глазахъ никакого дурного значенія, какъ прежде, а свободная торговля и борьба съ рабствомъ перестали быть для него синонимомъ.

— Люди вообще необыкновенно тупы, исключая насъ съ вами, конечно!—говорилъ судья, въ одинъ жаркій лѣтній день.—Вамъ необходимо года два пробыть въ Айова-Сити, а затѣмъ уже, вернувшись сюда, отдаться политикѣ. Тѣ же самые гренджеры выберутъ васъ, по крайней мѣрѣ, вдвое охотнѣе, если вы вернетесь въ накрахмаленной манишкѣ и цилиндрѣ. Они не довѣряютъ человѣку въ простомъ платьѣ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшего сомнѣнія. Примите же мой совѣтъ! Люди любятъ, чтобы ими руководилъ человѣкъ, одѣтый съ шикомъ.

Было очень жарко. Брадлей и судья сняли съ себя сюртуки. Жирный бульдогъ взбѣжавъ по лѣстницѣ дышалъ тяжело и часто. Судья ласково поглядѣлъ на собаку.

— Состарились мы съ тобой, Булль, не любимъ по солнечной сторонѣ ходить!..—замѣтилъ онъ и, обращаясь къ Брадлею, продолжалъ:—вы, конечно, могли бы поѣздить по округу. Но только, по моему, сомнительно, чтобы васъ выбрали. Лучше и не пробовать. Тамъ найдется цѣлая пропасть такихъ субъектовъ, которые скажутъ, что вы и неопытны, и молоды, и всякое такое. Но даже если бы васъ и выбрали въ аудиторы—право, это совсѣмъ нестоющее дѣло и только мѣшало-бы вамъ идти впередъ. По совѣсти говорю вамъ—примите вы мой совѣтъ!

— И хотѣлъ бы, да средствъ не хватаетъ.

— А сколько у васъ есть?

— Около двухсотъ долларовъ.

Судья какъ бы размышлялъ, почесывая себѣ подбородокъ.

— Ну, слушайте-ка. Мы съ миссисъ Браунъ говорили объ этомъ вчера вечеромъ, и она думаетъ, что намъ слѣдовало бы дать вамъ взаймы и что вы непремѣнно должны взять у насъ эти деньги. Такъ вотъ соберите-ка ваши пожитки въ сентябрѣ, да и отправляйтесь!

Первымъ побужденіемъ Брадлея было отказаться, онъ чувствовалъ, что не имѣетъ никакого права на жертву со стороны судьи. Однако, въ теченіе всей недѣли онъ не переставалъ раздумывать объ этомъ и наконецъ, рѣшился откровенно высказать свои сомнѣнія.

— Ни о какой жертвѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ! — отвѣчалъ судья.—Я просто на просто ожидаю получить на мой капиталъ триста процентовъ. Поэтому прошу васъ не стѣсняться. А когда вы вернетесь, мы закажемъ новую вывѣску для конторы: «Браунъ и Талькотъ». Мы не боимся потерять васъ. Разумѣется, намъ будетъ скучно безъ васъ, особенно первое время. А ужъ, что я сталъ бы дѣлать съ этой проклятой коровой и съ дровами—одному Богу извѣстно. Миссисъ Браунъ совѣтуетъ взять къ себѣ опять такого же бездомнаго парня, какъ были вы, и я думаю, что такъ именно мы и сдѣлаемъ.

Однажды подъ вечеръ, за нѣсколько дней до отъѣзда Брадлей сидѣлъ въ своей комнатѣ передъ чемоданомъ и неумѣлыми руками укладывалъ свои вещи. Вдругъ къ двери подошла миссисъ Браунъ и сказала, что внизу стоитъ Нетти которая желаетъ видѣть его.

Бѣдная дѣвушка только-что узнала объ его отъѣздѣ и встрѣтила его съ блѣднымъ, растеряннымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ молча, потому что оправдываться ему было нечѣмъ; нечего было и сказать ей. Однако, горе ея глубоко поразило его. Она съ рыданьемъ бросилась къ нему на колѣни и обвила его шею руками.

— О Брадъ!—говорила она.—Неужели вы уѣзжаете? неужели это правда?

— Да уѣзжаю,—холодно отвѣчалъ онъ.

— Вы не должны уѣзжать! Вы не уѣдете! Я не пущу васъ!--кричала она, все крѣпче и крѣпче прижимая его къ себѣ, какъ бы желая этимъ удержать его.

Она продолжала рыдать, а онъ старался объяснить ей необходимость своего отъѣзда. Но ослѣпленная своей непосредственной и требовательной любовью, она не хотѣла слушать этихъ объясненій. Наконецъ, безразсудство ея страсти привело его въ раздраженіе. Тонъ его сдѣлался рѣзче.

— Я не могу оставаться здѣсь,—сказалъ онъ. — И вы не имѣете права требовать отъ меня этого. Я не могу на вѣкъ оставаться клеркомъ. Я долженъ учиться, идти впередъ. И мнѣ нужно выбраться отсюда, если я, дѣйствительно, хочу чего-нибудь достигнуть.

— Такъ возьмите меня съ собою!—воскликнула она.

— Я не могу этого сдѣлать. Я не знаю даже чѣмъ буду существовать. Кромѣ того я долженъ учиться.

— Я скажу отцу, чтобы онъ далъ вамъ денегъ,—проговорила она.

Онъ стиснулъ зубы и молчалъ. Мало-по-малу, однако, она немножко успокоилась. Теперь она рада была уже и тому, что сидитъ съ нимъ, смотритъ на него и слушаетъ его объясненія. Ея сдержанныя рыданія и слезы, стоявшія въ большихъ дѣтски - невинныхъ глазахъ, тронули его больше, чѣмъ порывы ея горя. Этимъ она совсѣмъ покорила его.

Онъ обѣщалъ ей часто пріѣзжать и ежедневно писать ей; затѣмъ

хотя и не прямо, а косвенно обѣщалъ жениться на ней, согласившись съ ея хозяйственными проектами относительно того времени когда онъ вернется и займетъ мѣсто въ конторѣ. Наконецъ, онъ проводилъ ее до дому и обѣщалъ ежедневно видѣться съ ней до отъѣзда. Когда на прощанье, у воротъ ея дома, онъ поцѣловалъ ее, она уже снова улыбалась и казалась почти счастливой, хотя ея дѣтскія всхлипыванья, прорывавшіяся отъ времени до времени даже сквозь смѣхъ показывали, что волненіе ея еще не улеглось.

Миссисъ Браунъ ожидала его возвращенія и когда онъ сѣлъ въ ея гостиной, гдѣ она занималась шитьемъ, она медленно подняла на него глаза, а затѣмъ встала и подошла къ нему.

— Вы ей ничего не обѣщали, Брадлей?—спросила она, кладя ему на плечо руку, какъ это сдѣлала бы его родная мать. Брадлей вскинулъ на нее свои темные глаза и слегка покраснѣлъ.

— Я самъ не знаю чего я наговорилъ ей!—отвѣчалъ онъ.—Очень можетъ быть, что я сказалъ больше, чѣмъ хотѣлъ.

— Я тоже такъ думаю. Но вѣдь вы не можете жениться на дѣвушкѣ изъ одной только жалости къ ней, Брадлей,—этого не слѣдуетъ дѣлать. Я уже давно видѣла всю эту исторію, но до сихъ поръ не рѣшалась говорить съ вами объ этомъ.—Она замолчала, потомъ не отходя отъ него, прибавила:—для васъ обоихъ лучше, что вы уѣзжаете. Вы не должны были тянуть эту исторію такъ долго.

— Что же я могъ сдѣлать?—отвѣчалъ онъ болѣе рѣзкимъ тономъ, нежели говорилъ съ ней обыкновенно.

Ея руки соскользнули съ его плеча.

— Я вѣрю, что это случилось не по вашей винѣ. Молодые люди обыкновенно не задумываются надъ такими вопросами. Мнѣ кажется, вы и сами не подозрѣвали, куда васъ могло завести это. Однако, не убивайтесь слишкомъ и не давайте ей портить вашу жизнь. Она перенесетъ это. Дѣвушки по два — по три раза проходятъ черезъ такіе кризисы. Работайте хорошенько, а когда вернетесь сюда и найдете ее свободной—ну, тогда виднѣе будетъ, на что можно рѣшиться.

Это безцеремонное отношеніе ея къ чувству молодой дѣвушки объяснялось, быть можетъ, тѣмъ, что у нея самой никогда не было дочери.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

* * *

Чѣмъ больше я живу—тѣмъ жизни смыслъ темнѣе
И тѣмъ таинственнѣй мнѣ кажется она.
Небесный звонъ звучитъ сильнѣе,
Душа предчувствіемъ полна.

Какъ призраки, колеблются явленья.
Не различу, что жизнь, что сонъ...
Неясныя и смутныя видѣнья
Весь обступили небосклонъ...

Но небо видно съ яркими звѣздами,
И чудный свѣтъ блеститъ порой:
То—ангелъ мира съ бѣлыми крылами—
Смерть тихо рѣетъ надъ землей.

М. Т.-Б.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

I (продолженіе).

Взгляды современниковъ на личную роль Петра въ его реформѣ. Цѣли и средства реформы, сознававшіяся самимъ Петромъ: его отношеніе къ европейской культурѣ.— Отношеніе къ собственной реформѣ: недостатокъ систематичности и обдуманности въ связи съ личными свойствами ума и воли.—Грубая общая схема и идея служенія—не замѣняютъ общаго плана.—Петръ самъ учится на реформѣ.—Отраженіе этихъ чертъ на главныхъ частяхъ реформы: войско, флотъ, Петербургъ.—Выводъ.—Отношеніе націонализма къ реформѣ.—Расколъ, какъ готовое знамя для національной оппозиціи.—Его религіозный характеръ; отсутствіе принципіальной розни съ никоніанствомъ; относительный и временный характеръ разногласій въ допетровскую эпоху.—Благодаря реформѣ Петра, религіозный протестъ превращается въ національный и принимаетъ принципіальную окраску.—Широкое распространеніе недовольства.—Отношеніе религіознаго протеста къ соціальному до Петра.—Попытка союза на Дону 1688 г. и причина ея неудачи.—Новый факторъ политическаго протеста, стрѣльцы: въ ихъ рукахъ національный протестъ получаетъ свою формулу (1698).— Неудачная попытка националистической оппозиціи опереться на южныя окраины (1705—1708).—Аристократическая оппозиція, ея возраженія противъ войска, флота, Петербурга.—Основанія ея недовольства въ классовыхъ интересахъ.

Относительно размѣровъ и характера личнаго вліянія Петра на реформу уже его современники сильно расходились во мнѣніяхъ. Видя, какъ Петръ вездѣ—самъ, вездѣ—одинъ, окружающіе, естественно, получали впечатлѣніе, что Петръ полный хозяинъ своей реформы. Онъ все знаетъ, все видитъ, все можетъ, все дѣлаетъ; онъ, какъ выразился Юль, «лично одаренъ столь совершеннымъ и высокимъ умомъ и познаніями, что одинъ можетъ управлять всѣмъ». Самыя его забавы съ этой точки зрѣнія получали скрытый символическій, или,—какъ выражается Фокеродтъ,—«гіероглифическій» смыслъ; его почти ежедневныя попойки, приводившія въ такой ужасъ иностранныхъ дипломатовъ и не прекращавшіяся со времени перваго выѣзда въ Слободу до послѣдняго мѣсяца жизни, представлялись важнымъ орудіемъ государственной машины; травля, при помощи шутовъ, ближайшихъ сотрудниковъ Петра, изобильно награждавшихъ другъ друга при этомъ плевками, пощечинами и самой послѣдней бранью—могущественнымъ средствомъ правитель-

*) См. «Міръ Божій», № 4, 1901 г.

ственнаго контроля; наконецъ, личныя выходки и вспышки самого Петра—заранѣе обдуманными наполеоновскими пріемами, такъ какъ хотя и «нѣтъ никакой возможности догадаться, дѣйствуетъ ли онъ преднамѣренно или нѣтъ, но, конечно, вѣрнѣе предположить, что государь такого ума говоритъ подобныя вещи не спроста и не иначе, какъ нарочно» (Юль). Словомъ, употребляя опять выраженіе Фокеродта, эти люди «вообразили себѣ, что во всѣхъ поступкахъ этого монарха должна скрываться почти сверхчеловѣческая мудрость»: русскіе поклонники Петра скоро такъ и будутъ называть его—«земнымъ богомъ».

Однако, присмотрѣвшись ближе, наиболѣе проницательные изъ современныхъ наблюдателей начинали наталкиваться на цѣлый рядъ мелочей и важныхъ вещей, которыя никакъ нельзя было объяснить съ только что указанной точки зрѣнія. Тотъ же Юль видитъ, какъ царь по цѣлымъ днямъ запирается у себя въ Преображенской избѣ или петербургскомъ домикѣ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и точитъ на своемъ станкѣ такъ усердно, «какъ будто бы работалъ за деньги и снискивалъ себѣ этимъ трудомъ пропитаніе»; или ловитъ его на попойкахъ, чтобы поговорить о важныхъ дѣлахъ, для которыхъ не назначено никакихъ опредѣленныхъ дней; или застаетъ его самолично сортирующимъ рекрутовъ: и онъ удивляется все больше и больше. «Непосвященный подумалъ бы, что никакого другого дѣла у него нѣтъ, тогда какъ во всей Россіи дѣла—гражданскія, военныя и церковныя—вѣдаются имъ однимъ, безъ особой помощи другихъ!» Болѣе посвященный, Фокеродтъ, не удивлялся, такъ какъ хорошо зналъ, *какъ* вѣдались всѣ эти дѣла въ петровской Россіи. Онъ зналъ, что «объ улучшеніяхъ во внутреннемъ государственномъ строѣ... Петръ почти не заботился или даже вовсе не заботился въ первые 30 (вѣрнѣе, 20) лѣтъ своего царствованія, лишь бы у флота и арміи было довольно денегъ, лѣса, рекрутъ, матросовъ, провіанта и аммуниціи»; что война и, насколько было для нея необходимо, иностранныя дѣла поглощали все его вниманіе. И какъ разъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, самомъ близкомъ сердцу Петра, Юль, самъ морякъ-спеціалистъ и военный, наткнулся на такія вещи, которыя окончательно рѣшили его взглядъ на личную роль Петра въ его реформѣ. Въ маѣ 1710 г. Петръ со всей эскадрой отправился изъ Петербурга къ Выборгу, причемъ 1) «весь фарватеръ былъ еще покрытъ плавучимъ льдомъ», 2) «во всемъ флотѣ не было человѣка, знакомаго съ фарватеромъ», 3) суда, построенныя изъ ели, были «большею частью непригодны для морского плаванія», 4) управленіе карбасами было поручено «крестьянамъ и солдатамъ, едва умѣвшимъ грести однимъ весломъ»; такъ что въ результатѣ весь флотъ едва справился съ погодой и только потому не сдѣлался жертвой шведской эскадры, что та случайно явилась двумя днями позже. Экспедиція, которая по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ должна была кончиться катастрофой, рѣшила взятіе Выборга,—и честный датчанинъ могъ

только, разводя руками, процитировать Квинта Курція и Цицерона: «temeritas in gloriam cessit; ut multum virtuti, plurimum tamen felicitati debes» *). «Если ужъ какому государю суждено стать великимъ, Господь Богъ благопріятствуетъ ему во всемъ, какъ бы ни было предпринято самое дѣло».

Изъ двухъ противоположныхъ мнѣній которое же ближе къ истинѣ? Былъ ли Петръ самъ своимъ промысломъ или промыслъ сдѣлалъ свое дѣло помимо него и даже вопреки его поступкамъ? Мы не можемъ рѣшить этого вопроса, не познакомившись внимательнѣе съ тѣмъ, въ какой степени сознательно самъ Петръ относился къ своей реформѣ.

Ни русская современность, ни личный психическій складъ, ни условія воспитанія не могли создать у Петра привычки къ отвлеченному мышленію. Мы, слѣдовательно, не должны ожидать, чтобы Петръ на вопросъ объ общемъ значеніи своей реформы, о ея роли въ исторической связи явленій—отвѣтилъ намъ соціологическимъ трактатомъ. Когда ему приходится объ этомъ говорить—а это бываетъ нечасто—онъ просто повторяетъ то, что говорятъ кругомъ него иностранцы по этому поводу. Въ самомъ началѣ реформы мы слышимъ отъ Корба, что молодой царь предпочитаетъ забавамъ прежнихъ государей *«тяжелыя заботы любителей славы»*: военное искусство, потѣшные огни, пушечную пальбу, кораблестроеніе». Это противупоставленіе, несомнѣнно, усвоено было и самимъ Петромъ: въ письмѣ къ царевичу Алексѣю онъ противополагаетъ «тяжелыя забавы»—«легкимъ забавамъ» отца и брата. Тотъ же Корбъ указываетъ и источникъ этого юношескаго настроенія: «Лефортъ указалъ царю истинный путь къ славѣ и, возбуждая его къ военнымъ подвигамъ, питалъ въ немъ стремленіе къ послѣдней». Итакъ, слава, какъ смутная цѣль, а какъ ея средства и атрибуты—армія и флотъ, салюты и фейерверки,—вотъ что рисовалось въ фантазіи будущаго реформатора въ моментъ первыхъ, подсказанныхъ, дѣйствительно, Лефортомъ предпріятій: азовскихъ походовъ и заграничной поѣздки. И до конца своего царствованія Петръ не потеряетъ чувствительности къ славѣ: онъ не прочь потягаться при случаѣ съ Константиномъ Великимъ и Александромъ Македонскимъ: «Александръ построилъ Дербентъ, а Петръ его взялъ»; «Людовику помогали, а Петръ все сдѣлалъ одинъ». Корабль, на которомъ онъ командовалъ—безъ всякихъ, впрочемъ, результатовъ—флотами четырехъ державъ (изъ которыхъ двѣ были представлены номинально),—этотъ корабль онъ пожелаетъ сохранить для потомства. Но Петръ слишкомъ прозаическая натура, чтобы вдаваться въ сентиментальности, слишкомъ большой утилитаристъ, чтобы связывать съ понятіемъ «славы» то представленіе, какое съ ней связываютъ иностранцы. Тѣ думаютъ при этомъ словѣ, прежде всего, о пріобщеніи вар-

*) Опрометчивость обратилась въ славу. Хотя ты (Цезарь) многимъ обязанъ своимъ талантамъ, но болѣе всего обязанъ удачѣ.

варскаго народа къ цивилизаціи и гуманности; Петръ постоянно подчеркиваетъ, что «слава» состоитъ въ могуществѣ Россіи и въ положеніи, пріобрѣтенномъ ею въ короткое время среди европейскихъ державъ. Желая доказать подданнымъ необходимость войны (въ памфлетѣ, написанномъ Шафировымъ), онъ упоминаетъ, конечно, что благодаря войнѣ мы «получили такія славы», но тотчасъ же спѣшитъ прибавить «*паче же*—безопасство» отъ сосѣдей; «могу сказать, что никого такъ не боятся, какъ насъ, за что Господу силъ да будетъ выну слава». Такимъ образомъ, къ политикѣ Петра вполнѣ относится выводъ Фокеродта: «можно считать несомнѣннымъ, что простой русскій человѣкъ во всѣхъ своихъ поступкахъ съ иностранцами ничего другого не имѣетъ въ виду, кромѣ собственной выгоды, и меньше всего приходитъ ему въ голову думать о томъ, чтобы дать иностранцамъ выгодное понятіе о собственной особѣ». Горькимъ опытомъ иностранцы должны были убѣдиться, что такія слова, какъ gloire, opinion (publique), point d'honneur и даже просто honneur—для русскихъ пустые звуки, что они смѣются надъ тѣмъ, кто готовъ добиваться «воображаемаго преимущества» цѣной «реальнаго вреда»; что поэтому они не признаютъ никакихъ обязательствъ, разъ послѣднія приходятъ въ коллизію съ ихъ ближайшими интересами, и поступаютъ, какъ имъ выгодно, предоставляя думать о себѣ, какъ угодно. Никакими убѣжденіями нельзя ихъ заставить повѣрить, что чужое мнѣніе можетъ опредѣлять ихъ поступки, что хорошая репутація нужна—даже съ точки зрѣнія личной выгоды. Они дѣйствуютъ, какъ купецъ, который фальсифицируетъ товаръ, не думая, что за то у него никто больше не купитъ. Всѣ эти наблюденія почти дословно повторяются иностранцами и въ началѣ (Корбъ), и въ серединѣ (Юль) и въ концѣ царствованія (Фокеродтъ). Такимъ образомъ, надо всегда помнить, что въ реформѣ Петра «слава» есть не цѣль, а средство, и что пользованіе этимъ средствомъ ничего ни имѣетъ общаго съ желаніемъ—заслужить репутацію цивилизованнаго народа.

Но, однако же, стремленіе къ «славѣ» къ чему-нибудь обязываетъ не только во внѣшней, а и во внутренней политикѣ. Петръ не разъ говоритъ иностранцамъ, что его миссія въ этомъ отношеніи—превратить «скотовъ въ людей». Въ своихъ обращеніяхъ къ подданнымъ онъ выражается нѣсколько мягче: онъ хочетъ превратить «дѣтей» во «взрослыхъ». Суть его мысли, однако же,—еще мягче, чѣмъ эти сердитыя выраженія. Не воспитанный самъ, онъ уже просто потому не можетъ быть воспитателемъ и педагогомъ своего народа, что не имѣетъ представленія ни о задачахъ, ни о пріемахъ педагогіи. Мы это видѣли на отношеніи первыхъ петровскихъ школъ къ учащимся («Очерки» II, 283—4).

Своихъ «дѣтей» Петръ, въ сущности, трактуетъ какъ взрослыхъ, и дѣло сводится совсѣмъ не къ воспитанію, а къ самообученію, къ усвоенію извѣстныхъ техническихъ пріемовъ и навыковъ. Онъ раз-

суждаетъ при этомъ приблизительно такъ, какъ заставляетъ его разсуждать Корбъ по тому же поводу. «Русскіе не хуже другихъ народовъ одарены отъ природы. У насъ такіе же руки, глаза и тѣлесныя способности, какъ у людей другихъ націй; если тѣ развили свой умъ, то почему же намъ не развить его: развѣ мы какіе-нибудь выродки человѣческаго рода? Умъ у насъ такой-же, и успѣвать мы будемъ такъ же, *если только захотимъ*». Такимъ образомъ, задача реформы весьма упрощалась. Стоило только захотѣть,—какъ захотѣлъ самъ царь—и можно было немедленно стать въ уровень съ европейской культурой. Нужно было только пріобрѣсти необходимыя знанія. Пріобрѣтя ихъ, можно было затѣмъ обойтись безъ дальнѣйшихъ услугъ иностранцевъ, т.-е. просто прогнать ихъ. Именно такъ и выражался Петръ, по словамъ неизданныхъ записокъ Остермана: намъ нужна «Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ». Какъ видимъ, это совсѣмъ не такъ далеко отъ программы Крижанича.

Что касается того, чтобы «захотѣть»,—въ этомъ у Петра недостатка не было. Воли у него было въ избыткѣ. Слѣдовательно, оставалось только «приневолить» своихъ подданныхъ—научиться тому, чему онъ самъ научился въ Нѣмецкой Слободѣ. Думалъ-ли Петръ о томъ, что это было далеко не все, чему можно было вообще научиться у Запада, и что самому цѣнному, что было въ содержаніи европейской культуры, вообще нельзя «научиться» такъ просто, а надо это нажить самимъ, воспитать въ себѣ—совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ воспитывалъ своихъ современниковъ? Если и думалъ даже, то, какъ человѣкъ практическій, онъ, конечно, не остановился бы на томъ, что было не въ его власти сдѣлать. Но чего онъ, навѣрное и не подозрѣвалъ вовсе—это то, что настоящая культура, съ ея условными и обязательными формами житейскаго общенія, съ ея уваженіемъ къ чужой личности, сдѣлала бы его собственные пріемы насажденія культуры совершенно непримѣнимыми и невозможными.

Такимъ образомъ, въ реформаціонныхъ задачахъ и пріемахъ своей внутренней политики, въ самыхъ даже крайностяхъ и увлеченіяхъ европеизмомъ—и именно въ этихъ крайностяхъ—Петръ остался какъ и во внѣшней политикѣ, глубоко національнымъ, человѣкомъ своего времени и общества. Онъ могъ научить окружающихъ только тому, чему самъ научился; а самъ научился немногому: и только это немногое и можно было внушить подданнымъ тѣми способами, какими внушалъ онъ. Слѣдовательно, его культурная реформа стояла совершенно на уровнѣ его времени.

Ввести такимъ образомъ можно было только внѣшность культуры. Иностранцы очень хорошо замѣчали, что новые «болѣе мягкіе нравы» русскихъ суть только «подражаніе смягченнымъ обычаямъ» (Корбъ), и что «хотя по внѣшности они и отесаны немного и одѣты во фран-

цузское платье, тѣмъ не менѣе внутри ихъ сидитъ прежній мужикъ (Юль)». Доказательства многочисленны и общеизвѣстны; но чтобы дать почувствовать ту разницу между новонасажденной и органически-развившейся культурами, о которой мы говоримъ, приведемъ маленькій эпизодъ столкновенія этихъ двухъ культуръ,—изъ воспоминаній того же Юля. Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ городкѣ Торнѣ, давшемъ пріютъ Екатеринѣ въ 1711 г. «Я былъ пополудни въ церкви,—разсказываетъ Юль,—и пѣлъ вмѣстѣ съ остальною паствой. Вдругъ я замѣтилъ, что церковныя двери отворились, и въ нихъ появилась будущая (вѣнчаніе было въ 1712 г.) супруга царя съ лицами своей свиты. Онѣ колебались, стоя на порогѣ, войти или нѣтъ; но, увидавъ меня, вошли и помѣстились на моей скамьѣ—въ мужскомъ отдѣленіи—по двѣ женщины съ каждой стороны, чѣмъ привели меня въ крайнее смущеніе. Когда вслѣдъ за ними устремилось ко мнѣ еще нѣсколько женщинъ, я, какъ бы уступая имъ мѣсто, перешелъ съ моей скамьи и занялъ другую. Внѣ отдѣленій для молящихся стояло много русскихъ гвардейскихъ офицеровъ: они говорили, кричали и шумѣли, точно въ трактирѣ. Когда священникъ, войдя на каѳедру, началъ говорить проповѣдь, женщины, успѣвшія соскучиться, вышли изъ отдѣленій и стали обходить церковь, осматривая ея убранство и громко болтая... Такъ какъ проповѣдь все продолжалась, то царица послала сказать пастору, чтобы онъ кончилъ... По окончаніи проповѣди, царица, услыхавшая отъ кого-то, будто въ этой церкви похоронена Пресвятая Дѣва Марія, послала просить, чтобы останки (Божіей Матери) были выкопаны и переданы ей для перенесенія въ Россію»...

Не слѣдуетъ, однако же, черезчуръ низко цѣнить значенія той чисто внѣшней прививки новыхъ культурныхъ элементовъ, которою, по необходимости, ограничилась реформа Петра. Эти формы, пока еще не наполненныя содержаніемъ, были, однако же ассоціированы съ *извѣстнымъ*, вполнѣ опредѣленнымъ содержаніемъ, отрицавшимъ соотвѣтственное содержаніе русской старины. Внѣшность, т.-е. одежда, пища, жилище, все это—части нѣмого языка культуры, который говоритъ тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ рѣзче противорѣчитъ окружающей внѣшности. Завоевать право на такое открытое противорѣчіе—значитъ очистить путь новой идеѣ, новому соціальному факту, преодолѣть важное препятствіе для его вступленія въ жизнь. Такой фанатическій противникъ петровской культурной внѣшности, какъ Константинъ Аксаковъ, лучше всѣхъ западниковъ понялъ важность этого перваго шага Петра и на себѣ испыталъ его трудность, попытавшись при имп. Николаѣ I взволновать дворянскіе умы обратной реформой—пропагандой бороды и русской рубашки. Если эта параллель покажется неубѣдительной, напомнимъ другую, одинаковаго характера съ петровской: напомнимъ, какихъ усилій стоили и какими протестами сопровождались въ *образованномъ* русскомъ обществѣ стриженые волосы

эмансипированной женщины. Для стриженой бороды эмансипированнаго мужчины среди народной массы петровскаго времени—это сравненіе, впрочемъ, будетъ слишкомъ слабо. Тотъ, кто бывалъ въ турецкой современной провинціи и знаетъ, какому серьезному риску подвергаетъ себя мѣстный обыватель, который вздумаетъ замѣнить феску европейской шляпой, тотъ еще можетъ наглядно представить себѣ все соціологическое значеніе стриженой бороды и венгерскаго костюма въ петровской Россіи.

Какъ-бы то ни было, вполнѣ сознательнаго отношенія къ заимствуемой культурѣ, полнаго пониманія того, въ чемъ состоитъ ея содержаніе, невозможно искать ни въ реформаторѣ, ни въ реформѣ. Но съуживая и упрощая задачи реформы, можетъ быть, за то реформаторъ остался ея полнымъ хозяиномъ въ этой болѣе ограниченной сферѣ? Можетъ быть, не овладѣвъ вполнѣ оригиналомъ, онъ за то въ упрощенную копію внесъ все, что желалъ и какъ желалъ?

Нельзя сказать и этого. Чтобы охватить реформу въ ея цѣломъ, предварительно ее обдумать, распланировать и затѣмъ осуществлять въ извѣстной послѣдовательности и системѣ, для этого у Петра было слишкомъ мало знаній, а главное — слишкомъ неподходящая натура. Та же непосредственность натуры, которая исключала пониманіе болѣе глубокихъ и тонкихъ сторонъ европейской культуры, сдѣлала невозможной и систематически-обдуманную дѣятельность. Задерживающіе центры работаютъ еще слишкомъ слабо въ этомъ мозговомъ аппаратѣ. «Продолжительное занятіе однимъ и тѣмъ же дѣломъ повергаетъ Петра въ состояніе внутренняго безпокойства», замѣчаетъ Юль по поводу извѣстнаго факта, что царь никакъ не могъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. За то, если Петра займетъ какая-нибудь мысль, она должна быть осуществлена немедленно. Онъ пріѣзжаетъ въ Дрезденъ: онъ былъ цѣлый день въ дорогѣ, люди измучены; уже вечеръ, время ужина. Ничего не значитъ: Петръ хочетъ видѣть кунсткамеру,—нужно отпереть ее, зажечь свѣчи и показывать ее Петру цѣлую ночь. Извѣстная нервная болѣзнь Петра еще усиливаетъ эту импульсивность, эту быстроту переходовъ отъ настроенія къ поступку и отъ настроенія къ настроенію. Въ январѣ 1710 г., веселый и радостный, онъ празднуетъ въ Москвѣ тріумфальнымъ шествіемъ Полтавскую побѣду. Вдругъ онъ оставилъ свое мѣсто въ процессіи и во весь опоръ проскакалъ мимо кареты канцлера, въ которой сидѣлъ Юль. «Лицо его было чрезвычайно блѣдно, искажено и уродливо. Онъ дѣлалъ страшныя гримасы и движенія головою, ртомъ, руками, плечами, кистями рукъ и ступнями. Мы вышли изъ кареты и увидали,—какъ царь, подъѣхавъ къ одному простому солдату, несшему шведское знамя, сталъ безжалостно рубить его обнаженнымъ мечомъ и осыпать ударами,—быть можетъ, за то, что тотъ шелъ не такъ, какъ хотѣлъ царь. Затѣмъ царь остановилъ свою лошадь, но все продолжалъ дѣлать гримасы, вертѣлъ головой, кривилъ

ротъ, заводилъ глаза, подергивалъ руками и плечами и дрыгалъ взадъ и впередъ ногами... Никто не смѣлъ къ нему подойти, такъ какъ видѣли, что царь сердитъ и чѣмъ-то раздосадованъ». Съ такимъ темпераментомъ Петръ всегда страстно предавался дѣлу, которое интересовало его въ данную минуту, и забывалъ обо всемъ остальномъ. Его работа распадалась на детали, въ которыя Петръ погружался всецѣло: въ нихъ онъ чувствовалъ свою силу, ими наполнялъ безъ остатка свое время, на нихъ удовлетворялъ своей потребности труда; но общій планъ этимъ самымъ отодвигался на второе мѣсто; на немъ сосредоточивать мысль было уже и некогда да и непривычно. Вотъ почему Петръ поставленъ былъ въ необходимость искать рессурсовъ, импульсовъ для своей детальной работы—извнѣ, вотъ почему онъ такъ жадно ловилъ всякія указанія и совѣты со стороны и такъ быстро пускалъ ихъ въ оборотъ, не согласовавъ и не продумавъ, только бы онѣ подходили сколько-нибудь къ общему направленію его интереса въ данный моментъ.

Такого рода общее направленіе было, конечно, и у Петра; но оно опредѣляло характеръ его работы только въ самыхъ общихъ, черезчуръ общихъ чертахъ. Не охватывая однимъ взглядомъ всей своей реформы, не представляя себѣ отчетливо тѣхъ процессовъ, которые вызваны были его-же дѣйствіями, но не прямо, а косвенно, и фактически совершались, ускользая отъ его глазъ или отъ его вниманія, — Петръ схематизировалъ реформу въ своемъ сознаніи очень поверхностно и грубо. Онъ твердо зналъ во всю первую половину царствованія только одно: что надо во что бы то ни стало побѣдить непріятеля. Для его любимыхъ наклонностей, для его привычныхъ занятій — война слишкомъ много давала пищи, чтобы онъ еще захотѣлъ думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ того, что такъ или иначе, прямо или косвенно, относилось къ усиленію его военныхъ рессурсовъ. Потомъ, кромѣ «рощенія россійской славы», его стало занимать также и «введеніе добрыхъ порядковъ». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ сосредоточивается на этой второй мысли. Въ 1719 г. французскій дипломатъ Ла-Ви записываетъ рѣчь, которую Петръ держалъ передъ отъѣздомъ въ Олонецъ. Послѣ того, какъ достигнута внѣшняя безопасность, говорилъ царь, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы прекратить эксплуатацію народа продажными чиновниками и судьями; обязанность монарха—охранить народъ отъ всякой несправедливости и искоренить самыми сильными средствами нечестность и испорченность бюрократіи. И, въ отвѣтъ на пышныя похвалы сената, предлагающаго Петру по случаю Ништадтскаго мира, титулы «отца отечества» и «императора всероссійскаго» — за то, что онъ вывелъ Россію «изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта», царь говоритъ знаменательныя слова: «надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ,—дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіей греческой; (но также) надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ... отъ чего облегченъ будетъ народъ».

Въ общемъ задача опредѣлена такъ-же вѣрно и мѣтко, какъ и задача первой части царствованія. Но опять между этимъ общимъ опредѣленіемъ и деталями, между цѣлью и средствами лежитъ огромный пробѣлъ, заключающійся въ отсутствіи общаго плана и въ невозможности для Петра его заблаговременно обдумать и систематически осуществить. По старой привычкѣ, онъ обращается къ средству уже испытанному: если въ устройствѣ арміи помогла иностранная техника, то отчего же не поможетъ она и въ «введеніи добрыхъ порядковъ». Эти «добрые порядки» ему представляются какимъ-то секретомъ,— вродѣ новаго тактическаго пріема или ружья усовершенствованнаго образца,—который иностранцы таятъ про себя и который стоитъ только узнать, чтобы все пошло какъ по маслу. Уже въ 1709 г. онъ такъ и говоритъ Юлю: этотъ секретъ скрываютъ отъ него пруссаки. «Когда онъ собирался, во время заграничнаго путешествія, идти моремъ изъ Пиллау въ Кольбергъ, то бранденбуржцы старались увѣрить его, будто по Балтійскому морю во множествѣ ходятъ турки и корсары, чтобы напугать этимъ и отклонить отъ поѣздки, которая-бы могла открыть ему глаза, ознакомивъ его съ состояніемъ другихъ краевъ, и тѣмъ способствовала-бы устройству собственнаго его государства по образцу Европы». Но Петръ перехитритъ иностранцевъ. Тайно, не говоря никому ни слова, онъ пошлетъ въ Швецію голштинскаго каммеръ-рата Фика, чтобы списать по секрету всѣ шведскіе уставы и регламенты. Затѣмъ, останется только перевести ихъ на русскій языкъ и ввести у себя дома (Ср. «Оч.» I, 166).

Итакъ, вотъ петровская схема его реформы: сперва внѣшняя безопасность, потомъ внутренній порядокъ и правосудіе. Не надо, однако, забывать, что и эта схема вырабатывается только ко второй половинѣ царствованія *), такъ сказать post factum,—послѣ того, какъ юношескія мечты о славѣ и военныхъ забавахъ все равно втянули Петра въ войну, а постепенно развившееся недовѣріе къ ближайшимъ сотрудникамъ все равно заставило принять усиленныя мѣры контроля **). И даже въ своемъ наиболѣе разработанномъ видѣ эта схема не можетъ замѣнить сознательно разработаннаго плана реформы, такъ какъ она для этого слишкомъ обща.

---

*) Первое упоминаніе о ней находимъ въ знаменитомъ письмѣ къ сыну (1715 г.): «два необходимыя дѣла къ правленію—еже распорядокъ и оборона». Тутъ и упоминаніе о греческой монархіи, погибшей отъ пренебреженія къ воинскому дѣлу, и о «тяжкихъ забавахъ», необходимыхъ для государя: видно, что философія собственнаго царствованія далась Петру не легко, запечатлѣлась въ его умѣ лапидарными штрихами и пускалась въ ходъ лишь по особо торжественнымъ случаямъ, всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

**) Надо замѣтить, что кн. Куракинъ, въ одно слово съ жертвами Преображенской канцеляріи, утверждаютъ, что съ первыхъ годовъ петровскаго царствованія началось небывалое дотолѣ воровство и взяточничество, — «продолжающееся и до сихъ поръ», прибавляетъ онъ въ 1727 году.

За отсутствіемъ идей, остается одно только чувство, постоянно возвышающее Петра надъ всѣми мелочами и деталями, въ которыхъ онъ ежеминутно захлебывается. Это чувство—очень сильно развитое въ Петрѣ и единственное, которое его дисциплинируетъ, замѣняетъ для него всѣ сдержки, которыхъ не дало воспитаніе,—это чувство своей отвѣтственности, чувство долга, обязанности извнѣ наложенной. Любопытно, что и это сознаніе долга передъ родиной облекается у Петра въ форму, наиболѣе понятную для него и для его окружающихъ,—въ форму, заимствованную изъ военной службы, военной дисциплины. Онъ *служитъ* отечеству не только какъ царь, какъ «первый слуга», какъ Фридрихъ Великій; нѣтъ—онъ прежде всего служитъ, какъ барабанщикъ, бомбардиръ, шаутбенахтъ, вице-адмиралъ. Въ Полтавской битвѣ онъ командуетъ своей отдѣльной частью, подвергаясь въ этотъ рѣшительный для его реформы моментъ одинаковой опасности со всѣми, хотя исходъ битвы можно считать предрѣшеннымъ. Въ 1713 г. вице-адмиралъ Крюйсъ предостерегаетъ Петра отъ рискованной морской авантюры; Петръ отвѣчаетъ: брать жалованье и не служить—стыдно. Во всемъ этомъ есть доля позы и доля буфонства; но во всей дѣятельности Петра мы не найдемъ другой болѣе глубокой, болѣе укоренившейся, почти сдѣлавшейся инстинктомъ, руководящей идеи, кромѣ этой идеи службы. И когда, въ послѣдній годъ жизни, онъ захочетъ втолковать своимъ подданнымъ ихъ обязанности къ народу, необходимость быть честнымъ, не лгать, не грабить казну и не брать взятокъ, онъ не найдетъ иного способа, какъ распространить на эту сферу гражданскихъ отношеній тѣ же понятія военной службы и дисциплины. «Преступившихъ добровольно и сознательно въ дѣлахъ своей должности надлежитъ наказывать такъ же, какъ измѣнника, нарушившаго свою обязанность во время самаго боя,—ибо это преступленіе хуже измѣны: измѣну, увидавъ, можно остеречься,—а здѣсь не всякій остережется, такъ какъ скрытое преступленіе можетъ долго теченіе свое имѣть»: погрѣшившій начальникъ не будетъ въ состояніи сдерживать подчиненныхъ, «и такъ мало-по-малу всѣ въ безстрашіе придутъ, людей въ государствѣ разорятъ, и такимъ образомъ, хуже измѣны отдѣльнаго лица можетъ быть государству не только бѣдствіе, но и окончательное паденіе (тутъ, вѣроятно, опять рисуется Петру «монархія греческая»).

Чувство долга, безъ сомнѣнія, помогаетъ Петру среди всѣхъ колебаній и превратностей судьбы, среди собственныхъ увлеченій и капризовъ сохранить постоянное направленіе воли, переупрямить своихъ враговъ, своихъ союзниковъ, своихъ сотрудниковъ и свой народъ въ стремленіи къ достиженію разъ поставленной цѣли. Но замѣнить опредѣленнаго плана, дать дѣйствіямъ Петра систему — и это чувство не можетъ.

Отсутствіе такого плана и системы, безъ сомнѣнія, должны были

лишить реформатора возможности господствовать надъ реформой, руководить ея ходомъ вполнѣ сознательно и цѣлесообразно. Другими словами, личное его вліяніе на реформу сильно сокращалось въ размѣрахъ при этомъ условіи. Но то же самое условіе дѣлало особенно рельефной, особенно замѣтной со стороны ту долю личнаго участія, которая все-таки оставалась. Личное участіе царя въ реформѣ, конечно, гораздо болѣе скрадывалось бы, если бы въ ней все совершалось въ свое время на своемъ мѣстѣ, при помощи разъ избранныхъ и приставленныхъ къ дѣлу посредниковъ и исполнителей. Но когда все распадалось на рядъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ экспериментовъ, единичныхъ толчковъ, всякій разъ исправляющихъ и замѣняющихъ другъ друга и всякій разъ продиктованныхъ личнымъ усмотрѣніемъ Петра,—тогда, разумѣется, вмѣшательство личности царя должно было чувствоваться и требоваться на каждомъ шагу. Если это былъ «промыселъ», то отнюдь не деистской, а скорѣе фетишистской религіи: за отсутствіемъ общаго закона столько актовъ воли, сколько поступковъ. И здѣсь, конечно, сейчасъ же надо сдѣлать оговорку. Всѣ эти поступки, безъ сомнѣнія, не являлись безусловно изолированными, вполнѣ чуждыми одинъ другому. Если въ этой примитивной натурѣ не было твердаго скелета мысли, то за то не было и никакого упорства систематика; не было доктрины, но не было и доктринерства. Петръ съ удивительной легкостью и быстротой признавался въ своихъ ошибкахъ и никогда не уставалъ начинать сызнова. Такимъ образомъ, если его реформа и не вела прямымъ путемъ къ цѣли, то она и не кружила около и тѣмъ болѣе не топталась на одномъ мѣстѣ. Обыкновенно (хотя и не всегда, какъ увидимъ) ошибка служила урокомъ; новый экспериментъ вносилъ поправку: это была, какъ любилъ говорить самъ Петръ, его школа. Разумѣется, при такомъ несовершенномъ методѣ, ученье могло продолжаться безконечно; и Петръ ошибался, когда по поводу Ништадтскаго мира опредѣлялъ курсъ своей выучки—тройнымъ цеховымъ (семилѣтнимъ) срокомъ. Онъ умеръ, не кончивъ курса и не выдержавъ экзамена по многимъ весьма существеннымъ предметамъ своей программы.

Стоитъ перебрать въ памяти всѣ главные предметы реформы Петра, чтобы убѣдиться въ правильности сдѣланныхъ замѣчаній. Учрежденіе постояннаго войска и обезпеченіе его содержаніемъ — есть, конечно, одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ реформы, на достиженіе котораго направлена была наибольшая часть заботъ и усилій Петра. Но надо знать, какія жертвы должна была принести страна людьми и деньгами для достиженія этого результата: только тогда убѣдимся, что усилія не стоятъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ результатомъ, что огромная часть ихъ была затрачена нецѣлесообразно и непроизводительно. Если же обратимся отъ войска къ военному дѣлу, то увидимъ, что тутъ до конца жизни Петръ остался ученикомъ самымъ непонятливымъ. Не говоримъ уже о Нарвскомъ пораженіи: Петръ самъ созналъ,

что тутъ было одно «младенческое играніе» и что войну мы «начали, какъ слѣпые, не вѣдая силы противниковъ и своего состоянія». Но когда та же ошибка, опять по личной винѣ Петра, повторилась на Прутѣ; когда въ предпослѣдній годъ жизни его походъ на Дербентъ напомнилъ крымскіе походы Голицына,—то тутъ для сужденія о характерѣ личнаго вліянія Петра на ходъ военныхъ операцій не остается сомнѣній. Пораженіе арміи Карла XII, какъ пораженіе великой арміи Наполеона, есть, главнымъ образомъ, дѣло самихъ полководцевъ. Нельзя относить на счетъ Петра отсутствіе общаго плана войны, такъ какъ здѣсь онъ зависѣлъ и отъ противниковъ и отъ союзниковъ. Свое личное дѣло, завоеваніе моря, онъ сдѣлалъ и сумѣлъ отстоять: хотя, конечно, и тутъ полное разореніе завоеваннаго прибрежья не свидѣтельствуетъ объ обдуманной программѣ завоеваній.

Гораздо ярче личный характеръ реформы отражается на созданіи флота. Ради флота Петръ велъ всѣ свои войны; но и эта задача до самой смерти остается не вполнѣ осуществленной и распадается на рядъ разрозненныхъ и недоведенныхъ до конца попытокъ, брошенныхъ частью самимъ Петромъ, частью его ближайшими преемниками. Скудость результатовъ сравнительно съ грандіозностью затраченныхъ среств тутъ выступаетъ особенно ярко. Уже не говоримъ объ игрушечной флотиліи, парадировавшей при взятіи Азова; тотчасъ за этимъ вступленіемъ Петръ спѣшитъ однимъ почеркомъ пера создать настоящій большой торговый флотъ: землевладѣльцы построятъ ему 98 кораблей, и самъ онъ построитъ 90. Вернувшись изъ Голландіи, онъ забраковываетъ всю работу и начинаетъ все сначала (1700); это не мѣшаетъ ему, годъ спустя, хвалиться передъ Августомъ польскимъ, что у него 80 кораблей, по 60 и 80 пушекъ на каждомъ. Увы, когда наступаетъ время пустить корабли въ дѣло для завоеванія Финляндіи въ 1713 г., у Петра оказывается всего четыре линейныхъ корабля и пара фрегатовъ. Въ промежуткѣ однако Петръ не тратилъ времени даромъ; каждый годъ ѣздилъ на свою воронежскую верфь; кромѣ личныхъ усилій и заботъ, онъ положилъ тамъ огромныя суммы денегъ; сотни тысячъ людей умерли отъ болѣзней и голода «у гаваннаго строенія» (т.-е. у постройки новой Троицкой гавани возлѣ Таганрога, такъ какъ по мелководному Дону спускать большіе корабли оказалось невозможнымъ). Прутскій походъ сразу прикрываетъ все многолѣтнее дѣло: гавань срыта, суда отданы туркамъ или гніютъ на мѣстѣ; ничего почти не приходится утилизовать для сѣвернаго судостроенія, куда теперь Петръ переноситъ всѣ свои заботы, стараясь какъ можно скорѣе нагнать упущенное время. Въ 1719 г. у него уже 28 линейныхъ кораблей, но сколько новыхъ усилій для этого результата! Олонецкая верфь удовлетворяетъ только на первые годы послѣ закладки Петербурга; перенесеніе ея въ Петербургъ тоже оказывается недостаточнымъ, по Невѣ нельзя выводить оснащенные корабли въ море безъ углубленія фарватера. Петербург-

скую верфь приходится дополнить кронштадтскою гаванью. Но послѣ ряда новыхъ усилій, послѣ новыхъ огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, и Кронштадтъ перестаетъ удовлетворять: отъ прѣсной воды суда гніютъ вдвое скорѣе, по условіямъ мѣста изъ бухты можно выдти только при восточномъ вѣтрѣ, по условіямъ климата—гавань только полгода свободна отъ льда. За нѣсколько лѣтъ до смерти Петръ находитъ новое мѣсто: Рогервикъ, недалеко отъ Ревеля. Правда, шведы остановились передъ страшными расходами и физическими препятствіями для укрѣпленія этой бухты; но Петра такіе пустяки не могутъ остановить: и снова люди десятками тысячъ идутъ на новую работу; «всѣ лѣса въ Лифляндіи и Эстляндіи сведены» для ящиковъ, въ которыхъ погружаютъ на дно морское камень, наломанный въ сосѣднихъ скалахъ; а неумолимыя бури изъ года въ годъ, при Петрѣ и при Екатеринѣ, разносятъ всю людскую работу, такъ что наконецъ и этотъ проектъ «стоившій невѣроятныхъ суммъ», приходится бросить. Въ результатѣ, русскій флотъ *демонстрируетъ* въ Балтійскомъ морѣ, какъ онъ демонстрировалъ передъ Константинополемъ и передъ Азовомъ, но дѣйствительно важную услугу въ войнѣ оказываютъ только маленькія галеры, свободно пробирающіяся между шкеръ, въ виду шведскаго флота и арміи, и высаживающія то тамъ, то сямъ небольшіе дессанты, которые разоряютъ берега и заставляютъ, наконецъ, Швецію вернуть себѣ безопасность въ собственной странѣ путемъ отказа отъ завоеванныхъ Петромъ заморскихъ провинцій. Но, можетъ быть, Петръ работалъ для будущаго? Въ 1734 г., всего девять лѣтъ послѣ его смерти, нужно запереть съ моря Данцигъ: Петербургское адмиралтейство можетъ снарядить самое большее—15 кораблей, да и для тѣхъ не хватаетъ экипажа и нѣтъ офицеровъ.

Небывалое напряженіе государственныхъ силъ для достиженія военныхъ задачъ Петра вызываетъ, какъ мы знаемъ («Очерки», I), непредвидѣнныя измѣненія въ другихъ частяхъ государственнаго строя, а необходимость считаться съ этими измѣненіями и здѣсь налагаетъ на стихійные историческіе процессы печать торопливости, отрывочности и безсвязности отдѣльныхъ экспериментовъ, ликвидирующихъ и исправляющихъ другъ друга. Не будемъ повторять здѣсь того, что объ этомъ говорилось въ отдѣлахъ о русскихъ учрежденіяхъ и финансахъ (I, 164—7). Напомнимъ, что даже и исторія школы не изъята изъ того же общаго правила—экспериментированія на ощупь (II, 228—7). Не возвращаясь ко всему этому, остановимся еще только на одной области реформы, кажется, наиболѣе личной, наиболѣе зависѣвшей отъ воли реформатора и, слѣдовательно, наиболѣе доступной для планомѣрнаго выполненія. Петербургъ—это воплощеніе всѣхъ пристрастій и антипатій Петра, его любви къ морю и флоту, его потребности въ полномъ просторѣ, его привычки къ внѣшней обстановкѣ культуры, его ненависти къ старинѣ и его страха передъ глухой враждой старой столицы,—этотъ

«парадизъ» Петра, созданный, по живописной финской легендѣ, цѣликомъ на воздухѣ и потомъ разомъ опущенный на болото, чтобы не потонуть въ немъ по кусочкамъ,—этотъ самый Петербургъ тоже отразилъ на себѣ не только все содержаніе реформы въ миніатюрѣ, но также и всѣ ея пріемы. На этихъ маленькихъ клочкахъ земли, раздѣленныхъ невскими устьями, Петръ мечется десять лѣтъ безъ устали, и въ результатѣ опять—масса непроизводительно затраченнаго труда, масса началъ безъ концовъ, великолѣпныхъ и дорогихъ проектовъ, оставшихся безъ исполненія,—и ничего цѣльнаго. То Петербургъ будетъ на теперешней Петербургской Сторонѣ,—и тамъ строятся церкви, биржа, лавки, зданіе для коллегій, частные дома, которые обязанъ построить каждый служащій дворянинъ, смотря по имуществу. То—лучше перенести торговлю и главное поселеніе въ Кронштадтъ; и тамъ, опять по наряду, каждая губернія воздвигаетъ огромный каменный корпусъ, въ которомъ никто никогда не будетъ жить и которыя постепенно развалятся отъ времени. Между тѣмъ, городъ возникаетъ на новомъ мѣстѣ, между Адмиралтействомъ и Лѣтнимъ Садомъ, гдѣ берегъ выше и наводненія не такъ опасны. И опять Петръ недоволенъ: на досугѣ послѣднихъ лѣтъ ему приходитъ въ голову новая затѣя: Петербургъ обратить въ Амстердамъ, улицы замѣнить каналами,—и для этого перенести весь городъ на самое жизненное мѣсто, на Васильевскій Островъ, раньше подаренный цѣликомъ Меншикову; а отъ наводненій и непріятельскихъ нападеній построить плотины. И опять все дворянство, уже обзаведшееся домами въ другихъ мѣстахъ Петербурга, приглашается обязательно строить новыя дома на Васильевскомъ Островѣ. Умираетъ Петръ—и начатыя постройки забрасываются, приходятъ въ ветхость и служатъ только матеріаломъ для остротъ: въ другихъ странахъ время создаетъ руины, а въ Россіи ихъ строятъ нарочно. «Ничего не было бы легче, какъ сдѣлать новый городъ (при помощи обязательныхъ построекъ) однимъ изъ красивѣйшихъ и правильнѣйшихъ въ Европѣ,—заключаетъ Фокеродтъ,—если бы только послѣдовали обычнымъ правиламъ архитекторовъ, и прежде чѣмъ строить, выработали бы опредѣленный планъ. Но дѣло пошло такъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ въ Россіи: начали съ исполненія».

Довольно, кажется, всѣхъ этихъ сопоставленій для общаго вывода. Личность Петра видна всюду въ его реформѣ; на всякой частности лежитъ ея печать: и какъ разъ эта-то черта и сообщаетъ реформѣ въ значительной степени стихійный характеръ. Это безконечное повтореніе и накопленіе опытовъ, этотъ непрерывный круговоротъ разрушенія и созиданія, и среди всего какая-то неизсякаемая жизненная сила, которую не могутъ ни сломить, ни даже остановить никакія жертвы, никакія потери, никакія неудачи,—все это такія черты, которыя напоминаютъ расточительность природы въ его слѣпомъ, стихійномъ творчествѣ, а не политическое искусство государственнаго человѣка. Дѣлая

этотъ выводъ, мы не должны забыть еще другой черты, постоянно мелькавшей въ предыдущемъ изложеніи. Именно въ *этомъ* своемъ видѣ реформа перестаетъ представляться чудомъ и спускается до уровня окружающей дѣйствительности. Она должна была быть такой, чтобы соотвѣтствовать этой дѣйствительности: ея случайность, произвольность, индивидуальность, наслѣдственность—необходимыя въ ней черты; и не смотря на ея рѣзко антинаціональную внѣшность, она цѣликомъ коренится въ условіяхъ національной жизни. Страна получила такую реформу, на какую только и была способна.

Посмотримъ теперь, какъ отразилась первая побѣда критическихъ элементовъ на положеніи русскаго національзма. Въ странѣ, сильно отставшей культурно, по необходимости принужденной заимствовать болѣе совершенную технику сосѣдей и поневолѣ перенявшей, вмѣстѣ съ техникой, нѣкоторыя внѣшнія формы ихъ быта,—въ такой странѣ, можно сказать a priori, націоналистическій протестъ долженъ былъ быть силенъ и долженъ былъ вылиться въ форму религіозную. Мы знаемъ, что въ самой религіозной сферѣ этотъ протестъ уже былъ на лицо, и что тамъ онъ тоже былъ вызванъ побѣдой критическихъ элементовъ. Расколъ именно и былъ такимъ протестомъ со стороны національной религіи, осужденной иноземною критикою. Въ своемъ происхожденіи, также какъ во внутренней логикѣ своего развитія расколъ былъ, какъ мы знаемъ, явленіемъ чисто религіознымъ, въ томъ смыслѣ, что онъ не имѣлъ характера «земскаго» или «соціальнаго» протеста, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи («Оч.». II, 45). Но не надо забывать, что сама русская религіозная мысль носила въ то время существенно-националистическій характеръ. Конечно, забота о душевномъ спасеніи вызвала расколъ; но забота эта вытекала не изъ какого-нибудь внутренняго процесса религіозной мысли или чувства, а изъ опасенія—лишиться испытанныхъ внѣшнихъ формулъ спасенія. Это былъ не порывъ—спасти свою душу путемъ личнаго усилія, а страхъ какъ бы не погубить ее по чужой винѣ. Словомъ, это была борьба за формы національной религіи, потревоженныя греческой и кіевской грамматикой. Все противорелигіозное было съ этой точки зрѣнія,—вмѣстѣ и антинаціонально; мало того, оно и противурелигіозно было именно потому, что было антинаціонально. Такимъ образомъ, религіозный принципъ раскола какъ нельзя болѣе пригоденъ былъ для того, чтобы сдѣлаться принципомъ націоналистической реакціи.

Но для того, чтобы принять подъ сѣнь и охрану націоналистической религіи всю вообще національную старину,—нужно было, чтобы она подверглась преслѣдованію, чтобы и въ другихъ областяхъ жизни, какъ это случилось въ религіи, побѣду одержали критическіе элементы. Пока этого не случилось, расколъ не могъ сдѣлаться знаменемъ націоналистическаго протеста. Въ лагерѣ противоположномъ тоже еще слишкомъ много оставалось націоналистическихъ элементовъ, чтобы

разрывъ, пока исключительно религіозный, могъ считаться окончательнымъ и безповоротнымъ: онъ просто былъ для этого недостаточно принципіаленъ. Лозунгъ протеста, въ упрощенной формулѣ протопопа Аввакума, гласилъ: «тверди: такъ въ старопечатныхъ книгахъ, да молитву Ісусову грызи,—и все тутъ». Но, увы, эта опора была вовсе не такъ прочна и незыблема, какъ казалось Аввакуму. Самое понятіе «старопечатныхъ книгъ» при ближайшемъ знакомствѣ оказывалось совершенно условнымъ и относительнымъ. Книги печатались при пяти патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ,—и всякій разъ съ исправленіями и перемѣнами. Всѣ онѣ въ свое время были «новопечатными», а нѣкоторыя наталкивались даже на противорѣчіе, совершенно одинаковое съ раскольническимъ (какъ, напр., знаменитое исключеніе «и огнемъ» изъ филаретовскаго Требника). Спрашивалось, какимъ же именно «старопечатнымъ книгамъ» вѣрить и съ какого момента исправленіе книгъ считать ихъ порчей? У самого Аввакума, напр., въ Псалтири іоасафовскаго изданія стояло въ 104 псалмѣ «возврати», а у его товарища по изгнанію, діакона Өедора, въ іосифовской Псалтири было правильное чтеніе «возрасти». «И за сію опись (разсказываетъ Өедоръ) больше года бранился со мною Аввакумъ: ты-де старыя книги хулишь, а я-де за нихъ мучусь отъ никоніанъ давно прежде тебя... И послѣ отъ иныхъ Псалтирей позналъ, яко право глаголахъ ему; азъ ему и ту опись справилъ. И немудрая та рѣчь, и не богословская, да и о той у него велика толка была». Естественно, что Аввакуму и той огромной массѣ, яркимъ представителемъ которой онъ былъ, трудно было принять выводъ Өедора, что «за опись кую въ книгѣ какой ни есть и погрѣшительное слово—не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти». Но при всемъ упорствѣ съ обѣихъ сторонъ (такъ какъ и никоніане крѣпко вѣрили въ силу буквы), все-таки оставалось сознаніе, не уничтоженное даже неосторожнымъ проклятіемъ 1667 года, что и та и другая сторона стоятъ на одной почвѣ, что если не примиреніе, то побѣда и полное перерѣшеніе спора возможно для побѣжденныхъ. Не только обѣ стороны боролись одинаковымъ оружіемъ, но каждой случалось еще порой заимствовать оружіе у противника. Никонъ могъ, напр., съ досады, стоя на судѣ передъ патріархами, пустить въ ходъ раскольничій аргументъ, что «греческія правила не прямыя», что «печатали ихъ еретики» (ср. «Оч.» II, 41); и Аввакумъ могъ упорно защищать латинское мнѣніе о времени пресуществленія «святого сакромента» (ср. «Оч.» II, 152—3). Такимъ образомъ, принципіальной основы для полнаго раздѣленія, въ сущности, не было. И такъ, расколъ уже потому не могъ въ XVII в. сдѣлаться исключительнымъ знаменемъ націонализма, что и господствующая партія вовсе не стояла подъ знаменемъ иноземной критики, да и самъ онъ не терялъ надежды стать на ея мѣсто.

Въ самомъ расколѣ, правда, уже не было единогласія въ этомъ

послѣднемъ вопросѣ. Въ немъ уже складывалась непримиримая фракція, считавшая разрывъ принципіальнымъ и окончательнымъ, вѣрившая въ наступленіе антихристова царства, въ полное исчезновеніе христовой церкви и таинствъ. (См. «Оч.» II. 53). Но господствующее настроеніе массы вѣрнѣе отражалось въ посланіяхъ Аввакума, который, правда, самъ не прочь попугать враговъ и друзей антихристомъ и благословить на бѣгство изъ міра и на вольную смерть, но въ то же время не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ своей вѣры въ скорое возстановленіе истины—и всѣми силами старается приблизить минуту этого торжества. Пока можно, онъ «докучаетъ» своими просьбами и угрозами царю Алексѣю, даетъ обѣтъ «не сводить рукъ съ высоты небесной», пока не обратитъ царя къ старымъ книгамъ. Потомъ онъ переноситъ надежды на Ѳедора, пишетъ ему и, наконецъ, передъ смертью своей (14 апр. 1682) и царя, благословляетъ своего любимаго ученика Сергія «стужати царю о исправленіи вѣры». Недавно стало извѣстно, что это—тотъ самый Сергій, который такъ неудачно пытался съ помощью стрѣльцовъ выполнить завѣтъ своего учителя въ Грановитой палатѣ, передъ царевной Софьей и патріархомъ, 5 іюля того же года. Понятно, что въ ожиданіи скорой перемѣны Аввакумъ дорожилъ скрытыми союзниками изъ никоніанъ и соглашался на всякія поблажки, чтобы только облегчить, а не затруднить связь между обоими лагерями. Онъ былъ противъ перекрещиванія и развѣнчиванія переходящихъ въ расколъ, готовъ былъ принимать православныхъ поповъ въ ихъ чинѣ, довольствуясь раскаяніемъ; смотрѣлъ сквозь пальцы на участіе своихъ сторонниковъ въ православныхъ обрядахъ и таинствахъ, позволялъ принимать у себя поповъ и отдариваться предъ властями, молиться за царя и оставаться на царской службѣ, не отрицалъ даже таинствъ, совершенныхъ новыми попами по старымъ книгамъ, а при употребленіи новыхъ книгъ—требовалъ только дополнительныхъ обрядовъ. Все это было принципіально немыслимо; но Аввакумъ слишкомъ хорошо понималъ, что пока наставники спорятъ о догматическихъ тонкостяхъ, масса ждетъ и колеблется въ нерѣшительности; вотъ почему онъ такъ широко практиковалъ свою систему временныхъ отступленій — «по нуждѣ», ссылаясь на то, что «время изъ правилъ вышло».

Положеніе, дѣйствительно, было таково. Народная масса стояла внѣ обоихъ лагерей, не разрывая формально съ церковью, въ душѣ инстинктивно склоняясь къ старинѣ, но не зная хорошенько, въ чемъ она состоитъ, въ чемъ разница между «старой вѣрой» и «новой». Такимъ рисуютъ намъ это настроеніе разныя сцены во время стрѣлецкаго мятежа 1682 г. Стрѣльцы готовы воспользоваться своимъ господствомъ, чтобы потребовать публичнаго пересмотра религіознаго спора; но они еще не рѣшаются высказаться опредѣленно: половина подписываетъ челобитную, половина возражаетъ: «Зачѣмъ намъ руки прикла-

дывать? Мы отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ... все это дѣло не наше, а патріаршее; а мы и безъ рукоприкладства рады тутъ быть, стоять за православную вѣру *и смотрѣть правду*, а по старому не дадимъ жечь и мучить». И они спрашиваютъ, въ лицѣ своихъ депутатовъ: «За что старыя книги отринуты, какія въ нихъ ереси, *чтобъ намъ про то вѣдомо было*», склоняясь про себя, разумѣется, къ тому, что ересей въ старыхъ книгахъ нѣтъ, что отринуты онѣ напрасно, но предоставляя рѣшеніе дѣла властямъ и при первой опасности громко заявляя объ этомъ: «Намъ до старой вѣры дѣла нѣтъ; это дѣло патріарха и всего освященнаго собора».

Дать этотъ наглядный матеріалъ, недостававшій народу, для рѣшительнаго выбора между расколомъ и никоніанствомъ; популяризировать въ массѣ ненависть начетчиковъ къ «новой вѣрѣ», поразивъ народную мысль иноземными новшествами и тѣмъ отбросивъ эту массу въ принципіально враждебный лагерь; убѣдить ее до очевидности въ пришествіи и торжествѣ антихриста и въ необходимости спасаться изъ міра: эту миссію исполнила петровская реформа. Она поставила разрывъ раскола съ церковью на ту принципіальную почву, которой до сихъ поръ не хватало, и тѣмъ превратила расколъ въ знамя національнаго протеста, въ оплотъ націоналистическихъ идеологій. Перемѣна позицій произошла необыкновенно быстро. Подъ извѣстнымъ намъ завѣщаніемъ патр. Іоакима самый нетерпимый раскольникъ могъ бы еще подписаться. Безсильное попустительство патр. Адріана петровскимъ новымъ модамъ—уже приводило его въ негодованіе. Когда же послѣ Адріана церковь осталась вовсе безъ патріарха, раскольники уже потеряли всякій критерій для сужденія о ней и ея роли въ обществѣ. А время шло все такъ же быстро впередъ. Въ политическихъ видахъ Петръ преобразовалъ самое устройство церкви на протестантскій ладъ; ему случалось, уставши держать руки, въ качествѣ шафера, надъ женихомъ, приказывать прекратить вѣнчальный обрядъ (на свадьбѣ племянницы Анны Ивановны); онъ не стѣснялся даже разводить своихъ приближенныхъ (Ягужинскаго) съ женами и женить на другихъ; самъ онъ, какъ мы знаемъ, въ подобномъ случаѣ долго обходился и вовсе безъ вѣнчанія. Однимъ словомъ, церковь, послѣ такой огромной роли, какую она играла въ недавнемъ прошломъ, какъ-то вдругъ сразу сократилась и заняла болѣе чѣмъ скромное положеніе въ государственной и личной жизни. Естественно, что при головокружительной быстротѣ, съ которой совершилась эта перемѣна, почва ушла изъ-подъ ногъ у ревнителей стараго благочестія; недавніе споры съ церковью сами собой отодвинулись такъ далеко назадъ, такъ странно было бы теперь тянуть ее къ отвѣту и строить на побѣдѣ надъ ней какіе-либо разсчеты,—когда и сама она была уже не та, что прежде, и главный врагъ оказался совсѣмъ не тамъ, гдѣ его привыкли видѣть... Надеждъ на побѣду, разумѣется, теперь уже быть не могло. За то реформа

Петра впервые подала расколу весьма основательную надежду на долгое, прочное существованіе, на обильную паству, на богатый матеріалъ для пропаганды — не одной уже «старой вѣры», но и вообще стараго націонализма. Враги Никона не могли не сблизиться съ новыми врагами Петра изъ никоніанъ: настоящіе старовѣры расплылись въ массѣ «бородачей». Петръ не особенно преувеличивалъ, когда выразился однажды, что вмѣсто одного бородача (онъ разумѣлъ Никона), ему приходится имѣть дѣло съ тысячью.

Реформа Петра, со свойственными ей пріемами, дѣйствительно, не могла не послужить самымъ могущественнымъ орудіемъ для распространенія націоналистическихъ идеаловъ въ сѣрой массѣ. Бросая вызовъ всѣмъ старымъ привычкамъ, оскорбляя всѣ чувства, затрогивая всѣ интересы, эта реформа была не изъ такихъ, которыя скрываются въ глубинѣ канцелярій и теряютъ силу въ процессѣ нисхожденія и восхожденія по инстанціямъ. Она не могла остаться неизвѣстной самому послѣднему крестьянину въ самомъ глухомъ захолустьѣ: къ нему туда приходили, его нѣсколько разъ переписывали, безчисленное количество разъ облагали новыми, неслыханными податями и повинностями, отрывали отъ семьи и сохи и «выволакивали» на всевозможныя службы во всѣ концы государства. Въ своихъ собственныхъ платежныхъ квитанціяхъ онъ могъ прочесть длинную лѣтопись разрозненныхъ усилій Петра, то внося деньги на «дѣло кирпича» и «известное жженье» для петербургскихъ построекъ, то посылая людей «къ гаванному строенью» въ Азовъ или «на Котлинъ», то уплачивая дополнительные сборы на «драгунскія сѣдла», то собирая провіантъ и фуражъ и т. д. Но мало всего этого,—Петръ и самъ не оставался вдали отъ народной массы. Ежегодно онъ носился изъ конца въ конецъ Россіи; вездѣ его видѣли, всюду онъ являлся съ своими привычками, такими странными и такъ мало отвѣчавшими старой идеѣ о царской власти, съ своими новыми людьми, еще болѣе безцеремонными, чѣмъ онъ самъ. Словомъ, Россія была полна Петромъ и его реформой: прожить жизнь и не столкнуться съ нимъ, не попасть такъ или иначе въ тѣнь его гигантской фигуры—становилось просто невозможно. Что могло быть, повидимому, общаго между великимъ реформаторомъ и простымъ тамбовскимъ дьячкомъ? А между тѣмъ и тамбовскому дьячку оказалось тѣсно жить въ одной Россіи съ Петромъ. Какъ бы оправдывая народную жалобу, что «никуда отъ него не уйдешь», дьячекъ могъ уйти отъ Петра—только на плаху. Мирно жилъ этотъ дьячекъ Степанъ въ Тамбовѣ, пока не началъ ему наговаривать Савва монахъ: «Было благочестіе, а нынѣ отпало, какъ и Римъ отпалъ; царь Петръ—антихристъ, потому что владѣетъ одинъ, безъ патріарха; а что бороды брить и у драгуновъ раскаты — это антихристова печать». Степанъ смутился; пересталъ, на всякій случай, въ церковь ходить и пошелъ къ духовнику за совѣтомъ. Услыхавъ про Петра-антихриста, духов-

никъ, къ слову, вспомнилъ: «Были мы на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали передъ государемъ и при его компаніи; зашелъ разговоръ о Талицкомъ (авторъ памфлета о Петрѣ-антихристѣ, казненный въ 1701 г.); царь и говоритъ: «Такой онъ воръ—Талицкій; ужъ и я антихристъ! О Господи, ужъ и я антихристъ предъ Тобою!» А мы еще, то слыша, подумали: Богъ знаетъ, къ чему это онъ говоритъ»... Разумѣется, такое совпаденіе подкрѣпило подозрѣнія Степана; а тутъ еще прочелъ онъ въ старопечатной Кирилловой книгѣ: «Во имя Симона Петра имать сѣсти гордый князь міра, антихристъ». Нѣтъ сомнѣнія: Петръ—антихристъ; вотъ и прохожая женщина разсказываетъ: были ея родственники въ Суздалѣ, гдѣ заточена царица (Евдокія Лопухина), и царица говорила людямъ: «Держите вѣру христіанскую, это не мой царь, иной—выше». Со страха, богобоязненный дьячекъ постригся отъ живой жены въ Трегуляевскомъ монастырѣ, подъ именемъ Самуила. Смотри, говорили ему, на монастыри первое гоненіе будетъ. «Нѣтъ нужды,—отвѣчалъ онъ,—тогда я въ горы уйду». Дѣйствительно, и въ монастырѣ Петръ не оставляетъ въ покоѣ разыгравшееся воображеніе Самуила. То какой-нибудь монахъ разскажетъ ему, что «теперь надъ нами царствуетъ не нашъ государь, а сынъ Лефорта», подмѣненный вмѣсто родившейся у Алексѣя Михайловича дѣвочки; то Самуиловъ дядя, тоже монахъ, успокоитъ племянника, что Петръ—только «предтеча» антихриста. Попалъ по какому-то дѣлу Самуилъ въ Воронежъ и рѣшилъ подѣлиться своими свѣдѣніями съ православными: написалъ письмо, что Петръ—антихристъ и подбросилъ въ неизвѣстный дворъ. Идетъ обратно; на пути въ селѣ Избердеѣ боярскій сынъ сообщаетъ ему новость: «А вѣдь говорятъ, нашъ царь пошелъ въ Стекольню (Стокгольмъ), и тамъ его посадили въ заточенье, а это не нашъ государь». И Самуилъ про себя думаетъ: ну, такъ и есть, антихристъ. Пришелъ въ монастырь Духовный Регламентъ—царь отводитъ отъ монашества: явно антихристъ; ничего не подѣлаешь, надо бѣжать въ пустыню. Самуилъ бѣжитъ, его ловятъ, возвращаютъ въ монастырь. Сидя на цѣпи, монахъ думаетъ: «Игумену ни за что не поклонюсь: онъ слуга антихриста». Отсидѣлъ—и таки бѣжалъ опять, въ степь, оттуда пробрался къ казакамъ. Идея объ антихристѣ и тутъ не оставляетъ Самуила; встрѣтитъ онъ простого бурлака, ему внушаетъ про царство антихриста; а то наткнулся на попа, который по своему мстилъ Петру: на ектеніяхъ онъ поминалъ вмѣсто «императоръ»—«императерь» на томъ основаніи, что Петръ всѣхъ людей «перетеръ». Но тутъ случилась неожиданность: Самуилу попали въ руки правительственныя изданія противъ раскола; онъ прочелъ, пересталъ проповѣдовать про антихриста, обратился въ православіе и вернулся въ монастырь къ мирной жизни. Тщетная надежда: Петръ не даетъ никому пожить мирно. Самуилъ изъ своего Трегуляевскаго монастыря переведенъ въ московскій Богоявленскій, и велѣно ему посѣщать школу. Онъ бы и не прочь

почитать хорошую книжку, но учиться грамматикѣ въ его возрастѣ уже трудно. Попробовалъ было не ходить въ классы: префектъ грозитъ плетьми. И раздраженіе противъ царя,—теперь уже не антихриста,—снова растетъ въ душѣ Самуила. Въ такомъ настроеніи его застаетъ извѣстіе: жена его вышла замужъ за другого. Самуилъ пораженъ въ самое сердце: и жены жаль, и на себя досадно, что ввелъ ее въ грѣхъ. Но кто главный виновникъ? И тутъ все онъ же, опять Петръ, опять его Регламентъ: вѣдь хотѣла жена постричься; нѣтъ, не позволили! Товарищъ Самуила, другой монахъ, тоже бранитъ Регламентъ, тоже поджигаетъ Самуила. И вотъ, доведенный до крайней степени раздраженія, совсѣмъ потерявшій душевное равновѣсіе, не зная, на комъ и какъ сорвать свою злобу, Самуилъ хватаетъ клочки бумаги и принимается—исключительно «для покою въ совѣсти», отнюдь не для пропаганды—отводить свою душу письменной бранью противъ вѣчнаго своего врага, императора. На горе монаха, одна такая бумажка попалась кому-то на глаза, препровождена была куда слѣдуетъ,—въ Тайную Канцелярію,—и пропалъ Самуилъ. Не помогли ни оправданія, ни объясненія: его казнили.

Эта исторія маленькаго человѣка поможетъ намъ наглядно представить себѣ, до какой степени насыщена была общественная атмосфера раздраженіемъ противъ преобразователя. Епископъ Досиѳей, колесованный за сношенія съ постриженной царицей Евдокіей, далъ самую краснорѣчивую характеристику этого настроенія, когда передъ соборомъ архіереевъ, вмѣсто всякихъ показаній, заявилъ: «Посмотрите, что у всѣхъ въ сердцахъ! Извольте пустить уши въ народъ,—что въ народѣ говорятъ,—а самъ я объ этомъ говорить не стану». Что говорилъ народъ, дѣйствительно, слишкомъ хорошо было извѣстно въ московскомъ застѣнкѣ: пусть читатель прочтетъ извлеченную оттуда, трепещущую жизнью, страницу исторіи Соловьева, съ ея постояннымъ рефреномъ: «Какой онъ царь!»

Казалось бы, если когда-либо можно было ожидать, что «старая вѣра» сдѣлается знаменемъ широкаго политическаго и соціальнаго протеста, то это именно въ описываемое время. Не даромъ же иностранные резиденты при русскомъ дворѣ такъ напряженно ждали, что не сегодня-завтра въ Россіи разразится что-нибудь такое, что положитъ конецъ всей этой адской стряпнѣ. Не даромъ и въ самой Россіи, въ кругахъ сгруппировавшихся около царевича Алексѣя, изъ году въ годъ возрастало нетерпѣливое, нервное предчувствіе развязки казалось, что вотъ-вотъ потерпитъ царевичъ еще 2—3 года въ монастырѣ или заграницей, а тамъ и можно будетъ кликнуть кличъ «отъ архіереевъ—священникамъ, отъ священниковъ — прихожанамъ». Но и иностранцы, и русскіе недовольные сводили счеты безъ хозяина. Царевичъ за свою неясную мечту не то о смерти отца, не то о бунтѣ—поплатился жизнью. Религіозный протестъ, дѣйствительно, пре-

вратился въ общенаціональный; но изъ національнаго соціальнымъ и политическимъ не сдѣлался. Это не значитъ, что соціальнаго протеста вовсе не существовало; но, какъ и до Петра, онъ шелъ своей отдѣльной струей, и всѣ попытки сліянія его съ религіозно-національнымъ протестомъ не привели ни къ чему.

На взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ отдѣльныхъ теченій, религіозно-національнаго и соціальнаго, намъ необходимо остановиться, однакоже, нѣсколько внимательнѣе, чтобы пояснить только-что сдѣланное утвержденіе.

Изъ основныхъ принциповъ раскола нельзя было сдѣлать никакихъ соціальныхъ выводовъ. Только въ нѣкоторыхъ крайнихъ толкахъ безпоповщины (какъ, напр., странники, см. «Очерки», II, 87—8), мы встрѣчаемся съ опредѣленнымъ соціальнымъ ученіемъ, и то выработаннымъ довольно поздно. Вообще же расколъ относился къ соціальнымъ вопросамъ совершенно нейтрально. «Кой во что призванъ, въ томъ да пребываетъ», такъ формулировалъ Аввакумъ это основное правило раскола. Конечно, расколу пришлось все-таки стать въ оппозицію государственной власти, но лишь постольку, поскольку эта власть являлась представительницей интересовъ государственной церкви. И притомъ, даже эта оппозиція была не активная, а пассивная; расколъ дѣйствовалъ по отношенію къ государству оборонительно, а не наступательно. Самымъ активнымъ проявленіемъ самаго нетерпимаго отношенія раскола къ свѣтской власти—было самоубійство, самосожженіе: мученичество за вѣру, а не борьба за ея торжество.

На такую борьбу расколъ самъ по себѣ былъ не способенъ. Это, однако же, не исключало возможности попытокъ воспользоваться оппозиціоннымъ настроеніемъ раскола, чтобы привлечь его къ союзу съ элементами дѣйствительно активнаго протеста. Степанъ Разинъ еще не знаетъ хорошенько, гдѣ искать на Руси представителей религіознаго протеста, но онъ ихъ уже ищетъ и предлагаетъ имъ свой союзъ. Его эмиссары появляются и у низложеннаго патріарха Никона, и у взбунтовавшихся противъ его нововведеній иноковъ Соловецкаго монастыря. Конечно, эта первая попытка остается безъ всякихъ результатовъ. Годъ спустя послѣ казни Разина положеніе дѣла становится яснѣе. Раскольничья община, преслѣдуемая правительствомъ, разбѣгается мало-помалу изъ Москвы по окраинамъ; въ это время и на Донъ появляются (1672 г.) до 130 чернецовъ и бѣльцовъ и строютъ себѣ на берегу рѣки Чира пустынь, скоро сдѣлавшуюся знаменитой. Неудачная попытка возстановить старую вѣру во время стрѣлецкаго мятежа (1682 г.) влечетъ за собой новый пароксизмъ правительственныхъ преслѣдованій: на сѣверѣ они вызываютъ эпидемію самосожженій (Оч. II, 67—70), на западной окраинѣ бѣгство за границу, въ Польшу и Швецію, а на Дону на первыхъ порахъ новый сильный приливъ бѣглецовъ: «Свѣтлая Россія потемнѣла, а мрачный Донъ возсіялъ и преподобными отцами наполнился».

Здѣсь, среди казачества, на классической почвѣ русскаго соціальнаго протеста, союзъ религіозной оппозиціи съ соціальной долженъ былъ, повидимому, послѣдовать самъ собой. Онъ и послѣдовалъ—но только для того, чтобъ показать до послѣдней очевидности, до какой степени обѣ оппозиціи разнохарактерны и до какой степени ихъ совмѣстное дѣйствіе невозможно. Старцы, поселившіеся въ Чирской пустынѣ, думали лишь объ одномъ, какъ бы перетерпѣть тяжелое время для раскола и обезпечить непрерывность церковной жизни: освятить церковь (1686 г.), наготовить въ ней какъ можно больше запасныхъ даровъ, чтобы и «въ тысячи лѣтъ не оскудѣло» *); самые смѣлые мечтали какъ-нибудь, хоть семью-восемью попами посвятить себѣ епископа. Вотъ почему, когда въ ихъ обители въ 1683 г. появились эмиссары изъ Москвы звать казаковъ на помощь стрѣльцамъ, старцы спровадили ихъ поскорѣе дальше по Дону, съ ихъ подложной грамотой отъ царя Ивана Алексѣевича. А когда поднялось дѣйствительно политическое движеніе на Дону, старцы спасались въ лѣса и бѣжали на Кавказъ отъ царскихъ посылокъ за ними. Были, однако, на Дону и представители болѣе крайняго теченія въ расколѣ. На р. Медвѣдицѣ поселился типичный проповѣдникъ близкаго пришествія антихриста, Кузьма Косой. Созванный имъ отовсюду сходъ единомышленниковъ, тысячъ до двухъ, на первый взглядъ могъ показаться настоящимъ военнымъ лагеремъ, гдѣ готовились идти на Москву войной. Кузьма говорилъ о какомъ-то царѣ Михаилѣ, который будетъ съ ними и «очиститъ землю». Изъ всего этого сдѣлали въ Москвѣ политическій заговоръ и послѣ многихъ пытокъ умирающаго Кузьму заставили признать, что тѣхъ, кто не послушаетъ ихъ ученія, на Дону и въ Москвѣ «намѣрено было всѣхъ побивать». Смыслъ этого признанія, однако же, былъ совсѣмъ иной, чѣмъ могло показаться на первый взглядъ. Достаточно внимательнѣе всмотрѣться въ проповѣдь Кузьмы, чтобы узнать въ немъ близкаго родственника тѣхъ пропагандистовъ, которые волновали Заволжье и призывали къ самосожженію (Оч. II, 67—9). Подобно имъ, Кузьма учитъ «умирать безъ причастія», «и жить безъ вѣнчанія», такъ какъ нѣтъ больше на землѣ ни церкви, ни таинства и до кончины міра (1692 г.) осталось только пять лѣтъ. Подобно имъ, это ожиданіе антихриста вызываетъ въ немъ и въ его паствѣ повышенное, экзальтированное настроеніе, располагающеее къ мистицизму и къ апокалипсическимъ видѣніямъ. Это то движеніе, которое вмѣстѣ съ самосожженіями, вызвало въ Заволжьѣ хлыстовщину (Оч. II, 103—6). Кузьма открыто заявляетъ въ Москвѣ (1678—1679 гг.), что у него есть «подлинникъ, писанный перстомъ Божіимъ прежде сотворенія міра». При такомъ настроеніи, Кузьма и его послѣдователи «все земное дѣло и суету отложили» и собрались на Мед-

*) Это такъ называемое «Досиѳеево причастіе», о которомъ толковали, что «того таинства будетъ на 5.000 лѣтъ 100.000 человѣкъ безъ нужды»; игуменъ Досиѳей обыкновенно просфору для агнца, «запасалъ великую яко кулячу». Ср. Очерки, II, 53—4.

вѣдицѣ «для великаго божественнаго дѣла»: они ждали, какъ «вся земля вострепещетъ и море восколеблется и преисподняя потрясется и нечестивые и непокорные всѣ потребятся отъ земли»—царемъ Михаиломъ, подъ которымъ Кузьма разумѣлъ Христа. Естественно, что такого рода приготовленія и ожиданія не имѣли ничего общаго съ традиціями Стеньки Разина: и самъ Кузьма, и его покровители въ Черкасскѣ успокаивали мирныхъ казаковъ, чтобъ они «отъ того сбору не опасались и не мятежились, потому что тотъ сборъ былъ о божественномъ писаніи, а не иного какого худого дѣла и къ Москвѣ идтить намѣренія не было». Но эта самая несоизмѣримость взглядовъ и полное различіе цѣлей, при всемъ видимомъ сходствѣ средства, должны были оттолкнуть отъ Кузьмы и не мирныхъ казаковъ, замышлявшихъ настоящій мятежъ. Дѣло Кузьмы для нихъ было «страшное дѣло» и его сборище «нелѣпымъ совѣтомъ»: вмѣсто того, чтобы подготовлять втихомолку бунтъ, Кузьма заявлялъ, что онъ никого не боится, «ни царей, ни войска, ни всей вселенной», а когда казаки пробовали урезонивать его простымъ практическимъ соображеніемъ: «Какъ-де вамъ идти, васъ-де немного», Кузьма отвѣчалъ имъ на своемъ языкѣ: «Съ нами будутъ небесныя силы». Очевидно, сговориться съ такимъ страннымъ союзникомъ было нельзя: онъ могъ быть скорѣе опасенъ, чѣмъ полезенъ для настоящаго заговора: вотъ почему казачій кругъ при первомъ требованіи выдалъ Кузьму московскому правительству. Сборище на Медвѣдицѣ продолжало держаться до послѣдней возможности, но оно никуда не шло, а только отсиживалось; а когда, послѣ долгихъ усилій, ихъ окопъ былъ взятъ приступомъ, большинство осажденныхъ бросалось въ огонь и въ воду, т.-е. принимало мученическій вѣнецъ, какъ того требовало крайнее и послѣдовательное направленіе раскола. Изъ этого видно, что цѣль, съ которой собрались на Медвѣдицѣ послѣдователи Кузьмы, до конца оставалась все та же.

Итакъ, ни умѣренное, ни даже крайнее теченіе въ расколѣ не могло быть прямо и непосредственно использовано для соціальнаго протеста *). Это нисколько не помѣшало казацкой вольницѣ присоединить къ старой Разинской программѣ «старую вѣру» въ качествѣ новаго лозунга. «Старая вѣра», дѣйствительно, сдѣлала большіе успѣхи между донскимъ казачествомъ въ 80 годахъ, благодаря бѣжавшимъ изъ Россіи раскольникамъ. Въ чуждой казацкой средѣ расколъ сразу сдѣлался простымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ партіи, враждебной Москвѣ. Пока старцы на Чиру запасаются дарами, на всемъ Дону идетъ дѣятельная пропаганда вожаковъ антимосковской партіи; они добиваются постановленія казачьяго круга, чтобы въ Черкасской церкви

---

*) Зачатки соціальнаго ученія, можетъ быть, и были у Кузьмы. «Мы, по созданію Божію, всѣ братія», пишетъ онъ съ Медвѣдицы къ донскимъ казакамъ, опровергая какое-то ихъ недоразумѣніе. Но, конечно, ни возможности, ни надобности не было развивать это ученіе въ виду того, что «ничтоже намъ не пособитъ вѣка сего житіе»—при предстоящемъ второмъ пришествіи.

служить по старымъ книгамъ, и стараются даже прекратить моленіе за царя. Пока Кузьма собираетъ свой сборъ на Медвѣдицѣ и пропагандируетъ свои апокалипсическія видѣнія, въ Черкасскѣ составляется формальный заговоръ, участники котораго, не надѣясь «очистить землю» съ помощью «небесныхъ силъ», заводятъ сношенія съ Яикомъ и Терекомъ, съ калмыками и «иными ордами», и назначаютъ даже срокъ, къ которому донское казачество должно быть готово искать зипуновъ. Исходъ заговора (1688 г.) и здѣсь оказался неудачнымъ, вслѣдствіе доноса; но тогда какъ раскольники при неудачномъ исходѣ стремятся умереть за вѣру, бросаясь въ огонь и въ воду, заводчики казацкаго бунта начинаютъ съ того, что отрекаются отъ «старой вѣры». Отношеніе ихъ къ расколу очень вѣрно характеризуетъ одинъ изъ допрашиваемыхъ казаковъ. Заговорщики, по его словамъ, рѣшили «учинить бунтъ, какъ и при Стенькѣ Разинѣ, и идти для воровства на Волгу и на Куму рѣку», а «приговоря къ себѣ и иныя орды», возмутить всѣмъ государствомъ и идти къ Москвѣ... А старую вѣру они твердили и за нее стояли всѣ—для того жъ, умышляя, чѣмъ бы имъ не токмо что всѣмъ Дономъ, но и всѣмъ московскимъ государствомъ замутить».

Такъ стояло дѣло, когда начались «тяжелыя забавы» Петра, «замутившія» и на самомъ дѣлѣ «все московское государство». «Старая вѣра», въ смыслѣ протеста религіознаго, оказалась непригоднымъ орудіемъ для политической борьбы; но можетъ быть, какъ протестъ націоналистическій, она окажется болѣе сильнымъ и активнымъ союзникомъ?

Дѣйствительно, поведеніе Петра сильно оживило извѣстные намъ толки и подняло ослабѣвшія надежды. Опять появились въ народѣ мнимые извѣты царя Ивана Алексѣевича, на этотъ разъ съ новымъ содержаніемъ: «братъ живетъ не по церкви, знается съ нѣмцами». Опять заговорила «голутьба» на Дону. Но, что всего важнѣе, новымъ факторомъ явились стрѣльцы: чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что имъ все равно пропадать, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло въ ихъ средѣ мужество отчаянія. «Какъ Стенька былъ Разинъ, вы намъ мѣшали», говорили казаки стрѣльцамъ; «а теперь мѣшать будетъ некому». «Какъ бы вы съ одного конца, а мы съ другого». У движенія являются и вожди, характерный союзъ: братъ знаменитыхъ раскольницъ, пострадавшихъ при Алексѣѣ, Морозовой и Урусовой (Соковнинъ) и стрѣлецкій полковникъ (Цыклеръ). Обстоятельства, повидимому, складываются какъ нельзя благопріятнѣе: царь, «уклонившійся въ потѣхи» и покинувшій правленіе на произволъ судьбы, кончаетъ тѣмъ, что совсѣмъ уѣзжаетъ изъ царства за-границу. Цыклера съ стрѣльцами назначаютъ въ Таганрогъ, самый удобный пунктъ для соединенія съ казачествомъ. Планъ дѣйствій создается самъ собой: «какъ буду на Дону у городового дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать тоже, что я Стенька Разинъ». Заговоръ раскрытъ и заговорщики казнены; но

вызвавшее заговоръ настроеніе не умираетъ; напротивъ продолжительное отсутствіе Петра даетъ ему новую силу. Царь «невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ»; первая непришедшая во время почта повергаетъ самихъ бояръ въ «страхъ бабій»; стрѣльцовъ держатъ на границахъ, и знающіе люди говорятъ имъ, что въ столицу, къ семьямъ, имъ уже больше не вернуться. При этихъ условіяхъ мысль о походѣ на Москву пріобрѣтаетъ надъ умами стрѣльцовъ принудительную силу: «непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя бы умереть». Послѣдней каплей является призывная грамота изъ Дѣвичьяго монастыря, отъ царевны Софьи. Рѣшеніе принято моментально: «идти къ Москвѣ». Цѣль тоже сама собой ясна. «Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить, государя въ Москву не пустить и убить за то, что началъ вѣровать въ нѣмцевъ. Послать вѣдомость къ донскимъ казакамъ». Въ своей челобитной, поданной при встрѣчѣ съ правительственными войсками боярину Шеину, кромѣ жалобъ на «еретика-иноземца Францка Лефорта», хотѣвшаго погубить «чинъ ихъ, московскихъ стрѣльцовъ, чтобы благочестію великое препятіе учинить»,—бунтовщики передаютъ волновавшіе ихъ слухи, что «идутъ къ Москвѣ нѣмцы, послѣдуя брадобритію и табаку, во всесовершенное благочестія испровержение».

«Брадобритіе и табакъ», какъ доказательства «испровержения благочестія»,—это новая націоналистическая формула, смѣнившая уже—ранѣе первыхъ мѣропріятій Петра—старый лозунгъ религіознаго протеста: новопечатныя книги. Стрѣлецкій походъ къ Москвѣ 1698 г., рѣшенный, какъ мы только что видѣли, какъ-то стихійно: таково первое и единственное (въ самой Россіи) вооруженное проявленіе новаго націоналистическаго протеста. Петръ далекъ отъ того, чтобы понимать его внутренній смыслъ: онъ все еще борется съ тѣнью, съ «сѣменемъ Милославскаго», ничего не видя въ движеніи, кромѣ продолженія старой династической интриги. Онъ не знаетъ, или не хочетъ знать, что стрѣльцы уже мало интересуются царевной Софьей и готовятъ престолъ его законному сыну. Передъ его глазами стоятъ и заслоняютъ все другое старыя, знакомыя фигуры его личныхъ враговъ, и все то бѣшенство, на которое онъ только способенъ, поднимается разомъ со дна его души: начинается ужасная бойня, которая разомъ освобождаетъ Петра отъ единственной организованной опоры націонализма. Онъ можетъ теперь дѣлать, что хочетъ: «брадобритіе и табакъ», съ прибавленіемъ еще новаго платья, останутся главными предметами націоналистическаго протеста, какъ бы напоминая о томъ моментѣ, когда народное негодованіе сразу возникло и поднялось до своей высшей точки. За этимъ предѣломъ—народное воображеніе точно притупилось: мы не видимъ новыхъ лозунговъ, а только частичныя отдѣльныя жалобы. Причина понятна. Стрѣлецкое войско было единственнымъ соціальнымъ факторомъ, способнымъ съиграть роль аккумулятора

народныхъ жалобъ; его настроеніе передъ неминуемой гибелью—единственной соціальной силой, достаточно напряженной, чтобы дать этимъ жалобамъ исходъ въ какомъ-нибудь коллективномъ дѣйствіи; наконецъ, и моментъ—пока еще Петръ не взялъ правленія въ свои сильныя руки—былъ единственнымъ моментомъ, когда для такого дѣйствія открывался хоть какой-нибудь просторъ. Націоналистическая формула была отчеканена въ этотъ моментъ въ коллективномъ сознаніи и навсегда сохранила дату своего чекана.

У націоналистической оппозиціи, впрочемъ, и послѣ гибели московскихъ стрѣльцовъ, оставался еще одинъ рессурсъ: южныя окраины. На этотъ разъ она сама первая пошла навстрѣчу и искала союза. Идея идти на Москву была на югѣ очень популярна. Въ списокъ враговъ, подлежащихъ истребленію, кромѣ бояръ, воеводъ и приказныхъ, занесены были и нѣмцы, а скоро прибавлена еще новая категорія «прибыльщики» (доморощенные финансисты изъ дворовыхъ, измышлявшіе новые налоги въ началѣ сѣверной войны). Положительная сторона программы тоже включила въ себя всѣ исторически сложившіеся слои—разинскій, раскольничій, націоналистическій и новѣйшій фискальный. Но на Дону и на Волгѣ сочетанія этихъ элементовъ оказались различныя. «Стали мы въ Астрахани (1705) за вѣру христіанскую, и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ... и за то, что стала намъ быть тягость великая», говорилось въ тамошней прокламаціи. Въ такой программѣ оказывалось слишкомъ мало—разинскаго элемента. Не обнаружили астраханскіе бунтовщики и достаточной ловкости, и достаточнаго знанія мѣстныхъ условій, которое могло бы зарекомендовать ихъ въ глазахъ казачества. Они, правда, не даромъ говорили, что такое «великое дѣло не просто начали». Дѣйствительно, за ними стоялъ цѣлый съѣздъ представителей недовольныхъ изъ разныхъ мѣстностей: «со многихъ городовъ люди». Но эти «многіе города» внутренней Россіи ничѣмъ не могли помочь возстанію, кромѣ идейнаго сочувствія; а о привлеченіи мѣстныхъ, всегда готовыхъ волноваться элементовъ—организаторы подумали слишкомъ поздно и сдѣлали это дѣло неумѣло. Выборный вождь движенія, ярославскій раскольникъ Носовъ, повидимому, принадлежалъ къ типу людей, лучше умѣвшихъ «умирать» за вѣру, по его собственному выраженію, чѣмъ за нее бороться. Это были, словомъ, на Волгѣ не свои люди: вотъ почему имъ и не удалось сплотить около себя низовой вольницы.

Главные союзники, которыхъ особенно боялся Петръ и на которыхъ особенно разсчитывали какъ московскіе, такъ и астраханскіе стрѣльцы,—это были донскіе казаки. Посланное имъ, слишкомъ оффиціально, прямо въ Черкасскъ, приглашеніе—было оффиціально и отклонено. Донцы остались равнодушны къ главной, націоналистической сторонѣ астраханской программы, на томъ основаніи, что «къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платьѣ указу не прислано». Это не помѣшало донской

«голутьбѣ» два года спустя возстать самостоятельно (подъ предводительствомъ Булавина), выставивъ поводомъ, между прочимъ, и «еллинскую вѣру», въ которую «вводятъ» добрыхъ людей. Самая эта формулировка *) показывала, что Донъ, въ свою очередь, болѣе чѣмъ когда-либо остается чуждъ религіозно-національному протесту. Булавинская прокламація приглашала «атамановъ-молодцовъ, дорожныхъ охотниковъ, воровъ и разбойниковъ» — «съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить». Очевидно, Носовъ и Булавинъ говорили на разныхъ языкахъ. Итакъ, всѣ наличныя силы, на которыя могъ бы опереться соединенный соціально-религіозно-націоналистическій протестъ, были пущены въ дѣло и разбиты по одиночкѣ. Безполезно обсуждать, каковы были бы шансы на успѣхъ въ случаѣ комбинированнаго дѣйствія, но для насъ важно отмѣтить, что соглашеніе не могло состояться, помимо случайности и стихійности дѣйствій, также и потому, что и чувства, и взгляды, и задачи разныхъ входившихъ въ соглашеніе элементовъ были черезчуръ различны между собою.

Наши наблюденія надъ оппозиціонными элементами Петровской эпохи были бы, однако, неполны, если бы мы, помимо народной оппозиціи, не упомянули еще и объ оппозиціи интеллигентной, сосредоточивавшейся въ высшемъ общественномъ слоѣ. Это были остатки титулованной русской аристократіи, «родословные люди». Нѣкоторые изъ нихъ, какъ кн. Дм. Мих. Голицынъ и кн. Б. Куракинъ, были передовыми людьми своего времени, гораздо болѣе образованными, чѣмъ самъ Петръ, поневолѣ пользовавшійся ихъ услугами. Но Петръ не пускалъ ихъ на первыя мѣста и распространялъ на нихъ то недовѣріе, съ которымъ вообще относился, какъ мы знаемъ, къ боярству. Въ свою очередь, и они съ презрѣніемъ смотрѣли на плебейскіе вкусы и привычки царя, были шокированы его семейными отношеніями и не признавали его второго брака, негодовали на выборъ сотрудниковъ, какъ Меншиковъ, невѣжественныхъ и надменныхъ, которымъ тѣмъ не менѣе они принуждены были кланяться. Петровской безцеремонности и неуваженію къ чужому достоинству они старались противопоставить крайнюю сдержанность и осторожность, по возможности устраняясь отъ его оргій и предпочитая постоянному лицезрѣнію царя—службу въ провинціи, въ арміи, за-границей или просто житье у себя дома. «Что вы дома дѣлаете»?—спрашивалъ ихъ Петръ, «я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть?»—«Какъ не найти дѣла дома», возражали они, думая про себя: «у тебя все готово, ты нашихъ нуждъ не знаешь». Для Петра—это было только оправданіемъ своего отношенія къ этимъ «боль-

*) Можетъ быть, она вызвана жалобами астраханцевъ, что ихъ заставляютъ кланяться «болваннымъ кумирскимъ богамъ», подъ которыми они разумѣли подставки для париковъ, найденные въ домахъ служилыхъ людей: характерный провинціализмъ, уцѣлѣвшій отъ временъ Олеарія.

шимъ бородамъ, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются».

Царевичъ Алексѣй былъ тѣмъ идейнымъ центромъ, въ которомъ соединялась народная оппозиція съ аристократической. «Мнѣ только здорова была бы чернь», говорилъ онъ, и въ то же время насчитывалъ въ числѣ своихъ друзей всѣхъ этихъ Долгорукихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ и т. д. «Отецъ твой хотя и уменъ», говорили они ему, «но только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше». При случаѣ они не прочь были бы выступить впередъ, и, можетъ быть, даже дать народному протесту ту организацію, которой ему больше всего недоставало. Но случая не представлялось, а царевичъ менѣе всего былъ способенъ самъ создать такой случай, — и титулованная аристократія таила въ душѣ свою оппозицію, въ ожиданіи лучшихъ дней. «Кабы царица не смягчала государева жестокаго нрава, намъ бы было жить нельзя: я бы первый измѣнилъ», шепталъ царевичу кн. Вас. Влад. Долгорукій—и принималъ на себя потомъ очень двусмысленную роль, какъ посредникъ между отцомъ и сыномъ. «Пожалуйста, меня не оставь», говоритъ царевичъ въ Сенатѣ другому своему «другу», кн. Якову Ѳед. Долгорукому, передъ бѣгствомъ заграницу. «Всегда радъ,—отвѣчаетъ князь Яковъ,—только больше не говори со мной: другіе на насъ смотрятъ». И при возвращеніи Алексѣя, князь, въ числѣ другихъ сенаторовъ, подписываетъ свое имя подъ смертнымъ приговоромъ царевичу и присутствуетъ при его предсмертной пыткѣ въ крѣпости, довольный хоть тѣмъ, что удалось спасти отъ пытки и казни сородича—князя Василья.

Аристократическая оппозиція принуждена была ограничиться разговорами по секрету. Но въ этихъ разговорахъ реформа Петра подвергалась безпощадной критикѣ и намѣчался планъ дѣйствій въ будущемъ. Царевичъ Алексѣй просто резюмировалъ всѣ эти разговоры, когда излагалъ свою программу своей возлюбленной, Афросиньѣ. «Я старыхъ всѣхъ (сотрудниковъ) переведу и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ; буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ; кораблей держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу: буду довольствоваться старымъ владѣньемъ». Итакъ, новая программа, принимая въ общемъ реформу, отрицательно относится къ тремъ пунктамъ ея, для Петра, конечно, самымъ важнымъ: къ арміи, флоту и Петербургу. По счастью, мы знаемъ не только эти выводы, но и самыя разсужденія, на которыхъ они основывались: двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Фокеродтъ изложилъ эти разсужденія, частью отъ лица оппозиціи, частью отъ своего собственнаго лица, — когда былъ съ ними согласенъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что именно въ этомъ кругу, о которомъ мы теперь говоримъ, Фокеродтъ слышалъ эти «интимныя, конфиденціальныя» бесѣды изъ устъ лицъ, слагавшихъ Петру при «публичныхъ разговорахъ»—«пышные панегирики».

Недовольство непрерывными войнами, безсрочной военной службой и введеніемъ постоянной регулярной арміи заставило націоналистическую оппозицію формулировать свой собственный взглядъ на задачи иностранной политики.—Прежніе государи, —говорила недовольная знать,—тоже дѣлали завоеванія, но присоединяли лишь такія земли, которыя были необходимы государству или откуда насъ безпокоили разбойничьи набѣги. Напротивъ, пріобрѣтенія Петра ничего не прибавляютъ къ нашей безопасности, а могутъ только вовлечь насъ, безъ всякой пользы для Россіи, въ чуждые намъ взаимные счеты и споры иностранныхъ державъ. Прежнія завоеванія были ужъ настоящими завоеваніями, изъ которыхъ и государство, и служилые люди извлекали всевозможныя выгоды; а петровскія завоеванія требуютъ только заботъ и расходовъ. Не только дворянство не получило отъ нихъ никакихъ выгодъ и имѣній, а напротивъ, «лифляндцы у насъ чуть не на головахъ нашихъ танцуютъ, имѣютъ больше привилегій, чѣмъ мы сами: намъ только остается честь—защищать своею кровью и охранять на свой счетъ чужую націю». Наше государство такъ велико, что расширять его нѣтъ надобности; нужно только заселить его погуще. На насъ никто не нападаетъ, да и географическое положеніе Россіи таково, что чужеземное вторженіе ей не страшно. Въ случаѣ вторженія—страна, конечно, напряжетъ всѣ усилія для защиты, какъ это и было въ смутное время; но никакой, даже самый жестокій непріятель, хотя бы онъ опустошилъ все государство, не могъ бы причинить намъ и половины вреда, какой приноситъ постоянная армія. Такимъ образомъ, настоящая національная политика должна состоять въ томъ, чтобы сидѣть смирно, въ чужія дѣла не мѣшаться и ни на кого не нападать. Для обороны же достаточно и старой военной организаціи; а милліоны людей, которыхъ стоила шведская война и построеніе Петербурга, умнѣе было бы оставить дома, за сохой, гдѣ недостатокъ ихъ слишкомъ тяжело чувствуется.

Еще нелѣпѣе въ такой странѣ, какъ Россія,—стремиться играть роль морской державы. Для обороны границъ флотъ не нуженъ, такъ какъ единственная страна, которая могла бы высадить свои войска съ моря, Швеція, всегда предпочтетъ сдѣлать это съ суши; а высаженный моремъ дессантъ необходимо окажется отрѣзаннымъ, какъ только берега покроются льдомъ. Для нападенія же флотъ безполезенъ, такъ какъ шведскіе берега защищены скалами, а прусскіе—дюнами; нападать же на Данію нѣтъ ни разсчета, ни возможности, такъ какъ за нее вступятся другія морскія державы. Не нуженъ флотъ и для торговыхъ цѣлей, такъ какъ вся русская торговля совершается на чужихъ корабляхъ. Такимъ образомъ, и потраченныя на флотъ невѣроятныя суммы денегъ лучше было бы оставить въ карманѣ подданныхъ.

Наконецъ, и перенесеніе резиденціи въ сѣверную столицу болѣе вредно, чѣмъ полезно. Не говоря уже о томъ, что и судъ, и финансы

и все вообще внутреннее управленіе, переполненное ворами и взяточниками, гораздо легче было бы контролировать изъ такого центральнаго пункта, какъ Москва,—и для внѣшней политики переселеніемъ въ Петербургъ выигрывается немногое. Правда, Швеція ближе изъ Петербурга, но ужъ черезчуръ, такъ какъ при малѣйшей оплошности новая столица рискуетъ сдѣлаться жертвой шведскаго нападенія. Напротивъ, къ Польшѣ и Турціи, за которыми, конечно, важнѣе наблюдать, чѣмъ за Швеціей—Москва ближе Петербурга; а ко всѣмъ остальнымъ державамъ разстояніе одинаково, такъ какъ и Москва, и Петербургъ одинаково удалены отъ Риги, «составляющей дверь, черезъ которую теперь проходитъ въ Россію все, что идетъ изъ Европы». Наконецъ, и торговля не можетъ извлечь никакой выгоды изъ пребыванія двора въ Петербургѣ, такъ какъ потребленіе двора составляетъ самую ничтожную часть торговаго оборота; главный предметъ его—громоздкое вывозное сырье, особенно нуждающееся въ дешевизнѣ расходовъ на перевозку, а при высокихъ петербургскихъ цѣнахъ, вызываемыхъ именно присутствіемъ двора, эти расходы ложатся на товары очень тяжело: слѣдовательно, дворъ лишаетъ торговлю и тѣхъ выгодъ, которыя могло бы дать ей мѣстоположеніе Петербурга.

Вотъ систематизированное, можетъ быть нѣсколько заднимъ числомъ, изложеніе аргументовъ, какіе могли имѣть противъ реформы Петра государственные люди тип кн. Д. М. Голицына. Въ этомъ націоналистическомъ взглядѣ особенно бросается въ глаза одна черта, которая, на первый взглядъ, какъ будто противорѣчитъ націоналистическому характеру программы: это, именно, требованіе разоруженія и мирной политики. Мы привыкли, наоборотъ, завоевательную политику считать необходимой составной частью національной программы. Сюда, несомнѣнно, подходитъ и завоевательная политика Петра: недаромъ и противъ Турціи, и противъ Швеціи онъ выдвигалъ русскіе «завѣты исторіи». Въ этомъ соединеніи національно-завоевательной политики съ оффиціальной побѣдой критическихъ элементовъ мы усматриваемъ даже самую характерную черту переходнаго XVIII вѣка (см. введеніе). Несомнѣнно, въ реформѣ Петра критическіе элементы составляли лишь средство, а цѣль была вполнѣ націоналистическая. Если такъ, то какой же смыслъ имѣетъ противопоставленіе этой, по существу своему націолистической, политикѣ,—какой-то другой, совершенно обратной политики въ націоналистической программѣ? Ужъ не помѣнялись ли мѣстами націонализмъ и критика?

Въ дѣйствительности, здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Достаточно обратить вниманіе на то, какъ—совершенно по-ассирійски или, что то же, по старо-московски—смотритъ націоналистическая оппозиція на задачи всякаго завоеванія вообще; какъ непонятенъ ей, съ этой точки зрѣнія, характеръ подчиненія Лифляндіи и сохраненіе ея привилегій,—чтобы убѣдиться, что взглядъ оппозиціи на внѣшнюю поли-

тику безусловно націоналистическій. Онъ не исключаетъ ни дальнѣйшихъ «необходимыхъ пріобрѣтеній» отъ Польши, ни новыхъ завоеваній, «обезпечивающихъ отъ набѣговъ»—со стороны Турціи. Онъ просто только считаетъ эти старыя цѣли московской политики достижимыми и при помощи старыхъ средствъ. Расширять же сферу дипломатическихъ отношеній Россіи онъ, очевидно, боится, чтобы не сдѣлать Россію орудіемъ въ чужихъ рукахъ безъ всякой для нея пользы. Конечно, и увлеченіе Петра «безплодной Ингерманландіей» и его любезности передъ остзейцами—онъ считаетъ отклоненіемъ отъ нормальнаго хода русской политики.

Однако же, и помимо этихъ спокойныхъ, логическихъ государственныхъ соображеній, есть еще причины, побуждающія старую аристократію держаться подальше отъ Швеціи, поближе къ Польшѣ и Турціи, и мечтать о возвращеніи къ военному устройству XVII вѣка. Это—классовые интересы ея и вообще русскаго дворянства, существенно затронутые новыми порядками. «Когда (этой знати) приводятъ въ примѣръ дворянство европейскихъ странъ, считающее величайшей честью военныя заслуги,—говоритъ Фокеродтъ,—она обыкновенно отвѣчаетъ: это только доказываетъ, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ умныхъ людей. Умный человѣкъ не станетъ подвергать опасности здоровье и жизнь,—развѣ только изъ нужды, за жалованье. Но русскій дворянинъ съ голоду не умретъ, если только позволятъ ему жить дома и заниматься хозяйствомъ. Даже тому, кто самъ за сохой ходитъ, все-таки лучше, чѣмъ солдату. А человѣкъ мало-мальски со средствами можетъ себѣ всякое удовольствіе позволить: ѣды и питья, платья, прислуги у него въ изобиліи; можетъ онъ, сколько душа захочетъ, и развлекаться охотой и другими забавами предковъ. Нѣтъ у него, конечно, костюмовъ съ серебромъ и золотомъ, нѣтъ великолѣпныхъ каретъ, дорогой мебели, не пьетъ онъ тонкаго вина, не лакомится чужеземными приправами, но за то вѣдь онъ ни о чемъ этомъ и не знаетъ—и уже потому не можетъ чувствовать себя лишеннымъ этого: онъ довольствуется своимъ домашнимъ питьемъ и ѣдой и чувствуетъ себя лучше, чѣмъ любой иностранецъ съ его пресловутой bonne chère. Что же можетъ заставить уйти отъ этого покоя и удобства, подвергаться тысячѣ опасностей и трудностей, чтобы добиться какого-то чина»? Таково настроеніе россійскаго «шляхетства», неволей «выволоченнаго» Петромъ изъ насиженныхъ дѣдовскихъ гнѣздъ на солдатскую службу. Естественно, что его досадѣ нѣтъ границъ. «Изъ-за какого-то честолюбія государя, а то такъ и министра, сосутъ кровь у его крестьянъ, заставляютъ лично служить, да не такъ, какъ прежде—пока длится война,—а много лѣтъ подрядъ, вдалекѣ отъ дома и семьи; приходится влѣзать въ долги, а имѣнье отдавать въ воровскія руки приказчика, который такъ его обчиститъ, что если и посчастливится по старости или по болѣзни получить отставку, такъ и то не

приведешь хозяйства въ порядокъ до самой смерти». Таково то настроеніе, при которомъ создаются націоналистическія мечты о возвращеніи къ старымъ порядкамъ. Таковы же и тѣ чувства, которыя лежатъ въ основѣ ненависти русской знати къ Петербургу. «Потребности русскаго дворянина»,—замѣчаетъ Фокеродтъ—заключаются не въ дорогихъ костюмахъ и мебели, не въ гастрономическомъ обѣдѣ и иностранныхъ винахъ, а въ обиліи пищи и питья мѣстнаго происхожденія, въ многочисленной дворнѣ и въ лошадяхъ. Все это въ Москвѣ онъ имѣетъ даромъ или за очень дешевую цѣну. Провизію для него и для дворни, сѣно и овесъ для лошадей привозятъ ему, по близости, изъ своихъ же деревень въ изобиліи; продавать ихъ все-равно некуда; все и идетъ въ свое же хозяйство. Напротивъ, въ Петербургѣ, окрестности котораго безплодны, ему приходится везти провизію и кормъ издалека; лошади падаютъ въ дорогѣ, обозъ стоитъ, мужики разбѣгаются; или же приходится все покупать на чистыя деньги, по страшно высокимъ цѣнамъ,—что, при русскомъ хозяйствѣ, приносящемъ доходъ больше натурой, чѣмъ деньгами, чрезвычайно отяготительно».

Итакъ, вотъ что особенно непріятно въ реформѣ для русской знати и дворянства: разореніе хозяйства, подрывъ экономическаго благосостоянія. Изъ всѣхъ мотивовъ недовольства—этотъ окажется самымъ сильнымъ и прочнымъ. Русскій дворянинъ охотно примирится съ самымъ пышнымъ расцвѣтомъ націоналистической внѣшней политики, — который еще впереди; онъ еще скорѣе и охотнѣе войдетъ во вкусъ европейскихъ модъ и житейскаго комфорта. Но къ чему его никогда не удастся пріучить и противъ чего онъ всегда останется въ оппозиціи,—это европейское чувство «военной чести», воспитавшее сословный духъ европейскаго дворянства. Очень скоро послѣ Петра онъ почувствуетъ свою корпоративную силу; но онъ воспользуется ею только для того, чтобы какъ можно скорѣе развязаться съ почетной повинностью военной службы и вернуться назадъ, «домой», къ себѣ въ деревню. Изъ всѣхъ оппозиціонныхъ стремленій петровскаго времени — это будетъ единственное, которое найдетъ твердую точку опоры въ собственной сословной силѣ и которое осуществится, благодаря этому, *вопреки* волѣ правительства.

Кромѣ общихъ сочиненій о царствованіи Петра В.—Устрялова, Соловьева, Брикнера, см. новѣйшую сводную работу *K. Waliszewski*, «Pierre la Grand» Paris 1897 г.: авторъ удачно популяризируетъ и обставляетъ фактическими доказательствами тотъ взглядъ на Петра, который начинаетъ въ послѣднее время устанавливаться въ русской литературѣ. Дневникъ Корба переведенъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др., 1866, IV; 1867, I и III. Записки Юста Юля—тамъ же, 1899, II—IV. Мемуары кн. Б. Куракина въ Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина, т. I., Спб. 1890. Дневникъ каммеръ-юнкера Берхгольца, т. I—IV, М. 1857—63 г. Записка Фокеродта издана Herrmann'омъ: «Russland unter Peter dem Grossen», Lpz., 1872; русск. перев. въ Чтеніяхъ О. И. и Др. 1874 г., II. Для характеристики религіозной и соціальной оппозиціи, кромѣ Соловьева и сочиненій, указ. въ «Очеркахъ», т. II, въ отдѣлѣ о расколѣ, см. еще: *П. С. Смирнова*, «Внутренніе вопросы въ р. расколѣ въ XVII в.» Спб. 1898 г. *В. Г. Дружинина*, «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.». Спб. 1889 г.

ФРАУ БЕРТА ГАРЛАНЪ.

Романъ Артура Шницлера.

Переводъ съ нѣмецкаго Л. Гуревичъ.

Медленно спускалась она съ холма—не по широкой проѣзжей дорогѣ, которая бѣжала къ городу вольными изгибами, а по узенькой тропинкѣ, между виноградниками. Ея маленькій сынишка, котораго она придерживала за руку, шелъ немножко впереди, потому что итти рядомъ было тѣсно. Послѣполуденное солнце свѣтило ей прямо въ глаза и было еще такъ ослѣпительно, что Берта должна была нѣсколько надвинуть на лобъ свою темную соломенную шляпу и опустить глаза. По склонамъ холма, къ которому прилегалъ маленькій городокъ, стлался какой-то золотистый туманъ, крыши внизу блестѣли, и рѣка извивавшаяся по равнинѣ за городомъ, сверкая, уходила вдаль. Воздухъ былъ неподвиженъ, и до вечерней прохлады было еще далеко.

Берта на минуту остановилась и посмотрѣла вокругъ. Она была совершенно одна со своимъ мальчуганомъ, и кругомъ нея царила удивительная тишина. И тамъ, на кладбищѣ, она никого не встрѣтила сегодня,—даже той старушки, которая обыкновенно поливала цвѣты и заботилась о поддержаніи могильныхъ украшеній и съ которой она иногда болтала. Бертѣ казалось, будто она уже такъ давно ушла изъ дому и такъ долго ни съ кѣмъ не говорила. Часы на колокольнѣ только что пробили шесть. Всего какой-нибудь часъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ она вышла, и еще менѣе съ тѣхъ поръ, какъ она разговаривала на улицѣ съ хорошенькой фрау Рупіусъ. Но и нѣсколько минутъ, протекшихъ съ того времени, какъ она стояла у могилы мужа, казались ей уже далекими.

— Мама!—раздался вдругъ голосъ ея мальчика. Онъ освободился отъ ея руки и убѣжалъ впередъ.—Мама! я могу итти скорѣе, чѣмъ ты!

— Погоди же, Фрицъ!—отозвалась Берта.—Развѣ ты хочешь оставить свою маму одну?

Она догнала его и опять взяла за руку.

— Мы домой идемъ?—спросилъ мальчикъ.

— Да, Фрицъ. Мы сядемъ у открытаго окна и будемъ сидѣть, пока не стемнѣетъ.

Скоро они достигли подножія холма и шли теперь подъ тѣнистыми каштанами, вдоль пыльной Рейхсштрассе. Здѣсь тоже было немного народу. Нѣсколько нагруженныхъ возовъ проѣхали по мостовой имъ навстрѣчу; возчики шагали рядомъ, съ кнутомъ въ рукѣ; два велосипедиста прокатили изъ города и умчались вдаль, оставляя за собою легкія облачка пыли. Берта невольно остановилась и смотрѣла имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ виду.

Между тѣмъ, мальчуганъ вскарабкался на скамейку.

— Смотри, мама, какую я штуку сдѣлаю!—воскликнулъ онъ, собираясь спрыгнуть.

Мать схватила его за обѣ руки и осторожно сняла со скамейки. Потомъ она сѣла.

— Ты устала?—спросилъ онъ.

— Да,—сказала она, и сама удивилась этому, потому что теперь только вдругъ почувствовала, что духота, стоявшая въ воздухѣ, склоняла ее ко сну. Насколько ей помнилось, никогда еще не бывало такихъ жаркихъ дней въ серединѣ мая.

Со скамейки, гдѣ она сидѣла, можно было прослѣдить глазами всю дорожку, по которой она только что шла и которая поднималась между залитыми солнцемъ виноградниками до свѣтлой, сверкающей стѣны кладбища. Это была прогулка, которую она совершала два или три раза въ недѣлю. Давно уже эта дорожка утратила для нея какое-либо другое значеніе. Когда она бродила тамъ, на горѣ, по заботливо разсыпанному гравію, между крестовъ и каменныхъ плитъ, и произносила на могилѣ своего мужа тихую молитву или клала на нее нѣсколько полевыхъ цвѣтовъ, сорванныхъ по дорогѣ, она уже не ощущала ни малѣйшей душевной боли. Правда, уже три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ она похоронила его,—ровно столько же, сколько она прожила съ нимъ.

Глаза ея закрылись. Ей вспомнилось, какъ она пріѣхала въ этотъ городъ черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, которая происходила въ Вѣнѣ. Они совершили маленькое путешествіе,—какъ разъ такое, какое могъ себѣ разрѣшить человѣкъ съ весьма скромными средствами, взявшій жену безъ всякаго приданаго. Они отплыли изъ Вѣны—внизъ по теченію—на пароходѣ и провели нѣсколько дней въ маленькомъ мѣстечкѣ въ Вахау, неподалеку отъ своего будущаго мѣста жительства. Берта еще ясно помнила маленькую гостиницу, въ которой они остановились, садикъ на берегу рѣки, въ которомъ они обыкновенно сидѣли послѣ захода солнца, и эти спокойные, немножко скучные вечера, столь не похожіе на вечера новобрачныхъ, какими они представлялись ей, когда она была совсѣмъ молоденькой дѣвушкой. Конечно, она должна была рѣшиться на это.

Ей было двадцать шесть лѣтъ, и она осталась совершенно одинокой, когда Викторъ-Матіасъ Гарлонъ сдѣлалъ ей предложеніе. Родители ея только что умерли. Одинъ изъ ея братьевъ уже давно уѣхалъ въ Америку, чтобы попытать тамъ счастья въ торговыхъ дѣлахъ; младшій состоялъ въ театрѣ, женился на актрисѣ и игралъ комическія роли на третьестепенныхъ нѣмецкихъ сценахъ. Съ родственниками у нея не было почти никакихъ сношеній; она бывала только въ домѣ одной кузины, вышедшей замужъ за адвоката. Но и эта дружба съ теченіемъ времени остывала, потому что молодая женщина всецѣло предалась мужу и дѣтямъ и не могла уже особенно интересоваться своею незамужнею подругою.

Господинъ Гарланъ былъ дальній родственникъ покойной матери Берты; въ прежніе годы онъ часто бывалъ въ ихъ домѣ и нѣсколько неуклюже ухаживалъ за молодой дѣвушкой. Тогда Берта не имѣла никакихъ основаній поощрять его къ этому: жизнь и счастье рисовались ей въ совершенно другихъ образахъ. Она была молода и красива, состояніе ея родителей было достаточнымъ, если и не особенно большимъ, и надежда вступить въ свѣтъ великой піанисткой, быть можетъ, женою какого-нибудь артиста, улыбалась ей болѣе, чѣмъ скромное существованіе въ обычной мирной семьѣ. Но эта надежда скоро поблекла, ибо въ одинъ прекрасный день отецъ ея, подъ наплывомъ разныхъ соображеній, свойственныхъ доброму бюргеру, запретилъ ей дальнѣйшее посѣщеніе консерваторіи, а вмѣстѣ съ этимъ разсѣялись и всѣ ея виды на артистическую карьеру, и прекратились ея сношенія съ молодымъ, прославившимся съ тѣхъ поръ скрипачомъ. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ прошли какъ-то особенно глухо; сначала она испытывала что-то вродѣ разочарованія или боли, но это довольно скоро прошло. Потомъ появились на горизонтѣ два искателя ея руки: молодой врачъ и купецъ, но она обоимъ отказала, врачу—потому, что онъ былъ слишкомъ некрасивъ, купцу—потому, что онъ жилъ въ провинціальномъ городѣ. Родители ея также не слишкомъ настаивали на этомъ. Но когда Бертѣ исполнилось двадцать шесть лѣтъ и отецъ ея, вслѣдствіе чьего-то банкротства, потерялъ все свое состояніе, ей пришлось выслушивать запоздалые упреки и за все то, что сама она уже начинала предавать забвенію: за ея прежніе артистическіе планы, за давно прошедшую исторію съ скрипачомъ, изъ которой не могло выйти никакого толку, за ея высокомѣрное поведеніе съ безобразнымъ врачомъ и съ купцомъ изъ провинціи. Въ это время Викторъ-Матіасъ Гарланъ не жилъ больше въ Вѣнѣ: за два года до того страховое общество, въ которомъ онъ служилъ съ двадцатилѣтняго возраста, назначило его, согласно его собственному желанію, завѣдующимъ вновь открытаго филіальнаго отдѣленія въ одномъ маленькомъ городкѣ на Дунаѣ, гдѣ проживалъ, занимаясь винной торговлею, его женатый братъ. Прощаясь съ семьею Берты, онъ замѣтилъ,—въ довольно длинномъ разговорѣ,

который произвелъ на Берту нѣкоторое впечатлѣніе,—что особенно хлопоталъ о своемъ перемѣщеніи въ маленькій городокъ потому, что чувствовалъ приближеніе старости, не разсчитывалъ болѣе на женитьбу, а между тѣмъ имѣлъ потребность въ уютномъ уголкѣ среди близкихъ ему людей. Родители подшучивали тогда надъ этими его соображеніями, которыя казались черезчуръ меланхолическими, потому что ему было едва сорокъ лѣтъ. Но Берта нашла ихъ вполнѣ разумными, потому что ей онъ никогда не представлялся молодымъ. Въ теченіе слѣдующихъ нѣсколькихъ лѣтъ Викторъ-Матіасъ Гарланъ довольно часто бывалъ въ Вѣнѣ по своимъ дѣламъ и никогда не упускалъ случая посѣтить семейство Берты. Послѣ ужина Берта садилась обыкновенно за рояль; онъ слушалъ ея игру съ какимъ-то благоговѣніемъ, затѣмъ говорилъ о своемъ маленькомъ племянникѣ и о своей племянницѣ, которые были очень музыкальны и которымъ онъ часто разсказывалъ о фрейлейнъ Бертѣ, какъ о самой замѣчательной піанисткѣ, какую ему только когда-либо приходилось слышать. Все это казалось довольно знаменательнымъ, и мать не могла воздержаться отъ замѣчаній на тему о томъ, что со времени своего прежняго робкаго сватовства господинъ Гарланъ не рѣшался болѣе дѣлать никакихъ намековъ на прошедшее или на возможное будущее. Такимъ образомъ, ко всѣмъ упрекамъ, которые Бертѣ уже приходилось выслушивать раньше, присоединился еще одинъ—упрекъ въ излишнемъ равнодушіи и даже холодности, съ какою она встрѣчала Гарлана. Берта только покачивала головой, потому что и теперь она была еще далека отъ мысли о замужествѣ съ этимъ нѣсколько мѣшковатымъ, преждевременно старѣющимъ человѣкомъ. Послѣ внезапной смерти матери, которая совпала съ затянувшейся на много мѣсяцевъ болѣзнью отца, господинъ Гарланъ вновь появился въ Вѣнѣ, при чемъ сообщилъ, что онъ взялъ четырехнедѣльный отпускъ,—единственный, о какомъ онъ когда-либо хлопоталъ. Берта не могла не замѣтить, что онъ пріѣхалъ только для того, чтобы поддержать ее въ это тяжелое для нея время. А когда, черезъ недѣлю послѣ погребенія матери, скончался и ея отецъ, Гарланъ показалъ себя истинно вѣрнымъ другомъ и при этомъ обнаружилъ такую энергію, какой она въ немъ никогда не предполагала. Онъ вызвалъ на нѣсколько недѣль въ Вѣну свою невѣстку, чтобы помочь осиротѣвшей дѣвушкѣ и немножко развлечь ее, а самъ быстро и ловко привелъ въ порядокъ всѣ ея дѣла. Онъ проявилъ величайшую сердечность, которая была очень отрадна для Берты въ эти грустные дни, и, когда, по истеченіи своего отпуска, онъ спросилъ ее, согласна ли она быть его женой, она приняла его предложеніе съ чувствомъ глубочайшей благодарности. Она понимала, что въ противномъ случаѣ ей пришлось бы, можетъ быть, черезъ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ самой зарабатывать свой хлѣбъ уроками; къ тому же она научилась цѣнить Гарлана и такъ привыкла къ нему, что, когда онъ везъ ее къ вѣнцу и въ первый

разъ спросилъ ее въ каретѣ, любитъ ли его, она совершенно искренно отвѣтила ему: «да».

Конечно, въ первые же дни она сама поняла, что вовсе не любитъ его. Проявленія его нѣжности она принимала сначала съ какимъ-то недоумѣвающимъ разочарованіемъ, потомъ—съ полнымъ равнодушіемъ и только когда она почувствовала себя матерью—съ добрымъ желаніемъ отвѣчать на нихъ. Къ тихому существованію въ маленькомъ городѣ она привыкла очень скоро, тѣмъ болѣе, что и въ Вѣнѣ они жили весьма замкнуто. Въ семействѣ мужа она чувствовала себя вполнѣ хорошо; деверь казался ей человѣкомъ весьма любезнымъ и веселымъ, хотя порою и грубоватымъ; жена его была добродушна, порою склонна погрустить. Племянникъ—въ то время, когда Берта пріѣхала, ему было тринадцать лѣтъ—былъ красивенькій, смѣлый мальчикъ, а племянница, тихое девятилѣтнее дитя, съ большими удивленными глазами, съ самаго начала особенно полюбилась Бертѣ. Когда у Берты родился мальчикъ, дѣти привѣтствовали его, какъ желанную игрушку, и въ слѣдующіе за тѣмъ два года она чувствовала себя совершенно счастливою. Да, иногда она думала даже, что ея судьба не могла сложиться благопріятнѣе. Шумъ и суета большого города представлялись ей, въ воспоминаніи, чѣмъ-то непріятнымъ, даже опаснымъ, и когда она однажды поѣхала туда со своимъ мужемъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя покупки и, случилось, что день выдался дождливый, пасмурный, грязный, она дала себѣ слово никогда болѣе не предпринимать этого скучнаго и ненужнаго трехчасового путешествія.

Мужъ ея умеръ внезапно, въ одно весеннее утро, черезъ три года послѣ того, какъ онъ женился на ней. Потрясеніе ея было очень сильно. Она почувствовала, что никогда не предвидѣла такой возможности. Она осталась при самыхъ ограниченныхъ средствахъ. Но скоро невѣстка измыслила самый милый способъ оказать поддержку вдовѣ—такъ, чтобы это не имѣло вида милостыни. Она просила ее взять на себя дальнѣйшее музыкальное образованіе ея дѣтей и достала ей уроки въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ города. По какому-то безмолвному соглашенію всѣ вели себя такъ, какъ если бы она взяла эти уроки только для того, чтобы немножко разсѣяться, а платили ей потому, что не могли злоупотреблять ея трудомъ и временемъ. Того, что она такимъ образомъ зарабатывала, было совершенно достаточно, чтобы пополнить средства, нужныя для ея скромнаго существованія. Итакъ, когда утихла боль и разсѣялась печаль, вызванная смертью мужа, она вновь была вполнѣ довольна своей судьбой и даже весела. Прошедшая ея жизнь была не такова, чтобы она могла теперь ощущать какое-либо лишеніе по сравненію съ тѣмъ, что было. Въ своихъ размышленіяхъ о будущемъ она почти всецѣло была поглощена постепеннымъ развитіемъ своего мальчика, и лишь изрѣдка мелькала въ ея сознаніи мысль о возможности новаго брака, — всегда лишь мимолетно, ибо она еще не

встрѣчала ни одного человѣка на которомъ она могла бы серьезно остановить свое вниманіе. Тревога юношескихъ мечтаній, шевелившаяся въ ней иногда въ утренніе часы, при пробужденіи, въ регулярномъ теченіи дня всегда успокаивалась. Только съ наступленія этой весны она чувствовала себя не столь спокойной, какъ до этого; она спала уже не прежнимъ безмятежнымъ, безгрёзнымъ сномъ; иногда на нее нападало ощущеніе скуки, которой она никогда не знала раньше. Но всего страннѣе была эта внезапная усталость, которая охватывала ее порою въ свѣтлые дни; тогда ей казалось, что она могла бы прослѣдить циркуляцію крови во всемъ своемъ тѣлѣ, и это вызывало у нея какое-то воспоминаніе о самыхъ раннихъ дняхъ ея дѣвичества. Сначала это чувство, во всей его отчетливости, было для нея такъ непривычно, что ей казалось, будто ей только разсказывали о немъ ея подруги. Но когда оно стало повторяться чаще, она не могла не сознать, что сама когда-то испытала его.

Она вздрогнула, какъ если бы вдругъ пробудилась отъ сна, и открыла глаза. Воздухъ казался ей дрожащимъ. Улица была уже наполовину въ тѣни, кладбищенская стѣна тамъ, на вершинѣ холма, уже не сверкала. Берта нѣсколько разъ встряхнула головою, словно для того, чтобы окончательно отогнать сонъ. Ей казалось, будто прошелъ уже цѣлый день, цѣлая ночь, съ тѣхъ поръ какъ она сѣла на эту скамейку. Какъ это случилось, что время пробѣжало такъ незамѣтно? Она оглядѣлась вокругъ. Гдѣ же ея мальчикъ? Онъ игралъ тамъ, за ея спиною, съ дѣтьми доктора Фридриха; нянька сидѣла около нихъ на землѣ, помогая имъ строить изъ песку какую-то крѣпость. Аллея была теперь оживленнѣе чѣмъ прежде. Берта знала почти всѣхъ этихъ людей: каждый день видѣла она одни и тѣ же лица. Но съ большинствомъ изъ нихъ она разговаривала такъ рѣдко, что они проходили мимо нея какъ тѣни. Вотъ прошелъ шорный мастеръ Петерсъ Новакъ съ женою; проѣхалъ на своей маленькой тележкѣ докторъ Реллингеръ, отвѣсившій ей поклонъ; тамъ прошли двѣ дочери домовладѣльца Ванделейна, и медленно покатилъ на двойномъ велосипедѣ лейтенантъ Байеръ со своею невѣстой, направляясь за городъ. Потомъ, на короткое время, движеніе совершенно замерло, и Берта слышала только смѣхъ дѣтей за своею спиною. Но вотъ опять по направленію изъ города медленно приближается человѣческая фигура, которую она узнала уже издали. Это господинъ Клингеманнъ, который за послѣднее время заговаривалъ съ нею чаще прежняго. Двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ переселился въ этотъ маленькій городокъ изъ Вѣны; говорили, что прежде онъ былъ врачомъ, но вслѣдствіе какой-то профессіональной ошибки или какого-то другого, еще болѣе отвѣтственнаго проступка долженъ былъ прекратить свою практику. Другіе утверждали, что онъ вовсе даже не достигъ степени доктора, а просто былъ старымъ студентомъ и бросилъ университетскія занятія, не доведя ихъ до конца.

Самъ онъ выдавалъ себя за философа, который, насладившись до пресыщенія столичною жизнью, почувствовалъ къ ней отвращеніе и потому переѣхалъ въ маленькій городокъ, гдѣ онъ могъ вполнѣ прилично существовать на остатки своего состоянія. Ему было всего какихъ-нибудь сорокъ пять лѣтъ, порою онъ казался еще довольно моложавымъ, но обыкновенно имѣлъ какой-то истасканный и непріятный видъ. Онъ уже издали сталъ улыбаться молодой вдовѣ, хотя не ускорялъ шаговъ, и, наконецъ, остановился передъ нею съ насмѣшливымъ кивкомъ головы, который составлялъ его обычное привѣтствіе людямъ.

— Добрый вечеръ, прелестная женщина!—сказалъ онъ.

Она отвѣтила ему поклономъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ обнаруживалъ какія-то претензіи на молодость и элегантность. Онъ былъ словно затянутъ въ темно-сѣрый сюртукъ; на головѣ у него была коричневая соломенная шляпа съ узкими полями и черной ленточкой; при этомъ онъ надѣлъ маленькій красный галстучекъ, который сидѣлъ чуть-чуть криво. Немного помолчавъ и потеребивъ свои слегка посѣдѣвшіе, бѣлокурые усы, онъ произнесъ:

— Оттуда, вѣроятно, изволите направляться, сударыня?—Не поворачивая ни головы, ни глазъ, онъ нѣсколько презрительно указалъ одною рукою, черезъ плечо, назадъ, въ сторону кладбища.

Господинъ Клингеманнъ слылъ во всемъ городѣ за человѣка, для котораго нѣтъ ничего святого; и теперь, когда онъ стоялъ передъ нею, ей невольно вспомнилось все, что о немъ разсказывали. Извѣстно было, что онъ состоялъ въ связи съ своей кухаркой, которую онъ, впрочемъ, называлъ «хозяйкой», и въ то же самое время имѣлъ другую связь—съ продавщицей изъ табачнаго магазина, которая измѣнила ему съ капитаномъ стоявшаго въ городѣ полка, о чемъ онъ самъ разсказывалъ Бертѣ съ какою-то скорбною гордостью; кромѣ того, въ городѣ было нѣсколько зрѣлыхъ дѣвицъ, которыя не могли скрыть извѣстнаго интереса къ его особѣ. Когда ему намекали на это, онъ отвѣчалъ обыкновенно насмѣшливыми замѣчаніями касательно брачнаго института, чего нѣкоторые не могли простить ему, но что въ общемъ только увеличивало почтеніе, которое онъ внушалъ къ себѣ.

— Я сдѣлала маленькую прогулку,—сказала Берта.

— Въ одиночествѣ?

— О, нѣтъ, съ моимъ мальчикомъ.

— Да, вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ здѣсь! Ну, благослови тебя Богъ, маленькій смертный! — Говоря это, онъ устремилъ взоръ въ ту сторону, гдѣ игралъ мальчикъ, нѣсколько выше его головы.—Позволите присѣсть рядомъ съ вами на минутку, фрау Берта?—онъ произнесъ ея имя съ какою-то насмѣшливостью въ голосѣ и, не дожидаясь ея отвѣта, подсѣлъ къ ней.—Я слышалъ сегодня утромъ, какъ вы играли на роялѣ,—продолжалъ онъ.—И знаете, какое я вынесъ впечатлѣніе? Что музыка должна замѣнять для васъ все!—Онъ повто-

рилъ:—Все!—и такъ посмотрѣлъ на нее, что она покраснѣла. Потомъ онъ продолжалъ:—Какъ жаль, что я такъ рѣдко имѣю возможность слышать васъ! Если я не прохожу случайно мимо вашего открытаго окна, какъ разъ въ то время, когда вы играете...

Берта замѣтила, что онъ придвигался къ ней все ближе и что рука его уже касается ея руки. Она невольно отодвинулась. Вдругъ она почувствовала, что чьи-то руки обхватили ее сзади, отклонивъ ея голову на спинку скамьи и закрывъ ей глаза. На одно мгновеніе ей почудилось, что на вѣкахъ ея лежитъ рука Клингеманна и она закричала:

— Да вы съ ума сошли!

Въ отвѣтъ раздался смѣющійся голосъ мальчика:

— До чего это забавно, тетя Берта, когда ты говоришь «вы»!

— Дай же мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть глаза-то открыть, Рихардъ,— проговорила Берта, пытаясь отнять отъ глазъ его руки; потомъ она обернулась и спросила:

— Ты изъ дому?

— Да, тетя. И газету для тебя захватилъ.

Берта взяла газету у него изъ рукъ и стала пробѣгать ее. Между тѣмъ, Клингеманнъ всталъ и обратился къ Рихарду:

— Ну что, приготовили уже свои уроки?—спросилъ онъ.

— У насъ больше нѣтъ уроковъ, господинъ Клингеманнъ, въ іюлѣ у насъ уже выпускные экзамены.

— Вотъ какъ! Значитъ, въ будущемъ году вы—уже студентъ?

— Въ будущемъ году? Осенью!—при этомъ онъ побарабанилъ пальцами по газетѣ, которую держала тетка.

— Чего тебѣ, невѣжливый мальчишка?

— Слушай-ка тетя, будешь пріѣзжать ко мнѣ въ гости въ Вѣну?

— Вотъ еще выдумалъ! Я буду радехонька, что избавилась отъ тебя.

— Господинъ Рупіусъ ѣдетъ!—сказалъ Рихардъ.

Берта опустила газету и взглянула по тому направленію, куда смотрѣлъ Рихардъ. По аллеѣ, со стороны города, катилось, подталкиваемое служанкою, подвижное кресло, на которомъ сидѣлъ человѣкъ; голова его была непокрыта, мягкая шляпа лежала на колѣняхъ, по которымъ ниспадалъ тяжелый пледъ. Лобъ у него былъ высокій, волосы гладкіе, бѣлокурые, на вискахъ уже посѣдѣвшіе, глаза необыкновенно большіе. Проѣзжая мимо скамейки, онъ только слегка наклонилъ голову, безъ малѣйшей улыбки на лицѣ. Берта знала, что если бы она была одна, онъ приказалъ бы остановиться; и теперь, проѣзжая, онъ смотрѣлъ только на нее, и поклонъ его относился, повидимому, къ ней одной. Ей показалось, что никогда еще глаза его не смотрѣли съ такою серьезностью, какъ сегодня. Это опечалило ее, потому что она питала глубокое состраданіе къ этому разбитому параличомъ человѣку.

— Бѣдняга! — проговорилъ Клингеманнъ, когда онъ нѣсколько отъѣхалъ.—А женушка, должно быть, опять въ Вѣнѣ?

— Нѣтъ,—сказала Берта съ досадой,—часъ тому назадъ я говорила съ нею.

Клингеманнъ замолчалъ, почувствовавъ, что дальнѣйшія замѣчанія относительно таинственныхъ поѣздокъ фрау Рупіусъ могли быть неумѣстны, въ виду пріобрѣтенной имъ репутаціи свободомысленнаго человѣка.

— Неужели онъ никогда не сможетъ больше ходить? — спросилъ Рихардъ.

— Никогда!—сказала Берта.

Она знала это со словъ самого господина Рупіуса; онъ ей сказалъ это, когда она посѣтила его однажды въ отсутствіе его жены, ѣздившей въ Вѣну. Но теперь онъ показался ей особенно несчастнымъ, потому что какъ разъ въ ту минуту, когда его провезли мимо нея, она натолкнулась при чтеніи газеты на имя человѣка, котораго считала истиннымъ счастливцемъ. Она невольно перечла еще разъ: «Нашъ знаменитый соотечественникъ, Эмиль Линдбахъ, только что вернулся въ Вѣну изъ своего артистическаго турнэ по Испаніи и Франціи, которое онъ совершилъ съ истиннымъ тріумфомъ. Въ Мадридѣ безподобный артистъ удостоился чести играть передъ королевою. 24-го числа сего мѣсяца господинъ Линдбахъ приметъ участіе въ благотворительномъ концертѣ въ пользу тяжко пострадавшихъ отъ послѣдняго наводненія житетей Форарльберга; нельзя сомнѣваться, что, несмотря на поздній сезонъ, наша публика отнесется къ этому концерту съ живѣйшимъ интересомъ».

Эмиль Линдбахъ! Ей стоило извѣстнаго напряженія представить себѣ, что это былъ тотъ самый, который когда-то—когда именно?—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ—наполнялъ ея душу такою любовью. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ! Она почувствовала, что кровь прилила ей къ лицу. Очевидно, она уже начинала старѣть мало-по-малу, и ей показалось, что въ этомъ было что-то стыдное.

Солнце уже совсѣмъ зашло. Берта взяла за руку своего мальчика, раскланялась и медленно пошла домой. Домъ, въ первомъ этажѣ котораго она жила, находился въ одной изъ новыхъ улицъ; изъ ея оконъ открывался видъ на склонъ холма; напротивъ оставалось незастроенное мѣсто. Берта отвела мальчика къ служанкѣ, сѣла у окна, взяла газету и стала читать. Она сохранила привычку просматривать прежде всего художественныя извѣстія; привычка эта укоренилась въ ней еще со временъ дѣтства, когда она, вмѣстѣ со своимъ братомъ, теперешнимъ актеромъ, ходила въ четвертую галлерею Бургъ-театра. Интересъ этотъ естественнымъ образомъ еще возросъ, когда она поступила въ консерваторію; тогда она знала имена самыхъ незначительныхъ актеровъ, пѣвцовъ, піанистовъ, и когда затѣмъ и частыя посѣ-

щенія театра, и обученіе въ консерваторіи, и всѣ ея собственныя артистическія стремленія пришли къ концу, въ ней все еще жило особенное мечтательное тяготѣніе къ этому веселому міру, въ которомъ было для нея что-то родное. Но уже въ послѣдніе годы ея пребыванія въ Вѣнѣ всѣ эти вещи не представляли для нея почти никакого реальнаго, личнаго значенія; тѣмъ менѣе значенія для нея могли они имѣть съ тѣхъ поръ, какъ она жила въ этомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ высшимъ художественнымъ наслажденіемъ являлись лишь какіе-нибудь случайные концерты дилетантовъ. Въ первый годъ по переѣздѣ сюда она сама участвовала одинъ разъ въ такомъ музыкальномъ вечерѣ, въ гостинницѣ «Краснаго яблока»,—т.-е. сыграла въ четыре руки съ другою молодою дамою два марша Шуберта. При этомъ она пережила такое волненіе, что закаялась когда-либо вновь выступать передъ публикой, и даже была рада тому, что музыкальная карьера ея разстроилась. Очевидно, для этого нужно имѣть совершенно другія данныя—вродѣ того, какъ у Эмиля Линдбаха. Да, этотъ, дѣйствительно, рожденъ для такой дѣятельности! Она поняла это съ первой же минуты, когда онъ вышелъ на эстраду въ одномъ изъ ученическихъ концертовъ консерваторіи; это было видно по той развязности, съ какою онъ закинулъ назадъ свои волосы, по его насмѣшливо-снисходительнымъ взглядамъ въ публику, по тому спокойствію, съ которымъ онъ раскланялся въ отвѣтъ на первый взрывъ одобренія—какъ если бы онъ уже давно привыкъ ко всему этому. Странно! Думая теперь объ Эмилѣ Линдбахѣ, она представляла его себѣ тѣмъ же юношею, почти мальчикомъ, какимъ онъ былъ во времена ихъ знакомства и взаимной любви. А между тѣмъ, еще недавно, сидя разъ вечеромъ вмѣстѣ съ деверемъ и невѣсткою въ городскомъ кафе, она видѣла въ какомъ-то иллюстрированномъ листкѣ его фотографію, на которой онъ выглядѣлъ совсѣмъ иначе. Онъ не носилъ болѣе длинныхъ волосъ, черные усы его, казалось, были отогнуты книзу щипцами; на немъ былъ широкій отложной воротничокъ и по модному завязанный галстухъ. Невѣстка нашла, что онъ былъ похожъ на польскаго графа.

Берта снова взялась за газету и хотѣла читать дальше, но было уже темно. Она встала и позвала дѣвушку. Въ комнату была принесена лампа; накрыли на столъ. Берта поужинала вмѣстѣ со своимъ мальчикомъ, не закрывая окна. Сегодня она чувствовала къ своему ребенку еще большую нѣжность, чѣмъ обыкновенно. Передъ нею встало опять то время, когда еще былъ живъ ея мужъ; и другія воспоминанія тихо плыли въ ея воображеніи. Пока Фрицъ раздѣвался, чтобы ложиться спать, взглядъ ея долго не отрывался отъ портрета ея покойнаго мужа, оправленнаго въ темно-коричневую, овальную деревянную раму и висѣвшаго надъ кроватью. Онъ снялся во весь ростъ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, съ цилиндромъ въ рукѣ,—на память о днѣ ихъ свадьбы. Въ эту минуту Берта могла съ полною увѣренностью

сказать себѣ, что этотъ портретъ вызвалъ бы у господина Клингеманна насмѣшливую улыбку.

Потомъ она сѣла за рояль, какъ она нерѣдко дѣлала это передъ сномъ, не потому, чтобы ее охватывало въ это время особенное музыкальное настроеніе, а просто потому, что ложиться спать было еще рано. Она играла обыкновенно нѣсколько вещей, которыя еще помнила наизусть,—мазурки Шопена, какой-нибудь отрывокъ изъ сонаты Бетховена, Крейслеріану, иногда фантазировала немножко; но это ограничивалось рядомъ аккордовъ—почти всегда однихъ и тѣхъ же. Сегодня она тоже начала брать свои аккорды, нѣсколько тише обыкновеннаго; потомъ попробовала разныя модуляціи, и когда прозвучало послѣднее трезвучіе, задержанное педалью—руки ея уже опустились на колѣни— она ощутила отъ этихъ гармонично струившихся тоновъ ясную, тихую радость. Ей вспомнилось замѣчаніе Клингеманна: «Музыка замѣняетъ для васъ все». Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ не совсѣмъ неправъ. Музыка, во всякомъ случаѣ, замѣняла для нея многое. Но все?—О, нѣтъ!

Что это? Чьи-то шаги за окномъ... Впрочемъ, это не удивительно. Но равномѣрные, медленные шаги, какъ если бы кто-то ходилъ взадъ и впередъ. Она встала и подошла къ окну. Было уже совсѣмъ темно, и она не могла сразу различить человѣка, прогуливавшагося тамъ, но она знала: это былъ Клингеманнъ. Что это еще за выдумки! Прогуливаться подъ ея окномъ?

— Добрый вечеръ, фрау Берта,—проговорилъ онъ, и она видѣла сквозь мракъ, какъ онъ приподнялъ шляпу.

Она отвѣтила нѣсколько смущенно:

— Добрый вечеръ.

— А вы прекрасно играли, сударыня!

Она отозвалась на это только тихимъ «неужели?», котораго онъ, вѣроятно, даже не разслышалъ.

Онъ постоялъ минутку, потомъ сказалъ:

— Покойной ночи! Пріятнаго сна, фрау Берта!

Онъ произнесъ эти слова «пріятнаго сна»» съ такимъ удареніемъ, что въ нихъ почувствовалось что-то почти безстыдное. Она подумала: теперь онъ идетъ домой къ своей кухаркѣ. Потомъ ей вдругъ вспомнилась одна вещь, о которой она знала уже давно, но никогда не думала съ тѣхъ поръ, какъ узнала объ этомъ: въ комнатѣ у него висѣла картина, задернутая маленькой занавѣской и изображавшая какую-то непристойную сцену. Кто это ей разсказывалъ? Ахъ да, фрау Рупіусъ, прошлой осенью, во время прогулки по Дунаю; и потомъ она слышала это еще отъ кого-то, но отъ кого? Что за отвратительный человѣкъ! И ей стало противно при мысли, что она могла думать о немъ и обо всѣхъ этихъ вещахъ. Она постояла еще нѣкоторое время у окна. Ей казалось, будто она пережила какой-то тяжелый день. Она спросила

себя, что же такое собственно случилось, и не безъ удивленія отвѣтила, что это былъ такой же обыкновенный день, какъ сотни другихъ, уже прошедшихъ дней и какъ многіе, многіе, которые еще впереди.

Всѣ поднялись изъ-за стола. Это былъ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ воскресныхъ обѣдовъ, какіе виноторговецъ Гарланъ имѣлъ обыкновеніе устраивать для своихъ знакомыхъ. Хозяинъ дома приблизился къ своей невѣсткѣ и обнялъ ее за талію, что входило въ число его послѣобѣденныхъ привычекъ.

Она уже знала, чего онъ хотѣлъ. Когда у него собирались гости, Берта должна была играть на роялѣ,—иногда въ четыре руки съ Рихардомъ. Это составляло какъ бы пріятный аккомпаниментъ къ карточной игрѣ, должно было настраивать игроковъ и вообще всѣхъ присутствующихъ. Она сѣла за инструментъ. Между тѣмъ, дверь въ кабинетъ была отворена: Гарланъ, докторъ Фридрихъ и господинъ Мартинъ сѣли за маленькій зеленый столъ и начали играть. Жены ихъ остались въ столовой, и фрау Мартинъ, закуривъ папироску, сѣла на диванъ и заложила ногу на ногу. По воскресеньямъ она надѣвала всегда бальныя туфли и черные шелковые чулки. Фрау Фридрихъ не отрывала глазъ отъ ногъ фрау Мартинъ. Рихардъ пошелъ къ мужчинамъ; онъ уже начиналъ интересоваться игрою въ тарокъ. Элли оперлась локтями о крышку рояля и ждала, когда Берта начнетъ играть. Хозяйка дома входила и выходила; она все время дѣлала разныя распоряженія на кухнѣ и побрякивала связкою ключей, которую держала въ рукѣ. Теперь когда она вновь появилась въ комнатѣ, фрау Фридрихъ сдѣлала ей знакъ глазами, который долженъ былъ означать: посмотрите-ка, какъ сидитъ фрау Мартинъ!

Все это Берта видѣла сегодня, такъ сказать, отчетливѣе, чѣмъ прежде, почти такъ, какъ мы видимъ предметы въ лихорадочномъ состояніи. Она все еще не неприкаслась къ клавишамъ. Деверь обернулся и посмотрѣлъ на нее такимъ взглядомъ, который долженъ былъ напомнить ей объ ея обязанностяхъ. Она начала играть маршъ Шуберта очень сильными ударами. Деверь опять обернулся и проговорилъ: «Тише».

— Это особенность здѣшняго дома,—сказалъ докторъ Фридрихъ,—тарокъ подъ аккомпаниментъ музыки.

— Такъ сказать, пѣсни безъ словъ!—добавилъ господинъ Мартинъ.

Остальные засмѣялись. Гарланъ снова устремилъ взглядъ на Берту, потому что она вдругъ перестала играть.

— У меня немножко голова болитъ,—сказала она, какъ бы извиняясь, но сейчасъ же почувствовала, что это было маленькимъ униженіемъ, и прибавила:—Совсѣмъ не хочется!

Всѣ взглянули на нее, почувствовавъ, что здѣсь происходитъ нѣчто не совсѣмъ привычное. Фрау Гарланъ сказала:

— Можетъ быть, ты посидишь съ нами, Берта?

Элли почувствовала какую-то смутную потребность выказать теткѣ особенную нѣжность и уцѣпилась ей за руку. Обѣ такъ и остались другъ подлѣ друга, опершись на рояль.

— Вы тоже будете сегодня въ «Красномъ яблокѣ»? — спросила фрау Мартинъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Нѣтъ, не думаю.

— А въ самомъ дѣлѣ!—отозвался Гарланъ.—Такъ какъ мы должны были отказаться сегодня отъ нашего послѣобѣденнаго концерта, можно вечеромъ—и того... Вамъ ходить, докторъ!

— Тамъ будетъ военная музыка?—спросила фрау Фридрихъ.

Хозяйка дома поднялась и спросила своего супруга:

— Ты это серьезно сказалъ, что мы пойдемъ вечеромъ въ «Красное яблоко»?

— Конечно!

— Вотъ какъ!—отозвалась жена съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и опять вышла на кухню для какихъ-то новыхъ распоряженій.

— Рихардъ!—сказалъ Гарланъ своему сыну,—сбѣгай-ка поскорѣе, да скажи хозяину, чтобы для насъ оставили столъ въ саду.

Рихардъ устремился къ дверямъ и столкнулся съ матерью, которая какъ разъ въ эту минуту входила въ комнату. Она опустилась на диванъ съ видомъ полнаго изнеможенія.

— Вы представить себѣ не можете,—сказала она, обращаясь къ фрау Фридрихъ,—до чего трудно втолковать Бригиттѣ самыя пустыя вещи!

Фрау Мартинъ подсѣла къ своему мужу, бросая въ то же время взгляды на Берту, которая все еще молчаливо стояла вмѣстѣ съ Элли подлѣ рояля. Она погладила своего мужа по волосамъ, положила руку ему на колѣни и имѣла, очевидно, потребность показать людямъ, что она въ высшей степени счастлива.

— Я хочу сказать тебѣ одну вещь, тетя!—проговорила вдругъ Элли.—Выйдемъ немножко въ садъ, на воздухѣ головѣ лучше будетъ.

Онѣ спустились по лѣстницѣ на дворъ, посреди котораго была лужайка. Сзади дворъ замыкался стѣною, подлѣ которой росли кой-какіе кустарники и два молодыхъ подпертыхъ кольями деревца. Надъ стѣною видно было только голубое небо; въ бурные дни здѣсь слышенъ былъ шумъ рѣки. У самой стѣны стояли два прислоненныхъ къ ней спинками садовыхъ кресла съ соломеннымъ сидѣньемъ и маленькій столикъ; здѣсь-то и сѣли Берта и Элли; Элли не выпускала руки своей тетки.

— Ты мнѣ не скажешь, тетя?...

— О чемъ, Элли?

— Видишь ли, вѣдь я теперь уже большая! Разскажи мнѣ про него.

Берта слегка испугалась; ей почудилось, что этотъ вопросъ относился не къ ея покойному мужу, а къ кому-то другому. И вдругъ передъ нею всталъ образъ Эмиля Линдбаха, какимъ она видѣла его въ

иллюстрированной газетѣ; но скоро и это видѣніе, и испугъ ея прошли, и она почувствовала какое-то умиленіе отъ робкаго вопроса дѣвочки, которая, очевидно, думала, что она все груститъ по своемъ покойномъ мужѣ и что ей будетъ отрадно поговорить о немъ.

Но въ эту самую минуту изъ окна, выходившаго на дворъ, раздался голосъ Рихарда:

— Можно и мнѣ къ вамъ, или вы тамъ секретничаете?

Берта подняла голову и вдругъ ей бросилось въ глаза его сходство съ Эмилемъ Линдбахомъ. Но она тутъ же подумала, что, вѣроятно, сходство это ограничивалось его юностью и длинными волосами; ему было почти столько же лѣтъ, сколько тогда Эмилю.

— Столъ будетъ оставленъ,—сказалъ онъ, сходя во дворъ.—И ты, вѣдь, пойдешь съ нами, тетя Берта?—Онъ присѣлъ на ручку ея кресла и сталъ поглаживать ее по щекѣ, говоря своимъ свѣжимъ, ласкающимъ голосомъ:—Пойдемъ! Ну для меня, тетя! хорошенькая!

Берта невольно закрыла глаза. Ей стало вдругъ хорошо—какъ будто дѣтскія ручки, маленькіе пальчики ея собственнаго ребенка гладили ея щеку. Но скоро она почувствовала, что къ этому примѣшивалось и другое воспоминаніе. Въ памяти ея воскресла одна прогулка съ Эмилемъ,—въ городскомъ паркѣ, вечеромъ, послѣ консерваторіи. Онъ сидѣлъ съ нею на скамейкѣ и нѣжно касался рукою ея лица. Но развѣ это было только одинъ разъ? Нѣтъ, гораздо чаще, конечно,—десять, двадцать разъ сидѣли они такъ на скамейкѣ, и онъ поглаживалъ ее по щекѣ. Какъ странно, что это вдругъ опять вспомнилось ей.

Она, конечно, никогда не подумала бы объ этомъ, если бы Рихардъ, совершенно случайно...—Однако, что же это онъ позволяетъ себѣ?

— Рихардъ!—громко сказала она и открыла глаза.

Она увидѣла, что онъ улыбался—такъ странно улыбался, какъ если бы онъ угадалъ, что именно ей вспоминалось. Разумѣется, это было невозможно, потому что здѣсь врядъ ли даже кто-нибудь могъ подозрѣвать, что она знаетъ скрипача Эмиля Линдбаха. Впрочемъ, можно ли сказать, что она и теперь знаетъ его? Тотъ, о которомъ она только что думала, былъ совсѣмъ другой; то былъ прекрасный юноша, котораго она любила, будучи еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой... Мысли ея уходили все дальше въ глубь прошедшаго, и ей казалось просто невозможнымъ опять вернуться къ настоящему и заговорить съ дѣтьми. Она простилась съ ними и пошла.

Въ воздухѣ стояла тяжелая жара послѣполуденнаго солнца. Лавки были заперты, улицы почти безлюдны. За столикомъ въ кафе, на базарной площади, сидѣло нѣсколько офицеровъ. Берта взглянула на окна перваго этажа, гдѣ жили супруги Рупіусъ. Она уже давно не была у нихъ, она могла даже совершенно точно сказать, съ какихъ именно поръ,—со второго дня рождественскихъ праздниковъ. Въ этотъ-то разъ она и застала господина Рупіуса одного, и онъ сказалъ ей, что

болѣзнь его неизлѣчима. Она знала также, почему она не была у него съ тѣхъ поръ: она ощущала какой-то безотчетный страхъ при мысли войти въ этотъ домъ, который оставила тогда въ сильнѣйшемъ волненіи. Сегодня ее, однако, какъ будто потянуло туда; ей казалось, будто за послѣдніе дни между нею и больнымъ завязались какія-то отношенія и будто даже тихій взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на нее вчера на прогулкѣ, имѣлъ какое-то особенное значеніе.

Когда она вошла въ комнату, глаза ея должны были сначала привыкнуть къ полутьмѣ; соломенныя шторы были опущены, и только сквозь верхнюю скважину проникалъ лучъ солнца, ударявшій прямо въ бѣлую печь. У стола, посреди комнаты, сидѣлъ въ креслѣ Рупіусъ; передъ нимъ была цѣлая груда листковъ; онъ откладывалъ ихъ, по одному, въ сторону и принимался разсматривать слѣдующій. Берта замѣтила что это были гравюры.

— Я очень брагодаренъ вамъ,—сказалъ онъ,—что вы опять захотѣли посѣтить меня.—Онъ протянулъ ей руку.—Видите, чѣмъ я занимаюсь? Это собраніе гравюръ—со старыхъ нидерландцевъ. Повѣрьте мнѣ, сударыня, это большое наслажденіе разсматривать старинныя гравюры.

— О, конечно!

— Изволите ли видѣть, тутъ шесть томовъ или, вѣрнѣе, шесть папокъ,—въ каждой по двадцати листковъ. Мнѣ придется употребить цѣлое лѣто, чтобы дѣйствительно изучить ихъ.

Берта стала подлѣ него и взглянула на лежавшую передъ нимъ гравюру, которая представляла собою ярмарочную сцену Теньера.

— Цѣлое лѣто,—разсѣянно повторила она.

Рупіусъ обернулся.

— Еще бы!—сказалъ онъ, слегка стиснувъ зубы,—какъ если бы онъ готовился защищать какой-нибудь серьезный пунктъ разногласія.— Только это я и называю — изучить картину. Для этого нужно, такъ сказать, мысленно разобрать ее—линію за линіей... Это Теньеръ. Оригиналъ находится въ Гаагѣ. Почему вы не ѣдете въ Гаагу, гдѣ можно видѣть такихъ прекрасныхъ Теньеровъ и многое другое?

Берта улыбнулась.

— Развѣ я могу думать о томъ, чтобы совершать такія путешествія?

— А почему же нѣтъ?—сказалъ Рупіусъ.—Гаага такъ прекрасна. Я былъ тамъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Тогда мнѣ было двадцать восемь лѣтъ, теперь мнѣ—сорокъ два или, вѣрнѣе, восемдесятъ четыре!—Онъ снова отложилъ одинъ листокъ.—А это Остаде, «Куритель трубки». Еще бы! по всему видно, что онъ куритъ трубку. Оригиналъ въ Вѣнѣ.

— Мнѣ кажется, я помню эту картину.

— Не хотите ли сѣсть противъ меня, сударыня, или вотъ здѣсь, рядомъ, если вамъ угодно разсматривать со мною картины. Это—

Фалькенборгъ. Чудесно, не правда ли? Передній планъ кажется такимъ ничтожнымъ, ограниченнымъ: крестьянинъ, пляшущій съ крестьянкою; тутъ—старушка, которая сердится на нихъ за это; тутъ—домъ, изъ дверей котораго выходитъ человѣкъ съ ведромъ воды. Вотъ и все. И, конечно, это такъ незначительно. Но тамъ, сзади,—видите ли,—тамъ открывается цѣлый міръ: голубыя горы, города, наверху небо съ облаками, а здѣсь—турниръ. Ха-ха! Можно было бы, пожалуй, сказать въ извѣстномъ смыслѣ, что это не относится къ сюжету, но, съ другой стороны, это, несомнѣнно, къ нему относится. Ибо повсюду имѣется задній планъ, а потому это чрезвычайно правдиво, что сейчасъ же за этимъ крестьянскимъ домикомъ начинается міръ — съ его турнирами, горами и рѣками, и крѣпостями, и виноградниками и лѣсами.

Говоря это, онъ указывалъ маленькимъ разрѣзнымъ ножикомъ изъ слоновой кости на отдѣльныя части картины.

— Вамъ нравится? Картина находится въ Вѣнѣ. Вы должны знать ее.

— Я уже шесть лѣтъ, какъ не живу въ Вѣнѣ, и къ тому же за послѣдніе годы совсѣмъ не бывала въ музеѣ.

— Неужели? Я часто ходилъ туда. И передъ этой картиной приходилось, бывало, стоять. Да, *ходилъ*. Когда-то вѣдь и я ходилъ...— Онъ посмотрѣлъ на нее почти со смѣхомъ. Она такъ смутилась, что промолчала. Но онъ сейчасъ же заговорилъ опять: — Пожалуй, я надоѣлъ вамъ этими картинами? Подождите немножко, сейчасъ придетъ моя жена. Вы знаете, послѣ обѣда она вѣдь всегда бѣгаетъ часа по два. Располнѣть боится.

— Ваша жена такъ стройна и молода, что... право, я нахожу, что она нисколько не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхала.

Бертѣ показалось, что лицо Рупіуса какъ-то странно застыло. Но вдругъ онъ сказалъ самымъ невиннымъ тономъ, который совершенно не соотвѣтствовалъ выраженію его лица:

— Спокойная жизнь въ маленькомъ городкѣ прекрасно сохраняетъ молодость. Это была такая умная мысль, моя и ея, наша общая мысль,— перебраться сюда. Кто знаетъ, въ Вѣнѣ, быть можетъ, все было бы уже кончено!

Берта не могла отгадать, что онъ подразумѣвалъ подъ этими словами—«все было бы уже кончено»: говорилъ ли онъ о своей жизни, о молодости своей жены или еще о чемъ-то. Во всякомъ случаѣ, она уже начинала сожалѣть, что зашла сюда. Ей было совѣстно чувствовать себя такой здоровой.

— Я еще не сказалъ вамъ,—продолжалъ Рупіусъ,—что эти папки я получилъ въ подарокъ отъ Анны? Онѣ были куплены по случаю, потому что такъ, обычнымъ образомъ, онѣ стоютъ очень дорого. Одинъ книгопродавецъ напечаталъ объявленіе объ этомъ, и Анна сейчасъ же телеграфировала брату, чтобы онъ пріобрѣлъ ихъ. Вы, вѣдь знаете, что

у насъ въ Вѣнѣ много родственниковъ—и у меня, и у Анны. Она иногда ѣздитъ къ нимъ туда. Скоро и они къ намъ пріѣдутъ. Я былъ бы такъ радъ видѣть ихъ у себя, особенно брата Анны и ея невѣстку. Я имъ въ высшей степени обязанъ. Когда Анна бываетъ въ Вѣнѣ, она и обѣдаетъ, и ночуетъ у нихъ... вы, конечно, знаете?

Онъ говорилъ скоро и притомъ какимъ-то холоднымъ, дѣловитымъ тономъ, какъ будто онъ считалъ долгомъ сообщить объ этомъ всякому, кто бы ни вошелъ въ комнату. Но съ Бертою онъ говорилъ о поѣздкахъ своей жены впервые.

— Завтра она опять ѣдетъ,— сказалъ онъ. — Кажется, на этотъ разъ дѣло идетъ о лѣтнихъ туалетахъ.

— Я нахожу, что это очень умно со стороны вашей жены,—сказала Берта, обрадовавшись, что можно хоть къ чему-нибудь прицѣпиться.

— Да оно и дешевле,—прибавилъ Рупіусъ.—Увѣряю васъ, что это выходитъ гораздо дешевле, даже если причесть расходъ на поѣздку. Почему вы не поступаете такъ же, какъ моя жена?

— То-есть какъ?

— Да относительно вашихъ платьевъ и шляпъ! Вы также молоды и хороши собою.

— О, Господи! Для кого мнѣ наряжаться?

— Для кого? А для кого такъ хорошо одѣвается моя жена?

Дверь отворилась и на порогѣ появилась фрау Рупіусъ—въ свѣтломъ весеннемъ платьѣ, съ краснымъ зонтикомъ въ рукѣ и въ бѣлой соломенной шляпѣ съ краснымъ бантомъ на темныхъ, сильно завитыхъ волосахъ. На губахъ ея играла, какъ и всегда, привѣтливая улыбка, и она поздоровалась съ Бертою спокойно и радостно:

— Наконецъ-то вы собрались къ намъ!—Вслѣдъ за нею вошла дѣвушка. Анна отдала ей зонтикъ и шляпу.—А вы также интересуетесь гравюрами, фрау Гарланъ?

Она подошла сзади къ своему мужу и нѣжно провела рукою по его лбу и волосамъ.

— Я только что высказалъ свое удивленіе фрау Гарланъ по тому поводу, что она никогда не ѣздитъ въ Вѣну,—сказалъ Рупіусъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула фрау Рупіусъ.—Почему вы не ѣздите? У васъ тамъ, навѣрное, тоже есть знакомые. Поѣдемте какъ-нибудь вмѣстѣ, напримѣръ, завтра. Да, завтра!

Въ то время, какъ она говорила это, Рупіусъ смотрѣлъ прямо передъ собою, словно не смѣя взглянуть на нее.

— Вы, право, очень милы, фрау Рупіусъ,—сказала Берта, почувствовавъ, что цѣлый потокъ радости разливается по всему ея существу. И она сама удивилась, что ей никогда не приходила даже мысль о возможности такой поѣздки, которую было такъ легко осуществить и которая показалась ей въ эту минуту лучшимъ средствомъ противъ мучившаго ее за послѣдніе дни страннаго душевнаго томленія.

— Значитъ, вы согласны, фрау Гарланъ?

— Я, право, не знаю. Время у меня есть: завтра всего одинъ урокъ, у моей невѣстки, которая, конечно, не была бы въ претензіи. Но развѣ я не стѣсню васъ?

По лицу фрау Рупіусъ пробѣжала легкая тѣнь.

— Чѣмъ же вы можете меня стѣснить? Напротивъ, я буду очень рада провести въ пріятномъ обществѣ нѣсколько часовъ дороги, туда и обратно. А въ Вѣнѣ—о, конечно, у насъ и тамъ найдутся общіе пути!

— Вашъ супругъ,—сказала Берта и покраснѣла, какъ дѣвочка, говорящая о первомъ балѣ,—сообщилъ мнѣ... посовѣтовалъ мнѣ...

— Онъ напѣлъ вамъ, конечно, про мою портниху! — проговорила, смѣясь, фрау Рупіусъ.

Рупіусъ все еще сидѣлъ совершенно неподвижно и не глядѣлъ ни на одну, ни на другую изъ нихъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, я попросила бы васъ объ этомъ, фрау Рупіусъ. Глядя на васъ, я и сама заражаюсь желаніемъ немножко пріодѣться.

— Это очень легко сдѣлать! — сказала фрау Рупіусъ.—Я отвезу васъ къ моей портнихѣ и такимъ образомъ буду имѣть надежду, что и слѣдующія мои поѣздки мнѣ не придется совершать въ одиночествѣ. Я и за тебя очень рада,—сказала она мужу, касаясь его руки, лежавшей на столѣ. — и за васъ,—обратилась она къ Бертѣ.—Вы увидите, какъ вамъ это будетъ полезно. Побѣгать немножко по улицамъ, ни о комъ въ частности не думая,—что можетъ быть чудеснѣе! Я положительно нуждаюсь въ этомъ отъ времени до времени. И потомъ возвращаюсь сюда, такъ хорошо освѣжившись, что... — она бросила на мужа взглядъ, полный страха и нѣжности,—что чувствую себя здѣсь вполнѣ счастливою, насколько только можно быть счастливою,—я думаю, счастливѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ.

Она приблизилась къ мужу и поцѣловала его въ високъ. Берта слышала, какъ она тихонько произнесла: «Милый». Но онъ по прежнему смотрѣлъ прямо передъ собой, словно боялся встрѣтиться съ ней взглядомъ. Оба молчали и, казалось, совершенно ушли въ самихъ себя, какъ будто Берты вовсе не было въ комнатѣ. Берта смутно ощущала, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ людей крылось что-то таинственное, для пониманія чего у нея не хватало ума или опыта, или гуманности. На одну минуту наступила полная тишина, и Берта чувствовала такое смущеніе, что ей хотѣлось уйти; но необходимо было точнѣе сговориться относительно завтрашней поѣздки.

— Итакъ, мы порѣшимъ на томъ, чтобы съѣхаться завтра на вокзалѣ—къ утреннему поѣзду. Да? И я устрою такъ, чтобы съ семичасовымъ поѣздомъ мы могли бы вернуться обратно. За восемь часовъ можно многое обдѣлать!

— Отлично,—сказала Берта,—если только я дѣйствительно ни въ чемъ не стѣсню васъ.

— Я же сказала вамъ!—перебила Анна почти съ досадою,—я такъ рада, что вы ѣдете со мной, тѣмъ болѣе, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной женщины, которая была бы мнѣ такъ симпатична!

— Да,—сказалъ Рупіусъ,—это и я могу удостовѣрить. Вы вѣдь знаете, что моя жена почти ни у кого не бываетъ, а вы такъ долго не заходили къ намъ, что я уже боялся, какъ бы она и васъ не лишилась.

— Какъ вы могли допустить это! О, господинъ Рупіусъ!.. Но вы, фрау Рупіусъ, вы вѣдь не думали этого?

Берта чувствовала въ эту минуту, что душа ея переполнена любовью къ нимъ. Она была такъ растрогана, что въ голосѣ ея поднимались слезы.

Фрау Рупіусъ улыбнулась странно и многозначительно.

— Я ничего не думала. Вообще я никогда не останавливалась мыслями на нѣкотораго рода вещахъ. У меня нѣтъ особенной потребности поддерживать отношенія съ людьми. Но васъ, фрау Берта, я въ самомъ дѣлѣ очень люблю.

Она протянула ей руку. Берта взглянула на Рупіуса; ей казалось, что на лицѣ его должно было бы отразиться нѣкоторое успокоеніе, но, къ ея удивленію, онъ почти испуганно смотрѣлъ куда-то въ уголъ.

Вошла служанка съ кофе. Поговорили еще о распредѣленіи завтрашняго дня, и, наконецъ, установили точный и подробный планъ, который Берта занесла въ свою записную книжечку, при чемъ фрау Рупіусъ слегка улыбалась. Когда Берта снова вышла на улицу, небо было покрыто облаками, и возрастающая духота указывала на приближеніе грозы. Она еще не успѣла дойти до дому, какъ упали первыя крупныя капли дождя, и когда она узнала, что дѣвушка съ мальчикомъ еще не возвращались, ее охватило безпокойство. Но подойдя къ окну, чтобы затворить его, она увидѣла, что они уже бѣжали къ дому. Раздался первый ударъ грома; Берта вздрогнула. Скоро заблистала молнія.

Гроза была непродолжительная, но очень сильная. Берта сидѣла на кровати въ спальнѣ, держала на колѣняхъ своего мальчика и разсказывала ему какую-то исторію, чтобы онъ не боялся. При этомъ ей самой все время думалось, что была какая-то зависимость между ея настроеніями, пережитыми за послѣдніе два дня, и этою грозою. Черезъ полчаса гроза прошла. Берта открыла окно. Воздухъ освѣжился; сумеречное небо казалось яснымъ и далекимъ. Берта вздохнула полной грудью; въ душу ея проникло чувство мира и надежды.

Пора было собираться въ концертъ. Придя въ садъ, она уже застала тамъ все общество, размѣстившееся вокругъ большого стола подъ деревомъ. Берта намѣревалась сейчасъ же сообщить своей невѣсткѣ, что завтра она ѣдетъ въ Вѣну, но какая-то робость,—какъ если бы эта поѣздка представляла собою что нибудь запретное,—удерживала ее. Мимо ихъ стола прошелъ господинъ Клингеманнъ со своею

хозяйкою. Хозяйка была уже не молодая, очень полная женщина, выше самого Клингеманна, ходившая всегда, какъ во снѣ. Клингеманнъ раскланялся съ преувеличенною вѣжливостью; мужчины едва отвѣтили ему, дамы сдѣлали видъ, что не замѣтили его поклона. Только Берта слегка наклонила голову и посмотрѣла имъ вслѣдъ. Рихардъ, сидѣвшій подлѣ тетки, прошепталъ ей:

— Это его возлюбленная—навѣрное, я навѣрное знаю это.

Всѣ ѣли, пили, болтали; иногда подходили знакомые, сидѣвшіе за другими столами, присаживались на минутку и опять уходили на свои мѣста. Музыка гремѣла, не производя, однако, ни малѣйшаго впечатлѣнія на Берту. Она была непрерывно занята мыслью о томъ, какъ бы сообщить о своемъ планѣ. Вдругъ, какъ разъ въ ту минуту, когда музыка заиграла особенно громко, она сказала Рихарду:

— Завтра у тебя не будетъ урока, я ѣду въ Вѣну.

— Въ Вѣну?—повторилъ Рихардъ и закричалъ черезъ столъ своей матери.—Послушай-ка! тетя ѣдетъ завтра въ Вѣну.

— Кто ѣдетъ въ Вѣну?—спросилъ Гарланъ, сидѣвшій на дальнемъ концѣ стола.

— Я,—сказала Берта.

— Эге-ге!—сказалъ Гарланъ и шутливо погрозилъ ей пальцемъ.

Итакъ, дѣло было сдѣлано. Берта была очень довольна этимъ. Рихардъ отпускалъ разныя словечки насчетъ людей, сидѣвшихъ въ саду, насчетъ толстаго капельмейстера, который, дирижируя, все время немножко подпрыгивалъ, насчетъ трубача, который, раздувая щеки, казалось, готовъ былъ заплакать. Берта много смѣялась. Всѣ подшучивали надъ ея хорошимъ расположеніемъ, и докторъ Фридрихъ замѣтилъ, что она, конечно, ѣдетъ въ Вѣну на свиданіе.

— Я не допущу этого! — воскликнулъ Рихардъ такъ гнѣвно, что веселость стала всеобщею. Только Элли по прежнему была серьезна и не переставала глядѣть на тетку своими удивленными глазами.

Берта смотрѣла въ открытое окно купэ на встрѣчные ландшафты. Фрау Рупіусъ читала книгу, которую она вынула изъ своего дорожнаго мѣшочка, почти сейчасъ же послѣ отхода поѣзда. Можно было подумать, что она хотѣла такимъ образомъ прекратить дальнѣйшіе разговоры со своей спутницей, и Берта была немножко обижена. Ей уже давно хотѣлось сдѣлаться другомъ фрау Рупіусъ, но со вчерашняго дня это стало для нея какою-то потребностью, мечтою, которая напомнила ей подобныя же мечтанія о дружбѣ во времена дѣтства. Вначалѣ она чувствовала себя почти несчастною,—точно покинутою. Но скоро мѣняющіяся картины за окномъ стали пріятно развлекать ее. Глядя на рельсы, бѣжавшія ей навстрѣчу, на живую изгородь и телеграфные столбы, которые, словно подпрыгивая, проносились мимо, она вспомнила нѣсколько маленькихъ путешествій въ Зальцкаммер-

гутъ, еще въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ родителями, и то несказанное наслажденіе, какое она испытывала тогда, сидя подлѣ окна вагона. Потомъ она стала смотрѣть вдаль, радуясь и блеску рѣки, и причудливымъ изгибамъ холмовъ и луговъ, и синевѣ неба, и бѣлымъ облакамъ. Но черезъ нѣсколько времени Анна отложила книгу и начала болтать съ Бертою, улыбаясь ей, какъ улыбаются обыкновенно дѣтямъ.

— Кто бы могъ предсказать намъ это!—сказала фрау Рупіусъ.

— Что мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Вѣну?

— Нѣтъ, нѣтъ, что мы обѣ будемъ принуждены... какъ это сказать?.. провести или закончить нашу жизнь—тамъ.—Она указала легкимъ движеніемъ головы въ ту сторону, откуда онѣ ѣхали.

— Конечно, конечно! — сказала Берта. Она никогда не думала раньше, чтобы въ этомъ было что-нибудь странное.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, знали объ этомъ до той минуты, когда выходили замужъ, а я...—фрау Рупіусъ смотрѣла куда-то впередъ.

Берта спросила:

— Вы переѣхали только тогда, когда... когда...—она смутилась и замолчала.

— Да, вы вѣдь знаете.

При этомъ она посмотрѣла на Берту такимъ взглядомъ, какъ если бы хотѣла отклонить ея разспросы. Но вслѣдъ за тѣмъ прибавила, мягко улыбаясь, какъ будто то, о чемъ она думала, не заключало въ себѣ ничего печальнаго:

— Да, мнѣ и въ голову не приходило, что я когда-нибудь уѣду изъ Вѣны. Мой мужъ служилъ при министерствѣ. Конечно, онъ могъ бы продолжать эту службу и дальше, несмотря на свою болѣзнь, но онъ предпочелъ уѣхать.

— Онъ, конечно, имѣлъ въ виду, что хорошій воздухъ, тишина...— начала Берта, и сейчасъ же замѣтила, что все это было не особенно умно.

Но Анна отвѣтила самымъ дружелюбнымъ образомъ:

— Нѣтъ, ни спокойствіе, ни климатъ не могли помочь ему; но онъ думалъ, что это будетъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше для насъ о боихъ Въ сущности, онъ былъ правъ: что было бы съ нами въ большомъ городѣ?

Берта чувствовала, что она не договариваетъ чего-то; ей хотѣлось попросить ее открыть ей свое сердце, но она не находила словъ и не имѣла смѣлости высказать ей эту просьбу. Но словно догадавшись, что Берта жаждетъ узнать отъ нея это недоговоренное, фрау Рупіусъ быстро перешла на другую тему, стала распрашивать про ея деверя, про музыкальныя способности ея учениковъ, про ея преподавательскій методъ; потомъ она снова взялась за романъ и оставила Берту въ одиночествѣ. Одинъ разъ она оторвалась отъ книги и спросила:

— А вы ничего не захватили съ собой для чтенія?

— О, да,—отвѣтила Берта. Она вдругъ вспомнила, что взяла съ собою газету. Она достала ее и начала усердно перелистывать. Поѣздъ уже подходилъ къ Вѣнѣ. Фрау Рупіусъ захлопнула книгу и спрятала ее въ дорожный мѣшочекъ. Потомъ она посмотрѣла на Берту съ какою-то нѣжностью, какъ смотрятъ на ребенка, который скоро будетъ оставленъ на произволъ судьбы.

— Еще четверть часа,—замѣтила она,—и мы будемъ... я чуть ни сказала: дома!

Передъ ними распростерся городъ. За рѣкой видны были высокія фабричныя трубы; большіе, выкрашенные желтою краской дома тѣснились другъ къ другу. Надъ ними поднимались башни. И все это было залито мягкимъ свѣтомъ майскаго солнца.

У Берты стучало сердце. У нея было такое ощущеніе, какое испытываютъ при возвращеніи, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, въ дорогія, родныя мѣста, гдѣ многое должно было измѣниться съ тѣхъ поръ, гдѣ ожидаютъ всякія тайны и неожиданности. Но въ ту минуту, когда поѣздъ вошелъ подъ стеклянную крышу вокзала, она почувствовала приливъ особенной бодрости.

Дамы взяли карету и поѣхали въ городъ. Когда онѣ переѣзжали черезъ Рингштрассе, Берта вдругъ высунулась изъ окна: она увидѣла молодого человѣка, обликъ и походка котораго напомнили ей Эмиля Линдбаха. Ей хотѣлось, чтобы молодой человѣкъ обернулся, но скоро онъ совершенно исчезъ изъ виду.

Передъ однимъ изъ домовъ на Кольмарктѣ карета остановилась. Обѣ женщины вышли и поднялись въ третій этажъ, гдѣ находилась мастерская портнихи. Пока фрау Рупіусъ занималась примѣркою, Берта разсматривала матеріи. Наконецъ, она выбрала; хозяйка сняла съ нея мѣрку; было условлено, что Берта пріѣдетъ, чтобы примѣрить платье, черезъ восемь дней. Фрау Рупіусъ вышла изъ сосѣдней комнаты и попросила отнестись къ заказу ея подруги съ особеннымъ вниманіемъ. Бертѣ казалось, что всѣ смотрятъ на нее нѣсколько насмѣшливо, почти сострадательно и, взглянувъ на себя въ большое простѣночное зеркало, она вдругъ сообразила, что, дѣйствительно, была одѣта самымъ безвкуснымъ образомъ. И какъ это ей пришло въ голову напялить на себя этотъ воскресный провинціальный нарядъ, вмѣсто того, чтобы надѣть одно изъ тѣхъ простыхъ, гладкихъ платьевъ, какія она носила обыкновенно? Ее бросило въ краску. На ней былъ костюмъ изъ полосатаго черно-бѣлаго фуляра, такого покроя, какой носили три года тому назадъ, и сильно выгнутая надо лбомъ свѣтлая шляпа, отдѣланная розами, которая какъ будто сдавливала ея нѣжное лицо и дѣлала ее почти смѣшною. И будто нарочно для того, чтобы подтвердить все это своимъ утѣшительнымъ словомъ, фрау Рупіусъ, выходя, сказала:

— Вы удивительно хорошо выглядите сегодня.

Въ воротахъ онѣ остановились.

— Что же?—спросила фрау Рупіусъ.— Что вы намѣрены теперь предпринять?

— Можетъ быть, вы... я думаю...—Берта совершенно растерялась; она чувствовала себя какъ-то безпомощно.

Фрау Рупіусъ взглянула на нее съ дружескимъ состраданіемъ.

— Я полагаю,—сказала она,—что вы поѣдете теперь къ вашей кузинѣ. Не такъ ли? И, вѣроятно, васъ тамъ оставятъ обѣдать.

— Да, конечно, Агата захочетъ, чтобы я у нихъ пообѣдала.

— Такъ я провожу васъ туда, если хотите, а потомъ поѣду къ брату и, если только это будетъ возможно, часа въ три заѣду за вами.

Онѣ пошли по самымъ оживленнымъ улицамъ центра, останавливаясь передъ витринами магазиновъ. Сначала городской шумъ какъ будто одурманивалъ Берту, но потомъ онъ сталъ ей пріятенъ. Она смотрѣла на людей, проходившихъ навстрѣчу, и видъ этихъ элегантныхъ мужчинъ и изящно одѣтыхъ женщинъ доставлялъ ей большое удовольствіе. Казалось, будто всѣ они облеклись въ новое платье и чувствовали себя гораздо счастливѣе, чѣмъ тамъ, въ провинціи. Она остановилась передъ витриною художественнаго магазина, и глаза ея сейчасъ же устремились на знакомый портретъ. Это была фотографія Эмиля Линдбаха, та самая какую она видѣла въ иллюстрированной газетѣ. Берта такъ обрадовалась, какъ будто встрѣтила знакомаго.

— Я знаю его!—сказала она фрау Рупіусъ.

— Кого?

— Его!—Она указала пальцемъ на фотографію.—Подумайте, мы вмѣстѣ были въ консерваторіи.

— Неужели?—промолвила фрау Рупіусъ. Берта взглянула на нее и замѣтила, что она не обратила на портретъ никакого вниманія, а задумалась о чемъ-то своемъ. Но Берта была рада этому, потому что, какъ ей показалось, въ голосѣ ея прозвучало что-то слишкомъ теплое. Вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то чуть замѣтная гордость шевельнулась въ ней при мысли, что этотъ человѣкъ, портретъ котораго былъ здѣсь, на выставкѣ, когда-то, въ своей ранней юности, былъ въ нее влюбленъ и цѣловалъ ее. Съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія пошла она дальше. Черезъ нѣсколько времени онѣ были уже на Реймерштрассе, передъ домомъ ея кузины.

— Значитъ, рѣшено,—сказала она,—что въ три часа вы заѣдете за мною. Не такъ ли?

— Да,—отозвалась фрау Рупіусъ,—то-есть... ну, да, если бы я немножко запоздала, пожалуйста, не оставайтесь у своей кузины дольше, чѣмъ вамъ хочется. Во всякомъ случаѣ, это ужъ неизмѣнно: въ семъ часовъ вечера—на вокзалѣ. До свиданія!

Она подала Бертѣ руку и быстро удалилась. Берта посмотрѣла ей вслѣдъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Она опять почувствовала себя словно покинутою, какъ на желѣзной дорогѣ, когда фрау Рупіусъ читала свой романъ.

Затѣмъ она поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ. Она не извѣстила кузину о своемъ пріѣздѣ и теперь вдругъ немножко оробѣла при мысли, что ея появленіе можетъ быть некстати. Она уже столько лѣтъ не видѣлась съ Агатой, а переписка ихъ была самая скудная.

Агата встрѣтила ее такъ, какъ если бы онѣ видѣлись еще наканунѣ—безъ всякаго удивленія и радушія. На губахъ Берты уже мелькала улыбка, какая бываетъ у человѣка, приготовившаго сюрпризъ; она сейчасъ же подавила ее.

— Ты у насъ ужасно рѣдкая гостья,—сказала Агата,—и совсѣмъ не даешь знать о себѣ.

— Но ты же не отвѣтила мнѣ на мое письмо, Агата,—вотъ уже три мѣсяца!

— Развѣ? — сказала Агата. — Ну, ты должна извинить меня. Можешь себѣ представить, сколько мнѣ дѣла съ тремя дѣтьми. Я писала тебѣ, что Георгъ уже ходитъ въ школу?

Агата повела кузину въ дѣтскую, гдѣ Георгъ и двѣ младшія дѣвочки обѣдали подъ присмотромъ бонны, накладывавшей имъ кушанье. Берта задала имъ нѣсколько вопросовъ, но дѣти совсѣмъ оробѣли, а самая младшая дѣвочка даже заплакала. Наконецъ, Агата сказала Георгу:

— Попроси же тетю Берту, чтобы въ слѣдующій разъ она привезла Фрица.

Бертѣ бросилось въ глаза, что кузина ея страшно постарѣла. Въ самомъ дѣлѣ, наклоняясь къ дѣтямъ, она выглядѣла почти старухою, а между тѣмъ Берта знала, что сама она была всего на годъ моложе Агаты.

Когда онѣ снова вернулись въ столовую, все, что онѣ могли сообщить другъ другу, было уже исчерпано, и когда Агата пригласила Берту остаться обѣдать, то казалось, будто и это она сказала только для того, чтобы вообще что-нибудь сказать. Берта, однако же, согласилась, и кузина пошла въ кухню, чтобы сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Берта оглядѣла комнату, убранную скудно и безъ всякаго вкуса. Въ ней было совсѣмъ темно, потому что переулокъ былъ узенькій. Берта взялась за лежавшій на столѣ альбомъ. Тутъ были почти все знакомыя лица: вначалѣ родители Агаты, давно уже умершіе, потомъ портреты ея собственныхъ родителей и почти исчезнувшихъ съ ея горизонта братьевъ, портреты общихъ юношескихъ знакомыхъ, о которыхъ она почти ничего болѣе не знала, и, наконецъ, одинъ портретъ, о существованіи котораго она совсѣмъ позабыла: она и Агата вмѣстѣ, совсѣмъ молоденькими дѣвушками. Въ то время онѣ были очень похожи другъ на друга и очень дружны; Берта припомнила нѣкоторые интимные дѣвическіе разговоры, которые онѣ тогда вели. И эта прелестная молодая дѣвушка съ высоко заложенными косами теперь уже почти старуха! А сама она? Почему она все еще считаетъ

себя молодою? Быть можетъ, другимъ она кажется такой же, какъ ей — Агата? Она сказала себѣ, что послѣ обѣда, на улицѣ, постарается замѣтить, какъ будутъ смотрѣть на нее проходящіе. Было бы ужасно, если бы она выглядѣла такою же старою, какъ ея кузина! Нѣтъ, смѣшно даже и думать объ этомъ! Ей вспомнился ея племянникъ, называвшій ее «хорошенькой тетей», вчерашняя прогулка подъ ея окномъ Клингеманна, — и даже мысль о любезностяхъ деверя казалась ей теперь успокоительною. А когда она взглянула въ зеркало, висѣвшее напротивъ, на нее посмотрѣло совсѣмъ свѣжее лицо съ свѣтлыми глазами и безъ единой морщинки. Вѣдь это было ея лицо, ея глаза!

Когда Агата вернулась, Берта начала говорить о раннихъ годахъ юности, но Агата, какъ будто совсѣмъ забыла объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ,—какъ будто бракъ, материнство, разныя будничныя заботы потушили для нея, вмѣстѣ съ юностью, и самыя воспоминанія о ней. Когда Берта заговорила объ одномъ студенческомъ кружкѣ, который онѣ когда-то посѣщали, о молодыхъ людяхъ, ухаживавшихъ за Агатою, о букетѣ, который былъ ей присланъ однажды неизвѣстнымъ лицомъ, она сначала только улыбалась съ такимъ видомъ, какъ будто находила эти разговоры неумѣстными, потомъ сказала:

— А ты все еще вспоминаешь эти глупости?

Вернулся изъ своей канцеляріи мужъ Агаты. Онъ совсѣмъ посѣдѣлъ. Въ первую минуту онъ, повидимому, не узналъ Берту, потомъ смѣшалъ ее съ какой-то другой дамой и извинился дурною памятью на лица. За столомъ онъ разыгрывалъ родственника, разспрашивалъ съ какой-то особенною дѣловитостью объ условіяхъ жизни въ маленькомъ городкѣ и дѣлалъ шутливыя предположенія, что Берта собирается вторично выйти замужъ. Агата тоже начала поддразнивать ее на эту тему, дѣлая въ то же время строгіе глаза своему мужу, который стремился придать разговору нѣсколько фривольный характеръ. Бертѣ было не по себѣ. Потомъ мужъ Агаты сдѣлалъ намекъ, изъ котораго нужно было заключить, что Агата вновь готовится къ радостямъ материнства. Но хотя обыкновенно Берта чувствовала симпатію къ женщинамъ въ такомъ положеніи, теперь для нея было во всемъ этомъ что-то непріятное. Въ манерѣ, съ какою говорилъ объ этомъ супругъ, не было ни тѣни любви, а скорѣе какая-то глупая гордость исполненной обязанности. Онъ говорилъ такъ, какъ если бы это было особенной любезностью съ его стороны, что при всѣхъ своихъ занятіяхъ и несмотря даже на то, что Агата не была болѣе красива, онъ все-таки не отказывался спать съ нею. У Берты было такое чувство, точно ее посвящаютъ въ какую-то нечистую исторію, до которой ей собственно не было никакого дѣла. Она была рада, когда, вставъ изъ за стола, супругъ поспѣшилъ удалиться; это была его привычка, его «единственный порокъ», какъ онъ самъ, посмѣиваясь, говорилъ,— послѣ обѣда поиграть часокъ въ кафе на билліардѣ.

Берта осталась наединѣ съ Агатою.

— Да, опять мнѣ предстоитъ это!—сказала Агата, и начала дѣловито и хладнокровно говорить о своихъ прежнихъ родахъ, съ откровенностью и беззастѣнчивостью, которыя казались Бертѣ тѣмъ болѣе поразительными, что она чувствовала себя теперь совершенно чуждою своей кузинѣ. Но въ то время, какъ Агата говорила, у Берты внезапно пронеслась мысль, какъ должно быть прекрасно—имѣть ребенка отъ человѣка, котораго любишь. Она не вслушивалась болѣе въ отвратительные разсказы своей кузины, она думала о томъ страстномъ желаніи сдѣлаться матерью, которое испытала въ юные годы она сама, и ей вспомнился моментъ, когда это желаніе было въ ней глубже, чѣмъ когда-либо раньше или позже. Это было въ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда Эмиль Линдбахъ провожалъ ее изъ консерваторіи, держа ея руку въ своей. Она помнила, что у нея вдругъ начала кружиться голова и что тутъ, въ одно мгновеніе, она поняла настоящій смыслъ фразы, которую ей приходилось встрѣчать въ романахъ: «онъ могъ сдѣлать съ нею все, что хотѣлъ».

Вдругъ она замѣтила, что въ комнатѣ наступила полная тишина: Агата, прислонившись къ спинкѣ дивана, повидимому, заснула. Стѣнные часы показывали уже три. Какъ непріятно, что фрау Рупіусъ не ѣдетъ! Берта подошла къ окну и стала глядѣть на улицу. Потомъ она вернулась къ Агатѣ, которая опять открыла глаза. Берта попробовала, было, завязать новый разговоръ, сообщила ей о костюмѣ, который заказала себѣ утромъ, но Агатѣ такъ хотѣлось спать, что она почти не отвѣчала. Берта не хотѣла быть ей въ тягость и начала прощаться. Она рѣшила подождать фрау Рупіусъ на улицѣ. Пока она надѣвала верхнее платье, Агата казалась очень довольною; она стала вдругъ гораздо сердечнѣе, чѣмъ была все время, и уже въ дверяхъ, словно очнувшись отъ какого-то забытья, проговорила:

— Какъ время-то проходитъ! Надѣюсь, что ты скоро опять покажешься.

Стоя въ воротахъ, Берта вдругъ поняла, что дожидаться фрау Рупіусъ было совершенно напрасно. Очевидно, она въ самомъ началѣ имѣла намѣреніе провести послѣобѣденное время безъ нея, и въ этомъ не нужно было видѣть ничего дурного съ ея стороны,—конечно, въ этомъ не могло быть ровно ничего дурного. Бертѣ было обидно только то, что она имѣла такъ мало довѣрія къ ней.

Берта безцѣльно побрела дальше. До того времени, когда нужно было быть на вокзалѣ, оставалось еще болѣе трехъ часовъ. Сначала она опять пошла въ центральныя улицы города. Это было, въ самомъ дѣлѣ, очень пріятно — бродить среди совершенно чужихъ людей, незамѣтно для нихъ, не обращая на себя ничьего вниманія. Давно уже не испытывала она этого удовольствія. Нѣкоторые господа, однако, смотрѣли на нее съ интересомъ, одинъ даже остановился и поглядѣлъ ей вслѣдъ

Ей было досадно, что она такъ нехорошо одѣта, и она радовалась, думая о томъ, что скоро у нея будетъ прелестное платье изъ мастерской вѣнской портнихи. Ей хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь на улицѣ сталъ преслѣдовать ее. Вдругъ у нея мелькнула мысль: а если бы она встрѣтила Эмиля Линдбаха, узналъ ли бы онъ ее? Вотъ вопросъ! Развѣ такія случайности бываютъ! Нѣтъ, она навѣрное знала, что могла бы бродить по Вѣнѣ цѣлыми днями — никогда бы она его не встрѣтила. Сколько времени она не видала его? Семь—восемь лѣтъ... Да, въ послѣдній разъ она видѣла его за два года до замужества. Она была съ родителями въ швейцарскомъ домикѣ въ Пратерѣ, въ теплый лѣтній вечеръ, онъ прошелъ со своимъ пріятелемъ и на нѣсколько минутъ остановился передъ ихъ столомъ. О, теперь она совсѣмъ ясно вспомнила, что съ ними сидѣлъ и молодой врачъ, который дѣлалъ ей предложеніе. Что именно говорилъ тогда Эмиль, она уже не могла отдать себѣ отчета; но она помнила, что, стоя передъ столомъ, онъ все время держалъ шляпу въ рукѣ; это ей тогда несказанно понравилось. Сдѣлалъ ли бы онъ это и теперь, если бы встрѣтился съ нею? Гдѣ бы онъ могъ жить? Въ тѣ времена онъ нанималъ комнату въ Виденѣ, недалеко отъ церкви св. Павла... Да, онъ даже показалъ ей свое окно, когда они проходили мимо, и при этомъ позволилъ себѣ одно замѣчаніе — словъ его она больше уже не помнила, но смыслъ, безъ сомнѣнія, былъ тотъ, что когда-нибудь она должна быть у него въ этой комнатѣ. Тогда она очень строго остановила его, — сказала, что если онъ думаетъ о ней такія вещи, то все между ними кончено; и онъ въ самомъ дѣлѣ никогда болѣе не заговаривалъ объ этомъ. Узнаетъ ли она теперь это окно? Найдетъ ли его? Вѣдь, правда, ей было безразлично, гулять ли здѣсь или тамъ. Она пошла ускореннымъ шагомъ,—какъ если бы вдругъ обрѣла себѣ цѣль, — направляясь къ Видену. Она удивилась, что все здѣсь до такой степени измѣнилось за это время. Осматриваясь кругомъ съ Елизаветинскаго моста, она видѣла какія то стѣны, поднимавшіяся изъ русла Дуная, наполовину проложенные рельсы, маленькіе вагончики, катившіеся по нимъ, трудящихся рабочихъ. Скоро она подошла къ церкви св. Павла—по той же самой дорогѣ, по какой они такъ часто ходили въ былое время. Но тутъ она остановилась; она никакъ не могла отдать себѣ отчета, нужно ли было поворотить вправо или влѣво? Странно, что это до такой степени улетучилось у нея изъ памяти.

Она медленно пошла назадъ, къ консерваторіи. Тамъ она остановилась. Наверху было окно, изъ котораго она такъ часто глядѣла на куполъ церкви св. Карла, страстно ожидая того часа, когда занятія кончатся и она опять встрѣтится съ Эмилемъ. Какъ онъ любилъ ее и какъ странно, что все это кончилось! Теперь она ходитъ здѣсь уже вдовою; уже нѣсколько лѣтъ, какъ она вдова, дома у нея подростающій ребенокъ—а если бы она умерла, Эмиль даже совсѣмъ не узналъ

бы объ этомъ или узналъ бы много лѣтъ спустя. Глаза ея упали на большой плакатъ, вывѣшенный у входныхъ дверей. Это было объявленіе о концертѣ, въ которомъ онъ тоже принималъ участіе; имя его стояло здѣсь среди другихъ великихъ именъ, изъ которыхъ многіе уже съ давнихъ поръ внушали ей какое-то робкое благоговѣніе: «Скрипичный концертъ Брамса. Исполнитъ придворный артистъ Баварскаго короля Эмиль Линдбахъ». Придворный артистъ баварскаго короля—она и не знала объ этомъ! Ей казалось, что этотъ человѣкъ, имя котораго такъ ярко выступало для нея на афишѣ, сейчасъ можетъ выйти изъ подъѣзда со скрипкою въ футлярѣ подъ мышкой, съ папироскою въ губахъ. Все это стало внезапно до того близкимъ—особенно когда сверху раздались вдругъ тягучіе звуки скрипки, какіе ей такъ часто приходилось слышать въ то время. Ей захотѣлось пріѣхать въ Вѣну къ этому концерту,—что-же такое! одну ночь можно провести и гостинницѣ! Она будетъ сидѣть въ переднихъ рядахъ и увидитъ его совсѣмъ вблизи. Увидитъ ли, узнаетъ ли и онъ ее? Она все еще стояла передъ желтой афишей, погруженная въ свои мысли, пока не почувствовала, что на нее смотрятъ въ упоръ нѣсколько молодыхъ людей, вышедшихъ изъ подъѣзда; теперь она замѣтила также, заднимъ числомъ, что все это время съ лица ея не сходила улыбка,—словно она видѣла прекрасный сонъ.

Она пошла дальше. Мѣстность прилегавшая къ городскому парку, тоже совершенно измѣнилась, и когда она стала разыскивать дорогу, по которой они когда-то ходили, она нашла полное разореніе: деревья были вырублены, путь загороженъ досками, земля взрыта, и напрасно старалась она отыскать скамейку, гдѣ они обмѣнивались съ Эмилемъ словами любви, тонъ которыхъ она еще такъ ясно помнила, но точнаго содержанія которыхъ уже совершенно не могла возстановить въ своей памяти. Она вошла въ наиболѣе посѣщаемую часть парка, поддерживаемую въ особенномъ порядкѣ; тамъ были цѣлыя толпы народа. Но у нея было такое ощущеніе, будто всѣ смотрятъ на нее, а нѣкоторыя дамы даже смѣются. Она почувствовала себя опять настоящею провинціалкой, сердилась на свое собственное стѣсненіе и думала о томъ времени, когда она, будучи хорошенькою молодой дѣвушкой, спокойно и горделиво прогуливалась по этимъ аллеямъ. Она казалась себѣ теперь такой опустившейся, такой жалкой. Сидѣть въ первыхъ рядахъ большой залы Музыкальнаго Общества—эта мысль представлялась ей теперь просто сумасбродной, почти неисполнимою. Теперь она уже не допускала, чтобы Эмиль Линдбахъ могъ узнать ее; ей казалось даже почти невозможнымъ, чтобъ онъ помнилъ о самомъ ея существованіи. Чего только онъ ни пережилъ съ тѣхъ поръ! Сколько женщинъ и дѣвушекъ должны были любить его—и совершенно иначе, чѣмъ она. Возвращаясь по менѣе оживленнымъ аллеямъ парка опять на Рингштрассе, она рисовала себѣ разныя жизненныя приключенія своего бывшаго возлюбленнаго,

причемъ смутно помнившіяся ей исторіи изъ прочитанныхъ романовъ переплетались въ ея фантазіи съ неясными представленіями объ его артистическихъ поѣздкахъ по Европѣ. Она представляла его себѣ въ Венеціи, въ гондолѣ, съ какой-то русской графиней, потомъ она видѣла его при дворѣ баварскаго короля, гдѣ разныя гергогини слушали его игру и влюблялись въ него; потомъ онъ явился передъ нею въ будуарѣ оперной пѣвицы, потомъ—на маскарадѣ въ Испаніи, среди обольстительныхъ масокъ. И чѣмъ дальше онъ уходилъ отъ нея, въ своей недоступности, въ своемъ достойномъ зависти величіи, тѣмъ болѣе жалкой казалась она сама себѣ. Теперь она просто не понимала, какъ могла она тогда такъ легко отказаться отъ своихъ надеждъ, отъ своей артистической будущности и отъ любимаго человѣка, чтобы вести это темное существованіе и стушеваться въ толпѣ. Она съ какимъ-то содраганіемъ подумала о томъ, что была лишь вдовою незначительнаго человѣка, проживающею въ маленькомъ городкѣ, зарабатывающей деньги уроками и постепенно идущей навстрѣчу старости. Никогда не видѣла она на своемъ жизненномъ пути ни единаго луча отъ того сіянья, которое окружаетъ и будетъ окружать его, пока онъ живъ. И съ такимъ же содроганіемъ думала она о томъ, что она могла довольствоваться своею участью, проводя жизнь безъ надеждъ, даже безъ какой-либо горячей мечты, въ какомъ-то глухомъ мракѣ, который казался ей теперь совершенно безпросвѣтнымъ.

Не вѣдая, какимъ путемъ, она прибрела на Аспернбрюкс. Здѣсь она хотѣла перейти улицу, но ей пришлось подождать вслѣдствіе множества проѣзжавшихъ экипажей. Въ большинствѣ изъ нихъ сидѣли мужчины; у многихъ были полевые бинокли; она знала: они возвращались изъ Пратера, гдѣ были бѣга. Вотъ прокатилъ шикарный экипажъ, въ которомъ ѣхалъ господинъ съ молодою женщиною въ бѣломъ весеннемъ туалетѣ; затѣмъ коляска съ двумя дамами въ кричащихъ костюмахъ. Берта долго смотрѣла имъ вслѣдъ. Одна изъ нихъ обернулась, заглядывая въ коляску, ѣхавшую за ними, въ которой сидѣлъ, откинувшись къ спинкѣ, молодой, очень красивый человѣкъ въ длинномъ сѣромъ пальто. Берта почувствовала какую-то боль — одновременно тревогу и гнѣвъ: ей хотѣлось бы быть этой дамой, за которой ѣхалъ молодой человѣкъ, ей хотѣлось быть прекрасной, молодой, независимой,—о, Господи! ей хотѣлось бы быть любой изъ этихъ женщинъ, которыя могутъ дѣлать все, что хотятъ, могутъ оборачиваться на всякаго мужчину, если онъ имъ нравится. И въ эту минуту она была уже совершенно увѣрена, что фрау Рупіусъ находится теперь съ кѣмъ-то, кого она любитъ. Да и почему ей не поступать такъ? Вѣдь она была—по крайней мѣрѣ въ Вѣнѣ—совершенно свободна, могла располагать своимъ временемъ, и притомъ она была такъ красива, на ней было душистое платье цвѣта фіалокъ, и на губахъ ея играла улыбка—та улыбка, какою улыбаются люди только когда они счастливы, а дома она не могла быть

счастлива. И въ то же время Бертѣ представился господинъ Рупіусъ, такимъ она видѣла его, когда онъ сидѣлъ тамъ, въ своей комнатѣ, и разсматривалъ гравюры. Но сегодня онъ, конечно, не занимается этимъ, сегодня, сидя дома, онъ дрожитъ за свою жену, терзаясь страхомъ, что ее отнимутъ у него въ этомъ большомъ городѣ, что она болѣе не вернется къ нему и что онъ останется со своимъ несчастіемъ въ полномъ одиночествѣ. И Берту охватило такое состраданіе къ нему, какого она никогда еще не испытывала. Да, всего лучше было бы, еслибъ она осталась съ нимъ, чтобы утѣшить и успокоить его.

Она почувствовала, что кто-то коснулся ея руки. Она вздрогнула и оглянулась. Подлѣ нея стоялъ молодой человѣкъ и смотрѣлъ на нее наглымъ взглядомъ. Въ своей разсѣянности она, было, посмотрѣла ему прямо въ глаза; тогда онъ сказалъ: «Н-ну!» и засмѣялся. Берта перепугалась и почти бѣгомъ бросилась на другую сторону улицы, чуть не попавъ подъ экипажъ. Теперь ей было стыдно своего недавняго желанія—быть тою дамою, въ экипажѣ. Нѣтъ, нѣтъ, она—порядочная женщина, всякая вольность противна ей въ глубинѣ души; нѣтъ, она совсѣмъ не могла бы больше жить въ Вѣнѣ, гдѣ неизбѣжно подвергаешься такимъ вещамъ! Тоска по своемъ мирномъ домѣ охватила ее, и она обрадовалась при мысли о свиданіи со своимъ мальчикомъ, какъ при мысли о чемъ-то неслыханно прекрасномъ. Однако, который же часъ? Господи помилуй, уже три четверти седьмого! Нужно взять извозчика; тутъ и думать нечего. Утромъ за извозчика заплатила фрау Рупіусъ, значитъ, теперь извозчикъ будетъ стоить, такъ сказать, только половину. Она сѣла въ открытую пролетку и откинулась въ уголъ почти съ такою же важностью, какъ та дама, въ бѣломъ платьѣ, которую они видѣла. Прохожіе смотрятъ на нее. Она знаетъ, что выглядитъ хорошенькою и молодою, и она чувствуетъ себя въ безопасности: ничего не можетъ здѣсь случиться съ нею. Быстрая ѣзда на резиновыхъ шинахъ доставляетъ ей невыразимое наслажденіе. Какъ чудесно это будетъ, когда она въ слѣдующій разъ надѣнетъ новое платье и маленькую соломенную шляпу, которая такъ молодитъ ее, и опять поѣдетъ по городу въ экипажѣ. Берта рада, что фрау Рупіусъ стоитъ у подъѣзда вокзала и видитъ, какъ она подъѣзжаетъ; но фрау Рупіусъ совсѣмъ не догадывается объ ея гордости, а напротивъ, дѣлаетъ видъ, будто это самое обыкновенное дѣло—подъѣхать къ вокзалу на извозчикѣ.

— Мы имѣемъ еще десять минутъ времени,—говоритъ она.—Вы очень сердитесь на меня, что я заставила васъ ждать? Но подумайте у брата былъ большой дѣтскій полдникъ, и эти крошки положительно не хотѣли отпускать меня. Потомъ я уже сообразила, что собственно и васъ нужно было бы притащить туда: дѣти очень позабавили бы васъ, и я уже сказала брату, что въ слѣдующій разъ непремѣнно привезу васъ вмѣстѣ съ вашимъ мальчикомъ.

Берта чувствовала себя пристыженною. Какъ неправа она была по

отношенію къ этой женщинѣ. Она могла только пожать ей руку и проговорить:

— Благодарю васъ! Вы, право, очень милы!

Онѣ вышли на дебаркадеръ и вошли въ купэ; тамъ было совсѣмъ пусто. Фрау Рупіусъ держала въ рукѣ пакетикъ съ вишнями, которыя она медленно, одна за другой, клала въ ротъ, выбрасывая косточки за окно. Когда поѣздъ тронулся, она откинулась къ спинкѣ и закрыла глаза. Берта стала смотрѣть въ окно; она почувствовала сильное утомленіе отъ своей длинной прогулки; ей стало вдругъ какъ-то не по себѣ: она могла бы провести этотъ день иначе—спокойнѣе, пріятнѣе. Холодный пріемъ и скучный обѣдъ у кузины вспомнился ей. Какъ это грустно, что у нея нѣтъ въ Вѣнѣ больше никакихъ знакомыхъ. Словно чужестранка бродила она по этому городу, гдѣ провела двадцать шесть лѣтъ своей жизни. Почему это? И почему она не остановила утромъ тотъ экипажъ, въ которомъ она видѣла человѣка, похожаго на Эмиля Линдбаха? Конечно, она не могла побѣжать за нимъ, окликнуть его,—но если бы это въ самомъ дѣлѣ былъ онъ, если бы онъ узналъ ее, если-бы онъ обрадовался, что снова видитъ ее? Они пошли бы вмѣстѣ гулять и разсказывали бы другъ другу объ этихъ долгихъ годахъ, которые они прожили, ничего не зная другъ о другѣ, и потомъ пошли бы обѣдать въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ, и нѣкоторые, разумѣется, узнали бы его, и она совершенно отчетливо слышала, какъ люди разсуждали вокругъ о томъ, кто такая «она»? Она такъ интересна, новое платье уже готово,—и кельнеры прислуживали ей съ особенною почтительностью, особенно одинъ, молоденькій, приносившій вино: это былъ собственно ея племянникъ, который здѣсь, вмѣсто того, чтобы учиться, самымъ естественнымъ образомъ превратился въ помощника кельнера. Вдругъ въ залу вошелъ докторъ Мартинъ съ женою; они обнимались, какъ если бы были совершенно одни; тогда Эмиль всталъ, взялъ лежавшій подлѣ него смычекъ и поднялъ его такъ повелительно, что кельнеръ вытолкалъ супруговъ Мартинъ въ двери. Тогда Берта расхохоталась—очень громко, потому что она давно разучилась, какъ надо держать себя въ хорошемъ ресторанѣ. Впрочемъ, какой же это хорошій ресторанъ? Это просто комната въ гостиницѣ «Краснаго яблока», и гдѣ-то играетъ военный оркестръ; но его не видно. Это особенное искусство господина Рупіуса—устраивать такъ, чтобы оркестры играли невидимо для публики. Скоро, однако, ея очередь. Вотъ и рояль, но она давно уже разучилась играть на роялѣ,—лучше убѣжать, чтобы ее не заставляли. И вотъ она уже на вокзалѣ, фрау Рупіусъ ждетъ ее и говоритъ: «Пора! пора!» и даетъ ей въ руку толстую книгу: это, собственно, билетъ для проѣзда. Но фрау Рупіусъ вовсе даже не ѣдетъ, она садится на скамейку, ѣстъ вишни и плюетъ косточки въ начальника станціи, который, повидимому, очень доволенъ этимъ. Берта входитъ въ купэ—слава Богу, что

Клингеманнъ уже здѣсь! Онъ щуритъ глаза, подмигиваетъ и говоритъ: «Вы знаете, чьи это похороны?» И Берта видитъ, что на сосѣднихъ рельсахъ стоятъ похоронныя дроги. Она вспоминаетъ, что это умеръ тотъ капитанъ, съ которымъ продавщица табачнаго магазина измѣнила Клингеманну: конечно,—вѣдь по этому-то случаю и назначенъ концертъ въ «Красномъ яблокѣ». Вдругъ Клингеманнъ дуетъ ей въ глаза и смѣется такъ, что кругомъ все зашумѣло, загудѣло... Берта открываетъ глаза: мимо окна проносится встрѣчный поѣздъ. Она содрогается. Что за дикій сонъ! А вначалѣ было, какъ будто, что-то хорошее? Она старается вспомнить. Да, тутъ игралъ какую то роль Эмиль... но какую?—она уже больше не знаетъ.

Мало-по-малу начинаетъ смеркаться. Поѣздъ бѣжитъ вдоль Дуная. Фрау Рупіусъ спитъ и улыбается, можетъ быть, только дѣлаетъ видъ, что спитъ. Легкое подозрѣніе снова закрадывается въ душу Берты, вмѣстѣ съ завистью къ тому неизвѣстному, таинственному, что переживаетъ фрау Рупіусъ. Ей тоже хотѣлось бы испытать что-нибудь. Ей хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь сидѣлъ подлѣ нея, прижавшись плечомъ къ ея плечу; она чувствовала бы то же, что тогда, когда она стояла съ Эмилемъ на берегу Дуная, и у нея мутилось сознаніе, и она думала о ребенкѣ. О, зачѣмъ она такъ одинока, такъ бѣдна, затеряна во мракѣ!.. Ей хотѣлось сказать возлюбленному своей юности, умоляюще сказать ему: «Поцѣлуй же меня, какъ тогда, вѣдь это такое счастье»!

Уже совсѣмъ свечерѣло. Берта смотритъ въ черную тьму. Сегодня же, прежде чѣмъ лечь спать, она достанетъ маленькую сумочку, въ которой хранятся письма ея родителей и Эмиля. Ей страстно хочется скорѣе пріѣхать. Какъ будто какой-то вопросъ пробудился въ ея душѣ, и дома ее ждетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАБОЧАЯ ПѢСЕНКА.

«Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется»...
Некрасовъ.

I.

Да, этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется,—и не у насъ однихъ, а вездѣ тамъ, гдѣ руками и вообще силами человѣка совершается тяжелая физическая работа; именно работа, а не одна только регулировка производимаго силами природы труда. Когда-то признакомъ каждаго поселенія людей была «пѣсня, подобная стону», раздававшаяся изъ устъ мукомола, или, чаще, мукомолки; признакъ этотъ былъ столь характеренъ и разителенъ, что у пророка Іереміи его прекращеніе является равносильнымъ опустѣнію земли. Это было то время, когда не было другой мельницы, кромѣ ручной: мукомолка упиралась руками и грудью въ шестъ, приводившій въ движеніе верхній жерновъ, и начиналось утомительное, однообразное круженье, сопровождаемое монотоннымъ скрежетомъ мельницы и столь же монотонной пѣсней работницы. Экземпляръ такой пѣсни изъ древняго міра намъ случайно сохранился; его родина—Лезбосъ, его время—эпоха процвѣтанія этого острова подъ главенствомъ города Митилены и его правителя, мудраго Питтака, который, происходя изъ низкаго рода, достигъ высшаго въ своемъ государствѣ сана. Его-то и поминали въ своей пѣснѣ лезбосскія мукомолки:

Мели, мельница, мели;
Вѣдь и Питтакъ нашъ мололъ,
Что великой Митиленой нынѣ правитъ.

Если принять во вниманіе, что работа шла очень медленно и что поэтому число участницъ было, сравнительно, большое, то можно будетъ представить себѣ роль «мукомольной пѣсни» въ акустической физіономіи, если можно такъ выразиться, античной деревни. Но вотъ послѣдовало открытіе, кореннымъ образомъ, хотя и не сразу, измѣнившее эту физіономію: была изобрѣтена водяная мельница. Съ какимъ вздохомъ облегченія ее привѣтствовалъ древній міръ,—объ этомъ мы мо-

жемъ судить по одной, тоже случайно сохранившейся въ греческой антологіи эпиграммѣ.

Дайте рукамъ отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкій разсвѣтъ громко пѣтухъ голосилъ:
Нимфамъ пучины рѣчной вашъ трудъ поручила Церера;
Какъ зарѣзвились онѣ, ободъ крутя колеса!
Видите? Ось завертѣлась, а оси крученыя спицы
Съ рокотомъ движутъ глухимъ тяжесть двухъ паръ жерноновъ!
Снова намъ вѣкъ наступилъ золотой: безъ труда и усилій
Начали снова вкушать даръ мы Цереры святой.

Чья работа, того и пѣсня: пѣсню мукомолки смѣнила пѣсня Нимфъ рѣчной пучины. Мы любимъ эту пѣсню и понимаемъ Шуберта, который взялъ ее въ аккомпаниментъ своихъ прелестныхъ Müllerlieder; со всѣмъ тѣмъ приходится признать, что мукомольная пѣсенка отошла въ вѣчность. Та же участь постигаетъ на нашихъ глазахъ и ту бурлацкую пѣсню, которая еще недавно носилась «надъ великою русской рѣкой»; и ее уже смѣняетъ другая пѣсня, гораздо менѣе пріятная нашему слуху, чѣмъ та пѣсня Нимфъ,—тяжелое, сердитое пыхтѣніе парохода-буксира. То же самое вездѣ: съ расцвѣтомъ техники въ ея различныхъ отрасляхъ повелительно безстрастный шумъ машины убиваетъ скромную и участливую рабочую пѣсенку; еще нѣсколько десятилѣтій—и отъ пѣсни-стона останется одно только воспоминаніе.

II.

Слѣдуетъ ли желать наступленія этого времени, или опасаться его! И то, и другое одинаково безполезно. Какими чувствами мы ни сопровождали бы совершающуюся на нашихъ глазахъ эволюцію, мы ея не остановимъ, не удержимъ въ живыхъ того, что осуждено на смерть. Рабочая пѣсенка осуждена; съ ней и обращаются, какъ съ осужденной,—холятъ, балуютъ. Цѣлые отряды «фольклористовъ» заняты ея выслѣживаніемъ и записываніемъ; ее издаютъ въ опрятныхъ сборникахъ, въ подлинныхъ текстахъ, съ нотами подлинныхъ напѣвовъ и даже, прости Господи, съ аккомпаниментомъ. Мало того: ее переносятъ въ концертныя залы, свои и заграничныя; спеціально ту некрасовскую навѣрное большее число людей слышало въ исполненіи мужскихъ хоровъ, чѣмъ при ея первоначальной обстановкѣ, изъ многострадальной груди волжскихъ бурлаковъ.

Не мало чести выпало на долю рабочей пѣсенки; ласкаетъ ее мода, но уважаетъ и наука. Участіе этой послѣдней сказывается менѣе шумнымъ и замѣтнымъ образомъ, но зато оно, смѣемъ думать, надежнѣе и долговѣчнѣе; о немъ и будетъ рѣчь въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Дѣло въ томъ, что по теоріи извѣстнаго нѣмецкаго экономиста

Карла Бюхера рабочая пѣсенка представляется не болѣе, не менѣе, какъ родоначальницей поэзіи и музыки вообще. Свои изслѣдованія, заведшія его далеко внѣ области его спеціальной науки, Бюхеръ обнародовалъ въ 1897 г. въ трудахъ саксонской «Gesellschaft der Wissenschaften»—не какъ нѣчто законченное, а лишь для того, чтобы обратить вниманіе спеціалистовъ на затронутые имъ вопросы. И дѣйствительно, вниманіе было обращено; отовсюду—какъ это часто случается въ Германіи при той завидной коопераціи наукъ и ученыхъ, о которой мы здѣсь и понятія не имѣемъ—посыпались новые матеріалы, возраженія, поправки, указанія; въ результатѣ вышло, что уже черезъ два года авторъ могъ выпустить второе изданіе своего труда въ видѣ солидной самодовлѣющей книги («Arbeit und Rhythmus». Лейпцигъ. 1899 г.). Эта книга была встрѣчена съ еще большимъ сочувствіемъ представителями самыхъ разнообразныхъ наукъ: даже классическая филологія, столь ревниво оберегающая свой участокъ отъ набѣговъ искателей приключеній изъ смежныхъ областей, даже она принуждена была объявить устами одного изъ своихъ корифеевъ, У. ф.-Виламовица, что автору удалось обнаружить «если не корень вообще, то одинъ изъ корней поэзіи».

Какъ это понимать?

Прежде всего спрашивается, что такое рабочая пѣсня? Отвѣтъ «пѣсня, исполняемая за работой», ничего не объясняетъ, такъ какъ вызываетъ съ своей стороны вопросъ, что такое работа? Экономисты это прекрасно знаютъ... или, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что знаютъ; но ихъ отвѣты, каковы бы они ни были, для нашей цѣли не годятся, такъ какъ всякое претендующее на полноту опредѣленіе нашего понятія должно включить въ себя также и умственную работу, которая однако не была и не могла быть стимуломъ къ пѣснѣ. Ограничиваясь, поэтому, физическою работой,—какъ это и дѣлалъ Бюхеръ,—можно будетъ сказать, что работа есть движеніе мышцъ, направленное на достиженіе лежащей внѣ его самого полезной цѣли. Опредѣленіе это не сразу, быть можетъ, покажется вразумительнымъ; но достаточно будетъ напомнить объ игрѣ, цѣль которой заключается въ ней самой, и оно станетъ понятнымъ. Конечно, придирки остаются возможными; такъ, «моціонъ» никто не назоветъ работой, а между тѣмъ онъ подъ наше опредѣленіе подходитъ; съ другой стороны, слово «полезной» надо замѣнить «сознаваемой, какъ полезная», такъ какъ, въ противномъ случаѣ, рабочіе, сооружавшіе костеръ для Іоанна Гуса, останутся за рубежомъ. Всѣ эти придирки стушевываются передъ кореннымъ недостаткомъ опредѣленія, который дѣлаетъ его негоднымъ для всякаго историческаго изслѣдованія о работѣ: мы стараемся провести различіе между работой и игрой, а между тѣмъ въ первобытномъ состояніи человѣка оба эти понятія совпадаютъ. Работа дикаря вызвана столько же стремленіемъ дать выходъ накопившемуся запасу энергіи, сколько

и желаніемъ достигнуть лежащей внѣ его работы полезной цѣли; это—не чистая работа, а *работа-игра*, и это обстоятельство не осталось безъ вліянія на характеръ рабочей пѣсенки.

Итакъ, спросятъ: работа-игра создала пѣсню-стонъ?

Нѣтъ, не она; для того, чтобы рабочая пѣсенка стала пѣсней-стономъ—для этого первобытная работа-игра сама должна была превратиться въ работу-пытку.

III.

Всѣ растительныя отправленія человѣческаго организма подчинены ритму; въ равномѣрныхъ интервалахъ подымается и опускается наша грудь, въ равномѣрныхъ интервалахъ бьется нашъ пульсъ, этотъ живой метрономъ, регулирующій игру жизни въ нашихъ жилахъ. Устраните мысленно сознаніе изъ нашего организма, и всѣ отправленія этой жизни будутъ строго соблюдать опредѣленный ритмъ вплоть до той великой паузы, которую мы называемъ смертью. Сознаніемъ нарушается ритмъ; не зная его само для своихъ собственныхъ функцій, оно прерываетъ его также и въ тѣхъ растительныхъ отправленіяхъ нашего тѣла, на которыя оно можетъ распространить свою власть; ему мы обязаны всѣми ускореніями и замедленіями ритма въ работѣ какъ легкихъ, такъ и кровообращенія. Въ связи съ этимъ различіемъ стоитъ другое. Неритмическія функціи сознанія утомляютъ нашъ организмъ онъ требуетъ отдыха отъ нихъ въ видѣ сна. Напротивъ, ритмическія функціи дыханія и кровообращенія насъ не утомляютъ; онѣ поэтому и не прерываются, продолжаясь и во время сна.

Отсюда слѣдуетъ, что всякая физическая работа будетъ насъ тѣмъ болѣе утомлять, чѣмъ болѣе она будетъ находиться въ зависимости отъ сознанія, и тѣмъ менѣе, чѣмъ тѣснѣе будетъ ея связь съ растительными отправленіями нашего организма; естественно стремясь дѣлать свою работу менѣе утомительной, человѣкъ этимъ самымъ стремится превращать ее изъ сознательной въ *автоматическую*. А это, въ свою очередь, имѣетъ послѣдствіемъ *ритмичность* работы: будучи поставлена въ связь съ растительными отправленіями организма, она естественно подчиняется и ихъ ритму. Итакъ, чѣмъ ритмичнѣе работа, тѣмъ менѣе она утомляетъ насъ; первый шагъ къ облегченію физической работы—это подчиненіе ея ритму.

Въ этомъ заключается физіологическое значеніе ритма; въ этомъ также—поскольку рабочая сила является главнымъ факторомъ политической экономіи—и его экономическое значеніе. И вотъ почему, говоритъ Бюхеръ (стр. 366), «мы не должны вторить современнымъ экономистамъ, признающимъ всякій однообразный трудъ отупляющимъ и въ высшей степени изнуряющимъ. Именно однообразіе работы является величайшимъ благодѣяніемъ для человѣка, *пока онъ самъ можетъ опре-*

дѣлять темпъ своихъ движеній и можетъ ихъ прекращать по своему желанію; только оно допускаетъ ту ритмичность и автоматичность работы, которая сама по себѣ доставляетъ намъ удовлетвореніе тѣмъ, что освобождаетъ нашъ духъ и даетъ просторъ фантазіи... Изнуряетъ человѣка только такая однообразная работа, которая не допускаетъ ритма и требуетъ при каждой новой операціи новаго, хотя бы и однороднаго дѣйствія нашего сознанія въ родѣ сложенія цѣлыхъ колоннъ чиселъ, переписыванія текстовъ и т. д.». И тутъ же—да будетъ намъ дозволено это отмѣтить—нашъ авторъ дѣлаетъ выписку: «Очень тонкія наблюденія о вліяніи автоматической работы на душевное настроеніе работающаго и качество работы, и также и дѣйствіе препятствій, нарушающихъ ритмическій ходъ работы и требующихъ новаго размышленія см. у Л. Толстого, «Анна Каренина», т. I, ч. 3, гл. 4 и 5».

Къ этому физіологическому и экономическому значенію ритма присоединяется третье, которое, если угодно, можно назвать соціологическимъ; оно вступаетъ въ силу каждый разъ, когда въ одной и той же работѣ участвуютъ многіе. Всякій наблюдалъ, какъ рабочіе при постройкѣ каменнаго дома перебрасываютъ кирпичи изъ нижняго этажа въ верхніе. Это—положительно красивое зрѣлище; красиво оно, благодаря строгому ритму, съ которымъ каждый рабочій нагибаясь, ловитъ кирпичъ и, выпрямляясь, бросаетъ его товарищу. Здѣсь, однако, ритмъ соблюдается не ради красоты и равнымъ образомъ не исключительно въ видахъ сбереженія силъ: попробуй рабочій нарушить ритмъ—и кирпичъ попадетъ ему въ голову или пролетитъ мимо него.

Вотъ какія обстоятельства содѣйствовали возникновенію ритма въ работѣ; ритмъ этотъ, однако, помимо самой мѣрности движеній работающаго, будучи направленъ на какой-нибудь внѣшній предметъ, сопровождается звукомъ; сюда относятся не только такіе громкіе звуки, какъ ударъ молотка или «бабы», плескъ веселъ и т. д., но и такіе менѣе слышные, какъ свистъ косы или треніе кирпича о мозолистую руку рабочаго. Такимъ образомъ, всякая работа сопровождается своей *пѣсней*, состоящей пока изъ одного только ритмическаго шума; это—пѣсня работы, но еще не рабочая пѣсня.

V.

«Занятый тяжелой физической работой, человѣкъ въ моментъ крайняго напряженія мышцъ дѣлаетъ т. наз. инспираціонную паузу, стягивая мускулы голосовой щели и не давая такимъ образомъ выхода сдавленному въ легкихъ воздуху. Съ ослабленіемъ мышцъ спирающій язычекъ выдавливается т. наз. экспираціоннымъ толчкомъ, причемъ дрожаніе голосовыхъ связокъ имѣетъ послѣдствіемъ громкое выдыханіе, выражающееся, смотря по обстоятельствамъ, либо открытымъ гласнымъ *а*, *о*, либо глухимъ съ согласнымъ, *уфъ*, *упъ* и т. д.». Такъ объясняетъ

одинъ изъ многочисленныхъ совѣтчиковъ и помощниковъ Бюхера, медикъ Оппенгеймъ (стр. 301), физическую потребность человѣка—въ извѣстные моменты своей работы «ухнуть».

Повторяемое въ извѣстныхъ промежуткахъ, равномѣрность которыхъ обусловливается ритмомъ самой работы, это «уханье» стало зародышемъ рабочей пѣсни. Первоначальная рабочая пѣсенка не знаетъ словъ, или состоитъ изъ однихъ только междометій, характеръ которыхъ опредѣляется характеромъ самой работы. Равнымъ образомъ эта пѣсенка не знаетъ или почти не знаетъ напѣва, она состоитъ изъ одного только ритма, совпадающаго съ ритмомъ самой работы, причемъ однако ослабленіе напряженія естественно выражается не только ослабленіемъ, но и пониженіемъ звука.

Таково физіологическое происхожденіе рабочей пѣсенки; надобно только помнить, что сами по себѣ физіологическіе факторы дали бы лишь зародышъ таковой, но не ее самое. Все же и въ этомъ своемъ примитивномъ видѣ она—реальная величина, а не плодъ конструкціи; многія изъ сообщаемыхъ Бюхеромъ рабочихъ пѣсенокъ финскихъ народовъ состоятъ изъ однихъ только ритмическихъ звуковъ безъ напѣва и словъ; да и въ значительной части вполнѣ развитыхъ и, если можно такъ выразиться, литературныхъ пѣсенъ междометія образуютъ прочное ядро, вокругъ котораго группируются мѣняющіяся, смотря по обстоятельствамъ, слова. Такова та древне-греческая «дубинушка», которую мы читаемъ у Аристофана въ его комедіи «Миръ» (требуется съ помощью канатовъ сдвинуть камень съ отверстія подземелья, въ которое заключена богиня мира Ирена):

Ну-те дружно, ну-те всѣ!
Сейчасъ, сейчасъ конецъ!
Натужьтесь, не слабѣйте,
Тяните молодцомъ!
Вотъ, вотъ сейчасъ конецъ!
О эя дружно, эя всѣ!
О эя, эя, эя, эя, эя, эя!
О эя, эя, эя, эя, эя всѣ!

Но какъ же объяснить происхожденіе тѣхъ двухъ элементовъ, которыхъ не доставало рабочей пѣсенкѣ въ ея первоначальной формѣ—напѣва и словъ?

Первый вопросъ заводитъ насъ въ темную область музыкомедицины; какъ бы мы ни объясняли это явленіе, но фактъ тотъ, что, кромѣ ритма, и напѣвъ имѣетъ *возбуждающее* вліяніе на человѣка. Многочисленные опыты, произведенные представителями экспериментальной психологіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ оживляющемъ дѣйствіи мелодіи на утомленный организмъ. Вотъ почему изъ барабаннаго боя, свойственнаго (въ томъ или другомъ видѣ) первобытнымъ народамъ, развился мелодичный маршъ; та же эволюція можетъ быть прослѣжена и въ другихъ сферахъ физической работы.

Сначала положеніе мелодіи было непрочно; она подвержена частымъ измѣненіямъ въ сравненіи съ постояннымъ и не мѣняющимся ритмомъ; мало-по-малу она крѣпнетъ и вмѣстѣ съ ритмомъ опредѣляетъ акустическую физіономію рабочей пѣсенки. Что же касается словъ, то ихъ возникновеніе было гораздо болѣе сложнымъ процессомъ.

Первое по старшинству (но отнюдь не по интересу) мѣсто занимаютъ *слова-сигналы*. Они обязательно должны были явиться при дружной работѣ, особенно при такой, которая требовала возможнаго сосредоточенія рабочей силы для удара, толчка и т. д. Эти слова-сигналы немногимъ отличаются отъ самихъ междометій, тѣмъ болѣе, что и эти междометія, ведущія свое происхожденіе отъ одинокихъ усилій каждаго, при дружномъ характерѣ работы могли и должны были также служить сигналами. Оба эти элемента вмѣстѣ взятые образуютъ остовъ рабочей пѣсенки; ея плоть составилась другимъ путемъ.

V.

Этотъ путь намъ будетъ понятенъ, если мы припомнимъ важный для возникновенія рабочей пѣсенки фактъ, что первоначальная работа человѣка имѣла характеръ *работы-игры*. Въ этомъ элементѣ игры, приправляющемъ работу, заключается зародышъ всякаго искусства; между прочимъ, и поэзіи.

Участіе сознанія, необходимое при началѣ каждой работы, слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ сама работа получаетъ автоматическій характеръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе занимается оно тѣлодвиженіями, ставшими механическими, но въ то же время возбужденіе, порожденное ритмомъ, сообщается и сознанію, оно живѣе, энергичнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Приливающая и не расходуемая на работу сила ищетъ себѣ примѣненія; она естественно находитъ это примѣненіе въ *игрѣ*. Рабочая пѣсенка въ своей лучшей, поэтическо-музыкальной части — игра сознанія, освобожденнаго отъ обязанности контролировать работу мускуловъ и возбужденнаго сопровождающимъ эту работу ритмомъ.

А разъ имѣется потребность творчества—за объектами творчества ходить не далеко. Они имѣются въ достаточномъ подборѣ, начиная объектомъ самой работы, продолжая участвующими и присутствующими, затѣмъ—чувствами работающаго и кончая его воспоминаніями.

Объектъ работы естественно возбуждаетъ участіе работающаго, если только онъ заинтересованъ въ его благополучіи, что бываетъ чаще всего при свободной, а не подневольной работѣ. Зависитъ это благополучіе не только отъ доброй воли работающаго, но и отъ цѣлаго ряда случайностей, которыя первобытный человѣкъ склоненъ приписывать вліянію таинственныхъ силъ. Эти таинственныя силы надлежитъ умилостивить или запугать теперь же, во время возникновенія предмета, которому онѣ могутъ вредить; такимъ образомъ къ работѣ примѣши-

вается ворожба, изъ рабочей пѣсни выростаетъ пѣсня-заговоръ, carmen превращается въ charme. Но это—слишкомъ важная статья, чтобы къ ней относиться легкомысленно; не всякій рабочій владѣетъ тайнами ворожбы; пожалуй, надежнѣе будетъ за деньги пригласить свѣдущаго человѣка, чтобы онъ пѣлъ за работой. Такъ-то рабочая пѣсенка отдѣляется отъ самого работающаго, порождается новое сословіе—сословіе пѣвцовъ; изъ античнаго міра нами сохранена въ сборникѣ т.-наз «гомерическихъ эпиграммъ» внушительная пѣсня этого рода.

Если вы денегъ дадите, спою, гончары, я вамъ пѣсню.
Внемли молитвамъ, Аѳина; десницею печь охраняя,
Дай, чтобы вышли на славу горшки и бутылки и миски,
Чтобъ обожглись хорошенько и прибыли дали довольно.
Чтобъ продавалися бойко на рынкѣ, на улицахъ бойко,
Чтобъ отъ той прибыли жирной за пѣсню и насъ наградили.
Если жъ, безстыжее племя, пѣвца обмануть вы хотите,
Тотчасъ же всѣхъ созову супостатовъ я печи гончарной:
Эй, Разбивака, Трескунъ, Горшколопъ, Сыроглинникъ коварный,
Эй, Нетушимъ, что искусству тому столько бѣдъ ужъ надѣлалъ!
Бей и жаровню, и домъ, вверхъ дномъ опрокидывай печку,
Все разноси, гончары же пусть крикомъ избу оглашаютъ!
Какъ лошадиная челюсть скрежещетъ, такъ печь да скрежещетъ.
Въ дребезги всѣ разбивая горшки и бутылки, и миски!
Также и ты, дочь Солнца, царица колдуній, Цирцея,
Зелья подбрось имъ лихого, чтобъ съ мастеромъ дѣло погибло!
Также и Хиронъ-владыка своихъ пусть приводитъ кентавровъ
(Тѣхъ, что избѣгли десницы Геракла, и тѣхъ, что побиты);
Все истопчите кругомъ, пусть съ трескомъ обрушится печка.
Пусть они съ жалобнымъ стономъ на лютое бѣдствіе смотрятъ!
Буду, смѣясь, любоваться на долю лихую злодѣевъ!
Если жъ спасать кто захочетъ—тому пусть голову пламя
Всю обожжетъ, и послужитъ другимъ его участь наукой!

Таково соприкосновеніе чародѣйства съ рабочей пѣсней. Мы не можемъ, конечно, утверждать, что пѣсня-заговоръ и пѣсня-молитва непремѣнно развились изъ нея, что онѣ не имѣли своего самостоятельнаго корня; достаточно того, что доказана возможность такого развитія.

Кромѣ объекта работы, возбужденная и творческая мысль работающаго могла остановиться и на работающихъ, и присутствующихъ. Если присутствуетъ хозяинъ и работодатель, то его особа оттѣсняла всѣ прочія; его славили, если онъ этого заслуживалъ, но и стыдили и поносили, если онъ своею скупостью давалъ къ этому поводъ. Товарищей обыкновенно дразнили—товарокъ, разумѣется, еще больше. Это могло происходить поочередно; тогда получалась пѣсня-діалогъ. А пѣсня-діалогъ—это зародышъ драмы.

Нерѣдко, однако, характеръ работы или настроеніе работающихъ было таково, что внѣшній міръ не привлекалъ ихъ вниманія; тогда творческой потребности давалъ пищу внутренній міръ. То, что полусознательно скрывалось въ тайникахъ души въ качествѣ ли радостнаго

или грустнаго чувства, то теперь, подъ вліяніемъ возбуждающаго ритма, облекалось въ слова и звуки, переходило въ пѣсню. Такъ возникла любовная пѣсенка, но и пѣсня-думка; послѣдняя, будучи посвящена воспоминаніямъ, естественно имѣетъ лирико-элегическій характеръ. Все сказанное здѣсь подтверждается массой примѣровъ; несомнѣнно, всѣ отрасли поэзіи могли возникнуть изъ рабочей пѣсни.

Но, чтобы это могло случиться, для этого былъ нуженъ дальнѣйшій шагъ—эманципація рабочей пѣсни.

VI.

Если мы, исходя отъ развитыхъ типовъ поэзіи, зададимся цѣлью прослѣдить въ восходящемъ порядкѣ ихъ развитіе и, поскольку это возможно, ихъ возникновеніе, то мы неизбѣжно всякій разъ натолкнемся на единую и неразлучную тріаду, составляющую зерно всякой поэзіи, эта тріада—сочетаніе словъ, напѣва и *пляски*. Чѣмъ древнѣе поэзія; тѣмъ болѣе въ ней музыка преобладаетъ надъ текстомъ и пляска надъ обоими; эта послѣдняя—самый старинный элементъ тріады. Она же первая была отброшена; освобожденная отъ этого громоздкаго элемента, пѣсня, какъ таковая, т.-е. какъ рядъ пѣтыхъ стиховъ, начала новую, болѣе вольную жизнь. Второй отпала музыка, сначала какъ аккомпаниментъ, а потомъ и какъ пѣніе; пѣсня превратилась въ стихотвореніе, которое можно было распространять не только устно, но и письменно. Но характерный элементъ стихотворенія, размѣръ, былъ только пережиткомъ музыки и пляски; съ ихъ паденіемъ онъ пересталъ быть нужнымъ—стихотворная форма переходитъ въ прозаическую.

Итакъ, если мы желаемъ доискаться происхожденія поэзіи, мы должны держаться ея соединенія съ пляской. Теперь спрашивается, что такое пляска? Если исходить, какъ это требуется темой, отъ древнѣйшей и первобытной ея формы, то придется сказать, что пляска—это ритмичныя движенія тѣла, а не однѣхъ только ногъ. Изъ этого опредѣленія ясно, что пляска непосредственно родственна физической работѣ; она отличается отъ нея только отсутствіемъ объекта, на который она была бы направлена, т.-е. смысломъ, а не формой. Сѣятель во время работы равномѣрно, въ опредѣленномъ ритмѣ переступаетъ съ ноги на ногу, запускаетъ руку въ мѣшокъ, затѣмъ, быстро ее выпрямляя, бросаетъ зерна. Это—работа, такъ какъ цѣль всѣхъ описанныхъ движеній—обсѣменить поле. Устраните эту цѣль, отнимите у сѣятеля мѣшокъ, но заставьте его продѣлывать тѣ же движенія,—и передъ вами будетъ не работа, а пляска. Эту пляску мы называемъ мимической, такъ какъ мысль о сѣяніи сопровождаетъ пляшущаго и насъ, его зрителей, но не трудно представить себѣ постепенное исчезновеніе этой сопровождающей мысли. Послѣдствіемъ будетъ постепенное измѣненіе и упрощеніе характерныхъ именно для сѣянія движеній, ихъ

такъ называемая стилизація, совершенно аналогичная той, которой подвергаются въ орнаментикѣ растительные мотивы; мимическая пляска превращается въ простую, лишенную сопровождающей мысли, а слѣдовательно, содержанія.

Есть основаніе предполагать, что всѣ пляски произошли именно такимъ путемъ; а если это такъ, то мы намѣтили также путь перехода рабочей пѣсни въ «хорическую». Правда, неподготовленному читателю этотъ путь можетъ показаться довольно страннымъ; съ какой стати сѣятель будетъ производить всѣ движенія сѣянія, кромѣ какъ съ цѣлью обсѣмененія нивы? Казалось бы, разумная работа достаточно утомительна; къ чему повторять ее безъ цѣли? Это соображеніе было бы вполнѣ правильно, если бы не то обстоятельство, о которомъ была рѣчь выше: характеръ игры, присущій работѣ первобытнаго человѣка, въ силу котораго она, помимо своей цѣли, представляется ему самоинтересной; вотъ этотъ-то непосредственный интересъ и побуждалъ къ повторенію. Съ одной стороны, пріятное возбужденіе, обусловленное ритмомъ работы, служило стимуломъ и наградой исполняющимъ работу-пляску людямъ; съ другой стороны, такое же чувство удовлетворенія предполагалось и у боговъ-хранителей работы. Ихъ-то и было всего естественнѣе чествовать мимическими плясками, изображающими состоящія подъ ихъ охраной работы.

Въ этомъ и заключалось то, что мы назвали выше эманципаціей рабочей пѣсни; съ ея превращеніемъ въ «хорическую» для нея было открыто широкое поле, на которомъ она могла расти и развиваться вполнѣ. Игра ради игры создала поэзію ради поэзіи—создала то «излишнее», необходимость котораго, признанная извѣстной французской поговоркой, никогда не оспаривалась людьми, имѣющими хоть какое-нибудь представленіе объ этнологическихъ и культурно исторических фактахъ.

VII.

Эманципація рабочей пѣсенки была однако лишь однимъ изъ обоихъ направленій, въ которомъ происходило ея развитіе; другимъ направленіемъ было, напротивъ, ея *закабаленіе*.

Работа-игра была лишь фазисомъ въ развитіи человѣчества. Дикіе народы на этомъ фазисѣ остановились; но для культурныхъ долженъ былъ наступить прогрессъ, повѣдшій — хотя и не во всѣхъ областяхъ равномѣрно и одновременно — къ дифференціаціи. И вотъ «порвалась цѣпь старинная»: работа-игра выдѣлила изъ себя, съ одной стороны— чистую игру, взявшую отнынѣ подъ свою охрану поэзію, съ другой стороны, работу-кабалу. А вмѣстѣ съ работой была закабалена и ея товарка и утѣшительница, рабочая пѣсенка.

Я уже сказалъ, что этотъ процессъ совершался неравномѣрно. Въ

иныхъ областяхъ труда метаморфоза, о которой мы говоримъ, наступила очень рано; говоря, напримѣръ, о работѣ мукомоловъ, мы не можемъ указать фазиса, въ которомъ эта работа не была бы подневольной; вотъ почему она вездѣ или почти вездѣ исполняется женщинами или рабами. Но въ другихъ областяхъ доброхотный трудъ можетъ быть указанъ рядомъ съ кабальнымъ; и тутъ-то стоитъ обратить вниманіе на различный характеръ рабочей пѣсенки въ томъ и другомъ случаѣ. Въ удостовѣреніи этого различнаго характера и заключается одна изъ главныхъ заслугъ Бюхера; касается это главнымъ образомъ полевой работы.

Ясный и несомнѣнный фактъ, что нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ могутъ при одинаковой затратѣ времени и труда продѣлать большую массу физической работы, чѣмъ еслибы каждый работалъ отдѣльно, повелъ къ ассоціаціи труда. Въ области полевыхъ работъ этотъ принципъ выражался двояко: либо въ видѣ доброхотной ассоціаціи, либо въ видѣ подневольной, причемъ подъ послѣдней мы должны разумѣть и рабскій трудъ, и барщину, и наемную работу, такъ какъ при всемъ своемъ различіи въ остальномъ, эти три разновидности съ той точки зрѣнія, которая насъ интересуетъ, равносильны.

Доброхотная ассоціація съ цѣлью помочь крестьянину скорѣе убрать хлѣбъ существуетъ главнымъ образомъ въ славянскихъ земляхъ; у насъ она называется *помочью* или *толокой*. Участвующіе — молодежь обоего пола; платы не полагается, но само собой разумѣется, что хозяинъ долженъ расщедриться на угощеніе. Характеръ толоки, вслѣдствіе этого, праздничный; какъ парни, такъ и дѣвушки надѣваютъ свои лучшіе наряды; у кого такого нѣтъ, тому остается только повторять жалобу малорусской дивчины:

На тымъ боци, на толоци
Вси хороши хлопцы;
Мене-жъ маты не пущае,
Бо въ черной сороци.

Неудивительно поэтому, что и рабочая пѣсня, сопровождающая этотъ родъ работы, носитъ веселый, праздничный характеръ. При непринужденности труда, помимо ритма и совмѣстное участіе обоихъ половъ дѣйствуетъ возбуждающе; фантазія охотно гуляетъ по запретнымъ, по соблазнительнымъ тропинкамъ вольной и беззаботной любви. Рабочія пѣсни участвующихъ въ помочи полны намековъ и картинокъ въ этомъ родѣ.

Подневольная работа тоже имѣетъ свою пѣсню, только напѣвъ ея иной. «Трудъ нашихъ рукъ, пшеница, наша пища, идетъ къ другому; жена и дѣти дома голодаютъ, некому о нихъ заботиться. Ихъ пищу беретъ другой, слезы проливаетъ молодая мать; ея грудь вянетъ отъ голода, и плачетъ слабый младенецъ» — такъ поется въ грузинской пѣснѣ. «Я—бѣдная раба,—поетъ эстонка,—за плату служу, цѣпями

скованная невольница. Всегда я должна идти, всегда быть первой, хотя бы небо дышало огнемъ, хотя бы дождь меня молотилъ». Такихъ примѣровъ можно подобрать много. Свое оживляющее дѣйствіе пѣсня проявляетъ и здѣсь; она даетъ исходъ полусознательному чувству, которое безъ нея продолжало бы глухо ныть въ тайникахъ души. Но характеръ чувства сообщается и ей; выросшая подъ гнетомъ насилія,—политическаго или экономическаго, все равно—она стала хилой и безцвѣтной, подобно ползущему подъ камнемъ растенію. Нѣтъ игры, нѣтъ и веселья; работа-пытка родила пѣсню-стонъ.

VIII.

Хронологическій подсчетъ тутъ невозможенъ; если бы даже удалось экономической исторіи установить время возникновенія подневольности въ каждой области труда, все же мы не имѣли-бы достаточно надежныхъ данныхъ для интересующаго насъ здѣсь вопроса, такъ какъ намъ не удалось бы пріурочить сохранившіяся рабочія пѣсенки къ тому или другому времени. Одно можно сказать съ увѣренностью: что та работа, которая сама въ себѣ носитъ характеръ пытки и въ позднѣйшемъ времени служила наказаніемъ и, никогда доброхотной не была. «Среди всѣхъ работъ, которыхъ требуетъ хозяйство первобытныхъ народовъ, нѣтъ тяжелѣе и скучнѣе работы мукомола», говоритъ Бюхеръ; здѣсь, поэтому, пѣсня-стонъ слышится вездѣ и всегда. «Работайте, мелите живо!» поютъ работницы въ восточномъ Суданѣ; «Джеллабахи сильны; если мы не будемъ работать, они побьютъ насъ палками». На то они дикари; въ соотвѣтственныхъ пѣсняхъ цивилизованныхъ народовъ палка не такъ откровенно даетъ о себѣ знать. Тѣмъ не менѣе ея присутствіе чувствуется; перечитывая рабочія пѣсни мукомоловъ, мы легко понимаемъ что вызвавшая ихъ работа—работа изъ подъ палки.

Но, странное дѣло! Почему этотъ привкусъ совершенно не слышится въ той лезбосской пѣсенкѣ, съ которой мы начали свой очеркъ?

Мели, мельница, мели:
Вѣдь и Питтакъ нашъ моломъ,
Что великой Митиленой нынѣ правитъ!

«Онъ былъ тѣмъ-же, чѣмъ мы теперь—значитъ, и мы можемъ стать тѣмъ же, чѣмъ сталъ теперь онъ» —вотъ что хочетъ намъ сказать эта древнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ рабочихъ пѣсенокъ. И намъ вспоминается утѣшительное вѣрованіе древнихъ грековъ, согласно которому

Всѣ на Олимпъ удалились блаженные, землю покинувъ;
Только Надежда живетъ духомъ добра средь людей.

Только надежда можетъ облегчить бремя тяжелаго подневольнаго труда; какъ бы ни былъ густъ окружающій насъ мракъ — онъ пере-

стаетъ быть невыносимымъ, если виднѣется свѣтлая точка, обѣщающая намъ выходъ изъ него на свѣтъ, на свободу. Пусть она находится на очень далекомъ разстояніи, пусть ея достиженіе для насъ такъ же невѣроятно, какъ была невѣроятна для лезбосскихъ мукомолокъ царская участь; ничто не мѣшаетъ намъ, если мы только умѣемъ надѣяться, представлять себѣ нашъ идеалъ и близкимъ, и достижимымъ. На завтра счастье, скажемъ мы себѣ, а пока—«Мели, мельница, мели».

Проф. Ѳ. Зѣлинскій.

ДЖОНЪ РЁСКИНЪ КАКЪ СОЦІАЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОРЪ.

Проф. Генриха Геркнера.

Когда появилось въ газетахъ извѣстіе о смерти Джона Рёскина въ концѣ января 1900 года, то быть можетъ, у многихъ возникъ вопросъ: что это былъ за человѣкъ на самомъ дѣлѣ? Нѣкоторые называли Рёскина Донъ-Кихотомъ, каррикатурой Карлейля, и дѣйствительно Рёскинъ, во многихъ отношеніяхъ, былъ оригиналомъ, съ которымъ не такъ-то легко было сладить. Его отвращеніе къ машинному производству заходило такъ далеко, что онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, печаталъ свои собственныя произведенія при помощи ручныхъ прессовъ въ одной отдаленной деревушкѣ. Въ своемъ домѣ онъ допускалъ только освѣщеніе восковыми свѣчами. Своимъ соотечественникамъ онъ давалъ совѣтъ заниматься вмѣсто спорта полезнымъ физическимъ трудомъ. Онъ самъ однажды вооружился метлой и началъ выметать улицу въ Лондонѣ и вмѣстѣ со своими учениками исправилъ дорогу. Онъ отказался отъ своей каѳедры въ Оксфордѣ тотчасъ же, какъ только въ университетъ получила доступъ вивисекція. Когда же онъ, чтобы не ѣздить по ненавистной ему желѣзной дорогѣ, отправился въ путь въ старинной почтовой каретѣ съ почтальономъ и слугами въ соотвѣтствующихъ костюмахъ, то всѣ филистеры увидѣли въ этомъ неопровержимое доказательство того, что онъ совершенно сумасшедшій.

Тѣмъ не менѣе этотъ самый «Донъ-Кихотъ» причисляется теперь, по крайней мѣрѣ, въ Англіи и Америкѣ, къ великимъ умамъ викторіанской эры. Когда онъ умеръ, то его хотѣли похоронить въ Вестминстерскомъ аббатствѣ и только потому, что онъ при жизни сдѣлалъ другія распоряженія, пришлось отказаться отъ этого намѣренія. Его многочисленные восторженные поклонники смотрятъ на него, какъ на пророка и святого. Сочиненія его распространяются въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ. Его приравниваютъ къ Леонардо по многосторонности его познаній. По искусству владѣть языкомъ его ставятъ рядомъ то съ Шекспиромъ, то съ Байрономъ или Шелли. Толстой назвалъ его величайшимъ изъ своихъ современниковъ, а такіе компетентные цѣнители какъ Сизераннъ или Гаррисонъ приписываютъ Рёс-

кину все хорошее и великое, что только создано было искусствомъ и художественною промышленностью въ Англіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

И дѣйствительно, въ его сочиненіяхъ заключается какое-то удивительное обаяніе. Быть можетъ не сразу поддается ему человѣкъ, но оно овладѣваетъ имъ неудержимо, какъ только онъ приблизится къ этому очарованному кругу. Зародившіяся большею частью въ Швейцарскихъ горахъ, его творенія принадлежатъ къ числу рѣдкихъ произведеній, отъ которыхъ вѣетъ чистымъ воздухомъ вершинъ и которыя не теряютъ своей прелести даже въ присутствіи выдающихъ красотъ природы. Да, я даже сказалъ, бы что для того, чтобы понимать Рёскина, душа нуждается въ той великой торжественной тишинѣ, которою отличаются высоты отъ низменностей, гдѣ пріютилась городская жизнь.

Такимъ образомъ, Рёскинъ принадлежитъ къ числу людей, даже самыя заблужденія которыхъ поучительны и интересны.

Рёскинъ родился въ Лондонѣ, въ 1819 г., онъ былъ единственный сынъ очень богатаго шотландскаго купца. Въ дѣтствѣ онъ получилъ очень строгое религіозное воспитаніе, вполнѣ отвѣчающее пуританскимъ взглядамъ его родителей. Но отъ этихъ узкихъ конфессіональныхъ формъ христіанства Рёскинъ современемъ совершенно освободился. Изъ той вѣры, которую онъ исповѣдывалъ въ свои позднѣйшіе болѣе зрѣлые годы, осталось только то, что по его мнѣнію, лежитъ въ основѣ всякой истинной религіи: полезный трудъ, довѣрчивая любовь и безграничное милосердіе. Въ его душѣ горячее стремленіе къ нравственнымъ идеаламъ соединялось съ необыкновенною воспріимчивостью къ прекрасному и прежде всего къ прекрасному въ природѣ, въ ландшафтѣ. Когда ему было только четыре года, онъ просилъ художника, писавшаго его портретъ, чтобы онъ на заднемъ планѣ картины нарисовалъ синія горы. Частыя поѣздки по Англіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи доставляли ему возможность все глубже уходить въ созерцаніе ландшафтныхъ красотъ. Вскорѣ у него явилось желаніе воспроизвести полученныя впечатлѣнія карандашемъ и красками, и, такимъ образомъ, изученіе природы привело его къ изученію искусствъ, именно тѣхъ, которыя находятся въ самой тѣсной связи съ ландшафтными красотами, какъ, напримѣръ, пейзажная живопись и архитектура. Первымъ литературнымъ подвигомъ Рёскина была блестящая защита того импрессіонизма въ живописи, представителемъ которой былъ знаменитый пейзажистъ Вильямъ Турнеръ. Юношескія произведенія Рёскина, относящіяся къ критикѣ и исторіи искусства, уже въ зародышѣ заключаютъ въ себѣ все то, изъ чего впослѣдствіи развились всѣ его соціально-реформаторскія идеи позднѣйшихъ временъ.

Рёскинъ всегда ставилъ нравственный идеалъ выше искусства. Величайшими твореніями искусства онъ называлъ зданія, которыя

возбуждали въ душѣ зрителей возвышенныя мысли и чувства какимъ бы то ни было образомъ. Но въ своихъ сужденіяхъ объ искусствѣ онъ руководствовался не только его воздѣйствіемъ на зрителя; онъ изслѣдовалъ также—и это составляетъ его геніальную заслугу—то вліяніе, которое оказываетъ искусство на своихъ творцовъ, на художниковъ и на ихъ работниковъ. Такъ напримѣръ, онъ восхваляетъ готическое искусство по той причинѣ, что въ своихъ декоративныхъ подробностяхъ, въ формѣ своихъ пилястровъ, капителей, карнизовъ и различныхъ украшеній этотъ родъ искусства открываетъ обширное поле проявленіямъ индивидуальности работника. Нигдѣ тутъ нѣтъ механическаго равенства и потому работникъ можетъ съ любовью и всею душой отдаваться такому дѣлу, которое открываетъ новые пути его фантазіи и его творческой способности.

Такое искусство, которое равно облагораживаетъ, какъ зрителей, такъ и самого творца, принадлежитъ къ числу наилучшихъ воспитательныхъ средствъ для человѣчества. Человѣкъ познается тѣмъ, что ему нравится. «Скажи мнѣ, чѣмъ ты восхищаешься, и я скажу тебѣ кто ты». Такъ какъ развитіе вкуса человѣка выражается въ томъ, чѣмъ онъ восхищается, то для Рёскина это служитъ также и мѣриломъ для опредѣленія свойствъ характера.

Развитіе искусства находится въ связи съ извѣстными внѣшними условіями. «Искусство можетъ процвѣтать лишь у такого народа, который ведетъ жизнь, исполненную довольства, на чистомъ воздухѣ, вдали отъ вида уродливыхъ предметовъ и свободенъ отъ тисковъ чисто механической работы». «Никакое искусство невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ передъ глазами первоначальныхъ сокровищъ, дарованныхъ Богомъ: полей, цвѣтовъ, моря и неба». «Никогда не зарождалось искусство въ такой странѣ, — утверждаетъ Рёскинъ, — гдѣ народъ блѣднѣетъ отъ непосильной работы и тѣнь смерти накладываетъ на него свой отпечатокъ, гдѣ губы юношей, вмѣсто того, чтобы имѣть розовый цвѣтъ, истощены голодомъ или изъѣдены ядомъ».

Но всѣ эти необходимыя для развитія искусства условія совершенно отсутствовали въ Англіи для огромнаго большинства народа въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Нищета и распутство, достигли въ то время такой степени, что можно было ожидать взрыва кровавой соціальной революціи или чего-нибудь подобнаго. Карлейль горько жаловался, ломая руки, что «британское промышленное существованіе представляетъ ничто иное, какъ чудовищное ядовитое болото, испаренія котораго наполнены нравственною и физическою заразой; это отвратительная живая Голгоѳа изъ заживо погребенныхъ душъ и тѣлъ, бездна, находящаяся въ связи съ глубинами преисподней, куда лучъ солнца никогда не достигаетъ».

Но даже люди, вообще относящіеся сочувственно къ промышленному развитію, какъ, напр., Леонъ Фоше и Нассау старшій, признавали безъ

всякихъ оговорокъ, что уродливость новыхъ фабричныхъ городовъ не имѣетъ себѣ равной и что при постройкѣ ихъ не принималось во вниманіе ничего другого, кромѣ того, что можетъ принести непосредственную выгоду спекулирующимъ строителямъ. Въ этихъ городахъ не заключалось ничего, кромѣ почернѣвшихъ отъ дыма фабрикъ и запущенныхъ рабочихъ кварталовъ; тамъ не было ни церквей, ни школъ, ни площадей, ни парковъ, ни колодцевъ, не было даже самыхъ необходимѣйшихъ гигіеническихъ приспособленій. Очертаніе этихъ городовъ—если только можно было замѣтить какое-нибудь очертаніе сквозь густой дымъ, обволакивающій ихъ—обозначалось цѣлымъ лѣсомъ трубъ, газометровъ, желѣзнодорожными вокзалами и тюрьмами. Рѣки, въ своемъ теченіи, зараженныя сточными водами промышленныхъ учрежденій, медленно уносили «грязный потокъ, черный какъ эбеновое дерево».

Итакъ, индустріализмъ уничтожалъ все, что любилъ Рёскинъ и что онъ считалъ неизбѣжнымъ условіемъ для процвѣтанія искусства. Прелесть англійскаго ландшафта во многихъ мѣстахъ была нарушена, здоровый же, цвѣтущій народъ прежней веселой Англіи (old merry England) превратился въ бездушныя части непрерывно стучащихъ колесъ машины, въ грязный, оборванный, невѣжественный, грубый, пьянствующій, чахоточный, узкогрудый и со впалыми глазами, промышленный пролетаріатъ!

Тутъ передъ Рёскиномъ открылась новая важнѣйшая задача: очистить воздухъ и землю и сдѣлать народъ опять здоровымъ. И Рёскинъ превратился изъ художественнаго писателя въ соціальнаго реформатора.

Послѣ того, какъ въ пятидесятыхъ годахъ онъ уже не разъ говорилъ о несовмѣстимости искусства съ господствующими экономическими и общественными условіями, Рескинъ предпринялъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, яростный походъ противъ властвующихъ боговъ капитализма, индустріализма и «laissez-faire» и съ той поры Рёскинъ не зналъ уже ни отдыха, ни покоя, ни колебаній, ни отступленія.

Однако, по природѣ Рёскинъ вовсе не былъ суровымъ борцомъ. Конечно, онъ могъ въ своемъ священномъ гнѣвѣ метать громы на головы торговцевъ и мѣнялъ и опрокидывать ихъ столы, разсыпая ихъ деньги, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Христосъ, увидѣвъ, что домъ Его Отца превратился въ какой-то вертепъ разбойниковъ. Въ душѣ Рёскина пылали и бушевали великія страсти, безъ участія которыхъ ничего мощнаго не можетъ быть выполнено на землѣ. Но онъ вовсе не принадлежалъ къ суровому, мрачному типу пророковъ, какъ Карлейль. Въ его живыхъ голубыхъ глазахъ можно было видѣть его «anima candida»,—ту дѣтскую мягкость души и нѣжную, полную какой-то грусти задушевность, которая такъ прельщала его самого въ образахъ Боттичелли и которая постоянно выступаетъ во всѣхъ твореніяхъ его прерафаэлитскихъ почитателей Бёрнъ Джонса и Россетти. Для Рёскина было бы всего

пріятнѣе, если бы онъ могъ рисовать птицъ и цвѣты въ своемъ идеалистическомъ сельскомъ домикѣ, на Констанцскомъ озерѣ. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, когда видѣлъ, что солнце встаетъ на чистомъ голубомъ небосклонѣ, непокрытомъ тучами и когда, въ его саду, безъ всякой боязни, порхаютъ вокругъ него весело и радостно чирикающія птички. Аристократъ отъ природы, властный и пылкій тори, Рёскинъ могъ только послѣ тяжелой внутренней борьбы рѣшиться, наконецъ, затронуть существующій порядокъ вещей. Такъ какъ господствующіе классы злоупотребили своею властью, то ему казалось невозможнымъ брать на себя дѣло угнетенныхъ, не посягая въ то же время на существующій порядокъ, или же защищать этотъ порядокъ, не потакая вмѣстѣ съ тѣмъ и возмутительнымъ несправедливостямъ, которыя имъ созданы; Рёскинъ прежде всего принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые жаждутъ справедливости. Совѣсть его не знала покоя. Бѣдствія, на которыя онъ наталкивался ежедневно, производили на него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ ходилъ по кладбищу, среди открытыхъ могилъ. Со всѣхъ сторонъ къ нему протягивались руки, просящія о помощи и цѣпляющіяся съ послѣдними остатками силъ за края могилы передъ тѣмъ, какъ погрузиться въ вѣчную тьму. «Я не могу рисовать, не могу читать, любоваться какимъ-нибудь камнемъ или отдаваться любимому занятію,—даже свѣтъ утренняго солнца сдѣлался мнѣ противенъ, вслѣдствіе тѣхъ страданій, которыя я вижу кругомъ и признаки которыхъ я узнаю даже тамъ, гдѣ я ихъ не вижу. Никакая сила воображенія не въ состояніи воспроизвести всего ужаса этихъ страданій. Я не хочу больше терять времени и постараюсь съ помощью тѣхъ многихъ или немногихъ людей, которые захотятъ поддержать меня, сдѣлать все, что въ моей власти, чтобы уничтожить это зло».

Первыя соціально-экономическія статьи Рёскина появились въ журналѣ, издаваемомъ Теккереемъ. Они вызвали въ «хорошемъ обществѣ» такую бурю негодованія, что издатель не рѣшился продолжать далѣе ихъ печатаніе. О такой «дряни», какъ ихъ называли, никто и слышать больше не хотѣлъ. Даже отецъ Рёскина былъ возмущенъ произведеніями своего сына. Но Рёскинъ не смутился. Онъ стоялъ на своемъ, что эти статьи, излагающія первыя основы политической экономіи, составляютъ самое полезное, самое истинное и вѣрное изъ того, что онъ написалъ когда-либо. Теперь весьма склонны признавать справедливость такого отзыва, но тогда у Рёскина былъ только одинъ единственный другъ, который соглашался съ нимъ—это былъ Карлейль.

Въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ Рёскинъ издалъ цѣлый рядъ соціально-экономическихъ сочиненій «Munera Pulveris», «The Crown of wild olive», «Fors Clavigera», которыя частью представляютъ нѣкоторыя измѣненія, а частью дальнѣйшее развитіе его первоначальныхъ идей. Совершенно немыслимо дать въ узкихъ рамкахъ этого очерка соотвѣт-

ствующее представленіе о массѣ плодотворныхъ и глубокихъ идей, которыя нашли выраженіе въ его сочиненіяхъ. Мы ограничимся поэтому единственнымъ ученіемъ, въ которомъ, какъ въ центральномъ кружкѣ сосредоточиваются всѣ его идеи—ученіемъ труда.

Рёскинъ уже въ качествѣ историка и критика искусства старался изслѣдовать, какимъ образомъ художественная дѣятельность вліяетъ на самихъ художниковъ и на ремесленниковъ искусства. Разрѣшеніе этого же самаго вопроса Рёскинъ искалъ и во всей области экономическаго труда. Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ современный работникъ тамъ, гдѣ широко примѣняется раздѣленіе труда и машинное производство, къ своей трудовой задачѣ, къ своему призванію? Какое вліяніе имѣетъ такая форма труда на его духовную жизнь, на его характеръ?

Это была проблема, едва затронутая въ Англіи профессіональными политико-экономами и недостаточно изученная въ другихъ странахъ.

Рёскинъ въ своемъ анализѣ труда дѣлаетъ различіе между «work» и «labour». Work—это вообще полезная дѣятельность, labour — это тягость, бремя, усилія, связанныя въ большей или меньшей степени съ плодотворною дѣятельностью. Современное производство, по Рёскину, имѣетъ несчастную склонность усиливать именно смягчающіе моменты труда. Это происходитъ отъ слишкомъ далеко проведеннаго принципа раздѣленія труда. Въ настоящее время есть такіе рабочіе, которые вѣчно должны повторять одинъ и тотъ же пріемъ въ двухъ-трехъ измѣненіяхъ темпа. «Это уже болѣе не раздѣленіе труда, — говоритъ Рёскинъ,—это раздѣленіе человѣка. Человѣкъ раздробляется на мелкіе живые куски и обломки, такъ что небольшого количества умственныхъ силъ, которыя остаются у него, не хватаетъ даже на то, чтобы изготовить цѣлую иглу, и онъ можетъ сдѣлать только игольное ушко. Можетъ быть, и желательно сдѣлать какъ можно больше иголъ въ одинъ день, но если мы посмотримъ, какимъ кристаллическимъ пескомъ мы шлифуемъ острія этихъ иголъ—пескомъ человѣческихъ душъ!—то мы поймемъ тогда, съ какими это сопряжено потерями. А тѣ великія страданія, которыя существуютъ во всѣхъ нашихъ фабричныхъ городахъ, яснѣе даже, чѣмъ дымъ доменныхъ печей, указываютъ, что мы образовываемъ тамъ все, что угодно, только не людей. Мы бѣлимъ хлопчатую бумагу, закаляемъ сталь, рафинируемъ сахаръ, дѣлаемъ горшечные товары; но просвѣщать живую душу, укрѣплять ее, образовывать ее—это не входитъ въ наши разсчеты при вычисленіи нашей прибыли!»

Такимъ же точно роковымъ образомъ дѣйствуютъ и нѣкоторыя машины. Онѣ подавляютъ душу, отнимаютъ всякую возможность свободной творческой дѣятельности. Эти машины не требуютъ, подобно какому-нибудь инструменту, искусныхъ, умѣлыхъ рукъ. Чтобы управлять ими надо только крайнее напряженіе вниманія. Въ концѣ концовъ

машины становятся тираническими властителями работника. Машины нуждаются обыкновенно въ двигательной силѣ, которую доставляетъ паръ. Для приведенія въ дѣйствіе паровыхъ машинъ нужны большія количества каменнаго угля; увеличенное же потребленіе угля заставляетъ сотни тысячъ людей спускаться для добыванія его въ нѣдра земли и, словно тѣни преисподней, проводить въ узкихъ штольняхъ, вынуждающихъ держаться въ согнутомъ положеніи и въ ужасающей жарѣ, лучшіе часы своего существованія. Вѣчный дымъ и сажа фабричныхъ городовъ», словно траурнымъ флеромъ подергиваютъ жизнь промышленныхъ центровъ. По мнѣнію Рёскина, особенно отвратительно и унизительно дѣйствуетъ машинное производство стали и чугуна. Короче говоря: современные способы работы отняли у населенія самое благодѣтельное, благородное и нравственное изъ всѣхъ удовольствій, именно то, которое можетъ доставить собственная работа.

Но и съ точки зрѣнія политической экономіи такая система также въ концѣ концовъ не заслуживаетъ одобренія, какъ и съ точки зрѣнія нравственности и гуманности. Благодѣтельное, съ гуманной точки зрѣнія, сбереженіе труда достигается только уменьшеніемъ моментовъ, отягощающихъ этотъ трудъ.

Какими же путями мы можемъ приблизиться къ этой цѣли? Прежде всего необходимо, чтобы чисто механическій, шаблонный, однообразный, не доставляющій никакого возбужденія, а слѣдовательно и удовольствія— трудъ вернулся къ прежнимъ условіямъ посредствомъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ условіяхъ производства и потребленія. Въ производствѣ работы должно быть снова отведено мѣсто индивидуальности каждаго и его собственнымъ представленіямъ о красивомъ и цѣлесообразномъ. Въ душѣ каждаго человѣка, даже самаго грубаго и неотесаннаго, скрываются извѣстныя дарованія. Самые ничтожные люди бываютъ все-таки одарены извѣстною фантазіей, впечатлительностью и духовными силами, хотя бы проявленія этихъ духовныхъ качествъ и были у нихъ очень слабы. Доказательствомъ такихъ способностей могутъ, конечно, служить изящныя издѣлія прежнихъ кустарныхъ мастеровъ. Если въ настоящее время эти художественныя способности проявляются очень слабо, то въ этомъ виноваты мы сами, виновата наша система труда, лишь рѣдко доставляющая возможность найти и развить его духовныя силы. Безъ сомнѣнія, лучше всего удовлетворили бы требованіямъ Рёскина тѣ условія, которыя существуютъ, напр., и по сіе время, въ японской керамикѣ. «Горшечникъ, мѣшающій глину и придающій ей извѣстную форму, самъ точитъ, обжигаетъ, глазируетъ и декорируетъ свое произведеніе... И этотъ горшечникъ, сдѣлавшій самъ, собственными руками, весь свой товаръ, смотритъ на него съ гордостью и любовью, которыя не можетъ чувствовать ни одинъ изъ выполняющихъ только отдѣльныя части процесса производства; японскому кустарю каждое изъ его произведеній дорого, какъ родное дитя;

онъ слѣдилъ за его развитіемъ, трудился надъ нимъ и сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы придать ему красоту и форму. И поэтому можно ясно видѣть удовольствіе, которое выражается на лицѣ ремесленника, когда онъ смотритъ на свою законченную работу».

Но не только самый родъ работы, а также и общія условія, въ которыхъ совершается эта работа, имѣютъ большое вліяніе. Прежде большинство работъ совершалось на открытомъ воздухѣ, въ симпатичномъ, веселомъ обществѣ и подъ пѣніе соотвѣтствующихъ пѣсенъ. Движенія рукъ слѣдовали ритму пѣсенъ и поэтому въ значительной степени теряли свой утомительный характеръ. Кромѣ этихъ моментовъ, надо принять еще въ соображенія чувства, которыя питаетъ наемникъ къ хозяину, степень техническихъ познаній, уваженіе и почетъ, которыми долженъ пользоваться трудъ, и представленія о нравственномъ долгѣ по отношенію къ труду.

Если-бы удалось, принимая въ соображеніе такую точку зрѣнія на трудъ, уменьшить отягощающіе моменты работы то получилось бы сбереженіе труда въ духѣ Рёскина. Но современная система труда дѣйствуетъ обыкновенно въ совершенно обратномъ смыслѣ. Возможно даже, что при уменьшеніи рабочаго времени трудъ станетъ еще тяжелѣе, если вмѣстѣ съ этимъ будутъ произведены такія измѣненія въ способахъ работы (введеніе машинъ, дальнѣйшее раздѣленіе труда и т. д.), которыя превратятъ въ бремя и эти сокращенные часы работы.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Рёскинъ находитъ современную систему труда настолько же не экономной, насколько и жестокой.

Рёскинъ—абсолютный врагъ фабричнаго труда, между тѣмъ какъ большинство континентальныхъ реформаторовъ не считаютъ зломъ технику «an und für sich».

Рёскинъ, впрочемъ, прекрасно сознаетъ, что система свободной конкуренціи несетъ на себѣ отвѣтственность за многое, на что онъ жалуется, напр., за постоянное качественное ухудшеніе нѣкоторыхъ предметовъ производства, за фальсификацію пищевыхъ припасовъ и т. д. И это обстоятельство вліяетъ дурно на рабочихъ, не только какъ на потребителей, но и какъ на производителей. Можетъ ли такая работа, имѣющая цѣлью обманъ публики, возбуждать какое-либо возвышенное чувство и вызывать нравственное удовлетвореніе? Развѣ не можетъ это вынужденное, постоянное содѣйствіе обману, въ концѣ концовъ, подѣйствовать отравляющимъ образомъ и на сознаніе рабочаго и внушить ему убѣжденіе, что главное въ жизни—деньги, а какимъ путемъ добывать ихъ—безразлично!

Все вышеприведенное представляетъ лишь небольшія выдержки изъ критики, которой Рёскинъ подвергаетъ современное положеніе вещей. Но главный интересъ его ученія заключается не въ этой критикѣ, а въ положительныхъ реформахъ, которыя онъ предлагаетъ.

Чтобы достигнуть улучшенія въ этомъ положеніи вещей, Рёскинъ прежде всего обращается къ потребителямъ. Существующее зло не основывается только на стремленіи къ наживѣ капиталистическихъ производителей. Безпечность и недостаточно развитое чувство отвѣтственности потребителей также виновны и поэтому ихъ также надо привлечь на скамью подсудимыхъ. Возмущеніе публики по поводу условій труда дѣйствительно можетъ показаться далеко не искреннимъ всѣмъ этимъ предпринимателямъ, вынужденнымъ вести постоянную борьбу конкуренціи, такъ какъ вѣдь эта же самая публика, постоянно гоняется за самыми дешевыми товарами, нисколько не задумываясь о тѣхъ условіяхъ работы, при которыхъ только и возможна выдѣлка такихъ дешевыхъ продуктовъ. Зло это, по мнѣнію Рёскина, могло бы исчезнуть лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ классы научились понимать, какого рода трудъ можетъ быть полезенъ человѣку и можетъ возвысить его и сдѣлать счастливымъ. Далѣе — если бы всѣ классы выразили бы согласіе покупать только произведенія здороваго и облагораживающаго труда.

Дама, украшающая себя стеклянными бусами или драгоцѣнными каменьями и держащая у себя на столѣ полированные хрустальные стаканы, поощряетъ вредную отрасль труда. Выдѣлка бусъ, шлифованіе камней или стекла отзывается вредно на здоровьѣ производителя. Кто не прекращаетъ своевременно эти занятія, тотъ погибаетъ отъ туберкулёза. Кромѣ того, это такой трудъ, который не можетъ дѣйствовать развивающимъ образомъ на сознаніе. Однако, выдѣлка красивыхъ венеціанскихъ стакановъ или такихъ, которые украшены художественною рѣзьбой, несомнѣнно, приноситъ пользу, также какъ и ювелирныя работы, эмали и камни, которыя открываютъ широкое поле изобрѣтательности человѣческаго ума и художественнаго вкуса и поэтому этимъ вещамъ всегда слѣдуетъ отдавать предпочтеніе при выборѣ украшеній и покупки.

Для облегченія потребителей Рёскинъ требовалъ первоначально, чтобы государство учредило образцовыя мастерскія для всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ производства. Сила пара должна быть изгнана въ этихъ мастерскихъ и дозволяется только употреблять силу воды и вѣтра, машины же допускаются только въ такихъ случаяхъ, когда человѣкъ не можетъ справиться собственными силами, или же работа сопряжена для него съ большими затрудненіями. Центръ тяжести въ данномъ случаѣ заключается въ облагороженныхъ и·кусствомъ ремеслахъ. Но само собою, разумѣется, такія образцовыя мастерскія должны были бы удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ относительно рабочаго времени и вознагражденія рабочихъ.

Въ позднѣйшіе годы у Рёскина начали возникать все болѣе и болѣе серьезныя сомнѣнія насчетъ идеи вынужденной дѣятельности правительственныхъ мастерскихъ. Онъ предложилъ тогда устройство

цеховъ, особенныхъ корпорацій производителей, которыя должны были бы выполнять точно такую же задачу.

Рёскинъ, однако, не удовольствовался одною писательскою дѣятельностью и пытался, гдѣ только можно, провести въ жизнь свои идеи и оказывать непосредственное вліяніе на современное положеніе вещей.

Уже въ 1854 г. Рёскинъ вступилъ въ личныя сношенія съ рабочими, вслѣдствіе того, что онъ взялся преподавать рисованіе въ лондонской школѣ для рабочихъ и преподавалъ его въ теченіе десяти лѣтъ. Въ шестидесятыхъ годахъ мы уже видимъ Рёскина, вмѣстѣ съ миссъ Октавіей Хиллъ, участвующимъ въ великомъ дѣлѣ улучшенія жилищъ рабочихъ. Миссъ Хиллъ, ученица Рёскина, получила отъ него средства для осуществленія на практикѣ его ученія о правильномъ употребленіи богатствъ. Были куплены самые запущенные дома, большею частью обитаемые рабочими и затѣмъ произведены необходимыя работы по очисткѣ и улучшенію этихъ домовъ. Миссъ Хиллъ сама еженедѣльно являлась за полученіемъ очень низкой наемной платы съ рабочихъ и такимъ образомъ вступала въ тѣсныя сношенія со своими жильцами, узнавала ихъ положеніе, знакомилась съ ихъ потребностями и получала возможность оказывать на нихъ полезное воспитательное вліяніе. Успѣхъ такой системы признанъ теперь всѣми и вызвалъ много подражателей, но замѣчательно, что заслуги Рёскина въ этомъ отношеніи почти совершенно забыты и его имя весьма рѣдко упоминается, когда говорятъ о такъ называемыхъ университетскихъ поселеніяхъ въ рабочихъ квартирахъ, между тѣмъ какъ именно Рёскинъ далъ этому первый толчокъ.

Большія надежды Рёскинъ возлагалъ на цехъ св. Георга, основанный имъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Этотъ цехъ долженъ былъ служить скалой, на которой Рёскинъ собирался построить свою церковь. Это была бы община, члены которой во всемъ слѣдовали бы нравственному, эстетическому и экономическому ученію Рёскина, согласуя съ этимъ ученіемъ свой образъ жизни; однимъ словомъ, это былъ бы своего рода орденъ или секта. Вступившіе въ эту общину должны были принимать на себя цѣлый рядъ далеко не легко выполнимыхъ обязательствъ, напр.: они должны были сами зарабатывать свои средства къ жизни, десятую часть своего дохода они должны были отдавать общинѣ и т. д. Но это были слишкомъ большія требованія и потому, не смотря на могучую пропаганду своей идеи въ письмахъ, въ «Fors Clavigera», обращенныя къ рабочимъ Великобританіи, Рёскину не удалось-таки устроить свой цехъ и, въ концѣ концовъ, онъ удовлетворился тѣмъ, что учредилъ великолѣпный, вполнѣ отвѣчающій интересамъ рабочихъ, художественно-ремесленный музей въ Шеффильдѣ.

Гораздо большій успѣхъ имѣли другія промышленныя предпріятія, также основанныя на принципахъ ученія Рёскина и приготовляющія

великолѣпныя полотна и шерстяныя матеріи посредствомъ прежнихъ ручныхъ приборовъ. Точно также и его старанія сохранить и развить важнѣйшія отрасли художественнаго кустарнаго производства не пропали даромъ. Но лучшею иллюстраціей къ практическому примѣненію ученія Рескина можетъ служить громадное заведеніе, основанное геніальнымъ реформаторомъ англійскихъ ремесленныхъ искусствъ Виліамомъ Моррисомъ, въ идиллическомъ уединеніи Мертоновскаго аббатства. Моррисъ точно слѣдовалъ указаніямъ Рескина. Съ величайшимъ стараніемъ онъ изслѣдовалъ средневѣковыя методы работы и вводилъ ихъ снова въ употребленіе. Ремесло и искусство, которыя современная эпоха разлучила самымъ безжалостнымъ образомъ, снова соединились. Такимъ образомъ произошли гобелены, обои, живопись по стеклу и шедевры типографскаго и переплетнаго искусства, которые теперь возбуждаютъ удивленіе всего міра.

Если нужно было содѣйствовать развитію названнаго искусства, поддержать способныхъ, но не имѣющихъ средствъ, учениковъ или же дѣло шло о какомъ-нибудь благотворительномъ учрежденіи—Рёскинъ всегда былъ тутъ и сыпалъ деньгами съ удивительной щедростью. Отецъ оставилъ ему 200.000 фунтовъ и къ этому еще присоединялись значительные доходы съ его сочиненій. Между тѣмъ, иной разъ дѣло заходило такъ далеко, что у Рёскина не хватало даже денегъ на покупку книгъ, нужныхъ ему для его собственныхъ работъ, или же онъ не могъ совершить проектированное имъ путешествіе по Швейцаріи. Но онъ никогда не бывалъ спокоенъ и постоянно чувствовалъ угрызенія совѣсти за то, что писалъ свои соціальныя статьи въ комнатѣ, полъ которой былъ устланъ персидскими коврами, а стѣны украшены картинами Тиціана.

Въ виду такой необычайной преданности, съ которою Рёскинъ отдавался своему дѣлу, невольно возникаетъ вопросъ: какъ же относятся англійскіе рабочіе къ идеямъ Рёскина.

Обыкновенно принято думать, что рабочіе Англіи не только заключали миръ съ крупною промышленною техникой, но и съ капиталистическими способами производства. Какъ же объясняется этотъ миръ? Я думаю такъ:

Въ индустріализмѣ проявляется въ настоящее время больше гуманности. Англійскіе фабричные города за послѣднія десятилѣтія сдѣлали очень много для улучшенія соціальныхъ условій. Въ промышленныхъ центрахъ можно найти теперь общественные парки, чистую воду для питья, многочисленныя безплатныя школы, множество другихъ образовательныхъ учрежденій для взрослыхъ, образцовыя гуманитарныя учрежденія всякаго рода и множество чистыхъ, просторныхъ жилищъ для рабочихъ. Рабочіе же не только пользуются въ значительной мѣрѣ золотыми плодами, промышленнаго развитія но занимаютъ также и гораздо болѣе почетное положеніе въ общественной жизни страны.

Англійскіе рабочіе всѣ свои надежды возлагаютъ на мирную реформаторскую дѣятельность. Какъ пламенно стремятся теперь къ украшенію городовъ, доказываетъ, между прочимъ, успѣхъ книги Говарда объ украшенныхъ садами городахъ (E. Howard. «To Morrow, a peaceful path to real reform»). Еще и теперь въ груди милліоновъ людей живетъ горячее желаніе работать въ деревнѣ, въ полѣ и ничего не можетъ быть популярнѣе той программы, которая обѣщаетъ каждому рабочему пару моргеновъ земли, да корову! Изъ всѣхъ соціальныхъ сочиненій, выпускаемыхъ съ цѣлью пропаганды, ни одно такъ не пришлось по вкусу народной массѣ, какъ Блечфорда «Merrie England», написанная совершенно въ духѣ Рёскина книжка. Многообѣщающимъ надо считать также и тотъ фактъ, что именно всѣ выдающіеся вожди англійскаго рабочаго движенія охотно называютъ себя учениками и послѣдователями Рёскина. Очевидно, даже въ покрытой сажей и наполненной дымомъ Англіи еще не потухъ въ рабочей массѣ священный огонь эстетической культуры и бережется съ любовью, даже тщательнѣе, чѣмъ когда-либо.

Англійскіе рабочіе дѣйствовали, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени разумно и правильно, стараясь достигнуть прежде всего самаго необходимаго и не терпящаго отлагательства, т.-е. достаточной пищи, приличной одежды, чистыхъ жилищъ и немного досуга для удовлетворенія своихъ умственныхъ потребностей. Но, это только фундаментъ, на которомъ двадцатое столѣтіе должно воздвигнуть свою прекрасную и грандіозную надстройку.

Я лично считаю ученіе Рёскина совершенно ошибочнымъ и безнадежнымъ лишь въ одномъ отношеніи. Рёскинъ основываетъ лучшее будущее, главнымъ образомъ, на возвращеніи къ средневѣковымъ способамъ производства. Техническій романтизмъ, какъ это указываютъ успѣхи Морриса, дѣйствительно, можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на нѣкоторыя отрасли художественной промышленности. Но не слѣдуетъ забывать, что продукты такого производства доступны только людямъ, обладающимъ громаднымъ богатствомъ, слѣдовательно и число работниковъ, занятыхъ изготовленіемъ такихъ продуктовъ, поневолѣ должно быть ограничено. Если же дѣло идетъ о продуктахъ, не слишкомъ высоко стоящихъ въ художественномъ отношеніи, то и ручная техника не всегда можетъ доставить удовлетвореніе.

Отталкивающія стороны крупной промышленности, по моему мнѣнію, должны сами собою исчезнуть съ дальнѣйшимъ прогрессомъ промышленной техники. Уже теперь можно привести нѣкоторыя доказательства въ пользу того, что высоко развитая техника начинаетъ уничтожать вредъ, который былъ нанесенъ первоначальными техническими пріемами. Напримѣръ: въ настоящее время удается предупредить зараженіе воздуха ядовитыми газами доменныхъ печей, употребляя ихъ газы для двигательныхъ цѣлей. Чрезмѣрное накопленіе содержащихъ

сѣру остатковъ на содовыхъ фабрикахъ, будетъ не столь обременительно, послѣ того какъ открытъ способъ добывать изъ этихъ остатковъ сѣру. Обратимся далѣе къ электротехникѣ, которой мы обязаны многими улучшеніями. Итальянскіе промышленные округа, по южному склону Альпъ, примѣняющіе преимущественно водяную силу, которая служитъ для электрическихъ цѣлей, не производятъ того отвратительнаго грязнаго впечатлѣнія, какое производили прежніе фабричные центры. Не слѣдуетъ забывать также и объ успѣхахъ автомобилизма. Сколькимъ рабочимъ велосипедъ даетъ возможность жить въ гораздо лучшихъ и болѣе здоровыхъ условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, распространеніе эстетической культуры во всѣхъ родахъ дѣятельности, какъ и въ удовольствіяхъ, представляетъ столь высокопоставленный идеалъ, что приблизиться къ нему мы можемъ лишь тогда, когда въ значительной степени повысится нашъ уровень знанія природы..

Переводъ съ нѣмецкаго Э. **Пименовой**.

СИРОТА.

(ИЗЪ ИСТОРІИ ОДНОЙ СѢРЕНЬКОЙ ЖИЗНИ).

Повѣсть М. АЛЬВОВА.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тайна безмолвныхъ терзаній.

XXXIV.

На слѣдующее утро, только проснувшись, онъ тотчасъ же вспомнилъ, что было у него наканунѣ.

Острая боль отъ обиды уже притупилась, и Павелъ Иванычъ испытывалъ лишь то глухое, саднящее ощущеніе, какое бываетъ отъ присутствія глубоко сидящей занозы... Заноза эта сидѣла въ душѣ Павла Иваныча, и вонзилъ ее туда, собственною своею рукою, закадычный его другъ и пріятель, Семенъ Семенычъ Скворешниковъ.

Одѣваясь передъ уходомъ на службу, онъ вдругъ увидѣлъ, въ углу, на окнѣ, трубку Семена Семеныча и почувствовалъ, какъ вся кровь ему бросилась въ голову...

Онъ въ ту же минуту позвалъ Клеопатру.

— Убери *это* сейчасъ же отсюда...—кивнулъ онъ брезгливо на трубку;—чтобы я ее больше не видѣлъ!

И, подавляя волненіе, прибавилъ отрывисто:

— Къ *Скворешникову* ее отнеси... Поняла?

Еще въ первый разъ онъ замѣнилъ имя и отчество Семена Семеныча просто фамиліей, и сдѣлалъ это намѣренно и съ наслажденіемъ,—съ тѣмъ горькимъ, болѣзненнымъ наслажденіемъ, которое чувствуемъ мы, порывая въ душѣ своей послѣднія связи съ чѣмъ-либо бывшимъ доселѣ для насъ драгоцѣннымъ и близкимъ...

---

*) См. «Міръ Божій». № 4, апрѣль 1901 г.

Вернувшись въ обычное время со службы, онъ продѣлалъ все то, что привыкъ дѣлать всегда: халатомъ замѣнилъ виц-мундиръ, потомъ пообѣдалъ и, повинуясь привычкѣ, направился въ спальню, чтобы предаться покою.

Покушалъ онъ плотно, съ обычнымъ своимъ аппетитомъ, и слѣдовало бы ожидать, что послѣобѣденный сонъ его будетъ, какъ всегда, крѣпокъ и сладокъ, но вышло не такъ. Онъ лежалъ на спинѣ, переворачивался то на одинъ бокъ, то на другой, снова лежалъ на спинѣ, ложился даже внизъ животомъ — и все-таки заснуть онъ не могъ... Сна не было ни въ одномъ глазѣ, что называется, и чѣмъ сильнѣе убѣждался Павелъ Иванычъ въ невозможности для него достигнуть забвенія, тѣмъ пуще въ немъ разросталось отвратительное состояніе духа, которое ощущалъ онъ съ утра... Къ этому присоединялось еще что-то особенное, чувство какой-то безотчетной тоски и смутной тревоги...

Убѣдившись уже окончательно, что ему такъ и не удастся заснуть, Павелъ Иванычъ всталъ, надѣлъ манишку, жилетъ, сапоги, облекся въ свою неизмѣнную, свинцоваго цвѣта визитку, и потащился въ прихожую съ намѣреніемъ освѣжиться прогулкой.

Клеопатра подала ему шубу.

Павелъ Иванычъ не сказалъ ей ни слова. Онъ постарался даже не встрѣтиться съ нею глазами, и хотя Клеопатра, съ своей стороны, то-же соблюдала молчаніе, однако онъ былъ убѣжденъ, что она смотритъ на него подозрительно... Съ самаго вчерашняго вечера онъ не раскрылъ съ нею рта.

Идя по двору, онъ ненарокомъ взглянулъ на окна квартиры Семена Семеныча—и тотчасъ же отвернулся въ противоположную сторону. Торопленнымъ шагомъ онъ вошелъ подъ ворота и, очутившись на улицѣ, повернулъ машинально направо.

Каменнолицыя дѣвы бураго дома, облѣпленныя ворохами пушистаго снѣга, со всегдашнимъ своимъ равнодушіемъ глядѣли изъ мрака подъѣзда на улицу. Одна уловила появленіе Павла Иваныча на тротуарѣ. Другая долго его провожала глазами до угла перекрестка...

А зимнія сумерки надвигались тяжелою бѣлесоватою мглою и тамъ и сямъ, въ окнахъ магазиновъ и лавокъ, уже замерцали огни.

Павелъ Иванычъ подвигался впередъ, безотчетно поворачивая изъ улицы въ улицу. Цѣли не было у него никакой, и, пройдя съ полчаса, онъ почувствовалъ небольшую усталость. Однако повернуть восвояси онъ не испытывалъ никакого желанія. До поры вечерняго чая еще оставалось два слишкомъ часа, и онъ предпочиталъ ихъ убить какимъ-нибудь способомъ.

Между тѣмъ зажглись фонари и Павелъ Иванычъ увидѣлъ

невдалекѣ подъѣздъ съ большой вывѣской, на которой, золотыми литерами по темному полю сіяла надпись „Traсteur“, а подъ нею, помельче,— „Друзья“.

Онъ поровнялся съ подъѣздомъ, поднялся по лѣстницѣ и, очутившись передъ стеклянною дверью, на блокѣ, растворилъ ее и вошелъ.

За стойкой съ закусками и строемъ бутылокъ торчалъ высокій, широколицый мужчина—буфетчикъ и, задумчиво ковыряя въ носу, казался испытывающимъ глубокую тоску одиночества. Поодаль, въ дверяхъ, прислонясь къ косяку и свѣсивъ голову на плечо, стоя дремалъ человѣкъ въ зеленомъ передникѣ. При входѣ Павла Иваныча, широколицый мужчина за стойкой прервалъ тотчасъ же невинное свое развлеченіе и отвѣсилъ почтительный, въ поясъ, поклонъ, а человѣкъ въ зеленомъ передникѣ встрепенулся словно ужаленный и, хромоногой походкой, махая салфеткой, какъ подстрѣленная птица крыломъ, подлетѣлъ къ Павлу Иванычу, и совлекъ съ него шубу.

Елкинъ прослѣдовалъ дальше и очутился въ большой залѣ съ накрытыми столиками. Вдали возвышался безмолвный органъ. Вокругъ ни единой души.

Онъ усѣлся за первый попавшійся столикъ и спросилъ себѣ пива.

Свѣтъ двухъ стѣнныхъ лампъ и третьей, висѣвшей подъ потолкомъ, мягко скользилъ по темно-краснымъ обоямъ и по развѣшаннымъ мѣстами картинкамъ въ черныхъ тоненькихъ рамкахъ. Въ углу висѣлъ большой образъ, а передъ нимъ горѣла лампадка.

Павелъ Иванычъ призналъ въ немъ знакомое мѣсто. Да, это былъ тотъ самый трактиръ, куда, прошлымъ лѣтомъ, загналъ его ливень... кажется, и человѣкъ съ походкой подстрѣленной птицы былъ и теперь тотъ же самый.

Человѣкъ, съ походкой подстрѣленной птицы, подлетѣлъ и поставилъ передъ Павломъ Иванычемъ подносъ со стаканомъ, досталъ изъ подъ мышки бутылку калинкинскаго, откупорилъ ее, наполнилъ пивомъ стаканъ и, поставивъ бутылку на столъ, опять улетѣлъ, съ озабоченнымъ видомъ, который показывалъ, что его ожидаетъ еще впереди масса неотложнѣйшихъ дѣлъ.

Павелъ Иванычъ осушилъ стаканъ пива до дна и сразу почувствовалъ себя совсѣмъ превосходно. Обстановка вокругъ имѣла въ себѣ что-то разнѣживающее... Онъ, смакуя, медленно, съ паузами, прихлебывалъ пиво и, когда бутылка оказалась пустою, стукнулъ донышкомъ ея о подносъ и потребовалъ новую.

Человѣкъ съ походкой подстрѣленной птицы, успѣвшій, тѣмъ временемъ, снова вздремнуть, прежнимъ порядкомъ, подлетѣлъ и поставилъ передъ Иваномъ Иванычемъ другую бутылку калин-

кинскаго, потомъ завелъ какой-то валъ на „машинѣ“ и умчался къ своимъ неотложнымъ дѣламъ.

Раздались медленные, печальные звуки. Павелъ Иванычъ сейчасъ же узналъ ихъ, такъ какъ ни одна изъ петербургскихъ шарманокъ не обходится безъ этой пьесы. Это была арія изъ „Трубадура“, любимая пьеса Павла Иваныча... Сколько разъ слыхалъ онъ ее, въ тихій лѣтній вечеръ, сидя передъ распахнутымъ настежъ окошкомъ квартиры! Это бывало, когда на дворѣ бураго дома появлялся шарманщикъ... И теперь, какъ всегда, въ этихъ случаяхъ, кроткая грусть облегла душу Павла Иваныча, вызывая на глаза его слезы...

Машина умолкла, и появившійся опять человѣкъ съ походкой подстрѣленной птицы снова завелъ ее, поставивъ другую пьесу. На этотъ разъ органъ заигралъ „кадриль изъ русскихъ пѣсенъ“, и настроеніе духа Павла Иваныча измѣнилось сообразно мотиву. Онъ прослушалъ всю эту музыкальную вещь съ большимъ удовольствіемъ, въ иныхъ мѣстахъ даже щелкая пальцами и покачивая въ тактъ головою.

Однако ужъ было пора уходить. Органъ замолчалъ. Вторая бутылка была осушена вся, до дна.

Павелъ Иванычъ поднялся съ большой неохотой и, расплатившись за пиво, побрелъ къ своей шубѣ.

Широколицый мужчина за буфетною стойкой и человѣкъ съ походкой подстрѣленной птицы проводили его глубокимъ поклономъ.

Выйдя на улицу, Павелъ Иванычъ почувствовалъ состояніе вдругъ охватившей его пустоты... Если бы судьба внезапно послала навстрѣчу ему какого бы ни было, хотя бы совсѣмъ незнакомаго для него человѣка, который бы завелъ съ нимъ бесѣду, онъ таковаго почелъ бы своимъ избавителемъ. Если бы онъ зналъ хоть единое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ найти людей, разговоръ—онъ прямо бы туда устремился... Но не было ни того, ни другого. Въ перспективѣ предстояло лишь возвращеніе домой, тишина, одиночество. Клеопатра не входила въ разсчетъ. Никакихъ постороннихъ рѣчей, выходившихъ изъ круга ихъ отношеній, какъ хозяина—съ одной стороны, и прислуги—съ другой, не возникало давно уже между ними обоими. Это установилъ уже такъ, разъ навсегда, самъ Павелъ Иванычъ, съ той лѣтней, памятной ночи и никогда, ни съ той, ни съ другой стороны, нарушено не было. Такъ ужъ это случилось, и оставалось лишь пожалѣть, что это случилось!

А все-таки вернуться домой неизбѣжно приходится...

И Павелъ Иванычъ покорно во-свяси побрелъ.

Лишь только появился онъ у себя, какъ Клеопатра недоволь-

нымъ тономъ заявила ему, что самоваръ давно ужъ вскипѣлъ, не разъ „уходилъ“ и она безпрестанно его доливала. При этомъ упрекѣ Павелъ Иванычъ только вздохнулъ и прошелъ въ свою спальню.

Когда онъ, въ халатѣ и туфляхъ, вернулся въ столовую, самоваръ былъ уже поданъ, и Клеопатра наливала чай изъ подъ крана.

Елкинъ молча опустился на свое обычное мѣсто. Клеопатра тоже хранила безмолвіе, наклонившись надъ чайникомъ, съ такимъ видомъ, будто Павла Иваныча совсѣмъ и не было тутъ.

Павелъ Иванычъ искоса ее наблюдалъ, скользя взоромъ по ея круглымъ и крѣпкимъ плечамъ, по фигурѣ, облеченной въ бѣлую рубаху, съ пышными складками, и сарафанъ, по лицу, располнѣвшему, бѣлому, съ здоровымъ румянцемъ и черными густыми бровями, огибавшими дугою темносѣрые глаза... Далѣе взоръ его обратился украдкой на ея алый кумачный повойникъ, на бѣлыя, словно точеныя руки, отливавшія розовой краской на локтяхъ, съ виднѣвшимися посрединѣ ихъ ямочками... Когда-то все это кружило голову Павлу Иванычу, но теперь онъ былъ совершенно далекъ отъ тогдашнихъ, безвозвратно пережитыхъ чувствъ... Сама Клеопатра, какъ женщина, была теперь для него тоже совсѣмъ далека. То, что случилось когда-то, въ душную лѣтнюю ночь, давно уже стало казаться ему чѣмъ-то въ родѣ нѣкоего угарнаго сна, постепенно съ теченіемъ времени блѣднѣвшаго въ памяти. Клеопатра ни разу, ни единымъ словомъ, ни малѣйшимъ намекомъ не напоминала ему о томъ происшествіи, и онъ былъ убѣжденъ, что она о немъ совершенно забыла и никогда объ этомъ не думаетъ, какъ и онъ не думалъ объ этомъ теперь. Мысли его были совсѣмъ о другомъ и онъ лишь испытывалъ нѣкое глухое томленіе, какое бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ мучительно хочется раскрыть свою душу, но при этомъ вы ждете услышать первое слово, которое могло бы для васъ послужить толчкомъ, поощреніемъ,—а тотъ, отъ кого это зависитъ, не обращаетъ на васъ никакого вниманія...

Наконецъ Павелъ Иванычъ не выдержалъ..

— А я отлично прошелся!—заявилъ онъ беззаботнѣйшимъ тономъ, какъ бы говоря самъ съ собою и отвернувшись отъ Клеопатры.

Та поставила чайникъ на камфорку, не торопясь отошла въ уголокъ, къ шкапчику, достала оттуда „аппетитную“ чашку Павла Иваныча и сахарницу и поставила то и другое на столъ, попрежнему молча.

— Погода такая пріятная!—замѣтилъ опять Павелъ Иванычъ.

— Ну, что-жъ, слава Богу!—холодно отозвалась Клеопатра.

Она протяжно вздохнула и пошла медленнымъ шагомъ изъ комнаты.

— Послушай! — крикнулъ съ какимъ-то отчаяніемъ Павелъ Иванычъ.

— Чего вамъ?

Клеопатра остановилась въ дверяхъ, вопросительно глядя на Павла Иваныча.

— Вотъ что... я забылъ спросить тебя давеча... насчетъ того... этого... какъ оно...

Павелъ Иванычъ какъ бы завязъ въ своей собственной рѣчи, въ мучительномъ положеніе путника, продирающагося сквозь древесныя чащи на открытое мѣсто. Надлежащая фраза никакъ не подвертывалась ему на языкъ, а между тѣмъ отвѣтъ на вопросъ, занимавшій Павла Иваныча, долженъ былъ разрѣшить то состояніе смутной тревоги, которое испытывалъ онъ въ теченіе всего этого дня. Чувствуя, что на лицѣ его выступаетъ жгучая краска, онъ отправилъ въ носъ добрую щепоть табаку и, постаравшись придать своему голосу твердость, спросилъ:

— Ты отнесла давеча трубку?

— Отнесла,—былъ отвѣтъ Клеопатры.

— Гм... Кого же ты видѣла?

— Да кого, извѣстно... Обоихъ видѣла. Сперва видѣла Анну Гавриловну, потомъ и самъ вышелъ на кухню...

— Кому же ты отдала?

— Извѣстно, кому нужно было отдать!

— Семену Семенычу?

— Семену Семенычу. А то кому же еще?

Павелъ Иванычъ сдѣлалъ короткую паузу, потомъ всталъ, прошелся по комнатѣ и, стоя противъ окна, спиной къ Клеопатрѣ, задалъ новый вопросъ:

— Что жъ онъ сказалъ?

— Сказалъ: „хорошо“.

— Гм... Только всего? Можетъ быть, спросилъ еще... тово... что это, молъ, значитъ? Про меня спросилъ, можетъ быть? А?.. Ты постарайся, припомни...—настаивалъ Павелъ Иванычъ, упорно смотря въ надворную темень.

— Чего мнѣ припоминать? Все я помню отлично! Сказалъ: „хорошо“ — только и было всего! Мотнулъ головой и ушелъ.

Клеопатра все стояла въ дверяхъ, какъ бы въ ожиданіи новыхъ вопросовъ, и, прислонясь къ косяку, не спускала глазъ со спины Павла Иваныча. Елкинъ продолжалъ созерцать надворную темень и не шевелился, какъ каменный...

Онъ былъ пораженъ. Онъ ожидалъ отъ Клеопатры совершенно иного... Строго разсуждая, онъ и самъ не зналъ, что̀ именно

предполагалъ онъ услышать. Распорядившись давеча утромъ отнести трубку къ Семену Семенычу, Павелъ Иванычъ разсчитывалъ показать этимъ поступкомъ разрывъ и цѣлый день думалъ о результатахъ. Все время онъ былъ въ томленіи духа. Все время ему мерещились скорбь, изумленіе, гнѣвъ Семена Семеныча, получившаго трубку, и онъ то наслаждался болѣзненно послѣдствіями совершоннаго дѣла, то принимался казниться... Во всякомъ случаѣ, весь этотъ день онъ искренно и глубоко страдалъ. И вотъ вдругъ оказывается, что все это вышло совсѣмъ по пустому, и Семенъ Семенычъ, какъ говорится, не повелъ даже ухомъ.

Павелъ Иванычъ чувствовалъ себя глубоко уязвленнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ явилась потребность высказать все до конца.

— Семенъ Семенычъ-то... слышала? Ха-ха! Женихъ, вѣдь, у насъ!—разсмѣялся онъ саркастически, отходя отъ окна, и прошелся взадъ и впередъ, заранѣе предвкушая эффектъ...

Онъ былъ увѣренъ, что Клеопатра воскликнетъ: „неужто?!", или всплеснетъ руками, или инымъ чѣмъ-нибудь выразить свое изумленіе, и впередъ уже наслаждался преподнесеннымъ Клеопатрѣ сюрпризомъ... Онъ глубоко обманулся. Клеопатра лишь погладила ладонью косякъ у дверей и отвѣчала, вполнѣ равнодушно:

— Какъ же не слышать? Извѣстно!

— Слышала?!—воскликнулъ вновь пораженный Павелъ Иванычъ.—Гдѣ? Когда? Отъ кого?

— Да какъ-то намеднп ихняя Матрена мнѣ сказывала... Еще бы не слышать! Слава-тѣ Господи! Всему дому извѣстно...

Павелъ Иванычъ какъ бы вдругъ онѣмѣлъ и смотрѣлъ вытаращенными глазами на Клеопатру... Клеопатра смотрѣла на Павла Иваныча совершено спокойно и даже какъ будто съ насмѣшкой...

— Что-жъ ты мнѣ ничего не сказала?!—воскликнулъ запальчиво Елкинъ.

— А съ чего мнѣ было вамъ говорить? Думала, знаете сами... Пріятели!

— Такъ во-отъ какъ... Уже всему дому извѣстно... Вотъ оно что!.. Гмъ... Та-акъ... Ну, а кто она такова, не слыхала?

— Говорили тутъ разное, да мнѣ ни къ чему... Дѣвица, изъ благородныхъ...

— Шлюха какая-нибудь! — молвилъ со злобой Павелъ Иванычъ.

— Ничего намъ о томъ неизвѣстно... Почему же вы такъ ее обзываете? Семенъ Семенычъ мужчина какъ быть, при всей своей настоящей комплекціи...

— Ха-ха! Еще бы! Сѣдыхъ волосъ уже сколько!

— И совсѣмъ сѣдыхъ не видать! Вы сами вотъ лысые... Чѣмъ же онъ не женихъ?

— Еще бы! *Женихъ!*.. Она его по щекамъ старымъ своимъ башмакомъ лупить еще будетъ... Ха-ха!—разсмѣялся съ презрѣніемъ Павелъ Иванычъ.—Я удивляюсъ, чего мать его смотритъ? Дуракъ! Самъ лѣзетъ въ петлю! Тряпка! Балда! Пропадетъ ни за грошъ!

— На мой згадъ, совсѣмъ вы все это напрасно... Мужчина онъ очень пріятный для каждой дѣвицы, али кого тамъ ни взять изъ нашей сестры... Что-жъ? И дай ему Богъ! А вамъ-то ужъ стыдно бы, кажется, такъ говорить? Пріятели еще называетесь!—заключила Клеопатра, наставительнымъ тономъ, и, глядя въ полуоборотъ на Павла Иваныча, сурово замѣтила:—Вы лучше чай-то вотъ пейте! Самоваръ совсѣмъ заморозили... Будете,—что ли, пить-то еще? Пора ужъ и спать!

Павелъ Иванычъ ничего не отвѣтилъ. Онъ вдругъ какъ-то круто затихъ. Повидимому, онъ не слыхалъ даже послѣднихъ словъ Клеопатры. Онъ сидѣлъ, угрюмо понурившись, и смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

— Эхъ-хе-хе!..—вздохнула на распѣвъ Клеопатра и, не прибавивъ больше ни слова, медленнымъ шагомъ направилась въ кухню.

Самоваръ давно уже потухъ и налитый чай сдѣлался совершенно холоднымъ, а Павелъ Иванычъ все сидѣлъ въ своей понуренной позѣ и смотрѣлъ пристально въ землю... Новое, никогда еще не извѣданное имъ состояніе, овладѣло Павломъ Иванычемъ. Что-то жуткое и глубоко-щемящее облегло его душу, словно вдругъ, въ одинъ мигъ, по мановенію какого-то злого волшебника, все окружающее, начиная съ обстановки квартиры, съ которою онъ такъ давно уже сжился и сроднился, куда-то исчезло, а онъ остался одинъ, въ пустынномъ пространствѣ, забытый, ненужный, всѣмъ опостылѣвшій...

Онъ тихо пошевелился и всталъ. Мертвое, подавляющее душу безмолвіе окружало Павла Иваныча. Оно царило повсюду: и здѣсь, въ этой столовой, и тамъ, дальше, въ погруженныхъ въ мракъ пустыхъ комнатахъ, гдѣ лишь четко и звонко отдавалось стуканье маятника висѣвшихъ въ столовой часовъ—и эти мѣрные, неустанные звуки будто пуще еще оттѣняли обступавшую его пустоту.

Онъ остановился противъ окошка и вперилъ глаза въ темноту. Во всѣхъ этажахъ бураго дома, тамъ и сямъ, еще свѣтились огни. Полукруглое окно подземелья прачки Варвары горѣло краснымъ, трепещущимъ свѣтомъ, и въ немъ двигалась мѣрно, слѣва направо, длинная тѣнь...

„Гладитъ, должно быть“,—подумалось Павлу Иванычу.

Наверху, чуть не подъ самою крышей, въ двухъ окнахъ квартиры Фонтанщикова, тоже виденъ былъ светъ. Шторы были опущены, и на фоне белыхъ квадратовъ чернелись, какъ лапы какихъ-то большихъ пауковъ, тени стоявшихъ на окнахъ растеній... Воображеніе тотчасъ же вызвало передъ Павломъ Иванычемъ высокую, бледнолицую фигуру этого угрюмаго юноши, съ которымъ, при встречахъ, онъ лишь молча раскланивался, и о житье-бытье его имелъ, какъ и все въ буромъ доме, самое смутное представленіе. И, наблюдая теперь освещенныя окна квартиры Фонтанщикова, Павелъ Иванычъ подумалъ, что можетъ онъ, хозяинъ ея, въ это время тамъ делать? Пьетъ ли онъ чай, или пишетъ, читаетъ?.. А не то, можетъ быть, ничего онъ не делаетъ, а просто сидитъ и о чемъ-нибудь думаетъ... О чемъ можетъ думать Фонтанщиковъ?.. И дальше, и дальше лениво плелась мысль Павла Иваныча, а взоръ все блуждалъ во мраке двора. И вотъ этотъ взоръ остановился на окнахъ квартиры Скворешниковыхъ... Въ одной только кухне былъ виденъ огонь, между темъ какъ все прочія окна погружены были во тьму.

„Знать, дома нетъ никого... Ни самого, ни старухи...“—подумалось Павлу Иванычу.

И воображеніе Елкина представило ихъ обоихъ сидящими у невесты, у этой самой „Варюши“, о которой вчера, вотъ здесь, въ этой столовой, разсказывалъ съ такимъ увлеченіемъ Скворешниковъ... Павелъ Иванычъ старался вообразить себе эту „Варюшу“, и она представлялась ему въ виде молодой белокурой девицы, но на этомъ фантазія его останавливалась, упорно рисуя, вместо невесты, лучезарнаго Семена Семеныча, который сидитъ съ нею рядомъ, целуетъ ея ручки и таетъ, а поодаль фугуру Анны Гавриловны, которая тоже сіяетъ, — и все они трое довольны и счастливы, и не думаютъ, и не гадаютъ о томъ, что теперь, въ эти минуты, онъ, Павелъ Иванычъ, смотритъ на темныя окна этой безлюдной квартиры, размышляетъ объ ея обитателяхъ и томится безысходной тоскою...

Павелъ Иванычъ отвернулся и отошелъ отъ окна. Онъ чувствовалъ себя невыразимо несчастнымъ...

И въ эту ночь, какъ и въ прошлую, Павелъ Иванычъ не могъ долго заснуть. Онъ лежалъ на спине, вперивъ глаза въ темноту, и слушалъ стукъ маятника, мерно, звонко, назойливо раздававшійся изъ отворенной двери въ столовую... Въ первый разъ еще такъ безпокоилъ его этотъ маятникъ, а между темъ Павелъ Иванычъ не могъ отъ него оторваться, вслушиваясь въ эти назойливые, однообразные звуки, въ которыхъ онъ, наконецъ,

сталъ совсѣмъ явственно слышать, какъ бы произносимое человѣческимъ голосомъ слово:

„Си-ро-та... си-ро-та... си-ро-та...“

Онъ всталъ и притворилъ плотно дверь. Стукъ теперь слышался глуше, но не маятникъ былъ истинной причиной безсонницы Павла Иваныча...

Опять, какъ и въ прошлую ночь, онъ еще долго вздыхалъ, кряхтѣлъ и ворочался, пока сонъ, наконецъ, надъ нимъ сжалился.

XXXV.

На другой день, Павелъ Иванычъ, вернувшись со службы, не облекся въ халатъ, а лишь смѣнилъ вицмундиръ на обычный костюмъ, употреблявшійся для выходовъ за-просто, и тотчасъ же послѣ обѣда ушелъ со двора.

Протекъ часъ, и другой, насталъ вечеръ, а Павла Иваныча не было. Наступило время вечерняго чая, самоваръ успѣлъ уже нѣсколько разъ потухнуть и снова вскипѣть, подогрѣваемый начинавшей сердито ворчать Клеопатрой, а Павла Иваныча все еще не было... Часы въ столовой пробили девять, пробили десять, и когда стрѣлка на циферблатѣ уже подползала къ одиннадцати, въ прихожей слабо звякнулъ звонокъ.

Клеопатра совсѣмъ собралась уже спать. и, отворивъ дверь, узнала въ пришельцѣ хозяина. Такъ какъ она была въ ночномъ неглиже, то тотчасъ же исчезла къ себѣ.

Она слышала, какъ Павелъ Иванычъ возился, снимая съ себя калоши и шубу, потомъ грузнымъ и медленнымъ шагомъ направился въ комнаты. По дорогѣ онъ нѣсколько разъ зацѣпилъ за разную мебель и уронилъ даже стулъ... Онъ, несомнѣнно, былъ пьянъ.

. . . .

Съ тѣхъ поръ установился новый порядокъ вещей.

Вернувшись со службы и пообѣдавъ, Павелъ Иванычъ тотчасъ же уходилъ со двора и возвращался лишь въ полночь. Гдѣ онъ былъ, что онъ дѣлалъ въ теченіе цѣлаго вечера, было покрыто мракомъ непроницаемой тайны. Ни разу не обмолвился онъ, хотя бы слабымъ намекомъ, на этотъ счетъ съ Клеопатрой. Вообще, онъ совершенно пересталъ разговаривать съ нею послѣ того объясненія по поводу женитьбы Семена Семеныча, когда Клеопатра объявила себя на сторонѣ вѣроломнаго друга. Онъ даже пересталъ распоряжаться по части обѣда и, принимая отъ Клеопатры отчеты по утрамъ, въ сдѣланныхъ ею на рынкѣ покупкахъ, оставался нѣмъ какъ могила. Въ этихъ случаяхъ онъ

былъ постоянно угрюмо нахмуренъ, какъ бы избѣгалъ Клеопатриныхъ взоровъ и смотрѣлъ пристально въ полъ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Ничто не показывало, что дѣла могутъ установиться опять въ прежнемъ ихъ положеніи. И вотъ Клеопатра рѣшилась разъ, наконецъ, выслѣдить Павла Иваныча.

Когда онъ, послѣ обѣда, собрался уходить, она подала ему шубу, проводила его, потомъ быстро одѣлась сама и тотчасъ же юркнула слѣдомъ за нимъ. Замкнувъ снаружи квартирную дверь, она съ минуту прислушивалась къ затихавшимъ по лѣстницѣ шагамъ Павла Иваныча и стала проворно спускаться.

Когда очутилась она на дворѣ, Павелъ Иванычъ уже исчезалъ за воротами.

Клеопатра прибавила шагу и, выйдя на улицу, увидѣла Павла Иваныча, который пересѣкалъ перекрестокъ. Она пошла за нимъ по другой сторонѣ, ни на мгновеніе не сводя съ него глазъ.

Павелъ Иванычъ заворачивалъ изъ улицу въ улицу, бредя медленнымъ шагомъ гуляющаго, по временамъ останавливаясь у окна какого-нибудь магазина, а затѣмъ снова трогался съ мѣста и продолжалъ брести дальше, впередъ, все болѣе удаляясь отъ дома.

„Къ кому бы это могъ онъ повадиться?“—задавала себѣ вопросъ Клеопатра, слѣдя за хозяиномъ взоромъ съ угла переулка, выходившаго на набережную какой-то канавы.

Въ это время Павелъ Иванычъ вступилъ на мостъ. Дойдя до середины его, онъ прислонился къ периламъ и сталъ смотрѣть пристально внизъ... Богъ знаетъ, что именно онъ тамъ запримѣтилъ, но что онъ не намѣревался покончить съ собой утопленіемъ, явствовало ужъ изъ того обстоятельства, что это было бы совсѣмъ неудобно по зимнему времени года.

Надо замѣтить, что вечеръ давно уже спустился, и Клеопатрѣ стоило большого труда, чтобы не потерять своего хозяина изъ виду. На этотъ разъ свѣтъ фонарей, горѣвшихъ на набережной, помогалъ достаточно явственно наблюдать фигуру Павла Иваныча.

Постоявъ около двухъ-трехъ минутъ, онъ отошелъ отъ перилъ, тронулся было впередъ—и вдругъ повернулъ въ обратную сторону, навстрѣчу своей соглядатайницѣ.

Клеопатра подпустила Павла Иваныча на безопасное для себя разстояніе, шмыгнула прочь съ тротуара и, обойдя сторонкой хозяина, снова послѣдовала за нимъ по пятамъ.

Теперь онъ шелъ новой дорогой, другими, кружными улицами, но, очевидно, возвращался домой.

„Чего онъ плутаетъ?“ — размышляла съ досадой преслѣдовательница, начиная терять послѣдніе остатки терпѣнія.

Наконецъ, она увидала, какъ Павелъ Иванычъ поровнялся съ подъѣздомъ какого-то небольшого трактира, толкнулъ въ него дверь и исчезъ.

Если бы Клеопатра умѣла читать, то подъ огромными французскими литерами, которыя блестѣли на вывѣскѣ, составляя слово „Tracteur", она могла бы разобрать другое, помельче— „Друзья", ибо его озарялъ очень явственно свѣтъ фонаря съ тротуара.

Во всякомъ случаѣ, она узнала, что было ей нужно, и пошла во свояси.

. . . .

Павелъ Иванычъ вернулся домой по прежнему ночью, и проходя по столовой, уронилъ съ грохотомъ стулъ.

. . . .

На другое утро, Клеопатра вышла въ столовую, съ отчетомъ въ сдѣланныхъ ею на рынкѣ покупкахъ.

Елкинъ сидѣлъ за самоваромъ, по обыкновенію совсѣмъ ужъ готовый, чтобы отправляться на службу, и смотрѣлъ пристально въ полъ. Чай, налитый въ его „аппетитную" чашку, стылъ на столѣ. Покупавшаяся всегда по утрамъ трехкопеечная французская булка оставалась не тронутой.

При приближеніи къ столу Клеопатры, Павелъ Иванычъ не повернулъ головы. Лицо его казалось отекшимъ, опухшимъ.

Креопатра молча положила на столъ оставшуюся отъ покупки провизіи сдачу и направилась вонъ. Она ужъ готова была исчезнуть за дверью, какъ ее окликнулъ голосъ Павла Иваныча. Это было еще въ первый разъ, что онъ въ теченіе этихъ послѣднихъ нѣсколькихъ дней разомкнулъ внезапно уста.

— Того... этого... вотъ что...— началъ Павелъ Иванычъ, все продолжая смотрѣть пристально въ полъ и какъ бы съ мученіемъ ища выраженій. — Вотъ что, скажи мнѣ, пожалуйста... отчего ты молчишь?

— Чего-съ?—отозвалась Клеопатра.

— Я спрашиваю, отчего ты молчишь? Злишься ты, что ли, или... какъ бы... это... того... недовольна?

— Чего мнѣ злиться? Ничего я не злюсь. Опять же, и говорить-то мнѣ не о чемъ.

Клеопатра повернулась, чтобы уйти.

— Стой! — воззвалъ къ ней Павелъ Иванычъ, поднимая вдругъ голову.

Клеопатра пріостановилась въ дверяхъ и взглянула на Павла Иваныча. Павелъ Иванычъ мутными, воспаленными глазами смотрѣлъ на нее и, очевидно, съ сугубымъ мученіемъ искалъ выраженій.

— Скажи мнѣ,—началъ, наконецъ, медленнымъ голосомъ Павелъ Иванычъ,—встрѣчала ты... вотъ теперь... въ эти дни... Семена Семеныча?.. (Произнесеніе этого имени стоило, повидимому, для Павла Иваныча не малыхъ усилій).

— Втрѣчала,—былъ отвѣтъ Клеопатры.

— Ну, и... того... Какъ его... что же онъ?.. То-есть, хочу я сказать... что̀ ты съ нимъ говорила?

— Я-то? Да что... Ничего!

— А онъ?

— И онъ ничего.

— И ничего у тебя онъ не спрашивалъ?

— Ничего у меня онъ не спрашивалъ.

— Не спрашивалъ онъ, напримѣръ, про меня? Что, дескать, дѣлаетъ Павелъ Иванычъ? Или, напримѣръ, о здоровьи?..

— Нѣтъ, ничего такого не спрашивалъ...

— Ничего?

— Ничего.

Павелъ Иванычъ медленно отвелъ глаза отъ своей собесѣдницы и, не прибавивъ больше ни слова, глубоко понурился. Клеопатра вышла изъ комнаты.

Вернувшись со службы и пообѣдавъ, Елкинъ, по установившемуся въ послѣднее время обычаю, собрался идти на прогулку. Клеопатра молча подала ему шубу и только вздохнула какимъ то зловѣщимъ, продолжительнымъ вздохомъ... Павелъ Иванычъ ушелъ.

. . . .

Настала ужъ полночь. Клеопатра успѣла забыться первой, легкой дремотой, какъ въ прихожей рѣзко, почти оглушительно, грянулъ звонокъ. Это возвратился домой Павелъ Иванычъ. Отворивъ ему дверь, Клеопатра нырнула обратно въ постель.

Павелъ Иванычъ снималъ калоши и шубу. Онъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и даже какъ будто бранился. Лежа въ постели, Клеопатра старалась прислушаться, но не могла ничего разобрать. Только явственно слышалось, какъ Павелъ Иванычъ терся спиною объ стѣну, шатая деревянную вѣшалку и, очевидно, воюя съ калошами, которыя упорствовали слѣзать съ его ногъ. Клеопатра рѣшилась ужъ встать и помочь ему, какъ Павелъ Иванычъ успѣлъ, наконецъ, благополучно одолѣть всѣ препятствія и двинулся съ мѣста. На этотъ разъ, шаги его были болѣе чѣмъ когда-либо не тверды, и, судя по шороху, производимому Павломъ Иванычемъ, онъ хватался руками за стѣны, чтобы сохранить равновѣсіе. При этомъ Клеопатра очень ясно разслышала, что шаги Павла Иваныча направлялись не въ комнаты, а близились къ ней.

Дѣйствительно, скрипъ половицы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

кровати, далъ знать о присутствіи ночного пришельца. Въ кромѣшной тьмѣ, царившей окрестъ, онъ оставался невидимъ, но по ясному шороху въ дверяхъ Клеопатриной комнаты можно было легко догадаться, что онъ хватался рукой за косякъ. Онъ дышалъ тяжело, съ сопѣньемъ и присвистомъ, потомъ забормоталъ что-то невнятное.

— Господи-Исусе! Чего вамъ?! — вскинулась Клеопатра съ постели.

— Мол-лчать...—медленно произнесъ Павелъ Иванычъ.—Вы всѣ за одно... Только нѣтъ, братъ, шалишь...

— Ложитесь спать! Что это, Господи! Чего вы буяните?

— А такъ вотъ хочу... И не лягу... И буду буянить... Какъ ты смѣешь... тово... мнѣ... указывать?!—грянулъ вдругъ Павелъ Иванычъ.—Я еще вамъ всѣмъ покажу!.. И тому подлецу покажу... Слышишь, что я говорю?!. А-а! онъ морду воротитъ? *Женихъ?..* Ну, нѣтъ, погоди... Я скажу еще ему подлеца... Прямо скажу! Только бы встрѣтиться! Къ самому ему, подлецу, пойду и скажу... „подлецъ, молъ, мерзавецъ", скажу... Я, вотъ, пью... Я, вотъ, пьянъ... Почему?.. Горько мнѣ, больно, обидно!.. (Павелъ Иванычъ неожиданно всхлипнулъ). Ну, и хорошо... Ну, и ладно... Не нужно мнѣ васъ... Я одинъ... Сирота... Никого у меня... И чудесно, отлично, пускай... И буду одинъ... И умру... и умру... одинъ... какъ собака!...

И Павелъ Иванычъ залился въ три ручья.

XXXVI.

Итакъ, всякія связи съ Семеномъ Семенычемъ были порваны теперь навсегда.

Павелъ Иванычъ рѣшилъ на этотъ счетъ безвозвратно, укрѣпилъ и носилъ рѣшеніе это въ сердцѣ своемъ.

Съ Клеопатрою онъ прекратилъ всякіе разговоры о Семенѣ Семенычѣ и желалъ теперь одного: умертвить въ себѣ, такъ сказать, всякую память о своемъ вѣроломномъ пріятелѣ.

Однако—надо сознаться—этого пока еще не удалось достигнуть Павлу Иванычу. Даже напротивъ, образъ Семена Семеныча, то и дѣло, возникалъ передъ мысленнымъ взоромъ его осиротѣлаго друга и по мѣрѣ того, какъ дни уходили за днями, и Павелъ Иванычъ окаменѣвалъ въ душевномъ своемъ одиночествѣ, образъ Семена Семеныча, говоря фигурально, все плотнѣе окутывался той атмосферой, которую создало для него оскорбленное чувство Павла Иваныча. Все недавнее прошлое, казавшееся прежде согрѣтымъ теплотою сердечной пріязни и взаимной довѣрчивости

хорошо познавшихъ другъ друга людей, имѣло теперь значеніе миража, и Семенъ Семенычъ представлялся въ своихъ настоящихъ чертахъ — сухого и скрытнаго человѣка, который всегда помнилъ лишь о себѣ и любилъ и цѣнилъ Павла Иваныча только до тѣхъ поръ, пока тотъ былъ ему нуженъ. Павелъ Иванычъ почасту и подолгу теперь вспоминалъ то или другое обстоятельство изъ прежнихъ ихъ отношеній, въ видѣ поступка или фразы со стороны Семена Семеныча, которые въ надлежащее время ускользнули отъ вниманія Павла Иваныча, но теперь, будучи приведены къ одному знаменателю, получали подобающее имъ освѣщеніе. Хотя бы сужденія его о постоянныхъ отношеніяхъ къ женщинѣ?.. Хотя бы эта фраза его по поводу шашекъ, сказанная имъ въ послѣдній разъ, когда они видѣлись?.. Развѣ не выражало это все очень ясно, что онъ всегда лицемѣрилъ передъ своимъ довѣрчивымъ другомъ, что шашки, въ сущности, никогда не занимали Семена Семеныча, а онъ убивалъ ими время съ единственной цѣлью — замаскировать передъ Павломъ Иванычемъ свои сокровенныя мысли и чувства, играя съ нимъ въ эти несчастныя шашки даже въ то время, когда онъ ужъ думалъ и мечталъ о женитьбѣ?!

Принимая все это теперь во вниманіе, слѣдовало ли ожидать, что Павелъ Иванычъ будетъ присутствовать на свадьбѣ Скворешникова? Одно ужъ предположеніе о возможности подобнаго факта должно бы было казаться крайней нелѣпостью.

А между тѣмъ случилось совершенно обратное, и Павелъ Иванычъ не только принужденъ былъ поѣхать на свадьбу, но далъ еще слово исполнить обязанности шафера... Какъ это вышло — и самъ онъ потомъ не могъ сообразить хорошенько!

XXXVII.

Вотъ, какъ все это вышло.

Было воскресенье. Павелъ Иванычъ вернулся домой отъ обѣдни. Первое, что бросилось въ глаза ему, лишь только вошелъ онъ въ прихожую, было—висѣвшая на вѣшалкѣ чья-то посторонняя шуба. Онъ узналъ эту шубу... Эта шуба принадлежала Семену Семенычу.

Да, самъ Скворешниковъ, своею собственной персоной, сидѣлъ у Павла Иваныча... Онъ сидѣлъ въ столовой. Онъ сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, въ той самой позѣ, какъ, бывало, привыкъ видѣть его у себя Павелъ Иванычъ... Онъ сидѣлъ и курилъ большую сигару.

— А! Вотъ и ты! — радостно воскликнулъ Скворешниковъ, при видѣ Павла Иваныча. Онъ вскочилъ и устремился къ нему...

Жгучая краска залила щеки Павла Иваныча... Даже духъ у него захватило!

Онъ зналъ, что эта минута — рѣшительная. Онъ зналъ, что необходимо сейчасъ же, не давая гостю опомниться, сказать или сдѣлать нѣчто такое, что должно потрясти и смутить Семена Семеныча. Сколько разъ, въ тишинѣ или подъ звуки органа трактира „Друзья", онъ злорадно мечталъ объ этой минутѣ! Онъ воображалъ, какъ встрѣтится съ Семеномъ Семенычемъ, измышлялъ цѣлыя сцены, сочинялъ монологи, полные жестокихъ, укоризненныхъ словъ, коими онъ бичуетъ своего вѣроломнаго друга, а тотъ, въ это время, молчитъ и блѣднѣетъ, потомъ произноситъ горько: „прости, навсегда!" — и уходитъ отъ него, убитый и посрамленный...

И вотъ, эта минута теперь наступила!

Вошелъ онъ въ столовую съ равнодушнымъ спокойствіемъ и потупленнымъ взоромъ, какъ бы не замѣчая присутствія гостя, хотя внутри у него все клокотало... На привѣтственное восклицаніе Скворешникова отвѣчало съ его стороны мертвое, ледяное молчаніе... Затѣмъ надлежало, по плану, начать злую, ядовитую рѣчь... Елкинъ открылъ было ротъ, чтобы вымолвить первое слово, какъ вдругъ оказалось, что языкъ его прилипаетъ къ гортани... Мало того: онъ почувствовалъ, съ величайшимъ смущеніемъ, что всѣ фразы, которыя онъ приготовилъ, всѣ выраженія. которыя такъ звучно и сильно складывались у него въ головѣ, въ минуты его одинокихъ мечтаній, вдругъ куда-то пропали, исчезли, и ни единое слово не подвертывается ему на языкъ, что, короче сказать, — онъ совсѣмъ потерялся... А Скворешниковъ былъ уже въ двухъ шагахъ, улыбался, какъ май, и протягивалъ для пожатія руку...

Павелъ Иванычъ готовъ былъ исчезнуть, провалиться сквозь землю. Но онъ только потупился и спряталъ руки назадъ.

— Ха-ха-ха! Что съ тобой? Не узналъ? — весело засмѣялся Скворешниковъ.

— Нѣтъ, я узналъ... Только, того... съ этихъ поръ... между нами... — пробормоталъ Павелъ Иванычъ, но такъ несвязно, невнятно, что это вступленіе, очевидно, совершенно пропало. Дальше рѣчь Елкина круто пресѣклась, и онъ, тяжко дыша, отвернулся.

Затѣмъ произошло нѣчто нелѣпое. Оказалось, что обѣ руки Семена Семеныча лежатъ на плечахъ у Павла Иваныча, и Семенъ Семенычъ что-то безпокойно трещитъ и разспрашиваетъ и тащитъ къ столу Павла Иваныча, а Павелъ Иванычъ, окончательно уже уничтоженный, безсильно ему покоряется... И вотъ, сидитъ онъ на стулѣ, не въ состояніи молвить ни единаго слова, а Семенъ Семенычъ сидитъ рядомъ съ нимъ, положивъ руку ему на плечо и разсматривая, а Павелъ Иванычъ видитъ его лицо, и

зубы, и бакенбарды, и хочетъ опять провалиться сквозь землю— но горло его сжимается спазмой, послѣ чего, чтò вышло совсѣмъ уже глупо, Павелъ Иванычъ вдругъ всхлипнулъ и заплакалъ, какъ малый ребенокъ...

— Что случилось?!—съ испугомъ воскликнулъ Скворешниковъ.

— Такъ... Оставь... Ничего... — пролепеталъ съ усиліемъ Елкинъ, когда ему удалось, наконецъ, обуздать свои чувства, между тѣмъ какъ Скворешниковъ, чрезвычайно встревоженный, налилъ въ стаканъ изъ графина воды и протягивалъ этотъ стаканъ ко рту пріятеля.—Я не знаю, какъ это... тово... со мной вдругъ... Ладно, оставь, говорю! — прибавилъ Павелъ Иванычъ и отвелъ рукою стаканъ.

Семенъ Семенычъ опустился на стулъ, проницательно наблюдая пріятеля. Лицо Павла Иваныча казалось опухшимъ, глаза были красны и тусклы, а даже носъ лоспился подозрительнымъ глянцемъ...

— Гм!—многозначительно крякнулъ Сворешниковъ и сильно затянулся сигарой. Павелъ Иванычъ взволнованно досталъ табакерку, зарядилъ носъ табакомъ и потупился.

Семенъ Семенычъ молчалъ и курилъ. Павелъ Иванычъ тоже молчалъ и пристально смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

Заговорилъ первый Скворешниковъ. Очевидно, онъ еще раньше, до прихода сюда, чувствовалъ себя чѣмъ-то пріятно взволнованнымъ. Поведеніе пріятеля должно было поразить его неожиданностью и поселить въ душѣ безпокойство. Вскорѣ, однако, лицо его прояснилось, и Семенъ Семенычъ повелъ, какъ всегда, оживленную рѣчь.

Первымъ дѣломъ, онъ объявилъ Павлу Иванычу, что пришелъ прямо къ нему отъ невѣсты. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе Елкина на то обстоятельство, что онъ не куритъ теперь уже трубки, которую ему запретила Варюша, назвавъ ее гадостью и подаривъ за то портсигаръ и дозволивъ сигары. Вытащенъ и показанъ былъ портсигаръ—сафьянный, двухстворчатый, съ прелестнымъ изображеніемъ охотника. Затѣмъ обращено было вниманіе Павла Иваныча на украшавшій грудь Семена Семеныча галстухъ великолѣпнаго темно-вишневаго шелка, съ золотистыти мушками. Это былъ тоже подарокъ Варюши и, что больше всего долженъ былъ оцѣнить Павелъ Иванычъ—издѣлія ея собственныхъ рукъ. Послѣднее было повѣдано ликующимъ и восторженнымъ тономъ, а затѣмъ будущій мужъ разлился въ похвалахъ ея уму и характеру, ея трудолюбію и серьезному отношенію къ жизни. Все это Семенъ Семенычъ успѣлъ изучить досконально, такъ какъ проводитъ у Варюши все свое свободное время...

— Даже уже маменька начинаетъ ворчать... Говоритъ, что я совсѣмъ отъ дома отбился.

— Стой! — прервалъ внезапно Павелъ Иванычъ. — Выпьемъ, братъ, водки!

Онъ вскочилъ съ необычайной живостью и устремилъ глаза на пріятеля. Противъ его ожиданія, Семенъ Семенычъ отрицательно потрясъ головой и сказалъ:

— Ни-ни-ни!.. Къ чорту напитки!

— Какъ?—спросилъ озадаченный Павелъ Иванычъ.

— Зарокъ! Уже двѣ недѣли не пью! Варюшѣ слово дано!

Елкинъ сразу померкъ и погасъ, причемъ на лицѣ его даже повторилось то выраженіе, какое у него подмѣтилъ Скворешниковъ, когда, давеча, обратился съ привѣтствіемъ... Снова онъ напружился весь и тяжело задышалъ...

Выраженіе мучительной душевной борьбы отпечатлѣлось на лицѣ Семена Семеныча... Наконецъ, онъ глубоко вздохнулъ, махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Ну! Только для друга!

— Вотъ, теперь ладно! — опять просвѣтлѣлъ Павелъ Иванычъ и громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Клеопатра Максимовна! Водки!

Когда на столѣ появились закуска и водка, Елкинъ налилъ двѣ рюмки и, чокаясь съ Семеномъ Семенычемъ, произнесъ слѣдующій неожиданный спичъ:

— За твое здоровье... тово... Желаю тебѣ всякаго счастья, и дай тебѣ Богъ и... тово... какъ оно... Ну, да, словомъ, чего тутъ!..

Павелъ Иванычъ махнулъ рукою и, желая скрыть овладѣвшее имъ чувство волненія, быстро опрокинулъ рюмку въ свой ротъ, крякнулъ и поставилъ рюмку на столъ.

Семенъ Семенычъ тотчасъ же наполнилъ ее вновь изъ графина и прибавилъ восторженно:

— И за здоровье Варюши!

— И за здоровье Варюши!—повторилъ Павелъ Иванычъ.

Они опять чокнулись и выпили. Семенъ Семенычъ протянулъ Павлу Иванычу руку. Тотъ ему подалъ свою. Семенъ Семенычъ сжалъ ее и потрясъ, безмолвнымъ, растроганнымъ взоромъ глядя въ лицо Павлу Иванычу. Павелъ Иванычъ безмолвнымъ, растроганнымъ взоромъ глядѣлъ тоже въ лицо Семену Семенычу. Затѣмъ они обхватили другъ друга руками и слились въ крѣпкомъ и долгомъ объятіи... Это была минута глубоко потрясающая!

— Спасибо... Этого, братъ, я тебѣ никогда не забуду!—произнесъ растроганный Скворешниковъ и провелъ рукой по глазамъ.

Павелъ Иванычъ сидѣлъ отвернувшись, весь багровый отъ переполнявшихъ грудь его чувствъ, тяжело дыша и моргая, чтобы удержать готовую опять пролиться слезу.

*

— Ты долженъ быть моимъ шаферомъ!—воскликнулъ Скворешниковъ.

— Я не знаю... Того...

— Какъ! Ты не хочешь?

— Нѣтъ, что ты... Я только... того... Какъ вотъ насчетъ фрака...

— Чепуха! Разрѣшаю тебѣ быть даже въ халатѣ!

— Ну, вотъ... Опять же еще бѣлый галстухъ... перчатки...

— Такъ что-жъ?

— Признаться, я никогда... Какъ-то вдругъ странно...

— Что странно?

— Да какъ же... Вдругъ я во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ...

Семенъ Семенычъ не сталъ дальше слушать, укоряя и стыдя Павла Иваныча за его малодушіе, представляя на видъ ему, что это будетъ просто даже недобросовѣстно со стороны Павла Иваныча, если онъ допуститъ, что кто-либо другой, а не онъ станетъ держать вѣнецъ надъ Семеномъ Семенычемъ, что это покажется неловкимъ и удивительнымъ всѣмъ, не говоря уже про него, Семена Семеныча, но и маменькѣ, и даже Варюшѣ, ибо она, какъ и всѣ, уже знаетъ, что первый другъ ему, Семену Семенычу,—онъ, Павелъ Иванычъ, и, въ концѣ концовъ, заключилъ, что, коли на то уже пошло, то таковое упорство со стороны Павла Иваныча, онъ, Семенъ Семенычъ, принимаетъ не иначе, какъ за обиду!

Всѣ эти доводы были такъ убѣдительны, что Павелъ Иванычъ былъ принужденъ, наконецъ, покориться.

— Ну, а теперь,—закончилъ, вставая, Скворешниковъ,—я, братъ, утекаю! Хлопотъ у меня цѣлая уйма! Къ кухмистеру надо, къ попу... Прощай и будь здравъ!

И Семенъ Семенычъ исчезъ, оставивъ пріятеля размышлять на досугѣ обо всемъ происшедшемъ.

Еще долго послѣ ухода Скворешникова Павелъ Иванычъ сидѣлъ истуканомъ на стулѣ, вперивъ оцѣпенѣвшій взоръ себѣ подъ ноги, какъ бывало всегда, въ минуты глубокихъ его размышленій...

Въ сущности, у него не было никакихъ размышленій. Въ головѣ его были только туманъ и хаосъ, какъ случается послѣ сильной нравственной встряски... Какимъ образомъ все это вышло—онъ совершенно не могъ разобраться... Словно нѣкій вихрь налетѣлъ и разметалъ во всѣ стороны зданіе злобныхъ и горькихъ идей, которое онъ построилъ въ себѣ, носилъ и лелѣялъ. Въ то же время, онъ ощущалъ облегченіе, знакомое каждому, у коего когда-нибудь лопнулъ, безъ боли, долго и мучительно назрѣвавшій нарывъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Позорная ночь.

XXXIX.

Въ уличной жизни нашей столицы бываетъ одинъ такой перерывъ, когда она совсѣмъ замираетъ. Тогда вы не встрѣтите ни единой души. Дворники, сидящіе въ своихъ овчинныхъ тулупахъ на стражѣ воротъ, обрѣтаются въ состояніи каменныхъ идоловъ, а городовые, надо думать, превращаются на все это время въ невидимыхъ духовъ. Словомъ, это бываетъ тотъ часъ, когда владычеству сна не въ силахъ противиться ни единая тварь, всякій прохожій представляется необычайнымъ явленіемъ, а топотъ копытъ извозчичьей клячи въ состояніи дремоты, влекущей домой запоздни́вшагося въ одномъ изъ веселыхъ пріютовъ гуляку, который раскланивается чрезвычайно почтительно всѣмъ встрѣчнымъ тумбамъ и фонарнымъ столбамъ, вызываетъ на пустынныхъ улицахъ эхо, словно изъ нѣдръ какого-нибудь мертваго города.

Въ такую-то пору къ воротамъ бураго дома подъѣхали извозчичьи санки.

Въ нихъ сидѣли двое мужчинъ. Одинъ былъ въ обширной енотовой шубѣ, спущенной съ одного плеча, и цилиндрѣ, державшемся совсѣмъ на затылкѣ; другой—въ теплой шинели и шапкѣ. Шуба ораторствовала. Шинель хранила молчаніе.

— Ничего мнѣ не нужно...—произносила медленно шуба.— На все наплевать... Понимаютъ ли они, подлецы, какого человѣка обидѣли?.. Никто не пойметъ... Всѣ подлецы.

— Пріѣхали,—объявила шинель.

— Куда? Почему?..—возразила съ недоумѣніемъ шуба.

— Выходите, послушайте, какъ васъ...—сказала шинель.

— На как-комъ основаніи?.. Не хо-чу.

— Эхъ, наказаніе съ вами!—вздохнула шинель.

Наступила длинная пауза. Шуба погрузилась какъ бы въ задумчивость. Шинель пребывала въ терпѣливомъ безмолвіи. Кляча дремала. Извозчикъ, сидя въ полуоборотъ на своемъ облучкѣ, съ покорнымъ спокойствіемъ ждалъ, что послѣдуетъ изъ этого дальше... Вся эта группа представляла собою какъ-бы одно изваяніе, вырѣзаясь въ четкихъ контурахъ на фонѣ луннаго свѣта. Прекраснымъ дополненіемъ къ ней могла бы служить озаренная тоже луною статуя, изображавшая сидящаго у воротъ человѣка въ овчинномъ тулупѣ, съ воротникомъ, поднятымъ выше макушки.

Вначалѣ эта статуя обнаружила было признаки жизни, но къ концу діалога пріѣзжихъ впала опять въ неподвижность.

— Эхъ, купцы, докуда-жъ эдакъ мы будемъ стоять-то? — тоскливо подалъ свой голосъ извозчикъ.

— Послушайте, какъ васъ... Вставайте! — заговорила снова шинель.

Шуба оставалась въ задумчивости.

— Вставайте же, чортъ подери васъ совсѣмъ! — вскричала шинель, съ злобнымъ отчаяніемъ.

— Вставайте, ваше здоровье! Не хорошо-съ... Безобразно-съ, — замѣтилъ отъ себя и извозчикъ.

Шуба промычала лишь что-то невнятное, пребывая упорно въ задумчивости.

— Видно, придется силкóмъ его вытащить... Ничего не подѣлаешь! — рѣшительно заявила шинель, вылѣзая изъ саней. — Ну-ка, братъ, бери его съ той стороны!

Извозчикъ, къ которому относилось это воззваніе, неодобрительно крякнулъ и тоже полѣзъ съ облучка.

Разсыпавшаяся такимъ образомъ группа очутилась въ другой комбинаціи, образовавъ зрѣлище трехъ человѣкъ, какъ бы связанныхъ тѣсною дружбою, съ центральной фигурой въ лицѣ господина въ енотовой шубѣ, возлежащаго въ объятіяхъ извозчика и господина въ шинели, барахтавшихся около санокъ. Послѣ довольно оживленной возни, происходившей въ полнѣйшемъ молчаніи (слышалось только кряхтѣнье), они, всѣ, втроемъ, очутились, наконецъ, на ногахъ. Тутъ вдругъ господинъ въ енотовой шубѣ рванулся стремительно въ сторону, занырялъ вдоль улицы, какъ бы несомый бурнымъ дыханіемъ вѣтра, укрѣпился съ трудомъ на ногахъ и, очутившись отъ своихъ обоихъ преслѣдователей на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, пробормоталъ съ большимъ изумленіемъ.

— Что... вамъ... нужно?.. Оставьте... меня...

— Ну, теперича самъ дойдетъ... Ничего! — успокоительно замѣтилъ извозчикъ, взлѣзая на свой облучекъ.

— Дойдетъ, ничего! — отдуваясь согласилась шинель, которая уже сидѣла въ саняхъ.

— Всѣ подлецы! — воскликнула издали шуба.

— Трогай, извощикъ! — сказала шинель.

— Стой!! — заорала неожиданно шуба, устремляясь въ догонку. — Эй! Вы! Подлецы!!

Никто ему не отвѣтилъ. Сани уже исчезали за поворотомъ.

— Подлецы... ахъ, подлецы... — бормоталъ самъ съ собой,

оставшись одинъ, господинъ въ енотовой шубѣ.—А ты чего смотришь?.. А?.. Ты чего смотришь, подлецъ?

Истуканъ въ овчинномъ тулупѣ или, точнѣе, дворникъ Лука, къ которому былъ обращенъ этотъ вопросъ, аппетитно всхрапнулъ и причмокнулъ.

— Дрыхнетъ... нализался... подлецъ...—пробормоталъ господинъ въ енотовой шубѣ.

Разставивъ для равновѣсія ноги, онъ принялся безмолвно магнетизировать взоромъ истукана въ тулупѣ, съ явнымъ намѣреніемъ его оживить, но тотъ не проявлялъ ни движенія, ни звука.

— Гм... отворять вы мнѣ не желаете?.. Отлично... Чудесно... Ве-ли-ко-лѣп-но! — пробормоталъ съ мрачной язвительностью, господинъ въ енотовой шубѣ, произвелъ антраша и толкнулъ съ размаху калитку.

Та отворилась совершенно свободно, такъ что онъ чуть не полетѣлъ со всѣхъ ногъ, но ближайшимъ препятствіемъ проникнуть во дворъ оказался порогъ. Едва господинъ въ енотовой шубѣ успѣвалъ занести ногу впередъ, какъ порогъ сейчасъ же ехидно подвертывался и не давалъ ему двинуться дальше, держа въ то же время несомнѣнный заговоръ съ его собственной шубой, непреодолимо упорствовавшей остаться на улицѣ.

Послѣ энергичныхъ, но тщетныхъ усилій настоять на своемъ, господинъ въ енотовой шубѣ почувствовалъ полнѣйшее истощеніе силъ и отказался отъ дальнѣйшей борьбы.

Ощущая потребность въ маленькомъ отдыхѣ, онъ прислонился спиною къ воротамъ и впалъ въ меланхолію.

— Ну, и не нужно... Къ чертямъ!—забормоталъ онъ, какъ бы держа самъ съ собою совѣтъ. — Останусь вотъ здѣсь... (Онъ уткнулся глазами въ неопредѣленную даль). Да!.. и останусь!.. А вы думали что? (Вопросъ былъ заданъ уѣхавшимъ санкамъ). Вамъ смѣшно, подлецамъ?.. Ха!.. Пьяный дуракъ?.. Ну, и ладно... Пускай!.. А вотъ *это* видали?.. — съ глубочайшимъ презрѣніемъ закончилъ господинъ въ енотовой шубѣ и, сложивъ три перста въ общеизвѣстный оскорбительный символъ, показалъ его все тѣмъ же невидимымъ санкамъ...

Очевидно, онъ былъ удрученъ нанесенною ему какой-то кѣмъ-то обидой и чувствовалъ потребность излить свою душу, не взирая на то, что его единственный слушатель, въ лицѣ истукана въ тулупѣ, въ данный моментъ былъ настолько же способенъ къ сочувствію, какъ и бездушныя хранительницы бураго дома, изъ коихъ одна невозмутимо наблюдала все время странное поведеніе господина въ енотовой шубѣ, а другая, вперивъ безсонный

свой взоръ въ пустынную даль, не обращала на него никакого вниманія.

Постоявъ еще немного въ глубокой задумчивости, онъ тронулся съ мѣста, нетвердой стопою приблизился къ ступенькамъ подъѣзда и, вскарабкавшись по нимъ съ большими усиліями, грузно опустился, или, точнѣе, упалъ на площадку, къ ногамъ одной изъ каменно-лицыхъ сестеръ, при чемъ его цилиндръ соскочилъ съ головы и скатился на тротуаръ.

Луна ярко свѣтила теперь прямо въ лобъ господина въ енотовой шубѣ, и дѣвы бураго дома, несомнѣнно, должны были узнать въ немъ коллежскаго ассессора Елкина, въ совершенно ему несвойственномъ видѣ. Спустившаяся съ одного плеча его шуба обнаруживала бальный костюмъ, измятую грудь крахмальной сорочки и развязавшійся узелъ бѣлаго галстуха, который, вмѣстѣ съ надѣтымъ поверхъ его крестомъ Станислава, съѣхалъ къ лѣвому уху. Растрепанные волосы прилипли ко лбу и вискамъ. Не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ былъ до послѣдней степени пьянъ.

Затѣмъ, подъ сводомъ подъѣзда раздался густой храпъ.

Вокругъ было по прежнему тихо. Проползъ медленнымъ шагомъ извозчикъ, который поглядѣлъ сквозь дремоту на валявшуюся среди тротуара господскую шляпу, потомъ, почему-то вдругъ встрепенувшись, приподнялся съ сидѣнья, стегнулъ свою клячу, пустившуюся моментально въ галопъ, и скрылся за поворотомъ. Снова стало пустынно на улицѣ.

Луна переплыла за сосѣднюю крышу, и каменныя дѣвы бураго дома, вмѣстѣ съ покоившимся какъ бы подъ охраною ихъ однимъ изъ достойнѣйшихъ его обитателей, погрузились во мракъ. Только фонарь, у панели, озарялъ своимъ трепетнымъ свѣтомъ ниспадавшія со ступенекъ мужскія ноги въ калошахъ, не обнаруживавшія ни малѣйшаго признака жизни, словно онѣ принадлежали бездыханному трупу.

Въ недвижимомъ воздухѣ пронеслась легкая струя вѣтерка, знаменуя приближеніе утра. Вокругъ начинало сѣрѣть.

Ноги въ калошахъ произвели нѣсколько слабыхъ движеній, потомъ принялись сгибаться и ёрзать, все сильнѣе, настойчивѣе отыскивая точку опоры, съ явнымъ намѣреніемъ поднять своего обладателя. Это имъ, наконецъ, удалось, и подъ сѣнью подъѣзда тяжело и грузно воздвиглась фигура Павла Иваныча Елкина, цѣплявшагося за ногу каменной дѣвы и поводившаго одурѣло глазами. Онъ весь дрожалъ отъ озноба и щелкалъ зубами.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, употребленныхъ на то, чтобы осмотрѣться и сообразить, какими судьбами онъ здѣсь очутился,

Павелъ Иванычъ отыскалъ свой перепачканный снѣгомъ цилиндръ, нахлобучилъ его на себя, запахнулся и тронулся съ мѣста.

Луки у воротъ не виднѣлось. Калитка была отворена настежъ.

Павелъ Иванычъ вступилъ въ предѣлы двора, нетвердымъ, плетущимся шагомъ добрелъ до подъѣзда, въ полутьмѣ, кое-гдѣ озаряемой догоравшими жестяными коптилками, совершилъ удовлетворительнымъ образомъ восхожденіе по лѣстницѣ и, очутившись у входа въ свое обиталище, дернулъ ручку звонка. За дверью все оставалось спокойно. Подождавъ съ полъ-минуты, онъ дернулъ опять, потомъ еще и еще... Никакого успѣха.

Было совершенно естественно, что Клеопатра покоилась тѣмъ предутреннимъ сномъ, который особенно крѣпокъ и сладокъ, но Павелъ Иванычъ смотрѣлъ на это дѣло иначе. Тѣ злобныя и горькія чувства, которыя терзали его давеча тамъ, у воротъ, теперь, послѣ короткаго сна на площадкѣ подъѣзда, какъ бы свернулись въ клубокъ, и Павелъ Иванычъ ощущалъ лишь глухую, томящую боль, свойственную душѣ человѣка, который примирился со своимъ положеніемъ и готовъ безропотно принять всѣ обиды, долженствующія законно послѣдовать за полученнымъ раньше уже оскорбленіемъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ и принялся ждать терпѣливо. Пусть будетъ что будетъ! Отворитъ ему Клеопатра— спасибо за это; оставитъ стоять, дожидаясь утра—Господь съ ней! Онъ готовъ все претерпѣть, ибо теперь такова его доля...

Однако, онъ чувствовалъ всю мучительность своего положенія. Шуба давила ему плечи и спину, словно свинецъ, ноги подкашивались, и все тѣло просило покоя. Въ видѣ послѣдней попытки, онъ дернулъ еще за ручку звонка.

На этотъ разъ ему не долго пришлось дожидаться. Въ квартирѣ послышалось шлепанье босыхъ подошвъ потомъ стукъ вынимаемаго изъ петли крюка, и дверь отворилась.

Павелъ Иванычъ вошелъ.

Клеопатра, въ сорочкѣ и накинутомъ на плечи платкѣ, промелькнула голыми икрами и встала въ дверяхъ, соединявшихъ прихожую съ кухней.

Если бы она улеглась тотчасъ же въ постель, Павелъ Иванычъ призналъ бы это совершенно естественнымъ. Но она стояла въ дверяхъ, не трогаясь съ мѣста, зѣвала, кутаясь зябко въ платокъ, и какъ-бы коварно ждала, что станетъ дѣлать онъ дальше.

„Гм... Услужить своему господину мы не желаемъ?.. Понятно“!

Павелъ Иванычъ самъ стащилъ съ себя шубу и водворилъ ее собственноручно на вѣшалкѣ. Затѣмъ, остановившись передъ Клеопатрой во всемъ парадномъ своемъ одѣяніи, онъ снялъ съ головы облѣпленный снѣгомъ цилиндръ, отвѣсилъ имъ глубокій

поклонъ Клеопатрѣ, опять его нахлобучилъ и съ горькой ироніей молвилъ:

— Простите за безпокойство, Клеопатра Максимовна... Никогда больше не буду!..

(Клубокъ злобныхъ словъ готовъ снова былъ размотаться, но онъ усиліемъ воли привелъ его въ прежній порядокъ).

— Ну, проходите, проходите, что-ль! Чего куражитесь-то?—отозвалась Клеопатра и скрылась за дверью, прибавивъ:—Ишь, какъ весь обвалялся... Бѣлёхонекъ! Очень это прекрасно!

Послѣднее сказано было въ полъ голоса, но Павелъ Иванычъ явственно разслышалъ слова Клеопатры. Онѣ прозвучали ядовитой насмѣшкой, которую приходилось снести... Да, все равно ужъ, одно къ одному!

Проглотивъ кротко обиду, онъ сдвинулся съ мѣста, благополучно прошелъ въ темнотѣ мимо столовой и залы, ничѣмъ не брякнувъ и ни обо что не задѣвъ по дорогѣ, и очутился, наконецъ, въ своей спальнѣ. Нашаривъ оказавшуюся на обычномъ мѣстѣ своемъ фаянсовую круглую спичечницу, онъ добылъ огня, зажегъ пару свѣчей передъ зеркаломъ, снялъ и поставилъ на окошко цилиндръ и тупо осмотрѣлся въ комнатѣ.

Она носила слѣды недавно совершавшагося здѣсь туалета. Заношенная крахмальная манишка валялась на стулѣ... Въ фаянсовомъ умывальномъ тазу сѣрѣла грязная влага, мѣстами подернутая мыльною пѣной... На столѣ виднѣлся раскрытый приборъ для бритья и, рядомъ съ нимъ полотенце, скомканное и не успѣвшее высохнуть...

Прошло нѣсколько часовъ, какъ Павелъ Иванычъ здѣсь мылся и одѣвался, собираясь на свадьбу Скворешникова. И вотъ теперь онъ оттуда... Многое такъ отчетливо ясно, такъ свѣжо еще въ памяти, а между тѣмъ кажется, что это случилось давно, случилось не съ нимъ, или, вѣрнѣе, происходило въ какомъ-то особенномъ мірѣ, на какой-то иной, отдаленной планетѣ, гдѣ все было другое, особенное, и онъ самъ былъ другой и особенный, хотя все, что онъ говорилъ и дѣлалъ тогда, казалось такъ естественно, просто—а теперь онъ не узнавалъ самъ себя...

И вотъ когда теперь, наконецъ, очутился онъ дома и стоялъ, озирая знакомыя стѣны, вся масса пережитыхъ впечатлѣній всколыхнулась и заметалась въ его головѣ, словно подхваченныя вѣтромъ осеннія листья... Онъ стиснулъ руками виски и замеръ на мѣстѣ, какъ бы боясь, что всѣ эти клочки разныхъ событій вругъ разлетятся и ему неудастся поймать ихъ.

Приготовленпая для ночлега постель соблазняла погрузиться въ ея уютныя нѣдра и все позабыть. Но онъ зналъ, что ему не

удастся заснуть вплоть до самаго бѣлаго свѣта, ибо стоитъ только ему потушить огонь и улечься, какъ изъ жуткаго мрака возстанетъ и оцѣпитъ его вереница мучительныхъ призраковъ, отъ коихъ онъ не найдетъ избавленія... Нѣтъ, лучше уже пусть горятъ эти свѣчи, а онъ сядетъ вотъ здѣсь, въ свое старое кресло, и постепенно припомнитъ, что съ нимъ сегодня случилось!

Онъ подошелъ къ этому мягкому, глубокому креслу, въ которомъ его покойная мать провела свои послѣдніе угрюмые годы, упалъ въ него, какъ мѣшокъ, и уронивъ на грудь свою поблѣднную голову, застылъ въ созерцаніи пестрой вереницы послѣднихъ событій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Три струны.

(съ итальянскаго).

Волной гармонія лилась,
Но вдругъ струна оборвалась,
Какъ бы со стономъ зазвенѣвъ,
И замеръ сладостный напѣвъ.
То пѣсня *радости* была—
И вдохновенна, и свѣтла;
Она звучитъ на утрѣ дней
Всего отраднѣй и полнѣй.

***

Другой струны коснулся я,
И зазвенѣла пѣснь моя—
Любви божественный напѣвъ,
Врачуя боль, смиряя гнѣвъ.
Но слишкомъ былъ могучъ и гордъ
Ея ликующій аккордъ,
Струна чрезмѣрно напряглась—
И пѣсня сразу порвалась.

***

Осталась лишь одна струна—
О смерти пѣснь поетъ она
Подъ ослабѣвшею рукой,
Полна смертельною тоской,
Но братьевъ скорбные сердца
Внимаютъ пѣснѣ до конца,
И лишь со смертью смолкнетъ звукъ,
И лира выпадетъ изъ рукъ.

О. Чюмина.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Крестьянскіе начальники въ Тобольской губерніи. По свидѣтельству «Сибирскаго Листка», ни одного изъ губернаторовъ Тобольска не провожали такимъ единодушнымъ проявленіемъ симпатій, какъ только-что переведеннаго въ Вологду д. с. с. Л. М. Князева. Административныя учрежденія не только Тобольска, но и всѣхъ городовъ, черезъ которые онъ выѣзжалъ изъ Сибири, сочли долгомъ выразить ему свое вниманіе прочувствованными адресами, съ поднесеніемъ фотографій своихъ служащихъ. Въ редакцію «Сибирскаго Листка» поступила такая масса прощальныхъ рѣчей, что въ нѣсколько дней можно было составить литературный сборникъ, и Л. М. Князевъ увезъ съ собою цѣлую фотографическую галлерею чиновниковъ Тобольской губерніи. Въ грудѣ бюваровъ, группъ, кабинетъ-портретовъ и пр. и пр. особенною прелестью и богатствомъ отдѣлки выдѣляется альбомъ *крестьянскихъ начальниковъ всей Тобольской губерніи*, которые увѣковѣчили себя на большихъ карточкахъ съ художественными виньетками, вложенныхъ въ альбомъ изъ сплошной рѣзной мамонтовой кости, отдѣланной оксидированнымъ серебромъ. Второе мѣсто занимаетъ превосходно сдѣланная группа податныхъ инспекторовъ, раму для которой, изъ слоновой кости, они украсили своими факсимиле съ характерными росчерками.

Такое проявленіе душевнаго благорасположенія,—пишетъ корреспондентъ «Россіи» г. Правдинъ,—вполнѣ заслужено Л. М. На немъ, какъ начальникѣ губерніи, лежало, съ одной стороны, поземельное благоустройство вновь водворяемыхъ въ губернію переселенцевъ, а съ другой—напряженная борьба съ тремя «египетскими казнями»: съ перемежающимися недородами хлѣба, съ кобылкой, опустошающей поля, и съ своеволіемъ крестьянскихъ чиновниковъ, расхищающихъ общественныя суммы. При этомъ не къ чести послѣднихъ нужно прибавить, что войну съ голодовками и съ кобылкой Л. М. велъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ съ хищничествомъ чиновниковъ. Со временъ Трескина и Лоскутова Сибирь не видала такихъ хищеній, какія обнаружились въ послѣднее время въ Тобольской губеріи. Обратимся къ фактамъ, установленнымъ судебными слѣдствіями: крестьянскіе чиновники Струве и Бектышевъ присвоили изъ крестьянскихъ и общественныхъ суммъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, сами въ этомъ сознались и посажены въ тюрьму; въ тюрьмѣ сидитъ волостной писарь Гусевъ, правая рука бывшаго тюкалинскаго крестьянскаго начальника Низовца, уволеннаго отъ службы. Недавно въ омской судебной палатѣ разсматривалось дѣло тюкалинскаго же крестьянскаго чиновника фонъ-Моренщильда, извѣстнаго въ Омскѣ по устройству аѳинскихъ вечеровъ, который, присвоивъ себѣ болѣе 80.000 руб. крестьянскихъ денегъ, самъ на себя донесъ и бѣжалъ

въ Америку, но былъ выданъ «свѣтской» женщиной и заключенъ въ тюрьму. Для этого дворянина не было препятствій, предъ которыми бы онъ могъ остановиться; слѣдствіе обнаружило подлоги, поддѣлки документовъ, присвоеніе переселенческихъ ссудъ, расхищеніе крестьянскихъ сборовъ и грубый развратъ. Засимъ слѣдуетъ цѣлая плеяда крестьянскихъ начальниковъ, до слѣдствія и суда временно уволенныхъ отъ должностей, единственно по добротѣ Л. М., каковы: Карновичъ, Оноре, Теселкинъ и пр., и пр. Утверждаютъ, что, по приблизительному разсчету, за три-четыре года изъ общественныхъ суммъ расхищено не менѣе 300.000 рублей; но сюда входятъ только похищенные крестьянскіе мірскіе капиталы, а сколько денегъ присвоено, взято насильно и занято у зажиточныхъ крестьянъ—Ты, Господи, знаешь!

При введеніи въ Тобольской губерніи института крестьянскихъ чиновниковъ, въ большинствѣ случаевъ явились на службу интеллигенты, убогіе по познаніямъ, ретивые по намереніямъ и съ очень хорошими аппетитами. Они знакомы были только съ своими правами, но своихъ обязанностей не знали. Имъ, точно такъ же, какъ воеводамъ въ доброе старое время, поручено было дѣлать дѣла «по своему высмотру, какъ покажется пригоже, и какъ Богъ вразумитъ!» При плохомъ образованіи, иногда не выше юнкерскихъ школъ, крестьянскіе начальники сразу дѣлались судьями, администраторами, экономистами, агрономами, инженерами, архитекторами и, если хотите, педагогами и врачами (нѣтъ человѣка, который бы не считалъ себя немного врачемъ и немного педагогомъ); говорятъ, что одинъ въ пьяномъ видѣ собирался даже служить обѣдню. Они строили мосты, церкви, больницы, школы, снабжали крестьянъ сельскохозяйственными машинами новѣйшихъ системъ, судили, администрировали, руководили просвѣщеніемъ народа, создавали школы, библіотеки и пр., и пр.; но, самое главное, не забывали себя и хищничали всюду, прикрываясь желаніемъ облагодѣтельствовать крестьянство. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ радѣнія не по разуму и не по совѣсти,—въ результатѣ получалось крестьянское разореніе. Кромѣ хищничества, институтъ крестьянскихъ чиновниковъ познакомилъ Тобольскую губернію съ пережитками крѣпостного права. Разсказываютъ, напримѣръ, что одни изъ нихъ по наряду отъ общества пользовались безплатными кормилицами, кухарками, горничными, скотницами и даже, странно сказать, живымъ товаромъ; другіе—въ каникулярное время заставляли сельскихъ учительницъ безплатно исполнять при своихъ дѣтяхъ обязанности нянюшекъ и боннъ; третьи, какъ, напримѣръ, Струве, держали, по наряду отъ крестьянъ, тетеревятниковъ, жавороношниковъ, куропатниковъ для охоты на птицу, когда устраивались во время съѣздовъ парадные рауты для сослуживцевъ. Наконецъ, были шутники, которые изъ писарей, сельскихъ учительницъ и ссыльныхъ интеллигентовъ составляли труппы актеровъ и давали, напримѣръ, въ деревнѣ Муромцевой, Тарскаго округа, для развлеченія крестьянъ, трагедію Шекспира и отрывки изъ «Жизни за Царя». Такія проявленія барства старыхъ помѣщиковъ не были секретомъ; они оглашались по всей губерніи, но на нихъ смотрѣли съ снисходительною улыбкой, какъ на невинное развлеченіе въ глуши крестьянской деревни. Одинъ чудакъ-начальникъ, ожидая изъ Петербурга жену, приказалъ, чтобы въ теченіе двухъ часовъ были выметены всѣ деревенскія улицы. Когда крестьяне принялись за дѣло, надъ деревнею поднялся такой столбъ черной пыли, что изъ сосѣднихъ деревень прибѣжали съ бочками воды тушить пожаръ. Всѣ вышепоименованные и пока не поименованные крестьянскіе чиновники—суть и были «вицероями», стоящими какъ бы внѣ закона.

Вначалѣ мѣстнымъ властямъ дѣйствія ихъ провѣрять не предоставлялось, а когда были введены ревизіи крестьянскихъ суммъ, то «вицерои» относились къ нимъ, какъ къ пустой формальности. Если въ сундукахъ волостныхъ

правленій денегъ не было, тогда начальники отыскивали на время ревизіи необходимую сумму и чудеснымъ образомъ, подобно аракчеевскому поросенку, пересылали ее, впереди ревизующаго изъ одной волости въ другую, такъ что къ пріѣзду ревизора деньги всегда были въ томъ сундукѣ, въ которомъ имъ и быть надлежало. Словомъ, крестьянскія суммы всюду были въ наличности и въ то же время ихъ нигдѣ не было. Чтобы продѣлывать такой чудный фокусъ и дурачить ревизоровъ, нужны были опытные фокусники, и такими являлись волостные писаря изъ поселенцевъ, сосланныхъ за грабежи и подлоги, стало быть, прошедшіе огонь и воду. Однако, и эти лица, не смотря на профессіональную подготовку въ необходимомъ искусствѣ, чтобы поступить писаремъ, должны были подвергнуться нѣкоторой дресировкѣ, пробывъ годъ или два у крестьянскаго чиновника въ должности кучера, лакея или письмоводителя.

Мы не разъ задавали себѣ вопросъ, какъ могли сложиться такія печальныя обстоятельства. На это отчасти отвѣчаетъ непремѣнный членъ тобольскаго губернскаго управленія по крестьянскимъ дѣламъ Рождественскій въ своей прощальной рѣчи Л. М. Князеву, при поднесеніи роскошнаго альбома отъ института крестьянскихъ начальниковъ («Сиб. Торг. Газета», № 68). Тамъ сказано: «Въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ крестьянскими начальниками вы избѣгали приказовъ, строгихъ предписаній и начальническаго распеканія, усвоивъ себѣ систему частныхъ товарищескихъ писемъ, въ которыхъ вы излагали ваши наставленія и высказывали непріятныя вещи, но безобидно и безотносительно къ личности. Вы показывали крестьянскимъ начальникамъ примѣръ власти, сдерживаемой снисхожденіемъ къ ихъ *слабостямъ*, и вотъ, видя, какъ вы снисходите къ *немощамъ своихъ подчиненныхъ*, мы сами если не исправились, то дѣлались лучше душой»...

Въ настоящемъ году, въ тѣхъ самыхъ уѣздахъ, Тюкалинскомъ и Тарскомъ, гдѣ свирѣпствовали фонъ-Мореншильдъ и ему подобные, произошелъ неурожай, и бѣдствіе приняло тамъ широкіе размѣры. Въ особенности тяжело положеніе переселенцевъ, не всегда получавшихъ отъ Мореншильда казенныя пособія; они до сихъ поръ живутъ въ землянкахъ, углубленныхъ въ землю на $1^1/_2$—2 аршина, и, въ виду страшной дороговизны хлѣба, питаются картошкой, съ прибавленіемъ лебеды и другихъ полевыхъ травъ. Плохое питаніе вызвало тяжелыя заболѣванія между населеніемъ. Для удовлетворенія нуждъ голодающихъ испрошена на первый разъ ссуда въ 468 тысячъ рублей, а распредѣленіе вспомоществованій возложено на крестьянскихъ начальниковъ—ближайшихъ опекуновъ голодающихъ уѣздовъ.

Исторія одного переселенія. Со словъ крестьянъ-ходоковъ, отправлявшихся въ Петербургъ съ жалобою къ министру внутреннихъ дѣлъ, «Волынь» передаетъ грустную исторію совершающагося разоренія ста двадцати семействъ изъ-за какихъ-то недоразумѣній чисто канцелярскаго свойства.

«Мы изъ села Славучанъ, Новоушицкаго уѣзда, Подольской губерніи. Село и общество у насъ большое, а земли мало. Есть надѣлы, какъ тяглые, такъ и пѣшіе, раздѣленные уже на 6—8 отдѣльныхъ частей между отдѣльными домохозяевами; нѣкоторые надѣлы до того подроблены, что у многихъ хозяевъ имѣется всего по полъ и даже по четверти десятины полевой земли. На нѣкоторыхъ надѣлахъ сидятъ и ими питаются по сорокъ съ лишнимъ душъ, по 5—6 и даже 8 семействъ. И такое малоземелье наблюдается не въ однѣхъ только Славучанахъ, но и во всѣхъ окрестныхъ и сосѣднихъ съ нимъ селахъ. До сихъ поръ главною поддержкою и мѣстомъ заработковъ для нашихъ крестьянъ служила сосѣдняя съ нами Бессарабія. Чуть начнется весна,—кормиться дома нечѣмъ, и наши крестьяне цѣлыми толпами отправляются на заработки въ сосѣднюю Бессарабію и возвращаются домой лишь позднею осенью.

Славучане и сосѣднія съ нимъ села съ наступленіемъ весны пустѣютъ. Но теперь и въ Бессарабіи съ каждымъ годомъ насчетъ заработковъ все труднѣе и труднѣе, число жаждущихъ заработковъ съ каждымъ годомъ увеличивается, а работа остается все та же и даже уменьшается. Наши крестьяне, какъ въ сосѣдней Бессарабіи, такъ и у своихъ мѣстныхъ помѣщиковъ, вслѣдствіе недостатка собственной земли, снимаютъ землю подъ посѣвъ кукурузы за половину урожая. Брали кто десятину, кто двѣ подъ одинъ посѣвъ. Половину урожая помѣщику, половину себѣ.

«Прежде крестьянинъ за пользованіе землею давалъ помѣщику половину урожая—и больше ничего не зналъ; а теперь и тутъ стало труднѣе, ужъ очень много объявилось желающихъ взять землю за половину; теперь помѣщики требуютъ не только половину урожая, но еще съемщикъ обязанъ сжать или скосить и связать за десятину снятой земли, полдесятины ржи, пшеницы, овса или другого хлѣба. И какъ ни тяжелы теперешнія условія съемки земли подъ кукурузу, тѣмъ не менѣе съемщиковъ находится много, землю берутъ на расхватъ, и все-таки ея мало и всѣмъ не хватаетъ.

«Прожить у насъ съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и труднѣе. И вотъ задумали мы переселиться на Амуръ. Заявили, какъ слѣдуетъ и какъ водится, чрезъ волость въ губернію, оттуда пришло согласіе, что молъ «хорошо». Стали распродавать имущество, землю, хаты.

«Собрались на Амуръ сто двадцать одно семейство какъ изъ Славучанъ, такъ и изъ сосѣднихъ селъ. А пока что, избрали насъ двухъ да еще третьяго ходоками, отправиться на Амуръ, посмотрѣть мѣста, облюбовать землю и мѣсто для поселенія. Прошлаго года третьяго дня послѣ Петра (4 іюля) мы выѣхали на Амуръ, по желѣзной дорогѣ. И въ числѣ другихъ тридцати такихъ же ходоковъ изъ разныхъ мѣстъ и губерній Россіи, между прочими изъ Волынской, Полтавской и Черниговской, проѣхали по удешевленному тарифу при помощи «переселенскихъ» конторъ. Въ Благовѣщенскѣ мы были какъ разъ во время бомбардированія его китайцами, и прожили тамъ всѣ эти двѣ недѣли. Признаться, первую ночь, когда начали китайцы палить изъ пушекъ, страшно было, а потомъ ничего, привыкли, они себѣ палятъ, а мы себѣ спокойно въ хатѣ спимъ. Были мы тамъ въ то время, какъ благовѣщенскіе жители потопили въ рѣкѣ жившихъ въ городѣ китайцевъ. Землю мы выбрали по рѣкѣ Зее, амурско-земской волости, всего въ количествѣ 12.000 десятинъ, и у мѣстнаго начальства выхлопотали и получили надлежащіе документы на закрѣпленіе за нами и нашей партіей той земли; земля тамъ превосходная. Вездѣ и на выбранной нами землѣ растетъ прекрасный строевой лѣсъ. Зелени, цвѣтовъ много. Піонія и оргинія, которую наши дѣвки садятъ возлѣ дома, тамъ растетъ повсюду. Климатъ ничѣмъ не хуже нашего, и мы не замѣтили никакой разницы. Прожили мы долго въ с. Бѣлогородкѣ у николаевскаго солдата изъ кантонистовъ, сосланнаго туда еще въ царствованіе Николая I. Онъ не могъ нахвалиться тѣми мѣстами и въ Россію не хочетъ возвращаться. Всего мы пробыли въ тѣхъ мѣстахъ около двухъ мѣсяцевъ и на Покрову (10 октября) мы вотъ двое были уже дома, а третій изъ насъ остался тамъ на заработкахъ и вернулся въ этомъ году на Срѣтенье (2 февраля). Но по возвращеніи домой насъ ждала непріятность. Еще до нашего отправленія на Амуръ, намъ объявило начальство, чтобы мы имѣли по 300 р. на семью на хозяйство и обзаведеніе на Амурѣ и по 75 р. на семью на путевые расходы, безъ чего семья не будетъ отправлена, мы съ этимъ согласились у каждой семьи, собравшейся на Амуръ, самое меньшее было 400 руб., а у многихъ, послѣ продажи надѣловъ, было по 600, 700, 800 и даже по 1.000 руб. Но вотъ пришло новое распоряженіе: чтобы мы имѣли на путевые расходы, на дорогу до мѣста по 80 руб. на взрослую душу и по 40 руб. на малолѣтка. На это пристать мы уже не могли

и стали писать куда слѣдуетъ, хлопотать. Тогда пришла опять вѣсть, чтобы мы имѣли на дорогу до мѣста по 60 р. на взрослую душу и по 30 р. на всякаго малолѣтка. И такъ какъ намъ теперь не уступаютъ, сколько мы ни просимъ и ни пишемъ, насъ задерживаютъ и не пускаютъ двинуться, то мы, ѣдемъ въ Петербургъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ просить объ одномъ: чтобы намъ разрѣшили отправиться на Амуръ на свой собственный счетъ до самаго мѣста, что намъ не надо никакихъ «переселенскихъ» пунктовъ и конторъ. Мы только просимъ, чтобы насъ не задерживали. И намъ большой разсчетъ ѣхать на свой счетъ, за дѣтей до 8 лѣтъ мы ничего не заплатимъ, а за остальныхъ малолѣтокъ заплатимъ за полбилета; что касается требованія 300 р. съ семьи на хозяйство, то мы на это согласны, деньги эти у каждой семьи есть и мы можемъ ихъ представить. Нынѣ же у насъ одно желаніе, одна просьба, чтобы намъ разрѣшили двинуться...»

Земецъ новѣйшей формаціи. 19-й день февраля сего 1901 ознаменовался для Екатеринославской губерніи въ высокой степени выдающимся происшествіемъ: въ этотъ день вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей вновь избранный предсѣдатель екатеринославской губернской земской управы г. Родзянко. Вступленіе г. Родзянко въ должность обставлено было большой торжественностью. Собравъ земскихъ служащихъ, новый предсѣдатель обратился къ нимъ съ рѣчью, воспроизведенной затѣмъ на столбцахъ «Приднѣпровскаго Края». Указавъ на необходимость дисциплины и точнаго исполненія распоряженія управы со стороны служащихъ, г. предсѣдатель продолжалъ далѣе такъ:

«Въ послѣдніе годы нѣкоторые служащіе губернской управы, а именно статистическаго отдѣленія, обратили на себя вниманіе администраціи, подвергаясь съ ея стороны обыскамъ и даже арестамъ. Считаю нужнымъ категорически заявить, что управа относится къ этому явленію совершенно отрицательно. Преданный искренно земскому дѣлу, дорожа его репутаціей и убѣжденный, что и служащіе въ земствѣ должны вполнѣ раздѣлять такія мои чувства, я позволяю себѣ настаивать на томъ соображеніи, что вышеуказанныя явленія ложатся лишь ненужной и нежелательной тѣнью на земскія учрежденія, давая противникамъ послѣднихъ лишнее и вѣское орудіе для возведенія на земство всякаго рода обвиненій, конечно, имъ незаслуженныхъ. Я думаю, что всякое лицо, служащее въ учрежденіи, должно дорожить его доброю славою и пусть лучше тѣ, которые со мною по этому вопросу не согласны, добровольно оставятъ ряды работниковъ въ екатеринославской губернской управѣ и не вынуждаютъ меня по моимъ убѣжденіямъ и долгу присяги къ соотвѣтственнымъ мѣропріятіямъ.

«Затѣмъ господа, я еще хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на слѣдующее. До меня дошли слухи, что нѣкоторые изъ служащихъ, послѣ избранія моего въ предсѣдатели, позволили себѣ обратиться къ высокопоставленнымъ и вліятельнымъ лицамъ, прося у нихъ помощи и какъ бы защиты противъ меня, будущаго предсѣдателя управы. Я считаю этотъ поступокъ достойнымъ всякаго порицанія. Съ одной стороны, я вовсе не таковъ, какимъ меня рисуютъ распространившіеся по городу слухи: я вовсе не собираюсь что-либо сокращать, упразднять и т. д., не собираюсь давить и отдѣльныхъ лицъ. Послужите со мной и вы убѣдитесь въ этомъ! Съ другой стороны, я не могу допустить, чтобы среди васъ вкоренилось убѣжденіе, что управа въ своихъ отношеніяхъ къ вамъ будетъ руководиться не безпристрастной оцѣнкой объема и качества труда вашего и добросовѣстнаго отношенія къ принятымъ на себя обязанностямъ, а позволитъ себѣ оцѣнивать службу вашу на основаніи просьбъ, заступничествъ и тому подобныхъ обстоятельствъ, потому убѣдительно прошу васъ во всякое время обращаться непосредственно ко мнѣ во всякихъ вашихъ служебныхъ

сомнѣніяхъ и личныхъ нуждахъ и можете быть увѣрены, что всегда встрѣтите готовность придти къ вамъ на помощь и удовлетворить законныя и справедливыя ваши желанія. Поэтому, повторяю, я нахожу данный поступокъ въ высшей степени безтактнымъ и надѣюсь не встрѣтить его повтореній».

Затѣмъ, г. Родзянко разослалъ уѣзднымъ земскимъ управамъ циркулярныя оповѣщенія слѣдующаго содержанія:

«Имѣю честь увѣдомить управу, что 19-го сего февраля я вступилъ въ отправленіе обязанностей предсѣдателя екатеринославской губернской земской управы.

«Предсѣдатель управы, камергеръ двора Его Величества, статскій совѣтникъ М. Родзянко».

Уѣздныя управы поспѣшили, конечно, откликнуться, и вотъ одна изъ нихъ, александровская, отозвалась такимъ «отношеніемъ»:

«Его высокородію г. предсѣдателю екатеринославской губернской земской управы М. В. Родзянко. Исполняя постановленіе коллегіальнаго совѣщанія управы, состоявшагося подъ моимъ предсѣдательствомъ, отъ 21-го февраля с. г., имѣю честь поздравить отъ имени управы ваше высокородіе съ вступленіемъ въ должность предсѣдателя губернской земской управы и выразить *глубочайшую благодарность за милостивое извѣщеніе* объ этомъ событіи.

«Предсѣдатель, дѣйствительный студентъ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ и кавалеръ П. Иваницкій».

Тутъ только, по полученіи этой иронической отповѣди, г. Родзянко сообразилъ, что вся помпа, сопровождавшая его вступленіе на предсѣдательское мѣсто, была «дѣломъ, не имѣющимъ для земства значенія», и свое раскаяніе по этому поводу онъ выразилъ нижеслѣдующимъ актомъ:

«Въ александровскую уѣздную земскую управу. Екатеринославская губернская земская управа, заслушавъ въ коллегіальномъ засѣданіи свое сообщеніе ей предсѣдателя управы о постановленіи совѣщательнаго засѣданія, бывшаго при александровской уѣздной управѣ 23 февраля с. г. и препровожденнаго на имя предсѣдателя губернской управы, отъ 26 февраля, за № 5, не нашла возможнымъ на сей разъ не выразить совѣщанію своего сожалѣнія, что оно занимается столь несвойственнымъ высотѣ положенія дѣломъ — обсужденія отвѣта по неимѣющему существеннаго значенія для земства дѣлу, и затратило трудъ, время и деньги на воспроизведеніе столь неумѣстнаго сообщенія. Предсѣдатель М. Родзянко. Члены: Голубининъ, Кисличный и Тихомировъ».

По окончаніи всѣхъ этихъ торжествъ, началось для г. Родзянко «живое земское дѣло», которое, прежде всего, выразилось въ столкновеніи его съ земскимъ врачемъ Щербининымъ. Щербининъ завѣдуетъ патронажемъ и призрѣніемъ сиротъ въ сосѣднихъ съ городомъ селахъ, а потому еженедѣльно наѣзжаетъ туда для осмотра и врачебной помощи. Управа, съ цѣлью контролировать дѣйствія г. Щербинина, написала ему распоряженіе, въ которомъ предлагаетъ каждый разъ при поѣздкахъ составлять акты о своей дѣятельности съ участіемъ понятыхъ и сельскихъ старостъ (!). Въ актахъ должно быть приписано все то, что сдѣлано въ данный день г. Щербининымъ. Получивъ такое увѣдомленіе, г. Щербининъ совершенно резонно отвѣтилъ, что онъ не находитъ возможнымъ привлекать сельскія власти и понятыхъ къ составленію актовъ о своей дѣятельности, а потому будетъ ограничиваться только отчетами о своихъ поѣздкахъ. Управа, скрѣпя сердце, согласилась съ заключеніемъ г. Щербинина.

Лекція А. Ѳ. Кони о задачахъ Россійскаго общества защиты женщинъ въ борьбѣ съ проституціей. 22 марта, въ Соляномъ Городкѣ, состоялась интереснѣйшая лекція сенатора Кони. Сдѣлавъ очеркъ исторіи развитія проституціи

и законодательныхъ о ней мѣръ въ древнихъ Аѳинахъ, въ Римѣ и въ средніе вѣка, лекторъ подробно остановился на безплодныхъ внѣшнихъ ограниченіяхъ торговли своимъ тѣломъ—желтомъ платьѣ, красной обуви, лишеніи гражданскихъ правъ—и на организаціи проституціи въ видѣ обособленія проститутокъ въ Парижѣ въ особый цехъ, состоявшій подъ покровительствомъ св. Магдалины, въ особую корпорацію подъ вѣдѣніемъ палача въ Германіи и въ призывѣ ихъ въ Венецію правительствомъ,—съ цѣлью этимъ страннымъ путемъ будто бы охранить добрые нравы. Власть то мирилась съ проституціей—и тогда она, быстро разростаясь, забрасывала свои цѣпкія лапы и во дворецъ римскихъ, цезарей, и въ Ватиканъ,—то жестоко противъ нея вооружалась въ лицѣ доброжелательной Маріи-Терезіи, развратнаго Генриха VIII и, въ особенности, Генриха III Валуа, который приказалъ утопить въ Луарѣ около 800 проститутокъ. Безплодность однѣхъ оффиціальныхъ мѣръ указываетъ на необходимость общественнаго участія въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Первый систематическій шагъ въ этомъ отношеніи у насъ представляетъ учрежденіе Россійскаго общества защиты женщинъ. Для установленія правильнаго взгляда на его дѣятельность надо, прежде всего, рѣшить вопросъ о томъ, что такое проститутка. Есть ли она, какъ утверждаютъ послѣдователи теоріи преступнаго и порочнаго типа, существо, предназначенное по своимъ *природнымъ* свойствамъ и склонностямъ именно къ разврату и полуживотному существованію—и борьба съ нею есть борьба съ природою и съ роковою судьбою, безплодная по результатамъ, безнадежная по средствамъ,—или же проституція не есть неизбѣжное болѣзненное *явленіе*, а есть *зло* или, въ крайнемъ случаѣ, *несчастіе*, и тогда вопросъ состоитъ уже не въ примиреніи съ неизбѣжностью, а въ искорененіи зла и въ облегченіи несчастія? Старая теорія отвѣтственности, имѣвшая въ виду *средняго* человѣка и устанавливавшая для него *общія* правила подъ вліяніемъ ученій уголовно-антропологическихъ, смѣнилась взглядомъ на преступнаго или порочнаго человѣка, какъ игралище независимыхъ отъ него силъ наслѣдственности, антропологическихъ уродствъ, атавизма, вырожденія и т. п. Древній рокъ воскресаетъ въ этихъ новыхъ ученіяхъ. Но не смотря на большія заслуги Ломброзо и Тарда, ученіе о преступномъ и порочномъ типѣ должно быть принимаемо съ большою осторожностью,—иначе, отправляясь отъ очень гуманнаго начала, можно, подобно итальянскимъ криминологомъ, придти къ очень негуманному выводу. Блестящія изслѣдованія В. Н. Тарновской о воровкахъ и проституткахъ дѣйствительно указываютъ, что у многихъ изъ нихъ есть признаки вырожденія—странныя уши гутчинсоновскіе зубы, седлообразное небо и т. д., но даже и самъ, Ломброзо признаетъ не принадлежащими къ порочному типу 43 проц. всѣхъ наблюдаемыхъ, и цифру эту можно смѣло увеличить (въ виду преувеличеній значенія признаковъ и чрезмѣрныхъ обобщеній) вдвое. Нельзя отрицать извѣстной справедливости въ формулѣ профессора Тарновскаго: проституція есть одинъ изъ симптомовъ сложнаго болѣзненнаго процесса общественной порочности. Но и съ порокомъ надо бороться, отнимая у него его самостоятельую силу, привлекающую и подчиняющую себѣ слабость, и ослабляя его цѣнность. Обращаясь къ тому, что онъ назвалъ *статикой* проституціи—лекторъ указалъ, что въ началѣ девятидесятыхъ годовъ въ Россіи числилось оффиціально 17.600 проститутокъ, изъ которыхъ въ 1.216 домахъ терпимости жило 7.840; въ 1890 г. въ Петербургѣ было 4.740 оффиціальныхъ проститутокъ, изъ которыхъ въ домахъ терпимости—528 и одиночекъ—4.212; въ Парижѣ въ томъ же году зарегистрировано—7.457;—всего надо принять въ настоящее время для Европейской Россіи поднадзорныхъ проститутокъ около 34.000. На это занятіе толкаетъ, помимо случаевъ прирожденнаго влеченія, рядъ причинъ.

Во-первыхъ, сиротство и полная безпризорность, при отсутствіи въ крестьянскомъ быту правильной опеки. Въ 1889 г. на сто проститутокъ лишь

3 проц. имѣло обоихъ родителей, 6 проц.—одну мать, 3 проц. одного отца—быть можетъ, вродѣ отца несчастной Ганелле, а остальные 88 проц. лишь боковыхъ, по большей части живущихъ въ отдаленіи, родственниковъ. Одна треть всего числа должна бы состоять подъ опекой, но была безпризорно брошена въ пучину жизни: она состояла изъ 36 проц. мѣщанокъ и 48 проц. крестьянокъ.

Во-вторыхъ, молодость и неопытность. Изъ общаго числа болѣе 30 проц. не достигли 20 лѣтъ; въ Петербургѣ такихъ—1.395; въ Одессѣ изъ общаго числа проституткокъ—10 проц. составляютъ дѣвочки отъ 12 до 15 лѣтъ!

Разобравъ уставъ общества и обративъ вниманіе на его особенности и на широкія права, предоставленныя обществу, лекторъ перечислилъ способы для достиженія цѣлей послѣдняго. Сюда относятся: расширеніе области занятій, къ которымъ допускаются женщины, широкое и чуждое предвзятыхъ, не основанныхъ на опытѣ, взглядовъ, установленіе особаго надзора за положеніемъ дѣвушекъ въ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеніяхъ, на табачныхъ плантаціяхъ, гдѣ по отношенію къ нимъ царитъ полный произволъ необузданнаго разврата,—въ большихъ торговыхъ магазинахъ, въ родѣ парижскихъ, гдѣ хозяева связываютъ, какъ видно изъ изслѣдованій Таксиля, обладаніе мѣстомъ продавщицы съ отдачей себя патрону; всемѣрное содѣйствіе нравственному воспитанію и образованію народа; заботы объ обезпеченіи нравственности сиротъ съ устройствомъ патроната надъ ними по оставленіи ими пріютовъ; устройство такъ называемыхъ *домовъ Магдалины*, для принятія и утвержденія въ рѣшимости дѣвушекъ, оставляющихъ проституцію, чему уже положено начало въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, и, наконецъ, забота о нравственномъ охраненіи многочисленнаго класса женской прислуги, съ которою у насъ обыкновенно дѣлятся лишь грязью семейныхъ тайнъ и дрязгъ и стремленіемъ къ роскоши и притворству, при чемъ подчасъ и легкомысленный юноша, и развращенный старикъ, и благоразумные заботливые родители мужающихъ юношей одинаково содѣйствуютъ паденію неопытной, нравственно-беззащитной и иногда очень молодой дѣвушки. По переписи 1892 г., въ Одессѣ живущихъ въ качествѣ женской прислуги оказалось—три шестилѣтнихъ и 200 не достигшихъ 10-лѣтняго возраста. Не руководимая нравственно и обольщаемая молодою женская прислуга даетъ огромное число проститутокъ—45 процентовъ. Кромѣ этихъ заботъ и мѣръ, такъ сказать, мирнаго характера, есть мѣры и боевыя, вызываемыя необходимостью активной борьбы съ порокомъ. Сюда относится, прежде всего, измѣненіе законовъ о *сводничествѣ*. Нашъ законъ караетъ за сводничество со стороны родителей, мужей, опекуновъ (въ ст. 998—1000 уложенія), но ничего не говоритъ о сводничествѣ со стороны постороннихъ, которое, однако, встрѣчается наиболѣе часто. Наказаніе—и притомъ весьма слабое—приходится примѣнять по аналогіи и съ натяжками, чему доказательствомъ служитъ рядъ примѣровъ изъ судебной практики, приведенныхъ лекторомъ. Точно такъ-же необходимо отбросить нынѣ необходимый признакъ наказуемаго *обольщенія* невинной дѣвушки—торжественное обѣщаніе жениться, а преслѣдовать обольстителя при всякомъ, доказанномъ фактами, обманѣ обезчещенной дѣвушки увѣреніями о женитьбѣ, безъ всякой торжественной обстановки сговора, помолвки, обрученія; и также, наконецъ, необходимы карательные законы противъ отвратительнѣйшей, наравнѣ съ шантажемъ, язвы современнаго общества—*сутенеровъ*, т.-е. такъ называемыхъ *котовъ*, живущихъ на счетъ проститутки и держащихъ ее въ рабскомъ подчиненіи. У насъ преслѣдуются бродяги и нищіе,—но во сколько разъ вреднѣе подобные ядовитые подонки общества! Затѣмъ, необходимъ рядъ постановленій международнаго характера по отношенію къ *торговлѣ женщинами*,—напримѣръ: единство предупредительныхъ распоряженій и карательныхъ мѣръ, широкая взаимная выдача этого рода преступниковъ, упрощенная процедура обнаруженій такой торговли, возможность возбужденій

преслѣдованія безъ личной жалобы продаваемой, а по всякаго рода дошедшимъ до полиціи и судебныхъ властей свѣдѣніямъ, установленіе строгаго надзора за прибытіемъ къ портамъ и за отбытіемъ изъ нихъ несовершеннолѣтнихъ пассажирокъ и провѣрка ихъ настоящаго общественнаго положенія и званія—воспрещеніе содержательницамъ домовъ терпимости и домовъ свиданія—такъ называемыхъ maison de passe—принимать къ себѣ иностранокъ безъ предварительнаго представленія ихъ для распроса соотвѣтствующему консулу; наконецъ, образованіе особаго рода фонда для судебныхъ издержекъ и оплаты услугъ адвокатовъ по защитѣ въ судахъ правъ и свободы бѣлыхъ невольницъ и т. д. Россійскому обществу защиты женщинъ, на основаніи § 18 сего устава, принадлежитъ право ходатайства предъ правительствомъ объ оказаніи ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ помощи и содѣйствія въ борьбѣ съ развратомъ. Это право даетъ возможность возбуждать рядъ вопросовъ о необходимости такихъ дѣяній и распоряженій, которыя ослабляли бы развратъ, отнимая у него почву и предупреждая его.

Въ-третьихъ, отсутствіе нравственнаго и умственнаго развитія. Вообще, приходится на сто—77 неграмотныхъ; въ Нижнемъ, гдѣ во время ярмарки происходитъ мобилизація русской проституціи, число неграмотныхъ доходитъ до 85 проц.

Въ-четвертыхъ—бѣдность, отсутствіе заработка, въ связи съ обольщеніями, насиліемъ, обманомъ и злоупотребленіемъ власти. Изъ общаго числа проститутокъ 83 проц. незамужнихъ, причемъ изъ нихъ 10 проц. прямо изъ ребенка сдѣлались женщиною, не успѣвъ стать взрослою дѣвушкою, т.-е. созрѣть.

Нужда гонитъ въ городъ, гдѣ заработокъ трудно отыскивается и легко теряется; среди чужихъ—некому пожалѣть и утѣшить, соблазны вліяютъ на душу, въ которой увядаютъ слабые ростки вѣры,—является стремленіе къ кому-нибудь привязаться, которое бываетъ грубо поругано, причемъ воображеніе осквернено, и... почва для паденія готова. На нее падаютъ разныя обольщенія проституціи, особливо связанной съ жизнью, въ домахъ терпимости—вкусная и обильная ѣда, бездѣлье, яркіе наряды, удовлетвореніе болѣзненнаго любопытства. Самый домъ терпимости является своего рода мышеловкою съ одурманивающими приманками и условіями, вырваться изъ которой очень трудно, даже при сознаніи ужаса своего положенія. Этому нерѣдко мѣшаютъ неизбѣжныя формальности, связанныя съ медико-полицейскимъ надзоромъ,—противъ выхода дѣйствуютъ хозяйки домовъ путемъ прямого насилія, какъ видно изъ ссылокъ лектора на разныя судебныя дѣла, и путемъ предъявленія долговыхъ чрезмѣрныхъ требованій. Къ 1898 году 605 проститутокъ въ Петербургѣ были обременены долгомъ въ 200 тысячъ рублей. Чтобы удержать отъ выхода, хозяйки взводятъ на очуствовавшихся дѣвушекъ ложныя обвиненія, отбираютъ виды на жительство, стараются придать себѣ властный авторитетъ, фактически обращая свое заведеніе въ буквально безвыходный застѣнокъ. Невѣжество и незнаніе несчастными своихъ правъ содѣйствуютъ имъ въ этомъ,—а отчужденность отъ внѣшняго міра, презирающаго ихъ, дѣлаютъ обращеніе къ роднымъ или постороннимъ, благодаря остатку стыда, очень труднымъ; праздный и нетрезвый образъ жизни въ этихъ клѣткахъ женщинъ, обращенныхъ въ разукрашенныхъ животныхъ, для удовольствія другихъ животныхъ, затягиваетъ въ себя; имъ мѣняется имя—и прежняя павшая дѣвушка становится погибшею женщиною, въ которой съ годами развивается часто любовь къ сводничеству и страсть къ пьянству. Положеніе одиночекъ болѣе свободно, но эта, по большей части призрачная свобода, обыкновенно сопряжена съ матеріальными лишеніями и жизнью впроголодь въ зависимости отъ успѣха постыднаго спроса и предложенія

Переходя къ *динамикѣ* проституцій лекторъ указалъ на многочисленные

способы вербовки дѣвушекъ, на организацію въ Англіи цѣлыхъ предпріятій торговли женщинами съ филіальными отдѣленіями на континентѣ и на мѣстахъ вывоза ихъ изъ южныхъ портовъ Россіи. Въ 1895 г., въ голандскихъ домахъ терпимости оказалось 400 иностранокъ, по большей части очень юныхъ; въ Парижѣ, въ то же время, была, по изслѣдованію Леона Таксиля, 451 иностранка (18 русскихъ).

Для покупателей существуетъ особый тарифъ. Въ Аргентинѣ европейская дѣвушка для домовъ терпимости стоитъ 200 фунтовъ стерлинговъ съ издержками доставки; у насъ были обнаружены случаи продажи дѣвочекъ по 30 р., за каждую. Англійскія конторы устанавляютъ въ портахъ Атлантическаго океана цѣны по телеграфу и препровождаютъ особые формуляры дѣвушекъ съ описаніемъ ихъ статей и качествъ. Торговля бѣглыми невольницами,—не встрѣчающими за предѣлами отечества, оставляемаго ими вслѣдствіе обмана, угрозъ и лживыхъ увѣреній, ничьей помощи,—связана съ самымъ жестокимъ попраніемъ человѣческой личности. Развитіе проституціи неразрывно связано и съ ужаснымъ бичомъ настоящихъ и будущихъ поколѣній—съ сифилисомъ. По свѣдѣніямъ 1898 года, изъ ста проститутокъ—58 проц. больныхъ, и притомъ не въ первый разъ. Эта цифра пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если припомнить, что, по медицинскому отчету за 1896 г., въ Россіи— 993.000 больныхъ сифилисомъ, могущихъ заражать окружающихъ какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ образомъ. Разсматривая способы борьбы съ проституціею, лекторъ указалъ, что однѣхъ правительственныхъ мѣръ для этого недостаточно, а должно придти на помощь для самообороны и общество. Правительство есть врачъ-хирургъ; но нуженъ и врачъ-санитаръ, и сестра милосердія. Эта роль принадлежитъ общественнымъ союзамъ, которые должны, по мѣрѣ силъ, ослабить условія, толкающія въ проституцію,—облегчить выходъ изъ ея мрачныхъ нѣдръ и заняться врачеваніемъ души погибающей женщины. Они должны пойти по слѣдамъ благородныхъ женщинъ—Стасовой, княжны Дондуковой-Корсаковой, Философовой и др., которыя въ разное время пытались служить своими единичными силами той же высокой задачѣ. Спаситель сказалъ: «Невозможно соблазну не придти въ міръ, но горе тому чрезъ кого онъ приходитъ»; но Онъ же указалъ и на возможность спасенія другихъ отъ соблазна, преподавъ ученіе о дѣятельности христіанской любви. Этимъ и должна быть проникнута дѣятельность общества защиты женщины.

Разобравъ надѣлавшій такого шума проектъ закона Гейнце и мнѣнія французскаго сенатора Беранже и указавъ на слабыя и опасныя для свободы творчества стороны въ предположеніяхъ Гейнце, лекторъ нашелъ, что формальная сторона дѣяній, противъ которыхъ они выступили, предусмотрѣна у насъ вполнѣ удовлетворительно мировымъ уставомъ въ ст. 45-й; но что слова этой статьи о явно соблазнительныхъ предметахъ должны быть, въ интересахъ охраны подростающихъ поколѣній, понимаемы шире, чѣмъ это теперь дѣлается. Не въ области искусства, но въ области промышленности можетъ найдтись поводъ къ загрязненію воображенія и къ преждевременному возбужденію страстей въ отрокахъ. Сюда относятся, напримѣръ, рекламы съ изображеніями полураздѣтыхъ женщинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ рекламируемому ликеру, табаку, краскѣ, и т. п., фотографическія и почтовыя карточки, выставленныя въ магазинахъ, предъ окнами которыхъ толпятся подростки, пріучаясь извѣстнымъ образомъ смотрѣть на женщину и т. п. Общество можетъ ходатайствовать объ огражденіи съ этой стороны молодого поколѣнія, — напримѣръ, о не выдачѣ подросткамъ изъ библіотекъ извѣстныхъ книгъ съ явно порнографическимъ оттѣнкомъ, о недопущеніи ихъ въ музеи восковыхъ фигуръ съ выставкою сценъ и орудій пытки, пріучающихъ спокойно смотрѣть на изобрѣтенія человѣческой злобы и ожесточающихъ молодыя сердца. Не надо забывать, что въ человѣче-

ской природѣ жестокость и сладострастіе суть стороны одной и той же медали, при чемъ переходъ отъ одной къ другой очень легокъ. Конечно, здѣсь надо разсчитывать и на разумную помощь семьи. Необходимо и изданіе сочиненій о нравственномъ вредѣ разврата. Это тоже входитъ въ задачи общества защиты женщинъ. Невредныя книги о преувеличенной опасности дурныхъ привычекъ, бывавшія толчкомъ къ самоубійствамъ, а извлеченія изъ сочиненій скандинавскихъ писателей и изъ высокой нравственной проповѣди великаго писателя нашего Толстого должны составлять предметъ книгъ, которыми надо вооружать юношей противъ развратнаго взгляда на женщину, ставя на первое мѣсто омерзѣніе къ пороку, а не эгоистическій страхъ его матеріальныхъ послѣдствій. Общество связано въ своей дѣятельности съ обществомъ попеченія о молодыхъ дѣвицахъ. Въ прошломъ году оно, по почину и на средства принцессы Елены Георгіевны Альтенбургской, открыло дешевыя помѣщенія на 50 мѣстъ для пріѣзжающихъ въ Петербургъ для отысканія работы дѣвушкамъ простого званія; нынѣ имъ намѣчено такое учрежденіе и для дѣвицъ интеллигентнаго класса. Замѣчательная лекція закончилась подробнымъ обзоромъ дѣятельности общества за 1900 годъ («С.-Петерб. Вѣдомости»).

О поврежденіи современныхъ нравовъ. 11 марта 1901 г. въ г. Симферополѣ епископъ таврическій произнесъ слѣдующую рѣчь, напечатанную въ «Крымѣ»:

«Еще не смолкли въ ушахъ нашихъ отзвуки отъ выстрѣла, направленнаго въ министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, еще не высохли слезы на глазахъ у сослуживцевъ и почитателей этого благороднѣйшаго и преданнѣйшаго слуги государева, — какъ вотъ опять раздаются выстрѣлы и направляется смертоносное оружіе въ другого человѣка,—одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи, воспитателя и учителя царей, оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева.

«И сколько такихъ явленій теперь! Жизнь стала просто въ полушку... Живетъ—живетъ себѣ человѣкъ и вдругъ—трахъ!—и пулю въ лобъ! А то глядишь ни съ того, ни съ сего, — трахъ! — и пустилъ пулю другому!!. Прежде какъ будто такъ не было,—по крайней мѣрѣ наши дѣды и прадѣды этого не знавали!

«Отчего же люди стали такъ легкомысленно смотрѣть и на свою, и на чужую жизнь, почему стали учащаться и въ нашемъ отечествѣ такія событія, какихъ прежде или вовсе не было, или какія были рѣдчайшею рѣдкостью?!

«Ходить за объясненіемъ далеко незачѣмъ: вѣра оскудѣла у насъ, страхъ Божій сталъ изсякать въ сердцахъ людей! А это все отъ того, что и сами мы за собой плохо смотримъ, да и дѣтей своихъ воспитываемъ не лучше.

«Прежде руководились правиломъ Премудраго, что начало премудрости, или, что тоже, благочестія,—есть страхъ Божій,—что страхъ Господень отрѣшаетъ грѣхи (Премуд., 1, 11—22), что воспитывать слѣдуетъ однихъ милостью съ разсмотрѣніемъ, а другихъ страхомъ, исхищающе отъ огня (Іуд. 22), а теперь все это забыли, измѣнили, переиначили. Вмѣсто страха Божія и церковности придумали какія-то другія системы воспитанія, расшатывающія авторитеты, ослабляющія всякія узы, размягчающія, а то и просто развращающія нравъ юношескій...

«Теперь, если воспитатель или учитель чуть поставилъ мальчику-лѣнтяю и шалопаю единицей меньше, то изъ этого раздувается цѣлое событіе: поднимается шумъ и трескъ и въ семьѣ, и въ печати, что учителя и воспитатели—жестоки, тираны, не умѣютъ воспитывать и пр., и пр., забывая, однако же, что всѣ эти рѣчи выслушиваютъ тѣ, чьего слуха онѣ и не должны бы были касаться...

«Прежде читали Евангеліе Іисуса Христа и его клали въ основу воспитанія и всего уклада жизни, а теперь зачитываются до одуренія у насъ евангеліемъ графа Толстого и его безбожными и анархическими сочиненіями, прежде считали

св. церковь матерью-воспитательницею, а теперь взамѣнъ церкви выдвигають театръ и всякаго рода забавы и развлеченія... Удивляться ли послѣ этого, что молодежь, воспитавшаяся въ такихъ началахъ, и Бога не боится, и людей не стыдится?! Не прошло еще и трехъ недѣль, какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, Харьковъ, Одесса и др. города были свидѣтелями этой крайней распущенности нашей молодежи!.. Слыханное ли когда дѣло, чтобы люди врывались въ храмъ Божій въ шапкахъ, съ папиросами въ зубахъ, чтобы останавливали служеніе, били сторожа церковнаго, приглашавшаго къ порядку, и сталкивали священнослужителя съ амвона? А вѣдь все это было, и не гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, а въ столицѣ, въ большомъ соборѣ. Или вотъ еще другое явленіе: высшее священноначаліе церкви русской отлучаетъ отъ общенія врага церкви и государства, безбожника и анархиста Толстого... Кажется бы, радоваться такому рѣшительному дѣйствію іерархіи, полагающей конецъ соблазну и претыканію для многихъ чадъ своихъ, но что же мы видимъ и слышимъ?! Являются люди, которые, въ осужденіе церкви, открыто посылаютъ адресы и телеграммы отлученному, прилагаясь симъ самымъ торжественно къ дѣламъ неплоднымъ тьмы сего кощунника?:

«Удивляться ли послѣ этого тому, что такъ потрясло всѣхъ насъ вчера и нѣсколько недѣль ранѣе?! Что же: такъ всему этому и надлежитъ быть!? О, да не будетъ!..

«Всѣмъ намъ, и отцамъ и матерямъ, и начальствующимъ и подчиненнымъ, и пастырямъ и учителямъ—всѣмъ, всѣмъ надлежитъ встать на защиту исконнихъ началъ нашего отечества: православія, самодержавія и народности, всѣмъ и всячески бороться съ этимъ зломъ, такъ позорящимъ наше отечество!

«Будемъ помнить, что Господь никогда поругаемъ не бываетъ (Еф. 10, 31, 12, 23) и что Онъ наказуетъ за нечестіе и народы такъ же, какъ отдѣльныхъ людей, посылая на нихъ всякаго рода бѣдствія».

Наша бѣдность. «Орловск. Вѣстникъ» приводитъ интересныя данныя изъ недавно вышедшей книги г. Лохтина: «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами». По даннымъ за 16-ти-лѣтній періодъ времени г. Лохтинъ опредѣляетъ средній урожай Европейской Россіи въ 30,3 пуд. чистаго остатка съ десятины за вычетомъ сѣмянъ. Между тѣмъ, въ другихъ государствахъ остатокъ этотъ колеблется отъ 44 до 119,1 пуд., давая въ среднемъ 76,6 пуд. съ десятины, т.-е. чистый остатокъ хлѣбовъ, собираемыхъ съ 1 дес. въ Россіи, въ 2, 3, 4 раза меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и на 50—70 проц. меньше такихъ неудобныхъ для земледѣлія странъ, какъ Алжиръ. Нѣтъ, такимъ образомъ, ни одного государства въ свѣтѣ, въ которомъ сборъ урожая былъ бы такъ ничтоженъ, а землепашество велось бы такъ плохо, какъ въ Россіи.

Что же касается гибели посѣвныхъ сѣмянъ, то, если мы примемъ во вниманіе урожай, величина эта будетъ равняться около 0,8 всего высѣяннаго количества, т.-е, другими словами, въ Россіи въ видѣ сѣмянъ ежегодно гибнетъ около 300—400 милліоновъ пудовъ хлѣба, которымъ можно было бы прокормить 15—20 милліоновъ человѣкъ. Сравненіе со среднимъ урожаемъ другихъ странъ приводитъ къ заключенію, что количество хлѣба, котораго лишается Россія благодаря своимъ сельскохозяйственнымъ порядкамъ при среднемъ урожаѣ въ 1,8 милліарда вмѣсто 4,5 милліарда пудовъ съ той же посѣвной площади и 6,5 милліардовъ со всей пахатной площади, которые она могла бы получить, составляетъ отъ 30 до 50 пуд. зерна на 1 чел. или для всего населенія 50 губерній отъ 3 до $4^1/_2$ милліар. рублей, что на каждую крестьянскую семью могло бы дать отъ 300 до 400 р. лишняго валового дохода.

Если недородомъ считать всякій сборъ ниже средняго, выведеннаго изъ

цифръ урожаевъ за 16 лѣтъ, то въ такомъ случаѣ урожайнымъ можетъ быть названъ только одинъ 1893 годъ. Такое постоянство недородовъ указываетъ на то, что неурожаи составляютъ для Россіи самое обычное явленіе, урожаи же случаются, какъ рѣдкое исключеніе.

Сравнивая урожаи владѣльцевъ и крестьянъ, г. Лохтинъ нашелъ, что первые на $^1/_4$ больше вторыхъ. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что большая часть владѣльческой посѣвной площади обрабатывается крестьянами же, берущими землю въ аренду или исполу, и крестьянскими же орудіями. Благодаря только, главнымъ образомъ, лучшему удобренію полей неблагопріятныя условія погоды оказываютъ различныя вліянія на урожаи владѣльцевъ и крестьянъ. Чистый остатокъ на 1 дес. владѣльцевъ въ урожайные годы только на 20—26 проц. выше, чѣмъ у крестьянъ; но за то въ неурожайные—этотъ излишекъ достигаетъ 34, 40 и даже 86 проц. Благодаря этому, недоборы владѣльцевъ никогда не бываютъ такъ значительны, какъ у крестьянъ, а въ 1898 г., когда крестьяне не добрали около 300 милл. пуд. чистаго остатка, у владѣльцевъ былъ сборъ нормальный или даже переборъ противъ средняго. Каждый значительный недородъ, какъ въ 1891, 1892, 1897 и 1898 гг., уноситъ не менѣе 1 милліарда руб. изъ крестьянской экономіи 50 губерній, что на душу въ среднемъ дастъ не менѣе 15 р. «Если мы сопоставимъ,—говоритъ авторъ,—съ этими цифрами незначительную палліативную помощь, оказываемую правительствомъ и обществомъ въ неурожайныхъ мѣстахъ, то одна изъ могучихъ причинъ крестьянскаго оскудѣнія выставится весьма рельефно». Въ 1891 г. крестьяне сравнительно съ владѣльцами не добрали 14 пуд. на десятину, на 43,8 милл. дес. посѣвной площади крестьянъ это составитъ 613 милл. пуд. или на одну душу 9 пуд., которыхъ было бы вполнѣ достаточно для предотвращенія голода.

То же самое можно сказать про недородъ 1897 г., когда крестьяне не добрали по 6 пуд. на душу.

При этомъ, надо замѣтить, изслѣдованіе немногочисленныхъ хорошо ведущихся хозяйствъ показываетъ, что эти хозяйства не знаютъ недородовъ, несмотря на одинаково и для нихъ неблагопріятныя климатическія условія.

Сравненіе Россіи съ другими странами обнаруживаетъ довольно странный фактъ. Оказывается, что по количеству производимыхъ зерновыхъ продуктовъ Россія не только не можетъ быть причислена къ странамъ вывозящимъ, но даже среди странъ ввозящихъ занимаетъ далеко не первое мѣсто. Только три государства—Голландія, Норвегія и Англія — производятъ хлѣба на 1 челов. населенія меньше, чѣмъ Россія; остальныя же 7 государствъ, ввозящихъ хлѣбъ, производятъ его значительно болѣе, отъ 23,7 пуд. до 50 пуд. на душу. Между тѣмъ, всякому извѣстно, что Россія принимаетъ крупное участіе въ снабженіи Европы хлѣбомъ, а въ нынѣшній годъ, поразившій неурожаемъ десять губерній и областей, вывозъ хлѣбовъ даже значительно усилился.

Въ защиту поруганныхъ и развращенныхъ. Извѣстный статистикъ Ф. А. Щербина выступилъ на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ защиту, главнымъ образомъ женщинъ, надъ личностью которыхъ на табачныхъ плантаціяхъ Сѣвернаго Кавказа совершается рядъ вопіющихъ безобразій.

«У насъ,—пишетъ г. Щербина,—существуетъ фабричная инспекція, теперь возбужденъ, по газетнымъ слухамъ, вопросъ объ учрежденія ремесленной инспекціи. Но есть особый классъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей, положеніе которыхъ требуетъ особой защиты и гуманной охраны. Это—рабочіе на табачныхъ плантаціяхъ. Положеніе ихъ представляетъ нѣчто среднее между положеніемъ рабочихъ рукъ въ крупной промышленности и ремесленной. Я имѣлъ случаи нѣсколько разъ соприкасаться съ этою областью эксплуатаціи человѣческаго

труда и тѣла и не могу безъ возмущенія вспомнить и говорить о тѣхъ безобразіяхъ, которыя продѣлываютъ надъ человѣческою личностью господа табачные «плантаторы».

Откровенно говоря, я затруднился бы отвѣтить на вопросъ о томъ, даетъ ли табаководство, считающееся самою прибыльною отраслью сельскохозяйственной промышленности, какія-либо выгоды, если принять въ разсчетъ тѣ сотни тысячъ рублей, которыя погребены подъ табачными плантаціями въ видѣ лѣса, плодовыхъ деревьевъ и черкесскихъ садовъ. Но главное зло кроется не въ этомъ хищничествѣ, а въ той деморализаціи, которая внесена въ нравы русскаго населенія культурою табака. Табаководство самымъ гибельнымъ образомъ отразилось на общественной и семейной нравственности мѣстнаго населенія. Помнится, печальникъ трудящагося люда Гл. И. Успенскій, со свойственною ему проницательностью, невольно остановилъ свое вниманіе на одномъ чисто внѣшнемъ признакѣ этой деморализаціи. Проѣзжая черезъ г. Екатеринодаръ, онъ подмѣтилъ наемъ табаководами женскихъ рабочихъ рукъ на мѣстномъ базарѣ и посвятилъ этому явленію нѣсколько жгучихъ строкъ на тему о человѣческомъ товарѣ. Возмутителенъ уже одинъ внѣшій видъ этого торжища человѣческимъ товаромъ. Весною, въ наиболѣе оживленную пору табачной горячки, на одной изъ площадей Екатеринодара, на такъ называемомъ Старомъ Базарѣ, съ прилегающими къ нему двумя переулками, все свободное пространство буквально-таки бываетъ запружено женщинами, дѣвушками, подростками и даже дѣтьми. Это—представительницы женскаго труда на табачныхъ плантаціяхъ. Шумная, полуразряженная и непринужденно ведущая себя толпа гудитъ и движется, какъ пчелиный рой, а въ срединѣ ея, между различными группами и кучками толпящихся женщинъ, снуютъ сами «плантаторы» или ихъ приказчики—греки, черные и рыжіе, грязные и франтоватые, еще болѣе шумящіе и непринужденные. Грубыя, недозволенныя приличіемъ любезности, двусмысленные намеки и часто нецензурная брань виснутъ въ воздухѣ. Господа «плантаторы» нахально осматриваютъ товаръ и группируютъ партіи, высматривая болѣе красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Производится уговоръ насчетъ платы за трудъ и условій жизни на плантаціяхъ, и тутъ же, послѣ окончательнаго уговора, партіи усаживаются на «дилижаны»,—большіе на желѣзныхъ осяхъ и высокихъ колесахъ экипажи. Нагруженные женщинами, какъ сельдями, дилижаны, запряженные парою лошадей, съ возсѣдающимъ въ средѣ женщинъ грекомъ-«плантаторомъ», мчатся затѣмъ по городу, а отсюда на плантаціи. Такъ развозятъ табаководы отдѣльными группами преимущественно цвѣтущую женскую молодежъ по ближайшимъ къ Екатеринодару плантаціямъ, возятъ цѣлые дни и ночи, въ особенности праздниками во время табачной горячки. Такъ же ведется дѣло и въ другихъ мѣстахъ—въ г. Майкопѣ, въ станицахъ Крымской, Абинской и вообще въ болѣе крупныхъ табачныхъ центрахъ. Всюду одни и тѣ же порядки, одни и тѣ же пріемы по найму. Съ женщинами, конечно, меньше церемонятся, чѣмъ съ мужчинами. Лишь бы усадить на дилижансъ и довезти до мѣста, а тамъ уже плантаторъ и его сподручные являются полными господами всего,—и усиленнаго выжиманія труда, и безобразной жилой обстановки, и плохого кормленія, и просто одурѣнія... въ видѣ пьяныхъ оргій и разврата.

Можно положительно утверждать, что тамъ, гдѣ особенно усердно насаждались турецкіе табаки, тамъ съ первыхъ же шаговъ этого насажденія внѣдрялась въ патріархальную жизнь и проституція. Я помню добрые старые нравы казачества, скромную семейную жизнь станичника, бойкихъ, но безукоризненно нравственныхъ казачекъ и просто-таки ушамъ своимъ не вѣрилъ, когда мнѣ живые свидѣтели происходившаго рисовали мрачными красками паденіе женской нравственности въ станицахъ, занимавшихся табаководствомъ. Развратъ

коснулся и женщинъ, и дѣвушекъ, и даже 14-ти и 12-ти-лѣтнихъ подростковъ. Въ станицахъ образовались свои притоны, появился профессіональный развратъ, и такіе центры табаководства, какъ станица Крымская, буквально-таки превратились въ Вавилонъ. Въ глухихъ когда-то населеніяхъ открыто, на виду у всѣхъ, гудѣла шарманка и царилъ разгулъ, соединенный съ пьянствомъ и открытымъ участіемъ въ немъ женщины. Молодежь обоего пола стала позволять себѣ самыя вольныя отношенія. На плантаціяхъ было не лучше. За кусокъ ситца или кумача, за конфекты и другія сласти или за деньги, за ласковое обращеніе или послабленіе въ работѣ хозяева-«плантатора», ихъ сыновья или приказчики вынуждали женщинъ на безнравственныя уступки. Самая обстановка повседневной жизни на плантаціяхъ могла только толкать на путь разврата. Молодежь обоего пола тѣснилась и ночевала въ общихъ помѣщеніяхъ; совершенно неопытныя дѣвочки, безъ присмотра и защиты, подвергались всевозможнымъ соблазнамъ; а охотники соблазнять всегда были на лицо... И гдѣ же было уберечься при этихъ условіяхъ, вдали отъ дома и семьи, женщинѣ, этой вѣчно страждущей отвѣтчицѣ за грѣхи мужчинъ?

Я не знаю и не имѣлъ возможности ознакомиться съ тѣмъ, насколько распространены въ средѣ населенія, работающаго на плантаціяхъ, сифилисъ и секретныя болѣзни; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что то и другое должно составлять неизбѣжное зло въ описываемой средѣ. Это тѣмъ вѣроятнѣе и безотраднѣе, что не только на плантаціяхъ, но даже въ станицахъ для сѣрой массы казачьяго и иногородняго населенія не существуетъ никакой организованной медицинской помощи. Лѣчить некому, а калѣчить предоставляется обстоятельствами всякому, сколько заблагоразсудится. Съ одной уже медицинской и санитарной точки зрѣнія, широкій произволъ и безконтрольныя дѣйствія плантаторовъ на плантаціяхъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія и требуютъ хорошо организованной спеціальной инспекціи. Представителямъ станичной администраціи, при обиліи другихъ обязанностей, собственно до этого дѣла нѣтъ, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ защита могла быть дѣйствительно оказана представительницамъ труда, въ результатѣ оказываются или полный индифферентизмъ, или молчаливое согласіе, или даже потачка и игра въ руку плантатора.

Но за санитарно-медицинскими условіями стоятъ условія труда и оплаты его. Продолжительность суточныхъ работъ и обстановка, въ какой онѣ ведутся, посильность или непосильность занятій для подростковъ и дѣтей, вычеты изъ жалованья и начеты умышленные и неумышленные, условія расплаты и случаи замѣны продуктами денегъ, пищевое довольствіе и ничѣмъ неограниченная власть хозяина или приказчика—все, однимъ словомъ, является въ этомъ отношеніи дѣломъ личнаго произвола, непредвидѣннаго случая и молчаливой покорности. Трудно сказать, допускается ли какой-либо предѣльный возрастъ для дѣтей, попадающихъ на плантаціи, или же и въ этомъ отношеніи царитъ полный произволъ хозяина и плантаторская безцеремонность. Съ рабочими вообще не церемонятся на плантаціяхъ, и самый ходъ работъ и пріемы ухода за табакомъ таковы, что производительная горячка и соединенное съ нею непомѣрное напряженіе рабочихъ силъ являются необходимымъ условіемъ общей постановки табачнаго дѣла.

Наконецъ, и самое положеніе табаководовъ-плантаторовъ, особенно мелкихъ, настолько за послѣднее время измѣнилось и ухудшилось, что переживаемыя ими невзгоды неминуемо должны отражаться и на положеніи рабочаго люда, рискующаго при этихъ условіяхъ своими кровными заработками. Въ прежнее время занятіе табаководствомъ считалось однимъ изъ выгоднѣйшихъ денежныхъ предпріятій, граничившихъ для многихъ съ удачной азартной игрой. Цѣны на табакъ и на рабочія руки стояли высокія. За пудъ табака платили обыкно-

венно около 10, 12 и даже 15 рублей, что при среднемъ урожаѣ съ десятины въ 80 пудовъ давало отъ 800 до 1.200 руб. валового дохода на десятину. Но бывали случаи, когда цѣны на высшіе сорта табака доходили до 20 и даже 25 руб. за пудъ или же когда,—еще чаще,—при цѣнѣ въ 12 руб., урожайность выражалась въ 120 и 150 пудахъ табака съ десятины. Сообразно съ этимъ, и оплата труда повышалась до небывалыхъ въ краѣ размѣровъ. Часто 14-ти-лѣтнимъ дѣвочкамъ платили по 20 и 25 рублей въ мѣсяцъ, и лѣтніе заработки въ 100, 150 и 200 руб. для хорошей работницы считались обычными. Все это тѣмъ рѣзче било въ глаза и мощнѣе затрагивало струны человѣчеслой души, падкой до наживы, что оплата земледѣльческаго труда производилась въ десять и пятнадцать разъ ниже, и все это, понятно, и было коренною причиною отвлеченія женскаго труда отъ домашняго очага и предпочтенія табаководства земледѣлію.

Но вотъ обстоятельства начали мѣняться. Цѣны на табакъ стали падать. Вновь заведенные акцизные распорядки повели къ тому, что всѣ денежныя операціи по табачному дѣлу сосредоточились въ рукахъ немногихъ лицъ,—двухъ-трехъ фабрикантовъ и нѣсколькихъ крупныхъ скупщиковъ табака. Воротилы эти, естественно, стремились все къ большему и большему пониженію цѣнъ на табакъ, въ интересѣ собственныхъ выгодъ. Къ тому же, съ расширеніемъ площади плантацій расширялся и спросъ на оборотныя средства. Табаководство нельзя было вести безъ того, чтобы не нести массы текущихъ расходовъ,—и по арендѣ земли, и по обработкѣ почвы, и по уходу за табакомъ, и по обработкѣ его. Оплата работъ и расходы на строенія, со всевозможными приспособленіями для правильнаго хода табачнаго дѣла, требовали въ среднемъ около 500 руб. предварительныхъ затратъ на десятину. Стало быть, тысяча десятинъ посѣва табака требовала 1/2 милл. рублей, а пять тысячъ—2 1/2 милл. рублей на годичный оборотъ. Такими большими деньгами табаководы не располагали, и затрудненія въ этомъ отношеніи, особенно въ тѣ годы, когда табакъ не шелъ въ продажу и залеживался, росли постепенно и систематически. Мало-по-малу всѣ мелкіе малоденежные табаководы очутились въ положеніи должниковъ у тѣхъ лицъ, которыя ежегодно снабжали ихъ оборотными средствами, т. е. у табачныхъ фабрикантовъ и милліонеровъ-скупщиковъ табака. Сосредоточеніе кредита въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ кредиторовъ, раскинувшихъ изъ Ростова и Екатеринодара свои сѣти на весь Сѣверный Кавказъ, естественно, повело еще къ большему пониженію цѣнъ на табакъ. Пудъ табака, стоившій прежде отъ 10-ти до 15-ти рублей, стали оплачивать, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, отъ 5 до 7 рублей, а мѣстами даже 4 и 3 руб. Мелкіе предприниматели почти перестали продавать табакъ, а поставляли его и поставляютъ фабрикантамъ и скупщикамъ, взявъ заранѣе подъ табакъ деньги. Табаководы, однимъ словомъ, начали терпѣть убытки и разоряться, а это, въ свою очередь, должно было отражаться и на интересахъ рабочаго люда.

Такимъ образомъ, и со стороны переживаемаго табаководствомъ кризиса защита закономъ и его представителями рабочей массы является дѣломъ настоятельной необходимости. Табаководство охватило почти весь Сѣверный Кавказъ. Въ одной Кубанской области подъ табакомъ ежегодно бываютъ тысячи десятинъ земли и его культура занимаетъ десятки тысячъ рабочихъ рукъ. Тяжелое, беззащитное положеніе, главнымъ образомъ, женщины, факты вопіющихъ безобразій надъ ея личностью требуютъ рѣшительныхъ мѣропріятій, могущихъ оградить человѣческіе интересы и достоинство угнетенныхъ и поруганныхъ представительницъ труда.

Елецкіе мужики въ Берлинѣ. Въ послѣдніе два года въ Елецкомъ уѣздѣ и, собственно, въ районѣ Сергіевской волости замѣчается усиленная покупка

владѣльческихъ земель крестьянскими обществами. Крестьянамъ деревень Тульской, Ольшанки, Каменки и Нов. Поселокъ, бывшихъ кн. Мещерскаго, также представился случай купить землю бывшей владѣлицы ихъ отцовъ, княжны Маріи Андреевны Мещерской. Земля эта въ количествѣ 3.500 дес. съ усадьбою и лѣсомъ 100 дес. находится при с. Спасскомъ. За лѣсъ повѣренному кн. Мещерскаго, Блоку въ Петербургѣ мѣстные лѣсопромышленники предлагали 70 тыс. руб. съ землей, стоитъ же онъ, по мнѣнію свѣдующихъ людей, самъ по себѣ, безъ земли, 100 тыс., притомъ онъ идетъ прямо отъ владѣльческой усадьбы и отчужденіе его съ землей образовало бы владѣніе, вторгшееся въ средину площади земли въ 1.400 дес. Крестьяне названныхъ деревень сообразили извѣстное здѣсь сочувственное къ нимъ отношеніе покойныхъ князей Мещерскихъ, отца и брата княжны М. А., и рѣшили направить своихъ уполномоченныхъ для личныхъ переговоровъ съ княжной въ Берлинъ. И вотъ что, по словамъ «Орловск. Вѣстника», разсказываютъ о своей поѣздкѣ двое крестьянъ, ѣздившіе въ «нѣметчину».

Дѣло было въ концѣ минувшаго великаго поста. Пріѣхали они на ст. Берлинъ и вошли въ вокзалъ въ овчинныхъ нагольныхъ полушубкахъ, въ простыхъ сапогахъ и зимнихъ шапкахъ. Въ рукахъ у нихъ былъ жестяной чайникъ. Время было утреннее и имъ хотѣлось напиться чаю, а къ кому обратиться насчетъ «кипятку»—не знаютъ. Въ такомъ «содомѣ», какой шумитъ, галдитъ и кружится, тутъ и бывалому человѣку не разобраться сразу. Рѣшили обратиться къ жандарму—начальство, дескать, такое, что все знаетъ и можетъ всякій распорядокъ дать; объясняться пришлось, разумѣется, пантомимой: постукивать о чайникъ, изображать рукою поворотъ крана, вливаніе воды въ чайникъ, выливаніе изъ него въ «посудинки» и затѣмъ глотаніе съ «дутьемъ на горячее». Жандармъ, какъ быть должно, понялъ, и выслушавъ—собственно высмотрѣвъ—ихъ, съ величественной важностью что-то сказалъ «по своему» шнырявшей по вокзалу буфетной прислугѣ и указалъ русакамъ сѣсть за столъ. Тѣ сѣли и имъ подали два стакана... «кохвію» съ молокомъ! Одинъ, что немножко постарше и угрюмѣе, перекрестясь, рѣшился выпить. Потому не въ своей землѣ. Что-жъ дѣлать, коли тутъ чаю не поважаютъ, а пить хочется горяченькаго. Другой, что помоложе и повеселѣе, не сталъ скоромиться. «Душа не принимаетъ въ такой-то постъ». Нужно было платить деньги, положили ихъ на ладонь и преподнесли—берите, дескать, сами, сколько слѣдуетъ. Но денегъ съ нихъ не взяли и жандармъ имъ знаками объяснилъ, что хозяинъ буфета угощаетъ ихъ задаромъ. Видно было пріятно буфетчику, когда нашихъ мужиковъ окружала толпа любопытныхъ. Поблагодаривъ буфетчика, нужно было приступать къ дѣлу. Достали и показали жандарму паспорта. Марсъ посмотрѣлъ на документы и приказалъ сидѣть на диванѣ. Просидѣли они тутъ часа три, пока у русскаго консула начался пріемъ. Наконецъ, къ нимъ подошелъ съ какимъ-то человѣкомъ жандармъ и далъ знакъ идти за нимъ. Выйдя изъ вокзала, крестьяне хотѣли было взять извозчичій экипажъ, но провожатый и жандармъ помахали руками и указали на ноги мужиковъ и куда-то по направленію къ городу. Это означало, что ѣхать не надо, тутъ недалеко и можно дойти пѣшкомъ. Такъ и оказалось.

У консула ждать крестьянамъ долго не пришлось. Онъ скоро принялъ ихъ, засвидѣтельствовалъ ихъ документы и, узнавъ о цѣли ихъ пріѣзда, направилъ съ тѣмъ же провожатымъ къ княжнѣ Мещерской, при чемъ сказалъ, что, если она не дастъ имъ крова, то чтобы они приходили къ нему. Княжна немедленно и радушно приняла ихъ въ своихъ «горницахъ», усадивъ на мягкихъ стульяхъ. Поразспросивъ ихъ о томъ, какъ живется на родинѣ, живы ли тотъ-то и тотъ-то изъ крестьянъ, которыхъ она помнитъ и которые оказались давно умершими, княжна направила ихъ къ русскому посольскому свя-

щеннику, который дастъ имъ на время пріютъ и все, что нужно для содержанія, и сказала, что платить за это имъ ничего и никому не нужно, что ужъ это ея дѣло, и при этомъ дала имъ 3 р., чтобъ они по пути къ батюшкѣ зашли «посмотрѣть звѣрей» въ зоологическій садъ. Отсюда ихъ сопровождалъ уже другой человѣкъ, «мароковавшій» по-русски. Они зашли въ садъ и дивились его диковинному населенію, а отъ льва такъ даже тотъ, что поразвязнѣе, метнулся бѣжать. «Очень ужъ громадный звѣрина. Реветъ такъ, что ажъ ужасъ хватаетъ, а у клѣтки прутья не добря толстые». Задумали мужики купить новый чайникъ вмѣсто имѣвшагося помятаго и сообщили о своемъ желаніи проводнику. Тотъ повелъ въ высоченный домъ, завелъ въ комнату и усадилъ на диванъ. Они сѣли. Вдругъ диванъ какъ двинется съ ними и съ вожакомъ кверху... «ажъ у живота стало холодно»... и очутились они на пятомъ этажѣ, гдѣ отъ стѣнъ и потолка люди и все кверху ногами казались.

Крестьяне очень были удивлены, увидавъ посольскаго русскаго батюшку, когда онъ вышелъ было къ нимъ въ первый разъ въ его квартирѣ, одѣтымъ въ пиджачекъ и остриженнымъ «подъ польку». Священникъ, увидавъ, кто пришелъ къ нему, пригласилъ подождать ихъ въ передней, а самъ тотчасъ же пошелъ облачился въ рясу и затѣмъ благословилъ ихъ, пригласилъ въ комнаты, угостилъ обѣдомъ и очень радушно бесѣдовалъ съ ними, какъ и во всѣ дни пребыванія ихъ въ его домѣ. Насколько были замѣтны и составляли предметъ любопытства для улицъ Берлина наши земляки, можно судить изъ ихъ разсказа о такомъ случаѣ. Однажды, проходя по улицѣ, они были окружены толпой мальчиковъ и дѣвочекъ, вывалившей изъ одного дома, вѣроятно учебнаго заведенія. Толпа окружила ихъ кольцомъ, засматривала имъ въ глаза, оглядывала ихъ съ ногъ до головы, «лопотала по своему», брала въ руки полы ихъ полушубковъ и, указывая на шерсть, освѣдомлялась знаками: такой ли, дескать, этотъ нарядъ въ верху и въ рукавахъ, какъ снизу? Имъ отвѣчали постукиваніемъ ладонями по груди и рукамъ, указаніями на полы и киваніями головой въ удостовѣреніе того, что полушубки одинаковы цѣликомъ. И довольная толпа щипала, видно на память, шерсть изъ полъ полушубковъ.

Княжна Мещерская изъявила согласіе продать землю крестьянамъ, но только 2.000 десят. отдѣльно отъ усадьбы и лѣса, потому что она знаетъ, что крестьяне сейчасъ же превратятъ усадьбу въ Богъ знаетъ что и съ лѣсомъ также поступятъ не лучше, а ей этого не желательно. Она назначила цѣну по 155 р. за десят. и указала уполномоченнымъ обратиться къ ея повѣренному Блоку въ Петербургѣ и тамъ заключить сдѣлку съ нимъ и съ банкомъ по выдачѣ имъ ссуды. У княжны, видимо, сохранилось представленіе о русской крестьянской благосостоятельности по разсказамъ давно былого времени. Такъ, на заявленіе крестьянъ, что имъ не подъ силу купить землю безъ займа, она высказала имъ: «Нѣтъ, нѣтъ. Я вѣдь знаю, какъ у васъ берегутъ деньги: складываютъ ихъ въ кубышечки и потомъ зарываютъ подъ печками».

И. И. Свѣдѣнцовъ (Ивановичъ).—Некрологъ.—14-го марта въ Тифлисѣ скончался извѣстный писатель, сотрудникъ многихъ русскихъ повременныхъ изданій, Ив. Ив. Свѣдѣнцовъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Ивановичъ».

«Покойный,—какъ сообщаетъ о немъ газета «Новое Обозрѣніе», въ которой онъ въ послѣднее время писалъ почти ежедневно,—родился въ 1842 году, воспитывался въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ. По окончаніи курса въ послѣднемъ, Ив. Ив. поступилъ на военную службу во 2-й гренадерскій стрѣлковый баталіонъ; въ 1865 году покойный былъ принятъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, по окончаніи курса въ которой послѣдовательно занималъ разныя должности по генеральному штабу въ Восточно-Сибирскомъ, Варшавскомъ и Одесскомъ округахъ. Въ 1873 году Ив. Ив. вышелъ въ от-

ставку и посвятилъ себя литературной дѣятельности, принимая участіе въ лучшихъ журналахъ своего времени. Злая болѣзнь скосила жизнь даровитаго и энергичнаго литературнаго труженика, отличавшагося твердостью убѣжденій, стойкостью характера, презирающаго всякіе компромиссы и сдѣлки съ совѣстью.

Въ лицѣ И. И. Свѣдѣнцова сходитъ въ могилу одинъ изъ характернѣйшихъ представителей беллетристовъ народниковъ 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Вслѣдъ за вышедшими изъ народа и разночинцевъ Гл. Успенскимъ, Ѳ. Рѣшетниковымъ, Левитовымъ, Златовратскимъ и др. появились въ русской литературѣ писатели изъ кающихся дворянъ, ушедшіе въ народъ и полюбившіе его со всею пылкостью благородной юности. Изображая народный бытъ, эти писатели иногда хотя и вдавались въ идеализацію его, но художественное чутье всегда спасало ихъ отъ грубаго извращенія дѣйствительности. Къ числу такихъ писателей нужно отнести и Свѣдѣнцова. Неподдѣльный юморъ, любовь къ обиженнымъ судьбой людямъ, горячее стремленіе къ чистымъ идеаламъ юности, живой, образный языкъ,—были отличительными чертами произведеній Ивановича и всякій отзывчивый читатель, разъ прочитавшій его, становился навсегда его другомъ.

Литературную дѣятельность И. И. Свѣдѣнцовъ началъ въ концѣ 60-хъ годовъ, но особенно развилъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, когда помѣщалъ въ столичныхъ журналахъ разсказы и повѣсти изъ народнаго быта. Послѣ нѣкотораго перерыва Свѣдѣнцовъ возобновилъ свою писательскую дѣятельность и въ 1890—1897 гг. вновь сталъ помѣщать свои разсказы въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ. Его произведенія печатались въ «Отеч. Зап.», временъ Салтыкова, «Вѣстн. Евр.», «Русской Мысли», Мірѣ Божьемъ» и пр., а затѣмъ изданныя отдѣльными книжками встрѣтили единодушно одобрительные отзывы критики. Если же, тѣмъ не менѣе, Свѣдѣнцовъ не составилъ себѣ громкаго имени въ литературѣ, то, главнымъ образомъ, потому, что занимался ею только урывками. Живя большею частью въ глухой провинціи, вдали отъ большихъ періодическихъ изданій, нуждаясь въ скоромъ заработкѣ, онъ былъ часто вынуждаемъ обстоятельствами бросать перо и браться за стороннюю работу: служилъ въ земствѣ и занимался статистикой, служилъ въ банкѣ и на желѣзной дорогѣ, давалъ уроки и пр. Возвращаясь къ литературѣ, онъ предавался иногда публицистической дѣятельности. Писалъ онъ статьи о текущихъ общественныхъ вопросахъ горячо, съ знаніемъ дѣла и съ запасомъ оригинальныхъ и всегда передовыхъ идей. Но публицистическія статьи все же не были настоящею сферой для проявленія всего его таланта, и онъ по преимуществу оставался беллетристомъ.

Въ послѣдніе годы Свѣдѣнцовъ большею частью жилъ въ Тифлисѣ. Двѣ недѣли назадъ онъ заболѣлъ кровоизліяніемъ изъ горла и кровохарканьемъ и, пролежавъ все время въ постели почти безъ сознанія, въ среду, 14-го марта, скончался на 59 году своей страдальческой и скитальческой жизни.

За мѣсяцъ. Высочайшимъ приказомъ отъ 24-го марта, даннымъ въ Царскомъ Селѣ, членъ государственнаго совѣта, г.-ад., числящійся по генеральному штабу, г.-инф. Ванновскій назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, при чемъ назначеніе это сопровождалось слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 25 марта на имя новаго министра:

«Петръ Семеновичъ. Правильное устройство народнаго образованія составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ русскихъ Государей, твердо, но постепенно стремившихся къ его усовершенствованію въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ, однако, на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя,

что я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію.

Высоко цѣня вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устройства русской школы и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія, твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе.

Да благословитъ Господь Наши труды; да помогутъ Намъ въ нихъ родители и семьи, ближайшимъ образомъ обязанные пещись о своихъ дѣтяхъ, и тогда скоро наступитъ время, когда Я и со Мною весь народъ будемъ съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть въ молодомъ поколѣніи твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Искренно уважающій Васъ

НИКОЛАЙ».

Намѣченная въ Высочайшемъ рескриптѣ программа дѣятельности обновленнаго министерства, въ составъ котораго, въ должности второго товарища министра, вошелъ сенаторъ т. с. Мѣщаниновъ, получила дальнѣйшее выраженіе въ слѣдующемъ «приказѣ» министра народнаго просвѣщенія отъ 2-го апрѣля.

«Державной волей Государя Императора я призванъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія; я приложу всѣ силы моего разумѣнія, чтобы оправдать высокое довѣріе Монарха и исполнить Высочайше возложенное на меня порученіе.

«Въ Высочайшемъ рескриптѣ, коимъ Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить меня въ 25 день марта сего года, указана въ краткихъ словахъ вся программа предстоящей мнѣ дѣятельности. Это: коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія.

«Точное и неуклонное исполненіе этой Высочайше предначертанной программы должно быть почитаемо священнымъ долгомъ подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій, при чемъ первая важнѣйшая часть программы—реформа учебнаго строя, къ чему, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ приступлено безотлагательно, во всякомъ случаѣ, потребуетъ для полнаго ея осуществленія извѣстнаго времени; вторая, не менѣе важная ея часть—внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія—всегда была ближайшею задачею учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; отнынѣ это поставляется ему въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность.

«Надѣясь, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе по ввѣренному мнѣ нынѣ министерству окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи Высочайше возложеннаго на меня порученія, я приглашаю ихъ къ совмѣстной, дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы; я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащейся молодежью и, независимо отъ преподаванія, споспѣшествовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія; я приглашаю родителей и семьи учащихся, путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей, помочь ввѣренному мнѣ министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основа воспитанія лежитъ въ семьѣ и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи; я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ правительства, вѣрить въ неустан-

ныя о ней попеченія, помнить свой долгъ. исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устройство русской школы и учебнаго дѣла.

«Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи мы, съ Божіею помощью, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго Монарха видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору его въ будущемъ.

«Министръ народнаго просвѣщенія
генералъ-адъютантъ *Ванновскій*».

Такъ долго и такъ систематически отстраняемое отъ вмѣшательства въ близкое ему дѣло устроительства русской школы общество поспѣшило откликнуться на обращенный къ нему призывъ, и этотъ живой сочувственный откликъ въ короткое время породилъ цѣлую литературу, посвященную вопросамъ просвѣщенія. Поскольку сейчасъ уже представляется возможнымъ разобраться въ тѣхъ многочисленныхъ указаніяхъ на недостатки существующей школы, какія сдѣланы въ печати, слѣдуетъ отмѣтить наиболѣе часто, наиболѣе единодушно повторяемый существенный деффектъ нашей школьной системы, отъ котораго всѣ остальные могутъ считаться производными. Мы говоримъ о томъ, что русская школа, низшая, средняя и высшая, давно уже является послушнымъ орудіемъ для проведенія черезъ ея посредство временныхъ и случайныхъ задачъ внутренней политики. Основная и даже единственная задача школы давно уже отошла на задній планъ, а вмѣсто этого она превратилась въ арену, на которой испытываютъ свою силу и вліяніе господствующія «вѣянія» даннаго момента. Учитель, профессоръ въ настоящее время—не жрецы чистой науки (ни таланта, ни знанія отъ нихъ и не спрашивается), а чиновники, которые могутъ послушно выполнять детально очерченную программу примѣнительно къ настроенію начальствующихъ лицъ.

Школа должна перестать служить орудіемъ для внутренней политики— вотъ первое, ясное формулированное желаніе, которое высказало призванное къ дѣятельности и критикѣ русское общество.

Между прочимъ, такъ какъ при данныхъ условіяхъ русская пресса, даже взятая во всей совокупности существующихъ ея органовъ, никоимъ образомъ не можетъ претендовать на отраженіе мнѣній и взглядовъ всего русскаго общества, то отсюда естественно выдвинулся вопросъ, какими же, собственно, путями можетъ общество принять участіе въ дѣлѣ устроительства русской школы, разъ объ этихъ путяхъ ни слова не сказано ни въ Высочайшемъ рескриптѣ, ни въ «приказѣ» министра народнаго просвѣщенія? Пока вопросъ этотъ служитъ предметомъ оживленнаго газетнаго обсужденія, въ отдѣльныхъ органахъ нашей общественной самодѣятельности—въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, въ обществахъ,—онъ находитъ уже практическій отвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ управахъ готовятся уже, по слухамъ, доклады по этому поводу, а въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ сообщаетъ «Новое Время», гласный нижегородской думы А. В. Баулинъ въ засѣданіи 12-го апрѣля сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «Въ настоящее время, когда, по волѣ Монарха, приступлено къ коренному переустройству учебнаго строя, думѣ, какъ представительницѣ интересовъ общества, надлежитъ высказать свои пожеланія о тѣхъ измѣненіяхъ въ строѣ современной школы, какія дума, по долгу опыта и всестороннему уясненію, считаетъ необходимымъ для правильной постановки дѣла воспитанія и образованія подрастающаго поколѣнія. Въ докладной запискѣ, оглашенной затѣмъ въ думѣ, гласный Баулинъ предлагаетъ думѣ возбудить слѣдующія ходатайства: 1) объ измѣненіи строя учебныхъ заведеній въ смыслѣ приведенія во взаимную связь школъ низшаго, средняго и высшаго порядка;

2) объ измѣненіи программы преподаваемыхъ предметовъ въ средней школѣ въ цѣляхъ дать общее законченное образованіе, соотвѣтствующее русской жизни, съ усиленіемъ программы по отечественной исторіи, русской словесности, введеніе изученія основныхъ понятій по естествознанію и отечественному законовѣдѣнію; 3) о сокращеніи числа лѣтъ обязательнаго курса средне-учебныхъ заведеній въ цѣляхъ доставленія возможности юношеству вступать въ жизнь въ болѣе раннемъ, чѣмъ нынѣ, возрастѣ, что желательно въ виду того, что долгіе годы обученія ложатся тяжелымъ бременемъ на семьи, тяжелы и для государства; 4) о желательности постепеннаго и неуклоннаго учрежденія, соотвѣтственно мѣстнымъ нуждамъ, сѣти низшихъ профессіональныхъ школъ для прошедшихъ соотвѣтственный курсъ обученія, и большей спеціализаціи школъ высшаго порядка и 5) о желательности для большаго единенія и связи школы съ семьей, введенія въ составъ педагогическихъ совѣтовъ средне-учебныхъ заведеній представителей общественныхъ учрежденій».

Всѣ эти предложенія дума приняла съ большимъ сочувствіемъ и постановила обсудить ихъ въ первое же засѣданіе.

Хлѣбные ломбарды.

(Письмо изъ Вятки).

Задачей хлѣбныхъ ломбардовъ является возможное урегулированіе хлѣбной торговли и ссудной операціи подъ хлѣбъ.

Хлѣбная торговля у насъ вообще въ Россіи и въ частности въ Вятской губерніи для производителя-крестьянина совершается при крайне обременительныхъ условіяхъ, и крестьяне несутъ при продажѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ большія потери. Масса посредниковъ, а въ послѣдніе годы хлѣбныхъ конторъ чуть ли не въ каждомъ селѣ; возмутительные по наглости пріемы этихъ крестьянскихъ благодѣтелей при покупкѣ хлѣба (обмѣриваніе, обвѣшиваніе и проч.); абсолютное отсутствіе надзора администраціи за этой торговлей на базарахъ, ярмаркахъ,—все это достаточно извѣстно. Далѣе, статистическими изслѣдованіями установлено, что крестьяне, кромѣ излишка хлѣба, продаютъ обычно, въ виду потребностей по уплатѣ податей и удовлетворенія собственныхъ нуждъ въ осеннее время, очень значительную часть необходимаго имъ самимъ хлѣба какъ для продовольствія, такъ и для обсѣмененія яровыхъ полей; зимою же и весной сами его покупаютъ. Но такъ какъ у крестьянъ въ это время денегъ не имѣется, то онъ вынуждается ихъ занимать у «благодѣтелей» за «божескіе» проценты (50—60—100). Изъ сельскохозяйственныхъ обзоровъ губернскаго вятскаго земства видно, что ежегодно изъ Вятской губерніи вывозится за предѣлы губерніи по среднимъ годовымъ цѣнамъ за 5 лѣтъ: ржи на сумму—687.960 руб. и овса—на 2.009.700 р., а всего на 2.697.000 руб. Принимая, что посредники взимаютъ при торговлѣ хлѣбомъ лишь 20% (въ дѣйствительности же значительно больше), то при этой одной операціи крестьяне лишаются 539 тысячъ рублей. Что же касается до потерь, которыя несетъ крестьянство отъ осенней продажи необходимаго имъ самимъ хлѣба и который они же сами покупаютъ весной у кулаковъ, для Вятской губерніи статистическихъ данныхъ по этому вопросу нѣтъ. Но, судя по величинѣ процентовъ, которые платитъ крестьянинъ за весенніе и зимніе займы на покупку нужнаго хлѣба и которые достигаютъ 50 и 60 % и болѣе, населеніе Вятской губерніи при операціяхъ продажи и залога хлѣба у частныхъ мѣстныхъ кулаковъ несетъ убытки, во всякомъ случаѣ превышающіе *милліонъ рублей ежегодно*!...

На такое печальное положеніе вещей вятское губернское земство, издавна стяжавшее себѣ заслуженную извѣстность за широту и планомѣрность своихъ мѣропріятій съ цѣлью поднятія экономическаго и образовательнаго положенія ввѣреннаго его попеченію населенія, не могло не обратить вниманія и не придти на помощь населенію въ дѣлѣ улучшенія условій сбыта и залога хлѣбныхъ продуктовъ.

На устройство хлѣбныхъ ломбардовъ губернское земство натолкнулось еще въ 1891-мъ голодномъ году. Мѣрой этой предполагалось избавить отъ убытковъ населеніе, осенью продающее за безцѣнокъ хлѣбъ и весной его покупающее, а также и дать заработокъ пострадавшему отъ неурожая населенію при постройкѣ многочисленныхъ амбаровъ-ломбардовъ. Земство предполагало въ болѣе важныхъ пунктахъ уѣзда покупать у крестьянъ хлѣбъ и принимать на храненіе, выдавая крестьянину подъ него деньги по базарной цѣнѣ. Зимой или весной хлѣбъ этотъ ими выдается обратно крестьянамъ, или же по желанію продается и собственникъ его получаетъ всю разность въ цѣнѣ за вычетомъ извѣстнаго процента за операцію по пріему и храненію хлѣба. Такъ что всѣ деньги, попадающія обычно многочисленнымъ ростовщикамъ «благодѣтелямъ», сберегались бы въ карманѣ мужика. Но и помимо мужика само земство имѣло бы пользу отъ этихъ операцій. У насъ земство ежегодно выдаетъ населенію изъ земскаго продовольственнаго капитала ссуды на продовольствіе или обсѣмененіе полей, причемъ съ каждымъ годомъ все больше и больше. Для этого земство скупаетъ хлѣбъ у ростовщиковъ за высокую цѣну и нерѣдко плохой. Отсюда земскій продовольственный капиталъ истощается и задолженность населенія растетъ. Если же земство будетъ скупать хлѣбъ осенью, то весной оно можетъ его выдавать нуждающимся по цѣнѣ покупной, ниже вольной весенней, да и качество хлѣба было бы выше. А это обязательно должно уменьшить спросъ на ростовщическій хлѣбъ, а слѣдовательно и понизить цѣну на него.

Для храненія хлѣба земство проектировало построить громадные амбары, до 200 тыс. пудовъ хлѣба каждый, по 4—5 на каждый изъ 11 уѣздовъ. Потребную на это сумму—1 милліонъ руб.—земское губ. собраніе просило у правительства заимообразно на 20 лѣтъ.

Но до сихъ поръ отвѣта на это ходатайство не получено... Въ 1892 г. губернское земство (собраніе) признало полезнымъ устройство маленькихъ ломбардовъ по типу крестецкаго земства Новгородск. губ. по одному на уѣздъ, ассигновавъ 33 тысячи руб. и 2 большихъ, по 50 тыс. пуд. каждый, въ Глазовскомъ и Нолинскомъ уѣздахъ, прося правительство отпустить 75 тыс. Въ 1893 году хлѣбные ломбарды открыты были въ 5 уѣздахъ: Яранскомъ, Орловскомъ, Малмыжскомъ, Нолинскомъ и Уржумскомъ, причемъ на операціи имъ выданы были ссуды: Нолинской управѣ—6 тыс. р., Яранской—3 т. р., Орловской—3 т. р., Уржумской—3 т. р. и Малмыжской—5 т. р.; всего же—20 тыс. руб. Кромѣ того, губернское собраніе сессіи 1894 г. уполномочило губернскую управу на посредничество по ссудамъ изъ государственнаго банка на сумму до 200 тыс. руб. Въ 1895 г. кредитъ на операціи хлѣбныхъ ломбардовъ былъ увеличенъ на 20 тыс. спеціально для Нолинскаго уѣзда, и опредѣленъ былъ максимальный срокъ пользованія кредитами для уѣздныхъ земствъ въ 3 года. Въ очередную сессію того же года собраніе отпустило на усиленіе фонда хлѣбныхъ ломбардовъ по Нолинскому уѣзду еще 20 тыс. руб. А въ 1898 году увеличенъ былъ кредитъ на 10 тыс. руб. орловскому земству. Такимъ образомъ на указанныя операціи 1898—1899 (съ авг. по сент.) ассигновка губернскаго земства простиралась до 83 тыс. руб. Операціи по всѣмъ почти ломбардамъ шли удовлетворительно. За 6 лѣтъ было принято въ ломбарды озимаго и ярового хлѣба—262.697 пуд. на сумму 74.675 руб.; взято обратно 217.989 пуд. на сумму—61.470 руб. и продано невыкупленнаго хлѣба

40.571 пудъ на сумму 14.292 руб. Разсматривая таблицу дѣятельности хлѣбныхъ ломбардовъ въ губерніи за этотъ 6-ти-лѣтній періодъ со времени ихъ открытія оказывается, что нѣкоторые уѣзды расширяютъ свои операціи (Орловскій, Нолинскій), другіе же совсѣмъ прекращаютъ, не смотря на безусловную пользу для крестьянъ—производителей этого рода помощи со стороны земства и безубыточность для земской кассы. Такъ что въ 1899—1900 году хлѣбозалоговыя операціи велись лишь въ двухъ уѣздахъ: Орловскомъ и Нолинскомъ. Въ первомъ хлѣбные ломбарды устроены въ селахъ Великорѣцкомъ и Верхошижемскомъ. По обоимъ ломбардамъ принято въ залогъ 11.027 пуд. 35 ф. разныхъ хлѣбовъ и выдано ссудъ 3.608 руб. 50 коп. 793 домохозяевамъ. Хлѣбъ принимался подъ залогъ по цѣнѣ по 5 коп. въ пудѣ ниже рыночной, а также взималось процентовъ по 1 коп. за рубль въ мѣсяцъ и $^1/_4$ коп. съ пуда за храненіе. Выкуплено изъ ломбардовъ 10.607 пуд. 6 ф. на сумму 3.474 р. 61 коп. 380 пуд. 33 ф. невыкупленнаго 39 заемщиками хлѣба продано съ торговъ. Ломбарды получили отъ этой годовой операціи чистой прибыли 231 р. 77 коп., которая была выдана въ видѣ награды завѣдующимъ ломбардами. Въ Нолинскомъ уѣздѣ 4 хлѣбныхъ ломбарда: въ сс. Богородскомъ, Нѣмскомъ, Татауровскомъ и Чураковскомъ земскомъ имѣніи. Въ 1899—1900 г. всѣми ломбардами принято хлѣба подъ залогъ—33.248 пуд. 28 ф., ссудъ выдано 9.245 р. 57 к. Величина ссудъ опредѣляется цѣною хлѣба на Медвѣдской пристани со скидкой 3-хъ копѣекъ съ пуда. а за храненіе и страхованіе удерживается 2 коп. съ пуда. Выкуплено во всѣхъ 4 ломбардахъ—30.849 пуд. 1 ф. на 8.479 р. 80 к. Продано съ торговъ невыкупленнаго хлѣба 2.340 пуд. 22 ф. за 1.049 р. 47 к. и осталась на складахъ и зачислено собственностью ломбардовъ 1.327 пуд. 10 ф. ржи заложенной въ 471 р. 76 коп. (1 пуд.—35 коп.). Что касается до управъ Малмыжской и Уржумской то за прошлый годъ у нихъ ломбарды не оперировали. Причемъ послѣдняя управа прекращеніе пріема залоговъ объяснила смертью земскаго начальника, надзиравшаго за операціями и отвѣчавшаго за цѣлость суммъ выдаваемыхъ губ. земствомъ. Не смотря на сокращеніе хлѣбозалоговыхъ операцій въ губерніи, послѣднее очередное земское собраніе XXXIV сессіи нашло возможнымъ общій кредитъ на эти операціи въ 1900—1901 году разрѣшить въ суммѣ 63 тыс. и обратить болѣе вниманіе уѣздныхъ земствъ на это дѣло. Какая же причина мѣшаетъ или задерживаетъ развитіе хлѣбозалоговыхъ операцій въ уѣздныхъ земствахъ Вятской губерніи? невольно спроситъ читатель пробѣжавъ нашъ краткій очеркъ исторіи хлѣбныхъ ломбардовъ.

Отвѣтъ на этотъ важный вопросъ даетъ Вятская губернская управа въ своемъ докладѣ губернскому собранію сессіи XXXIII. Она полагаетъ и совершенно, замѣтимъ, справедливо, что успѣхъ такого серьезнаго дѣла не можетъ и не долженъ зависѣть отъ взглядовъ на эти операціи уѣздныхъ земствъ, одни изъ которыхъ считаютъ эти операціи полезными, другія же излишними. Кто близко стоитъ къ земствамъ Вятской губерніи, прекрасно знаетъ, что съ новымъ земскимъ положеніемъ (1890 г.) составъ гласныхъ земскихъ собраній въ большинствѣ представляютъ зажиточные кулаки подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя уѣзднаго съѣзда, человѣка чужого, въ мѣстныхъ дѣлахъ мало освѣдомленнаго и даже при всемъ своемъ благорасположеніи къ рядовому крестьянину, не могущему ничего сдѣлать въ силу дружнаго отпора означенныхъ кулаковъ. А имъ, конечно, никакихъ ни ломбардовъ, ни хлѣбныхъ ссудъ не надо. И вотъ въ уѣздахъ сплошь и рядомъ вездѣ въ губерніи массы конторъ русскихъ скупщиковъ и заграничныхъ (Дрейфусъ и др.) по селамъ и деревнямъ, пріобрѣтающихъ крестьянскій хлѣбъ по баснословно низкой цѣнѣ, и въ то же время земства открывать хлѣбные ломбарды и вести хлѣбозалоговыя операціи отказываются. Губернская управа полагаетъ, что все дѣло должна вѣдать сама

губернская управа чрезъ довѣренныхъ и подотчетныхъ ей лицъ, какъ то принято въ тверскомъ земствѣ. Однако вопросъ этотъ окончательно не разработанъ и дѣло это находится и по сейчасъ въ прежнемъ положеніи, въ которомъ элементъ случайности игралъ до сихъ поръ видную роль. **Вятичъ.**

Изъ русскихъ журналовъ.

Культъ Ницше. За послѣдній мѣсяцъ въ журналахъ находимъ двѣ статьи, посвященныя Ницше. Одна составляетъ переводъ очерка, написаннаго сестрой философа, подъ заглавіемъ «Какъ возникъ Заратустра», («Жизнь», мартъ). Другая, подъ иниціалами А. Г., на основаніи перваго тома переписки Ницше, пытается начертать его духовный образъ. Обѣ статьи проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ—идеализированія личности философа, съ тою, впрочемъ, разницею, что у сестры поклоненіе брату переходитъ мѣру реальности и граничитъ съ почти религіознымъ обоготвореніемъ; у г. А. Г. образъ Ницше тоже утрачиваетъ реальныя черты, только не для того, чтобы обратиться въ полу бога, а для того, чтобы стать идеальнымъ существомъ, обладающимъ всѣми свойствами и великаго ума, и великаго сердца. Обратимся къ первой статьѣ. Г-жа Ферстеръ-Ницше съ благоговѣніемъ вспоминаетъ, при какихъ обстоятельствахъ возникали отдѣльныя главы Заратустры, стараясь не упустить ни одной мелочи. Въ ея изображеніи Заратустра является новымъ евангеліемъ, творецъ его—вдохновеннымъ геніемъ, а процессъ творчества—какимъ-то откровеніемъ. Очень возможно, что въ данномъ случаѣ сестра подпала вліянію брата, этому тону самоопьяненнаго величія и мистическаго самообожанія, въ которомъ онъ послѣдніе годы говорилъ о себѣ и своихъ твореніяхъ. Приведемъ, напр. отрывокъ изъ его воспоминаній, гдѣ онъ описываетъ то настроеніе, въ которомъ создавался Заратустра: «Имѣетъ ли кто-нибудь, въ концѣ XIX столѣтія, ясное понятіе о томъ, что поэты болѣе сильныхъ эпохъ называли вдохновеніемъ? Сохраняя хотя бы малѣйшую вѣру въ себя, едва ли можно было тогда отказаться отъ представленія о себѣ, какъ объ орудіи или средостѣніи для проявленія сверхъестественной силы. Понятіе «откровеніе»—въ томъ смыслѣ, что нѣчто внезапно, съ неописуемой очевидностью и ясностью становится осязаемымъ для слуха и зрѣнія, что нѣчто ввергаетъ васъ въ глубокія бездны,—это понятіе передаетъ вкратцѣ сущность дѣла. Слышишь—и не ищешь; берешь—и не справляешься, кто даетъ; мысль, какъ мнѣнія, въ силу какой-то необходимости, безпрепятственно облекается въ форму; мнѣ никогда не приходилось выбирать. Восторгъ, чудовищное напряженіе котораго выливается иногда въ потокѣ слезъ, то стремительномъ, то медленномъ; полное пребываніе внѣ себя съ отчетливымъ сознаніемъ безграничнаго страха и чрезмѣрнаго напряженія организма... Все происходитъ въ высшей степени непроизвольно, какъ бы въ вихрѣ чувства свободы, вдали отъ условности, власти и божества» и т. д. Эти строки написаны въ 1888 году, уже незадолго до окончательнаго заболѣванія, когда это напряженно-восторженное состояніе, создававшее передъ тѣмъ художественные парадоксы стало создавать безсвязный бредъ. Посмотримъ теперь, какъ Ницше въ письмахъ и воспоминаніяхъ гипнотизировалъ сестру сознаніемъ своего величія. «Зиму 1882—1883 года я провелъ близь Генуи... Здоровье мое было неважно; зима была холодная и слишкомъ дождливая... прибой волнъ мѣшалъ спать по ночамъ... Не смотря на все это и отчасти въ подтвержденіе моего взгляда, что все выдающееся возникаетъ «несмотря на препятствія»,—этою зимою и при неблагопріятныхъ условіяхъ возникъ Заратустра». Слѣдующая фраза характеризуетъ, въ какой степени въ отношеніяхъ къ сестрѣ онъ ставилъ себя центромъ и цѣлью: «Хорошо, что въ Римѣ мы были вмѣстѣ; хотя я и принадлежу

къ сравнительно молчаливымъ людямъ, но все-таки ты достаточно слушала меня и могла догадаться о томъ, что происходитъ со мной». Внушеніе достигло своей цѣли: сестра вполнѣ прониклась сознаніемъ о недосягаемомъ величіи брата и о своемъ собственномъ ничтожествѣ; «онъ зналъ,—пишетъ она,—какъ далеки были мы, самые близкіе ему, отъ дѣйствительнаго пониманія его и его задачи». Описавъ точно мѣстность, обстановку, самочувствіе брата при созданіи трехъ книгъ Заратустры. г-жа Ферстеръ заканчиваетъ слѣдующей торжественной фразой: «Возникновеніе четвертой части Заратустры есть явленіе, еще ожидающее своей исторіи».

Г-нъ А. Г., какъ мы уже сказали, по письмамъ Ницше характеризуетъ постепенную эволюцію его личности. Дѣйствительно, для опредѣленія философскихъ воззрѣній Ницше переписка должна дать важный матеріалъ: обстоятельства жизни, отношенія къ людямъ, вообще вся область субъективныхъ чувствованій, въ силу эмоціональности и импульсивности его натуры, должна была часто служить рѣшающимъ моментомъ въ поворотахъ его теоретической мысли. Впрочемъ, г. А. Г. не задается претензіей дать комбинированную исторію жизни и творчества философа,—онъ имѣетъ въ виду пока лишь познакомить съ его перепиской, ярко отражающей личность. Нѣмецкіе критики отмѣтили разницу въ тонѣ писемъ, адресованныхъ къ разнымъ лицамъ, какъ будто Ницше примѣнялся къ характеру и вкусамъ своихъ корреспондентовъ, и даже былъ поставленъ вопросъ, въ какой степени сознательно Ницше принималъ ту или другую позу. Правда, сложность и многосторонность его личности въ значительной степени покрываетъ эти сомнѣнія, но, безспорно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ его письма приходится читать между строкъ. Русскій критикъ, вслѣдствіе безграничнаго почтенія къ нѣмецкому философу, далекъ отъ этихъ наблюденій и сомнѣній.

Въ первыхъ письмахъ Ницше рисуется типичнымъ нѣмецкимъ студентомъ-филологомъ, усердно работающимъ надъ греческими классиками, а въ политикѣ поклоняющимся Бисмарку; правда, въ это же время завязывается его тяготѣніе къ Шопенгауэру, интересъ къ музыкѣ и увлеченіе Шпильгагеномъ. Однако уже въ этотъ ранній періодъ, несмотря на всю типичность студента Ницше, у него прорываются протестующія ноты, столь характерныя для его позднѣйшаго міровоззрѣнія. «Истина рѣдко живетъ тамъ, гдѣ ей воздвигнуты храмы и приставлены къ ней жрецы... Мы должны пользоваться нашей судьбой съ опредѣленнымъ намѣреніемъ, ибо сами по себѣ событія—пустая шелуха»... Въ слѣдующемъ отрывкѣ выражается и сильный подъемъ чувствъ, и первые проблески протеста противъ условности. «Буря разразилась съ страшной силой, а я чувствовалъ необычайный подъемъ духа; я понялъ, что мы тогда лишь можемъ понять природу, когда должны бѣжать къ ней отъ нашихъ заботъ и тяготъ. Какъ ничтоженъ показался мнѣ человѣкъ и его безпокойныя стремленія; какъ ничтожно вѣчное «ты долженъ», «ты не долженъ!» «Какъ безконечно далеки отъ этого молнія, звѣзды, градъ: свободныя силы безъ этики!» Затѣмъ Ницше былъ приглашенъ профессоромъ греческой словесности въ базельскій университетъ. «Не только дѣльныхъ филологовъ мечтаю я «выводить»,—пишетъ онъ по этому поводу,—поколѣніе учителей современности, забота о грядущемъ поколѣніи—вотъ что паритъ въ моей душѣ». Во время франко-прусской войны, поддавшись патріотическому одушевленію, Ницше ухаживаетъ за ранеными, но когда угаръ національнаго ликованія прошелъ, онъ выражаетъ опасеніе, какъ бы изъ-за этихъ внѣшнихъ успѣховъ не пострадала внутренняя культура Германіи. Дальнѣйшія письма отражаютъ его работу надъ «освобожденіемъ своего духа»; онъ называетъ себя человѣкомъ, «который ничего больше не желаетъ, какъ ежедневно терять какую-нибудь успокаивающую вѣру, который въ этомъ ежедневно возрастающемъ освобожденіи духа ищетъ и находитъ свое

счастье. Быть можетъ, мысль моя *хочетъ* быть болѣе свободной, чѣмъ это *возможно* для меня». Приводя письма къ любимой женщинѣ, авторъ приходитъ въ умиленіе отъ поразительной «нѣжности», которою дышатъ эти письма. «Онъ всей душой прилѣпляется къ людямъ; онъ любитъ дѣтей, животныхъ, природу—и обо всемъ этомъ умѣетъ говорить съ особенною мягкостью. Ницше, заказывающій два фунта финиковъ для маленькаго Зигфрида Вагнера, Ницше, съ увлеченіемъ разсказывающій въ письмѣ пріятелю, какъ на прогулкѣ ему пришлось случай новидѣть, какъ козочка разрѣшилась отъ бремени—вотъ особый Ницше—быть можетъ, бросающій свѣтъ на того, котораго мы знали». Очевидно, Ницше даетъ немного такихъ фактовъ, какъ «два фунта финиковъ», что они такъ растрогали его русскаго почитателя: подъ вліяніемъ этихъ немногихъ фактовъ критикъ готовъ забыть и простить философу многое противоположное. Въ этотъ первый періодъ Ницше еще иногда выражается о себѣ скромно: «Видитъ небо, вы найдете очень простого человѣка, имѣющаго о себѣ совсѣмъ не высокое мнѣніе». Но съ середины 70-хъ годовъ мысли о великомъ призваніи, о его исключительныхъ силахъ, о необъятномъ подвигѣ жизни, требующемъ отчужденія отъ друзей и полнаго, гордаго одиночества—эти мысли все болѣе овладѣваютъ философомъ. «До сихъ поръ никто не имѣлъ достаточно мужества и пониманія, чтобы *открыть* меня любезнѣйшимъ нѣмцамъ: мои проблемы новы, мой психологическій горизонтъ обширенъ до ужаса, мой языкъ—языкъ смѣлый и нѣмецкій; быть можетъ, нѣтъ нѣмецкихъ книгъ, болѣе содержательныхъ и самостоятельныхъ, чѣмъ мои». Онъ готовъ даже физическія особенности считать печатью исключительности: «замѣтилъ ли ты, какія у меня поразительно маленькія уши?» «Возможно, что я первый философъ нашей эпохи—быть можетъ даже нѣсколько болѣе: нѣчто рѣшающее и роковое, стоящее на грани между двумя тысячелѣтіями»... «О моемъ Заратустрѣ я полагаю, что это глубочайшее произведеніе, какое существуетъ на нѣмецкомъ языкѣ; совершеннѣйшее также и по отношенію къ языку»... «Я думаю, что по богатству психологическаго опыта, по безстрашію передъ самымъ опаснымъ, по возвышенной свободѣ духа мои книги—произведенія первоклассныя. Что касается искуства изложенія и художественныхъ требованій, я не боюсь никакихъ сравненій». Многія мѣста изъ писемъ Ницше поразительно напоминаютъ Гоголя времени «Переписки съ друзьями»: повидимому, и тотъ, и другой не обладали спокойнымъ, самодовлѣющимъ талантомъ, но были подвержены какимъ-то стихійнымъ наитіямъ вдохновенія, порывамъ творческаго экстаза. Объективно такое состояніе было предвѣстіемъ психической болѣзни, субъективно, оно давало сознаніе своей исключительности, орудія Провидѣнія, «избраннаго сосуда»—у Гоголя, и необычайной, сверхъ естественной геніальности, стоящей внѣ времени и пространства,—у Ницше.

Герценъ и Тургеневъ (1849—1862). Подъ такимъ заглавіемъ г. *В. Б.* печатаетъ въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» (№№ 2, 3, 4) извлеченія изъ переписки Тургенева съ Герценомъ, сопровождая ихъ комментаріями и выдержками изъ мало извѣстныхъ статей Герцена. Приведенныя письма взяты авторомъ изъ заграничнаго изданія 1892 г. «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену», сдѣланнаго Драгомановымъ. Эта переписка представляетъ большой интересъ для изученія и лицъ и отношеній того времени, но разсѣянныя въ ней блестки остроумія, мѣткіе отзывы, характерный тонъ,—однимъ словомъ, все, что даетъ впечатлѣніе непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью и людьми, не поддается передачѣ въ сжатомъ видѣ. Поэтому мы предпочитаемъ извлечь изъ упомянутой статьи отрывокъ изъ одной работы Герцена («Апогей и Перигей»), не вошедшей въ полное собраніе его сочиненій. Герценъ вспоминаетъ въ ней первый періодъ изданія «Колокола», начатаго въ 1857 г. Извѣстно, что «Колоколъ», помимо публицистическаго таланта редактора, поражалъ удивительною освѣдомленностью о самыхъ сокровенныхъ и закулисныхъ событіяхъ русской

жизни. Это объясняется тѣмъ, что сотрудниками его были такіе люди, какъ Тургеневъ, Кавелинъ, Мельгуновъ, И. С. Аксаковъ, Самаринъ, Кошелевъ, Головнинъ, Бѣлоголовый, В. П. Боткинъ и мн. др., черпавшіе свои свѣдѣнія изъ самыхъ непосредственныхъ источниковъ. «Ни страшная даль, —пишетъ Герценъ о первыхъ годахъ изданія,—въ которой я жилъ отъ Вестъ-Энда... ни постоянно запертыя двери по утрамъ, — ничего не помогало. Мы были въ модѣ. Кого и кого мы ни видали тогда! Какъ многіе дорого заплатили бы теперь, чтобы стереть изъ памяти, если не своей, то людской, свой визитъ... Но тогда, повторяю, *мы были въ модѣ*... Такъ было отъ 1857 до 1863 г., но прежде было не такъ. По мѣрѣ того, какъ расла послѣ 1848 г. и утверждалась реакція въ Европѣ и особенно въ Россіи, русскіе начали избѣгать меня и побаиваться... Путешественниковъ тогда было очень мало. Изрѣдка являлся кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, разсказывалъ страшныя, уму непостижимыя вещи, съ ужасомъ говорилъ о возвращеніи и исчезалъ, осматриваясь, тѣтъ ли соотечественника... Проходили недѣли, мѣсяцы... Ни звука русскаго, ни русскаго лица.

«Писемъ ко мнѣ никто не писалъ. М. С. Щепкинъ былъ первый, сколько-нибудь близкій человѣкъ *изъ дома*, съ которымъ я увидался въ Лондонѣ. Его пріѣздъ былъ для меня чѣмъ-то вродѣ родительской субботы, мы справляли съ нимъ поминки всему московскому, и самое настроеніе обоихъ было какое-то похоронное. Настоящимъ голубемъ ковчега, съ масличной вѣтвью во рту, былъ не онъ, а докторъ В—скій. Онъ былъ первый русскій, пріѣхавшій къ намъ послѣ смерти императора Николая... Вѣсти, привезенныя Щепкинымъ, были мрачны, онъ самъ былъ въ печальномъ настроеніи. В—скій смѣялся съ утра до вечера, показывая бѣлѣйшіе зубы; вѣсти его были полны той надежды, того «сангвинизма», какъ говорятъ англичане, который овладѣлъ Россіей.

«Съ какою жадностью слушалъ я его разсказы, переспрашивалъ, добиваясь подробностей... И не знаю, зналъ ли онъ тогда, или оцѣнилъ ли послѣ то безмѣрное добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ? Три года лондонской жизни утомили меня. Работать, не видя близкаго плода, тяжело, къ тому же, я слишкомъ разобщенно стоялъ со всякой родственной средой. Печатая листъ за листомъ и ссыпая груды отпечатанныхъ брошюръ и книгъ въ подвалы Трюбнера (лондонскаго книгопродавца), я почти не имѣлъ возможности переслать что-нибудь за русскую границу. Не продолжать я не могъ,—русскій станокъ былъ для насъ дѣломъ жизни, доской изъ отчаго дома, который переносили съ собой древніе германцы,—съ нимъ я жилъ въ русской атмосферѣ, съ нимъ я былъ вооруженъ. Но при всемъ томъ глухо пропадавшій трудъ утомлялъ, руки опускались. Вѣра слабѣла минутами и искала знаменій, и не только ихъ не было, но не было *ни одного слова* сочувствія изъ дома.

«Съ крымской войной, со смертью имп. Николая настаетъ другое время, изъ-за сплошного мрака выступали новыя массы, новые горизонты, чуялось какое-то движеніе... Дѣйствительно, наставало *утро* того дня, къ которому стремился я съ тринадцати лѣтъ...

«Какой же тутъ покой и сонъ... За дѣло! И за дѣло я принялся съ удвоенными силами. Работа не пропадала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ, громкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. «Полярная Звѣзда» читалась нарасхватъ.

«Весной 1856 года пріѣхалъ Огаревъ, годъ спустя вышелъ первый листъ «Колокола». Безъ довольно близкой періодичности нѣтъ настоящей связи между органомъ и средой... Дѣйствительно, вліяніе «Колокола» въ одинъ годъ далеко переросло «Полярную Звѣзду». «Колоколъ» въ Россіи былъ принятъ отвѣтомъ на потребность органа, не искаженнаго цензурными условіями. Горячо привѣтствовало насъ молодое поколѣніе, были письма, отъ которыхъ слезы навертывались на глаза... Но и не одно молодое поколѣніе поддержало насъ...

«Колоколъ»—*власть*, говорилъ мнѣ въ Лондонѣ—horribile dictu!—Катковъ и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу...

«На меня обрушился ливень писемъ и корреспонденцій изъ всѣхъ частей Россіи. Всякій писалъ, что попало,—одинъ, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя увѣрить, что онъ опасный человѣкъ... Но были письма, писанныя въ порывѣ негодованія, страстные крики, въ обличеніе ежедневныхъ мерзостей»...

О встрѣчѣ Чернышевскаго съ Герценомъ и о взаимныхъ впечатлѣніяхъ авторъ приводитъ разсказъ Павлова.

«Удивительно умный человѣкъ,—сказалъ Герценъ о Чернышевскомъ,—и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе. Вѣдь онъ увѣренъ, что «Современникъ» представляетъ изъ себя пупъ Россіи. Насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили. Ну, только, кажется, ужъ очень они торопятся съ нашей отходной,—мы еще поживемъ!

— «Какой умница! какой умница!—восклицалъ, въ свою очередь, Чернышевскій.—И какъ отсталъ... Вѣдь онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ салонахъ и препирается съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ съ страшной быстротой: одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ! Присмотришься, у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ!»

Высочайшій рескриптъ 25 марта. Въ «Правѣ» (№ 14) находимъ прекрасный откликъ на знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта,—откликъ, сжато и сильно выражающій и общественное настроеніе послѣднихъ мѣсяцевъ и ожиданія, вызванныя рескриптомъ. «Рескриптъ 25 марта—политическій актъ огромной, чрезвычайной важности». Назначеніе генералъ-адъют.-Ванновскаго само по себѣ уже является программой, предопредѣляющей дѣятельность новаго министерства, ибо это назначеніе не можетъ не быть поставлено въ связь съ тѣмъ «всестороннимъ изслѣдованіемъ» студенческихъ волненій, которое было произведено ген. адъют. Ванновскимъ въ 1899 г. и которое, по глубокому убѣжденію общества, выяснило совершенную несостоятельность нашего университетскаго строя и необходимость коренной его реформы. «Вмѣстѣ съ тѣмъ общество убѣждено, что послѣдующая политика исключительной репрессіи не только не продиктована упомянутымъ изслѣдованіемъ, но наоборотъ, въ большей или меньшей степени шла въ разрѣзъ съ основными его выводами». Но помимо личности новаго руководителя министерства, будущая министерская политика точно намѣчается въ немногихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ и категорическихъ словахъ Высочайшаго рескрипта. Въ дѣло воспитанія русскаго юношества будутъ внесены умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указывая на «существенные недостатки нашего учебнаго строя», Высочайшій рескриптъ тѣмъ самымъ смягчаетъ вину учащейся молодежи. Сердечное отношеніе къ виновнымъ и пострадавшимъ можетъ внести миръ въ сердца молодежи, томящейся въ безысходныхъ противорѣчіяхъ. Житейской опытъ учитъ насъ той неоспоримой истинѣ, что часто тамъ, гдѣ репрессія безсильна, милость оказывается всемогущей. Сотни и тысячи молодыхъ людей выбиты изъ строя академической жизни примѣненіемъ механически-прямолинейной репрессіи. Мѣры, принимавшіяся въ послѣднее время для прекращенія студенческихъ волненій, доказали уже на практикѣ свою полную несостоятельность. «Отмѣна этихъ мѣръ явилась бы блистательнымъ доказательствомъ увѣреннаго въ самомъ себѣ могущества власти, ибо только замаскированное безсиліе боится уступокъ: истинной силѣ онѣ не страшны». Далѣе особенно важно то, что съ высоты престола указано на существенные недостатки нашего учебнаго строя и признана необходимость *безотлагательно* приступить къ *коренному* его пересмотру и исправленію, къ обновленію и устроительству русской школы. Реформа должна быть коренной. Она должна коснуться

основъ какъ высшей, такъ и средней школы. Обращаясь къ настоящему университетскому уставу, авторъ указываетъ на основной, по его мнѣнію, недостатокъ этого устава, являющійся источникомъ всего вообще настроенія нашей академической жизни. «Уставъ 1884 года обезличилъ и обезсилилъ профессорскую коллегію; онъ лишилъ ее всякой самостоятельности, всякой возможности нравственнаго воздѣйствія на учащуюся молодежь. Современный университетъ построенъ исключительно на бюрократическомъ началѣ... Назначаемые и увольняемые канцеляріей, зависящіе отъ нея на каждомъ шагу своей дѣятельности, профессора утратили весь свой нравственный авторитетъ въ глазахъ студентовъ. Университетскій совѣтъ лишенъ права, безъ спеціальнаго порученія министерства, обсуждать и принимать какія бы то ни было мѣры, направленныя къ нравственному воздѣйствію на учащихся. Онъ вовсе молчитъ или говоритъ съ чужого голоса не то, что онъ долженъ, и не такъ, какъ онъ долженъ говорить... Независимость служебнаго положенія профессоровъ и самостоятельность университетскихъ коллегій подниметъ нравственный и научный уровень учащихъ, привяжетъ къ университету и подчинитъ учащихся его авторитету». Наконецъ, обращеніе рескрипта къ «родственникамъ и семьямъ, обязаннымъ ближайшимъ образомъ пещись о своихъ дѣтяхъ»,—выводитъ общество изъ вынужденно-пассивнаго отношенія.—«Гласнымъ и всестороннимъ обсужденіемъ школьнаго вопроса общественное мнѣніе и выразительница его—печать, сознающія святость своего долга передъ отечествомъ, окажутъ правительству неоцѣнимыя услуги. Въ прочномъ единеніи, въ союзѣ съ обществомъ правительство разрѣшитъ великую задачу обновленія русской школы «въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени».

Попытки поддержать кустарное производство. Г. *М. Курчинскій* заканчиваетъ свой очеркъ о русской кустарной промышленности («Жизнь», мартъ) за послѣдніе годы. Изслѣдованіе успѣховъ въ примѣненіи артельнаго начала къ кустарнымъ промысламъ приводитъ автора къ довольно отрицательнымъ выводамъ. Во-первыхъ, литература послѣдняго времени представляетъ очень мало указаній на образованіе или существованіе артелей, во вторыхъ, и эти немногія данныя указываютъ на неполноту введенія артельныхъ формъ и на совершенное безсиліе ихъ улучшить положеніе кустаря. Обыкновенно артели составляются ради закупки въ складчину сырыхъ матеріаловъ, орудій производства и т. п., но при сбытѣ товара артель опять-таки попадаетъ въ руки скупщиковъ. Притомъ, денежное товарищество изъ неимущихъ членовъ можетъ образоваться только путемъ займовъ у «хозяина», и такимъ образомъ артель, въ силу задолженности, съ самаго начала попадаетъ въ кабальную зависимость отъ «хозяевъ». Неудивительно поэтому, что кустари не выражаютъ особеннаго желанія группироваться въ артели, какъ это не разъ съ горечью отмѣчаютъ изслѣдователи кустарныхъ промысловъ. Но если даже артельныя формы съ успѣхомъ прививаются къ какому-нибудь промыслу, это ведетъ за собой гибельныя послѣдствія для мелкихъ кустарей одиночекъ. Въ такихъ случаяхъ артель представляетъ изъ себя монопольный цеховой союзъ, состоящій изъ болѣе состоятельныхъ элементовъ и впускающій въ свою среду новыхъ мастеровъ только подъ условіемъ довольно высокаго членскаго взноса и поручительства нѣсколькихъ членовъ. Артель забираетъ такимъ образомъ въ свои руки весь мѣстный промыселъ, окончательно подрывая заработокъ мелкихъ хозяевъ, не вошедшихъ въ ея составъ. Общее положеніе дѣла привело одного изслѣдователя къ слѣдующему безотрадному выводу: «*Нигдѣ* въ средѣ нашихъ кустарей кустарныя артели не возникли *самостоятельно*, а гдѣ и вызывались къ жизни искусственно, тамъ влачатъ жалкое существованіе и не могутъ выбиться изъ долговъ или подъ гнетомъ внутреннихъ раздоровъ очень скоро разлагаются». Излюбленная теоретиками народничества картина связи между

земледѣліемъ и кустарничествомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается миражемъ. Какъ уже извѣстно, кустари не представляютъ однородной, сплошной массы,—по экономическому положенію ихъ можно разбить на три группы. Первую группу составляютъ бѣдняки, едва зарабатывающіе себѣ на пропитаніе и принужденные держаться своего надѣла, такъ какъ промыселъ ихъ не обезпечиваетъ; ихъ земледѣльческое хозяйство идетъ кое какъ, такъ какъ низкій заработокъ не позволяетъ имъ ничего вложить въ землю, чтобы увеличить ея производительность. Вторая болѣе зажиточная группа, дѣйствительно, имѣетъ интересъ заниматься и земледѣліемъ и промысломъ, взаимно поддерживая одно другимъ; но эта группа наименѣе устойчивая: если промыселъ прогрессируетъ и гарантируетъ хорошую прибыль, то кустарь бросаетъ землю и переходитъ въ третью группу—въ разрядъ хозяевъ, скупщиковъ и фабрикантовъ, или же, при неблагопріятныхъ условіяхъ, спускается въ первую группу—бѣдняковъ. Авторъ приводитъ факты о крайне бѣдственномъ экономическомъ положеніи земледѣльцевъ-кустарей, доводящемъ ихъ иногда до повальнаго нищенства: по его мнѣнію, въ данномъ случаѣ или промыселъ мѣшаетъ земледѣлію, или земледѣліе промыслу. Здѣсь можно упрекнуть автора въ явной тенденціозности: земледѣліе могло бы тормозить промыселъ, если бы сбытъ издѣлій былъ не ограниченъ, точно также и промыселъ могъ бы мѣшать земледѣлію въ томъ случаѣ, если-бы крестьянинъ могъ произвольно увеличивать свой надѣлъ, а такъ какъ ни того, ни другого нѣтъ, то, само собой разумѣется, комбинація кустарничества и земледѣлія можетъ только помогать положенію, а никакъ не разстраивать его. Если и при двойномъ заработкѣ крестьянинъ все-таки бѣдствуетъ,—очевидно, при одиночномъ онъ бѣдствовалъ бы еще больше. Авторъ и самъ тутъ же приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на то, что, при успѣшномъ развитіи промысла, крестьяне быстро отдѣлываются отъ земли, значитъ земля очень мало связываетъ ихъ. По мѣрѣ того, какъ кустари сосредоточиваются на промыслѣ, спеціализируется и земледѣліе: сосѣди ихъ, не занимающіеся ремесломъ, арендуютъ у нихъ заброшенные участки, соединяя въ своихъ рукахъ количество земли, достаточное для успѣшнаго веденія полевого хозяйства. Эта капиталистическая концентрація въ земледѣліи въ свою очередь обезземеливаетъ все новыхъ и новыхъ мелкихъ хозяевъ и выбрасываетъ ихъ на путь кустарничества; такимъ образомъ конкуренція кустарей увеличивается и скоро предложеніе начинаетъ превышать спросъ. Кризисы, происходящіе отъ неурожаевъ, также производятъ время отъ времени перетасовку въ производительномъ населеніи кустарныхъ районовъ, разоряя слабыхъ и еще болѣе укрѣпляя сильныхъ, способныхъ пережить тяжелое время. Такимъ образомъ, на всѣхъ этихъ фактахъ авторъ отмѣчаетъ естественную тенденцію къ распаденію производительнаго населенія на капиталистовъ и пролетаріевъ. Далѣе авторъ проводитъ въ общихъ чертахъ параллель между положеніемъ кустарей и фабричныхъ рабочихъ, указывая на извѣстную регламентацію фабричнаго труда, запрещающую работу малолѣтнихъ, ночную работу женщинъ и ограничивающую рабочій день $11^1/_2$ часами, между тѣмъ какъ кустари работаютъ при ужасающихъ анти-санитарныхъ условіяхъ, доводя свой рабочій день сплошь и рядомъ до 18 часовъ и получая при этомъ нищенскій заработокъ; кромѣ того, фабричныхъ рабочихъ связываетъ между собой извѣстная солидарность, общность интересовъ, приводящая къ корпоративной организаціи, чего совсѣмъ лишены кустари. Устройство производительныхъ артелей нѣкоторыми земствами во многихъ случаяхъ потерпѣло неудачу, артели распались, и земства понесли убытки; только дѣятельность пермскаго земства на этомъ пути пока идетъ успѣшно, хотя авторъ предрекаетъ и ей ту же участь. Обращаясь къ дѣятельности земствъ по устройству музеевъ и складовъ кустарныхъ произведеній, авторъ останавливается на исторіи московскаго кустарнаго музея

открытаго въ 1885 г. Главною задачею музея при его основаніи было ввести кустарей въ непосредственныя отношенія съ потребителями, поэтому товаръ принимался главнымъ образомъ на коммиссію, но мало-по-малу музей все болѣе превращается въ магазинъ кустарныхъ издѣлій, не столько принимающій товаръ на коммиссію, сколько пріобрѣтающій его на свой счетъ. Такимъ образомъ, музей становится на чисто коммерческія основанія и интересуется не столько поддержкой кустаря, сколько своимъ торговымъ оборотомъ, и слѣдовательно, оказываетъ содѣйствіе не тѣмъ кустарямъ, которые нуждаются въ сбытѣ издѣлій, а тѣмъ, которые предлагаютъ требующійся въ данный моментъ товаръ. Дѣйствительно извѣстно, что складъ имѣлъ дѣло преимущественно съ болѣе состоятельными кустарями. При организаціи кредита для кустарей, передъ земствомъ открывается дилемма: или помогать самой необезпеченной части кустарей и, значитъ, рисковать своими средствами, или оказывать помощь болѣе состоятельнымъ, поднимая ихъ еще болѣе надъ бѣдняками и такимъ образомъ увеличивая соціальное неравенство. Помимо всего этого, при незначительности средствъ, земствамъ трудно бороться съ скупщиками и кулаками, протянувшими свои сѣти повсюду и сумѣвшими закабалить большую часть производителей кустарей.

«Принялъ ли имп. Александръ I католичество передъ смертью?» Подъ такимъ заглавіемъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ французскаго журнала «Le Correspondent» напечатана статья Пирлинга. Г-нъ В. Бильбасовъ въ «Русской Старинѣ» за апрѣль знакомитъ съ содержаніемъ этой статьи. Пирлингъ только ставитъ вопросъ, но не рѣшаетъ его, такъ какъ не имѣетъ для его обоснованія документальныхъ данныхъ, а лишь сообщенія и воспоминанія современниковъ. Любопытно, однако, что преданія этого рода, идущія изъ Турина и Рима, вполнѣ координируются съ встрѣчными преданіями и воспоминаніями, сохранившимися въ русской средѣ. Содержаніе этихъ преданій сводится къ тому, что въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни имп. Александръ I почувствовалъ желаніе перейти въ католическую вѣру и извѣстилъ объ этомъ папу Льва XII, чтобы условиться съ нимъ о томъ, какъ привести это намѣреніе въ исполненіе. Но смерть императора пресѣкла переговоры. Сколько извѣстно, ни Александръ I, ни Левъ XII не оставили ни одного письменнаго документа по этому поводу, но тотъ и другой сдѣлали извѣстные шаги въ этомъ направленіи и избрали своими посредниками лицъ, настолько авторитетныхъ и надежныхъ, что заподозрить ихъ показанія въ этомъ дѣлѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія. Своимъ довѣреннымъ лицомъ имп. Александръ выбралъ итальянца, генералъ-адъютанта русской службы графа Мишо-де-Боретура, котораго передъ своимъ отъѣздомъ въ Таганрогъ и отправилъ съ секретною миссіею къ папѣ. Оффиціальныя бумаги ватиканскаго архива свидѣтельствуютъ, что Мишо получилъ аудіенцію у папы. Въ чемъ же заключалась секретная миссія? Объ этомъ, проѣздомъ черезъ Туринъ, Мишо сообщилъ двумъ своимъ друзьямъ, герцогинѣ Монморанси и графу Лескарень, которые и записали признанія Мишо, именно: на аудіенціи Мишо, снявъ саблю и преклонивъ колѣна, объявлялъ папѣ «твердую рѣшимость Александра I отречься лично отъ правосоавія, привести къ единенію съ римской церковью всѣ народы, подчиненные россійскому владычеству, и въ заключеніе просилъ прислать въ Петербугъ богослова. Этотъ римскій посланецъ не долженъ былъ быть духовный сановникъ высокаго ранга, но скорѣе простой священникъ, который былъ бы незамѣтенъ. Онъ пріѣхалъ бы какъ путешественникъ, остановился бы въ монастырѣ доминиканцевъ, и съ нимъ было бы условлено о веденіи этого дѣла». Преданіе, идущее изъ Рима, добавляетъ въ этому, что папа остановилъ свой выборъ на одномъ аббатѣ (ставшемъ потомъ папою подъ именемъ Григорія XVI), который и разсказалъ о возложенномъ на него порученіи своему другу Морани,

а этотъ послѣдній напечаталъ потомъ объ этомъ въ своемъ церковно-историческомъ словарѣ. Петербургскія преданія состоятъ въ свидѣтельствѣ о секретномъ распоряженіи имп. Александра, отданномъ настоятелю доминиканцевъ, приготовить помѣщеніе для священника, который вскорѣ прибудетъ изъ Рима, и въ заявленіи графа Витта, что при кончинѣ императора присутствовалъ католическій священникъ. Само собой разумѣется, что всѣ эти данныя не уполномочиваютъ на утвердительное рѣшеніе поставленнаго Цирлингомъ вопроса; наоборотъ, имѣются неопровержимыя свидѣтельства о томъ, что императоръ умеръ, какъ членъ православной церкви. Важна, главнымъ образомъ, психологическая сторона приведенныхъ сообщеній, какъ лишнее и сильное указаніе на то состояніе душевнаго смятенія и тревоги, въ которомъ находился имп. Александръ въ послѣдніе годы жизни, и изъ котораго онъ напряженно искалъ выхода.

Проектъ конституціи александровскаго времени (1818 г.). Г-нъ В. *Викторовъ* сообщилъ въ той же книжкѣ «Русской Старины» три письма Н. С. Мордвинова къ Іереміи Бентаму и проектъ конституціи, представленный Мордвиновымъ имп. Александру I одновременно съ другимъ проектомъ, составленнымъ, по порученію императора, Новосильцевымъ. По проекту Мордвинова, въ законодательный совѣтъ имперіи и сенатъ, кромѣ членовъ, назначаемыхъ государемъ, входятъ народные представители, избираемые изъ каждой провинціи, главныхъ городовъ, портовыхъ городовъ и университетовъ; они избираются на трехлѣтній срокъ и пользуются служебнымъ положеніемъ и всѣми привилегіями наравнѣ съ членами, назначаемыми государемъ. Народные депутаты имѣютъ право участвовать съ правомъ голоса во всѣхъ совѣщаніяхъ, и законодательныхъ и судебныхъ, на общихъ собраніяхъ въ полномъ составѣ, на частныхъ—въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, представителей той мѣстности, интересы которой разбираются въ данномъ засѣданіи. Затѣмъ проектъ довольно обстоятельно опредѣляетъ порядокъ, въ которомъ члены должны размѣщаться на собраніяхъ и т. п., но совсѣмъ оставляетъ безъ вниманія разработку болѣе существенныхъ вопросовъ, напр., о способѣ избранія, объ организаціи провинціальнаго управленія и т. д. На этомъ коротенькомъ проектѣ Бентамъ сдѣлалъ «не мало замѣтокъ карандашемъ»; но г. Викторовъ, оговорившись, что не всѣ замѣтки Бентама удобочитаемы, удовольствовался тѣмъ, что привелъ лишь одну, содержащую только даты. Знакомство съ Бентамомъ не прошло для Мордвинова безслѣдно: онъ изучалъ сочиненія Бентама и, напр., въ письмѣ 1822 г. сообщаетъ ему, что онъ не только пропагандируетъ его идеи среди русскаго общества, но его именемъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Студенческій союзъ въ Даніи (статья П. Ганзена въ «Вѣстникѣ Европы» за апрѣль). Отъ стариннаго «Общества датскихъ студентовъ» въ 1882 году откололась одна группа и образовала особый «Студенческій Союзъ». Этотъ союзъ не удовольствовался обычными собраніями мужской и женской молодежи ради чтенія рефератовъ, споровъ, хороваго пѣнія, танцевъ и т. п.: студенты задались цѣлью воздать народу по мѣрѣ силъ и возможности за то образованіе, которое они получаютъ за счетъ платежныхъ силъ этого самаго народа. Ради этого, были организованы вечерніе классы для простого люда. Рабочіе союзы съ восторгомъ отозвались на приглашеніе, и на эти курсы сразу записалось до 1.500 человѣкъ. Городскія школы открыли свои помѣщенія для этихъ чтеній. Преподавателями, само собою разумѣется безвозмездно, служатъ студенты и студентки; изрѣдка при заявленіи спроса на спеціальный курсъ, не входящій въ программу университета и политехникума, приглашаются постороннія лица. Нерѣдко преподаватели являются изъ среды самихъ рабочихъ, уже прослушавшихъ извѣстный курсъ и готовыхъ подѣлиться съ другими своими познаніями. Руководители вечернихъ классовъ задаются скромной, чисто практической

задачей—сообщить учащимся нѣкоторый запасъ наиболѣе необходимыхъ для нихъ знаній; поэтому на первомъ планѣ стоятъ такіе предметы, какъ чистописаніе, ариѳметика, орѳографія, нѣмецкій и англійскій языки. Спеціальные предметы преподаются въ томъ случаѣ, если набирается достаточное число желающихъ; такъ, по заявленію мастеровыхъ, читался однажды курсъ металлургіи, малярамъ—по химіи красокъ, артели землекоповъ—о способахъ измѣренія земельныхъ участковъ и т. п. Многіе родители записываются на курсы нѣкоторыхъ предметовъ, чтобы помогать своимъ дѣтямъ въ приготовленіи уроковъ, ремесленники - хозяева записываются на курсы бухгалтеріи, ариѳметики и чистописанія и т. д. Курсы читаются въ продолженіе полугода съ 1-го октября по 1-е апрѣля, записавшіеся слушатели распредѣляются на группы по 20 человѣкъ, при чемъ принимается во вниманіе и мѣсто жительства. Вслѣдъ затѣмъ союзъ организовалъ новое предпріятіе съ цѣлью распространять въ народѣ путемъ печати разныя полезныя свѣдѣнія. Средствомъ для этого послужило изданіе отдѣльныхъ брошюръ и помѣщеніе научно-популярныхъ статей въ различныхъ провинціальныхъ органахъ печати. Чтобы дать понятіе о содержаніи брошюръ, назовемъ нѣкоторыя: о питаніи грудныхъ дѣтей, оздоровленіе жилищъ, значеніе воздуха, о каменномъ и бронзовомъ вѣкѣ, объ освобожденіи крестьянъ и т. п. Успѣхъ этихъ изданій былъ громадный, превзошедшій всѣ ожиданія организаторовъ. Такимъ же успѣхомъ сопровождалось и предложеніе союза провинціальнымъ газетамъ доставлять имъ за небольшую плату популярныя статьи. На этотъ призывъ отозвались 24 провинціальныя редакціи. Статьи трактуютъ тоже преимущественно о чисто практическихъ вопросахъ: вступленіе въ бракъ, отношеніе между хозяевами и рабочими, составленіе завѣщаній, польза морскихъ купаній, страхованіе на случай смерти и увѣчья и т. п. Дальнѣйшимъ расширеніемъ дѣятельности союза было открытіе «Отдѣла юридической помощи неимущимъ». «Отдѣлъ» предлагаетъ кліентамъ разъясненіе разныхъ юридическихъ вопросовъ, составленіе прошеній въ различныя административныя учрежденія, выправленіе документовъ, составленіе актовъ, взысканіе небольшихъ суммъ и наконецъ веденіе дѣлъ въ судѣ. Кромѣ чисто-юридическихъ случаевъ, «Отдѣлу» приходится давать совѣты и справки по самымъ разнообразнымъ запросамъ. Число дѣлъ за годъ до 6.000, число лицъ, обращающихся къ «Отдѣлу», доходитъ до 30.000, они состоятъ преимущественно изъ чернорабочихъ, прислуги, мастеровыхъ и т. п.; персоналъ юристовъ, занимающихся въ Отдѣлѣ, кромѣ студентовъ и студентокъ, равняется 60 человѣкамъ. Затѣмъ союзъ основалъ «Кружокъ свободнаго театра» съ цѣлью ставить пьесы, отвергнутыя другими театрами. Кружокъ быстро разросся до 1200 членовъ. Наконецъ союзъ учредилъ комитетъ для ознакомленія публики съ музеями, для объясненія ихъ художественныхъ и научныхъ коллекцій. Руководители, состоящіе большею частью изъ студентовъ и студентокъ, предварительно проходятъ цѣлый курсъ при помощи завѣдующихъ музеями и затѣмъ уже берутъ на себя сопровождать посѣтителей, разбивая ихъ на группы по 12 человѣкъ въ каждой. Съ теченіемъ времени въ организацію вошли школьные учителя и ввели обычай знакомить съ музеями учениковъ городскихъ школъ.

Французскій критикъ о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого. Въ «Русской Мысли» (мартъ) помѣщенъ переводъ статьи Пелисье о «Воскресеніи». Съ этимъ романомъ Толстой послѣ двадцатилѣтняго перерыва вернулся къ художественному творчеству. Въ недавно изданномъ трудѣ Толстой опредѣляетъ искусство, какъ «средство общенія между людьми». Этотъ апостолъ первобытной простоты налагаетъ на художника высокую миссію установлять на землѣ «царство Божіе», внушая людямъ взаимную любовь, очищая ихъ сердца отъ всѣхъ дурныхъ инстинктовъ, которые развиваетъ искусственная и развращенная цивилизація. «Воскресеніе» будетъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовать гораздо болѣе распростра-

нію его идей, чѣмъ многочисленныя проповѣди: моральныя темы развиваются здѣсь при помощи художественнаго и психологическаго изображенія. «Воскресеніе» есть прежде всего прекрасное произведеніе по правдивости сценъ и картинъ. Сравнивая Толстого съ французскими реалистами, критикъ напоминаетъ, что самому Толстому больше всего не нравится въ нихъ нравственный индифферентизмъ, у нѣкоторыхъ даже аффектированное презрѣніе къ людямъ. Онъ возражаетъ также противъ ихъ стремленія выбрать для изображенія все наиболѣе худшее въ жизни и мірѣ. Но даже какъ художникъ, онъ мало на нихъ похожъ. Послѣдніе насилуютъ природу, чтобы вложить ее въ рамки, заранѣе намѣченныя; они выпускаютъ въ цѣломъ все то, что не связано тѣснымъ образомъ съ предметомъ, въ каждой картинѣ все, что не содѣйствуетъ общему впечатлѣнію. Искусство Толстого болѣе широко, болѣе гибко, ближе къ дѣйствительности. Отъ этого происходятъ извѣстные недостатки, шокирующіе французскія привычки. Но тѣмъ не менѣе французскій критикъ признаетъ, что это искусство, менѣе строгое и менѣе сосредоточенное, лучше передаетъ дыханіе самой жизни, сообщаетъ почти иллюзію дѣйствительности. Француза поражаетъ въ Толстомъ полное отсутствіе эффекта, чувства вытекаютъ сами собой, безъ искусственнаго авторскаго вмѣшательства, безъ всякой риторики. Сюжетъ романа сводится цѣликомъ къ двумъ главнымъ лицамъ, которыя анализированы съ тонкою и глубокою правдивостью, при чемъ этотъ анализъ не есть тяжеловѣсные психологическіе комментаріи, а раскрытіе внутренней душевной работы изображаемыхъ лицъ. Но къ темѣ психологической и моральной, къ драмѣ совѣсти присоединяется въ «Воскресеніи» другая, болѣе обширная тема, заключающая въ себѣ всеобщую критику нашего общества. Уже съ первыхъ строкъ Толстой даетъ предвидѣть главную идею своей книги, противопоставляя гармоническую и торжественную красоту міра тяжелымъ усиліямъ, которыя совершаютъ люди, чтобы другъ друга обманывать и мучить. Такимъ образомъ, девизомъ его является возвращеніе къ природѣ. Толстой не революціонеръ и не мистикъ. По крайней мѣрѣ революція, которую онъ проповѣдуетъ, ограничивается сердцемъ человѣка, а его мнимый мистицизмъ является въ дѣйствительности вполнѣ практической моралью.

За границей.

Антиклерикальное движеніе въ Испаніи. Волненія, начавшіяся въ Мадридѣ и распространившіяся оттуда и въ другіе города Испаніи, принимаютъ въ настоящее время характеръ серьезнаго народнаго движенія, направленнаго противъ клерикаловъ и католическихъ орденовъ. Волненія эти подготовлялись давно и безъ сомнѣнія, въ основахъ лежатъ также экономическія причины. Испанія до сихъ поръ не оправилась отъ войны, которая имѣла своимъ послѣдствіемъ потерю колоній и экономическое положеніе страны еще болѣе ухудшилось послѣ этого; такимъ образомъ, трудно предвидѣть, когда прекратятся безпорядки, принимающіе во многихъ мѣстахъ грозный характеръ революціи. Особенно бурныя манифестаціи происходили въ Барселонѣ и Валенсіи. Въ Барселонѣ дѣло дошло до кровопролитной стычки между манифестантами и войсками. Сторонники движенія, желая придать ему болѣе правильный характеръ, намѣрены организовать обширную антиклерикальную лигу. Но религіозный вопросъ, какъ мы уже сказали, окажется въ данномъ случаѣ экономическимъ вопросомъ. Тутъ дѣло идетъ не объ одномъ только изгнаніи іезуитовъ и закрытіи конгрегацій, которыя считаются опасными и вредными для страны ассоціаціями. Все это, конечно, должно будетъ повести за собою ликвидацію имущества этихъ конгре-

*

гацій, но еще раньше такого изгнанія многіе предъявляютъ требованія правительству, чтобы конгрегаціи были поставлены въ рамки религіозныхъ обязанностей и не занимались бы никакими промышленными предпріятіями. Благодаря многимъ привилегіямъ, которыми они пользуются,—избавленію отъ налоговъ и т. п., эти клерикальныя промышленныя конгрегаціи имѣютъ возможность изготовлять болѣе дешевые продукты и такимъ образомъ составляютъ коммерсантамъ и промышленникамъ конкуренцію, съ которою тѣмъ трудно бороться и которую эти послѣдніе считаютъ несправедливой и безчестной. Клубъ каталонскихъ промышленниковъ обратился даже по этому поводу съ петиціей къ правительству, заявляющей, что, если такое положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, то мелкихъ промышленниковъ постигнетъ полное разореніе, такъ какъ они не въ состояніи вынести конкуренціи монаховъ, а для рабочихъ классовъ это является настоящимъ бѣдствіемъ. Однимъ словомъ. всѣ кричатъ о безусловной необходимости реформы католической церкви въ Испаніи, т.-е. духовенства, которому народъ теперь приписываетъ всѣ свои бѣдствія. Замѣчательно, что этой реформы добивается не только свѣтское населеніе, но и нѣкоторые изъ представителей духовенства, изъ которыхъ многіе давно уже трудятся въ пользу идеи преобразованія католической церкви и, конечно, навлекли на себя преслѣдованія за свои черезчуръ прогрессистскіе взгляды. Во главѣ католической партіи, добивающейся этихъ реформъ, находится священникъ Пей Ордейксъ, теперь чуть ли не ежедневно устраивающій въ Каталоніи конференціи, на которыя сбѣгается громадная толпа, чтобы его слушать. Его пламенныя рѣчи, направленныя противъ злоупотребленій религіозныхъ орденовъ и испанскихъ монаховъ, «*торгующихъ религіей*», вызываютъ восторженный энтузіазмъ толпы. Этотъ католическій священникъ теперь одинъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Испаніи. Своими проповѣдями онъ увлекаетъ толпу, которой говоритъ о чистотѣ религіи, объ изгнаніи «торгашей изъ храма» и т. д. Быть можетъ изъ всѣхъ противниковъ римско-католической церкви въ Испаніи, антиклерикаловъ и либераловъ, этотъ вѣрующій священникъ наиболѣе опасный. Одинъ французскій журналистъ, познакомившійся съ нимъ въ Барселонѣ, поинтересовался узнать подробности его программы. На вопросъ, давно ли онъ ведетъ борьбу съ католическимъ духовенствомъ, этотъ священникъ отвѣтилъ:

— Это началось въ 1898 г., когда я напечаталъ статью, направленную противъ канониковъ и іезуитовъ. Хотя я не называлъ ихъ, но они себя узнали и начались преслѣдованія. Понятно, епископы тоже присоединились къ іезуитамъ, но я не оставался въ бездѣйствіи и принялъ брошенный мнѣ вызовъ. Я зналъ, что многіе изъ священниковъ возмущались, также какъ и я, и вначалѣ, дѣйствительно, насъ было около двухъ тысячъ, объявившихъ войну существующимъ порядкамъ въ церкви. Но я долженъ сознаться, что интриги нашихъ преслѣдователей и застращиванія сдѣлали все-таки свое дѣло и болѣе робкіе отстали, а когда началась серьезная борьба, то насъ оказалось нѣсколько сотенъ. Вначалѣ борьба шла исключительно только въ нѣдрахъ римско-католической церкви и непосвященные въ нее ничего не знали о возмущеніи, которое возникло среди духовенства. Конечно, кой-какіе слухи проникали въ публику, но объ этомъ говорили мало и никто ничего не зналъ навѣрное. Я тогда рѣшилъ оповѣстить объ этомъ испанское общественное мнѣніе и вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями основалъ еженедѣльный журналъ «El Rubion». Въ самомъ названіи этого журнала заключалась, если не программа, то болѣе или менѣе формальное обязательство не отступать и продолжать до конца. Эль-Рубіонъ—названіе горы въ центрѣ Кастильской провинціи; эту гору не могли взять приступомъ ни римляне, ни арабы, ни даже французы. Конечно, мы не могли избрать лучшій символъ для своего изданія, которое начинали съ цѣлью борьбы. И дѣйствительно борьба загорѣлась не на шутку, когда барселонскимъ

епископомъ былъ сдѣланъ Моріадесъ. Епископъ имѣлъ право подвергать нашъ журналъ духовной цензурѣ по выходѣ номера, но этого показалось мало, и онъ потребовалъ, чтобы мы посылали ему оттиски статей, удерживая все-таки за собою право впослѣдствіи конфисковать журналъ, если найдетъ это нужнымъ. Мы тогда составили спеціальный номеръ исключительно изъ статей Массольона, Саванаролы, св. Грегуара и другихъ отцовъ церкви и классическихъ ораторовъ, прибавивъ къ нимъ выдержки изъ статьи, нѣкогда написанной самимъ епископомъ. Мы только поставили другія заглавія и, подписавъ своимъ именемъ, отослали оттиски епископу. Онъ даже не замѣтилъ нашего подлога и наотрѣзъ отказался разрѣшить печатаніе этихъ статей. Мы тогда обратились къ нему съ ходатайствомъ, чтобы онъ указалъ намъ, что онъ находитъ такимъ предосудительнымъ въ этихъ статьяхъ, но мы натолкнулись на самый категорическій отказъ. Продолжать дальше печатаніе нашего журнала было бы равносильно открытому возмущенію противъ церкви. Чтобы доказать, что мы не желаемъ выходить изъ нея, мы прекратили изданіе «El-Rubion» и замѣнили его другимъ, которое назвали «Notre Revue». Но и этотъ журналъ, въ свою очередь долженъ былъ исчезнуть. Однако, мы не хотѣли прекращать борьбы и стали издавать «Cosmopolita» и вотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ намъ пришлось чуть ли не постоянно имѣть дѣло съ судомъ, платить штрафы и т. д.

Что же касается движенія, которое теперь началось, то оно мало-по-малу охватило всю Испанію. У насъ много приверженцевъ и два епископства въ Каталоньи находятся всецѣло на нашей сторонѣ, не считая духовенства въ разныхъ провинціяхъ. Мы требуемъ отдѣленія церкви отъ государства, преобразованія или же уничтоженіи въ Испаніи ордена Іисуса и др. монашескихъ орденовъ, возвращенія государству всѣхъ владѣній духовенства, за исключеніемъ тѣхъ, которыя безусловно необходимы для его существованія и для поддержанія церкви. Мы хотимъ, чтобы была организована испанская автономная церковь и чтобы власть папы надъ этою церковью было бы низведена на степень простой верховной юрисдикціи въ догматическомъ отношеніи, и только въ этомъ одномъ отношеніи! Кромѣ того, мы желали бы, чтобы избраніе высшихъ духовныхъ лицъ и епископовъ принадлежало народу и духовенству вмѣстѣ и церковь въ Испаніи сдѣлалась бы дѣйствительно народною церковью...

Изъ этихъ словъ испанскаго священника видно, что антиклерикальное движеніе поддерживается свѣтскимъ духовенствомъ, желающимъ избавиться отъ своей зависимости отъ Рима. Когда такіе разнородные элементы участвуютъ въ движеніи, то не трудно, конечно, предсказать его исходъ.

Японія въ соціальномъ и политическомъ отношеніи. Изъ всѣхъ азіатскихъ государствъ, Японія возбуждаетъ наибольшій интересъ и удивленіе Европы, пораженной быстрыми успѣхами этой маленькой страны, превратившейся въ короткій промежутокъ времени въ цивилизованное государство. Исторія Японіи представляетъ особенности, не встрѣчающіяся въ исторіи другихъ государствъ. Въ этой имперіи, основанной, согласно преданіямъ, за 660 лѣтъ раньше Китая, ни разу не произошло перемѣны династіи, сохранившей власть въ своихъ рукахъ въ теченіе 2560 лѣтъ и ни разу страна не подвергалась иноземному нашествію. Кромѣ того, это была единственная азіатская монархія, въ которой существовала конституція, о которой, впрочемъ, не было ничего извѣстно Европѣ, пока Марко Поло не открылъ это; затѣмъ объ этомъ позабыли. Португальцы установили коммерческія сношенія съ Японіей, но вслѣдъ затѣмъ наступила реакція и двери въ Японію закрылись для всѣхъ иностранцевъ до тѣхъ поръ пока не произошло внезапной перемѣны, послѣ того, какъ борьба между феодализмомъ и имперіализмомъ завершилась побѣдою послѣдняго, и микадо отпраздновалъ свое возвращеніе къ власти объявленіемъ кон-

ституціи, составленной по европейскому образцу. Этотъ опытъ насажденія западной цивилизаціи въ страну и общество, гдѣ существовала до сихъ поръ чисто восточная культура, начался двадцать лѣтъ тому назадъ и, разумѣется, какъ политическіе дѣятели, такъ и вообще всѣ тѣ, кого интересуютъ соціальные и политическіе вопросы, съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за развитіемъ этого опыта. До сихъ поръ, повидимому, опытъ былъ очень успѣшнымъ и Японія такъ быстро развивается во всѣхъ направленіяхъ, что, кажется, скоро ей уже нечего будетъ заимствовать отъ Европы. Японцы въ особенности очень гордятся этимъ. Не лишены интереса въ этомъ отношеніи взгляды одного японскаго дипломата, посланника въ Лондонѣ, высказанные въ разговорѣ съ англійскимъ журналистомъ, сотрудникомъ журнала «Humanitarium». «Японія вполнѣ заслуживаетъ названіе конституціоной монархіи,—сказалъ онъ,—хотя Микадо и пользуется гораздо большею властью, нежели монархи нѣкоторыхъ другихъ конституціонныхъ государствъ. Японскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ. Верхняя палата или «палата пэровъ» состоитъ изъ 300 человѣкъ и имѣетъ наслѣдственныхъ членовъ, другіе же назначаются императоромъ пожизненно. Обыкновенно это бываютъ люди, которые оказали странѣ какія нибудь большія услуги. Нижняя палата напоминаетъ англійскую палату общинъ. Мы еще не ввели всеобщей подачи голосовъ, но практически это не имѣетъ значенія, такъ какъ огромное большинство народа имѣетъ право голоса, вслѣдствіе очень низкаго избирательнаго ценза. У насъ нѣтъ такого рѣзкаго разграниченія между либералами и консерваторами, какое существуетъ въ Европѣ. Мы всѣ, болѣе или менѣе, прогрессисты. Конечно, вначалѣ были такіе, которые противились введенію европейской культуры въ странѣ. Богатыя семьи, пользовавшіяся почти неограниченною властью въ странѣ, конечно, не были довольны перемѣной. Но самураи, средніе классы, въ рукахъ которыхъ находится въ настоящее время политическая власть, высказывались всѣ въ пользу реформъ, такъ что собственно реакціонерныхъ протестовъ было заявлено очень мало. Въ 1882 году была организована либеральная партія, «Кайхинто» (реформаторы), какъ ихъ называли, они раздѣлялись на умѣренныхъ и радикаловъ. Противниками ихъ были «Теисеито» (имперіалисты), которыхъ можно назвать консерваторами. Теперь образовалась еще новая партія, во главѣ которой находится маркизъ Ито. Но главною и важнѣйшею чертою этого переворота было то, что политическій центръ тяжести былъ перенесенъ изъ среды аристократіи въ народъ, такъ что, теперь всѣ классы населенія участвуютъ въ правительствѣ».

Японскій посланникъ съ особеннымъ удовольствіемъ распространился объ успѣхахъ просвѣщенія въ Японіи. Первую ступень въ образовательной системѣ составляютъ элементарныя школы, которыхъ въ Японіи 26.860, затѣмъ идутъ второразрядныя школы; этихъ школъ 150 и, наконецъ, грамматическія школы, (Grammar Schools). Въ Японіи есть два университета. Первоначально профессорами этихъ университетовъ были исключительно европейцы, теперь же Японія имѣетъ собственныхъ ученыхъ. Японскіе университеты раздѣляются, какъ и въ Европѣ, на факультеты. Самые посѣщаемые факультеты: юридическій и научный; классическіе же языки въ Японіи не пользуются большою милостью. Кромѣ этихъ факультетовъ, въ Японіи существуютъ нормальныя и техническія школы, двадцать шесть школъ для дѣвочекъ и двѣ военныхъ и морскихъ коллегіи. Образованіе обязательно, но, по словамъ японскаго посланника, соблюденіе этого закона не встрѣчаетъ никакихъ особенныхъ препятствій въ народѣ, такъ какъ всѣ японцы желаютъ учиться и проложить себѣ такимъ образомъ дорогу въ жизни.

По мнѣнію японца, реформаторское движеніе, начатое по инціативѣ Микадо, не было случайностью или капризомъ съ его стороны, а явилось продук-

томъ исторической эволюціи. «Мы изучали европейскую цивилизацію въ теченіе двухъ вѣковъ, сказалъ японецъ.—Многіе изъ нашихъ императоровъ были воодушевлены желаніемъ ввести реформы. Мнѣ кажется, что наша политическая система способствовала развитію у насъ прогрессистскаго духа. Феодализмъ вызывалъ духъ соревнованія, тогда какъ, напримѣръ, въ Китаѣ, доведенная до крайности централизація власти, въ лицѣ главы государства, уничтожила всякія проявленія индивидуализма».

Англійскій журналистъ поинтересовался узнать, можно ли назвать японцевъ религіознымъ народомъ. Японскій посланникъ отвѣтилъ, что онъ не думаетъ, чтобы Японцы въ этомъ отношеніи отличались отъ другихъ народовъ. Но они несомнѣнно отличаются большою терпимостью въ вопросахъ религіи. Конституція 1890 г. установила въ Японіи полнѣйшую религіозную свободу. Христіанская пропаганда совершается безпрепятственно, но что касается образованныхъ японцевъ, то—какъ выразился японскій посланникъ,—«они, пожалуй, слишкомъ религіозны, чтобы исповѣдывать какую нибудь особенную религію».

Недавно одинъ изъ японскихъ журналовъ, слѣдуя европейской модѣ, учредилъ «enquête» относительно религіозныхъ воззрѣній японской молодежи и обратился къ студентамъ японскихъ университетовъ съ различными вопросами, касающимися ихъ религіозныхъ взглядовъ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ журналъ выводитъ заключеніе, что японская молодежъ придаетъ особенно большое значеніе этическимъ принципамъ и ставитъ этику не ниже религіи.

Общественная дѣятельность въ Германіи. За послѣдніе годы число народныхъ библіотекъ въ Германіи очень увеличилось. «Общество для распространенія народнаго образованія» основало въ прошломъ году 470 новыхъ народныхъ библіотекъ и оказало существенную поддержку старымъ библіотекамъ. Въ настоящее время поднятъ вопросъ объ устройствѣ центральной библіотеки въ Берлинѣ, гдѣ существуетъ 28 народныхъ библіотекъ и 8 читаленъ, что нѣмцы признаютъ крайне недостаточнымъ для такого города. Планъ центральной библіотеки выработанъ по образцу сѣверо-американскихъ и англійскихъ учрежденій подобнаго рода. Эта библіотека должна будетъ служить соединительнымъ пунктомъ для остальныхъ библіотекъ и пополнять ихъ своимъ запасомъ, распространяя такимъ образомъ образованіе въ народѣ и удовлетворяя его потребности въ чтеніи. Вопросъ о томъ, что читаетъ германскій рабочій и народъ, послужилъ также предметомъ серьезнаго изслѣдованія. Отчеты народныхъ библіотекъ, конечно, могутъ быть хорошимъ подспорьемъ при рѣшеніи этого вопроса. Одно изъ лицъ, крайне заинтересованныхъ дѣломъ народнаго образованія, пасторъ Пфаннкухе, вызвавшій противъ себя неудовольствіе ганноверскаго церковнаго начальства и за это переведенный изъ большого провинціальнаго города въ маленькую деревушку, издалъ недавно брошюру подъ заглавіемъ: «Что читаетъ германскій рабочій?», въ которой изложилъ результаты своего изслѣдованія библіотечныхъ записей въ 37 рабочихъ ферейнахъ. Изъ общаго числа 24.015 членовъ только 3.982 пользовались этими библіотеками. Наиболѣе любимыми книгами германскаго рабочаго оказываются: романы Марлитта, Ауэрбаха, Жюля Верна, Зудермана, Герштелера, Густава Фрейтага, Вальтеръ Скотта, Зола, Георга Эберса и др. Изъ ученыхъ книгъ большими симпатіями пользуется Ранке, особенно его сочиненіе о *человѣкѣ* и «Книга изобрѣтеній». Послѣ этихъ книгъ второе мѣсто занимаютъ Нансенъ и Брэмъ, затѣмъ рѣчи Лассаля и т. д.

Изъ того, что такія книги, какъ «Томасъ Муръ», Каутскаго, «Шарль Фурье» Бебеля, «Капиталъ» Маркса и д. т. спрашиваются сравнительно меньше, авторъ этого изслѣдованія выводитъ заключеніе, что даже достаточно развитые въ политическомъ отношеніи рабочіе, организовавшіе промышленные союзы, боль-

ше интересуются естественно-историческими, нежели экономическими вопросами и политикой. Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ библіотекахъ всегда предлагаются читателямъ разныя политико-экономическія книги и брошюры и такимъ образомъ читатель изъ народа какъ бы насильно заинтересовывается этимъ. Еслибъ этого не было, то спросъ на такія книги оказался бы еще меньше. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію автора, необходимо, чтобы народныя библіотеки всегда имѣли въ виду не одно только удовлетвореніе вкусамъ своихъ читателей, но и болѣе широкое развитіе этихъ вкусовъ. Германскій рабочій гораздо менѣе интересуется отвлеченными вопросами, нежели вопросами практической жизни, но его можно пріучить интересоваться этими вопросами, и въ этомъ, между прочимъ, должны заключаться задачи народныхъ библіотекъ.

Въ Бреславлѣ открываетъ свои дѣйствія академическое филіальное отдѣленіе Гумбольдтовскаго ферейна и члены этого союза собираются посвятить себя соціальной работѣ. Проектируется цѣлый рядъ публичныхъ лекцій въ устроенномъ Гумбольдтовскимъ ферейномъ. Естественная исторія, техническія науки и литература будутъ служить предметомъ этихъ лекцій и подъ руководствомъ студентовъ университета организуются обходы музеевъ. Кромѣ того, предполагается учредить курсы стенографіи, пѣвческое и гимнастическое общество и т. д. Бреславльскій академическій ферейнъ стремится привлечь какъ можно больше студенческую молодежь къ этой дѣятельности, исходя изъ того убѣжденія, что такія занятія, какъ обученіе рабочихъ, посѣщеніе съ ними выставокъ и музеевъ, должно принести пользу молодежи въ общественномъ и этическомъ отношеніи. Сторонники этой идеи приводятъ въ подтвержденіе результаты опыта, произведеннаго въ Даніи, гдѣ студенты оказались очень полезными въ качествѣ народныхъ учителей. Въ Копенгагенѣ существуетъ студенческій союзъ, который въ 1882 года устроилъ вечерніе курсы для рабочихъ, не прекращавшіе свою дѣятельность съ тѣхъ поръ. Студенты и студентки безвозмездно занимаются на этихъ курсахъ съ рабочими, и въ настоящее время на этихъ курсахъ занимаются до 1.500 мужчинъ и до 600 женщинъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что эти курсы не безплатные, за первый курсъ уплачивается 50 пфениговъ, а за слѣдующіе половина. На этихъ курсахъ преподается ариѳметика, бухгалтерія, языки: датскій, нѣмецкій, англійскій и французскій, химія, астрономія и исторія. Между учениками и учителями образовались самыя сердечныя отношенія и благодаря этому молодые учителя и учительницы пользуются довѣріемъ своей аудиторіи и имѣютъ полную возможность изучить ту среду, съ которою имъ приходится имѣть дѣло. Опытъ въ Даніи показалъ, что изъ этихъ добровольныхъ учителей и учительницъ всегда выходили потомъ полезные общественные дѣятели и честные труженики.

Парижскія событія: международный конгрессъ академій; мемуары Жюля Симона и др. Въ прошломъ мѣсяцѣ былъ праздникъ науки въ Парижѣ. Туда съѣхались ученые изъ разныхъ странъ на конгрессъ международной ассоціаціи академій. Эта ассоціація весьма недавняго прежняго, но потребность въ ней ощущалась уже давно. Нужно было такое учрежденіе, которое давало бы возможность ученымъ всѣхъ націй поддерживать сношенія другъ съ другомъ и сообща обсуждать научные вопросы, одинаково важные для всѣхъ народовъ. Въ другихъ областяхъ уже существуютъ подобныя международныя учрежденія для облегченія сношеній: желѣзнодорожный, почтовый и телеграфный союзъ, открыто международное бюро вѣсовъ и мѣръ, международная геодезическая ассоціація и т. д. Мысль объ образованіи международной академіи была высказана еще Лейбницемъ, но осуществленіе этой идеи оказалось не такъ легко и просто. Четыре года тому назадъ лондонское королевское общество приступило къ

составленію каталога своихъ научныхъ мемуаровъ, съ самаго начала XIX вѣка вплоть до нашего времени. Для облегченія этого труда рѣшено было обратиться къ помощи другихъ цивилизованныхъ странъ. Какъ разъ въ это время четыре нѣмецкихъ ученыхъ общества: вѣнская академія наукъ, ученыя общества въ Гёттингенѣ и въ Лейпцигѣ и Мюнхенская академія наукъ выработали планъ ежегодныхъ собраній для достиженія бóльшей гармоніи въ своихъ научныхъ изысканіяхъ и для поощренія научныхъ работъ, представляющихъ общій интересъ. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, и въ 1894 году была основана ученая «картель»—какъ называютъ въ Германіи союзъ партій—и результаты этой картели были въ высшей степени плодотворны. Лондонское королевское ученое общество обратилось къ этой картели за помощью въ дѣлѣ составленія библіографическаго указателя и такимъ образомъ состоялось сближеніе между этимъ обществомъ и нѣмецкими академіями, подтвердившееся на съѣздѣ ученыхъ обществъ въ Гёттингенѣ въ 1898 г. Тогда уже былъ поднятъ вопросъ о расширеніи первоначальнаго плана и объ основаніи международной ассоціаціи академій, цѣль которой заключалась бы, главнымъ образомъ, въ подготовленіи разныхъ крупныхъ ученыхъ предпріятій, успѣхъ которыхъ зависитъ отъ участія въ нихъ нѣсколькихъ государствъ и въ организаціи преній по поводу вопросовъ чисто-научнаго характера, относительно которыхъ особенно желательно достигнуть единства взглядовъ.

Парижская академія наукъ, конечно, отнеслась очень сочувственно къ этой идеѣ, и въ 1899 г. формально примкнула къ международной ассоціаціи академій. Вслѣдъ за Парижской вступила въ ассоціацію и Вашингтонская академія и первое собраніе ассоціаціи состоялось по предложенію Берлинской академіи наукъ въ Висбаденѣ.

Организаторы этой ученой федераціи мечтали объединить въ ней всѣ отрасли знанія и, поэтому, рѣшено было раздѣлить ассоціацію на двѣ секціи—научную и литературную. Такимъ образомъ въ февралѣ 1900 г. была наконецъ основана международная ассоціація 19 ученыхъ обществъ или академій. На собраніи этой ассоціаціи, происходившемъ въ Парижѣ. было рѣшено организовать первый международный конгрессъ ассоціаціи въ 1901 г., въ Парижѣ, и по этой причинѣ Парижъ принималъ у себя въ прошломъ мѣсяцѣ ученыхъ, съѣхавшихся во Францію съ разныхъ концовъ свѣта. Парижъ имѣлъ на этомъ конгрессѣ 30 представителей: десять отъ академіи надписей и древнихъ языковъ; 11 отъ академіи наукъ (математическое и естественно-историческое отдѣленіе) и 9 отъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Только одна французская академія не прислала на этотъ конгрессъ своихъ представителей и это конечно, возбудило толки въ печати. Нѣкоторыя изъ французскихъ газетъ объясняютъ это тѣмъ, что въ числѣ «сорока безсмертныхъ» академіи нѣтъ ни одного дѣятеля науки и поэтому академія эта удержалась отъ участія въ международной ученой ассоціаціи. Иностранныя ученыя общества слѣдующихъ городовъ прислали своихъ делегатовъ на съѣздъ. Амстердамъ — 2, Берлинъ—6, Брюссель 2, Христіанія 1, Гёттнгенъ 3, Копенгагенъ, 2, Лейпцигъ 3, Лондонъ 8, Мюнхенъ 3, Петербургъ 4, Римъ, 3, Стокгольмъ 1, Вашингтонъ 1, Вѣна 6. Такимъ образомъ, по числу своихъ представителей Германія занимаетъ первое мѣсто. Предсѣдателемъ ассоціаціи былъ избранъ профессоръ Дарбу изъ Парижской академіи наукъ, который въ своей рѣчи при открытіи конгресса, сказалъ: «Науки занимаютъ въ современномъ обществѣ слишкомъ большое мѣсто, такъ что изученіе ихъ не можетъ уже происходить въ границахъ какого нибудь одного учрежденія, какъ бы оно ни расширяло свои рамки. Научныя проблемы стали такъ широки, что какой-нибудь одной націи уже оказывается не подъ силу разрѣшать ихъ. Гораздо болѣе успѣха можно ожидать, если всѣ цивилизованныя націи сообща выработаютъ

программу научныхъ работъ по нѣкоторымъ особенно важнымъ вопросамъ. Благодаря такому союзу академій ученые уже не будутъ себя чувствовать изолированными въ своихъ трудахъ, но въ то же время они ничего не потеряютъ изъ своей независимости, которая такъ необходима каждому истинному ученому».

Въ заключеніе своей прекрасной рѣчи, вызвавшей громкіе аплодисменты, проф. Дарбу указалъ на особенное значеніе международной ассоціаціи академій, какъ средства, «объединяющаго націи на почвѣ научныхъ теоретическихъ вопросовъ и создающаго между ними солидарность, которая подготовитъ объединеніе и солидарность во многихъ другихъ отношеніяхъ и вопросахъ практической жизни».

Говоря объ академіяхъ, давно уже существующихъ и признанныхъ наукой, мы не должны все-таки забывать о такихъ учрежденіяхъ, которымъ еще надо завоевать себѣ право на существованіе. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ академія, о которой мечталъ когда то Гонкуръ. Теперь эта мечта, повидимому, близка къ своему осуществленію. Душеприказчикъ Гонкура Леонъ Генникъ выигралъ процессъ, начатый дальними родственниками Гонкура, оспаривавшими его завѣщаніе, и теперь обратился въ государственный совѣтъ за свидѣтельствомъ объ «общественной полезности» проектируемаго учрежденія; какъ только это свидѣтельство будетъ получено, академія Гонкура будетъ открыта.

Скоро предстоитъ продажа съ аукціона дома Гонкуровъ, въ которомъ радушный хозяинъ оказывалъ гостепріимство стольким выдающимся людямъ, ученымъ и писателямъ. Первоначальная цѣна назначена въ 80.000 фр. Этотъ домъ—послѣдній остатокъ изъ наслѣдства Гонкура, такъ какъ все уже продано, согласно волѣ завѣщателя.

Много толковъ въ парижской печати возбуждаютъ въ настоящее время мемуары Жюля Симона, первый томъ которыхъ («Premières Anneés») недавно появился на книжномъ рынкѣ. Вполнѣ естественно, что Жюль Симонъ, такъ много писавшій при жизни, позаботился о томъ, чтобы и послѣ своей смерти дать публикѣ матеріалъ для чтенія и разговоровъ. Его сыновья, Густавъ и Карлъ, собрали замѣтки, оставшіяся послѣ ихъ отца, привели ихъ въ порядокъ и издали.

Жюль Симонъ ведетъ свои записки отъ самыхъ первыхъ лѣтъ своего дѣтства, проведенныхъ имъ въ своей семьѣ въ Бретани. Бретонцы, по его словамъ, очень набожный народъ, но въ то же время они не лишены извѣстнаго коварства. По этому поводу Жюль Симонъ вспоминаетъ въ своей книгѣ слѣдующій эпизодъ: это было въ первые годы реставраціи. Въ рабочей комнатѣ которую занималъ въ Бретани отецъ Жюля Симона стѣны были увѣшаны портретами королевской семьи. Конечно, такіе портреты должны были служить доказательствомъ лояльныхъ чувствъ хозяина, у котораго отецъ Жюля Симона нанималъ квартиру. Но стоило перевернуть эти портреты, и на обратной сторонѣ получались портреты императора Наполеона и его семьи, такъ что ихъ можно было вѣшать такъ или иначе, соображаясь всегда съ политическими событіями.

Мемуары Жюля Симона въ особенности изобилуютъ анекдотами. Между прочимъ, Жюль Симонъ разсказываетъ какъ онъ, однажды, выступилъ кандидатомъ одного бретонскаго округа. Онъ отправился объѣзжать его и на одномъ многолюдномъ избирательномъ митингѣ произнесъ рѣчь. Эта рѣчь произвела повидимому такое громадное впечатлѣніе на зрителей, что они устроили оратору восторженную овацію, подхватили его на плечи и понесли на рукахъ по улицамъ въ тотъ отель, гдѣ онъ остановился. Жюль Симонъ, конечно былъ въ восторгѣ отъ такого пріема. Однако, когда его пріятель, руководившій изби-

рательною компаніей и организовавшій митингъ спросилъ его: «Вы довольны, разумѣется, вашимъ успѣхомъ?» Жюль Симонъ сдѣлалъ равнодушное лицо и отвѣтилъ: «Такъ себѣ!»—«Ну, ну! возразилъ пріятель Жюля Симона,—не играйте со мною комедіи. Нельзя оставаться равнодушнымъ и не быть тронутымъ до глубины души такими оваціями».—«Чтожъ, я признаю, согласился тогда Жюль Симонъ, дѣйствительно мнѣ это было пріятно»...

Тутъ его пріятель громко расхохотался и сказалъ: «Ну такъ и быть, я вамъ сознаюсь. На этомъ собраніи присутствовало около трехъ тысячъ человѣкъ, неправда ли?... Такъ, видите ли, изъ нихъ, только вы да я, да еще трое другихъ знаютъ французскій языкъ; всѣ остальные въ собраніи не поняли,—да и не могли понять!—ни слова изъ того, что вы говорили на французскомъ языкѣ. Тутъ понимаютъ только бретонскій языкъ. Вамъ устроили овацію только, изъ чувства довѣрія».

«Это былъ первый величайшій реторическій успѣхъ во всей моей жизни» прибавляетъ Жюль Симонъ, вспоминая этотъ эпизодъ.

Подобныхъ разсказовъ въ книгѣ множество и они, разумѣется, не умаляютъ ея интереса, такъ какъ въ ней отражается французская современная эпоха и обрисовываются многіе изъ ея дѣятелей.

Изъ американской жизни: международный театръ; отели для рабочихъ. Знаменитый американскій мильярдеръ Эндрью Карнеджи во что бы то ни стало желающій раздѣлаться со своими мильярдами, и поэтому жертвующій сотни милліоновъ на разныя учрежденія, преимущественно на публичныя библіотеки, задумалъ теперь устроить международный театръ, съ отдѣленіями въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ. Говорятъ, что Корнеджи давно уже имѣетъ эту идею, но до сихъ поръ еще не выработалъ вполнѣ опредѣленнаго плана. Онъ полагаетъ, что театръ можетъ имѣть огромное образовательное значеніе, такъ какъ въ театръ идетъ даже такая публика, которая не очень-то любитъ чтеніе и не принадлежитъ къ числу постоянныхъ посѣтителей библіотекъ. Этой-то публикѣ можно преподавать многое со сцены и оказывать на нее вліяніе. Настоящее драматическое искусство должно, по его мнѣнію, имѣть возвышающее вліяніе, поэтому онъ и желалъ бы устроить такой театръ, въ которомъ культивировались бы лучшія формы этого искусства. Однако, разговоры съ разными директорами театровъ, театральными критиками и актерами не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, такъ такъ мнѣнія этихъ господъ сильно расходятся на счетъ того, какой родъ драматическаго искусства производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на массы и поэтому вопросъ, чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе,—мелодрамѣ, трагедіи или комедіи?—такъ и остался открытымъ. Карнеджи рѣшилъ учредить комитетъ, въ составъ котораго войдутъ драматическіе критики, актеры и директора театровъ, а также нѣкоторые профессора и журналисты, и поручить этому комитету выработать окончательную программу своего международнаго театра. Карнеджи желалъ бы сдѣлать этотъ театръ такимъ, чтобы онъ могъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ театровъ въ свѣтѣ.

Нѣсколько другихъ американскихъ богачей, воодушевленныхъ филантропическими идеями, образовали компанію для постройки маленькихъ коттэджей для рабочихъ, которые могли бы арендовать эти коттэджи за самую низкую цѣну и пріобрѣтать ихъ въ собственность путемъ постепеннаго погашенія долга. Идея эта имѣла большой успѣхъ, и общество филантроповъ, выстроившее множество такихъ коттэджей, дѣйствительно содѣйствовало тому, что смертность, достигавшая въ рабочихъ кварталахъ огромныхъ процентовъ, особенно среди дѣтей, уменьшилась съ переселеніемъ рабочихъ въ загородные коттэджи и въ лучшія гигіеническія условія.

Всякія филантропическія предпріятія въ Соединенныхъ Штатахъ непремѣнно вызываютъ подражаніе и соревнованіе. Характерная черта американскихъ богачей заключается въ томъ, что они всегда желаютъ превзойти одинъ другого въ дѣлахъ общественной пользы и благотворительности, каждый непремѣнно хочетъ связать свое имя съ какимъ-нибудь предпріятіемъ, имѣющимъ широкое общественное значеніе. Поэтому и компанія, выстроившая коттэджи для рабочихъ вызвала немедленно подражаніе. Другой американскій филантропъ, исходя изъ того убѣжденія, что коттэджи, за неимѣніемъ свободной земли, приходится строить вдали отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ и рабочимъ надо тратить время и деньги на передвиженіе по городскимъ желѣзнымъ дорогамъ или трамваямъ, рѣшилъ устроить образцовые отели для рабочихъ, которые должны быть особенно полезны для одинокихъ рабочихъ и для такихъ, которые совершенно не въ состояніи откладывать что-нибудь изъ своей заработной платы на погашеніе долга и поэтому не могутъ пріобрѣсти въ собственность даже самый скромный коттэджъ. Одинъ изъ такихъ образцовыхъ отелей, названный по имени своего основателя Майльса, былъ открытъ въ 1897 году. Онъ заключаетъ въ себѣ 1.560 комнатъ и обошелся самому учредителю болѣе чѣмъ въ милліонъ долларовъ. Второй отель, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, былъ открытъ спустя годъ послѣ перваго, остальные же пока не готовы. Всѣ эти отели находятся въ центрѣ дѣловыхъ кварталовъ и, конечно, такое мѣстоположеніе представляетъ довольно значительныя удобства для обитателей отелей, рабочихъ и разнаго мелкаго служащаго люда. Съ точки зрѣнія гигіены отели Майльса, по словамъ одного бельгійскаго журналиста, посѣтившаго ихъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Но, кромѣ того, Майльсъ позаботился и объ удобствахъ и комфортѣ своихъ жильцовъ. Внѣшній видъ этихъ отелей производитъ внушительное впечатлѣніе, но внутри это впечатлѣніе еще усиливается. Вестибюли, коридоры, подъемныя машины (въ отелѣ 10 этажей), внутренніе дворы, покрытые стеклянною крышей—все это декорировано и хотя, быть можетъ, съ художественной точки зрѣнія, эти украшенія оставляютъ желать многаго и не всегда удовлетворяютъ требованіямъ изысканнаго вкуса, но тѣмъ не менѣе производятъ хорошее впечатлѣніе, такъ какъ все блеститъ чистотой и свѣтлыя краски стѣнъ и потолковъ очень пріятны для глазъ. Отель имѣетъ превосходную вентиляцію и хорошо освѣщенъ. Въ сущности, онъ напоминаетъ огромную металлическую клѣтку, стѣны которой сдѣланы изъ стекла, мѣстами матоваго, и поэтому солнечный свѣтъ всюду проникаетъ безпрепятственно. Отель отапливается паромъ. Комнаты достаточно высоки, такъ что воздуха въ нихъ много и, кромѣ того, они тщательно дезинфицируются и вычищаются послѣ каждаго жильца, хотя бы онъ провелъ въ нихъ только одну ночь. Комната стоитъ 20 центовъ за ночь. Плата взимается впередъ, но никакихъ дополненій къ этой платѣ не существуетъ.

Особенность этихъ отелей заключается въ томъ, что они даютъ пріютъ исключительно только холостымъ. Всѣ спальни очень маленькія; въ нихъ заключается ровно столько мѣста, сколько нужно для того, чтобы можно было поставить кровать, возлѣ нея шкафчикъ для бѣлья и стулъ такъ, чтобы было свободное пространство для раздѣванія и одѣванія. Для остальныхъ вещей, которыя могутъ быть у жильца, отводится отдѣльный шкафъ съ секретнымъ замкомъ, стоящій въ огромной залѣ. Въ отелѣ нѣсколько такихъ залъ со шкафами, такъ какъ шкафовъ столько же, сколько номеровъ или комнатъ, и каждый шкафъ непремѣнно занумерованъ.

Кромѣ всего этого, въ отелѣ устроены курительныя комнаты, залы для чтенія и разговоровъ, ванны и души, которыми жильцы могутъ пользоваться безплатно, и общія умывальныя комнаты. Если жилецъ самъ желаетъ вымыть свое бѣлье, то къ его услугамъ (также безплатно) прачешныя и сушильни.

Къ отелю же примыкаетъ ресторанъ, гдѣ достаточно мѣста для 3.000 человѣкъ. Въ этомъ ресторанѣ жильцы и приглашенные ими посѣтители могутъ получать разнообразную и здоровую пищу по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Слѣдуетъ прибавить, что, какъ во всѣхъ такихъ учрежденіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, соблюдается и здѣсь принципъ абсолютной индивидуальной свободы. Никто не вмѣшивается въ образъ жизни обитателей отеля, они могутъ дѣлать все, что имъ угодно, но... абсолютно воспрещается употребленіе спиртныхъ напитковъ въ отелѣ. Если другіе жильцы внесутъ жалобу администраціи отеля, обвиняющую котораго нибудь изъ обитателей въ пьянствѣ и безнравственныхъ поступкахъ въ отелѣ, подкрѣпивъ свое обвиненіе фактами, то виновникъ навсегда изгоняется изъ отеля. Однако, въ отелѣ живется такъ хорошо и съ такими удобствами, что каждый, попавшій туда, старается сохранить свое мѣсто и поэтому иногда волей-неволей слѣдитъ за собой, чтобы не навлечь на себя нареканій и не быть вынужденнымъ оставить отель не по своей волѣ, а по волѣ администраціи.

Женщина въ Бирмѣ. Мы привыкли думать, что у восточныхъ народовъ женщина занимаетъ болѣе или менѣе подчиненное положеніе; чаще всего она—раба мужчины. Однако Фильдингъ, прожившій долгіе годы въ Бирмѣ, констатируетъ, что положеніе женщины у бирманскихъ буддистовъ далеко не отвѣчаетъ этимъ установившимся воззрѣніямъ. Прочитавшіе его книгу «The Soul of a peuple», гдѣ онъ описываетъ жизнь въ Бирмѣ, конечно, должны были удивиться, узнавъ, что программа современнаго женскаго движенія давно уже осуществлена въ Бирмѣ во многихъ направленіяхъ.

Фильдингъ говоритъ, что бирманскіе законы не дѣлаютъ никакого различія между женщиной и мужчиной. Уголовные законы и законы о бракѣ и наслѣдствѣ признаютъ женщинъ и мужчинъ совершенно равноправными, только за однимъ исключеніемъ: жизнь женщины оцѣнивается дешевле при наложеніи денежнаго взысканія за поврежденія или убійство. На вопросъ Фильдинга: отчего такое различіе? Ему отвѣчали: «законъ не дѣлаетъ тутъ никакого принципіальнаго различія, а только констатируетъ фактъ. Если оцѣнивать на деньги, то, разумѣется, женщина должна стоить дешевле мужчины. Вѣдь женскую прислугу можно нанять дешевле мужской и поэтому за дочь надо платить меньше, нежели за сына, такъ какъ дочь не можетъ дѣлать такую же работу, она недостаточно сильна. Если бы было иначе, то законъ, конечно, отмѣтилъ бы это, такъ какъ заранѣе предвзятаго взгляда на женщину, какъ на существо низшее, въ Бирмѣ нѣтъ и не можетъ быть».

Женщина въ Бирмѣ никогда не бываетъ порабощена и можетъ устраивать свою жизнь, какъ ей хочется. Выходя замужъ, она сохраняетъ свое дѣвическое имя. Костюмъ замужней женщины ничѣмъ не отличается отъ костюма дѣвушки. Законъ устанавливаетъ полное раздѣленіе имущества и мужъ не имѣетъ никакихъ правъ на то, что принадлежитъ женѣ, и на ея личный заработокъ; то что они заработали или пріобрѣли совмѣстно, принадлежитъ равно обоимъ. При обозначеніи какой-нибудь собственности всегда упоминаются оба владѣльца, мужъ и жена. Всѣ документы, относящіеся къ этой собственности, купчая крѣпость и т. д., подписываются обоими. Такимъ образомъ, бирманскіе законы прочно устанавливаютъ положеніе женщины и ея права и по выходѣ замужъ, она нисколько не теряетъ своей самостоятельности, не мѣняетъ своего имени на имя мужа и не дѣлается его собственностью.

Фильдингъ обращаетъ вниманіе на то, что законы Ману, которые пользуются во всей Индіи такимъ почетомъ, очень реакціонны по отношенію къ женщинѣ. Эти законы рисуютъ идеалъ замужней женщины совершенно не такъ, какъ представляетъ его себѣ бирманская дѣвушка. Ману говоритъ: «существуетъ

семь родовъ женщинъ: женщина можетъ быть въ отношеніи мужчины врагомъ, повелителемъ, другомъ, сестрою, матерью или рабой. Четыре послѣднихъ рода женщинъ хороши, но самый лучшій—послѣдній!» Затѣмъ Ману перечисляетъ качества женщины-рабы и прибавляетъ, что она должна вѣчно страшиться гнѣва своего повелителя. Бирманская дѣвушка не можетъ представить себѣ такое душевное состояніе, которое испытываетъ раба, оно для нея непонятно, и поэтому, конечно, она никогда не будетъ рабою своего мужа, а будетъ его равноправной подругой во всѣхъ отношеніяхъ не смотря на законы Ману.

Что касается развода, то въ этомъ отношеніи бирманское законодательство очень прогрессивно. Каждый бракъ можетъ быть расторгнутъ безъ всякихъ затрудненій; супруги только должны явиться къ старшинѣ деревни и объявить ему, что они хотятъ развода. Это желаніе ихъ заносится въ книгу, имъ выдается документъ, и оба супруга съ этой минуты свободны. Каждый изъ нихъ сохраняетъ свое имущество, а пріобрѣтенное вмѣстѣ, дѣлится пополамъ. Но только тотъ изъ супруговъ, который потребовалъ развода, теряетъ права на домъ, переходящій къ другому супругу. Религія также мало имѣетъ отношенія къ разводу, какъ и къ браку; и то, и другое считается чисто мірскимъ дѣломъ и бракъ ставится на одну ступень съ промышленными ассоціаціями съ точки зрѣнія закона.

«Но замѣчательно то,—говоритъ Фильдингъ,—что, несмотря на такую легкость развода, онъ представляетъ довольно рѣдкое явленіе въ Бирмѣ. Въ деревняхъ и среди лучшихъ представителей всѣхъ классовъ населенія разводъ встрѣчается лишь какъ исключеніе. Единственный классъ, въ которомъ разводъ составляетъ обычное явленіе, это — полицейскіе и вообще всѣ тѣ, кто чаще приходитъ въ соприкосновеніе съ англичанами».

Фильдингъ объясняетъ рѣдкость развода въ Бирмѣ тѣмъ, что бракъ составляетъ тамъ свободную ассоціацію и что вообще браки тамъ заключаются по взаимной склонности, а не вслѣдствіе какихъ-либо практическихъ соображеній. Фильдингъ съ восторгомъ отзывается о бирманцахъ и называетъ ихъ народомъ, «горячо-любящимъ свободу и не соглашающимся ни на какіе компромиссы въ этомъ отношеніи, не признающимъ ни цѣпей, ни догмата».

Федеративное поселеніе въ Новой Зеландіи. Новая Зеландія—страна всевозможныхъ соціально-научныхъ экспериментовъ не колеблясь проводитъ на практикѣ многія изъ тѣхъ идей, объ осуществленіи которыхъ соціальные реформаторы въ Европѣ только могутъ мечтать. Благодаря такой смѣлости новозеландцевъ, европейцы получаютъ возможность провѣрять свои теоріи и судить объ ихъ пригодности въ практической жизни. Такимъ образомъ Новая Зеландія можетъ быть названа настоящею соціальною лабораторіей и вполнѣ естественно, что въ Европѣ слѣдятъ съ большимъ интересомъ за многими изъ начинаній и опытовъ новозеландцевъ.

Къ числу такихъ заслуживающихъ вниманія экспериментовъ принадлежитъ федеративное поселеніе, устроенное въ окрестностяхъ хорошенькаго городка Кристчерча профессоромъ Бикертономъ, читающимъ химію и физику въ мѣстномъ университетѣ. Устраивая свое общество на кооперативныхъ началахъ, проф. Бикертонъ имѣлъ въ виду дать возможность семьямъ и одинокимъ, студентамъ и служащимъ, обладающимъ лишь ограниченными средствами къ жизни, пользоваться удобствами при самой небольшой затратѣ. Онъ исходитъ изъ того убѣжденія, что совмѣстная жизнь нѣсколькихъ лицъ всегда обходится дешевле каждому изъ нихъ въ отдѣльности и это относится также къ семьямъ. Эта мысль и была поставлена имъ въ основу своего учрежденія.

Проф. Бикертонъ, конечно, прежде всего думалъ объ одинокихъ студентахъ, часто лишенныхъ самаго необходимаго комфорта и вынужденныхъ селиться въ

самой непригдядной обстановкѣ, гдѣ-нибудь въ меблированныхъ комнатахъ. Для этихъ-то молодыхъ людей Бикертонъ и желалъ создать подходящую соціальную обстановку и постоянное общеніе съ товарищами. Вступая въ основанное имъ федеративное общество, студенты становились его равноправными членами и могли уже на общихъ основаніяхъ поселяться въ «Войнони»—такъ называется мѣсто, которое избралъ проф. Бикертонъ для своего опыта.

Трудно себѣ представить болѣе живописное мѣстоположеніе, чѣмъ то, которое занимаетъ это поселеніе. Вайнони, означаетъ на маорійскомъ языкѣ «изгибъ рѣки». Дѣйствительно въ этомъ мѣстѣ серебристая рѣчка Авонъ такъ изгибается въ своемъ теченія, что принимаетъ форму подковы; отсюда открывается чудный видъ на Кэнтерберійскую равнину и снѣговыя вершины Новозеландскихъ Альпъ, такъ что, съ точки зрѣнія красоты природы, мѣсто, выбранное Бикертономъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Бикертонъ справедливо придавалъ большое значеніе, какъ красотѣ мѣстности, такъ и гигіеническимъ условіямъ. Вначалѣ федеративное общество было очень малочисленно, но потомъ быстро разрослось и теперь число членовъ поселенія постоянно возрастаетъ.

Купивъ землю въ Вайнони, 14 лѣтъ тому назадъ, Бикертонъ тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ домовъ и разведенію сада. Въ настоящее время поселеніе окружено такимъ роскошнымъ садомъ, гдѣ растутъ пальмы, юкки и красивыя хвойныя деревья, такъ что трудно даже представить себѣ, что четырнадцать лѣтъ тому назадъ тутъ были только песчаные холмы и не было нигдѣ ни деревца, ни травки.

Центръ поселенія составляетъ, конечно, домъ профессора Бикертона и вокругъ него уже расположены всѣ другія зданія. Но самъ профессоръ съ семьей занимаетъ въ своемъ домѣ лишь весьма небольшое число комнатъ, остальныя же—гостиная, столовая, зала и великолѣпный зимній садъ, составляютъ общее достояніе. Согласно установившемуся правилу, всѣ обитатели поселенія сходятся вмѣстѣ въ четыре часа дня, чтобы напиться чаю, который подается въ гостиной; что же касается обѣда, то онъ, хотя и изготовляется въ общей кухнѣ, но подается отдѣльно, на маленькихъ столикахъ въ столовой, вродѣ того, какъ это принято въ ресторанахъ. Бикертонъ ввелъ этотъ обычай для того, чтобы не стѣснять ни привычекъ, ни желаній членовъ поселенія, въ особенности семейныхъ. Меню обѣда большею частью самое простое, но продукты всегда безусловно свѣжіе — на это Бикертономъ обращено особенное вниманіе, также какъ и на дешевизну продуктовъ. Во главѣ управленія дѣлами поселенія стоитъ комитетъ, который собирается еженедѣльно для обсужденія различныхъ вопросовъ, касающихся администраціи и провѣрки расходовъ, а также назначенія дежурныхъ, которыя должны въ теченіе слѣдующей недѣли завѣдывать кухней и слѣдить за порядкомъ и чистотой.

Кухня и прачешная находятся, конечно, въ вѣдѣніи женщинъ, живущихъ въ поселеніи. Среди этихъ послѣднихъ встрѣчаются и одинокія, и семейныя женщины, но и тѣ, и другія охотно несутъ свою долю общей работы. Нѣкоторыя даже избавляются отъ арендной платы, сравнительно довольно низкой, если ихъ труды на общую пользу признаются комитетомъ вполнѣ покрывающими расходы на ихъ содержаніе. Проф. Бикертонъ считаетъ особенно благотворнымъ то, что такая совмѣстная жизнь уничтожаетъ обособленность отдѣльныхъ семействъ, живущихъ обыкновенно только собственными интересами, не говоря уже о томъ, что она создаетъ домашнюю обстановку одинокимъ студентамъ, оторваннымъ отъ своей семьи и часто осужденнымъ терпѣть лишенія вслѣдствіе недостаточности средствъ.

Федеративное общество открываетъ свои двери всѣмъ желающимъ. Всякій можетъ поселиться въ Вайнони, если тамъ найдется для него свободное мѣсто.

Всѣ члены равны, всѣ несутъ свою долю расходовъ, а также участвуютъ въ общихъ хозяйственныхъ работахъ. Принципъ этого общества — обходиться, по возможности, безъ помощи слугъ, такъ что почти всѣ домашнія работы выполняются самими членами общества по очереди и только для болѣе затруднительныхъ работъ, требующихъ притомъ спеціальныхъ знаній, какъ, наприм., строительныя и огородныя работы, употребляются наемныя руки. Въ числѣ «федератовъ»—такъ называютъ обитателей этого поселенія и членовъ общества—находятся также и рабочіе, которые утромъ отправляются на фабрики и только вечера проводятъ въ федеративномъ поселеніи. Вообще надо сознаться, что трудно себѣ представить болѣе разнородное общество, чѣмъ то, которое собралось подъ эгидою профессора Бикертона въ Вайнови. Тутъ находятся люди, стоящіе на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и притомъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ и религіозныхъ взглядовъ и убѣжденій, а между тѣмъ ни разу, за все время существованія поселенія, не произошло ни малѣйшей ссоры и столкновенія между его обитателями. Казалось совершенно невозможнымъ устроить общеніе между такими разнородными элементами, но профессоръ Бикертонъ сдѣлалъ невозможное возможнымъ. Онъ больше всего заботился именно о томъ, чтобы поддерживать постоянное общеніе между членами своего общества, устраивая разныя собранія, увеселительныя поѣздки и т. д. Громадное уваженіе и авторитетъ, которыми онъ пользуется среди всѣхъ группирующихся около него членовъ, оказываются вполнѣ достаточными для поддержанія порядка въ этомъ разношерстномъ обществѣ.

Обитатели поселенія пользуются абсолютною свободой и могутъ заниматься, чѣмъ имъ угодно. Никто не въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ частную жизнь и что касается ихъ политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, то это также составляетъ ихъ личное дѣло. Основатель этой федераціи—врагъ всякихъ писаныхъ постановленій и законовъ и вполнѣ полагается на то, что интересы федераціи равно дороги всѣмъ ея членамъ. Дѣйствительно, между членами федераціи образовалось какъ бы безмолвное соглашеніе относительно нѣкоторыхъ правилъ поведенія, которыя считаются обязательными для всѣхъ, и эти правила соблюдаются съ такою же строгостью, какъ и тѣ, которыя устанавливаются закономъ, и въ данномъ случаѣ играетъ большую роль общественное мнѣніе. Общественное мнѣніе въ Вайнови является главнымъ факторомъ, руководящимъ поведеніемъ членовъ этой любопытной общины.

Федераторы, большею частью, занятые люди. Это или студенты, посѣщающіе лекціи въ университетѣ, или люди, имѣющіе какія-нибудь дѣла или занятія въ городѣ, или же рабочіе. Потерявшій работу въ городѣ всегда можетъ найти въ Вайнови какое-нибудь занятіе, которое дастъ ему возможность просуществовать, пока онъ не найдетъ что-нибудь, болѣе подходящее. Въ Вайнови устроена самимъ профессоромъ фабрика фальшфейеровъ для судовъ и разныхъ фейерверочныхъ предметовъ, единственная въ Новой Зеландіи, а также фабрика разныхъ шипучихъ порошковъ для освѣжительнаго питья лѣтомъ. На той и другой фабрикѣ члены федераціи всегда могутъ найти себѣ временное или постоянное занятіе.

Что касается развлеченій, то федераторамъ также представляется богатый выборъ: прогулки въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу, окружающемъ Вайнови, катаніе по рѣкѣ, занятія въ саду и оранжереяхъ, изобилующихъ цвѣтами, великолѣпныя площадки для игры въ лоунъ-теннисъ и крокетъ. Кромѣ того, для желающихъ имѣется превосходный билліардъ, а столовая устроена такъ, что она всегда можетъ быть превращена въ театральный залъ. Дѣйствительно, въ этомъ залѣ еженедѣльно устраиваются какія-нибудь собранія, концерты и театральныя представленія; къ услугамъ же тѣхъ, кто любитъ читать, имѣется прекрасная библіотека и читальня, гдѣ получается множество журналовъ и газетъ.

Профессоръ Бикертонъ, ищущій постоянно способа удешевить какъ можно больше жизнь въ своемъ федеративномъ поселеніи, которое постепенно пріобрѣтаетъ размѣры маленькаго городка, занятъ въ настоящее время опытами постройки домовъ изъ бумаги. Послѣдніе его опыты оказались очень удачными. Посредствомъ изобрѣтеннаго имъ способа онъ придаетъ этимъ домамъ почти такую же прочность, какъ и деревяннымъ. Эти дома очень теплы, противостоятъ сырости и въ Новой Зеландіи—странѣ, часто посѣщаемой землетрясеніями, они представляютъ огромное преимущество, не говоря уже о дешевизнѣ. Профессоръ Бикертонъ уже выстроилъ нѣсколько такихъ домиковъ, напоминающихъ швейцарскіе домики; въ нѣкоторыхъ живутъ федераторы, въ другихъ помѣщается картинная галлерея, фотографія и химическая лабораторія.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Пережитое въ Антарктическомъ морѣ.—Безмолвный городъ.—Армянскій патріотъ: Тигранъ Іергамъ.—Успѣхи женскаго движенія во Франціи. — Великая китайская энциклопедія.

Извѣстный полярный путешественникъ Борхгревингкъ разсказываетъ въ «National Review» о томъ, что ему пришлось испытать въ Антарктическомъ морѣ, гдѣ онъ и его спутники были постоянно окружены опасностями. Однажды, напримѣръ, онъ и его товарищъ капитанъ Іенсенъ, чуть не поплатились жизнью во время рожденія айсберга. «Мы съѣхали на берегъ къ подножію горы,—говоритъ онъ,—а лодку послали назадъ за фотографическимъ аппаратомъ. Вдругъ надъ нашими головами раздался страшный грохотъ. Въ первую минуту мы подумали, что скала рушится на насъ, но вскорѣ догадались, что отъ верхняго глетчера отдѣлился айсбергъ. И дѣйствительно, не успѣли мы опомниться, какъ чудовищная ледяная масса, отдѣлившись отъ горы, погрузилась въ океанъ. Образовалось громадное облако, состоящее изъ воды и снѣга, которое заволокло всѣ предметы и только когда оно разсѣялось, мы увидали, что насъ ожидаетъ. Громадная волна, имѣющая большое сходство съ приливомъ, надвигалась на насъ. Эта волна образовалась вслѣдствіе погруженія ледяной массы и грозила затопить насъ. Мы занимали небольшое сухое мѣстечко на маленькой песчаной мели, возвышающееся не болѣе, какъ на четыре фута надъ водой. Волна росла, по мѣрѣ того, какъ приближалась къ намъ, и я только успѣлъ крикнуть Іенсену, чтобы онъ боролся за свою жизнь, какъ меня уже подхватила волна. Я, что есть силы, ухватился за скалу, цѣпляясь за нее руками и ногтями, такъ какъ вода и ледъ прибили меня къ этой скалѣ. Волна, однако, только прошла черезъ наши головы, и когда она отхлынула назадъ, то я увидалъ, что возлѣ меня находится Іенсенъ. За этою волной послѣдовали другія, впрочемъ, меньшихъ размѣровъ, такъ что намъ они уже не были страшны послѣ той громадной волны, которая чуть не погубила насъ».

Но не всегда отважнымъ путешественникамъ смерть грозила отъ волны. Однажды они чуть не погибли отъ лавины. «Мой лапландецъ Савіо, вмѣстѣ со мною втащилъ нашъ каякъ вверхъ на склонъ горы,—пишетъ Борхгревингкъ далѣе, — и я уже собирался влѣзть въ каякъ, чтобы тамъ отдохнуть, какъ вдругъ раздался какой-то оглушительный трескъ, возвѣщавшій намъ о приближеніи лавины. Мой Савіо сейчасъ же догадался въ чемъ дѣло и поэтому бросился бѣжать вверхъ по склону горы къ каяку, гдѣ я находился, чтобы немедленно стащить меня въ воду вмѣстѣ съ каякомъ. Но оказалось слишкомъ поздно. Прежде, чѣмъ онъ добѣжалъ до каяка, камни и снѣгъ уже обрушились и я очутился въ чрезвычайно густомъ снѣжномъ облакѣ. Къ счастью для

меня, огромный кусокъ отдѣлившейся скалы упалъ позади каяка, не то я, конечно, былъ бы раздавленъ имъ. Такими поучительными фактами было очень богато наше пребываніе въ странѣ Викторія. Спасшись отъ одной опасности, мы тотчасъ же подвергались другой и поэтому не могли ручаться ни за одинъ часъ своей жизни. Наши лапландцы были намъ очень полезны. Ихъ знаніе полярныхъ странъ давало имъ возможность предвидѣть опасность въ нѣкоторыхъ случаяхъ и предупредить ее. Савіо спасъ пятерыхъ изъ насъ, хотя спасеніе казалось невозможно. Мы были отрѣзаны со всѣхъ сторонъ внезапно образовавшимися трещинами во льду. Передъ нами была почти отвѣсная стѣна круто выступающаго изъ моря глетчера. Эта перпендикулярная ледяная стѣна въ пять тысячъ футовъ высоты, была нашимъ единственнымъ путемъ къ спасенію. Мы рѣшили его испробовать. Связавъ себя веревкой, мы стали на нее взбираться, Савіо шелъ впереди съ маленькимъ топоромъ въ рукахъ, которымъ онъ вырубалъ впадины во льду. Мы двигались почти вертикально другъ надъ другомъ и ноги одного касались головы другого. Савіо карабкался точно кошка, отыскивая лучшія мѣста, и если бы не его находчивость и хладнокровіе, то, конечно, ни одинъ изъ насъ не выбрался бы изъ ледяной могилы».

Борхгревингкъ съ благодарностью вспоминаетъ всѣ эти случаи, когда Савіо являлся его спасителемъ. Онъ говоритъ, что путешествіе въ полярныхъ странахъ безъ такихъ опытныхъ спутниковъ было бы и тяжелѣе и гораздо опаснѣе.

Отъ южныхъ полярныхъ странъ перейдемъ къ сѣвернымъ. Въ томъ же журналѣ описывается одно въ высшей степени замѣчательное атмосферическое явленіе, которое наблюдается въ Аляскѣ. Это совершенно необыкновенный миражъ — фатаморгана, появляющаяся какъ разъ надъ Мюирскимъ глетчеромъ и постоянно мѣняющая свою форму. Тѣ немногіе путешественники, которымъ удалось наблюдать это явленіе, описываютъ его, какъ нѣчто необыкновенное. Между ними внезапно появлялся цѣлый городъ, напоминавшій своимъ видомъ старинные англійскіе города, со всѣми ихъ характерными особенностями. Явленіе также внезапно исчезало, какъ и появлялось, и путешественникъ невольно останавливался пораженный тѣмъ, что онъ видѣлъ. Индѣйцы назвали это явленіе «безмолвнымъ городомъ»; они вѣрятъ въ его реальность, но такъ какъ это заколдованный городъ, то достигнуть его нельзя. Разсказы объ этомъ удивительномъ городѣ казались до такой степени неправдоподобными, что возбуждали сомнѣнія. Но въ 1897 г. это явленіе наблюдалъ герцогъ Абруцскій во время своего восхожденія на гору св. Иліи и слѣдующимъ образомъ описываетъ его: «Мы ясно видѣли передъ собою южныя возвышенія горы св. Иліи, рѣзко выдѣлявшіяся на совершенно чистомъ голубомъ небосклонѣ и переходившія затѣмъ въ длинную горную цѣпь. Но по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ этой грядѣ, у самаго глетчера, очертанія ея начали мѣнять свою форму на нашихъ глазахъ и мы больше ихъ не узнавали. Горы словно растворились въ воздухѣ и вмѣсто нихъ передъ нами появились какія-то странныя фигуры, принимавшія самыя причудливыя формы. Вскорѣ, однако, мы стали ясно различать очертанія какихъ-то зданій, колокольни, минареты, соборы самаго фантастическаго вида и т. п. Всѣ эти образы медленно появлялись, пріобрѣтали болѣе опредѣленныя рѣзкія очертанія и наконецъ исчезали, точно растворяясь въ воздухѣ. Мы точно очарованные смотрѣли на эту картину, на этотъ «безмолвный городъ», то появляющійся, то исчезающій въ совершенно чистой прозрачной атмосферѣ горы, словно гигантскій призракъ, пугающій и привлекающій насъ своею таинственностью».

Тигранъ Іергатъ умеръ въ декабрѣ 1899 г. Ему было всего 29 лѣтъ. Но несмотря на такіе молодые года, онъ успѣлъ все-таки многое сдѣлать для своей

родины, и армяне сохранили о немъ самое благодарное воспоминаніе. Тигранъ Іергатъ, по словамъ «Revue des Revues», родился въ Константинополѣ и принадлежалъ къ древней армянской аристократіи. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ привезенъ во Францію и отданъ въ школу доминиканцевъ, откуда онъ вышелъ уже со званіемъ баккалавра. Онъ аккуратно ѣздилъ на вакаціи къ своему дѣду (отецъ его давно умеръ) въ Константинополь. Его дѣдъ былъ очень образованный человѣкъ и съ любовью слѣдилъ за развитіемъ своего внука, которому онъ старался внушить любовь къ своему народу и желаніе служить ему. Молодой Тигранъ рано почувствовалъ въ себѣ призваніе къ литературѣ и началъ готовиться къ этой профессіи, проводя все свое свободное время въ національной библіотекѣ въ Парижѣ, гдѣ онъ, по окончаніи школы, занялъ скромную должность клерка въ одномъ изъ парижскихъ банковъ. Онъ дебютировалъ въ литературѣ очерками востока, появившимися въ «Nouvelle Revue», «Revue internationale», «Gaulois» и «Figaro» и обратившими на себя вниманіе.

Первая публичная лекція, которую онъ прочелъ въ Парижѣ по предложенію международнаго института о Турціи и ея нравственной и политической эволюціи, имѣла огромный успѣхъ. О немъ начали говорить и въ образованномъ обществѣ искали съ нимъ знакомства. Но ему трудно было жить. Его семья разорилась и ему пришлось перомъ зарабатывать себѣ средства къ жизни. Онъ вернулся въ Константинополь гдѣ, благодаря тому, что имя его уже пользовалось извѣстностью среди литературно-образованной публики, его приняли очень радушно въ избранномъ кругу, какъ въ христіанскомъ, такъ и мусульманскомъ. Но бѣдному юношѣ борьба за существованіе давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Онъ долженъ былъ принять скромную должность, предложенную ему въ городской администраціи, но утѣшеніемъ для него послужило то, что вскорѣ ему было предложено занять мѣсто профессора исторіи въ одной изъ турецкихъ школъ въ Стамбулѣ. Благодаря этому обстоятельству, онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ древнимъ мусульманскимъ міромъ, съ старотурецкою партіей его улемами, дервишами и разными мусульманскими писателями. Его знаніе востока еще болѣе расширилось и вмѣстѣ съ этимъ возрасла его литературная репутація.

Между тѣмъ, въ Константинополь, не смотря на насильственное молчаніе печати, стали все-таки проникать слухи объ избіеніяхъ армянъ въ Малой Азіи. Конечно, это произвело сильное впечатлѣніе на молодого армянскаго писателя, который тогда для своихъ политическихъ статей принялъ псевдонимъ Тиграна Іергата, раньше же онъ подписывался всегда своею настоящею фамиліей. Псевдонимъ этотъ имѣлъ символическое значеніе. Тигранъ—было имя одного храбраго армянскаго царя, а Іергатъ означаетъ по-армянски желѣзо, дѣйствительно Тигранъ Іергатъ съ этого момента сдѣлался борцомъ за святое дѣло своей родины и до самаго конца не переставалъ защищать права своихъ соотечественниковъ передъ лицомъ всей Европы.

30-го сентября 1895 г. потоки армянской крови залили улицы Стамбула. Бойня, начатая въ Константинополѣ, продолжалась въ Трапезундѣ, Эрзерумѣ, Битлисоѣ и др. городахъ Малой Азіи. Тогда Тигранъ Іергатъ открыто перешелъ на сторону армянской революціонной партіи и составилъ прокламаціи для армянскаго комитета «Henchak», находящагося въ Лондонѣ, которыя и были напечатаны въ «Times». Онъ же былъ авторомъ писемъ, полученныхъ иностранными послами въ Константинополѣ и вызвавшихъ такое волненіе Однако несмотря на такую дѣятельность явно революціоннаго характера, Тигранъ долго ухитрялся обманывать бдительность турецкихъ властей и въ самый разгаръ армянскихъ безпорядковъ онъ продолжалъ преподавать исторію въ турецкой школѣ. Только тогда, когда онъ почувствовалъ себя не въ безопасности, онъ рѣшился бѣжать изъ Константинополя и тайкомъ пробрался въ Пирей. Мрач-

ный и больной, вступилъ Тигранъ Іергатъ въ послѣдній разъ на берегъ Золотого Рога, осенью 1898 г. Вѣроятно, въ душѣ его тѣснились воспоминанія объ избіеніи въ 1896 г., когда онъ проходилъ по улицамъ города. Въ Константинополѣ тогда царствовалъ терроръ и Тигранъ вскорѣ убѣдился въ этомъ, такъ какъ увидѣлъ себя покинутымъ всѣми тѣми людьми, которые нѣкогда показывали ему столько вниманія; никто не рѣшался показываться съ нимъ теперь, потому что турецкое правительство зорко слѣдило за нимъ. Тигранъ понялъ, что онъ находится въ плѣну и что дѣло его родины проиграно.

«Humanitarian» печатаетъ статью объ успѣхахъ женскаго движенія во Франціи. По сравненію съ Англіей и Соединенными Штатами, которые являются настоящею колыбелью женской эмансипаціи, Франція, конечно, далеко отстала. Женское движеніе только за послѣдніе годы сдѣлало замѣтные шаги впередъ и обратило на себя серьезное вниманіе Французскаго общества и литературы, относившихся вначалѣ съ нѣсколько презрительною ироніей къ такъ называемому «феминизму». Доказательствомъ служитъ то, что недавно основанная лига для защиты правъ женщины имѣетъ много сторонниковъ среди мужчинъ, затѣмъ «College Libre des sciences Sociales» также оказала свое содѣйствіе женскому движенію организаціей публичныхъ лекцій о феминизмѣ. Насколько широка программа этихъ лекцій видно изъ слѣдующихъ темъ: «Физическая и психическая эволюціи женщины», «Соціальная эволюція женщины», «Современное положеніе женщины съ точки зрѣнія семьи и труда», «Предшественники феминизма», «Міръ феминизма», «Враги женщины», «Побѣды феминистовъ», «Работа женщинъ», «Надежды феминизма», и «Роль женщины въ будущемъ обществѣ».

Оффиціальное допущеніе женщинъ во Франціи къ адвокатскимъ обязанностямъ, конечно, надо считать крупною побѣдою феминизма. Женщинамъ долго пришлось ждать этого разрѣшенія. Онѣ давно уже имѣли право держать экзаменъ на доктора права, но эта ученая степень не давала имъ никакихъ правъ! Парижскій судъ въ 1897 г. постановилъ не допускать женщинъ къ адвокатской присягѣ, и это постановленіе превращало въ мертвую букву всѣ права, соединенныя съ ученою степенью. Чтобы пособить горю, такіе извѣстные люди, какъ Дешанель, Леонъ Буржуа, Левеллье и Пуанкаре, внесли въ палату законопроектъ, отмѣнявшій постановленіе суда, которое они считали вопіющею несправедливостью. Но, къ несчастью, это какъ разъ совпало съ выборами и законопроектъ былъ отложенъ. Въ новой палатѣ его, впрочемъ, вытащили изъ подъ сукна по почину соціалистскаго депутата Рене Вивіани. Въ іюнѣ 1899 г. онъ былъ принятъ почти безъ преній 312 голосами противъ 160. Оставалось только передать его въ сенатъ. Почти всѣ сенаторы высказывались раньше въ пользу этого законопроекта, такъ что судьба его была обезпечена. Дѣйствительно, законопроектъ былъ вотированъ большинствомъ 173 голосовъ противъ 34. Конечно, не обошлось безъ оппозиціи, Сенаторъ Гуржю произнесъ длинную и довольно пламенную рѣчь противъ женскихъ притязаній, въ которой онъ, конечно, не замедлилъ распространиться объ опасностяхъ, угрожающихъ женщинѣ въ этой погонѣ за правами. Разумѣется, почтенный сенаторъ всего больше боялся, что женщина потеряетъ свою женственность. Какъ бы тамъ ни было, но законопроектъ былъ принятъ и по истеченіи законнаго срока вступилъ въ силу. Наша соотечественница г-жа Пти (урожденная Болоковская, изъ Кіева) была первою женщиной, воспользовавшейся новымъ закономъ. Она оффиціально вступила въ адвокатское сословіе послѣ принятія установленной присяги.

Другія профессіи, напр. медицинская, давно открыты для женщинъ во Франціи, но только за послѣдніе годы французскія женщины обнаружили стремленіе къ этой научной и практической дѣятельности. Какъ это ни странно,

но, повидимому, женщинамъ-врачамъ во Франціи приходится труднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, практикующихъ женщинъ-врачей во Франціи очень мало.

Наибольшаго успѣха французскія женщины добились въ области журналистики и литературы. Въ этой области онѣ успѣшно конкурируютъ съ мужчинами. Недавно и академія художествъ открыла женщинамъ свои двери.

Профессоръ Гербертъ Джельсъ говоритъ въ «Nineteenth Century» что послѣдняя китайская война причинила невознаградимыя потери наукѣ и литературѣ. Во время освобожденія посольствъ въ Пекинѣ погибла великая китайская энциклопедія. «Это самая ужасная литературная катастрофа, какую только переживалъ міръ!» восклицаетъ профессоръ и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ описаніе этой энциклопедіи. Въ 1403 году Юнгъ Ло, третій императоръ династіи Минговъ, назначилъ коммиссію для изданія энциклопедіи. Предсѣдателемъ этой коммиссіи императоръ назначилъ первѣйшаго китайскаго ученаго Хси-Чина. Съ помощью своихъ 146 коллегъ Хси-Чинъ закончилъ свой трудъ въ одинъ годъ и четыре мѣсяца. Однако, императоръ остался не совсѣмъ доволенъ и назначилъ новую коммиссію, которая уже состояла изъ 2.169 членовъ; въ томъ числѣ находился и Хси-Чинъ. По желанію императора, въ этой энциклопедіи должны были заключаться всѣ произведенія Конфуція и все, что было написано по литературѣ, философіи и исторіи. Къ концу 1407 года работа была кончена и императору представлена громадная энциклопедія, удостоившаяся его одобренія. Энциклопедія была названа «Великимъ образцовымъ произведеніемъ Юнгъ-Ло» и состояла изъ 22.877 отдѣловъ въ 11.000 томахъ, толщиною въ полъ-дюйма, такъ что если положитъ всѣ эти тома плашмя другъ на друга, то вышина колонны достигла бы 450 футовъ.

Съ той самой поры, какъ городъ Пекинъ былъ открытъ иностранцамъ въ 1860 г., иностранные ученые тщетно старались добиться разрѣшенія хотя бы только мелькомъ взглянуть на это литературное сокровище. Теперь это неоцѣненное сокровище погибло; удалось спасти только нѣсколько томовъ.

Нищета въ Парижѣ.

(Письмо изъ Парижа).

I.

— Permettez messieurs, que je vous chante une romance sentimentale...

Съ этими словами обратился къ публикѣ пѣвецъ стоящій у двери одного изъ ресторановъ въ Севрской улицѣ. Не дожидаясь отвѣта, онъ началъ пѣть одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ романсовъ, которые, какъ варіанты какого-нибудь стариннаго сказанія, воспѣваютъ любовь Миньоны. Онъ началъ фальшивымъ и сиплымъ голосомъ, прерываемымъ отъ времени до времени сильной дрожью отъ холода, который сковывалъ въ эти январьскіе дни землю Парижа. Онъ спѣлъ свою пѣсню посреди всеобщаго равнодушія, и, собравъ нѣсколько су, вышелъ на улицу и отправился дальше продолжать свое трубадурство.

По всему было видно, что это не профессіональный пѣвецъ. Это былъ просто одинъ изъ многочисленныхъ, оставшихся безъ работы, или безъ мѣста рабочихъ, которые ищутъ въ новомъ занятіи средства поддержать свое существованіе. Такихъ импровизованныхъ пѣвцовъ можно встрѣтить всюду, но больше всего въ Парижѣ, гдѣ такъ сильно развита жизнь въ кофейняхъ и ресторанахъ. Въ этомъ году ихъ попадалось больше, чѣмъ когда бы то ни было. Они не только входятъ въ рестораны и кофейни, но поютъ и на улицахъ, заходятъ во дворы

домовъ. Между ними есть и мужчины, и женщины, и дѣти, которыя стрѣлою бросаются поднимать мѣдныя деньги, брошенныя въ грязь и снѣгъ изъ оконъ. Между ними есть и хилые старики, выбирающіе себѣ опредѣленное мѣсто, гдѣ поютъ постоянно свои тоскливыя пѣсни. Кто хоть разъ видѣлъ сгорбленнаго, сѣдого старика, съ большой бородой, въ синихъ очкахъ, вовсе не имѣющаго вида простолюдина, а скорѣе напоминающаго какого-нибудь отставного учителя—никогда не забудетъ этой фигуры. Онъ избралъ себѣ мѣстомъ жительства уголъ улицы Гей-Люссакъ, вблизи Люксембургскаго вокзала, и бывалъ тамъ постоянно, даже въ самые холодные и сырые вечера, стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ палкой въ одной рукѣ и съ протянутой шляпой въ другой, повторялъ своимъ старческимъ, слабымъ и глухимъ голосомъ одну и ту же пѣсню, но такъ тихо, что ее можно было принять за нескончаемую молитву.

Но профессія уличнаго пѣвца въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, очень трудна такъ какъ конкурентовъ множество. Поэтому многіе изъ нихъ отправляются въ провинцію, въ крупные промышленные центры, гдѣ среди товарищей по нищетѣ, они разсчитываютъ найти большее сострадание, чѣмъ среди пестрой, безчувственной и пресыщенной парижской толпы. Они ходятъ по деревнямъ, по фермамъ и воскрешаютъ въ памяти крестьянъ легенду «О Тристанѣ и Изольдѣ», или учатъ ихъ послѣднимъ моднымъ парижскимъ пѣснямъ.

За уличными пѣвцами, идутъ импровизованные торговцы. Между ними много иностранцевъ, особенно итальянцевъ. Послѣдніе лѣтомъ работаютъ въ соляныхъ копяхъ Эгъ, Моргъ, въ марсельскомъ и тулонскомъ портахъ, или занимаются ремесломъ каменьщиковъ въ городахъ, а зимою наводняютъ улицы, особенно улицы Парижа. Спеціальность ихъ, это—торговля маленькими гипсовыми статуэтками, начиная съ Венеры Милосской и кончая бюстомъ Наполеона I. Прохожій не разъ невольно останавливается передъ этой гипсовой толпой античныхъ боговъ и богинь и современныхъ героевъ на парапетахъ мостовъ и каменныхъ оградахъ садовъ; она издали привлекаетъ взглядъ своей утомительной бѣлизной, и ясными, особенно въ прозрачной атмосферѣ холодныхъ зимнихъ дней, очертаніями.

И итальянецъ продавецъ, изъ-подъ своей широкополой сѣрой шляпы, на дурномъ французскомъ языкѣ приглашаетъ васъ купить эти копіи съ прекрасныхъ образцовъ Луврскаго музея, предлагаемыя вашему благосклонному выбору.

Вечеромъ, когда темнота скрываетъ это подвижное населеніе боговъ и богинь отъ глазъ прохожихъ, владѣльцы укладываютъ его въ корзины и начинаютъ странствованіе по кафе и публичнымъ заведеніямъ обоихъ береговъ Сены. Нынѣшней зимой этихъ продавцевъ статуэтокъ было такъ много, что противъ нихъ поднялась борьба въ печати. Вдохновителями воинственныхъ статей являлись артисты и скульпторы, увидѣвшіе опасныхъ конкурентовъ въ лицѣ итальянскихъ торговцевъ. Война эта прекратилась, когда сами артисты поняли, что если публика и перестанетъ покупать дрянныя статуэтки, цѣною въ одинъ или два франка, то изъ этого не слѣдуетъ, что она начнетъ покупать ихъ хорошія и дорогія оригинальныя работы, или копіи.

II.

Итальянскіе продавцы фигуръ не исчерпываютъ категорію импровизованныхъ торговцевъ. На каждомъ шагу, на улицахъ и въ кофейняхъ, у дверей библіотекъ и школъ, у входовъ въ парки, на станціяхъ конокъ и омнибусовъ на васъ набрасываются торговцы, которые предлагаютъ вамъ карандаши, перья, конверты, запонки, цѣпочки для часовъ, кольца для ключей, молитвенники и открытыя письма съ приличными и неприличными картинками.

Во время безработицы извѣстныя торговыя фирмы могутъ дешево устран-

вать себѣ самыя фантастическія рекламы: устройство рекламъ въ Парижѣ сдѣлалось даже спеціальностью нѣсколькихъ фирмъ. Вы можете встрѣтить иногда процессію людей, одѣтыхъ въ костюмы арлекиновъ, или въ элегантные сюртуки á la Chamberlain, съ классическимъ моноклемъ. Подождите до конца и красивая задрапированная телѣжка покажетъ вамъ, что это—реклама. Одинъ разъ утромъ прохожіе на Луврскомъ мосту были поражены страннымъ зрѣлищемъ: на лѣвомъ берегу Сены, на протяженіи не меньше ста метровъ расположились на стульяхъ около 50 рыболововъ, одинаковаго роста, въ одинаковыхъ сѣрыхъ костюмахъ и широкихъ соломенныхъ шляпахъ. У всѣхъ у нихъ, какъ у осужденныхъ на смерть въ средніе вѣка, было на груди по четвероугольной доскѣ. На доскахъ были на писаны разныя буквы и соединеніе всѣхъ буквъ давало повторяющуюся фразу: «Visitez high life Taylor».

Тамъ же, недалеко отъ Луврскаго моста, прохожій увидалъ бы нынѣшней зимой еще одного представителя городской нищеты: приручителя птицъ Тюильерійскаго сада. Въ каждомъ изъ большихъ парижскихъ садовъ есть по одному такому маніаку-птицелову, который съ повелительной граціей управляетъ робкимъ царствомъ птицъ. Я скажу нѣсколько словъ только о томъ изъ нихъ, который избралъ мѣстомъ для своихъ упражненій знаменитый садъ, съ клумбами, расположенными по рисункамъ Ленотра, считающійся до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ красивыхъ памятниковъ классическаго искусства.

Приручитель птицъ въ Тюильерійскомъ саду, какъ почтовый конвертъ, объѣхавшій разныя страны и носящій ихъ печати, носитъ на себѣ слѣды разныхъ общественныхъ положеній, черезъ которыя прошелъ. Судя по его прямой осанкѣ, высоко поднятой головѣ, усамъ, закрученнымъ à la Guillaume II, его можно принять за кавалерійскаго офицера въ отставкѣ. Но его старая, порыжѣлая шляпа, потертый и разорванный сюртукъ ставятъ его на одинъ уровень съ другими парижскими бѣдняками.

Обыкновенно онъ производилъ свои упражненія послѣ обѣда. Въ публикѣ никогда не бываетъ недостатка, въ солнечные же дни она бываетъ особенно многочисленна. Ее привлекаетъ еще особая прелесть этого живописнаго уголка Парижа, зелень его клумбъ, меланхолическій видъ его высокихъ черныхъ деревьевъ, сквозь сухіе сучья которыхъ лѣниво пробиваются лучи блѣднаго солнечнаго диска.

Въ этой-то обстановкѣ нашъ птицеловъ начиналъ свое дѣло. Вскорѣ послѣ его появленія къ нему со всѣхъ сучьевъ безбоязненно слетались птицы: воробьи, изрѣдка голуби. Они уже привыкли къ нему, садились къ нему на плечи, на руки, на шляпу, клевали крошки хлѣба, которыя онъ давалъ имъ всевозможными способами. Онъ то бросалъ крошки на землю, то давалъ ихъ изъ рукъ, то бралъ ихъ въ губы. Птицы находили ихъ всюду, даже когда онъ, чтобъ показать все свое искусство, прилѣплялъ ихъ къ стекламъ своего пенсне. Онъ сопровождалъ всѣ свои движенія ласкательными эпитетами и словами. Каждая птица у него носила особенное имя: «О, моя хорошенькая Жаннета!» говорилъ онъ какой-нибудь изъ нихъ. Онъ разговаривалъ съ ними, удивлялся, когда замѣчалъ перемѣну въ ихъ привычкахъ. «Что съ тобой сегодня, Габріель?» Онъ даже сердился, когда который-нибудь изъ пернатыхъ собесѣдниковъ оставался въ сторонѣ: «Что ты тамъ торчишь, лѣнтяй?» обращался онъ къ старому воробью, который, распустивъ перья, сидѣлъ на дорожкѣ. Время отъ времени онъ создавалъ цѣлый вихрь, всѣ птицы начинали порхать сверху внизъ и во всѣ стороны, онъ перебрасывалъ ихъ съ руки на руку, съ плеча на голову, или спускалъ ихъ на землю. А публика, оставаясь на извѣстномъ разстояніи, чтобы не распугать птицъ, любовалась операціями ловкаго приручителя.

Но что же дѣлать тому, который по тѣмъ или инымъ причинамъ, не мо-

жетъ пѣть, не имѣетъ средствъ сдѣлаться торговцемъ, не обладаетъ талантомъ приручать птицъ и не имѣетъ другого какого-нибудь занятія? Истративъ послѣдніе гроши изъ сдѣланныхъ нѣкогда, въ счастливые дни сбереженій *), заложивъ послѣднее платье **), онъ не имѣетъ передъ собою иного выбора, кромѣ нищенства, или голодной смерти.

Но иногда все существо этихъ людей возмущается противъ униженій, которымъ подвергаетъ нищенство. И сколько разъ вамъ приходится вздрагивать въ ночной темнотѣ отъ неожиданно раздавшагося изъ какого-нибудь темнаго угла голоса: «Милостивый государь, я—отецъ семейства и не имѣю работы», или: «я,—потерялъ работу и вотъ уже два дня не ѣлъ». Часто голосъ, вмѣсто просьбы, говоритъ вамъ: «Милостивый государь, я—честный человѣкъ, и сорокъ лѣтъ ни разу не просилъ милостыни». Это—не профессіональные нищіе, а люди, которыхъ нужда заставляетъ протягивать руку ***).

Но голодный часто выбираетъ иной путь: самоубійство, которое сдѣлалось обыденнымъ и банальнымъ фактомъ въ ежедневномъ Faits-divers. Публика уже привыкла не обращать на это вниманія, но вы не можете избавиться отъ холодной дрожи, когда случай наталкиваетъ васъ на ужасный фактъ.

Въ одно утро—обычный моментъ трагическихъ открытій,—большая толпа собралась на Pont-Neuf и на набережной. Мы съ большимъ трудомъ пробрались на мѣсто происшествія. Передъ нами былъ окоченѣлый трупъ женщины, одѣтой въ черныя лохмотья; рѣка выбросила его ночью на берегъ. Лицо женщины было повернуто къ землѣ и видны были только распущенные, вываленные въ пескѣ волосы, перепутанные съ рѣчной травой. Возлѣ нея стоялъ метельщикъ улицъ съ телѣжкой и двое жандармовъ. Они ждали прибытія прокурора, чтобы перевезти тѣло въ Моргъ, холодныя каменныя плиты котораго привыкли къ такимъ гостямъ.

«Et tous les jours, dalles de pierre,
Vous étendez de nouveaux morts,
Les otages de la misère» ****).

III.

Вотъ въ какихъ то трагическихъ, то шутовскихъ образахъ, является парижская нищета; она носитъ то костюмъ арлекина, то маску смерти, она то говоритъ трогательныя слова, то продаетъ открытыя письма съ неприличными рисунками.

---

*) Изъ частныхъ кассъ сбереженія было взято въ сентябрѣ мѣсяцѣ на 10 мил., а въ октябрѣ—на 18 мил. больше, чѣмъ внесено. Изъ государственной сберегательной кассы выдача была еще громаднѣе, но въ этомъ случаѣ повліяло распоряженіе министра торговли относительно того, чтобы всѣ вклады, превышающіе 1.500 франковъ, были взяты обратно.

**) Съ наступленіемъ зимы число закладовъ увеличивается. Парижскій ломбардъ получилъ въ сентябрѣ залоговъ и перезалоговъ на 2.588.000 фр., а въ октябрѣ—на 2.969.000.

***) При небольшомъ вниманіи вы легко отличите ихъ: профессіональные нищіе, отличаются не только своимъ дерзкимъ видомъ, развязными и декламаторскими выраженіями, но и мѣстомъ и временемъ своихъ операцій. Они имѣютъ спеціальныя мѣста около церквей. Кромѣ того, они стараются практиковать свое ремесло при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ и съ наименьшимъ рискомъ. Они избѣгаютъ дурной, грязной погоды. (О нищенствѣ въ Парижѣ см. книгу Поліана: «Paris, qui mendie», враждебную не только по отношенію къ профессіональнымъ нищимъ, но и къ случайнымъ.

****) «И каждый день, каменныя плиты,
На васъ ложатся новые мертвецы,
Заложники нищеты».
(Eugéne Pottier).

IV.

— Сударь, у насъ, въ нашемъ ремеслѣ есть одинъ бывшій нотаріусъ и одинъ бывшій учитель!

Этой гордой фразой одинъ тряпичникъ отвѣтилъ на разспросы журналиста Поліана.

Тряпичники несомнѣнно составляютъ одну изъ особенностей Парижа.

Существованіе этого многочисленнаго класса (нѣкоторые считаютъ, что ихъ въ Парижѣ до 40.000 человѣкъ) связано съ особымъ духомъ независимости, составляющимъ достояніе привыкшаго къ свободѣ населенія. Нищета въ Парижѣ такъ же велика, какъ и въ другихъ большихъ европейскихъ городахъ; но здѣсь она не принимаетъ тѣхъ нечеловѣческихъ безобразныхъ формъ. Въ Парижѣ нѣтъ Уайтчепеля.

Парижскія народныя массы и въ самыя темныя эпохи пользовались относительной свободой, безпрепятственнѣе могли прилагать свою личную иниціативу и въ высокой степени развили въ себѣ чувство личнаго достоинства. Парижскій бѣднякъ можетъ сдѣлаться ярмарочнымъ фокусникомъ, собирать тряпки, увеселять толпу безобразными гримасами, продавать католическимъ кюре запрещенныя картинки, и все-таки сохранять сознаніе, что онъ: «un honnête homme»—честный человѣкъ.

И тряпичникъ, который какъ червякъ роется въ выброшенныхъ изъ домовъ нечистотахъ, будетъ говорить съ вами, какъ свободный и самостоятельный гражданинъ, и съ гордостью заявитъ вамъ, что у него есть политическія убѣжденія. Въ его звучномъ и живописномъ жаргонѣ, въ которомъ народный геній въ блестящей амальгамѣ соединилъ словесные и образные контрасты, въ которомъ, какъ капли, падающія съ мокрыхъ вѣтвей сотрясеннаго дерева, быстро смѣняются метафоры, чувствуется біеніе сердца гордаго и свободнаго народа. Когда приходитъ ему время защищать свои интересы, онъ дѣлаетъ это съ силою и увлеченіемъ.

Если мы говоримъ о ветошникахъ, то это потому, что они представляютъ одно изъ наиболѣе бѣдствующихъ сословій, и съ другой стороны, потому, что въ періоды безработицы сотни и сотни рабочихъ находятъ пропитаніе въ этой гостепріимной профессіи, гдѣ отсутствуютъ аристократизмъ и нетерпимость. Послѣдняя остается отличительной чертой рабочихъ круговъ, обладающихъ извѣстнымъ профессіональнымъ образованіемъ.

Работа ветошника не требуетъ никакой подготовки и каждый потерявшій работу бѣднякъ, будь онъ бывшій учитель или нотаріусъ, можетъ въ тотъ же самый день, какъ лишился своего прежняго занятія, начать скромную карьеру тряпичника.

Тряпичники встрѣчаются во всѣхъ отдаленныхъ кварталахъ Парижа, но бóльшая часть ихъ сосредоточена въ юговосточной части Парижа, по обоимъ берегамъ Сены. Послѣдніе два квартала примыкаютъ къ укрѣпленіямъ Парижа, но жилища ветошниковъ выходятъ и за предѣлы фортификацій. Именно здѣсь-то и выстроенъ цѣлый рядъ маленькихъ и низкихъ деревянныхъ домовъ, по крышамъ и навѣсамъ которыхъ развѣшано и разложено старое платье и висятъ корзины, съ которыми ветошники обходятъ городъ по ночамъ. Домишки окружены маленькими грязными дворами, гдѣ ветошники въ хорошую погоду разбираютъ и сортируютъ свой товаръ.

Но прослѣдимъ за ветошникомъ на самой работѣ. И здѣсь, какъ во всѣхъ ремеслахъ, на первомъ планѣ стоитъ фигура посредника. Это—такъ называемый «maître chiffonnier», который находитъ помѣщеніе собранному ветошниками товару. Мы оставимъ въ покоѣ этого, и здѣсь, необыкновенно ненавидимаго посредника и перейдемъ къ самимъ рабочимъ—ветошникамъ. Они раздѣляются

на три категоріи. Самое высшее мѣсто занимаетъ тотъ, кого въ насмѣшку называютъ «chineur». Онъ работаетъ днемъ. Съ маленькой ручной тележкой объѣзжаетъ днемъ онъ Парижъ и поетъ на разные голоса: «Старыхъ тряпокъ! битаго стекла! стараго платья!»

За этимъ аристократомъ ремесла идетъ такъ называемый «placier». У него есть опредѣленное мѣсто, при какомъ—нибудь большомъ домѣ; онъ обязанъ этимъ мѣстомъ благоволенію консьержа, или повара, которымъ, конечно, платитъ извѣстное вознагражденіе. Въ опредѣленный часъ онъ является въ данный домъ и въ какомъ-нибудь незамѣтномъ уголкѣ перебираетъ весь соръ. На скромномъ поприщѣ ветошника положеніе такихъ «placiers» является однимъ изъ самыхъ завидныхъ. Сколько ветошниковъ по ночамъ останавливаются передъ большими домами съ мечтою добраться до ихъ сорной корзины.

Третью самую несчастную и самую многочисленную категорію составляютъ такъ называемые «пикёры». Это—тѣ ветошники, которые, съ традиціонной корзиной на спинѣ (они называютъ ее въ шутку «тростниковой шалью»), съ маленькимъ фонарикомъ, приколотымъ къ груди, какъ часы, и съ крючкомъ въ рукѣ обходятъ ночью всѣ улицы Парижа и, какъ истребляющія вредныхъ насѣкомыхъ птицы, обезвреживаютъ мусоръ Парижа.

Кромѣ этихъ категорій ветошниковъ, собирающихъ все, что попало, есть и такъ называемые *спеціалисты*.

Вотъ, напримѣръ, собиратели окурковъ, обходящіе все кофейни и собирающіе самую обильную жатву въ дни богатыхъ свадьбъ у большихъ церквей, вродѣ Св. Магдалины, гдѣ фешенебельная публика ждетъ выхода процессіи. Кто не удивлялся остротѣ зрѣнія парижскихъ уличныхъ мальчиковъ, которые въ пыли, среди нарванной бумаги, подъ самыми ногами посѣтителей кафе, различаютъ недокуренныя папиросы и съ большой ловкостью поддѣваютъ ихъ на концы своихъ маленькихъ пикъ.

Обойдя Парижъ, ветошникъ возвращается въ свой отдаленный кварталъ. Утомленный ходьбой, онъ съѣдаетъ что-нибудь, по большей части изъ найденнаго въ сору, и ложится спать.

Днемъ онъ сортируетъ собранное ночью. Онъ откладываетъ въ одну сторону тряпки, которыя пойдутъ бумажному фабриканту *), въ другую—стекла. Ничто не остается безъ употребленія: ветошники продаютъ обыкновенныя бутылочныя пробки и стеклянныя пробки отъ зельтерской воды и свинцовую бумагу отъ чая и шоколада. Изъ устричныхъ раковинъ дѣлаются игрушки, также какъ и изъ крышекъ отъ коробокъ съ сардинками. Одинъ предпріимчивый содержатель ресторана, Дрогъ, разорившійся во время войны, создалъ себѣ изъ этого особый промыселъ. Онъ покупалъ у посредниковъ коробки отъ сардинокъ по 5 фр. за 100 килограммовъ (посредники же покупали ихъ у тряпичниковъ по три фр. за 100 килограммовъ); путемъ извѣстной операціи онъ отдѣлялъ оловянную спайку и продавалъ на фабрики коробокъ.

Ветошники находятъ покупателей на все, даже на самыя ничтожныя мелочи. Сколько париковъ сдѣлано изъ волосъ, подобранныхъ въ сору.

---

*) Тряпки до сихъ поръ остаются однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ предметовъ торговли ветошника. Онѣ идутъ на приготовленіе бумаги хорошаго качества. Извѣстна долгая борьба между фабрикантами и тряпичниками. Послѣдніе хотѣли имѣть право вывозить изъ Франціи собранное тряпье, спросъ на которое былъ во всѣхъ странахъ, особенно въ Англіи. (Это еще разъ доказываетъ, что собираніе тряпокъ—французская и особенно парижская спеціальность). Фабриканты, съ своей стороны, стремились сохранить тряпки для себя. Они надолго добились этого. Еще Людовикъ XV строго запретилъ вывозъ тряпокъ особымъ эдиктомъ отъ 21 августа 1771 года. Эдиктъ этотъ былъ отмѣненъ только въ 1860 годахъ, послѣ фритредерскаго договора между Франціей и Англіей.

Другимъ очень важнымъ предметомъ въ корзинѣ тряпичника являются кости. Лучшія кости продаются на ручки для ножей, вѣеровъ, зубныхъ счетокъ и т. д., а остальныя идутъ на приготовленіе животнаго угля, послѣ того, какъ изъ нихъ извлекутъ желатинъ и мозгъ, продающійся отдѣльно, или въ смѣси съ масломъ.

Мы уже сказали, что тряпичники часто ѣдятъ то, что находятъ въ сору. Изъ куриныхъ головъ они варятъ себѣ супъ, но больше всего они дорожатъ хлѣбными корками. Они раздѣляютъ ихъ на два сорта: болѣе чистыя и лучшія ѣдятъ сами, а болѣе грязными кормятъ тѣхъ самыхъ буржуа, мусоръ у которыхъ они ихъ подобрали. Это покажется невѣроятнымъ, но пусть читатель не сомнѣвается: семьи средней руки въ Парижѣ отдаютъ своихъ маленькихъ дѣтей кормилицамъ, живущимъ въ окрестностяхъ Парижа. Эти кормилицы и скупаютъ у тряпичниковъ хлѣбныя корки второго сорта и кормятъ ими грудныхъ дѣтей, ввѣренныхъ ихъ попеченію.

Но и это тяжелое занятіе—занятіе тряпичника—не избавлено отъ всевозможныхъ затрудненій и препятствій. На немъ отражается не только общее состояніе промышленнаго рынка, но и всѣ распоряженія полиціи. Такихъ распоряженій множество, но самымъ роковымъ явился приказъ сенскаго префекта Пубеля отъ 7 марта 1884 года. По этому приказу каждый домъ обязанъ былъ запастись жестянымъ ящикомъ для мусора *) Эти ящики увѣковѣчили имя префекта, такъ какъ ихъ и до сихъ поръ называютъ «пубелями», но затруднили ремесло тряпичника, который уже не могъ такъ свободно рыться въ мусорѣ, какъ прежде. Тряпичники стали протестовать, и эхо этого протеста мы находимъ въ показаніяхъ Купара передъ слѣдственной коммиссіей. Впослѣдствіи ветошникамъ было позволено высыпать соръ на особую подстилку, что беретъ у нихъ много времени.

По словамъ того же самого тряпичника Купара, въ Парижѣ и его окрестностяхъ живетъ около 40.000 тряпичниковъ, что составляетъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями, населеніе въ 200.000 человѣкъ **). Цифра эта навѣрное преувеличена, но, даже уменьшивъ ее въ половину, мы все-таки видимъ, что значительная часть парижскаго населенія живетъ въ нищенскихъ условіяхъ этого ремесла.

Мы уже говорили, что самыми опасными врагами ремесла являются посредники; дальше мы передаемъ слово Купару: «Maitres-chiffonniers, обыкновенно—квартирохозяева; они сдаютъ намъ свои участки гораздо дороже, чѣмъ въ улицѣ Риволи. Помѣщенія, которыя они намъ даютъ —ужасны; лѣтомъ тамъ умираешь отъ жары, а зимою—отъ холода. Большая часть тряпичниковъ вынуждена жить у своихъ хозяевъ-тряпичниковъ, которые обыкновенно въ то же время держатъ кабакъ. Мы должны все покупать у своего хозяина, иначе онъ отказывается принимать отъ насъ товаръ».

V.

Гдѣ проводятъ ночь парижскіе бѣдняки? Лѣтомъ они прячутся подъ мостами, или въ Булонскомъ лѣсу, а зимою—въ норахъ дешевыхъ отелей, въ городскихъ или частныхъ ночлежныхъ домахъ ***).

---

*) До тѣхъ поръ соръ выбрасывали прямо на улицу, передъ дверью дома, и его подбирали городскія телѣжки.

**) Тотъ же Купаръ насчитываетъ до 4.000 семействъ, которыя живутъ собираніемъ остатковъ угля возлѣ вокзаловъ и заводовъ.

***) Городскіе пріюты Парижа приняли въ августѣ мѣсяцѣ 2.508 человѣкъ, въ сентябрѣ—2.777, въ октябрѣ—2.936. Нужно замѣтить, что въ этомъ счетѣ выражено не число *посѣщеній*, а число *лицъ*, перебывавшихъ въ пріютѣ. Мужчинъ мо-

Перенаселенность парижскихъ жилищъ—постоянный фактъ, какъ показали изслѣдованія Бертильона. Но особенно сильна эта перенаселенность въ годы безработицы.

Въ этомъ отношеніи поучительны показанія префекта полиціи Камескасса, передъ коммиссіей 1884 г. *). Это перенаселеніе особенно сильно въ кварталахъ Леонъ-Ружъ, въ Батиньолѣ, Монмартрѣ, Ла-Вилеттъ и другихъ опоясывающихъ Парижъ съ сѣвера. Но, помимо этого, въ самомъ сердцѣ Парижа, параллельно съ самыми богатыми и многолюдными бульварами города, встрѣчаются такіе же бѣдные и несчастные кварталы.

Здѣсь пишущій эти строки передаетъ читателю свое собственное впечатлѣніе отъ совсѣмъ недавняго посѣщенія одного изъ этихъ кварталовъ. Я руководился въ своихъ странствованіяхъ статьею Жюля Кларети, напечатанной въ «Le Temps» **).

Когда вы перейдете мостъ возлѣ театра Шателе, въ направленіи съ лѣваго берега Сены къ правому, и повернете во вторую улицу направо, такъ называемую улицу Des Lombards, вы скоро очутитесь передъ маленькой площадью, которая называется площадью Сенъ-Мери. Она знаменита по историческимъ событіямъ, разыгравшимся на ней во время революціи 1848 года. Отъ этой же площади, отъ ея сѣверной части, начинаются тѣ маленькія улицы, въ которыхъ скрывается парижская нищета. Эти улицы остались еще отъ стараго города. Онѣ напоминаютъ объ этомъ старомъ городѣ, своими старинными именами, оставшимися отъ тѣхъ временъ, когда кварталы и улицы назывались именами разныхъ мѣстныхъ свѣтилъ, слава которыхъ не выходила за предѣлы квартала; ихъ громадные, но старые и разрушенные дома также отзываются стариной. Одинъ изъ такихъ домовъ стоитъ на самой площади. На высокой стѣнѣ его выдѣляются широкія черныя полосы. соединяющіяся къ крышѣ и расходящіяся къ основанію; ночью, въ этомъ мрачномъ, темномъ закоулкѣ онѣ напоминаютъ лапы какого-то гигантскаго паука. Очевидно, это слѣды, оставленные на стѣнѣ стѣною другого дома, сломаннаго нарочно, или сгорѣвшаго во время пожара,

Трудно повѣрить, что въ самомъ центрѣ Парижа, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ улицы Риволи, отъ Севастопольскаго бульвара, есть такія узкія и бѣдныя улицы. Улица Пьеръ-о-Ларъ напр., всего въ три или четыре метра шириною. По обѣимъ сторонамъ ея разрушенной мостовой поднимаются большія сѣрыя зданія съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, но безъ стеколъ. Внутри—въ комнатахъ, куда легко заглянуть, вставъ на какой-нибудь камень—темно и пусто. Эти незапертыя и пустынныя громадныя зданія напоминаютъ сказочныя убѣжища духовъ, или совъ. Но намъ сказали, что здѣсь живутъ носильщики, уличные фокусники и паяцы, которые цѣлый день потѣшаютъ Парижъ, а ночью приходятъ сюда отдыхать въ обществѣ съ крысами и воронами. Мнѣ невольно пришли на память стихи Пьера Джона:

«Mal vêtus, logés dans des trous
«Sous les combles, dans les decombres,
«Nous vivons avec les hiboux
«Et les larrons,—amis des ombres».

(Плохо одѣтые, мы помѣщаемся въ норахъ, подъ крышею, среди развалинъ, и живемъ съ совами и съ ворами—друзьями тѣней).

иоже 60 лѣтъ, обыкновенно бываетъ вчетверо больше, чѣмъ женщинъ того же возраста. Свыше 60 лѣтъ пропорція мужчинъ еще увеличивается. Такъ, въ октябрѣ было 186 мужчинъ старше 60 лѣтъ и всего 27 женщинъ.

*) См. «Procès-verbaux de la Commission d'enquête» etc. pp. 357 et suivantes.

**) Нужно замѣтить, что, помимо разбросанныхъ тамъ и сямъ отрывочныхъ свѣдѣній о парижской нищетѣ, нѣтъ никакой цѣльной работы.

При свѣтѣ большого фонаря, мы прочли надпись: «Гостинница золотаго орла». Это тоже одно изъ старинныхъ зданій. Мы вошли въ большой дворъ, гдѣ встрѣтившій насъ собачій лай заставилъ быть осторожнѣе. Мы увидали два большіе навѣса, гдѣ стояли лошади. Грубый голосъ конюха окликнулъ насъ. На нашъ вопросъ нельзя ли получить какое-нибудь теплое кушанье, онъ приблизилъ къ намъ свою особу, пахнувшую виномъ и навозомъ и сообщилъ, что «Гостинница золотаго орла» гостепріимно открываетъ свои двери только лошадямъ.

Изъ улицы Пьеръ-о-Ларъ мы вышли въ улицу Бризъ-Мишъ, гдѣ зашли къ маленькому виноторговцу за новыми указаніями. Но ни любезность, ни щедрость не могли заставить хозяина отвѣчать на вопросы; онъ оставался нѣмъ, продолжая играть въ карты съ тремя товарищами и курить трубку. Въ его глазахъ появленіе въ этомъ заброшенномъ краю двухъ прилично одѣтыхъ людей не могло не имѣть отношенія къ «*секретной*» *). Игравшіе съ нимъ оказались гораздо разговорчивѣе. Они пустились въ такія автобіографическія подробности, изъ которыхъ мы узнали не только обстоятельства ихъ жизни, но и жизнь ихъ ближайшихъ родственниковъ. Особенно наивною искренностью отличался одинъ молодой красивый черноглазый савояръ, который посвятилъ насъ въ тайну своихъ радикальныхъ взглядовъ на религію и собственность и закончилъ педагогической profession de foi. «Я—сторонникъ дубины. Если я о чемъ-нибудь жалѣю, такъ это о томъ, что отецъ не билъ меня какъ слѣдуетъ. Только этимъ можно воспитать серьезныхъ людей. А то-на что похожъ теперешній народъ? Всѣ они... Всѣ они... онъ употребилъ нѣсколько секундъ, чтобы подъискать подходящее сравненіе и самъ былъ въ восторгѣ, когда произнесъ слово «carcasse». Да они просто-на-просто «кащеи». И онъ съ видимымъ удовольствіемъ повторялъ это слово.

Изъ улицы Бризъ-Мишъ мы попали въ такую же узкую улицу Симонъ-Ле-Франъ. Но всѣхъ этихъ маленькихъ уличкахъ насъ поразило невѣроятное количество кабаковъ. Они были еще полны, хотя былъ уже часъ утра. Посѣтители играли въ карты. Парижскіе кабатчики соединяютъ продажу спиртныхъ напитковъ съ содержаніемъ притоновъ для азартныхъ игръ.

Намъ захотѣлось видѣть знаменитый «балъ въ улицѣ Гравье» и мы направились было туда, но тамъ все было уже закрыто; полицейскій объяснилъ намъ, что это увеселительное мѣсто не представляетъ особаго интереса.

У насъ была другая цѣль. Мы хотѣли тамъ получить адресъ ночлежнаго дома Фраденъ и узнать, что намъ сдѣлать, чтобы побѣдить трудности, сопровождающія посѣщенія такихъ пріютовъ.

Пріютъ Фраденъ открытъ всю ночь. Это частное заведеніе, гдѣ за 20 сантимовъ можно получить ѣду и пріютъ на ночь, но, какъ мы увидимъ—странный пріютъ.

Съ большимъ трудомъ мы наконецъ получили точный адресъ этого ночлежнаго дома, куда и попали позднею ночью.

Какъ только отворится дверь съ улицы, посѣтителю уже представляется тяжелое зрѣлище. Представьте себѣ большую залу съ длинными узкими столами, ширина которыхъ едва достаточна, чтобы на нихъ могли помѣститься двѣ головы. За этими столами на низкихъ скамейкахъ сидятъ другъ возлѣ друга столько людей, сколько только можетъ вмѣстить зала. Они спятъ сидя; нѣкоторые держатъ голову прямо, другіе положили ее на столъ, или на плечо сосѣда. Передъ вами цѣлый рядъ черныхъ, загорѣлыхъ, исхудалыхъ лицъ, съ небритыми бородами, съ всклокоченными волосами, съ полуоткрытыми ртами. Нѣкоторые скрестили руки, другіе забросили ихъ за спину сосѣда. Какое поруганіе надъ бѣднымъ, раздавленнымъ усталостью человѣческимъ тѣломъ, которое цѣлый день

---

*) Такъ называютъ въ Парижѣ сыскное отдѣленіе.

таскалось по парижскимъ улицамъ и которое ищетъ отдыха здѣсь, на этихъ жесткихъ скамьяхъ, среди этихъ мученій Гватимозена, въ неестественномъ безпокойномъ снѣ, дѣлающемъ изъ человѣческаго лица предметъ отвращенія!

Откуда взялись всѣ эти люди! Можно всю жизнь прожить въ Парижѣ, даже не подозрѣвая, что роскошный городъ скрываетъ такія, лишенныя человѣческаго образа, существа, еще прикрытыя какими-то лохмотьями.

Мы хотѣли идти дальше, но надзиратель, старый, коротенькій, широкоплечій господинъ съ бакенбардами, котораго разбудилъ нашъ приходъ, сказалъ намъ, не вставая со стула, на которомъ сидѣлъ, укрывшись пледомъ, что намъ здѣсь дѣлать нечего.

Впрочемъ, узнавъ, что у насъ есть билетъ журналистовъ, онъ перемѣнилъ тонъ: «Администраціи и прессѣ я не могу ни въ чемъ отказать,—сказалъ онъ,—вы хотите осмотрѣть заведеніе?»

Послѣ нашего утвердительнаго отвѣта онъ далъ свистокъ. Я содрогнулся. Не хочетъ-ли этотъ человѣкъ разбудить все свое населеніе и показать намъ его представителей одного за другимъ!

Появленіе сторожа разогнало мой страхъ и мы отправились за нимъ.

Прежде всего онъ повелъ насъ въ кухню. Онъ предложилъ намъ попробовать супа и хлѣба, который посѣтители заведенія получаютъ за десять сантимовъ. Они платятъ еще десять сантимовъ за право проспать здѣсь ночь. Отсюда мы пошли осматривать заведеніе, купивъ, по совѣту сторожа, нѣсколько билетиковъ для раздачи ночлежникамъ.

Подъ первою залою было еще два этажа, которые мы и обошли прежде всего. Сторожъ шелъ впереди насъ и повелительнымъ тономъ говорилъ лежавшимъ на лѣстницѣ несчастнымъ: «Livrez passage!» Но прежде, чѣмъ они просыпались, мы успѣвали перешагнуть черезъ ихъ тѣла.

По другой лѣстницѣ мы поднялись и въ три верхніе этажа. Въ самомъ верхнемъ этажѣ помѣщались молодые люди. Тамъ было больше свободнаго мѣста; такъ что нѣкоторые лежали на столахъ. На голой сѣрой стѣнѣ верхняго этажа мое вниманіе было привлечено вырѣзаннымъ ножомъ сердцемъ; оно было пронзено мечемъ, а подъ нимъ большими буквами было написано имя—Галифе.

Тѣ обитатели дома, которыхъ будило наше появленіе, протягивали къ намъ руки, прося билетиковъ.

Сторожъ сообщилъ намъ, что въ заведеніи можетъ помѣститься 800 человѣкъ, что оно открывается въ $8^1/_2$ часовъ вечера и закрывается въ 5 часовъ утра. Тогда населеніе его разсѣивается по всѣмъ концамъ Парижа.

Одурманенные удушливымъ воздухомъ этого мѣста, мы вышли на улицу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Франдена, въ улицѣ Невинныхъ помѣщается другое заведеніе, иного рода, но не менѣе характерное для физической и нравственной нищеты Парижа. Это—знаменитое Caveau des Innocents, мѣсто собраній ночныхъ героевъ, пѣны и грязи Парижа.

По узкой лѣстницѣ мы спустились въ подземелье бывшаго монастыря; передъ нами открылись четыре низкихъ каменныхъ кельи со сводчатыми потолками. Во всѣхъ было по нѣсколько деревянныхъ столовъ. Мы сѣли въ самой послѣдней комнатѣ, возлѣ піанино, за которымъ сидѣлъ старый господинъ смирнаго и добродѣтельнаго вида, котораго житейскій вихрь забросилъ въ это подземелье. За другими столами сидѣли подозрительныя личности чисто парижскаго типа, съ завитыми волосами, съ сигарами въ зубахъ, съ глазами только что проснувшагося человѣка. Это населеніе только теперь начинаетъ жить. Тутъ же было и нѣсколько рабочихъ въ бархатныхъ костюмахъ, которые привели съ собою любовницъ.

Но всего замѣчательнѣе—сама обстановка. И стѣна, и деревянная мебель были буквально покрыты вырѣзанными надписями и изображеніями. Бритый

господинъ, съ виду англичанинъ, продавалъ запрещенныя картинки. Самъ гарсонъ, плѣшивый, хромой съ сведенной шеей, дополнялъ странный видъ заведенія.

Все казалось подобраннымъ съ спеціальною цѣлью произвести извѣстное впечатлѣніе на любопытнаго.

Но присутствіе двухъ вооруженныхъ револьверами полицейскихъ, обходившихъ поочередно всѣ четыре комнаты, достаточно указывало на настоящій характеръ заведенія, гдѣ собираются ночные воры.

Вскорѣ послѣ нашего прихода заведеніе оказалось переполненнымъ посѣтителями. Тогда молодой господинъ, весь въ черномъ, выбритый и напомаженный началъ пѣть подъ аккомпаниментъ піанино.

Когда мы возвращались въ нашъ кварталъ заря уже взошла. Пестрыя тележки, на которыхъ въ Парижѣ развозятъ хлѣбъ и молоко, уже наполняли шумомъ улицы и бульвары. Въ эти первыя весеннія недѣли деревья уже покрывались едва замѣтной зеленью и солнце вставало надъ великимъ городомъ, вливая жизнь во всѣ его артеріи.

Х. Г. Ин.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

I.

Максъ фонъ-Петтенкоферъ *).

(3-го декабря 1818 г.—9-го февраля 1901 г.).

Въ лицѣ скончавшагося Макса Петтенкофера нѣмецкая наука и вмѣстѣ съ нею весь культурный міръ понесли громадную утрату. На его долю выпала задача создать цѣлую науку, гигіену, изъ тѣхъ жалкихъ зачатковъ, которые ему оставили въ наслѣдіе XVIII вѣкъ и первыя десятилѣтія прошлаго XIX вѣка. Петтенкоферу пришлось идти не по проторенннымъ дорожкамъ, а создавать новые пути, ставить новыя задачи. При этомъ столкнулся съ явленіями, съ которыми всѣ сталкиваются каждый день, проходятъ мимо не интересуясь ими, потому что они считаютъ ихъ повседневными и не имѣющими никакого значенія. При изученіи подобныхъ «мелочей жизни» Петтенкоферъ преимущественно обращалъ вниманіе на «крупныя явленія», привлекавшія его возможностью найти въ нихъ извѣстную закономѣрность. Но для разрѣшенія поставленныхъ задачъ недостаточно одной только ихъ постановки, необходима также извѣстная подготовка. Въ этомъ отношеніи Петтенкоферъ напоминаетъ вполнѣ ту знаменитую плеяду ученыхъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ Германія видитъ родоначальниковъ своего научнаго возрожденія. Подобно Дюбуа-Реймонду, Гельмгольцу, Вирхову, Бунзену, онъ не былъ спеціалистомъ въ узкомъ смыслѣ слова. Раньше, чѣмъ выступить новаторомъ, онъ уже былъ знатокомъ химіи, физики, физіологической и патологической химіи, медицины, фармаціи, имѣлъ массу свѣдѣній изъ области техники. Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ подобнымъ научнымъ багажомъ ему удалось подойти къ объясненію явленій съ той именно стороны, которая его наиболѣе интересовала. Заслуга Петтенкофера не только въ томъ, что онъ создалъ гигіену; ему удалось, благодаря неутомимой энергіи и настойчивости, поставить ее на ряду со всѣми другими отраслями человѣческаго знанія и дать ей убѣжище въ университетахъ въ видѣ учрежденныхъ почти повсемѣстно, начиная съ 60-хъ годовъ, каѳедръ гигіены. Его гигіеническая лабораторія, пріютившаяся въ первое время, въ качествѣ гостьи, при физіологическомъ кабинетѣ профессора Зибольдта, а затѣмъ только въ концѣ семидесятыхъ годовъ (1879 г.) нашедшая для себя самостоятельное помѣщеніе, служила долгіе годы Меккой, куда стремилось не одно поколѣніе гигіенистовъ и практиковъ врачей, желавшихъ работать подъ руководствомъ Петтенкофера. Вліяніе

*) Въ виду громаднаго значенія, котрое имѣетъ Петтенкоферъ какъ въ наукѣ, такъ и вообще культурѣ второй половины XIX-го столѣтія, редакція считаетъ необходимымъ дать болѣе подробный очеркъ дѣятельности «отца современной гигіены,» чѣмъ то могло быть сдѣлано въ краткой замѣткѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «М. В.».

его не ограничивалось только тѣснымъ кругомъ учениковъ, онъ обладалъ способностью говорить «черезъ окно» и, благодаря своей неутомимой энергіи и иниціативѣ, оказалъ громадное вліяніе на нѣмцевъ: тѣ гигіеническія условія, въ которыхъ находятся въ данное время многіе нѣмецкіе города, обязаны своимъ происхожденіемъ не мало Петтенкоферу. Наилучшимъ, нагляднымъ примѣромъ можетъ служить Мюнхенъ, съ которымъ такъ сжился Петтенкоферъ, къ одной изъ достопримѣчательностей котораго онъ принадлежалъ такъ долго. Долгіе годы Мюнхенъ стоялъ на очень низкомъ гигіеническомъ уровнѣ. Онъ служилъ разсадникомъ тифа, который свилъ себѣ въ немъ гнѣздо. Въ немъ не было водопровода, канализаціи, не было ничего, что въ данное время является необходимымъ аттрибутомъ всякаго благоустроеннаго города. Теперь же, благодаря вліянію Петтенкофера, Мюнхенъ принадлежитъ къ однимъ изъ благоустроеннѣйшихъ городовъ Западной Европы, смертность отъ тифа, достигавшая въ 1856—1858 г. 3,05 на 1.000, понизилась до 0,03 на 1.000, иначе говоря уменьшилась въ 100 разъ. Какъ благодарны мюнхенцы Петтенкоферу за все то, что онъ сдѣлалъ для ихъ родного города, можно прекрасно видѣть изъ словъ адреса, поднесеннаго ему вмѣстѣ съ золотою медалью. «Первосвященнику гигіены, мужу, изгнавшему съ родной почвы производящія опустошенія болѣзни, оказавшему громадныя услуги отечеству, почетному гражданину Максу фонъ-Петтенкоферу мюнхенскіе граждане подносятъ въ знакъ безграничнаго уваженія, благодарности и любви эту золотую медаль». Вліяніе Петтенкофера не ограничивалось только Мюнхеномъ; къ нему отовсюду обращались за разъясненіемъ различныхъ вопросовъ, касающихся городского хозяйства, и всегда знали, что въ немъ найдутъ внимательнаго, отзывчиваго совѣтника. Петтенкоферъ не переставалъ говорить о значеніи чистоты, потому что она «играетъ въ ежедневной жизни важную практическую роль, точно такую же, какую въ нашей нравственной жизни играетъ совѣсть, сознаніе правды и неправды, которая отчасти привита намъ воспитаніемъ, отчасти прирождена. Подобно тому, какъ люди, имѣющіе совѣсть, поступаютъ въ среднемъ лучше и дѣлаютъ больше не имѣющихъ совѣсти людей, люди чистоплотные живутъ въ среднемъ здоровѣе и больше нечистоплотныхъ. Какъ совѣсть болѣе или менѣе развита въ зависимости отъ степени культурности людей, такъ и чистоплотность». Свои идеи Петтенкоферъ стремился, при помощи популярныхъ лекцій, распространить въ самыхъ широкихъ слояхъ нѣмецкаго общества. «Популярныя лекціи,—писалъ онъ,—имѣютъ высокую и важную задачу; онѣ должны создать вѣрныя общія представленія и облегчить пониманіе, возбудить и распространить извѣстную любовь къ различнымъ вопросамъ времени и жизни, онѣ должны создать дружественную связь между фактами, идеями и людьми. По справедливости нельзя требовать со стороны человѣка участія, а тѣмъ менѣе готовность приносить жертвы ради того, о чемъ онъ никогда не слыхалъ, о чемъ онъ ничего не знаетъ или имѣетъ ложное представленіе». Петтенкоферъ, какъ популяризаторъ, ни въ чемъ не уступаетъ своимъ англійскимъ образцамъ. Начиная съ 1872 г., онъ прочелъ въ различныхъ городахъ Германіи цѣлый рядъ популярныхъ лекцій; напримѣръ, въ Дрезденѣ онъ читалъ «объ отношеніи воздуха къ одеждѣ, жилищу и почвѣ»; «о цѣнности здоровья для городовъ»; въ Мюнхенѣ онъ бесѣдовалъ въ обществѣ садоводовъ «о гигіеническомъ значеніи растеній въ комнатѣ и на открытомъ воздухѣ» и прочелъ 16 лекцій «о канализаціи и вывозѣ нечистотъ».

По воспоминаніямъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ Петтенкоферомъ, онъ подкупалъ всѣхъ своимъ внимательнымъ отношеніемъ, добротой, желаніемъ придти другому на помощь своимъ совѣтомъ, указаніемъ. Съ именемъ его лабораторіи связаны всѣ крупныя пріобрѣтенія въ области гигіены за

послѣднюю половину XIX столѣтія. Такъ называемая Петтенкоферская школа играла въ Германіи и играетъ даже по сію пору выдающуюся роль. Въ работѣ Петтенкоферъ былъ неутомимъ. Онъ не останавливался ни предъ чѣмъ, чтобы доказать то, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ. Онъ ѣздилъ въ Англію, Францію, въ Гибралтаръ, чтобы на мѣстѣ заняться изученіемъ нѣкоторыхъ деталей, которыя, по его мнѣнію, были существенно важны для его теорій. Онъ не останавливался даже передъ самопожертвованіемъ, чтобы доказать правильность своего положенія. Желая доказать безвредность холерныхъ вибріоновъ, при отсутствіи другихъ факторовъ, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы ввести ихъ въ свой желудокъ, предварительно нейтрализовавъ желудочный сокъ. Это произошло 7 октября 1892 г., на 73-мъ году жизни. «Если я даже ошибаюсь, — писалъ, онъ, — и опытъ опасенъ для жизни. я буду спокойно смотрѣть въ глаза смерти, такъ какъ я умираю на службѣ у науки, какъ солдатъ на полѣ чести. Безспорно, наука и жизнь принадлежатъ къ очень высокимъ земнымъ благамъ, но не къ самымъ высокимъ для человѣка. Человѣкъ, желающій стоять выше животнаго, долженъ быть готовъ жертвовать жизнью и здоровьемъ для болѣе высокихъ идеальныхъ благъ».

Въ послѣдніе годы, когда ему было уже за 80 лѣтъ, онъ сталъ во главѣ начавшагося въ то время движенія среди студентовъ въ пользу воздержанія отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ, и со всею силою своего нравственнаго авторитета выступилъ на учредительномъ собраніи общества съ рѣчью, въ которой призывалъ студентовъ къ воздержанію.

Біографія Макса Петтенкофера нѣсколько отличается отъ біографій большинства нѣмецкихъ ученыхъ. Ему не пришлось жить при тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыя, по взглядамъ средняго нѣмца, даютъ право на ученіе въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Родился онъ 3 декабря 1818 года, въ маленькомъ баварскомъ городкѣ Лихтенгеймѣ. Отецъ его, бѣдный землевладѣлецъ, имѣлъ 8 дѣтей. Не будучи въ состояніи всѣхъ ихъ воспитывать, онъ отправилъ восьмилѣтняго Макса въ Мюнхенъ къ своему брату, управлявшему придворной мюнхенской аптекой. По окончаніи гимназіи Максъ Петтенкоферъ поступилъ въ мюнхенскій университетъ. Всѣ его симпатіи были на сторонѣ литературы, но его дядя рекомендовалъ ему записаться на философскій факультетъ и заняться изученіемъ естественныхъ наукъ и фармаціи. Черезъ два года онъ поступилъ къ своему дядѣ въ аптеку въ качествѣ ученика, но не могъ съ нимъ ужиться, бросилъ аптеку и отправился въ театръ въ Регенсбургъ въ качествѣ статиста. «Я отбросилъ нѣсколько буквъ своей фамиліи и сталъ выступать подъ именемъ Панкофъ. Я игралъ Бракенбурга въ «Фаустѣ» Гете. Астольфа въ пьесѣ Кальдерона «Leben-ein Traum»; я сжился еще съ нѣсколькими другими ролями». Но не долго пришлось Петтенкоферу наслаждаться театральнымъ искусствомъ. Онъ посѣтилъ другого своего дядю, полюбилъ его дочь; ему была обѣщана ея рука только въ томъ случаѣ, если онъ откажется отъ театра. «Я оставилъ подмостки, обручился съ Еленой, отправился въ Мюнхенъ и снова, полный энергіи, принялся за работу, надѣясь получить должность и возможность жениться. Но изъ придворной аптеки я былъ изгнанъ дядею, ибо, по его мнѣнію, бывшій актеръ годится только въ медики». Въ 1843 г. Петтенкоферъ получилъ званіе аптекаря, а вскорѣ и доктора медицины. Но, практическая медицинская дѣятельность уже въ то время мало привлекала Петтенкофера. Еще на студенческой скамьѣ онъ обратилъ вниманіе профессоровъ своими выдающимися способностями и они ему рекомендовали посвятить себя ученой дѣятельности. Онъ отправился для этой цѣли въ Вюрцбургъ, затѣмъ въ Гиссенъ, гдѣ и познакомился съ Либихомъ. Въ это же время онъ сдѣлалъ два довольно значительныхъ открытія: ему удалось

установить простую реакцію на желчь въ мочѣ, а также открыть въ послѣдней присутствіе креатинина. Попытки его друзей пристроить его въ мюнхенскомъ университетѣ въ качествѣ профессора, не увѣнчались успѣхомъ. Петтенкоферу, который собирался жениться, ничего не оставалось, какъ поступить на первую подходящую должность. Ему предложили мѣсто ассистента на королевскомъ монетномъ дворѣ; онъ охотно согласился. Въ этой должности онъ оставался недолго. Ненавистное министерство Абеля пало; въ Баваріи, какъ и во всей Германіи, повѣяло болѣе свѣжимъ вѣтеркомъ. На университеты стали смотрѣть благосклоннѣе; новое министерство готово было открыть новыя каѳедры и вновь учрежденная каѳедра общей химіи была предоставлена 29-лѣтнему Петтенкоферу. Въ качествѣ экстраординарнаго профессора, Петтенкоферу было предложено жалованья 700 флориновъ золотомъ и натурою—два шефеля (четверика) пшеницы и семь шефелей ржи. Первые годы своей научной дѣятельности въ качествѣ профессора, Петтенкоферъ посвятилъ работамъ по химіи и разсчитывалъ всецѣло отдаться разработкѣ теоретическихъ вопросовъ. Но одно обстоятельство заставило его перемѣнить свое рѣшеніе. Въ 1850 г. появилась его работа, въ которой онъ, между прочимъ, указываетъ на то, что химическіе элементы разбиваются на нѣсколько естественныхъ группъ и показываютъ въ своихъ атомныхъ вѣсахъ такую правильность, на основаніи которой можно питать надежду, что будетъ найдена возможность узнать свойства многихъ элементовъ, свойства, которыя опытнымъ путемъ еще не были установлены. У Петтенкофера не было средствъ продолжать дальше эту работу, а потому онъ обратился къ мюнхенской академіи наукъ съ просьбою оказать ему помощь. Академія холодно отнеслась къ его работѣ и ему было отказано. Отказъ подѣйствовалъ охлаждающимъ образомъ на юнаго ученаго и онъ рѣшилъ искать примѣненія своихъ способностей въ другой области. Мысли, положенныя Петтенкоферомъ въ основу этой работы, дѣлали его какъ бы предвѣстникомъ періодической системы элементовъ. Нѣмецкое химическое общество, желая нѣсколько исправить ошибку мюнхенской академіи, преподнесла Петтенкоферу въ 1899 г., черезъ 50 лѣтъ послѣ появленія его работы, золотую медаль Либиха, что доставило ему, по его собственнымъ словамъ, большое удовлетвореніе. Читанныя Петтенкоферомъ лекцій по общей химіи стали мало-по-малу измѣнять свой характеръ и позднѣе уже носили названіе лекціи по «діэтетической химіи». Къ этому времени онъ получилъ ординатуру и лучшее матеріальное положеніе дало ему возможность вполнѣ отдаться наукѣ.

Второй періодъ дѣятельности Петтенкофера совпадаетъ со второй половиной XIX столѣтія. Съ конца 40-хъ годовъ въ Германіи начинается громадный ростъ городовъ, Германія изъ земледѣльческой страны превращается въ капиталистическую; сѣть желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ растетъ съ каждымъ годомъ и прорѣзываетъ ее во всѣхъ направленіяхъ, идетъ быстрое развитіе фабрикъ и заводовъ. Вмѣстѣ съ ростомъ городовъ развился цѣлый рядъ нуждъ и потребностей, которыя взывали къ помощи; съ ростомъ же фабрикъ увеличились также и профессіональныя болѣзни. Вполнѣ естественно возникли вопросы о водоснабженіи, объ устройствѣ канализаціи, больницъ, лучшихъ квартиръ, цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ фабричнымъ производствомъ. Города все настойчивѣе требовали отвѣта на данные вопросы. 40-ые и 50-ые годы ознаменовались въ Германіи не только переворотомъ въ области экономическихъ отношеній, но и въ области естествознанія и медицины. Появились работы Мейера, Велера, Либиха, Гельмгольца. Вскорѣ наступила въ медицинѣ эпоха такъ называемаго терапевтическаго нигилизма, когда забрасывались всякія лѣкарства и бороться противъ всякой болѣзни предоставлялось самому организму. Эта эпоха броженія захватила Петтенко-

*

фера. Уже раньше въ своихъ лекціяхъ ему пришлось говорить о діэтетикѣ человѣка, теперь же для него стало ясно, что наступило время для созданія новой науки, которая занималась бы изслѣдованіемъ причинъ болѣзни и отыскала бы условія здоровой жизни; въ область этой науки—гигіены—должны войти всѣ вопросы, которыми попутно занимались другія науки. Гигіена должна занять подобающее мѣсто въ ряду другихъ университетскихъ наукъ и разрабатываться при помощи блестящихъ методовъ физики и химіи. Петтенкоферъ былъ убѣжденъ, что причины болѣзни лежатъ не столько въ самомъ человѣкѣ, сколько во внѣшнихъ условіяхъ. «Я разсматриваю,—писалъ онъ,—гигіену, какъ науку о хозяйствѣ, причемъ хозяйствомъ является здоровье, подобно тому, какъ политико-экономъ разсматриваетъ народное хозяйство; какъ въ политической экономіи не только страхъ передъ убыткомъ, но въ гораздо большей степени стремленіе къ болѣе высокой прибыли является побудительной силой,—такъ должно быть въ гигіенѣ, въ наукѣ о здоровьѣ. Гигіена должна изслѣдовать и установить значеніе всѣхъ вліяній, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ и, познавъ ихъ, стремиться къ благоденствію человѣка».

Во всеоружіи знанія, полный энергіи, отдался Петтенкоферъ разработкѣ одной области гигіены за другой. Онъ занялся изученіемъ одежды, пищи, воздуха, строительныхъ матеріаловъ, питанія; онъ посвятилъ себя изученію наиболѣе цѣлесообразныхъ условій, при которыхъ данные элементы могутъ приносить пользу человѣчеству. Такими ему представлялись задачи гигіены въ концѣ 40-хъ годовъ и разрѣшенію ихъ онъ посвятилъ всю жизнь, но только въ 1865 г. онъ впервые назвалъ свой курсъ *лекціями по гигіенѣ*.

Изъ разнообразныхъ вопросовъ гигіены наибольшее вниманіе Петтенкофера привлекали вопросы, касающіеся жилищъ, а также условій распространенія заразныхъ болѣзней. Первыми вопросами онъ былъ занятъ въ 50-е годы. Въ то время онъ установилъ, что по количеству содержащейся въ воздухѣ углекислоты можно судить о порчѣ комнатнаго воздуха. При содержаніи 0,7 угольной кислоты на 1.000 ед. мы себя чувствуемъ хорошо, у насъ нѣтъ потребности прибѣгнуть къ вентиляціи. Но при большемъ содержаніи воздухъ сильно ухудшается, кажется удушливымъ, производитъ непріятное ощущеніе на органы чувствъ, можетъ даже нѣкоторыхъ лицъ довести до обморочнаго состоянія. По Петтенкоферу, содержаніе 1,0 на 1.000 углекислоты является предѣломъ доброкачественности комнатнаго воздуха. Для опредѣленія содержанія углекислоты въ воздухѣ онъ предложилъ простой способъ, который и по сію пору считается классическимъ. Въ виду того интереса, который представлялъ въ то время вопросъ о вентиляціи, Петтенкоферъ обратился къ его изученію. Воздухъ въ помѣщеніяхъ мѣняется не только при помощи спеціально сдѣланныхъ для того приспособленій (искусственная вентиляція), но и черезъ щели и скважины, составляющія естественную вентиляцію. Величина естественной вентиляціи зависитъ отъ разности между температурой комнаты и наружнаго воздуха, а также отъ силы вѣтра. Для опредѣленія величины естественной вентиляціи Петтенкоферъ предложилъ такъ называемый антракометрическій способъ, принципъ котораго сводится къ тому, что по степени разрѣженія углекислоты, совершающагося въ теченіе извѣстной единицы времени, мы судимъ о количествѣ свѣжаго воздуха, проникшаго въ жилое помѣщеніе за это время. Попутно Петтенкоферъ занимался изученіемъ проходимости воздуха черезъ кирпичъ и цементъ, а также вліянія красокъ и обоевъ къ проходимости воздуха черезъ стѣны. Онъ изучилъ также порчу воздуха въ населенныхъ помѣщеніяхъ, а также при различныхъ производствахъ.

Въ 1865 г. появились работы Петтенкофера о кладбищахъ. Онъ показалъ, что хорошо устроенныя въ санитарномъ отношеніи кладбища не представляютъ никакой опасности для города. Онъ рекомендовалъ устроить могилы такой глу-

бины, чтобы толщина слоя земли надъ гробомъ не превышала 1,0—1,2 метра. При такомъ устройствѣ можно было разсчитывать на болѣе быстрое разложеніе труповъ и избѣжать загрязненія почвенной воды.

Къ этому же времени относятся его изслѣдованія одежды съ санитарной точки зрѣнія. Онъ и его ученики обратили вниманіе на отношеніе тканей одежды къ влагѣ воздуха. Количество поглощаемой (гигроскопической) одеждой воды зависитъ, между прочимъ, отъ характера тканей; напр., шерстяныя ткани воспринимаютъ воду медленно, также медленно и ее отдаютъ; въ бумажныхъ процессы эти идутъ гораздо быстрѣе.

Вопросы освѣщенія всегда привлекали вниманіе Петтенкофера. Еще въ переходное время, когда его интересовали вопросы техники, онъ разрѣшилъ проблему, занимавшую многихъ,—о добываніи свѣтильнаго газа изъ дерева. Ему удалось усовершенствовать технику добыванія. Для юга Германіи, бѣднаго каменнымъ углемъ, открытіе это имѣло большое практическое значеніе Но добытый при помощи усовершенствованнаго способа свѣтильный газъ не нашелъ особаго распространенія, такъ какъ даваемый имъ свѣтъ былъ крайне слабъ. Позднѣйшія работы Петтенкофера въ этой области касались значенія различныхъ источниковъ освѣщенія съ санитарной точки зрѣнія. Комнатный воздухъ портится подъ вліяніемъ всѣхъ источниковъ искусственнаго освѣщенія; наихудшее вліяніе оказываютъ стеариновыя свѣчи, наименьшее—электрическій свѣтъ. Помимо порчи воздуха, искусственные источники свѣта, вслѣдствіе развитія теплоты, повышаютъ температуру помѣщенія; воздухъ нагрѣвается меньше всего при электрическомъ свѣтѣ. Петтенкоферъ показалъ также, что во время хлороформированія при газовомъ освѣщеніи свѣтильный газъ разлагаетъ хлороформъ на хлоръ и соляную кислоту, что къ почвенному воздуху мѣстностей, освѣщаемыхъ свѣтильнымъ газомъ, примѣшиваетъ газъ, и указалъ, какъ передвигается онъ изъ почвы въ жилыя помѣщенія. Учащеніе зимою случаевъ отравленія свѣтильнымъ газомъ онъ объясняетъ не порчею трубъ, а аспирирующимъ вліяніемъ отапливаемыхъ помѣщеній.

Вопросы, имѣющіе отношеніе къ почвѣ, изучены были Петтенкоферомъ съ наибольшею тщательностью; въ этой области гигіена обязана ему не только новыми фактами, но и крайне остроумными приборами для опредѣленія углекислоты въ почвенномъ воздухѣ и уровня почвенныхъ водъ.

Атмосферный воздухъ, проходя черезъ поры почвы, претерпѣваетъ цѣлый рядъ измѣненій. Такъ, количество кислорода, достигающаго въ воздухѣ до 20,74%, на глубинѣ 4 метровъ равняется 16%. Измѣняется также количество углекислоты, какъ подъ вліяніемъ процессовъ разложенія органическихъ веществъ, такъ и вслѣдствіе цѣлаго ряда другихъ причинъ. Въ его лабораторіи производили изслѣдованіе надъ условіями перехода почвеннаго воздуха въ жилыя помѣщенія, надъ движеніями воды въ почвѣ, надъ разложеніями органическихъ веществъ въ почвѣ. Онъ показалъ, какъ переходятъ газы изъ отхожихъ мѣстъ въ жилыя помѣщенія и обратилъ вниманіе на значеніе канализаціи для содержанія почвы въ чистомъ видѣ. Чистота почвы такъ же необходима, какъ чистота воздуха и чистота воды—вотъ одно изъ его положеній.

Вопросъ о содержаніи почвы въ чистотѣ находится въ тѣсной связи съ канализаціей и водоснабженіемъ. Петтенкоферъ указалъ на присутствіе свободной углекислоты въ водѣ и обратилъ вниманіе на переходъ свинца въ воду. Онъ выяснилъ, что при той примитивной системѣ ретирадъ, которыми славились въ 60-е годы города Германіи, существуетъ постоянный переходъ углекислоты и вонючихъ газовъ (сѣроводорода, амміака, дурно пахнущихъ углеводородовъ и т. д.) черезъ пролеты и фановыя трубы въ воздухъ. Количество ихъ увеличивается въ теплое время года и при низкомъ атмосферномъ давленіи. Онъ ратовалъ противъ вывозной системы нечистотъ, съ простыми выгребными ямами, такъ

какъ былъ увѣренъ, что при подобной системѣ $^9/_{10}$ нечистотъ всасываются почвою и только $^1/_{10}$ вывозится изъ города. Онъ стоялъ за устройство сплавной канализаціи и промыванія водою клозетовъ. Въ этомъ смыслѣ Петтенкоферъ высказался уже въ 1869 году, подробнѣе же онъ развилъ свои мысли въ изданныхъ въ 1876 г. лекціяхъ «О канализаціи и вывозѣ нечистотъ». Что же касается вопроса относительно окончательной судьбы удаляемой клоачной воды, то Петтенкоферъ сталъ на ту точку зрѣнія, что данный вопросъ долженъ быть рѣшенъ для каждаго случая въ отдѣльности. Онъ считалъ, что спускъ нечистотъ въ рѣку не безразличенъ въ санитарномъ отношеніи; но онъ разрѣшалъ его для небольшихъ городовъ, при быстро текущей рѣкѣ, при большомъ содержаніи воды, когда есть гарантія, то нечистоты будутъ сильно разжижены. Онъ обратилъ также вниманіе на значеніе разныхъ водорослей для самоочищенія рѣкъ. Всѣ эти работы имѣли не только академическій интересъ, но и громадный практическій, такъ какъ способствовали проникновенію въ жизнь здравыхъ понятій. Стоитъ только сравнить благоустройство большинства нѣмецкихъ городовъ 60—70 годовъ съ современнымъ, чтобы убѣдиться, какіе громадные шаги впередъ сдѣлала санитарія.

Вопросы отопленія также не были чужды Петтенкоферу. Онъ занимался изученіемъ различныхъ способовъ отопленія, значеніемъ отопленія для высыханія стѣнъ и построекъ и гигроскопическими свойствами стѣнъ.

Въ первые годы своей дѣятельности въ качествѣ профессора гигіены, Петтенкоферъ предпринялъ съ однимъ изъ своихъ учениковъ Фойтомъ цѣлый рядъ работъ, касающихся питанія. Работы эти имѣютъ громадное значеніе для физіологіи обмѣна веществъ и Петтенкоферъ въ области физіологіи питанія является такимъ же новаторомъ, какъ и въ гигіенѣ. Благодаря устроенному имъ знаменитому респираціонному аппарату, появилась возможность произвести наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ процессовъ обмѣна веществъ, какъ здороваго, такъ и больного человѣка. Аппаратъ его представлялъ собою цѣлую комнату съ желѣзными стѣнами, окнами и дверьми и былъ настолько помѣстителенъ, что давалъ возможность производить опыты надъ людьми. Благодаря этому аппарату, Петтенкоферъ могъ точно опредѣлить всѣ продукты выдѣленія, какъ у нормальнаго человѣка, такъ и при голоданіи и при различныхъ условіяхъ питанія. Полученныя такимъ путемъ данныя послужили основаніемъ, на которомъ зиждется вся современная физіологія питанія. Петтенкоферъ и Фойтъ установили количество питательныхъ веществъ при различныхъ условіяхъ, необходимыхъ для состоянія равновѣсія. Этотъ, такъ называемый, пищевой паекъ былъ въ дальнѣйшемъ опредѣленъ для питанія солдатъ, въ тюрьмахъ, въ народныхъ кухняхъ и т. д. Они также показали, что въ организмѣ человѣка значительное количество сахара окисляется до углерода и воды. Они обратили вниманіе на очень важный фактъ, что во время работы потребляется гораздо больше жира; потребленіе же бѣлка не измѣняется. Имъ же удалось произвести изслѣдованія обмѣна веществъ у собаки и у больныхъ сахарнымъ мочеизнуреніемъ и малокровіемъ.

Цѣлый рядъ работъ Петтенкофера касается распространенія заразныхъ болѣзней, въ особенности холеры и тифа. На изученіе холеры онъ потратилъ не мало лѣтъ и уже убѣленный сѣдинами, на 73 году своей жизни, снова поднялъ копье, чтобы отправиться на бой съ своими научными противниками. Въ этой борьбѣ онъ не боялся крушеній своей любимой теоріи, но страшился забвенія тѣхъ общегигіеническихъ положеній, на проведеніе въ жизнь которыхъ онъ такъ много потратилъ силъ. По другому поводу, но это вполнѣ примѣнимо къ холерѣ, онъ писалъ: «Причина моей ненависти къ теоріи питьевой воды и моей готовности на ножахъ бороться съ нею, лежитъ въ томъ, что она является мнѣ препятствіемъ не только къ проведенію вѣрной теоріи, но и къ ассенизаціи почвы,

на которой мы живемъ». Съ поразительной настойчивостью Петтенкоферъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, видя въ ней залогъ безпрерывнаго оздоровленія почвы, лучшей канализаціи, лучшаго общаго санитарнаго устройства.

Въ 30-е годы холера появилась въ Германіи изъ Россіи и унесла не мало жертвъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ она снова появилась въ Германіи. Къ этому времени и относятся первыя наблюденія, сдѣланныя Петтенкоферомъ надъ распространеніемъ болѣзни, которая унесла въ теченіе всего XIX столѣтія, по крайней мѣрѣ, 3 милліона человѣческихъ жизней. Ко времени появленія первой работы Петтенкофера, среди большинства ученыхъ существовали три партіи, смотрѣвшія различно на холеру. Одни считали холеру такою же заразительною болѣзнью, какъ оспа—это были такъ называемые контагіонисты. Другіе же отрицали возможность передачи заразы отъ одного человѣка къ другому непосредственно или посредствомъ выдѣленій больного человѣка, а допускали возникновеніе зародышей внѣ организма (міазматическая теорія) и, наконецъ, по теоріи третьихъ, эпидемія эта развивается совершенно самостоятельно. Къ этому времени накопилось не мало фактовъ, которые никакъ нельзя было примирить ни съ одной изъ вышеназванныхъ теорій. Основываясь на нихъ, Петтенкоферъ въ 1854 г. выставилъ свою теорію, разработкѣ которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. По его мнѣнію, холера вызывается паразитомъ, но распространеніе болѣзни не обусловливается передачей заразы отъ одного человѣка къ другому, такъ какъ во всѣхъ эпидеміяхъ наблюдали, что врачи и священники очень мало воспріимчивы къ заразѣ. Къ тому же извѣстно было не мало случаевъ, когда въ одной и той же квартирѣ заболѣвало одно лицо, тогда какъ другія лица оставались совершенно невредимыми. Холера не передается также и черезъ питьевую воду, такъ какъ, по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ 30—40 годахъ, не замѣтно было, чтобы холера распространялась по теченію рѣкъ. Не признавая такимъ образомъ посредникомъ передачи заразы воду, Петтенкоферъ признаетъ таковымъ—почву. Въ этомъ его убѣждалъ тотъ фактъ, что холера какъ будто предпочитаетъ однѣ мѣстности, тогда какъ другія совершенно оставляетъ въ сторонѣ; напр., въ то время, какъ въ Мюнхенѣ свирѣпствовала холера, Штутгардтъ, Вюрцбургъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Ліонъ и друг. оставались совершенно невредимыми. Но и въ каждомъ городѣ можно найти участки, въ которыхъ холера не могла пустить корней, тогда какъ въ другихъ она постоянно свирѣпствуетъ. Признавъ такимъ образомъ существованіе мѣстныхъ предрасположеній къ холерѣ, Петтенкоферъ обратился къ анализу тѣхъ почвъ, которыя наиболѣе расположены къ эпидеміи. Таковыми оказываются почвы, отличающіяся своею пористостью, проницаемостью и колебаніями во влажности; подобная почва обыкновенно бываетъ пропитана органическими остатками, тогда какъ мѣста, не воспріимчивыя къ холерѣ, имѣютъ почву каменистую и глинистую. Пытаясь еще точнѣе опредѣлить свойства внѣшней среды, Петтенкоферъ указалъ на то, что распространеніе холеры зависитъ отъ времени года, отъ климата, находится въ связи съ количествомъ осадковъ и состояніемъ почвенныхъ водъ. По его мнѣнію, измѣренія почвенныхъ водъ могутъ дать заключеніе о влажности почвъ; съ увеличеніемъ влажности заболѣванія уменьшаются; съ уменьшеніемъ ея увеличиваются. Такимъ образомъ, по теоріи Петтенкофера, которую назвали локалистической, потому что въ ней главное мѣсто отведено почвѣ, неизвѣстный паразитъ, который самъ по себѣ не заразителенъ, попадая въ подходящую почву, тамъ уже становится заразительнымъ; вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ онъ можетъ попасть въ желудокъ человѣка и, при воспріимчивости даннаго лица къ холерѣ, вызвать заболѣваніе

Съ характерной для него послѣдовательностью Петтенкоферъ пытался исчерпать всѣ заключенія изъ высказанной имъ теоріи. Разъ заразное начало неизвѣст-

но, разъ личное предрасположеніе слишкомъ неопредѣленная величина, то, естественно, всѣ усилія ученыхъ и общества должны быть направлены на устраненіе антисанитарныхъ условій почвы. Все, что будетъ способствовать ея оздоровленію, дастъ возможность, съ надеждой на успѣхъ, бороться съ холерой. Петтенкоферъ возставалъ всегда противъ карантиновъ, потому что они только затрудняютъ сообщеніе, совершенно не задерживая распространенія эпидемій. И въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ. Онъ возставалъ также противъ примѣненія дезинфекціи, ибо не видѣлъ въ ней панацеи отъ развившейся уже болѣзни. По его мнѣнію, государство обязано приложить всѣ усилія къ тому, чтобы предупредить появленіе врага, бороться съ появившимся уже врагомъ поздно. Не устройствомъ карантиновъ и дезинфекцій можно бороться съ распространеніемъ заразныхъ болѣзней, а путемъ оздоровленія мѣстности, опрятнаго содержанія населенныхъ мѣстъ, осушенія болотъ, заботами о чистотѣ улицъ, дворовъ и домовъ, устройствомъ хорошихъ водостоковъ, доставленіемъ населенію достаточнаго количества воды для поддержанія чистоты и тому подобными средствами, которыя можетъ доставить только современная культура.

Петтенкоферъ не уставалъ твердить объ этомъ. Для доказательства своихъ положеній онъ посѣтилъ массу мѣстностей, чтобы изучить тамъ условія возникновенія и распространенія холеры. Въ данное время факты, накопившіеся во время послѣднихъ эпидемій, когда наблюденія надъ распространеніемъ холеры производились очень тщательно, не вполнѣ согласуются съ локалистической теоріею. Весьма возможна,—что совершенно отрицалъ Петтенкоферъ, — прямая передача заразы отъ одного человѣка къ другому, возможна также посредственная передача холеры черезъ бѣлье, питьевую воду. Но какъ бы то ни было, въ практическомъ отношеніи его теорія принесла громадную пользу, такъ какъ способствовала оздоровленію западно-европейскихъ городовъ, поднятію ихъ на ту высоту культурнаго развитія, на которой мы ихъ теперь находимъ.

Первая работа Петтенкофера о тифѣ напечатана въ 1848 г. Въ появившемся затѣмъ цѣломъ рядѣ работъ онъ пытался установить связь между распространеніемъ тифа и колебаніемъ почвенныхъ водъ. Въ данномъ случаѣ ему пришли на помощь изслѣдованія, сдѣланныя Булемъ надъ колебаніемъ почвенныхъ водъ въ Мюнхенѣ за промежутокъ времени отъ 1856 отъ 1864 г. Петтенкоферомъ была доказана связь между заболѣваемостью тифомъ и смертностью отъ него съ поднятіемъ и паденіемъ уровня почвенныхъ водъ. Послѣдовавшія въ другихъ городахъ (въ Гамбургѣ, Кельнѣ, Прагѣ, Парижѣ) эпидеміи тифа подтвердили его наблюденія.

Въ 1893 г. Петтенкоферъ желалъ уже отказаться отъ профессорской дѣятельности, его упросили еще остаться; но черезъ годъ онъ настоялъ на своемъ. «Мнѣ всегда доставляли удовольствіе какія-нибудь занятія, какія-нибудь работы, теперь нѣтъ ихъ, я не имѣю болѣе удовольствія въ жизни», писалъ онъ. Онъ сталъ себя чувствовать усталымъ, потерялъ вкусъ къ жизни. Мрачныя мысли не покидали его. Онъ не боялся упадка своихъ физическихъ силъ, но его страшила мысль о постепенномъ ослабленіи сознанія. Больше всего его пугала мысль о сумасшествіи; онъ разсказывалъ, что одинъ изъ его родственниковъ въ преклонномъ возрастѣ долженъ былъ искать убѣжища въ лѣчебницѣ для психическихъ больныхъ. Подавленное психическое состояніе все усиливалось, въ особенности въ послѣдніе дни января, когда онъ перенесъ ангину въ тяжелой формѣ. Онъ обманулъ всѣхъ окружающихъ, досталъ револьверъ и на 83 году своей плодотворной жизни пустилъ себѣ пулю въ правый високъ. Вскрытіе обнаружило хроническое воспаленіе твердой оболочки головного мозга.

Д-ръ А. Кар—ль.

II.

Физіологическія основы раціональной раскладки пищевого довольствія.

I.

Каждому изъ насъ такъ часто приходится имѣть дѣло съ вопросомъ о питаніи, что я думаю, не будетъ съ моей стороны злоупотребленіемъ, если познакомлю читателей съ основаніями раціональной раскладки пищевого довольствія. Такъ какъ жизнь наша неизбѣжно связана съ значительными мышечными усиліями, то возникаетъ вполнѣ естественный вопросъ, насчетъ какихъ веществъ развивается мышечная сила. Въ настоящее время мы еще далеки отъ того, чтобы въ точности знать составъ тѣхъ веществъ, непосредственнымъ разложеніемъ которыхъ обусловливается развитіе мышечной силы. Изслѣдователи упростили этотъ сложный вопросъ въ томъ смыслѣ, что химическія вещества мышцъ раздѣлили на двѣ группы—азотистыя и безазотистыя—и въ своихъ работахъ стремились показать, какія изъ этихъ веществъ разрушаются при мышечной работѣ. Согласно съ такой постановкой дѣла, въ вопросѣ объ источникахъ мышечной силы имѣются въ настоящее время два взгляда. Согласно первому—мышечная сила развивается на счетъ бѣлковъ мышцъ, т.-е. азотистыхъ частей; согласно второму, бѣлки мышцы *не* разрушаются при мышечной работѣ, которая развивается на счетъ безазотистыхъ ея частей: именно жировъ и углеводовъ.

Первый взглядъ былъ высказанъ Либихомъ, который съ увлеченіемъ проводилъ его даже въ практическую жизнь. Однако, вскорѣ оказалось, что вываренное мясо, этотъ настоящій бѣлокъ, не имѣетъ никакого питательнаго значенія: животныя, кормимыя имъ однимъ, погибаютъ. Фикъ и Вислиценусъ представили фактическія данныя въ пользу того, что бѣлки *не могутъ* быть разсматриваемы въ качествѣ единственныхъ источниковъ мышечной силы. Классическіе опыты ихъ состояли въ томъ, что изслѣдователи поднимались на гору, совершая вполнѣ опредѣленную работу. Рядомъ съ этимъ они опредѣляли въ мочѣ азотъ, который, какъ извѣстно, получается вслѣдствіе распаденія бѣлковъ. Перечисливъ азотъ на бѣлокъ, они убѣдились, что совершенная ими работа гораздо больше, чѣмъ сколько ея могутъ дать бѣлки, перешедшіе въ азотъ мочи. Въ послѣднее время отъ этихъ опытовъ старались отнять доказательную силу ученики знаменитаго физіолога Е. Пфлюгера. Именно Аргутинскій выставилъ возраженіе, что Фикъ и Вислиценусъ не опредѣляли всего азота, являющагося результатомъ совершенной ими работы, потому что азотъ продолжаетъ выдѣляться въ увеличенномъ количествѣ еще въ слѣдующіе 2—3 дня. Но Аргутинскій не доказалъ, что увеличенное выдѣленіе азота зависитъ отъ разрушенія того бѣлка, который пошелъ на совершеніе работы. При мышечной работѣ развивается цѣлый рядъ экстрактивныхъ веществъ, которыя, попадая въ кровь, могутъ вызывать усиленный обмѣнъ веществъ, обнаруживающійся увеличеніемъ азота въ мочѣ. Такимъ образомъ, фактъ увеличенія азота, приводимый Аргутинскимъ, не можетъ поколебать значенія опытовъ Фика и Вислиценуса.

Самъ Пфлюгеръ съ ясностью и отчетливостью, характеризующей всѣ его работы, старался рѣшить вопросъ объ источникахъ мышечной силы. Онъ кормилъ собаку мясомъ, по возможности, лишеннымъ жира. Не смотря на такой режимъ, собака совершала большую работу, чувствуя себя при этомъ прекрасно. Фактъ этотъ, конечно, лучше всего доказываетъ значеніе бѣлковъ при мышечной работѣ. Однако, имѣетъ ли онъ рѣшающее значеніе? Намъ извѣстно, что исклю-

чительно бѣлковая пища ведетъ къ образованію жировъ и углеводовъ; поэтому возможно допустить, что и въ опытахъ Пфлюгера бѣлковая частица пищи распадалась на азотистую и безазотистую половины, при чемъ первая усваивалась живой протоплазмой, вторая отлагалась въ качествѣ мертваго матеріала въ видѣ жира и углеводовъ, которые, въ случаѣ надобности, шли на производство работы. Опыты Пфлюгера доказываютъ, что животное можетъ прекрасно жить и работать при бѣлковой пищѣ, но не доказываютъ, что бѣлки являются исключительными источниками мышечной силы.

Вопросъ, крайне интересный съ научной точки зрѣнія и важный съ практической, въ послѣднее время былъ перенесенъ къ самому мѣсту образованія мышечной силы, именно въ самую мышцу. Если, дѣйствительно, бѣлки принимаютъ участіе въ производствѣ мышечной силы, то въ такомъ случаѣ составъ мышцы при работѣ долженъ быть существенно иной, чѣмъ при покоѣ: бѣлковъ въ работающей мышцѣ должно быть меньше. Эту задачу предложилъ А. Я. Данилевскій одному изъ своихъ учениковъ Кураеву, который, заставляя работать мышцу—раздраженіемъ двигательныхъ нервовъ, или вызывая стрихнинныя судороги, убѣдился въ огромномъ уменьшеніи бѣлковъ въ работающихъ мышцахъ. Однако, Кураевъ упустилъ изъ виду одно существенное обстоятельство въ своихъ опытахъ: онъ опредѣлялъ только *процентное* содержаніе бѣлка въ мышцахъ. При работѣ мышцы—кровеносные ея сосуды сильно расширяются, какъ вообще при работѣ и всѣхъ другихъ органовъ. Благодаря этому обстоятельству, мышца дѣлается богаче водой, которая разбавляетъ плотныя составныя части мышцы. Если теперь въ работающей мышцѣ опредѣлять не абсолютное количество бѣлковъ, а только процентное ихъ содержаніе, то мы найдемъ, какъ будто, уменьшеніе количества бѣлковъ,—уменьшеніе, котораго въ сущности не было. И, дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ опытахъ, въ которыхъ Кураевъ заставлялъ работать мышцу, лишенную кровообращенія, уменьшеніе бѣлковъ было самое незначительное, что можно было отнести къ ошибкамъ опредѣленія. Нѣкоторые наблюдатели, какъ Гапке, Навроцкій, ставили подобные же опыты, но они постоянно считались съ возможностью увеличеннаго содержанія воды въ работающихъ мышцахъ, остерегаясь дѣлать какія-либо заключенія на основаніи своихъ опытовъ. Незначительное уменьшеніе бѣлковъ, наблюдаемое въ работающей мышцѣ, Навроцкій относилъ на счетъ ошибокъ опредѣленія. Дѣйствительно, точныя изслѣдованія учениковъ И. П. Павлова показали, что никакой убыли бѣлковъ въ работающей мышцѣ—нѣтъ и что наблюдаемое Кураевымъ уменьшеніе зависитъ отъ увеличеннаго содержанія воды въ мышцахъ. Кашкадамовъ и Ганике опредѣляли не процентное содержаніе бѣлковъ, а все ихъ количество, пользуясь не навѣской мышцы, а цѣликомъ всей мышцей. Такъ какъ имъ приходилось сравнивать составъ покойныхъ мышцъ съ работающими, то для исключенія неравномѣрности въ составѣ мышцъ правой и лѣвой стороны Кашкадамовъ и Ганике пользовались мышцами—сразу отъ большого числа лягушекъ, у которыхъ мышцы одной стороны работали, а другой оставались въ покоѣ. Въ самое послѣднее время Ганике сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій (октябрь 1900 г.), которые съ наглядностью доказывали, что бѣлки не принимаютъ никакого участія въ работѣ мышцы. Такимъ образомъ, безазотистыя вещества — жиры и углеводы должны быть признаны источниками мышечной силы. Такъ какъ жиры обладаютъ большой потенціальной энергіей, то за ними слѣдуетъ признавать серьезное значеніе въ вопросѣ объ источникахъ мышечной силы. Въ концѣ концовъ, на основаніи цѣлаго ряда изслѣдованій,—оказалось, что человѣческій организмъ, подобно машинѣ, развиваетъ работу благодаря подвозу угля: какъ работа машины опредѣляется количествомъ потребленнаго угля и не зависитъ совершенно отъ желѣзныхъ или металлическихъ ея частей, такъ и работа человѣческой мышцы

имѣетъ своимъ источникомъ углеродъ жировъ и углеводъ, а не матеріалъ, изъ котораго она сама построена. Существеннѣйшая часть нашаго тѣла сводится въ результатѣ къ живому бѣлку—именно къ клѣточной протоплазмѣ. Уже а priori казалось мало вѣроятнымъ, чтобы бѣлокъ, съ такимъ трудомъ пріобщенный извнѣ живой протоплазмой, расходовался бы такъ интенсивно при всякомъ мышечномъ напряженіи.

Живой бѣлокъ является въ нашемъ тѣлѣ тѣмъ, чѣмъ желѣзо, сталь для машины. Никто, конечно, не станетъ думать, что желѣзо производитъ работу токарнаго станка, движеніе локомотива и т. д. Съ другой стороны, никто не станетъ отрицать также и того, что машина, при работѣ, какъ бы ни была она прочно устроена, все же портится: металлъ стирается, получается дефектъ вещества. Но въ машинѣ дефектъ остается и самъ собою не исправляется. Въ организмѣ, въ которомъ также происходитъ потеря бѣлковаго вещества, возобновленіе идетъ постоянно,—благодаря жизненнымъ его силамъ; вводимый бѣлокъ ассимилируется клѣтками и такимъ образомъ восполняется тотъ дефектъ, который постоянно образуется во время ихъ дѣятельности. Разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то отсюда совершенно понятно, почему въ пищѣ бѣлку должно быть отведено видное мѣсто и какъ разъ въ количествѣ, покрывающемъ его расходы.

II.

Такъ какъ организмъ теряетъ азота мочей въ теченіе сутокъ около 20 грм., то количество бѣлковъ въ пищѣ должно быть $= 20 \times 6$ *) $= 120$ грм.; такъ какъ при усиленной дѣятельности траты бѣлка идутъ сильнѣе и количество вводимаго азота возрастаетъ до 22,5, то количество бѣлка при усиленной работѣ, напримѣръ, во время походовъ должно быть усилено до $22{,}5 \times 6 = 150$ грм. Съ другой стороны, для работы мышцы требуется участіе безазотистыхъ веществъ, изъ которыхъ жиру должно быть отведено видное мѣсто. Поэтому жиръ долженъ непремѣнно входить, какъ необходимая составная часть пищи и количество его, напримѣръ, въ солдатскомъ пайкѣ должно находиться въ полной зависимости отъ работы предъявляемой солдату. Но на какомъ основаніи установить потребное для организма количество жировъ и углеводовъ? Исходной точкой для подобныхъ разсчетовъ должно служить суточное количество тепловой энергіи теряемой организмомъ. Взрослый человѣкъ теряетъ во внѣшнюю среду 2.272 калорій въ сутки; это количество для поддержанія температуры на постоянномъ уровнѣ организмъ долженъ развить изъ энергіи, скрытой въ вводимыхъ въ него веществахъ.

Каковы бы ни были превращенія, которымъ подвергаются составныя части пищи въ организмѣ, все же, согласно закону сохраненія энергіи, они не могутъ развить больше присущаго имъ количества тепла. Различныя молекулярныя превращенія, которыя въ нихъ происходятъ, могутъ подать поводъ для освобожденія скрытой въ нихъ энергіи, но не могутъ породить новаго ея количества. Мы видѣли, что количество бѣлка, необходимаго для пополненія его тратъ въ организмѣ, $= 120{,}0$ грм. Окисляясь до мочевины, этотъ бѣлокъ высвобождаетъ энергію въ количествѣ $120{,}0 \times 4{,}1 = 492$ калорій. Значитъ, остальныя $= 2272 - 492 = 1780$ калорій должны быть пополнены на счетъ жировъ и углеводовъ. Но въ какой пропорціи взять жиры и углеводы? Рѣшеніе этого вопроса упрощается, благодаря тому, что мы (и въ особенности солдатъ, крестьянинъ и рабочій) пользуемся бѣлками не исключительно животными, а въ значительной степени бѣлками растительными, въ видѣ хлѣба. Въ какомъ же взаимномъ отношеніи взять оба рода бѣлковъ? Въ этомъ направленіи существу-

*) На 100 грм. бѣлка приходится азота отъ 16—17 грм.; отсюда и множитель *6*.

цѣлый рядъ отношеній, въ которомъ мы можемъ брать животные бѣлки къ растительнымъ. Эти отношенія можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

2 : 2; 2 : 3; 2 : 4; 2 : 5; 2 : 6 . . . . (1),

а также въ видѣ

. . . . 6 : 2; 5 : 2; 4 : 2; 3 : 2; 2 : 2 . . . . (2).

Соединяя оба ряда вмѣстѣ, получимъ:

. . . . 6 : 2; 5 : 2; 4 : 2; 3 : 2; 2 : 2; 2 : 3; 2 : 4; 2 : 5; 2 : 6 . . (3).

Помѣщая въ этомъ ряду отношеніе 0 : 2, согласно которому устраиваютъ свою раскладку вегетаріанцы, мы получимъ рядъ:

6 : 2; 5 : 2; 4 : 2; 3 : 2; 0:2; 2: 2; 2 : 3; 2 : 4; 2 : 5; 2 : 6 . . (4).

Въ этомъ ряду заключены всѣ отношенія, любымъ изъ которыхъ мы можемъ воспользоваться при раскладкѣ пищевого довольствія. Выборъ отношенія зависитъ отъ насъ и въ сущности сводится къ различнымъ частнымъ и общимъ условіямъ. Къ общимъ принадлежатъ, напримѣръ, климатическія; къ частнымъ — различныя экономическія условія. Въ нашихъ широтахъ выборъ отношенія обусловливается зажиточностью человѣка. Люди обезпеченные питаются бѣлками животными, по преимуществу, согласно отношеніямъ изъ ряда (2). Въ классахъ бѣдныхъ растительные бѣлки почти вытѣсняютъ животные бѣлки; въ этомъ случаѣ приходится пользоваться отношеніями изъ ряда (1). Если имѣть въ виду, что пища солдата **) должна приближаться къ растительной пищѣ простого народа и не особенно удаляться отъ пищи среднихъ классовъ, то можемъ остановиться на отношеніи 2 : 3, вслѣдствіе чего изъ 20,0 граммъ азота — 8,0 должны быть пополнены бѣлками животными, а 12,0 азота бѣлками растительными, т.-е. $^2/_5$ потребныхъ бѣлковъ слѣдуетъ брать изъ животнаго, а $^3/_5$ изъ растительнаго царства. Въ мякоти чернаго хлѣба, по моимъ опредѣленіямъ, содержится 1,52% азота или для простоты вычисленій 1,50%; слѣдовательно, 12,0 азота могутъ быть получены при введеніи $\frac{12,0}{1,5} \cdot 100,0$ грм. $= 800,0$ грам. чернаго хлѣба. Согласно опредѣленіямъ Віолетта, въ солдатскомъ хлѣбѣ находится 44% углеводовъ, слѣдовательно, въ 800,0 чернаго хлѣба $= 352,0$ углеводовъ. Это количество углеводовъ заключаетъ въ себѣ тепловую энергію въ количествѣ $352,0 \times 4,1 = 1443$ калорій. Слѣдовательно, теперь будетъ недоставать въ организмѣ $1780 - 1443 = 327$ калорій, которые должны быть пополнены на счетъ жира. Такъ какъ калорическій коэффиціентъ жира$=930,0$ (на 100 грм. жира), то количество жира, отвѣчающее 327 калоріямъ, будетъ$=$ $= \frac{327}{230} \cdot 100 = 35,2$ грм. жира или для простоты 36,0 грм. жира.

Такимъ образомъ питательныя вещества для рабочаго человѣка, напр., солдата, здороваго, средняго роста, вѣсомъ 65 — 70 килогр., распредѣлятся слѣдующимъ образомъ:

Бѣлковъ	120,0
Углеводовъ	352,0
Жировъ	36,0

Спрашивается теперь, какое количество продуктовъ въ натуральномъ видѣ, т. е. въ видѣ мяса, хлѣба, жира должно быть отпущено на солдата. Разсчетъ дѣлается очень просто. Я уже говорилъ, что животныхъ бѣлковъ приходится

*) Согласно съ изслѣдованіями Рубнера, я принялъ, что: 1) 1,0 бѣлка, окисляясь до мочевины, развиваетъ 4,1 калорій; 2) 1,0 жира сгорая до воды и углекислоты, развиваетъ $= 9,3$ кал.; 3) 1,0 углеводовъ, сгорая до воды и углекислоты, развиваетъ $= 4,4$ кал.

**) Для примѣра я всѣ разсчеты дѣлаю для солдата вѣсомъ въ 65—70 килограммовъ.

брать $^2/_5$ всего количества бѣлковъ, что отвѣчаетъ 8,0 азота. Въ свѣжемъ мясѣ, доставляемомъ для больныхъ московскаго военнаго госпиталя, азота содержится 3,2%; слѣдовательно, 8,0 азота отвѣчаютъ $= \frac{8,0}{3,2} \cdot 100 = 250,0$ свѣжаго мяса. Въ мясѣ, по опредѣленіямъ Пайена, содержится около 4,5% жира. Слѣдовательно, количество жира въ чистомъ видѣ можно уменьшить до $25,0 = 36,0 - 9,0$. Количество черного хлѣба, отвѣчающее 12,0 азота = 800,0. Переводя бѣлки, углеводы, жиры на пищевые продукты, получимъ паекъ солдата въ слѣдующемъ видѣ:

Мяса свѣжаго	250,0	грам.
Хлѣба черняго (мякоти)	800,0	»
Жира чистаго	25,0	»

Эти величины должны быть исправлены, такъ какъ не весь принятый бѣлокъ, жиръ и хлѣбъ усваиваются организмомъ: часть ихъ выводится наружу непотребленнымъ. Если принять на основаніи данныхъ многихъ авторовъ (Рюбнеръ, Солнцевъ и др.), что азотъ мяса усваивается въ количествѣ 92%, жиръ въ количествѣ 90%, а азотъ хлѣба въ количествѣ 65%, то получимъ слѣдующія числа для вышеприведенныхъ пищевыхъ продуктовъ:

Мяса свѣжаго . . .	275,0,	что отвѣчаетъ . . .	125,0 бѣлка.
Хлѣба чернаго . . .	1080,0,	что отвѣчаетъ . . .	184,0 углевода.
Жира чистаго . . .	29,0,	что отвѣчаетъ . . .	28,0 жира.

По моимъ опытамъ, произведеннымъ въ московскомъ военномъ госпиталѣ, ужаривается или уваривается 40—45%. Принимая для ровнаго счета, что уваривается 40% вѣса мяса, получимъ, что солдату должно быть выдано $275,0 - 110,0 = 165,0$ грам. мяса въ видѣ, готовомъ для употребленія.

III.

Во время усиленной работы, напр., въ военное время паекъ солдата долженъ быть измѣненъ въ виду усиленныхъ мышечныхъ напряженій. Количество выводимаго азота во время мышечной работы увеличивается; соотвѣтственно съ этимъ должно быть увеличено и количество вводимаго бѣлка. Желательно увеличеніе бѣлка на счетъ мяса, а не на счетъ хлѣба, который принимается и такъ въ большомъ количествѣ и занимаетъ большой объемъ, что только обременяетъ солдата. Въ виду этихъ же причинъ не желательно и увеличеніе углеводовъ; поэтому покрытіе расхода энергіи, сопровождающей мышечную работу, должно быть произведено на счетъ жира, занимающаго малый объемъ и обладающаго большей потенціальной энергіей, чѣмъ углеводы. Такъ какъ физическія напряженія во время походовъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время, то количество вводимаго жира должно быть соотвѣтственно увеличено. Принимая, что мышечная работа развивается цѣликомъ на счетъ разрушенія безазотистыхъ частей тѣла и что во время походовъ физическія напряженія вдвое больше, чѣмъ въ обыкновенное время, мы для восполненія потерь тепловой энергіи должны ввести жиръ въ количествѣ, развивающемъ какъ разъ столько калорій тепла, сколько его заключается въ безазотистой части пищи мирнаго времени, т.-е. *1.780* калорій. Эту тепловую энергію можетъ развить жиръ въ количествѣ $\frac{1780}{930} : 100 = 191,4$. Слѣдовательно, если физическія усилія вдвое больше обыкновеннаго, то жировъ слѣдуетъ ввести 191,4. Если мышечныя усилія только въ $^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ мирное время, то жировъ слѣдуетъ ввести $\frac{191,4}{2} = 95,7$. Такимъ образомъ, количество жировъ вполнѣ

зависитъ отъ количества предполагаемой работы. Эту послѣднюю (т.-е. работу) при значительныхъ мышечныхъ усиліяхъ Фостеръ опредѣляетъ за сутки въ 150.000 килограммометровъ. Пользуясь механическимъ эквивалентомъ теплоты, равнымъ 425, мы убѣждаемся, что указанное количество работы равнозначуще $\frac{150.000}{425} = 353$ калоріямъ. Изслѣдованія Гейденгайна показали, что только половина энергіи, освобождающейся при мышечномъ сокращеніи, идетъ на производство механической работы; другая же половина превращается въ теплоту. Поэтому, чтобы получить работу = 150.000 килограммометрамъ, мы должны ввести въ организмъ не 353 калорій, а 353 × 2, т.-е. = 706 калорій. Пополняя это количество калорій тепла жиромъ, мы должны ввести этого послѣдняго $= \frac{706}{930} . 100 = 74{,}84$ грм.

Допуская, что во время работы увеличивается выведеніе азота мочей на 2,5, мы должны, соотвѣтственно, увеличить и количество вводимаго бѣлка, т.-е. на 2,5 × 6 = 15,0, что отвѣчаетъ свѣжему мясу 80,0 или вареному = = 80,0 — 32,0 = 48,0. Такимъ образомъ, паекъ солдата во время усиленныхъ занятій, походовъ, маневровъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Бѣлка = 140,0 или свѣжаго мяса 355,0, вареннаго 213,0.
Углеводовъ = 484,0 или хлѣба черного = 1080,0
Жира чистаго = 25,0 + 74,84 = *99,84*.

IV.

Такимъ образомъ, для того, чтобы составить раскладку пищевого довольствія, слѣдуетъ только знать: 1) количество азота, выводимаго мочей; 2) количество калорій теплоты, теряемой за сутки, что можно принять равнымъ 2272 калоріямъ для средняго, здороваго человѣка вѣсомъ 65—70 килогр.; 3) содержаніе азота, углеводовъ и жира въ пищевыхъ продуктахъ, употребляемыхъ въ данное время: мяса, хлѣба, сухарей, жира и т. д.

Отношеніе животныхъ бѣлковъ къ растительнымъ, принятое мною = 2 : 3, можетъ быть, конечно, измѣнено. Въ мирное время отношеніе это можно уменьшить; въ военное время слѣдуетъ стремиться его увеличить. Опыты Пфлюгера показываютъ, что это увеличеніе можетъ быть очень значительное. Раскладка пищевого довольствія, выработанная мною на основаніи физіологическихъ данныхъ, вполнѣ подходитъ къ схемѣ Voit'а, установленной эмпирическимъ путемъ.

Прив.-доц. Л. Попельскій.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Послѣднія данныя о «Nova Persei». Мы уже сообщали объ этой звѣздѣ нашимъ читателямъ въ мартовской книжкѣ «Міра Божія». Звѣзда была замѣчена эдинбургскимъ астрономомъ Андерсономъ 21-го февр. (по нов. ст.), блескъ и величина ея были тогда 2,7. 23-го февр. она свѣтилась синеватымъ свѣтомъ и блескомъ превосходила Капеллу; затѣмъ блескъ ея сталъ уменьшаться и 26-го февр. былъ равенъ 1,1, ночью 27-го февр.—упалъ уже до 2,1, 3-го марта звѣзда стала желтовато-оранжевой, блескъ и величина 2,4; 8-го марта—красной, величина—3,1; 26-го марта (нов. ст.) она блестѣла уже только какъ звѣзда пятаго порядка. Такъ какъ опредѣленіе блеска этой звѣз-

ды, вслѣдствіе такого измѣненія ея цвѣта, дѣло весьма трудное—приходится дѣлать сравненіе съ различными звѣздами, то нѣкоторые астрономы считаютъ эту періодичность блеска «Nova Persei», только кажущейся.

Спектръ новой звѣзды, какъ показываютъ изслѣдованія Деландра, астронома Медонской обсерваторіи, образованъ блестящими, необыкновенно широкими полосами; среди нихъ ясно можно различить полосы, соотвѣтствующія линіямъ водорода и кальція.

Весьма ясна красная водородная линія $H\alpha$, на слабомъ сплошномъ спектрѣ выдѣляется также слабая желтая полоса, близкая къ линіямъ натрія D_1 D_2. Полосы $H\alpha$ и $H\beta$ имѣютъ по двѣ черныхъ линіи. Средина всѣхъ этихъ полосъ перемѣщена сравнительно съ земною линіей къ красному концу спектра. Въ частяхъ спектра зеленой, синей и индиго также имѣются эти линіи-полосы. Такъ, въ фотографіи спектра, полученной 3-го марта въ желтой и зеленой части спектра, имѣются три линіи или полосы, соотвѣтствующія—одна магнезіальной линіи, а двѣ другихъ линіямъ паргелія. Эти линіи - полосы «Nova Persei» представляютъ слѣдующія замѣчательныя свойства. Водородная линія $H\beta$ двумя черными линіями дѣлится на 3 части различной интенсивности; наиболѣе интенсивная, перемѣщенная къ фіолетовому краю, указываетъ на скорость въ 600 километровъ въ секунду перемѣщенія той матеріи, которая является причиной обрйзованія этихъ свѣтовыхъ волнъ; срединная линія едва перемѣщена, а третья, перемѣщенная къ красному концу спектра, указываетъ на скорость матеріи, приблизительно, въ 1.000 километровъ въ секунду.

Линія-полосы кальція имѣютъ каждая по одной черной ясной линіи. На фотографическихъ снимкахъ спектра, полученныхъ 8-го марта, также наблюдаются блестящія полосы-линіи водорода, но нѣсколько менѣе широкія, чѣмъ на спектрахъ 26-го и 28-го марта; притомъ полосы эти во всей своей совокупности перемѣщены къ красному концу, тогда какъ черныя широкія линіи, сильно передвинуты къ фіолетовому.

На фотографіяхъ, снятыхъ 5-го марта, въ блестящихъ водородныхъ полосахъ - линіяхъ появляется уже 3-я черная линія, 6-го марта ихъ уже 4, они остаются и на фотографіяхъ отъ 8-го марта, только линіи эти стали значительно тоньше и имѣютъ скорѣе видъ линій обращенія, каковы, напр., линіи наблюдаемыя въ спектрѣ солнечныхъ пятенъ.

Въ спектрѣ 12-го марта въ черныхъ полосахъ можно различить уже весьма ясныя дѣленія. Напр., въ широкой черной полосѣ-линіи видны 3 блестящихъ и достаточно ясныхъ линіи. Перемѣщенія этихъ блестящихъ линій весьма значительны и указываютъ на скорость приближенія около 1.200—1.850 километровъ въ секунду.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ слабѣлъ блескъ «Nova Persei», ея спектръ становился все болѣе похожимъ на спектръ новой звѣзды созвѣздія Возницы, наблюденный въ 1893 г., только блестящія и черныя линіи спектра первой звѣзды шире, чѣмъ второй, дѣленія болѣе многочисленны, скорости приближенія и удаленія болѣе значительны.

Всѣ эти явленія настолько запутаны и сложны, что врядъ ли возможно объяснить ихъ въ настоящее время съ достаточною убѣдительностью и полнотою. Г. Деляндръ предполагаетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, по крайней мѣрѣ, съ двумя звѣздами, изъ которыхъ одна можетъ быть туманность, и что эти звѣзды летятъ другъ къ другу съ чудовищной скоростью. Жансенъ полагаетъ, что въ этихъ загадочныхъ свѣтилахъ происходитъ диссоціація кислорода. Періоды внезапно наступающей дѣятельности, можетъ быть, можно сравнить съ аналогичными, только менѣе интенсивными, взрывами, наблюдаемыми на нашемъ солнцѣ. Наконецъ, можно предположить, что явленія эти—результатъ паденія на звѣздную туманность или на сопровождающее ее солнце метео-

ритныхъ потоковъ. Кинетическая энергія этихъ метеоритовъ переходитъ въ теплоту и свѣтъ, а летучія вещества являются подходящей средой для проявленія электрическихъ и химическихъ силъ.

Новое опредѣленіе скорости свѣта. Директоръ обсерваторіи въ Ниццѣ *Перротэнъ* опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій, предпринятыхъ имъ для новаго, наивозможно точнаго опредѣленія скорости свѣта. Приведемъ сначала цифры прежнихъ изслѣдователей. *Фуко* въ 1862 г., примѣнивъ свой методъ вращающагося зеркала, опредѣлилъ скорость свѣта въ 298.000 километровъ въ секунду; *Михельсонъ* по этому же способу въ 1879 г. даетъ цифру 299.910 килом., въ 1882 г.—299.853 кил. *Ньюкомбъ* въ 1885 г., также по способу Фуко, нашелъ цифру—299.860 кил. *Физо*, примѣнивъ способъ зубчатаго колеса, въ 1849 г. получилъ цифру—313.300 кил.; *Корню*—въ 1872 г.—298.500 кил., а позднѣе—300.400 кил. Въ 1882 г. *Юнъ* и *Форбесъ* даютъ цифру—301.382 кил.

Г. *Перротэнъ* примѣнилъ методъ Физо съ нѣкоторыми усовершенствованіями, внесенными Корню. Труба съ отверстіемъ въ 6 футовъ съ зубчатымъ колесомъ и регистрирующій хронографъ, были установлены въ юго-восточномъ углу большого экваторіала Ниццы, коллиматоръ же съ посеребреннымъ зеркаломъ въ 3 фута—въ деревнѣ Ля-Гандъ, почти въ 12 километровъ отъ обсерваторіи. Источникомъ свѣта служила электрическая лампа въ 12 свѣчей. Разстояніе было съ необычайной точностью опредѣлено астрономомъ Симонэномъ. Перротэну потребовался цѣлый годъ работъ, около 1.500 измѣреній, чтобы придти къ окончательному результату— *299.900 килом.*, цифра, которую въ настоящее время можно признать, вѣроятно, наиболѣе точной изъ всѣхъ ранѣе предложенныхъ.

Диффузія золота въ свинецъ въ твердомъ состояніи и при обыкновенной температурѣ. Англійскій ученый *W. Roberts-Austen* давно уже занимался вопросомъ о диффузіи золота въ свинецъ. Но первые опыты его были поставлены съ свинцомъ въ расплавленномъ состояніи или же при температурѣ, близкой точкѣ плавленія. Такъ, 5 лѣтъ тому назадъ, онъ сообщалъ, что золото, на которое давилъ столбъ жидкаго свинца при температурѣ въ 492° Ц. (свинецъ плавится уже при 332° Ц.), въ теченіе сутокъ диффундировало до самой вершины этого свинцоваго столба; если же свинецъ имѣлъ температуру 251°, т. е. на 81° ниже точки плавленія свинца, диффузія шла гораздо медленнѣе: въ первомъ случаѣ скорость диффузіи была 3 сант. въ день, во второмъ только 0,023.

На основаніи это нужно было ждать, что диффузія золота въ твердый свинецъ при обыкновенной температурѣ, если и проявится, то будетъ, конечно, крайне медленной. Не смотря на это, Roberts-Austen поставилъ слѣдующій опытъ. Къ тремъ свинцовымъ цилиндрамъ различной высоты, не превышавшей, впрочемъ, 25 сантим., и имѣвшимъ въ разрѣзѣ 0,88 сантим., были прижаты особыми зажимами пластинки золота. Соприкасающіяся поверхности обоихъ металловъ были, конечно, тщательно отчищены. Температура камеры, въ которой велся опытъ, поддерживалась приблизительно около 18°. По прошествіи 4-хъ лѣтъ эти свинцовые цилиндры были подвергнуты изслѣдованію. Каждый изъ нихъ разрѣзался на пластинки перпендикулярно оси. Три нижнія пластинки имѣли около 0,75 сант., остальные 2,3 сант. толщины. Въ каждой пластинкѣ обычнымъ путемъ опредѣлялось количество золота. Какъ и слѣдовало ожидать, самыми богатыми золотомъ оказались нижнія пластинки, самыми бѣдными—съ слѣдами золота—верхнія. Тоже нужно сказать и о величинѣ отдѣльныхъ зеренъ: тогда какъ въ трехъ нижнихъ пластинкахъ попадаются зерна золота, вѣсившія 0,00005 gr., частицы золота въ свинцовыхъ пластинкахъ, вырѣзанныхъ въ вершинѣ цилиндровъ, имѣли такую микроскопическую величину, что уже не могли быть выдѣлены механически. Roberts-Austen опредѣляетъ количество золота, диффунди-

ровавшаго въ нижнія пластинки—въ 1,3 унціи на тонну свинца, а въ самыя верхнія пластинки въ 0,075 унціи на тонну. Вообще же можно принять, что такое количество золота, которое диффундируетъ въ расплавленный свинецъ въ теченіе сутокъ, для диффузіи въ твердый свинецъ при обыкновенной температурѣ потребуетъ 1.000 лѣтъ. Таково вліяніе температуры на диффузію. Интересно то, что диффузія золота въ различныхъ свинцовыхъ цилиндрахъ была далеко неодинакова. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что соприкосновеніе пластинокъ золота съ свинцовымъ цилиндромъ было неодинаково для различныхъ цилиндровъ. Это же различіе въ соприкосновеніи не позволяетъ ему пока высказаться опредѣленно о вліяніи электрическаго тока на диффузію золота въ твердомъ свинцѣ. Въ условіяхъ, аналогичныхъ предъидущимъ, только при температурѣ въ 150° С., Roberts-Austen изслѣдовалъ проникновеніе золота въ два свинцовыхъ цилиндра, при чемъ черезъ одинъ изъ нихъ по направленію отъ золотой пластинки къ верхней части цилиндра пропускался электрическій токъ въ 1,5 ампера, въ теченіе всего періода изслѣдованія (544 часа). Затѣмъ опредѣлялось количество золота и въ томъ и въ другомъ цилиндрѣ. При этомъ оказалось, что тогда какъ въ цилиндрѣ, подвергавшемся дѣйствію электрическаго тока, золото проникало только до высоты въ 7,5 милим., въ другомъ цилиндрѣ оно было и вообще въ большемъ количествѣ и его присутствіе можно было констатировать еще на высотѣ 10 милим. Осторожный авторъ, по указанной нами выше причинѣ, не дѣлаетъ изъ этого послѣдняго опыта окончательнаго вывода и ставитъ новые опыты, при которыхъ различіе въ соприкосновеніи золотыхъ пластинокъ съ свинцовыми столбами будетъ доведено до возможнаго минимума.

Изслѣдованія Roberts-Austen имѣютъ громадный интересъ не только для чистыхъ физиковъ, но и для минералоговъ, которымъ они могутъ натолкнуть на многія соображенія въ вопросѣ о генезисѣ минераловъ

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Май. 1901 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.—Публицистика.—Исторія русская и всеобщая.—Политическая экономія.—Географія и путешествія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ив. Бунинъ. «Листопадъ. Стихотворенія».—*Анд. Колтоновскій.* «Стихотворенія».—*К. Станюковичъ.* «Изъ жизни моряковъ».—*Руссо.* «Исповѣдь».

Иванъ Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. Москва. 1901 г. Ц. 1 р. Второй сборникъ стихотвореній г. Бунина несравненно значительнѣе по содержанію и опредѣленнѣе, чѣмъ первый, разсмотрѣнный нами года два назадъ. Молодой талантъ несомнѣнно растетъ и крѣпнетъ, становится вполнѣ оригинальнымъ съ ясно выраженной индивидуальностью, что даетъ г. Бунину свое самостоятельное мѣсто среди поэтовъ послѣдняго времени. Онъ — пѣвецъ природы, которую понимаетъ и любитъ нѣжно, вдумчиво и глубоко, съ рѣдкой чуткостью отзываясь на всѣ ея явленія, описывая ихъ въ прелестныхъ по тонкости и яркости картинахъ, находя новыя и новыя краски, превосходныя по оригинальности сравненія и вѣрныя опредѣленія, которыя врѣзываются въ память, какъ незабвенные образы. Все это проникнуто однимъ настроеніемъ легкой меланхоліи, какъ бы грустнымъ сознаніемъ, что природа такъ прекрасна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, а жизнь такъ печальна, хотя и могла бы быть такъ же чарующе хороша, если бы человѣкъ сталъ ближе къ природѣ, сталъ свободнѣе отъ нелѣпыхъ условностей, имъ же созданныхъ, и слѣдовалъ ея велѣніямъ. Но поэтъ чувствуетъ свое безсилье измѣнить что-либо въ этой жизни, онъ слишкомъ дитя своего общества и своего времени, и отсюда тоска, овладѣвающая имъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче представляется ему контрастъ между царственной красотой природы, всегда разнообразной и яркой, и подавленнымъ настроеніемъ современнаго человѣка, которому не вырваться изъ душной атмосферы созданной имъ общественности. Отсюда грусть, проникающая лучшія стихотворенія г. Бунина, отсюда печаль, застилающая его глаза, любуется ли онъ тихою осенью, яркимъ закатомъ солнца или съ тревогой прислушивается, какъ бушуетъ ночная вьюга, и ему чудится, что

«На пустынномъ, на великомъ
Погостѣ жизни міровой
Кружится смерть въ весельи дикомъ
И развѣваетъ саванъ свой.»

Отсюда его любовь къ осени, къ осеннимъ настроеніямъ, времени увяданія и тихой порѣ сумерекъ природы, когда всѣ краски блекнутъ и солнце туманится. Лучшія стихотворенія г. Бунина посвящены осени, и прелестною осеннею поэмою «Листопадъ» открывается его сборникъ.

Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой, пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.

Березы желтою рѣзьбой
Блестятъ въ лазури голубой:
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листвѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной.—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,—
И Осень тихою вдовой
Вступаетъ нынче въ теремъ свой.

Это прелестное, счастливое сравненіе осени съ «тихою вдовой» выдержано превосходно во всей поэмѣ, въ которой г. Бунинъ съумѣлъ дать новые образы и новыя краски въ картинѣ умирающей природы. Въ его описаніи, что ни стихъ—то новый образъ, новая картина, новое удачное сравненіе, что дѣлаетъ эту чудесную поэму истиннымъ перломъ.

Лѣсъ точно дремлетъ. А въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Глядитъ и синева долинъ,
И мелколѣсье, и болота,
И даль лиловыхъ деревень...
Какъ хорошо! Но жаль кого-то,
И грустно Осени весь день...

Порой задумчиво выходитъ
Она на солнце изъ воротъ
И бродитъ въ полѣ и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ, по лощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарниковъ бугры
Раскинулись широкимъ станомъ,
Какъ темно-красные шатры.
Тамъ путь на югъ... Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
Онѣ зовутъ, но нѣтъ названья
Мечтамъ далекимъ. Въ нихъ—любовь
И красота. Воспоминанья,
Которымъ не воскреснуть вновь...
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса безмолвны. И безгласно
Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.

Стихъ поэмы превосходенъ,—онъ сжатъ, словно кованный, ни одного лишняго слова, риѳмы блещутъ и звучатъ какъ яркая гармонія.

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ;
Звенитъ ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туриный,
Скликая на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный...
Льетъ дождь, холодный точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ.
А ночью гуси караваномъ
Надъ лѣсомъ держатъ перелетъ...
Но дни идутъ. Свѣжѣетъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Живитъ и ободряетъ Осень...
Близка зима, стихаетъ боръ.

Классическая простота, яркость и свѣжесть красокъ дѣлаютъ эту чудесную поэму достойной занять мѣсто въ хрестоматіяхъ по русской словесности на ряду съ другими классическими образцами описаній природы. Хороши и другія стихотворенія сборника, каждое даетъ болѣе или менѣе выдержанную картину въ сжатыхъ и строгихъ стихахъ, очень музыкальныхъ и простыхъ въ то же время, безъ всякихъ вычуръ и побрякушекъ, столь излюбленныхъ поэтами послѣдняго времени. Чувство, переполняющее г. Бунина, не нуждается въ нихъ, чтобы захватить читателя,—напротивъ, есть что-то стыдливое въ его немногосложности и той простотѣ, съ которой оно выливается въ его стихахъ. Не приводимъ другихъ образчиковъ поэзіи г. Бунина, такъ какъ многія стихотворенія, вошедшія въ сборникъ, печатались у насъ, и читатели, навѣрное, не забыли его «Ночную вьюгу», «Мать», «Метель» и др. Искренно рекомендуемъ любящимъ чистую поэзію этотъ изящно изданный сборникъ,—онъ доставитъ имъ много отрадныхъ мгновеній.

Андрей Колтоновскій. Стихотворенія. Изд. Звонарева. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. Сборникъ стихотвореній г. Колтоновскаго нѣсколько проигрываетъ отъ сосѣдства съ «Листопадомъ» Бунина. Насколько Бунинъ—настоящій поэтъ «милостью Божьей», настолько г. Колтоновскій пока еще не ясенъ и не имѣетъ опредѣленной поэтической индивидуальности. Этотъ коренной недостатокъ чувствуетъ и самъ г. Колтоновскій, такъ опредѣляя свое поэтическое «я»:

Я на Парнассѣ—гость случайный
И въ буряхъ жизни не боецъ:
Я не плѣню волшебной тайной
И не зажгу огнемъ сердецъ.
Изъ розъ, поблекшихъ до расцвѣта,
Сплетенъ мнѣ Музою вѣнокъ...
Его умчитъ безслѣдно Лета
Въ нѣмой и сумрачный потокъ.

Тѣмъ не менѣе, стихотворенія г. Колтоновскаго не лишены интереса и значенія, и въ томъ же посвященіи онъ даетъ имъ вѣрную и справедливую оцѣнку:

Но если пѣснь моя разгонитъ
Въ душѣ усталой тѣнь скорбей,
Иль другъ невѣдомый уронитъ
Слезу сочувствія надъ ней,
Иль расцвѣтутъ улыбкой милой
Безъ ласкъ увядшія уста,—
Тогда—не даромъ путь унылый
Ты озаряла мнѣ мечта!

Неопредѣленность, бѣглость настроенія и подражательность—таковы, какъ намъ кажутся, характерныя черты настоящаго сборника г. Колтановскаго. Стихъ его звученъ, иногда силенъ и ярокъ, г. Колтановскій владѣетъ имъ въ совершенствѣ, но нѣтъ своего, прочувствованнаго содержанія, опредѣленнаго настроенія, нѣтъ того главнаго, что рѣзко выдѣляло бы автора въ ряду другихъ поэтовъ. Между тѣмъ, его стихотворенія гораздо разнообразнѣе и по формѣ, и по темамъ, чѣмъ г. Бунина, но въ нихъ постоянно слышится что-то знакомое, какъ, напр., въ слѣдующемъ, прекрасномъ по выдержанности стихотвореніи «Сосна».

Въ разселинѣ черной,
Въ гранитѣ отвѣсной скалы,—
Гдѣ вѣтеръ лишь горный
Шумитъ, да гнѣздятся орлы,—
Высóко—высóко,
Подъ сѣнью зубчатыхъ вершинъ,
Растетъ одиноко
И гордо, сосна—исполинъ...
Какъ знамя свободы,
Она на просторѣ шумитъ,

И вихрь непогоды
И зной ея вѣтви щадитъ.
И громъ ей клянется
Подъ дикую музыку горъ,
Что къ ней не коснется
Губительной сталью топоръ...

Это—одно изъ лучшихъ стихотвореній сборника, оно граціозно и звучно, особенно послѣдній куплетъ, но и въ немъ чувствуется общій недостатокъ: оно неопредѣленно по настроенію и подражательно по формѣ, напоминая, какъ далекое эхо, гейневскую «Сосну». И такъ вездѣ, постоянно слышится что-то много разъ читанное и перечитанное, словно весьма изящныя и не безъ остроумія исполненныя варіаціи на старыя милыя темы, съ которыми мы давно сроднились, что дѣлаетъ стихотворенія г. Колтоновскаго пріятными, какъ лицо стараго друга. Въ подтвержденіе приведемъ еще одно очень выдержанное стихотвореніе «Подъ дыханіемъ весны».

Я шелъ, мечтая, надъ Невою...
Дымились дали, таялъ снѣгъ
Смѣялось небо синевою,
И воздухъ млѣлъ въ истомѣ нѣгъ.
Въ саняхъ избранницъ кони мчали;
Звенѣлъ веселый разговоръ;
Тепло красавицы встрѣчали
Нескромной молодости взоръ.
Природа томно пробуждалась
Отъ сна въ безмолвіи и мглѣ,
И тайна счастья открывалась
И человѣку, и землѣ...
А за бѣлѣвшей, какъ пустыня,
Невой, закованною въ ледъ
Тянулась сѣрая твердыня
Стѣной безъ оконъ и воротъ.
Казалось, радостей раздольныхъ
Не долетитъ туда привѣтъ,
И для отшельниковъ невольныхъ
Оттуда къ нимъ возврата нѣтъ.
Чу!.. Звонъ раздался тамъ. и звуки
Поплыли скорбною волной...
И мнилось: тамъ рыдали муки
Прощанья съ жизнью и землей...

Значительную часть сборника составляютъ переводы изъ Мицкевича, Конопницкой, Ады Негри и другихъ. Эти переводы, обнаруживая въ г. Колтоновскомъ большого мастера стиха, отличаются прекраснымъ выборомъ и вѣрной передачей не только формы, но и духа оригинала. То, что является въ оригинальныхъ произведеніяхъ г. Колтоновскаго недостаткомъ, помогаетъ ему въ переводахъ, именно его воспріимчивость и та впечатлительность, съ которою онъ отдается настроенію другого автора, что и придаетъ его переводамъ силу и свѣжесть подлинника. Большая часть переводовъ знакома нашимъ читателямъ, такъ какъ почти всѣ они были напечатаны у насъ. Есть, впрочемъ, и нигдѣ не появлявшіеся, какъ, напр., это чудное стихотвореніе Конопницкой:

Не плачьте, скорбящіе!.. Ахъ, развѣ вѣрите вы,
Что тамъ высоко, среди этой нѣмой синевы,
Вашъ вопль, отраженный отъ звѣздъ золотого порога,
Встревожитъ спокойствіе Бога?
Иль вѣрите вы, что страдальца мучительный стонъ,
Въ мольбѣ обращенный въ прозрачную эту безбрежность,
Лазурь заволнуетъ, сіянья лишитъ небосклонъ,
Нарушитъ небесъ безмятежность?

Иль вѣрите вы, что когда-нибудь слезъ океанъ,
Который отъ вѣка земля на груди своей носитъ,
Свѣтъ солнца погаситъ и вѣчную тѣнь и туманъ.
Въ лицо всемогущества броситъ?
Міръ слишкомъ громаденъ, вы слишкомъ ничтожны, увы!
Хотя бы слезами кровавыми плакали вы,—
Ничто не измѣнится вашимъ желаніемъ страстнымъ,
Въ пространствѣ спокойномъ и ясномъ!
Туда не доносится крикъ и мольба бѣдняковъ,
Гдѣ лишь безконечность движеніе атомовъ слышитъ,
И голосъ отвѣтный безмолвныхъ небесъ не всколышетъ:
Молчаніе—сила боговъ!
Кто знаетъ: въ великой гармоніи міра—и слезы,
И крики послѣдніе гибнущихъ въ мукѣ людей
Имѣютъ-ли больше значенья, звучатъ-ли сильнѣй,
Чѣмъ вздохъ увядающей розы?
Кто знаетъ: на арфѣ, настроенной Духомъ духовъ,
Упавши на струны, хвалебно звенящія,
Не въ гимнъ-ли слагаются стоны и звуки оковъ?..
Ахъ! не плачьте. скорбящіе!

Чтобы такъ передать эти великолѣпныя строфы, надо не только умѣло владѣть стихомъ, но и до глубины души проникнуться настроеніемъ автора. Г. Колтоновскій въ высокой степени обладаетъ этою способностью, и мы увѣрены, что въ области переводовъ онъ можетъ сдѣлать очень многое и завоевать себѣ здѣсь почетную извѣстность.

К. М. Станюковичъ. Изъ жизни моряковъ. Разсказы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Новый сборникъ морскихъ разсказовъ уважаемаго беллетриста отличается тѣми же достоинствами, которыя завоевали автору справедливую популярность среди его многочисленныхъ читателей. Такъ же свѣжи его превосходные матросики, такъ же интересны эпизоды ихъ многострадальной жизни, такъ же художественно-живы и типичны его герои. Въ сборникъ вошло двѣнадцать разсказовъ, разнообразныхъ по содержанію, но объединенныхъ тою любовью, съ которою авторъ относится къ своимъ героямъ и которою онъ умѣетъ искусно передать и читателю. Неисчерпаемый источникъ представляетъ эта, повидимому, такая простая и несложная жизнь, какъ жизнь на кораблѣ, но художникъ умѣетъ представить намъ все богатство ея содержанія въ безконечныхъ живыхъ образахъ, которые проходятъ передъ глубоко заинтересованнымъ читателемъ. Всѣ разсказы читаются, что называется, съ захватывающимъ интересомъ, не позволяющимъ оторваться отъ книги, пока, съ сожалѣніемъ, не перевернешь послѣдней страницы. Большая часть разсказовъ относится къ прошлой жизни русскихъ моряковъ, но есть два изъ современной. Въ первомъ— «Отчаянный»—изображенъ рѣдкій типъ человѣка, ищущаго правды во что бы то ни стало. «Отчаянный»—лихой матросъ, вызывающій своей работой восторгъ у стараго адмирала и уваженіе всѣхъ товарищей. Его способности могли бы далеко выдвинуть его изъ сѣрой матросской массы, если бы не одна особенность его натуры,—«Отчаянный» не выноситъ фальши и неправды и стоитъ изо всѣхъ силъ за «права», что и приводитъ его въ столкновеніе съ окружающей средой. Его отдаютъ подъ судъ и бѣдный защитникъ права умираетъ отъ скоротечной чахотки, не сознавая, что тамъ, гдѣ все замѣняетъ «уставъ», нѣтъ мѣста для «правъ—закона». Разсказъ написанъ превосходно и заслуживаетъ полнаго вниманія издателей народной литературы. Другой разсказъ изъ современной жизни—«Ледяной штормъ» былъ напечатанъ у насъ, почему и не останавливаемся на немъ, такъ какъ читатели и сами, конечно, давно оцѣнили его по достоинству. Замѣтимъ только, что этотъ прекрасный разсказъ заслуживаетъ особаго вниманія, раскрывая намъ отношенія между моряками и частными компаніями, жестоко эксплуатирующими ихъ и выжимающими изъ нихъ всѣ соки, не щадя ни ихъ здоровья, ни даже жизни.

А. Б.

Ж.-Ж. Руссо. Исповѣдь. Съ иллюстраціями, портретомъ Руссо и критико-біографическимъ очеркомъ. Переводъ съ французскаго С. С. Трубачева. С.-Петербургъ. 1901 г. Иллюстрированное безплатное приложеніе къ январьской книгѣ «Вѣстника Иностранной Литературы». Хотя «Исповѣдь» несчастнаго женевскаго гражданина уже переведена—и не разъ—на русскій языкъ, но, конечно, нѣтъ никакого грѣха въ томъ, чтобы лишнимъ переводомъ притомъ вполнѣ приличнымъ, способствовать распространенію этого замѣчательнаго произведенія среди русскихъ читателей. Эта книга въ высшей степени любопытна со многихъ сторонъ: она служитъ главнымъ, хотя и не всегда надежнымъ источникомъ для біографіи такого крупнаго писателя, какъ Руссо; она заключаетъ неисчерпаемое богатство чертъ, важныхъ для психолога; она прекрасно характеризуетъ нравы своего времени и въ частности нравы литературной среды; наконецъ, это одно изъ немногихъ произведеній французской литературы XVIII вѣка, которое до сихъ поръ читается съ увлеченіемъ, благодаря необычному для того времени реализму изображенія и еще болѣе рѣдкому тогда поэтическому чувству природы. Нельзя однако назвать удачной мысль издателей—присоединить къ этой столь пространной автобіографіи краткую біографію, составленную г. В. Тимирязевымъ. Въ большинствѣ случаевъ біографу приходится повторять то, что читатель найдетъ въ самой «Исповѣди», конечно, въ гораздо болѣе блестящемъ и картинномъ изложеніи. Тѣ дополненія и исправленія, которыя несомнѣнно необходимы для правильной оцѣнки этого сочиненія, естественнѣе было присоединить къ нему въ качествѣ примѣчаній; читатель вынесъ бы въ такомъ случаѣ болѣе цѣльное впечатлѣніе. Сама по себѣ біографія составлена компилятивно и довольно шаблонно: г. Тимирязевъ не избѣжалъ обычнаго у біографовъ панегирическаго пристрастія по отношенію къ своему герою; вездѣ, гдѣ Руссо приходитъ въ столкновеніе съ современными ему великими писателями, Вольтеромъ, Дидеро, Даламберомъ, послѣдніе въ изложеніи г. Тимирязева почти всегда оказываются неправыми и характеризуются, какъ узкіе эгоисты и хитрые интриганы. Никто изъ нихъ не былъ святымъ, и вообще литературная среда того времени была насыщена неблаговидными поступками, взаимною враждою и несправедливостью, но Руссо въ этомъ отношеніи не былъ исключеніемъ. Если онъ въ большинствѣ случаевъ руководился вполнѣ искренними побужденіями, это не мѣшало ему часто быть эгоистомъ и совершать или говорить несправедливости. Къ отрицательнымъ качествамъ біографіи нужно отнести и то, что авторъ ея не всегда имѣетъ опредѣленный взглядъ на излагаемые факты, отчего нерѣдко получаются немаловажныя противорѣчія. Такъ, онъ хотѣлъ бы отстранить отъ Руссо вполнѣ утвердившійся приговоръ въ его психической ненормальности и вездѣ, гдѣ это хоть сколько-нибудь возможно, подыскиваетъ вполнѣ раціональные мотивы его поступковъ, что, конечно, ведетъ къ большимъ натяжкамъ. Но и при натяжкахъ далеко не все поддается толкованію съ этой точки зрѣнія, такъ что и г. Тимирязевъ долженъ поставить «вопросъ», былъ ли дѣйствтельно сумасшедшимъ геніальный авторъ «Эмиля» и «Общественнаго договора»? «Этотъ вопросъ,—продолжаетъ біографъ,—обсуждался болѣе ста лѣтъ со всѣхъ сторонъ и высказывались всевозможныя мнѣнія. Но теперь, повидимому, ученые—спеціалисты пришли къ тому убѣжденію, что, какъ доказываетъ докторъ Кабанессъ, на основаніи изслѣдованій докторовъ Жоли и Шателена, что Руссо былъ неврастеникомъ, а не настоящимъ (?) сумасшедшимъ (мы сохраняемъ оригинальный синтаксисъ подлинника). Поэтому, страдая маніей преслѣдованія, онъ во всемъ, до чего касалась эта манія, обнаруживалъ умственное разстройство, а во всемъ остальномъ сохранялъ свой лучезарный, свѣтлый умъ». Мы оставляемъ на отвѣтственности г. Тимирязева своеобразное опредѣленіе неврастеніи, но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, если нельзя отрицать «маніи преслѣдо-

ванія» и «умственнаго разстройства» Руссо, то вопросъ заключается не въ томъ, страдалъ ли онъ психическою болѣзнью, а исключительно въ томъ, какою формою психической болѣзни онъ страдалъ. Это и занимало главнымъ образомъ психіатровъ, которые изслѣдовали біографію Руссо. Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ объ иллюстраціяхъ, присоединеныхъ къ настоящему изданію. По заголовку можно думать, что оно украшено оригинальными иллюстраціями Лелуара, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно заключаетъ только плохія автотипическія репродукціи хорошихъ гравюръ Лелуара, что далеко не одно и то же. Во всякомъ случаѣ, ужъ если нельзя было неиспортить изящныхъ рисунковъ французскаго художника, то нужно было, по крайней мѣрѣ, внимательно прочесть его подпись Leloir, который въ русскомъ изданіи почему-то названъ Лелуа. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вл. Кранихфельдъ. «Шевченко, пѣвецъ Украйны и Запорожья».—*С. Венгеровъ.* «Источники словаря русскихъ писателей.—«Русскій біографическій словарь».

Вл. П. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украйны и Запорожья. Изд. «Вѣстника Казачьихъ войскъ». Спб. 1901 г. Очеркъ г. Кранихфельда, не смотря на небольшіе размѣры (четыре печатныхъ листа), даетъ вполнѣ законченную и очень содержательную біографію великаго народнаго пѣвца и вѣрную оцѣнку его поэзіи. Жизнь Шевченки такъ характерна для его эпохи и такъ неразрывно слита съ его поэзіей, что сама по себѣ является великой трагедіей, какую не выдумать ни одному поэту. Біографу только остается возможно проще и сдержаннѣе изложить послѣдовательную исторію мученій этой трагической жизни, чтобы выяснить и всю глубину поэзіи Шевченки, которая есть ничто иное, какъ *освѣщеніе* пережитой имъ трагедіи.

Написанъ очеркъ г. Кранихфельда очень хорошо. Изложеніе простое и общедоступное, факты изучены съ рѣдкой добросовѣстностью и полнотой, что дѣлаетъ эту сжатую біографію Шевченки очень цѣнной для большой массы читателей. Мы бы рекомендовали трудъ г. Кранихфельда для народыхъ изданій, по исторіи родной литературы, среди которыхъ жизнь и творчество Шевченки болѣе, чѣмъ любого поэта, могутъ живо заинтересовать простого читателя. Этотъ читатель живетъ пока больше сердцемъ, и жизнь и муки «батьки Тараса» вызовутъ въ немъ благороднѣйшіе отклики. *А. Б.*

С. А. Венгеровъ. Источники словаря русскихъ писателей. Т. I. Ааронъ—Гоголь, Спб. 1900 г. Передъ нами новое обширное литературное предпріятіе г. Венгерова, извѣстнаго своими прежними изданіями, широко задуманными, но остановившимися почти въ самомъ началѣ. Такъ, «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» остановился на 5 томѣ, не закончивъ буквы Б. «Русскія книги» остановились на третьемъ томѣ. «Русская поэзія» ограничилась однимъ XVIII вѣкомъ. Новый трудъ г. Венгерова задуманъ менѣе широко, и уже первый томъ дошелъ до Гоголя включительно. Всего предполагается пять томовъ, куда должны войти всѣ русскіе писатели отъ начала русской письменности до 1900 года включительно, при чемъ о каждомъ писателѣ будутъ сообщены источники для его біографіи и отзывы о его сочиненіяхъ, хотя бы это была мелкая замѣтка или переводъ иностранной книги.

Нѣтъ надобности говорить, какъ полезны подобнаго рода изданія, какая кропотливая работа нужна для ихъ составленія, и какою точностью должны отличаться сдѣланныя указанія. Абсолютной полноты и точности въ подобныхъ изданіяхъ, конечно, немыслимо требовать, можно желать только наибольшаго

приближенія къ этому идеалу. Къ сожалѣнію, первый томъ новаго изданія г. Венгерова не удовлетворитъ не только библіографа-спеціалиста, но и всякаго, кто нуждается въ подобныхъ справочныхъ трудахъ.

Прежде всего вызываетъ недоумѣніе пропускъ цѣлаго ряда современныхъ писателей и журналистовъ, имена которыхъ можно найти, напримѣръ, въ спискахъ сотрудниковъ не только газетъ, но и серьезныхъ журналовъ. Очень возможно, что въ архивѣ г. Венгерова объ этихъ писателяхъ не имѣется никакихъ біографическихъ свѣдѣній, равно и статьи этихъ скромныхъ работниковъ пера не обратили на себя вниманіе печати. Но если г. Венгеровъ помѣщаетъ въ свой словарь разнаго рода случайныхъ писателей прошлаго времени, о которыхъ онъ ничего не знаетъ кромѣ имени, то слѣдовало бы ради послѣдовательности и полноты вносить и современныхъ журналистовъ. Далѣе, г. Венгеровъ вводитъ въ свой словарь псевдонимы писателей, но при этомъ дѣлаетъ странный выборъ. Часто внесены псевдонимы случайные или псевдонимы незначительныхъ писателей, а псевдонимы очень извѣстные или принадлежащіе извѣстнымъ писателямъ пропущены.

Чтобы убѣдиться въ такой странности выбора псевдонимовъ, достаточно сравнить «Источники словаря» съ «Опытомъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей» гг. Карцова и Мазаева, сотрудниковъ г. Венгерова. Сдѣлавъ такіе существенные пропуски, составитель «Источниковъ словаря» внесъ не мало случайныхъ писателей и даже нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ, напр., Гацфельдта, автора брошюры «Основы литературной критики».

Біографическихъ и критическихъ указаній относительно нѣкоторыхъ писателей «Источники словаря» даютъ очень много, напр., Бѣлинскому удѣлено болѣе сорока столбцовъ, а Гоголю—около шестидесяти. Къ сожалѣнію, указанія эти расположены безъ всякой системы и послѣдовательности: основныя сочиненія перемѣшаны съ случайными замѣтками; ссылки сдѣланы то на собраніе сочиненій, то на журналы и газеты, гдѣ названная статья или замѣтка была напечатана первоначально; одно и то же сочиненіе часто повторяется. Нѣкоторый порядокъ внесенъ въ указанія о Гоголѣ. Статьи о немъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, но и указаній подъ отдѣльными годами такъ много, что и здѣсь нужна какая-нибудь система. Нельзя также не пожалѣть, что въ «Источникахъ словаря» можно встрѣтить указанія на ничтожнѣйшія замѣтки, иногда даже на перепечатки изъ другихъ изданій, а серьезныя статьи, даже отдѣльныя книги, не упомянуты. Такъ, напр., не указана книжка г. Мякотина о протопопѣ Аввакумѣ, не указанъ некрологъ Бестужева-Рюмина, написанный проф. Шмурло и перепечатанный изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», другіе же газетные некрологи указаны. О г. Е. Бобровѣ указана замѣтка въ «Рижскомъ Вѣстникѣ», но не указана статья проф. Козлова въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи». Въ спискѣ сочиненій, гдѣ упоминается Герценъ, не указаны, напр., книга Пыпина о Бѣлинскомъ и «Замѣчательное десятилѣтіе» Анненкова. Подобныхъ крупныхъ пропусковъ при самомъ бѣгломъ просмотрѣ «Источниковъ словаря» можно замѣтить цѣлые десятки. Кто поручится, что такихъ пропусковъ не сотни, не тысячи!

Вообще слѣдуетъ сказать, что погоня за полнотой указаній безъ различія ихъ важности много должна повредить новому труду г. Венгерова. Указать *всѣ* отзывы обо всѣхъ книгахъ, статьяхъ и даже переводахъ немыслимо, да въ подобныхъ изданіяхъ, какъ «Источники словаря», едва ли и нужно. Этотъ неблагодарный трудъ слѣдовало бы предоставить тѣмъ труженикамъ библіографіи, которые задаются спеціальною цѣлью составить сводъ библіографическихъ указаній объ одномъ какомъ-нибудь писателѣ. Поэтому, едва ли есть надобность вносить въ «Источники словаря» *всю* юбилейную литературу о Пуш-

кинѣ, на что потребуется, какъ думаетъ г. Венгеровъ, болѣе ста столбцовъ. Притязанія г. Венгерова на всеисчерпывающую полноту библіографическихъ указаній производитъ прямо непріятное впечатлѣніе. Чувствуешь, что человѣкъ стремится объять необъятное и вслѣдствіе этого не въ состояніи хорошо выполнить то, что вполнѣ возможно. Заслуга г. Венгерова была бы очень велика и въ томъ случаѣ, если бы, не гоняясь за всякимъ печатнымъ отзывомъ въ газетномъ морѣ, онъ далъ списокъ по возможности всѣхъ русскихъ писателей и сводъ главнѣйшихъ указаній о каждомъ изъ нихъ, расположивъ эти указанія по возможности систематичнѣе и послѣдовательнѣе. Указанія о каждомъ писателѣ можно бы расположить въ такой послѣдовательности: справочныя изданія, автобіографическіе матеріалы, некрологи, біографіи, сочиненія, въ которыхъ о писателѣ говорится что-нибудь существенное, важнѣйшіе отзывы о литературныхъ произведеніяхъ. Указанія въ каждой изъ этихъ рубрикъ должны быть расположены въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ а статьи безъ авторовъ или въ алфавитномъ порядкѣ періодическихъ изданій, въ которыхъ они напечатаны, или въ хронологическомъ порядкѣ. При такомъ расположеніи матеріала потребовалось бы меньше мѣста, и пользованіе указаніями значительно облегчилось бы.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать г. Венгерову скорѣйшаго окончанія его полезнаго и необходимаго труда, хотя трудно надѣяться, чтобы и новое предпріятіе неутомимаго библіографа скоро дошло до вожделѣннаго конца, судя по тому факту, что первый томъ «Источниковъ словаря» печатался четыре года.

С. Ашевскій.

Русскій біографическій словарь (Фаберъ — Цялковскій). Спб. 1901 г. Съ 1896 г. Русское Историческое общество издаетъ словарь, куда должны войти біографическіе очерки всѣхъ сколько-нибудь выдающихся русскихъ дѣятелей. Изданный предварительно списокъ этихъ дѣятелей заключаетъ шестьдесятъ тысячъ именъ, причемъ въ этотъ списокъ не вошли, а также не входятъ и въ словарь, имена дѣятелей еще живущихъ или недавно умершихъ. Въ нынѣшнемъ году вышелъ уже четвертый по счету томъ біографическаго словаря. Въ первыхъ двухъ по порядку томахъ напечатаны имена отъ Аарона до Бестужева-Рюмина включительно, причемъ біографія императора Александра III, по мысли котораго предпринято это изданіе, пропущена. Въ третьемъ томѣ помѣщены имена отъ Ибака до Ключарева и, наконецъ, въ недавно вышедшемъ томѣ—имена на буквы: *ф*, *х* и *ц*.

Изданіе это, безспорно, очень полезное, хотя, къ сожалѣнію, не безъ крупныхъ недостатковъ. Во-первыхъ, далеко не всѣ русскіе дѣятели, не принимая во вниманіе живущихъ и недавно умершихъ, попадаютъ въ словарь, въ задачу котораго входитъ наивозможная полнота. Стоитъ, напримѣръ, сравнить біографическій словарь съ указателемъ къ новому изданію «Исторіи Россіи» Соловьева, чтобы убѣдиться, что въ словарѣ пропущены такіе дѣятели, которые заслуживаютъ не меньше, а иногда даже больше, вниманія, чѣмъ нѣкоторыя изъ лицъ, попавшихъ въ словарь. Далѣе, біографическіе очерки отличаются неравномѣрностью, такъ что случается, что дѣятелямъ незначительнымъ удѣляется гораздо больше мѣста, чѣмъ дѣятелямъ несравненно болѣе важнымъ. Многіе біографическіе очерки военныхъ и гражданскихъ чиновныхъ лицъ представляютъ не болѣе, какъ воспроизведеніе ихъ послужныхъ и формулярныхъ списковъ. Далеко не всѣ біографическіе очерки свободны отъ панегирическаго тона. Наконецъ, библіографическія указанія не отличаются достаточной полнотой и свѣжестью. Но встрѣчаются и очень цѣнныя біографіи, принадлежащія перу спеціалистовъ.

Въ послѣднемъ томѣ «Русскаго біографическаго словаря» обращаютъ на себя вниманіе біографическіе очерки военнаго публициста Р. Фадѣева, Фета, партизана Фигнера, московскаго митрополита Филарета, патріарха Филарета,

св. Филиппа митрополита, Фіоравенти (Аристотеля), Фонвизина (статья акад. Жданова), извѣстнаго метромана гр. Хвостова, Хвощинской, Хераскова, Богдана Хмельницкаго (статья проф. Маркевича), Хомякова (г. Ловягина), Храповицкаго и др. Не останавливаясь на мелкихъ погрѣшностяхъ, которыя встрѣчаются въ этихъ очеркахъ (напр., въ біографіи митрополита Филарета умалчивается о его суровомъ обращеніи съ духовенствомъ и о несочувствіи освобожденію крестьянъ и приписывается ему стихотвореніе Клюшникова, вызванное стихотвореніемъ Пушкина: «Даръ напрасный»; въ біографіи патріарха Филарета не замѣтно знакомства съ изслѣдованіями г. Платонова о смутѣ въ Московскомъ государствѣ); нельзя не пожалѣть, что Хвощинской отведено черезчуръ мало мѣста, всего пять съ половиной столбцовъ, тогда какъ бездарному графу Хвостову удѣлено семь столбцовъ, позабытому въ настоящее время драматическому писателю Хмельницкому—восемь столбцовъ, иностранцу Фальконету—десять столбцовъ и т. д.

Но всѣ указанные и имъ подобные недочеты, почти неизбѣжные въ такихъ обширныхъ справочныхъ изданіяхъ, не лишаютъ «Русскій біографическій словарь» выдающагося значенія. Остается только пожалѣть, что цѣна словаря черезчуръ высока (первые три тома стоятъ по 10 рублей, послѣдній, въ 520 страницъ—6 руб. 50 коп.). *С. Ашевскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Д. Семеновъ. «Городское самоуправленіе». — *Н. Карышевъ.* «Земскія ходатайства».

Дм. Дм. Семеновъ. Городское самоуправленіе. Очерки и статьи. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к. Книга Д. Д. Семенова заключаетъ въ себѣ шесть статей: изъ нихъ три: «Городское представительство въ екатерининскую эпоху», «Тридцатилѣтіе вопроса о расширеніи городского представительства» и «Компетенція городского общественнаго управленія» представляютъ историческіе очерки развитія городского самоуправленія; двѣ статьи: «Участіе квартирантовъ въ городскомъ самоуправленіи» и «Городскія избирательныя собранія при квартирномъ цензѣ» даютъ разработку частнаго вопроса о расширеніи городского представительства путемъ допущенія къ нему квартирохозяевъ, и наконецъ послѣдняя статья представляетъ очеркъ дѣятельности с.-петербургскаго городского общественнаго самоуправленія. Всѣ эти статьи объединены одною главною мыслью автора о *необходимости расширенія избирательнаго права*, ограниченность котораго при недостаточной самостоятельности городского общественнаго самоуправленія, организованнаго по Положенію 11-го іюня 1892 г., ведетъ къ очевидной и повсемѣстной неудовлетворительности веденія городского дѣла, отсутствію иниціативы, господству бюрократизма, равнодушію гласныхъ и избирателей къ своему праву, къ существованію партій, руководимыхъ узкими эгоистическими интересами.

Историческій взглядъ на развитіе у насъ городского самоуправленія показываетъ, что оно шло въ направленіи все большаго и большаго съуженія права представительства: городское представительство въ эпоху Екатерины II было значительно шире того, которое предоставлено было Городовымъ Положеніемъ 1870 г., а это послѣднее опредѣляло все же болѣе широкій кругъ избирателей, чѣмъ Положеніе 1892 года. Д. Семеновъ показываетъ, что жалованною грамотою городамъ 1785 г. и предшествовавшими во многихъ городахъ порядками доступъ въ составъ городского общества былъ предоставленъ также и людямъ интеллигентнымъ, живущимъ только личнымъ трудомъ и не владѣющимъ недвижимою собственностью. Городовое Положеніе 1870 г. признало правоспособными горожанами только два разряда городского населенія: владѣльцевъ недви-

жимой собственности и торгово-промышленниковъ. Положеніе 1892 г., уменьшивъ самостоятельность городского самоуправленія, въ ограниченіи избирательнаго права пошло еще дальше: оно предоставило его только владѣльцамъ крупной недвижимой собственности и купцамъ 1-й и 2-й гильдій, причемъ въ Петербургѣ и Москвѣ этого права были лишены даже купцы 2-й гильдіи. Приказчики, торговцы и владѣльцы мелкой собственности были вовсе лишены этого права. Въ результатѣ тѣ недостатки городского управленія, которые отмѣчены были уже при дѣйстіи Положенія 1870 г., еще болѣе увеличились. Несоотвѣтствіе числа избирателей населенности городовъ достигло крайнихъ предѣловъ: по новому городовому положенію избиратели составляютъ въ среднемъ едва 1% всего населенія (въ С.-Петербургѣ—0,6%, въ Москвѣ—0,7, въ Одессѣ и Екатеринославѣ—0,5%, Саратовѣ, Симферополѣ, Таганрогѣ—0,9%, въ Харьковѣ—1,1% и пр.). Да и эта ничтожная группа городского населенія, обладающая избирательнымъ правомъ, относилась къ выборамъ въ гласные такъ индифферентно, что являлась въ избирательныя собранія едва лишь третья часть избирателей. Отсюда, какъ общее явленіе, въ городскомъ дѣлѣ мы находимъ непорядки, «нерадѣніе городскихъ думъ объ интересахъ большинства городского населенія, невниманіе къ нуждамъ бѣднаго класса, отожествленіе городскихъ общественныхъ интересовъ съ своими личными, эгоистическими, украшеніе центральныхъ частей и заброшенность окраинъ городовъ. равнодушіе къ вопросамъ народнаго здравія, народнаго образованія, народнаго обезпеченія» и т. п.

Необходимость привлечь къ участію въ городскомъ общественномъ управленіи болѣе образованные слои городского населенія и вообще открыть путь къ дальнѣйшему расширенію права представительства сознавалась, однако, еще при выработкѣ проекта Городового Положенія 1870 г. Положеніемъ было предоставлено думамъ ходатайствовать объ установленіи квартирнаго налога, что должно было повлечь за собою дарованіе избирательныхъ правъ квартирохозяевамъ. Можно было ожидать, что безраздѣльно господствующій въ городскомъ общественномъ управленіи торгово-промышленный классъ не захочетъ отказаться отъ своего преобладающаго положенія. И, однако, въ большинствѣ городовъ вопросъ этотъ возбуждался въ думахъ. Д. Семеновъ знакомитъ съ результатами этого движенія въ 18-ти городахъ. Въ однихъ вопросъ только возбуждался и останавливался на процессѣ разработки, въ другихъ городахъ дѣло доходило и до ходатайствъ. Но ходатайства эти по тѣмъ или инымъ мотивамъ были отклоняемы. Такъ, кіевское ходатайство 1878 г. было отклонено, такъ какъ, по мнѣнію министерства, «введеніе новаго налога не вызывается неотразимыми причинами»; рядъ ходатайствъ о томъ другихъ городскихъ думъ: калужской (1872 г.), ржевской (1872 г.), златоустовской (1878 г.) былъ отклоненъ за недостаточностью разработки проекта взиманія квартирнаго налога. Ходатайство другихъ думъ, какъ-то: опоченской (1884 г.), поневѣжской (1881 г.), гороховецкой (1882 г.) также не получили удовлетворенія, такъ какъ министерство находило, что квартирный сборъ окажется весьма значительнымъ, или указывало, что оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ не доведенъ до максимальныхъ предѣловъ (стр. 62). Вторичное ходатайство одесской думы было отклонено согласно мнѣнію, высказанному временнымъ генералъ-губернаторомъ, что «нѣтъ необходимости въ установленіи проектируемаго налога, надобность въ которомъ можетъ встрѣтиться только въ будущемъ». Такъ всѣ эти ходатайства, возбужденныя въ періодъ съ 1870 г. по 1892 г. городскими управленіями о введеніи квартирнаго налога и дарованіи уплачивающимъ этотъ налогъ избирательныхъ правъ, и остались безуспѣшными.

Неудовлетворительность городскихъ порядковъ вызвала въ началѣ 80-хъ годовъ учрежденіе сенаторскихъ ревизій, матеріалы которыхъ поступили на разсмотрѣніе такъ наз. Кахановской коммиссіи по составленію проектовъ мѣст-

наго управленія. Коммиссія, несмотря на разногласіе, пришла къ положительному рѣшенію вопроса о привлеченіи квартиро-нанимателей къ разряду полноправныхъ горожанъ, но остановилась на предоставленіи думамъ устанавливать квартирный налогъ по желанію. И все же, не смотря на это заключеніе, на предшествовавшія ходатайства городскихъ думъ и голоса въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи проекта городоваго положенія 1892 г., это послѣднее оставило вопросъ открытымъ, уничтоживъ притомъ ту статью стараго положенія, по которой министръ внутреннихъ дѣлъ, по введеніи квартирнаго налога, входитъ съ представленіемъ о дарованіи плательщикамъ такого налога избирательныхъ правъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ при выработкѣ проекта положенія 1892 г. дало слѣдующее заключеніе по данному вопросу: «На практикѣ слѣдуетъ опасаться, что отъ введенія квартиро-нанимателей въ думы дѣятельность сихъ учрежденій будетъ направлена на ложный путь увлеченій какъ хозяйственнаго, такъ равно и политическаго свойства, ибо извѣстно, что въ указанной средѣ группируются самые разнородные элементы, не поддающіеся никакой общей характеристикѣ и заинтересованные собственно въ удобствахъ жизни, а не въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ и въ развитіи общаго благоустройства» (90 стр.). Расширеніе избирательныхъ правъ въ пользу квартиронанимателей совершенно не отвѣчало бы общему характеру Городоваго Положенія, основная тенденція котораго, какъ справедливо пишетъ авторъ, «близка къ отрицанію представительства» (стр. 161).

Однако, разработка вопроса о квартирномъ налогѣ въ городскихъ думахъ не осталась безъ результата. Министерство финансовъ достигло введенія государственнаго квартирнаго налога. Было ли то результатомъ встрѣченныхъ затрудненій или по какимъ-либо инымъ соображеніямъ, но въ настоящее время возникло предположеніе о передачѣ государственнаго квартирнаго налога городамъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывается самый проектъ дарованія городского избирательнаго права плательщикамъ квартирнаго налога, запрашиваются представители мѣстной администраціи и городскія думы, и для разработки всего этого матеріала образована особая коммиссія. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, передача квартирнаго налога городамъ затормозилась лишь вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, возникшихъ въ связи съ китайскими событіями. Въ виду такой близкой возможности разсматриваемойреформы, весьма немаловажнымъ является выясненіе, на какихъ основаніяхъ проведеніе ея можетъ оказаться цѣлесообразнымъ. Въ статьѣ «Городскія избирательныя собранія при квартирномъ цензѣ» Д. Семеновъ, путемъ статистической разработки матеріаловъ городскихъ переписей, доказываетъ, что реформа эта будетъ имѣть значеніе лишь при распространеніи избирательнаго права на всѣхъ квартирохозяевъ. Предоставленіе же этого права въ столицахъ нанимающимъ квартиры съ годовою платою не только въ 900 рублей, но и въ 500—600 руб., не въ состояніи дать необходимаго для милліоннаго населенія столицы комплекта городскихъ избирателей. Авторъ вообще высказывается противъ имущественнаго ценза, какъ исключительнаго основанія права представительства и находитъ, что даже пріурочиваніе избирательнаго права къ занятію квартиры не создаетъ еще представительства всѣхъ горожанъ. Но ужъ если останавливаться на этомъ цензѣ, то надо имѣть въ виду, что «только при установленіи общаго квартирнаго ценза получитъ впервые дѣйствительное участіе въ городскомъ управленіи классъ среднезажиточныхъ горожанъ», т. е. «тотъ слой городского населенія, который болѣе другихъ понимаетъ всю необходимость въ хорошемъ управленіи города, въ его санитарномъ благоустройствѣ, въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи всему населенію, въ веденіи всеобщаго элементарнаго обученія и т. п.» (183 стр.). Однако, исторія развитія у насъ городского самоуправленія врядъ ли даетъ возможность ожидать такого значительнаго пониженія избирательнаго ценза.

Книга Д. Д. Семенова является вполнѣ своевременно, въ виду поставленныхъ на очередь вопросовъ по преобразованію городового положенія, и обстоятельною разработкою этихъ вопросовъ заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ лицъ, близко стоящихъ къ городскому общественному управленію или интересующихся его судьбою. *М. П—въ.*

Николай Карышевъ Земскія ходатайства (1865—1884 гг.). Изд. книж. маг. Ланга, М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ одной изъ статей «Отечественныхъ Записокъ» еще въ началѣ 70-хъ годовъ земство сравнивается съ надоѣдливымъ ребенкомъ, который безъ устали повторяетъ одно и то же: «Мама! дай... Мама! дай»... А мама, равнодушная къ докучливымъ просьбамъ своего дитяти, занята своимъ дѣломъ и самое большее, если броситъ на его голосъ какую-нибудь незначущую отговорку. Недавно вышедшая работа Н. Карышева о земскихъ ходатайствахъ показываетъ, что сравненіе это, высказанное на зарѣ земскаго самоуправленія, какъ нельзя болѣе оправдывается и въ дальнѣйшей дѣятельности земскихъ учрежденій.

Н. Карышевъ имѣлъ дѣло съ 2.623 земскими ходатайствами, относящимися къ 1865—1884 г.г., первому періоду дѣятельности русскаго земства (еще по положенію 1864 г.),—матеріалъ, хотя и не исчерпывающій все число бывшихъ за это время земскихъ ходатайствъ, но во всякомъ случаѣ, достаточный, чтобы сдѣлать изъ него нѣкоторые выводы. Оказывается, что *за весь этотъ двадцатилѣтній періодъ болѣе половины ходатайствъ были безусловно отклонены.* При этомъ и изъ остальной половины ходатайствъ вполнѣ или частью удовлетворены были лишь нѣкоторыя, на остальныя полученъ отвѣтъ, что они будутъ приняты во вниманіе при законодательномъ разсмотрѣніи даннаго вопроса, или требовались дополнительныя данныя и отзывы разныхъ мѣстъ и лицъ, или отвѣтъ на нихъ отлагался до рѣшенія какого либо общаго вопроса и т. п. На нѣкоторыя ходатайства отвѣта еще не было получено до 1884 года, на которомъ обрываются разсматриваемые данныя. Такимъ образомъ, наиболѣе обширную и опредѣлившуюся по своимъ результатамъ группу представляютъ ходатайства, по которымъ земствамъ было отказано категорически. Разсмотрѣніе этой группы ходатайствъ «проливаетъ свѣтъ на настроенія, пожеланія, стремленія, характеризующія первое двадцатилѣтіе русскаго земскаго самоуправленія», выясняетъ то, что можно назвать «земской программой изслѣдуемаго періода». На стр. 253—254 Н. Карышевъ и резюмируетъ по главнымъ отдѣламъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій эту «программу». Если исключить пункты, имѣвшіе временное историческое значеніе и группы ходатайствъ болѣе частнаго характера, то получится довольно связная картина однородныхъ пожеланій, высказанныхъ большинствомъ земствъ и не получившихъ себѣ удовлетворенія.

Только что созданному земскому самоуправленію вполнѣ естественно было стремленіе къ болѣе прочному утвержденію, къ расширенію и улучшенію состава избирателей и избираемыхъ, къ огражденію своей самостоятельности и расширенію компетенціи. Но именно въ этой группѣ ходатайствъ, касающихся самого земскаго устройства, процентъ отклоненныхъ ходатайствъ является самымъ высокимъ—77,2%—(еще бо́льшій процентъ ходатайствъ отклоненъ только въ небольшой группѣ ходатайствъ по вопросамъ воинской повинности). Закономъ предоставлено было земству вѣдать «мѣстныя пользы и нужды»—хозяйственныя и образовательныя. Дѣятельность земства въ области *народнаго хозяйства* въ первые годы его существованія была не велика, тѣмъ не менѣе ходатайства этой группы представляются наиболѣе многочисленными. Процентъ отклоненныхъ изъ ихъ числа не великъ, ниже средняго, но если мы примемъ во вниманіе, что въ этой группѣ есть много ходатайствъ, поднятыхъ одновременно нѣсколькими земствами, напр., объ учрежденіи обществъ взаимнаго кредита, о мѣрахъ борьбы съ вредными насѣкомыми, о противопожарныхъ мѣрахъ

и изъ ходатайствъ, или удовлетворенныхъ, или вызвавшихъ условный отвѣтъ, то процентъ отклоненныхъ ходатайствъ и въ этой группѣ значительно повысится. Зато судьба многихъ ходатайствъ этой группы характерна по той медленности, съ которою проходили они разныя бюрократическія инстанціи, прежде чѣмъ получить осуществленіе или какой-либо положительный отвѣтъ. Ходатайства объ утвержденіи проектовъ взаимнаго страхованія скота продолжали поступать въ министерство безъ осязательнаго результата въ теченіе 10 лѣтъ (1867—1878 гг.); ходатайства о сложеніи акциза съ соли (одна изъ крупныхъ заслугъ земства) заняли 15 лѣтъ (1866—1880 гг.); ходатайства по вопросу объ участіи земства въ надзорѣ за торговлею и промыслами возникли въ 1865 г., а черезъ 18 лѣтъ только поступила въ коммиссію по составленію проектовъ мѣстнаго управленія подробная записка хозяйственнаго департамента, и т. д. (стр. 85, 260). Ходатайства по вопросамъ *народнаго образованія* составляютъ довольно обширную группу, въ которой около 61°/₀ ходатайствъ было отклонено категорически. «Земства стремились въ это области выдвинуть значеніе общественнаго элемента, возможно болѣе распространить низшее и среднее образованіе въ массѣ населенія, качественно улучшить школьное преподаваніе и надежнѣе обставить матеріальную обстановку школъ, удешевить среднее образованіе, придать программамъ послѣдняго черты, болѣе отвѣчающія требованіямъ жизни, и открыть двери университета для окончившихъ реальную школу».

Весьма любопытнымъ является сводъ тѣхъ мотивовъ, по которымъ отклонялись тѣ или иныя ходатайства.

Весьма часто земскія ходатайства получали отказъ на основаніи того самаго закона, распоряженія, циркуляра, объ отмѣнѣ, измѣненіи или дополненіи котораго хлопотало земство. Помимо этого, чисто формальнаго, пріема отверженія ходатайствъ, было два наиболѣе распространенныхъ мотива отклоненія ихъ. Эти, во-первыхъ, фискальныя и административныя тенденціи управленія, охрана казеннаго интереса и права административнаго воздѣйствія на земскія дѣла, во-вторыхъ, покровительство государства элементамъ землевладѣльческому и торгово-промышленному. Замѣчательно, что, хотя нашимъ земствамъ съ самаго начала приданъ былъ сословно-землевладѣльческій характеръ состава, однако классовые интересы проявлялись въ ихъ дѣятельности въ первое 20-лѣтіе существованія земства въ весьма слабой степени. Домогательства крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ не находили себѣ мѣста въ земской дѣятельности; проявлялись лишь въ видѣ исключеній, тогда какъ общимъ правиломъ было преслѣдованіе интересовъ безсословной массы и крестьянства. Въ мотивахъ же отклоненія земскихъ ходатайствъ, стремленіе оказывать покровительство землевладѣльческому и промышленному классу сказывается весьма часто.

Приведенный къ выводу, что «больше половины земскихъ просьбъ и пожеланій осталось безъ результата и въ эту группу попадали въ большинствѣ случаевъ ходатайства общія, принципіальныя, наиболѣе серьезныя и важныя», авторъ дѣлаетъ однако слѣдующую оптимистическую оговорку: «Въ большинсвѣ случавъ», но не всегда. Къ счастью, мы можемъ закончить нашу работу указаніемъ на то, что земскія стремленія, даже не выходя изъ сферы ходатайствъ, далеко не всегда оставались безплодными и сопровождались иногда весьма почтенными законодательными результатами. Совершенно неосновательно мнѣніе, будто земскія ходатайства никогда не были принимаемы во вниманіе при законодательныхъ работахъ, что въ той или другой формѣ они не получали въ концѣ-концовъ силы закона и практическаго закона въ жизни». Не отрицая существованія подобнаго рода случаевъ, мы, съ своей стороны, укажемъ на другой исходъ ходатайствъ, не менѣе, можетъ быть, распространенный, если въ особенности принять во вниманіе весь періодъ существованія зем-

ства, это—обратные результаты ходатайствъ. Земства ходатайствовали о расширеніи права земскаго представительства, земское положеніе 1890 года еще болѣе съузило его; земства ходатайствовали объ уменьшеніи административнаго регулированія смѣтъ и раскладокъ и дождались закона о предѣльности земскаго обложенія; ходатайствовали о расширеніи своей дѣятельности по продовольственному вопросу и «въ концѣ-концовъ» продовольственное дѣло было совсѣмъ изъято изъ вѣдѣнія земствъ. «Развитіе идеи самоуправленія,—пишетъ авторъ,—развитіе средствъ охраны мѣстныхъ хозяйственныхъ и образовательныхъ интересовъ требовали нѣкоторой работы въ сторону пополненія и расширенія первоначальныхъ законоположеній о земскихъ учрежденіяхъ... Безъ прогрессивнаго развитія законодательства земства не могли достаточно точно исполнять возложенныя на нихъ закономъ обязанности. Однако, такое естественное развитіе земствъ встрѣчалось съ противоположнымъ теченіемъ, становившимся все болѣе и болѣе сильнымъ и настойчивымъ».

Это теченіе вело къ отрицанію самой идеи представительства въ земскихъ учрежденіяхъ, а слѣдовательно и къ уничтоженію опиравшагося на нее права земскихъ ходатайствъ. Въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. это сказалось достаточно опредѣленно: оно отнимаетъ у уѣздныхъ земствъ самое право ходатайствъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они пользовались имъ по Положенію 1864 г. *М. П—въ.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

И. Энгельманъ. «Исторія крѣпостного права въ Россіи». — *П. Ардашевъ.* «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка». — *А. Бергеръ.* «Культурныя задачи реформаціи».

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Перев. съ нѣмецкаго В. Щербы, подъ ред. А. Кизеветтера. Изд. С. Скирмунта. М. 1900. in 8-vo. Стр. VIII+442. Ц. 1 р. Переводъ книги проф. Энгельмана, представляющей единственный цѣльный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Россіи за все время его существованія, появился какъ нельзя болѣе во-время—къ моменту исполнившагося сорокалѣтія со дня крестьянской реформы. Правда, нѣмецкій оригиналъ этой книги опубликованъ почти 20 лѣтъ тому назадъ, такъ что во многихъ отношеніяхъ она успѣла устарѣть. Кромѣ того, въ свое время была отмѣчена нѣкоторая ея односторонность, въ виду строго юридической постановки темы, наконецъ, въ наши дни сталъ болѣе обширнымъ запасъ первоисточниковъ для изученія, въ значительной степени стала возможной болѣе объективная точка зрѣнія на ходъ самой реформы крестьянскаго освобожденія—тѣмъ не менѣе переводъ труда И. Энгельмана нельзя не привѣтствовать въ интересахъ нашей читающей публики. Цѣльность взгляда, ясное и живое изложеніе, стройность схемы, обсужденіе вопроса въ рамкахъ исчерпывающей хронологической постановки придаютъ изслѣдованію г. Энгельмана значеніе руководящей книги для предварительнаго и вмѣстѣ строго научнаго ознакомленія съ одною изъ важнѣйшихъ страницъ русской исторіи. Довольно странно, что до сихъ поръ не позаботились о переводѣ этой книги на русскій языкъ и очень жаль, что разработка такого капитальнаго явленія прошлой русской жизни, какъ крестьянская крѣпость, разработка строго-научная, а не публицистическая, до сихъ поръ не ушла черезчуръ далеко. Вѣсти, идущія изъ провинціи, отчетливо подчеркнули за послѣднее время необходимость для русской науки приняться за широкое и всестороннее изученіе темы, трактующей происхожденіе, развитіе и паденіе крестьянской крѣпости со всѣми разнообразными и безчисленными послѣдствіями

ея установленія и гибели. Есть основаніе утверждать, что это одинъ изъ самыхъ очередныхъ запросовъ науки,—запросъ, отъ котораго много зависитъ выработка правильнаго взгляда на современное положеніе народныхъ массъ въ Россіи, разбивающихся на соціальныя силы, которыхъ строй, внутренняя природа и основныя задачи для насъ почти совершенный иксъ, о которыхъ мы часто судимъ съ плеча, а priori или путемъ поверхностнаго сопоставленія съ соціальною эволюціей на Западѣ. Достаточно бѣглаго просмотра книги г. Энгельмана, чтобы намѣтить себѣ рядъ значительныхъ и спорныхъ пунктовъ, требующихъ разъясненій не только въ силу научно-теоретическихъ основаній, но и въ виду чисто практическихъ потребностей.

Книга г. Энгельмана разбита на девять главъ, изъ которыхъ семь посвящены собственно исторіи крѣпостного права и двѣ имѣютъ общій характеръ, какъ бы представляя общія введеніе и заключеніе. Прикрѣпленіе крестьянъ въ 1597 году (стр. 32—58), начало крѣпостного права по Уложенію 1648—1649 года (стр. 59—86), развитіе крѣпостного права при Петрѣ I и его ближайшихъ преемникахъ (стр. 86—138), окончательное развитіе системы крѣпостного права и его территоріальное распространеніе при Екатеринѣ II (стр. 138—179), проекты отмѣны крѣпостного права въ царствованіе Александра I (стр. 180—244), ограниченіе крѣпостного права при Николаѣ I (стр. 245—270) и, наконецъ, отмѣна крѣпостного права при Александрѣ II (стр. 270—403)— вотъ распорядокъ изложенія г. Энгельмана, изъ котораго явствуетъ, что наиболѣе значительная часть книги отведена XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Очерками общаго характера являются крестьяне до конца XVI столѣтія (стр. 1—31) и крѣпостное право и общинное землевладѣніе (стр. 404—442).

Усердно рекомендуя читающей публикѣ переводъ книги г. Энгельмана, мы не имѣемъ въ виду ни подвергать ее критической оцѣнкѣ, ни дѣлать соотвѣтствующихъ замѣчаній относительно возможности издать переводъ съ болѣе обстоятельными введеніемъ и примѣчаніями. подновляющими книгу, появившуюся въ русскомъ переводѣ чуть ли не черезъ 20 лѣтъ послѣ ея опубликованія, а ограничимся немногими оговорками, съ нашей точки зрѣнія любопытными въ данную минуту.

За послѣднее время вновь съ нѣкоторою силой и страстностью въ печати заговорили о формахъ крестьянскаго общиннаго землевладѣнія, которое является настоящею грозой нашего экономическаго развитія. Противъ этихъ формъ все смѣлѣе и смѣлѣе раздаются опять голоса, призывающіе къ пропагандѣ землевладѣнія подворнаго; о крестьянскомъ общинномъ землевладѣніи заговорили даже мелкіе газетные листки, почуявшіе въ воздухѣ вѣяніе противниковъ общины. Категорическая постановка этого вопроса бьетъ въ глаза своею очевидностью; продолжать дальнѣйшее существованіе въ области фиктивныхъ академическихъ разглагольствованій нѣтъ возможности. Надо, наконецъ, обосновать твердую почву подъ ногами и осмѣлиться высказаться прямо и по существу, не стѣсняясь узкою доктринерскою программой, на время заколотившею въ нашей печати всякое сужденіе объ общинныхъ формахъ... Съ этой точки зрѣнія для читателя и представятъ интересъ какъ рядъ намековъ, разсыпанныхъ въ книгѣ (срв. стр. 5), такъ и ея заключительная глава, которая излагаетъ вопросъ лишь со стороны его возникновенія и болѣе всего, какъ кажется, требовала бы дополненій и разъясненій со стороны переводчика книги г. Энгельмана, такъ какъ послѣдній изложилъ столь интересный и важный вопросъ безъ должныхъ подробностей. Русское общинное землевладѣніе съ его особенностями, съ его правомъ каждаго на землю, пишетъ г. Энгельманъ, *было открыто* для науки барономъ А. Гакстгаузеномъ, авторомъ извѣстнаго сочиненія о сельскихъ порядкахъ Россіи («Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands). Общинное землевладѣніе, соединенное

съ правомъ каждаго крестьянина на землю, справедливо продолжаетъ авторъ, представляло большія удобства для фиска, и русское податное управленіе всегда цѣнило эти удобства; общинные порядки были на руку также и великорусскимъ помѣщикамъ, облегчая для нихъ задачу управленія крестьянами. Благодаря всему этому, въ Россіи не только покровительствовали общинному землевладѣнію, но даже старались иногда распространить его принудительными мѣрами. При этомъ сущность и систему общиннаго землевладѣнія долгое время не считали нужнымъ подвергать подробному изслѣдованію, не было даже попытокъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое крестьянская община. Конечно, находились отдѣльныя лица, ясно понимавшія и обращавшія вниманіе другихъ на значеніе общины, признанное наукой лишь впослѣдствіи (стр. 405). Будучи продуктомъ крѣпостныхъ порядковъ, открытая барономъ Гакстгаузеномъ община сдѣлалась предметомъ страстнаго обожанія славянофиловъ, трактовалась ими на разные лады, и только Б. Чичеринъ вывелъ вопросъ объ общинѣ на торную научную дорогу, по которой пошли и новѣйшія изслѣдованія въ области русской исторіи. Наличность крестьянской общины—послѣдній оплотъ крѣпостныхъ порядковъ; изъ удобнаго орудія фиска она выродилась въ его врага, который на всякомъ шагу чинитъ преграды усиленію государственныхъ доходовъ, задерживая ростъ экономическаго благосостоянія крестьянства, столь цѣннаго для интересовъ фиска. Повторяемъ, что вопросъ о роли этого уцѣлѣвшаго обломка стараго порядка составляетъ настоящую злобу дня, требуетъ скорѣйшаго практическаго разрѣшенія, а стало быть, и научнаго переизслѣдованія. Заключительная глава книги г. Энгельмана страшно устарѣла только со стороны деталей; что же касается общей постановки вопроса о формахъ общиннаго землевладѣнія, то она сохраняетъ еще большое значеніе.

Что касается, затѣмъ, вступительной главы, посвященной крестьянству до XVI столѣтія, то она продолжаетъ обращать на себя вниманіе характеристиками московской политики, характеристиками рѣзкими, выпуклыми, цѣльными... Характеризуя перемѣны, происшедшія въ формахъ землевладѣнія Новгорода и Пскова подъ вліяніемъ московскаго завладѣнія, авторъ рисуетъ превосходную картину, обращающую на себя вниманіе даже очень неопытнаго читателя; то же самое замѣчаніе относится къ тому мѣсту книги г. Энгельмана, которое посвящено приказной практикѣ Москвы (стр. 21, 30, 12—16). «Когда государство, говоритъ нѣсколько далѣе авторъ (стр. 67, срв. стр. 42, 43, 57),—отказывается отъ единственно вѣрнаго критерія для оцѣнки взаимно-противорѣчащихъ интересовъ своихъ подданныхъ—отъ критерія права и законности—и руководится исключительно фискальными соображеніями, тогда на почвѣ этихъ соображеній отъ него можно добиться какихъ угодно мѣропріятій, даже такихъ, которыя, въ концѣ концовъ, окажутся несогласными съ интересами фиска и прямо вредными для него». «Личная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, поясняетъ затѣмъ нашъ историкъ крѣпостного права (стр. 70),—возникала и укрѣплялась de facto, хотя она и не была признана de jure, а стоитъ только разъ сойти съ почвы строгой законности, чтобы полное пренебреженіе къ праву стало развиваться съ чрезвычайною быстротой». Свои драгоцѣнныя замѣчанія авторъ выразительно подтверждаетъ данными по вопросу о развитіи крестьянской крѣпости, и читатель выноситъ прекрасное впечатлѣніе отъ сочетанія строго научной работы съ выдающимся пониманіемъ началъ законнаго порядка вещей. Чтеніе книги г. Энгельмана явится особенно полезнымъ въ научномъ отношеніи, если послѣ того читатель обратится къ изученію статьи проф. П. Н. Милюкова «Крестьяне» въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона.

В. Сторожевъ.

Павелъ Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (1774—1789). Спб., 1900 г., т. I. Для тѣснаго круга спеціалистовъ не только въ нашей, но и во всемірной исторической литературѣ, книга эта представляется событіемъ. Научная ея цѣнность обусловливается не столько выводами или новой точкой зрѣнія, сколько примѣненіемъ строгаго метода къ слабо и мало изслѣдованному матеріалу. Исторія только недавно перестала быть искусствомъ и въ смыслѣ систематическаго изученія источниковъ новая исторія представляется наиболѣе отсталой отраслью науки. Въ частности исторія «стараго порядка» во Франціи до сихъ поръ является въ значительной степени полемъ брани, на которомъ сводятъ партійные счеты друзья и недруги старины и революціи. Про вороха бумаги, исписанные по этимъ вопросамъ, можно сказать: «multa sed non multum». Г. Ардашевъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ работникамъ въ этой области, которые путемъ кропотливаго и систематическаго изученія сырыхъ архивныхъ данныхъ, ставятъ вопросъ на почву строго объективнаго изслѣдованія. Работа начинается съ критическаго обзора предшествующей литературы, которой, за немногими исключеніями, произносится смертный приговоръ. Г. Ардашевъ не побоялся назвать вещи своимъ именемъ и воздалъ каждому по заслугамъ, не стѣсняясь авторитетами такихъ ученыхъ, какъ Бабо или Тэнъ. Благодаря тонкости и основательности критики, обзоръ источниковъ и пособій (двѣ первыя главы введенія на 89 страницахъ) представляетъ совершенно исключительную цѣнность для спеціалиста, а также для начинающаго ученаго. Въ тонко продуманной третьей главѣ введенія изложенъ методъ, которому долженъ слѣдовать серьезный историкъ «стараго порядка», въ отличіе отъ легковѣсныхъ авторовъ, разнорѣчивыя оцѣнки которыхъ слишкомъ часто подсказаны не столько изученіемъ матеріала, сколько вкусами и политическимъ направленіемъ. Г. Ардашевъ особенно настаиваетъ на свойственной отживавшему порядку крайней пестротѣ, неопредѣленности, сущему хаосу старыхъ переживаній и новыхъ наслоеній.

Не онъ первый отмѣтилъ это обстоятельство, но онъ углубилъ старое русло изслѣдованія и показалъ, какъ эта пестрота отразилась на оцѣнкѣ «стараго порядка» историками, принимавшими исключенія за правила и наоборотъ. Эта пестрота, прибавимъ отъ себя, объясняетъ ту жажду простоты, ясности, опредѣленности, которая, въ связи съ раціонализмомъ, обусловила прямолинейность политическихъ теорій XVIII вѣка, тотъ «esprit classique», который такъ блестяще, но односторонне бичевалъ Тэнъ. Особенно важно указаніе г. Ардашева на требованія исторической перспективы, такъ часто нарушаемыя его предшественниками. Данныя изъ эпохи Людовика XIV не могутъ относиться безъ разбора къ исторіи послѣдняго десятилѣтія существованія стараго порядка. Въ общемъ «введеніе», составляющее даже цѣлую небольшого объема книгу (134 стр.) по справедливости можетъ стать настольной книгой для людей занимающихся «старымъ порядкомъ». Переходя далѣе къ самостоятельной разработкѣ исторіи интендантства, какъ учрежденія, г. Ардашевъ разобралъ по истинѣ огромную массу сырого, нетронутаго архивнаго матеріала. Въ смыслѣ совершенства детальнаго изученія, въ отношеніи строгости метода особенно блестяща глава II, касающаяся территоріальнаго дѣленія Франціи. Разборъ территоріальной черезполосности имѣетъ то общее значеніе, что объясняетъ, вопреки Тэну, почему революція разрубила этотъ гордіевъ узелъ произвольнымъ дѣленіемъ Франціи на департаменты. Г. Ардашевъ доказалъ лишній разъ, что распутать этотъ узелъ не было никакой возможности. Въ общемъ изслѣдованіе производится планомѣрно въ систематическомъ, строго обдуманномъ порядкѣ и съ истиннымъ критическимъ талантомъ. Но, къ сожалѣнію, по временамъ вниманіе автора распредѣлено нѣсколько неравномѣрно, причемъ за деревьями иногда не видно

самаго лѣса. Многія мелочи разобраны у него съ удивительнымъ совершенствомъ, а между тѣмъ коренные и основные вопросы объ отношеніи интендантовъ къ городскому и сельскому управленію (глава VIII), объ интендантахъ, какъ администраторахъ и судьяхъ (глава IX), однимъ словомъ о *существѣ* интендантской власти—разработаны слабѣе всего. Правда, этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ въ обѣщанномъ второмъ томѣ, но уже теперь авторомъ сдѣланы нѣкоторые общіе выводы, которые можно и должно оспаривать, не ожидая будущихъ разъясненій. Упомянутыя главы VIII и IX составляютъ только пятую часть всей книги (166 страницъ изъ 658), причемъ вниманіе автора отвлекалось иногда на вопросы, имѣющіе только отдаленное отношеніе къ предмету или во всякомъ случаѣ столь мелочные и мало существенные, что можно было оставить ихъ въ сторонѣ, пока главное не додѣлано. Г. Ардашевъ задался цѣлью опредѣлить предѣлы компетенціи интендантовъ и мѣсто, занимаемое ими среди другихъ учрежденій. Одну изъ самыхъ серьезныхъ заслугъ его въ этомъ смыслѣ составляетъ выясненіе отношеній интендантовъ къ центральной власти. Г. Ардашевъ бросилъ новый свѣтъ на значеніе королевскаго совѣта, бывшаго послушнымъ орудіемъ министровъ, а не руководителемъ политики; такимъ образомъ это коллегіальное учрежденіе не могло служить коррективомъ бюрократическому началу. Но такое ли значеніе имѣетъ полная учености глава VI (384—446), такъ и озаглавленная: «Интенданты и мѣстныя учрежденія, имъ не подчиненныя. Учрежденія единоличныя». Дѣло идетъ о генералъ-губернаторахъ, командующихъ войсками, разныхъ лейтенантахъ, губернаторахъ, командирахъ и т. д. Эти должности были частью совершенно фиктивныя (это извѣстно уже Токвилю), или же имѣли свой особый кругъ компетенціи. Г. Ардашевъ распутываетъ разнаго рода мелкія недоразумѣнія историковъ, смѣшивающихъ генералъ-лейтенантовъ и генералъ-губернаторовъ съ командующими войсками. А между тѣмъ существенно важный вопросъ объ антагонизмѣ интендантовъ съ міромъ судейскимъ (глава VII) могъ получить болѣе подробную разработку.

Но больше всего недоумѣній вызываетъ первостепенной важности вопросъ объ административной опекѣ. Г. Ардашевъ пытался поколебать историческое построеніе Токвиля, къ которому, спѣшимъ оговориться, онъ, впрочемъ, относится съ подобающимъ уваженіемъ. Безсмертный авторъ «стараго, но не старѣющаго» сочиненія о «старомъ порядкѣ» находилъ, что бюрократическая опека, все болѣе опутывавшая Францію, была главною причиной неурядицы «стараго порядка», а затѣмъ въ преобразованномъ видѣ перешла по наслѣдству къ послѣдующимъ поколѣніямъ въ видѣ произвола якобинцевъ и административной централизаціи нашихъ дней. Г. Ардашевъ утверждаетъ, что Токвиль слишкомъ сгустилъ краски, не замѣтивъ положительныхъ сторонъ этой опеки. Постараемся уловить сущность разногласія, изложеннаго нѣсколько сбивчиво. На словахъ выходитъ (ст. 512—513), что г. Ардашевъ не отрицаетъ значенія критики Токвиля, но вноситъ въ нее нѣкоторыя поправки и противополагаетъ ей положительную сторону опеки, ускользнувшую отъ его вниманія.

На дѣлѣ же, путемъ разнаго рода оговорокъ, г. Ардашевъ не столько дополняетъ взглядъ Токвиля, сколько просто отрицаетъ его, въ мягкой, правда формѣ. Начавъ съ уличенія Токвиля въ мелкихъ неточностяхъ и преувеличеніяхъ (стр. 498, 500, 526), онъ кончаетъ прямымъ заявленіемъ: «какъ «опекунъ общинъ», интендантъ является представителемъ и защитникомъ интересовъ низшихъ и обездоленныхъ слоевъ городского населенія противъ эксплуататорскихъ поползновеній властвующей аристократіи—дворянской, чиновной (судейской) или, что чаще, буржуазно-аристократической, а въ деревняхъ—защитникомъ сѣрой крестьянской массы противъ мѣстныхъ «сильныхъ людей...» Съ другой, болѣе общей точки зрѣнія, интендантъ, въ качествѣ органа адми-

нистративной опеки, является представителемъ интересовъ обще-государственныхъ противъ узкаго мѣстнаго эгоизма,—поборникомъ «общаго блага» (bien public) противъ классоваго, корпоративнаго и группового эгоизма и въ этомъ послѣднемъ своемъ качествѣ—представителемъ и защитникомъ интересовъ народа противъ привилегированнаго меньшинства...» (стр. 54, 547, 549). Спохватившись затѣмъ, что зашелъ можетъ быть слишкомъ далеко, г. Ардашевъ продолжаетъ: «Однимъ словомъ, если интендантская опека имѣла свои дурныя стороны (на которыхъ мы не останавливаемся въ виду того, что онѣ,—но, къ сожалѣнію, онѣ только однѣ—прекрасно очерчены Токвилемъ, то она: 1) вполнѣ оправдывалась конкретными условіями тогдашней дѣйствительности и 2) не была лишена «извѣстныхъ положительныхъ достоинствъ, въ качествѣ силы, парализовавшей до извѣстной степени многія изъ отрицательныхъ сторонъ сельской и въ особенности городской общественности (?) эпохи. Если эта положительная сторона... не всегда и не вполнѣ осуществлялась на дѣлѣ... то отвѣтственность, за это падаетъ не столько на интендантовъ, сколько на тѣ условія, въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать... (550) съ одной стороны—неисправность, нерадѣніе, халатность самихъ представителей городского и сельскаго управленія, а то и прямо сознательное, преднамѣренное стремленіе обходить стѣснительныя для ихъ произвола въ распоряженіи общественнымъ достояніемъ правила, и вообще—отрицательное отношеніе (551) ихъ (вполнѣ понятное) къ надзору интенданта. Другимъ парализующимъ интендантскую опеку началомъ было систематическое противодѣйствіе» состороны парламентовъ, разныхъ судовъ и, наконецъ, сеньоровъ. Но Токвиль уже давно отвѣтилъ на возможныя разсужденія о дѣятельности администраціи, какъ представительницы «общаго блага». Въ книгѣ «Ancien régime» (97) онъ объяснилъ, что не думаетъ сравнивать тогдашнюю французскую администрацію съ тѣми правительствами южной Европы, которыя все прибираютъ къ своимъ рукамъ, чтобы вездѣ оставить безплодную пустыню. Она проявляетъ часто большое вниманіе къ своимъ задачамъ и всегда *чрезвычайную дѣятельность* *). Но ея дѣятельность часто *безплодна* и даже *вредна*, такъ какъ она иногда *хочетъ совершить то, что свыше ея силъ*, или совершаетъ *безъ всякаго контроля* съ чьей-либо стороны. Она *не предпринимаетъ* самыя необходимыя преобразованія, которыя для своей успѣшности требуютъ множество противорѣчивыхъ распоряженій по всѣмъ вопросамъ. Итакъ бюрократическая опека, была безсильна къ добру, при лучшихъ даже намѣреніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ эта опека душила всякую возможность свободнаго почина къ исправленію неустройствъ. Что же говоритъ на это г. Ардашевъ?

Прежде всего вносимъ оговорку, что стремленіе интендантовъ задушить послѣдніе остатки мѣстнаго самоуправленія объясняется не отвлеченно—политической идеей, а заботой о матеріальномъ преуспѣяніи городовъ и деревень, что административная опека имѣла на это время преимущественно экономическій характеръ, политическій же мотивъ играетъ въ ней второстепенную роль (стр. 524, 542—547, 554).

Но это вѣдь споръ о словахъ! Стремленіе властей во все вмѣшиваться, даже въ починку какой-нибудь крыши на колокольнѣ, это стремленіе—политическое, отношеніе къ городамъ и селамъ, какъ къ «несовершеннолѣтнимъ», истекаетъ изъ отвлеченно политической идеи; съ другой стороны, право на самообложеніе, котораго лишены были опекаемыя общины, есть право политическое, право выбирать старостъ—также политическое, право чинить свою колокольню на свои деньги—также политическое. Г. Ардашевъ знаетъ, что «относительно всякаго новаго налога, всякой новой подати правительство продолжало до конца ревниво оберегать неприкосновенность принципа, что никакой

*) Курсивы наши.

налогъ или подать, какъ бы ничтожны они ни были, не могутъ быть взимаемы безъ разрѣшенія короля. Отсюда—эта поразившая Токвиля процедура, въ силу которой требовалось особое постановленіе «королевскаго совѣта для осуществленія такихъ ничтожныхъ операцій, какъ ремонтъ обветшавшей крыши на церковной колокольнѣ или переливка треснувшаго колокола» (529—530). А г. Ардашева это не поразило, ибо далѣе, въ примѣчаніи 3 къ стр. 533, авторъ поправляетъ Токвиля, что деревня должна была дѣйствительно испрашивать разрѣшеніе королевскаго совѣта на починку въ 25 ливровъ только *«послѣ того, какъ получила отказъ въ такомъ разрѣшеніи отъ интенданта»*. Это возраженіе г. Ардашевъ выводитъ курсивомъ, а затѣмъ называетъ «стилистической гиперболой» жалобу одного наказа 1789, что «общины не могутъ израсходовать ни единаго су безъ предварительнаго разрѣшенія провинціальнаго собранія, часто—интенданта, иногда—королевскаго совѣта!» Зато г. Ардашевъ обрушивается на жалкіе, еле тлѣвшіе или совершенно выродившіеся въ олигархію остатки самоуправленія въ нѣкоторыхъ городахъ и деревняхъ. «Центръ тяжести этой опеки лежалъ не въ обезпеченіи авторитета центральной власти въ коммунальномъ управленіи, а въ охранѣ коммунальныхъ рессурсовъ. Отъ чего и отъ кого? Да прежде всего отъ самихъ же «муниципальныхъ чиновниковъ» (543).... Опытъ показывалъ, что надзоръ сверху былъ не всегда излишенъ даже и по отношенію къ выборнымъ городскимъ управленіямъ, какъ потому, что выборное начало сплошь да рядомъ было лишь красивою декораціей, скрывавшей за собою настоящую олигархію съ неизбѣжными ея спутниками—кумовствомъ и непотизмомъ (544)... такъ и потому, что отсутствіе гласности городского управленія» (545) не давали возможности проявляться сдерживающему началу общественнаго мнѣнія.

Извѣстно, что централизація, въ связи съ фискальной политикой правительства, была причиной вырожденія самоуправленія въ олигархію (посредствомъ отдачи должностей въ продажу), а также причиной уничтоженія гласности, ибо до того въ мѣстномъ управленіи участвовали, по выраженію г. Ардашева, «вѣчевыя» собранія. Такимъ образомъ, вышелъ «circulus vitiosus»: интенданты—орудіе государственной власти—разстроили самоуправленіе и городское и сельское хозяйство, а это разстройство и злоупотребленіе (которыхъ никто не отрицаетъ) явились новымъ предлогомъ для усиленія этой самой опеки и позволили г. Ардашеву похвалить этихъ самыхъ интендантовъ за вмѣшательство въ мѣстное управленіе... Токвиль указывалъ, что городское хозяйство при старомъ порядкѣ велось изъ рукъ вонъ плохо, а сельское—не лучше, но при этомъ Токвиль тонко замѣчаетъ: «Всѣ это оплакиваютъ, *но никто не восходитъ къ причинамъ*» (74). Это замѣчаніе относится и къ г. Ардашеву, который самъ же прекрасно изложилъ (стр. 514—519) печальную политику парижскихъ властей, а въ часности ихъ агентовъ—интендантовъ, по отношенію къ мѣстному управленію.

«Утверждаютъ, что безъ централизаціи города сейчасъ разорились бы: не знаю,—отвѣчалъ Токвиль,—но извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ централизація не помѣшала имъ разориться». (70, 71). Г. Ардашевъ, въ своемъ увлеченіи интендантами, толкуетъ въ ихъ пользу то, что, строго говоря, имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Прославляя интендантовъ, какъ поборниковъ бережливости въ интересахъ самого населеніе, онъ отмѣчаетъ, напр., письмо Бертье отъ 1778 г. къ субделегатамъ о соблюденіи муниципалитетами экономіи при празднованіи рожденія дочери короля (стр. 547). Что же это значитъ? Такъ какъ интенданты сами регулировали оффиціальныя празднества, считавшіяся долгомъ вѣрноподданничества (Токвиль упоминаетъ о наложеніи интендантомъ штрафа въ 20 ливровъ на чиновъ городской стражи, не явившихся на оффиціальной молебенъ), то Бертье просто предостерегаетъ своихъ подчиненныхъ противъ чрезмѣрной ретивости, чтобы горожане не сочли себя обязанными разориться по

случаю рожденія дочери короля, а затѣмъ стали бы просить вспомоществованія и оказались бы неисправными въ уплатѣ податей и покрытіи обязательныхъ расходовъ. Въ чьихъ интересахъ была эта бережливость? Надо надѣяться, что въ обѣщанномъ томѣ II все это будетъ разъяснено и устранено. Но желательно, чтобы въ будущемъ авторъ примѣнилъ одинаковую мѣрку къ интендантамъ, къ которымъ онъ слишкомъ снисходителенъ, и къ представителямъ мѣстнаго управленія, съ которыми онъ такъ немилостивъ (хотя справедливъ) за ихъ кумовство и непотизмъ. Развѣ кумовство и непотизмъ не играли роли въ назначеніи интендантовъ, въ выборѣ ими своихъ субделегатовъ, въ распоряженіяхъ тѣхъ и другихъ, хотя бы въ вопросѣ о дорожной барщинѣ и общественныхъ работахъ?.. Мы знаемъ, что ненависть къ этимъ поборникамъ «общаго блага» была очень велика. Неужели она объясняется только интригами судейцевъ и модными идеями вѣка? Г. Ардашевъ относится также снисходительно къ судебнымъ функціямъ интендантовъ. Находя, что въ виду судебной волокиты и несостоятельности судопроизводства, дешевый и скорый судъ административной власти казался благомъ, онъ подчеркиваетъ и отмѣчаетъ курсивомъ стремленіе «самихъ тяжущихся, которые въ массѣ случаевъ высказываютъ предпочтеніе суду интенданта... Судъ интенданта испрашивается самими тяжущимися, какъ особая милость, какъ исключительное преимущество, какъ привилегія. Стало быть, было что-то такое, что заставляло тяжущихся во многихъ случаяхъ предпочитать «административный» судъ суду обыкновенному» (570). Замѣтимъ, прежде всего, что въ большей части приведенныхъ случаевъ *одна изъ сторонъ* просила передачи дѣла интенданту. Почему? По причинѣ того же кумовства и непотизма, заручившись, можетъ быть, заранѣе благорасположеніемъ администраціи. Но даже устранивъ это предположеніе, причины тяготѣнія къ административному суду выяснены самимъ авторомъ: иногда это было ближе, въ смыслѣ разстояній, часто было проще изъ-за многочисленности судебныхъ инстанцій, наконецъ, судъ былъ такъ плохъ, что хорошій администраторъ могъ иногда съ успѣхомъ замѣнить дурныхъ судей (571—579). Г. Ардашевъ иронически замѣчаетъ, что независимость суда отъ администраціи цѣнилась заинтересованными людьми гораздо менѣе, «чѣмъ большинствомъ писателей, восхищающихся ею вслѣдъ за Токвилемъ» (sic! стр. 578). Правительство Франціи, подчинившее все бюрократической опекѣ, оказалось безсильнымъ преобразовать юстицію, а, кромѣ того, внесло отъ себя новую путаницу вторженіемъ административнаго суда безо всякой гарантіи въ томъ, что «дешевый и скорый» произволъ интенданта правосуднѣе судебныхъ проволочекъ. Не проще ли было преобразовать юстицію, чѣмъ вносить путаницу и дикое смѣшеніе судебныхъ властей? Но власть сильная, когда дѣло шло о мелочной опекѣ, была слишкомъ слаба, когда нужно было провести серьезное преобразованіе. Да и напрасно удивляется г. Ардашевъ «восхищенію» Токвиля. Въ томъ же духѣ оцѣнка политики интендантовъ относительно мѣстнаго самоуправленія. На страницахъ 504—506, съ одной стороны (въ отвѣтъ Токвилю), указывается, что самоуправленіе не вездѣ и не совсѣмъ было уничтожено, а съ другой стороны авторъ какъ будто ищетъ оправданіе упразднительной политикѣ относительно самоуправленія. Съ одной стороны категорически заявлено: «Сдѣлавшееся съ легкой руки Токвиля ходячимъ» мнѣніе объ уничтоженіи всякаго самоуправленія «не выдерживаетъ очной ставки съ дѣйствительностью» (506). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣчаніе 1 къ стр. 504 гласитъ: «Одной изъ причинъ постепенной замѣны вѣчныхъ собраній собраніями, болѣе или менѣе урѣзанными, было то обстоятельство, о которомъ говоритъ бургонскій интендантъ въ письмѣ къ генералъ-контролеру... Эти собранія, куда всѣ допускаются, гдѣ менѣе покорные (dociles) приводятъ къ молчанію мудрыхъ и образованныхъ гражданъ, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ источникомъ безпорядковъ». Одно изъ двухъ:

или не оправдывайте постепеннаго уничтоженія самоуправленія, или не приводите, въ видѣ смягчающаго обстоятельства, что еще не всякая тѣнь самоуправленія была къ этой эпохѣ стерта съ лица земли, а нѣкоторые интенданты лично желали даже возстановленія самоуправленія. Чѣмъ же объяснить подобное увлеченіе историка, безпристрастіе котораго стоитъ внѣ сомнѣнія (проявившись такъ ярко, хотя бы въ третьей главѣ введенія), а тонкое критическое чутье проникаетъ большую часть его несомнѣнно капитальной работы? Г. Ардашевъ, очевидно, поддался впечатлѣнію и слишкомъ повѣрилъ на слово тому стремленію къ «общему благу», которымъ на словахъ, а иногда и на дѣлѣ, проникнута вся административная переписка конца XVIII вѣка. Отъ этого впечатлѣнія дѣйствительно трудно отдѣлаться. Вѣдь «подобострастіе и трепетъ передъ представителями власти не было... въ духѣ эпохи» (539) и авторъ справедливо замѣчаетъ, что Токвиль слишкомъ подчеркнулъ «приниженность» мѣстнаго управленія. Но отрицая приниженность, нельзя отрицать *безпомощности* всей опекаемой Франціи. Всего ждали отъ начальства и хотя на словахъ позволялось очень многое, причемъ рѣзкость тона въ жалобахъ и фамильярность тона въ просьбахъ къ начальству поистинѣ поразительны, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ нельзя было безъ опроса чинить церковную крышу. Къ тому же власть была уже страшно расшатана, и тѣ, кто въ царствованіе Людовика XVI рѣшались ослушаться начальника, обыкновенно оставались безнаказанными, какъ тѣ упрямые обыватели, о которыхъ упомянуто на стр. 540. Далѣе самый тонъ начальства подкупаетъ въ его пользу: вѣдь многіе администраторы были преисполнены добрыхъ намѣреній, которыми, какъ извѣстно, мощенъ самый адъ.

Далѣе, администраціей былъ усвоенъ модный стиль того времени, такой чувствительный и «почти нѣжный», по мѣткому выраженію Токвиля (94), что его заслушался русскій ученый и подъ эту музыку упустилъ изъ виду ту неизбѣжную долю лицемѣрія, которая часто свойственна всякой оффиціальной перепискѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, власть и сила не всегда высказываютъ всѣ мотивы своихъ дѣйствій, чтобы не уронить авторитета власти, а подбираютъ мотивы, которые такъ и называются «оффиціальной правдой». Г. Ардашевъ, вѣроятно, помнитъ, какъ Чемберленъ распинался за уитлендеровъ и кафровъ и многое другое. Кромѣ того, подчиненные въ докладѣ по начальству всегда приводятъ самые лучшіе и убѣдительные мотивы своихъ дѣйствій. А правительство, несомнѣнно, желало, хотя слишкомъ платонически, блага своихъ подданныхъ. Поэтому именно къ интендантамъ слѣдуетъ примѣнить тираду о «красивой декораціи» (544), обращенную къ мѣстному самоуправленію. Подъ красивой декораціей стремленія къ общему благу, интендантами руководили самые разнообразные мотивы: прежде всего фискальный интересъ казны, а затѣмъ, либо частныя побужденія, или самодурство, желаніе выслужиться, личные счеты.

При этомъ темныя побужденія (когда они были) ограничивались одною гарантіей—искреннимъ желаніемъ, чтобы подчиненное населеніе могло свести концы съ концами, чтобы хроническая голодовка не обострялась свыше средней нормы недоѣданія, чтобы подати могли быть взысканы безъ полнаго разоренія. Если интересы городовъ были иногда близки сердцу интендантовъ, то г. Ардашевъ знаетъ (стр. 533), что города платили имъ иногда жалованье и сооружали имъ на свой счетъ удобные дома...

Впрочемъ, никто не говоритъ, чтобы эти начальники и ихъ субделегаты были въ большинствѣ случаевъ дурными людьми. Изъ ихъ среды вышелъ такой человѣкъ, какъ Тюрго—это одно что-нибудь да значитъ. Въ обѣщаномъ томѣ II г. Ардашевъ, конечно, представитъ намъ не мало симпатичныхъ людей, въ томъ числѣ и прямыхъ сторонниковъ самоуправленія, разрушеннаго ихъ предшественниками.

Но исторія, далекая отъ панегирика и злословія, скажетъ, что дѣло не въ личностяхъ, а въ общемъ направленіи учрежденія. Бюрократическая опека, продолжавшая расти и развиваться, когда дни «стараго порядка» были уже сочтены, была безсильна внести порядокъ и благосостояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сама тормозила удовлетвореніе назрѣвшихъ потребностей, производя безпорядокъ постоянной смѣной противорѣчивыхъ распоряженій и стѣсненіемъ самоуправленія. Вотъ почему заговорили тогда о провинціальныхъ собраніяхъ, а Тюрго, самъ бывшій интендантъ, мечталъ о преобразованіяхъ въ духѣ земскаго положенія Императора Александра II. Почему же таковы были мечты Тюрго? Потому, что онъ понималъ несостоятельность интендантства, какъ учрежденія. Таковъ «ходячій взглядъ» со времени Токвиля, а г. Ардашевъ его не опровергъ. Главная слабость учрежденія заключалось въ томъ, что оно взяло въ свои руки рѣшительно всѣ отрасли управленія, при быстро усложнявшейся и развивавшейся жизни. Г. Ардашевъ самъ указываетъ, что они забрали себѣ въ нѣкоторомъ отношеніи даже *законодательную* власть (стр. 537). Авторъ замѣчаетъ, что ихъ «задача далеко превышала силы одного человѣка; интенданту, слѣдовательно, *поневолѣ* приходилось полагаться на субделегата... далеко не всегда заслуживавшаго довѣрія». (552—553). Такъ какъ дѣло идетъ не о личностяхъ, а объ учрежденіи, то въ этомъ «поневолѣ» кроется разгадка слабости учрежденія, у котораго *все изъ рукъ валилось* оттого, что оно *все къ рукамъ прибрало*.

Итакъ, г. Ардашевъ, по нашему крайнему разумѣнію, неправъ въ оцѣнкѣ этого учрежденія, но отъ этого ничуть не умаляется его заслуга въ смыслѣ совершенства детальной разработки предмета и въ смыслѣ методологической важности работы. Остается только пожелать, чтобы онъ съ той же энергіей продолжалъ свой громадный и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ.

О. Н. У.

Арнольдъ Бергеръ. Культурныя задачи реформаціи. Введеніе въ біографію Лютера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. Г. В. Форстена. Цѣна въ англ. перепл. 2 руб. «Введеніе въ біографію Лютера» такой подзаголовокъ, вѣроятно, нѣсколько удивитъ русскаго читателя, не привыкшаго разсматривать біографіи великихъ людей, какъ культурные процессы. И книга Бергера, лежащая передъ нами, была бы дѣйствительно страннымъ явленіемъ, если бы она служила введеніемъ въ біографію въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но молодой боннскій историкъ самъ далекъ отъ такихъ воззрѣній. Написанная имъ и вышедшая одновременно съ настоящей книгой (1895) біографія великаго нѣмецкаго реформатора съ полнымъ правомъ можетъ назваться культурно-исторической. А очеркъ культурныхъ задачъ реформаціи пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, и самостоятельное значеніе. Въ ней автора занимаетъ одна новая задача—показать, какимъ образомъ средневѣковыя идеи уступали подъ напоромъ новыхъ теченій и какъ этотъ процессъ постепенно подготовлялъ почву для реформаціи. Лютеръ, какъ бы замыкающій этотъ процессъ, является, по мнѣнію автора, только культурнымъ посредникомъ, только могучимъ выразителемъ думъ и настроеній современнаго ему общества, уже созданныхъ жизнью, но еще нуждающихся въ формулировкѣ. «Не потому начинаетъ разсвѣтать, что раздается пѣніе пѣтуха, а потому поетъ пѣтухъ, что занимается день»-эти стихи взяты авторомъ въ качествѣ эпиграфа для всей книги. Этимъ тереотическимъ представленіемъ обусловливается тотъ фактъ, что Бергеръ счелъ нужнымъ такъ подробно остановиться на подготовкѣ къ реформаціи.

Процессъ этой подготовки онъ разбиваетъ на четыре направленія: средневѣкового космополитизма; свѣтская культура одерживаетъ побѣду надъ церковной; индивидуализмъ пробиваетъ себѣ путь сквозь прежнее универсалистское міровоззрѣніе, наконецъ, секуляризируется самая религія.

Въ этихъ рамкахъ Бергеру прекрасно удалось представить всѣ главные процессы смѣны двухъ культуръ. Онъ достаточно подробно излагаетъ экономическія условія, которыя играли здѣсь такую исключительную крупную роль, мимо которыхъ со спокойною совѣстью проходило большинство прежнихъ историковъ. Обращаетъ онъ вниманіе и на соціальныя результаты великаго хозяйственнаго переворота, хотя этотъ отдѣлъ его книги блѣднѣе и скуднѣе всѣхъ другихъ; но культурный въ тѣсномъ смыслѣ процессъ занимаетъ его главнымъ образомъ, а въ немъ религіозное развитіе. Впрочемъ, мы бы исказили всю схему автора, если бы стали приписывать ему такое тщательное разграниченіе различныхъ сторонъ процесса. Онъ никогда не упускаетъ изъ виду взаимодѣйствія всѣхъ сторонъ и тщательно подчеркиваетъ всюду эту связь. Получается цѣльная и въ общемъ довольно полная картина, тѣмъ болѣе цѣнная для русскаго читателя, что ее нечѣмъ замѣнить. Въ общихъ сочиненіяхъ—въ «Исторіи реформаціи» Бецольда, въ «Исторіи нѣмецкаго народа» Лампрехта, особенно у послѣдняго, формулированы основныя точки зрѣнія Бергера, но тамъ пришлось бы самому заняться группировкою фактовъ.

Еще одно достоинство книги Бергера заключается въ томъ, что онъ далеко не ограничивается одною Германіей, а постоянно дѣлаетъ сопоставленія нѣмецкихъ особенностей съ особенностями другихъ странъ, преимущественно Италіи. А нѣкоторые отдѣлы у него являются прямо цѣльными общими этюдами. Такова глава о схоластикѣ.

Словомъ, какъ популяризація (оригиналъ былъ написанъ для одной популярной серіи)—работа Бергера представляетъ полезный вкладъ въ литературу и вполнѣ заслуживала перевода.

Что касается до самаго перевода, то онъ читается легко отъ начала до конца, но попадаются ошибки, хотя и не крупныя. Часть ихъ исправлена въ спискѣ опечатокъ, часть осталась; на стр. 90, напр., стоитъ такая фраза: «съ востока католицизмъ заимствовалъ розовый вѣнецъ»; въ подлинникѣ (стр. 63) говорится о четкахъ (Rosenkranz). Почему-то всѣ эпиграфы остались не переведенными. *А. Дживилеговъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Зомбартъ. «Организація труда и трудящихся». — *В. Трубниковъ.* «Богатство Россіи».

Вернеръ Зомбартъ. Организація труда и трудящихся, Пер. подъ ред. Л. А. Кириллова. Изд. Б. Н. Звонарева. Цѣна 1 р. 50 к. Спб. 1901 г
Бреславльскій профессоръ Зомбартъ является однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и популярныхъ молодыхъ экономистовъ Германіи. Его книги (напр., «Исторія соціализма и соціальныхъ теченій въ XIX вѣкѣ») расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, его репутація, какъ блестящаго, остроумнаго и глубокаго экономическаго писателя установилась вполнѣ прочно. И однако, до сихъ поръ Зомбартъ скорѣе принадлежитъ къ числу ученыхъ, много обѣщающихъ въ будущемъ, чѣмъ уже осуществившихъ эти обѣщанія въ настоящемъ. *Пока* онъ не проявилъ выдающейся оригинальности мысли; успѣхъ его «Исторіи соціализма» основывается, преимущественно, на блестящей формѣ, увлекательной обработкѣ столько разъ обрабатываемой темы, къ содержанію которой ничего существенно-новаго Зомбартъ не прибавилъ. Выдающаяся позиція Зомбарта среди германскихъ экономистовъ объясняется, по нашему мнѣнію, помимо его талант-

ливости, какъ писателя, главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ принадлежитъ къ числу крайне немногихъ экономистовъ, соединяющихъ серьезную научную подготовку и серьезный научный интересъ съ знаніемъ и пониманіемъ того могучаго умственнаго теченія, которое связывается съ именемъ Маркса. Нечего и говорить, что Зомбартъ, какъ настоящій ученый, чуждъ слѣпого преклоненія передъ Марксомъ и относится къ нему вполнѣ критически; но не смотря на это, или, пожалуй, именно, вслѣдствіе этого, Зомбартъ обнаружилъ совершенно исключительное умѣнье извлекать изъ богатой сокровищницы мыслей Маркса важныя и глубокія научныя истины, игнорируемыя огромнымъ большинствомъ представителей академической науки. И потому успѣхъ вполнѣ заслуженно увѣнчалъ первые шаги талантливаго ученаго на поприщѣ оплодотворенія господствующей политической экономіи идеями марксизма.

Но успѣхъ обязываетъ — и нерѣдко быстрый успѣхъ вредитъ. Мы не можемъ сказать, чтобы своими новѣйшими работами Зомбартъ выполнилъ эти обязательства; и съ сожалѣніемъ замѣчаемъ въ этихъ работахъ явственные слѣды вреднаго вліянія слишкомъ легкаго успѣха. Зомбартъ все больше и больше усвоиваетъ претенціозный тонъ, не находящій себѣ оправданіе въ важности его научныхъ соображеній. Рецензируемое русское изданіе представляетъ собой переводъ двухъ сочиненій Зомбарта: статьи «Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation», помѣщенной въ «Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik» и недавно вышедшей небольшой книги «Dennoch!» Характеръ и задачи этихъ двухъ произведеній весьма различны при извѣстной близости темы, оправдывающей объединеніе ихъ въ русскомъ изданіи въ одинъ томъ.

Первая работа представляетъ собой вступительную главу въ подготовляемое Зомбартомъ къ печати обширное сочиненіе, долженствующее быть, по мысли автора, по важности задачи чѣмъ-то вродѣ «Капитала» Маркса. Намѣченныя въ ней мысли должны получить окончательное развитіе въ дальнѣйшемъ изложеніи, котораго мы пока не имѣемъ. Поэтому, трудно составить окончательное сужденіе о научной цѣнности этихъ мыслей Зомбарта, касающихся чрезвычайно важнаго предмета—созданія твердыхъ основаній для науки о промышленности. Въ вышедшей въ русскомъ переводѣ статьѣ Зомбартъ дѣлаетъ первый шагъ къ этой послѣдней цѣли—пытается выработать научную классификацію того, что обыкновенно называютъ формами промышленности и что Зомбартъ расчленяетъ на два совершенно различныхъ понятія—формъ производства и формъ хозяйства. Съ полнымъ основаніемъ Зомбартъ указываетъ на неопредѣленность, неясность и невыработанность господствующихъ представленій о формахъ промышленныхъ организацій. Причину этой неопредѣленности Зомбартъ усматриваетъ въ томъ, что до сихъ поръ не приводилось различія между формами производства и формами хозяйства. Различіе между тѣмъ и другимъ легко можетъ быть выяснено на примѣрѣ: обыкновенная капиталистическая фабрика и кооперативная мастерская, принадлежащая потребительному обществу, могутъ быть совершенно одинаковыми типами промышленныхъ организацій, какъ формы производства. И на фабрикахъ, и въ кооперативной мастерской производство совершается въ крупныхъ размѣрахъ, могутъ употребляться машины и пр.; въ смыслѣ промышленной техники фабрика можетъ ничѣмъ существеннымъ не отличаться отъ производительной ассоціаціи. Но по отношенію къ сбыту изготавливаемыхъ продуктовъ фабрика является полною противоположностью кооперативной мастерской; продукты фабрики выдѣлываются на продажу, а кооперативная мастерская работаетъ на потребительное общество, которому она принадлежитъ, и которое потребляетъ изготовляемые мастерской продукты. Точно такъ же крестьянское производство для собственнаго потребленія и кустарная промышленность являются одинаковыми формами производства; но какъ формы

хозяйства—съ точки зрѣнія использованія изготавливаемыхъ продуктовъ—они различны. Отсюда ясно, что смѣшеніе формъ производства съ формами хозяйства не можетъ не приводить къ логической путаницѣ и невозможности построить удовлетворительную классификацію промышленныхъ организацій.

Все это совершенно вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко и не ново. Сдѣланное Зомбартомъ противопоставленіе формъ производства формамъ хозяйства совпадаетъ съ хорошо знакомымъ экономистамъ различеніемъ такъ называемой экономической и технической точки зрѣнія. Различіе той и другой точки зрѣнія, съ чисто логической стороны, вполнѣ ясно. Трудность заключается въ примѣненіи этого различія на практикѣ; въ построеніи съ этихъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія такой классификаціи хозяйства, которая въ одно и то же время была бы и не слишкомъ сложна, удовлетворительна съ логической стороны и, что самое главное, была бы цѣлесообразна, т.-е. содѣйствовала бы изученію и пониманію реальныхъ экономическихъ отношеній. Это послѣднее требованіе намъ кажется особенно важнымъ—а именно оно весьма часто упускается изъ виду учеными, направляющими все свое вниманіе на логическую правильность и, если можно такъ выразиться, логическое изящество классификаціи. Достоинство всякой классификаціи опредѣляется, прежде всего, тѣмъ, насколько она удобна и полезна въ качествѣ средства привести въ порядокъ и систему классифицируемые факты. Не та классификація всего лучше, которая всего правильнѣе и стройнѣе въ логическомъ отношеніи, а та, которая наиболѣе ярко и выпукло выставляетъ именно тѣ стороны классифицируемыхъ явленій, на которыя, по состоянію науки въ данный моментъ, должно быть обращено особое вниманіе.

По этой причинѣ, классификація должна измѣняться при всякой перемѣнѣ научныхъ задачъ. Классификація въ общественныхъ наукахъ есть не цѣль, а средство (въ біологіи классификація играетъ совершенно иную роль, выясняя генетическую связь организмовъ). Съ этой точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ согласиться съ рѣзкой критикой Зомбарта классификаціи Бюхера. Противъ бюхеровской схемы формъ хозяйства, можно сдѣлать много возраженій, совершенно правильныхъ съ логической стороны. Но все это не мѣшаетъ схемѣ Бюхера чрезвычайно удачно обобщать въ сжатой формѣ наиболѣе характерныя черты историческаго развитія народнаго хозяйства. Схема Бюхера дала могущественный и плодотворный толчокъ научной мысли какъ въ области изученія современныхъ экономическихъ отношеній, такъ и въ области хозяйственной исторіи. Для примѣра вліянія этого послѣдняго рода, укажемъ на недавно вышедшую работу г. Гревса по исторіи римскаго землевладѣнія, въ основу которой положена, по признанію самого автора, бюхеровская классификація ступеней хозяйства. Напротивъ, классификація формъ производства и формъ хозяйства самого Зомбарта намъ кажется неудачной, именно какъ научное рабочее орудіе, съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Она очень сложна, неясна, искусственна и не даетъ никакихъ новыхъ плодотворныхъ точекъ зрѣнія. Впрочемъ, не нужно забывать, что пока мы имѣемъ только остовъ, скелетъ зомбартовской классификаціи, которую авторъ обѣщаетъ одѣть плотью и кровью впродолженіи своего труда. Быть можетъ, *тогда* Зомбарту и удастся показать значеніе своей классификаціи. Пока же мы рѣшительно предпочитаемъ сжатую, но богатую содержаніемъ бюхеровскую схему.

Переходя къ частностямъ, во всякомъ случаѣ интересной и содержательной, статьи Зомбарта, отмѣтимъ его вѣрныя и остроумныя замѣчанія относительно сущности фабрики, какъ формы производства. Зомбартъ вполнѣ правъ, указывая на неправильность взгляда Маркса, отожествившаго фабрику съ крупнымъ машиннымъ производствомъ. Съ этой точки зрѣнія химическая фабрика не бу-

деть фабрикой. Истинный отличительный признакъ фабрики заключается, по справедливому указанію Зомбарта, не въ примѣненіи машинъ, а въ *автоматизмѣ* процесса производства. «Идея фабрики заключается въ освобожденіи процесса производства отъ творческаго, созидающаго участія рабочаго въ процессѣ производства. Объективированіе процесса производства, полное его отдѣленіе отъ живого человѣка, перенесеніе его на систему безжизненныхъ тѣлъ, которыя, благодаря сообщенію имъ искусственно созданной силы, какъ бы наполняются жизнью, созданіе автоматически дѣйствующаго, заступающаго мѣсто человѣка механизма, вотъ что, приблизительно, представляется нашему умственному взору, когда мы говорили о фабрикѣ».

Такихъ частныхъ, вѣрныхъ и глубокихъ замѣчаній не мало въ разбираемой статьѣ. Но въ другихъ случаяхъ Зомбартъ весьма претенціозно высказываетъ, какъ бы нѣчто чрезвычайно важное и новое то, что уже давно извѣстно. Такъ, онъ очень гордъ и доволенъ своимъ опредѣленіемъ машины: «Машина есть орудіе или комплектъ орудій труда, устроенное такимъ образомъ, чтобы совершать работу, исполнившуюся раньше человѣкомъ, т.-е. машина есть такое орудіе труда, которое не помогаетъ работѣ самого человѣка, а замѣняетъ его» Мы рѣшительно отказываемся понять, чѣмъ отличается это опредѣленіе отъ общеизвѣстнаго опредѣленія машины, даннаго Марксомъ.

Точно также можетъ вызвать улыбку претензія Зомбарта обобщать не только факты настоящаго и прошедшаго, но и... факты будущаго до конца исторіи человѣчества. Да, даже до конца міра. На стр. 81 русскаго перевода мы встрѣчаемъ слѣдующее курьезное увѣдомленіе: «Исторію развитія человѣческой техники можно раздѣлить, въ общемъ, на два главныхъ періода: первый отъ начатковъ человѣческаго рода до второй половины прошлаго вѣка, второй отъ этого времени и до послѣднихъ дней рода человѣческаго на землѣ». А еще Зомбартъ смѣется надъ «утопистами», читающими въ будущемъ, какъ въ раскрытой книгѣ!

Вторую часть русскаго изданія составляетъ переводъ брошюры Зомбарта «Dennoch!» Это—живо и талантливо написанный очеркъ современнаго положенія и общественнаго значенія рабочихъ союзовъ. Очеркъ этотъ былъ встрѣченъ крайне враждебно рабочей прессой въ Германіи и по понятнымъ причинамъ...

Что касается до русскаго перевода книги Зомбарта, то его можно признать сноснымъ—и только. *М. Туганъ-Барановскій.*

К. В. Трубниковъ. Богатства Россіи. Изслѣдованія, наблюденія и характеристики. Часть I. 1901. Ц. 1 р. 50 к. Книга посвящена изображенію небывалаго въ послѣдніе годы роста національнаго богатства Россіи, «вступленія ея на путь непрерывнаго подъема ея производительныхъ силъ и народнаго благосостоянія», благодаря различнымъ мѣрамъ министерствъ финансовъ. Заголовки главъ даютъ уже достаточное понятіе объ объемѣ тѣхъ вопросовъ, которые она трактуетъ. Лежащій передъ нами первый томъ излагаетъ: денежное обращеніе въ связи съ «мощнымъ развитіемъ» производства богатствъ въ Россіи; кредитъ для земствъ и городовъ; государственныя средства кредита, «устойчивость» нашей банковой системы; кризисы и экономическій прогрессъ въ Россіи въ разныхъ его проявленіяхъ сравнительно съ другими странами. Въ будущемъ читатель долженъ быть еще ознакомленъ съ вопросами народнаго хозяйства, выдвигаемыми современностью; съ общими экономическими условіями земледѣлія; съ успѣхами развитія у насъ усовершенствованныхъ путей и средствъ сообщенія; съ умственной и нравственной общественной дисциплиной; съ нашей готовностью къ войнѣ въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ, наконецъ, съ русскимъ отдѣломъ всемірной вы-

ставки въ Парижѣ, какъ результатомъ подъема производительныхъ силъ Россіи на высоту ихъ процвѣтанія.

Взглядъ автора на всѣ разбираемые имъ вопросы, надо сознаться, весьма выдержанъ. Онъ нигдѣ не отступаетъ отъ своей хвалебной точки зрѣнія, не только не находя ни въ какихъ мѣрахъ министерства финансовъ почвы для критики, но даже не желая замѣчать той глубокой драмы, которою отмѣченъ переживаемый нами историческій моментъ, и заключающейся въ страшной ломкѣ вѣковыхъ устоевъ и гибели всего слабаго, не способнаго къ борьбѣ, зависящей отъ того «подъема производительныхъ силъ», которымъ онъ восхищается, и необходимость котораго мы съ своей стороны не думаемъ отрицать. Такія цифры, какъ то, что стоимость производства на душу (по американской статистикѣ) составляетъ въ Великобританіи 103,5 долл.; въ Германіи 57,6; въ презираемыхъ Италіи и Испаніи по 19, а у насъ всего 14 долл., даютъ ему только поводъ указывать на «необходимость неуклонно и, что называется, безъ передышки, продолжать подъемъ нашей промышленности, создавая на широкую ногу условія, при которыхъ она только и можетъ подниматься». Ростъ нашего государственнаго бюджета приводитъ его въ восторгъ. О положеніи народа мы находимъ только отдѣльныя, хотя и весьма любопытныя свѣдѣнія: «Благосостояніе крестьянъ стало возрастать нынѣ вслѣдствіе того, что въ ихъ рукахъ остается *груда* золота, которая до введенія винной монополіи попадала въ руки кабатчиковъ»; или «напрасны опасенія, что золотыя монеты крестьяне будутъ зарывать въ землю. Если это и случается, то въ самыхъ мелкихъ суммахъ, какъ это свидѣтельствуютъ *мои разспросы* объ этомъ предметѣ»; оказывается, что крестьяне свое золото несутъ въ сберегательныя кассы. Намъ кажется, что опасенія, по поводу которыхъ г. Трубниковъ произвелъ свои «разспросы» дѣйствительно совершенно напрасны; разсуждая теоретически, зарываніе денегъ въ землю должно исчезнуть одновременно съ сохраненіемъ необмолоченнымъ хлѣба десятками лѣтъ въ скирдахъ и по тѣмъ же причинамъ, благодаря развитію денежнаго хозяйства и паденію средняго крестьянства.

Г. Трубниковъ оптимистъ; онъ самъ съ гордостью и неоднократно о томъ заявляетъ. Главной задачей его труда является, по собственнымъ его словамъ, борьба «съ пагубнымъ дѣйствіемъ пессимистическаго настроенія публичной мысли, вытекающаго изъ разныхъ мутныхъ теченій». Онъ съ рѣдкимъ въ наше время безпристрастіемъ обличаетъ и народниковъ, не признающихъ «историческаго факта промышленной эволюціи Россіи», и марксистовъ, которые, на-ряду съ франмассонами и буддистами, «пропагандируютъ всякія ереси въ политической экономіи и политической философіи, усиливая общую деморализацію въ странѣ». Оптимизмъ у г. Трубникова является не личнымъ настроеніемъ, а основнымъ историческимъ факторомъ. Первый долгъ гражданина, по его мнѣнію,—слѣпо вѣрить всѣмъ мѣропріятіямъ министерства финансовъ и оптимистически относиться къ нимъ, такъ какъ самая неудача такихъ мѣропріятій можетъ объясняться только недовѣрчивымъ къ нимъ отношеніемъ публики. «Мнѣ приходилось во время путешествія моего по Россіи, въ бесѣдахъ съ разными лицами, выдающимися по своему общественному положенію, слышать мнѣнія, что главная причина настоящихъ у насъ денежныхъ затрудненій заключается въ поколебленномъ въ средѣ полуобразованныхъ, малообразованныхъ и необразованныхъ слоевъ общества довѣріи къ положенію дѣлъ въ области финансовъ».

Чтобы закончить настоящую рецензію, укажемъ на нѣкоторые положительные взгляды г. Трубникова, упомянемъ объ одной изъ заслугъ, которыя имѣетъ, въ числѣ многихъ другихъ, за собою, по его мнѣнію, министерство финансовъ. «Давая правительству самыя обильныя нужныя средства, оно щадитъ по воз-

можности интересы частныхъ лицъ и народныхъ массъ, сохраняя с/ вость и создавая условія, на которыхъ личность, общество и нар достигнуть цѣли собственными усиліями, собственной энергичной ра доказательство такихъ заботъ онъ приводитъ законъ 12 іюня 1900 г. об новленіи предѣльности земскаго обложенія. Другимъ примѣромъ можетъ явитьс весьма легкое обложеніе налогами русскихъ промышленниковъ сравнительно съ заграничными; г. Трубниковъ приводитъ фактъ, что крупнѣйшія мануфактуры (Шейблера, Жирадовская) платятъ не болѣе 5% съ своего чистаго дохода въ 800.000 р. въ годъ, и находитъ это весьма отраднымъ. *Б. В.*

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

К. Богдановичъ «Очерки Номе».—*Эрн. фонъ Гессе-Вартегъ* «Китай и китайцы».

К. И. Богдановичъ. Очерки Номе. Спб. 1901 г. Золотая лихорадка, охватившая Америку во второй половинѣ девяностыхъ годовъ вслѣдъ за открытіемъ золота въ Клондейкѣ, уже принесла плоды, хотя, быть можетъ, не тѣ, какіе ожидались, и не для тѣхъ, кто ихъ ожидалъ. Новыя открытія золота шли постепенно извнутри сѣверо-западной оконечности Америки къ берегу Берингова моря и въ 1899 г. возникло поселеніе золотоискателей на мысѣ Номе, гдѣ оказалась богатая морская розсыпь, сразу привлекшая десятки тысячъ авантюристовъ. И вотъ, какъ по волшебству, на далекомъ и необитаемомъ мысѣ сразу возникъ цѣлый городъ, имѣвшій въ серединѣ лѣта 1900 г., когда его посѣтилъ авторъ, до 40.000 жителей. Уже въ это время розсыпь была исчерпана, и масса людей, стекавшихся сюда за легкой наживой, оказалась безъ дѣла и безъ работы. Нажились только пароходныя компаніи, доставившія сюда за компанію 1900 г. до 60.000 пассажировъ, да поставщики необходимыхъ жизненныхъ припасовъ. Лихорадочная дѣятельность, конечно, сильно пала, и прошлымъ лѣтомъ Номе переживало кризисъ. Но для развитія экономической жизни этого далекаго края золото сыграло огромную роль, привлекши массу людей и капиталовъ. Золото въ концѣ концовъ будетъ исчерпано, но за то всѣ стороны жизни края превосходно изучаются, все, что можетъ имѣть цѣнность и значеніе, культивируется и разрабатывается, и дикая нѣкогда пустыня начинаетъ играть значительную роль въ общей экономіи западнаго побережья сѣверной Америки. Очень интересно, какъ много дѣлаетъ для этой далекой окраины американское правительство. Исходя изъ того положенія, что гдѣ есть американскіе граждане, тамъ необходимо оказывать имъ «protection», т.-е. всякую помощь и поддержку, правительство соединенныхъ штатовъ заводитъ спеціальное таможенное крейсерство, устраиваетъ безплатные склады, проводитъ дороги, даетъ до 120.000 р. ежегодно на школы для инородцевъ, и т. п., словомъ не жалѣетъ средствъ, хотя и не получаетъ взамѣнъ никакого дохода. За то граждане отъ такой «протекціи» богатѣютъ, и дикія мѣста превращаются въ культурныя поселенія, привлекающія энергичныхъ эмигрантовъ уже не ради легкой наживы, а для сознательнаго, упорнаго, планомѣрнаго труда. И результаты такой политики «гражданскаго», а не «полицейскаго» государства, поистинѣ, поразительны. Такъ, по сообщенію г. Богдановича, купивъ у русскаго правительства Аляску за 7.200.000 долларовъ, правительство Соед. Штатовъ развило тамъ рыбную промышленность, дающую ежегодно больше, чѣмъ вся эта покупная цѣна, огромную лѣсную промышленность и, наконецъ, въ послѣднее время золотодобывающую.

Открытіе золота въ Номе побудило обратить вниманіе и на нашу, азіатскую, сторону Берингова пролива, именно на Чукотскій полуостровъ. Снаряженная туда экспедиція, подъ начальствомъ горнаго инженера К. И. Богдановича, уже изслѣдовавшаго въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ все Охотское побережье и Камчатку, работала прошлымъ лѣтомъ надъ изслѣдованіемъ побережій Чукотскаго полуострова. Настоящій очеркъ Номе есть какъ бы введеніе въ работы этой экспедиціи, отчетъ о которой ожидается на-дняхъ. Въ «Очеркѣ Номе» г. Богдановичъ даетъ очень интересную и поучительную картину того, что сдѣлали у себя американцы, историческій очеркъ движенія золотопромышленности отъ Британской Колумбіи до мыса Номе и геологію этой мѣстности. Въ приложеніи дано очень интересное описаніе гражданскаго управленія Аляски и горныхъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ вообще и Клондейка въ частности. Къ очерку приложена карта побережій Берингова моря, Аляски и Чукотскаго полуострова.

А. Б.

Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современнаго Китая. Соч. Эрнеста фонъ Гессе-Вартега. Переводъ съ нѣмецкаго А. и П. Ганзенъ. Изданіе А. Ф. Девріена. Прекрасно изданная и хорошая книга. Ея издатель, А. Ф. Девріенъ, вполнѣ вѣрно оцѣнилъ ея значеніе, говоря, что хотя она и не можетъ представить чего-нибудь существенно новаго для знатоковъ Китая, то все таки освящаетъ китайскій вопросъ съ нѣкоторыхъ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія и, кромѣ того, представляетъ богатѣйшій, разнообразный матеріалъ фактовъ и наблюденій, дающій обыкновенному читателю возможность нарисовать себѣ общую, въ высшей степени яркую и правдивую картину Срединнаго царства, съ его культурою, государственной и общественной жизнью, нравами и обычаями народа.

Авторъ книги ф. Гессе-Вартегъ—бывалый путешественникъ и безспорно тонкій наблюдатель; сверхъ того, онъ далъ себѣ трудъ провѣрить свои наблюденія по другимъ сочиненіямъ о Китаѣ, что дѣлаетъ его книгу еще болѣе цѣнной въ томъ кругу читателей, для котораго она предназначена; другое важное преимущество труда ф. Гессе-Вартега это ясность изложенія, а затѣмъ—отсутствіе въ ней тенденціозности. Не равнодушенъ авторъ только къ нѣмецкому флагу, который мерещится ему чаще, чѣмъ слѣдовало бы; такъ, описывая Шанхай, Вартегъ пишетъ: «На мачтахъ весело развѣвались флаги всѣхъ цвѣтовъ—англійскіе, австрійскіе, бельгійскіе, французскіе, датскіе, испанскіе, кое-гдѣ голубые флаги англійскихъ морскихъ резервовъ, японскіе—красный мячъ на бѣломъ полѣ, китайскіе—голубой драконъ на желтомъ полѣ, болѣе же всего черно-бѣло-красныхъ нѣмецкихъ торговыхъ флаговъ. Самые крупные и гордые корабли были тоже нѣмецкіе»... (стр. 94). Между тѣмъ статистика показываетъ, что число нѣмецкихъ судовъ, посѣщающихъ Шанхай, не составляетъ и 15 процентовъ числа паровыхъ судовъ, заходящихъ подъ англійскимъ флагомъ въ этотъ же портъ; оно даже много ниже числа пароходовъ, прибывающихъ въ Шанхай подъ китайскимъ флагомъ. Равнымъ образомъ невѣрно утвержденіе автора, что въ Гонгъ-Конгѣ нѣмецкая торговля, по своимъ оборотамъ, приближается къ англійской; въ дѣйствительности она не только несравненно меньше англійской, но и уступаетъ сѣверо-американской; она даже занимаетъ въ оборотахъ этой торговли мѣсто низшее, чѣмъ Сингапуръ или Австралія. Вообще, Вартегъ не особенно церемонится съ цифрами, и въ его книгѣ это одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ изложенія. Хромаетъ также исторія. Такъ, ф. Гессе-Вартегъ, не смущаясь, утверждаетъ, что Китай имѣлъ прекрасные проѣзжіе тракты еще до сооруженія египетскихъ пирамидъ! Позволительно въ этомъ весьма усомниться, такъ какъ даже миѳическій періодъ китайской исторіи—«періодъ пяти государей» (Ву-ди) не восходитъ далѣе 2852 года до Р. Хр.,

между тѣмъ какъ постройку пирамидъ относятъ къ половинѣ IV тысячелѣтія до Р. Хр. Ко времени до сооруженія египетскихъ пирамидъ Вартегъ относить и нѣкоторыя другія китайскія учрежденія (стр. 150), а китайскую почту и письменность считаетъ даже древнѣйшей въ свѣтѣ, древнѣе египетской и халдейской (стр. 332). Зато возникновеніе театра въ Китаѣ отнесено имъ къ VII вѣку по Р. Хр., тогда какъ въ дѣйствительности театръ существовалъ тамъ много вѣковъ раньше; намъ извѣстно, напримѣръ, что уже во времена, непосредственно слѣдовавшія за эпохой Конфуція, были воздвигнуты гоненія на театръ, причемъ актеры объявлены были внѣ закона, а профессія ихъ приравнена къ профессіи палача, т.-е. самой позорной въ Китаѣ. Съ театромъ знакомъ былъ и Конфуцій, объявившій проповѣдуемыя съ подмостковъ идеи не только противными здравому смыслу, но и безнравственными. Не останавливаясь за симъ на другихъ ошибкахъ Вартега (невѣрно, напримѣръ, утвержденіе его, что китайцы не знали стекла до знакомства своего съ европейцами), я перехожу къ той сторонѣ его труда, которая производитъ наиболѣе непріятное впечатлѣніе на читателя. Вартегъ пишетъ легко и увлекательно даже тогда, когда излагаетъ спеціальныя главы, посвященныя денежнымъ и банковымъ операціямъ въ Китаѣ, китайской прессѣ и проч.; тѣмъ непонятнѣе стремленіе его «оживлять» свой разсказъ шутками, отличающимися вдобавокъ крайней тяжеловѣсностью. Такъ, безъ ущерба для содержанія могло бы быть выкинуто слѣдующее, напримѣръ, мѣсто: «Сцена обращена была къ входнымъ дверямъ кумирни, чтобы пестро размалеванные и вызолоченные боги, гримасничавшіе, сидя на корточкахъ на своихъ возвышеніяхъ, могли свободно созерцать представленіе» (стр. 152). Странны также нѣкоторыя допущенныя имъ ошибки; напримѣръ, онъ утверждаетъ, что китайцы не знаютъ *хлѣба* (стр. 86), что на своихъ форменныхъ шляпахъ они носятъ *конскіе хвосты* (стр. 47), что обувь ихъ шелковая на *войлочной* подошвѣ (стр. 61), что по ночамъ они не путешествуютъ (стр. 362), что китайское правительство никогда не дѣлаетъ, по суевѣрію, народныхъ переписей (стр. 31), что въ Тибетѣ къ чаю прибавляютъ *крупу*, такъ что получается что-то вродѣ похлебки (стр. 156), что въ Россіи кирпичный чай принадлежитъ къ *любимѣйшимъ* сортамъ чая (!) и въ Сибири, гдѣ ощущается недостатокъ въ размѣнной монетѣ, служитъ *мѣновымъ знакомъ* (стр. 165). Допускаю, что послѣднее могъ еще написать иностранецъ; не слѣдовало однако преподносить такого вздора читателю русскаго перевода, и это, конечно, ошибка редакціи. Въ другихъ, впрочемъ, случаяхъ переводчикъ стремился внести нѣкоторыя исправленія въ нѣмецкій текстъ книги; такъ, напримѣръ, исправлены сообщаемыя Вартегомъ свѣдѣнія о транспортировкѣ кирпичнаго чая въ Россію; но какъ исправлены? съ плохимъ знаніемъ дѣла, а потому и съ введеніемъ новыхъ ошибокъ. Я укажу, напримѣръ, на то, что съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги пошлина на чаи по европейской границѣ не была вовсе понижена, и урегулированіе стоимости доставки чая сухимъ путемъ и моремъ было достигнуто инымъ образомъ—соотвѣтственнымъ увеличеніемъ пошлиннаго оклада по сухопутной границѣ съ Китаемъ.

Переведена книга прекрасно. Нѣкоторыя страницы такъ хороши, что забываешь, что читаешь переводное сочиненіе. Попадаются однако словечки и обороты, которые лучше было бы избѣжать. Такъ, напримѣръ, Ганзенъ пишетъ: «Главными причинами возстанія (магометанъ) были религіозный фанатизмъ и слѣпая ненависть къ *басурманамъ*—китайцамъ» (стр. 305). Едва ли это выраженіе можно считать удачнымъ. На стр. 32 сказано, что китайскіе солдаты носятъ синія рубахи и круглыя бѣлыя *бляхи* на груди. Это неточно: не бляхи, а круглыя бѣлыя нашивки, на которыхъ чернымъ обозначено наименованіе войсковой части, къ которой принадлежитъ солдатъ. На стр. 33 читаемъ: «Ворота

или входныя двери въ такихъ зданіяхъ бываютъ *въ ширину* (?) всей стѣны». На стр. 370 употреблено едва ли подходящее слово—«катавасія», на стр. 94 проскочило выраженіе—«Остъ-Азія» и т. д. Китайскія названія транскрибированы на русскій языкъ вполнѣ правильно, и въ этомъ отношеніи мы можемъ указать весьма немного ошибокъ; такъ, вмѣсто Ши-хуана-де сказано Ши-гуанъ-ди, Ли-хунъ-чанъ вмѣсто Ли-хунъ-чжанъ, Тянь-цзинъ вмѣсто Тянь-цзинь и т. д. Къ сожалѣнію, того же нельзя сказать о картѣ, приложенной къ разбираемой книгѣ: она ниже всякой критики.

Съ внѣшней стороны, какъ, впрочемъ, и большинство изданій А. Ф. Девріена, книга не оставляетъ желать ничего лучшаго. А такъ какъ и по внутреннему своему содержанію она, не смотря на указанные выше промахи, полна несомнѣнныхъ достоинствъ, то мы и желаемъ ей полнаго успѣха, рекомендуя во всѣ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го марта по 15-ое апрѣля 1901 г.).

П. Г. Мижуевъ. Вліяніе народн. образ. на народн. богатство, здоровье и нравствен. Изд. журн. «Русская Школа». Спб. 1901 г. Ц. 80 коп.

С. Kõse. Перев. Вулатова. Уходъ за зубами и полостью рта. Изд. Риккера. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.

Проф. **В. Н. Никитинъ**. Очерки частной терапіи болѣзней внутр. органовъ. Спб. 1901 г.

К. Опенгеймеръ. Краткое руководство къ физ.-химич. анализу. Перев. подъ ред. Салазкина. Спб. Изд. Риккера. 1901 г. Ц. 1 руб.

Д-ра Ф. Штера. Учебникъ гистологіи. Пер. Кулябко подъ ред. проф. Догеля. Спб. Изд. то же. 1901 г. Ц. 4 р. 50 к.

Проф. Н. Ф. Меншина. Курсъ фармакагнозіи. Перев. А. Гинзберга. Спб. Изд. то же 1901. Ц. 3 р. 60 к.

Левъ Бертенсонъ. Лечебныя воды, грязи, морскія купанья въ Россіи и за границей. Изд. то же. 1901 г. Ц. 6 р. 80 к.

А. Лаверанъ. Палюдизмъ. Перев. съ франц. М. Маноцкова. Подъ ред. В. М. Шапирова. Спб. Изд. то же. 1901 г.

Г. Мейснеръ. Передача силы. Изд. Риккера. Спб. 1900 г. Т. I. Ц. 7 р.

Потребленіе алкоголя, какъ предметъ научн. изслѣдов. Спб. 1900 г.

Проф. Экштейнъ. Борьба чел. съ жив. Изд. «Русской Мысли». 1901 г. Ц. 30 к.

Н. Дьячковъ. Пріурал. край. Изд. «Русской Мысли». 1901 г, Ц. 15 коп.

Ф. Шпильгагенъ. Жертва (романъ). Перев. съ нѣм. А. В. Перелыгиной. Изд. кн. скл. Ефимова. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. А. Кубасовъ. Е. Измайловъ. Спб. 1901 г.

Евг. Чириковъ. Очерки и разсказы. Т. III. Изд. О. Н. Поповой и А. Е. Колпинскаго. Спб. 1901. Ц. 1 р.

М. Л. Песковскій. Мужикъ до освобожд. крестьянъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 30 к.

Диссертація Н. С. Сперанскаго. Къ статистикѣ сифил. въ сельск. насел. Моск. губ. М. 1901 г.

Л. Купріанова. Австралія и Новая Зеландія. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

О. Я. Коныськый. Млыкъ. Оповидання. Кіевъ. 1901 г. Ц. 4 к.

В. Н. Спасскій. Овраги, укрѣпленіе и облѣс. ихъ прост. способ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1901. Ц. 5 к.

И. Иноземцевъ. Яблоня. Практич. свѣд. при выращ. яблони. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 8 к.

Маръ. Мыловареніе въ малыхъ и средн. размѣр. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 10 к.

Н. Мурашкинцевъ. Ветеринарія въ примѣн. къ сельск. хоз. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 5 к.

П. Ф. Кудрявцевъ. Деревенскіе ясли, пріюты въ Симб. губ. лѣтомъ 1899 г. Сызрань. 1900 г.

В. Ф. Духовской. Изъ моихъ воспоминаній. Спб. 1900 г. Ц. 4 р.

А. Серафимовичъ. Очерки и разсказы. Изд. Звонарева. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

М. Комарь. Оповидання про Ант. Головатого. Спб. 1901 г. Ц. 5 к.

Ив. Франко. Лесышена челядь. Малый Мыринъ. Грнцева шкильня наука. Кіевъ. 1901 г. Ц. 4 к.

П. О. Кулишъ. Про злодія въ с. Гакивныци. Кіевъ. 1901 г. Ц. 3 к.

Календарь и справочн. книга «Сельскаго Вѣстника». Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Инж. Н. Житкевичъ. Плоскія желѣзо-бетон. покрытія и ихъ разсчетъ. Спб. Изд. Риккера. 1900 г. Ц. 1 р. 40 к.

И. Левицкій. Баба Параска та баба Палажка. Кіевъ. 1901 г. Ц. 4 к.

Л. Мельшинъ. Любимцы каторги. Харьковъ 1901 г. Ц. 7 коп.

А. Алтаевъ. Мигуэль Сервантесъ. Спб 1901 г. Ц. 40 к.

*

А. Зарина. Увлеченіе. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Е. Воскресенскій. Литерат. чтенія. Пушкинъ. Гоголь. Бѣлинскій. Изд. Тихомирова. М. 1901 г. Ц. 45 к.

Докт. медиц. В. П. Кашкадамовъ. О чумѣ. Согласно новѣйш. даннымъ. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.

Отчетъ о дѣятельн. коммиссіи народн. чтен. при русск. литер. кружкѣ въ г. Ригѣ за 1899—1900 г. Рига. 1900 г.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. I, вып. V. Изд. П. Юргенсона. Ц. 40 к.

Краткій историч. обзоръ 28-лѣтн дѣят. библіот. Общества взаимн. вспомощ. приказч. евреевъ г. Одессы за 1900 г. Одесса. 1901 г.

П. Россіевъ. Общіе знакомые. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Луи Проаль. Любовь и преступленіе. Спб. Изд. Веге. 1901 г. Ц. 35 к.

Женщ.-врачъ М. Покровская. О падшихъ. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Н. Глухаревъ. Устройство городск., сельск. и домашн. библ. М. 1901 г. Ц. 40 к.

Отчетъ состоящ. подъ август. покров. его имп. выс. вел. кн. Конст. Конст. Пензенск. общ. библіот. им. М. Ю. Лермонтова. 1899—1900 г. Пенза 1901 г.

Е. Зеландъ-Дубельтъ. Литовскія письма. Вильна. 1901 г. Ц. 30 к.

Д-ръ Генрихъ Нуссбаумъ. О вліяніи душевной дѣят. на болѣзн. процессы. Перев. съ польск. М. Розенталя. Вильна. 1899 г. Ц. 50 к.

Д-ръ Г. Гиршкронъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Перев. съ нѣм. Вильна. 1899 г. Ц. 50 к.

Дръ И. В. Михайловъ. Алкоголизмъ и развратъ. М. 1900 г.

А. Алтаевъ. Отъ земли. Спб. 1901 г. Ц. 50 коп.

Отчетъ о дѣятельн. Кіевск. Об-ва грамотн. за 1899. Кіевъ. 1901 г.

Календарь «Синяго Креста» на 1901 г.

Ѳ. И. Успенскій. Исторія крестовыхъ походовъ. Изд. Акд. Об-ва. «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Изд. 2-е. То же. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Джемсъ-Селли. Очерки по психологіи дѣтства. Перев. съ англ. Ал. Громбаха. М. Изд. Тихомирова. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

С. Н. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Спб. Изд. Пантелѣева. 1901 г. Ц. 2 р.

Перев. Б. Д. Порозовской. Арабскія сказки. №№ 105, 110. Спб. Изд. Павленкова. 1901 г. Ц. по 10 коп.

Матеріалы по разрѣш. въ Московск. губ. зем. вопроса о выясн. отнош. губернск. земства къ уѣзднымъ. М. 1901 г.

И. Е. Рѣпина. Воспомин. Статьи и письма изъ-за границы. Подъ ред. Н. Б. Сѣверовой. Спб. 1901 г.

А. А. Фета. Полное собр. сочин. въ 3-хъ том. Спб. Изд. Маркса. 1901 г. Ц. 5 р.

А. В. Бирилевъ. Объ осязаніи слѣпыхъ. Казань. 1901 г.

Замѣчанія читателя по поводу брош. П. Казанскаго къ вопр. о постан. препод. на юрид. факульт. Одесса. 1901 г.

Скугаревскій. Очерки и замѣтки. Вып. 2-й. Вильна. 1901 г. Ц. 75 к.

Проф. Шеффъ. Болѣзни зубовъ и полости рта. Изд. библ. народн. здравія. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

Проф, Сенаторъ. Болѣзни почекъ. Изд. то же. Ц. 20 к.

Проф. А. Розенбергъ. Болѣзни горла. Изд. то же. Ц. 20 к.

Проф. Р. Штинцингъ. Спинная сухотка. Изд. то же. П. 20 к.

Н. Н. Соколовъ. Кто воскресъ въ ром. гр. Толстого «Воскресеніе». М. 1901 г. Изд. кн. маг. Е. Д. Добровольновой. Ц. 40 к.

Ф. О. Гертцъ. Аграрные вопросы въ связи съ соціализмомъ съ пред. Э. Бернштейна. Перев. съ нѣм. подъ ред. Дурново. М. Изд. кн. скл. Д. И. Ефимова. 1901 г. Ц. 1 руб.

М. Н. Штрикъ. Организ. краткосрочн. мелк. кредита или проектъ устр. «Народнаго Банка». Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

И. Рукавишниковъ. Стихотв. и проза. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Алекс. Мошинъ. Штрихи и настроенія. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Критическ. статьи о произвед. Максима Горькаго. Изд. Гринберга. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Алэнъ-Рензъ-Лесажъ. Жиль Блазъ. Перев. съ франц. подъ ред. С. Трубачева. Спб.

1901 г. Иллюстр. безпл. прил. къ апр. книгѣ «Вѣстника Иностр. Литер.» 1901 г.

Пом. прис. повѣр. А. Доброхотова. Рутина нашихъ уголовн. защитников. М. 1901 г. Ц. 20 к.

М. С. Савинъ. Рѣшеніе вопросовъ о квадратурѣ круга и трис. угла. Оренбургъ. 1901 г. Изд. Д. В. Агапова. Ц. 65 к.

Д. В. Агаповъ. Сборн. типичн. и наиб. трудн. задачъ по ариѳм., алгебрѣ, геометр., тригоном. и физикѣ. Оренбургъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статей по вопросамъ относящимся къ жизни русск. и иностр. городовъ. Вып. XII. М. 1901 г.

Д-ра Э. Мюнстерберга. Объедин. дѣятельн. благотвор. учрежд. Изд. Моск. Городск. Общ. Управл. М. 1900 г.

П. А. Голубевъ. Сборникъ статист. свѣд. по Уф. губ. Т. VII, ч. III и II. Изд. Уф. Губ. Зем. Упр. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Обзоръ Уф. губ. въ сельско-хоз. отнош. за 1899—1900 г. Вып. I. Уфа. Изд. Губ. Зем. Управы. 1900 г. Ц. 1 р.

И. Игнатовъ. Редакт. текстъ. Галлерея русскихъ писателей. Изд. С. Скирмунта. М. 1901 г. Ц. 3 р. 50 коп.

М. О. Общедоступн. объясн. евангелія. Спб. 1901 г. Ц. 90 к.

А. М. Жемчужниковъ. Стихотвор. въ II т. Изд. 3-е. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

Отчетъ Об-ва вспомощ. студент. Императ. Спб. университета за 1900 г, Спб. 1901 г.

Отчетъ Главн. Управл. неокл. сборовъ и каз. прод. питей за 1899 г. Спб. 1901 г.

Проф. Б. И. Срезневскій. Возможность точнаго предсказанія погоды. Юрьевъ. 1901 г.

Л. Б. Бертенсонъ. Къ вопросу о жилыхъ помѣщ. въ Россіи. М. 1901 г.

Отчетъ Московск. Об-ва распростр. коммерч. образов. за 1900 г. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Отчетъ государствен. сберегат. кассъ за 1899 г. Спб. 1901 г.

Гражд. инж. М. Гейслеръ. Зданія и сооруж. Спб. Ольгинск. дѣтск. пріюта трудолюбія. Спб. 1901 г. Изд. Риккера, Ц. 5 р.

Е. Волкова. Первая фабрика на Руси. Изд. В. Осмоловской. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Положеніе 1874 г. о начальн. народн. учил. Изд. неофиц. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Т. II. Библ. для самообр. М. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к,

Норманъ Лакіеръ. Спектроскопъ и его примѣненіе. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.

Матеріалы по вопросу о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ. Одесса. 1901 г. Ц. 2 руб.

М. О. Меньшиковъ. Думы о счастьи. Изд. 2-е Т-ва Трудъ. 1901 г. Ц. 1 р.

Старый Джонъ. Лѣто. Изд. то же. Ц. 1 р.

Тардъ. Соціальная логика. Перев. съ франц. М. Цейтлина. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Згурскій. Психо-физіолог. теор. чувствованій. М. 1901 г. Ц. 50 к.

А. В. Амфитеатровъ. Недавніе люди. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Протоколъ публ. засѣд. 28-го янв. 1901 г. Красноярск. подъотдѣла. Вост.-сиб. отд. Импер. рус. геогр. Об-ва. Красноярскъ. 1901 г.

Отчетъ Аккерм. Общ. библіотеки 1899—1900 г. Аккерманъ. 1900 г.

С. Старосивильскій. А. М. Жемчужниковъ. Варшава. 1901 г.

Д. Мережковскій. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. журн. «Міръ Искусства». Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Abyssinia» by Herbert Vivian. With Illusrations and Maps (*C. A. Pearson*). (*Абиссинія*). Это африканское государство во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія европейцевъ, какъ ученыхъ, такъ и туристовъ и любителей охотничьяго спорта. Абиссинія изобилуетъ красотами природы и, кромѣ того, представляетъ очень много любопытныхъ чертъ, какъ древняя страна. Авторъ упомянутой книги пробылъ при дворѣ негуса нѣсколько мѣсяцевъ и имѣлъ возможность изучить нравы и обычаи этой интересной страны. Его очерки написаны очень живо.

(Bookseller).

«The Social Life of the Hebrens» by the Rev. Edward Day (*John C. Nixumo*). (*Соціальная жизнь древнихъ евреевъ*). Книга написана на основаніи историческихъ документовъ и строго-научныхъ данныхъ. Авторъ изучаетъ соціальную жизнь древнихъ евреевъ, начиная отъ класса и семьи и кончая монархіей, разсматриваетъ положеніе и вліяніе женщины въ древне-еврейскомъ обществѣ, развитіе промышленности, религію и фолькл орь еврейской расы, такъ что читатель переносится въ восточную атмосферу и соотвѣтствующую ей жизненную обстановку.

(Bookseller).

«Northern Lights and Shadows» by Ralph Graham Taber (*Greening and C°*). (*Сѣверный свѣтъ и тѣни*). Книга представляетъ собраніе очерковъ и разсказовъ изъ жизни оригинальнаго маленькаго народа, обитающаго въ арктической и субарктической полосѣ въ сѣверной Америкѣ, съ приложеніемъ трехъ коротенькихъ эскимосскихъ сказокъ. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ избралъ форму разсказа только потому, что эта форма болѣе удобна и даетъ возможность сухіе статистическія и этнографическія данныя облечь въ художественное одѣяніе и въ такомъ привлекательномъ видѣ представить читателямъ. (Daily News).

«In Nature Workshop» by Grant Allen. With 100 illustrations (*George Nerwess*). (*Въ мастерской природы*). Покойный Грентъ Алленъ пользовался такою же широкою извѣстностью какъ популяризаторъ естественныхъ наукъ, какъ и беллетристъ. Любители природы и сельской жизни прочтутъ его книгу съ удовольствіемъ. Книга прекрасно и обильно иллюстрирована.

(Bookseller).

«Concerning Children» by Charlotte perkins Stetsen Gilman. (*Patnam's. Sous*). (*Книга о дѣтяхъ*). Названіе, данное авторомъ своей книгѣ, слишкомъ узко и не даетъ полнаго представленія о ея содержаніи. Въ книгѣ говорится не только о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи и уходѣ за ними, но также и о различныхъ соціальныхъ теоріяхъ и идеяхъ относящихся къ положенію семьи и т. д. Двѣ послѣднія главы: «Матери, естественныя и неестественныя» и «Соціальное родство», въ особенности интересны.

(Daily News).

«The problem of Conduct» a study in the Phenomenology of Ethics. By A. E. Taylor (*Macmillan and C°*). (*Проблема поведенія*). Хорошо написанная книга, въ которой указывается на все важное значеніе этическихъ принциповъ, какъ на основу человѣческаго поведенія.

(Daily News).

«Les grands philosophes» par Cara de Vaux. (*Felix Alcan*). *Paris.* (*Великіе философы*). Въ этой книгѣ заключается краткій, но хорошо составленный обзоръ развитія философской идеи въ Исламѣ. Центромъ тяжести философскаго мышленія старинной эпохи былъ вопросъ о свободѣ воли. Этому вопросу посвящены первыя двѣ главы книги. Вліянію грековъ на философію Ислама посвящена третья глава; въ послѣдующихъ же главахъ говорится о старинныхъ философахъ, произведенія которыхъ дошли до насъ.

(Journal des Débats).

«The Gospel of wealth» by Andrew Carnegie (*Frederick Warne*). (*Проповѣдь богатства*). Авторъ этой книги—знаменитый

американскій милліардёръ Эндрью Карнеджи, раздающій теперь десятки милліоновъ на разныя общеполезныя воспитательныя учрежденія, публичныя библіотеки, музеи и т. д., исходя изъ того принципа, что никто не долженъ умирать богатымъ, — уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ высказывать въ литературѣ свои взгляды на политическіе и соціальные вопросы дня. Въ своей книгѣ авторъ еще болѣе раздвигаетъ рамки своихъ воззрѣній и проповѣдуетъ чрезвычайно широкіе взгляды на богатство и на лежащія на немъ обязанности.

(Daily News).

«*Twentieth Century Jnventions*». *A forecast by George Sutherland* (*Longmans and C°*). (*Изобрѣтенія XX вѣка*). Авторъ этой книги старается предугадать на основаніи существующихъ данныхъ, какія изобрѣтенія ознаменуютъ собою эпоху XX вѣка. По мнѣнію автора, путь прогресса уже теперь намѣченъ во многихъ отношеніяхъ, такъ что приблизительно можно угадать, въ какомъ направленіи онъ пойдетъ въ XX вѣкѣ и какъ онъ выразится въ различныхъ областяхъ.

(Athaeneum).

«*The Romance of the Heavens by prof. A. W. Bickerton.* (*Swan Sonneschein*). (*Романъ небесъ*). Очень интересно и популярно написанная книга объ астрономіи и существующихъ теоріяхъ мірозданія. Въ отдѣльныхъ главахъ авторъ говоритъ о происхожденіи солнечной системы, о метеорныхъ явленіяхъ, облачности видимой вселенной и т. д.

(Bookseller).

«*Essai sur Taine, son œuvre et son influence*» *par Victor Giraud Williams Norgate*). (*Тэнъ, его труды и вліяніе*). Работа автора представляетъ очень тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе произведеній Тэна въ связи съ его біографіей, что придаетъ двойной интересъ книгѣ, которая заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, весьма основательную критику нѣкоторыхъ статей Тэна. Въ концѣ книги приложенъ очень тщательно составленный библіографическій указатель всѣхъ трудовъ Тэна, а также критическихъ статей о немъ.

(Journal des Débats).

«*Notes sur l'éducation politique*» *par Pierre de Coubertin. Paris* (*Hachette et C°*). (*Замѣтки о политическомъ воспитаніи*). Авторъ изслѣдовалъ первоначальное, среднее и высшее образованіе въ разныхъ странахъ и въ своихъ замѣткахъ высказываетъ сужденіе о будущности этого воспитанія. Выводы автора очень интересны и смѣлы, но, въ общемъ, авторъ высказываетъ довольно оптимистическіе взгляды на результаты современнаго воспитанія.

(Revue internationale).

«*Le mouvement idéaliste et social dans la littérature anglaise au XIX siècle. John Ruskin, par Lacques Bardoux.* (*Политическое и соціальное движеніе въ англійской литературѣ XIX вѣка*). Прекрасное изслѣдованіе автора жизни и трудовъ Рёскина заключаетъ въ себѣ очень интересно написанную біографію этого замѣчательнаго человѣка, который былъ не только великимъ мыслителемъ, но и великимъ писателемъ и чрезвычайно своеобразнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

(Revue des Revues)

«*Le Voyage en Patagonie*» *par le comte Henry de la Vaulx* (*Hachette*). (*Путешествіе въ Патагонію*). Авторъ очень увлекательно описываетъ предпринятую имъ антропологическую экскурсію въ эту мало извѣстную страну, свои приключенія и жизнь въ индѣйскихъ лагеряхъ, а также охоту за черепами, которые онъ собиралъ въ индѣйскихъ гробницахъ для своихъ антропологическихъ изслѣдованій. Кромѣ того, авторъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній о нравахъ, соціальной организаціи, экономической жизни и богатствахъ этой страны, которая, по его мнѣнію, имѣетъ блестящее будущее въ колонизаторскомъ отношеніи, такъ какъ, не говоря уже о ея природныхъ богатствахъ, ея умѣренный климатъ наиболѣе подходитъ для европейскихъ расъ.

(Revue des Revues).

«*Ruskin et la Bible pour servir à l'histoire d'une pensée*» *par H. I. Brunhes* (*Perrin*). *Paris.* (*Рёскинъ и Библія*). Авторъ этой небольшой книги задался цѣлью изслѣдовать вліяніе глубоко религіознаго воспитанія, которое получилъ Рёскинъ, на развитіе его мышленія и указать ту роль, которую играла Библія въ образованіи его взглядовъ и чувствъ.

(Journal des Débats).

«*Histoire politique de la révolution française*» *Origines et développement de la democratie et de la République* (*1789—1804*) *par A. Aulard.* (*Политическая исторія французской революціи*; *происхожденіе и развитіе демократіи и республики*). Автора можно назвать однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этого періода французской исторіи. Въ теченіи двадцати лѣтъ онъ изучалъ всѣ относящіеся къ этому періоду историческіе документы, на основаніи которыхъ составилъ прекрасную научную исторію революціи, написанную, однако, на столько яснымъ, простымъ и увлекательнымъ языкомъ, что она вполнѣ до-

ступна самому широкому кругу образованныхъ читателей.

(Revue internationale).

«*Audition colorée et phenomènes connetes observés chez les écoliers*» *par Aug. Lemaitre, prof. au Collège de Genève* (*Alcan*) *Paris*. (*Цвѣтной слухъ и связанныя съ нимъ явленія, наблюдавшіяся у учениковъ*). Явленіе цвѣтного слуха далеко не такое рѣдкое, какъ это предполагаютъ. Авторъ изслѣдовалъ это явленіе у своихъ учениковъ и нашелъ, что изъ 112 у сорока наблюдаются свѣтовыя явленія, сопряженныя съ звуковыми. Извѣстныя слова и буквы всегда вызываютъ у нихъ соотвѣтствующее впечатлѣніе какого-нибудь цвѣта. Изслѣдованіе автора очень интересно, такъ какъ оно знакомитъ съ такими фактами, которые весьма мало извѣстны большой публикѣ, несмотря на свое распространеніе.

(Journal des Débats).

«*The Soul of a people*» *by H. Fielding*. (*Richard Beulley and Son*). *London*. (*Душа одного народа*). Чрезвычайно любопытное описаніе Бирмы ея природы и жителей, нравовъ и обычаевъ и т. д. Свѣдѣнія, которыя сообщаетъ авторъ объ этомъ интересномъ буддійскомъ народѣ, заслуживаютъ вниманія читателей.

(Morning Post).

«*Thomas Huxley*» *Asketch of his Life and work, by P. Chalmers Mitchell. With portraits*. (*Томасъ Гёксли; очеркъ его жизни и трудовъ*). Главный интересъ и значеніе этой книги заключаются въ превосходномъ изложеніи ученія Гёксли. Авторъ яркими чертами изобразилъ Гёксли, какъ талантливаго борца съ обскурантизмомъ и великаго проповѣдника научныхъ истинъ. Біографическій очеркъ составленъ очень хорошо.

(Daily News).

«*The History of Colonization*» *by Henry C. Morris. 2 vols.* (*The Macmillan Company*). *New-York*. (*Исторія колонизаціи*). Этотъ обширный трудъ долженъ дать понятіе читающему міру о томъ, что сдѣлано націями въ дѣлѣ колонизаціи. Книга написана не такъ, какъ пишутся обыкновенно ученые трактаты, и поэтому читается очень легко и съ интересомъ. Авторъ разсказываетъ исторію колонизаціи, съ древнихъ временъ до нашего времени, обнаруживая большое знаніе и при этомъ сохраняя полное безпристрастіе по отношенію ко всѣмъ европейскимъ націямъ.

«*The Autobiography of a Journalist, by W. I. Stillman. London*. (*Grant Richards*). *2 vols. 24 v.* (*Автобіографія одного журналиста*). Авторъ очень занимательно разсказываетъ исторію своей журнальной карьеры. По его словамъ профессія журналиста—одна изъ труднѣйшихъ въ жизни, и только тѣ, мужчины и женщины, имѣютъ успѣхъ въ этой профессіи, которые обладаютъ спеціальными качествами и способны вынести жизнь, полную превратностей и неизвѣстности относительно завтрашняго дня. Какъ очеркъ жизни журналиста, книга автора, несомнѣнно, можетъ представлять большой интересъ для читателя, тѣмъ болѣе, что авторъ вводитъ его въ кругъ современныхъ журналистовъ и знакомитъ съ обычною эволюціею журналиста, начиная отъ первыхъ его колеблющихся шаговъ, кончая занятіемъ вполнѣ опредѣленнаго положенія въ этой профессіи.

(Morning Post).

«*The Social Problem; Life and Work*» *by I. A. Hobson*. (*Lames Neibet and C°*). (*Соціальная проблема: жизнь и трудъ*). Авторъ, главнымъ образомъ, интересуется проблемою жизни и ставитъ ее въ основу своего изслѣдованія. Это, по его словамъ, основная проблема и остальное все представляетъ только надстройку и, слѣдовательно, прежде всего надо рѣшить вопросъ объ организаціи жизни и ея выраженіи въ обществѣ. Этимъ вопросомъ авторъ занимается въ двухъ главныхъ отдѣлахъ своей книги: «Наука о соціальномъ прогрессѣ» и «Искусство соціальнаго прогресса». По его мнѣнію, въ основѣ соціальной жизни лежитъ экономическая проблема и хотя далеко не все въ жизни находится въ зависимости отъ экономическихъ условій, тѣмъ не менѣе никакой соціальный прогрессъ немыслимъ безъ того, чтобы общество не признало, наконецъ, необходимость экономической справедливости. Этотъ замѣчательный трудъ автора можно смѣло рекомендовать не только каждому образованному читателю, но и ученымъ экономистамъ и соціологамъ.

(Manchester Guardian).

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Г. СКВОРЦОВА.

(Письмо въ редакцію).

Наша рецензія на книгу г. Скворцова (профессора Новоалександрійскаго сел.-хоз. института) «Основы экономики земледѣлія» («Народное Хозяйство», № 2) вызвала письмо г. Скворцова въ «Мірѣ Божьемъ» (№ 4), въ которомъ онъ обвиняетъ меня въ литературномъ преступленіи. По догадкѣ г. Скворцова, моя критика его «Основъ» внушена не дѣйствительными недостатками книги, а враждебнымъ чувствомъ «народника» къ представителю противнаго ему направленія. «Народники», по утвержденію г. С., вообще отличаются недобросовѣстностью критики своихъ противниковъ; тѣ же свойства присущи, конечно, и моей рецензіи; и вотъ г. Скворцовъ квалифицировалъ мои дѣйствія, какъ недобросовѣстныя и соотвѣтственно этому озаглавилъ свою замѣтку: «Недобросовѣстная Критика». Мы не имѣемъ обыкновенія вести личную полемику; но въ данномъ случаѣ мы считаемъ необходимымъ отступить отъ этого правила, такъ какъ насъ категорически обвиняютъ въ неблаговидномъ поведеніи. Основаніемъ для такого обвиненія, кромѣ вышеприведенной предпосылки о недобросовѣстномъ отношеніи къ противникамъ народниковъ, вообще, служитъ полная будто бы несостоятельность моихъ критическихъ замѣчаній. Опровергнуть обвиненіе въ недобросовѣстности я могу, слѣдовательно, доказавъ, что не мои аргументы, а замѣчанія г. Скворцова не обладаютъ достаточною убѣдительностью. По поводу этихъ замѣчаній мнѣ приходится прежде всего заявить, что нѣкоторыя изъ нихъ настолько странны, что мы рѣшительно отказываемся какъ-либо объяснить ихъ происхожденіе. «Г. В. В. писалъ чуть ли не по поводу каждаго изъ моихъ сочиненій», утверждаетъ, напр., авторъ (стр. 117); между тѣмъ какъ въ дѣйствительности до настоящаго случая я отозвался лишь на книжку г. С. «Причины голодовокъ въ Россіи» (см. «Очерки теоретической экономіи»), послѣ которой не читалъ ничего, выходившаго изъ-подъ пера автора, пока не получилъ отъ редактора «Народнаго Хозяйства» послѣднее сочиненіе г. С. съ предложеніемъ дать о немъ отзывъ. Думаю, что и теперь я не скоро возьмусь за какое-либо произведеніе г. С. Столь же страненъ и слѣдующій эпизодъ полемики г. Скворцова. Въ своей рецензіи я говорю, что съ перваго взгляда «можно подумать, что въ отношеніи пріемовъ научнаго изслѣдованія вопросовъ земледѣльч. хоз. г. Скворцовъ примыкаетъ къ г. Каблукову», примѣняющему въ этомъ дѣлѣ комбинацію индукціи и дедукціи. Но ближайшее знакомство со взглядами г. С. показываетъ, что оба автора существенно отличаются другъ друга и что г. С. «высказывается за исключительное примѣненіе дедукціи». Это недопускающее никакого сомнѣнія

мѣсто моей рецензіи (приведенное здѣсь вкратцѣ) вызываетъ слѣдующую филиппику со стороны г. С.

«Г. В. В. прямо выворачиваетъ на изнанку мои разсужденія о методѣ и приписываетъ мнѣ, будто я «примыкаю къ г. Каблукову», который именно желаетъ выводить законы общ.-экономич. развитія на основаніи данныхъ статистики, тогда какъ я указываю, что индуктивное установленіе этихъ законовъ прямо невозможно. Я позволяю себѣ утверждать что это—не ненамѣренная обмолвка или недоразумѣніе». Послѣ этого на цѣлой страницѣ г. С. разъясняетъ различіе между своими воззрѣніями и воззрѣніями г. К., различіе, указанное и въ нашей рецензіи; а затѣмъ сразу побиваетъ всю свою аргументацію и возстановляетъ мое истинное отношеніе къ вопросу: «мой критикъ, однако,—говоритъ онъ на стр. 118,—приписавъ (?) мнѣ сначала методъ г. К., вслѣдъ затѣмъ самъ говоритъ, что я, къ удивленію его, не только не призналъ этого метода, но и не упомянулъ о его возможности» (послѣднее, по утвержденію г. С., я утверждаю «облыжно»). Возразивъ на то, чего я и не думалъ утверждать, г. С. переходитъ, наконецъ, къ настоящимъ моимъ замѣчаніямъ на его книгу. Въ своей рецензіи я высказалъ двоякое мнѣніе о г. Скворцовѣ. Основываясь на фактѣ, что въ новой своей книгѣ г. С. заимствуетъ цифровыя данныя почти исключительно изъ своего же сочиненія «Вліяніе парового транспорта», вышедшаго 10 л. тому назадъ, вслѣдствіе чего эти данныя въ большинствѣ случаевъ крайне устарѣлы, я высказываю мысль, что г. С. «почти вовсе пересталъ заниматься статистикой и, почерпнувъ изъ нея кое-что, когда работалъ надъ вліяніемъ парового транспорта, закрылъ затѣмъ толстые томы цифръ и не заглядывалъ даже въ «Вѣстн. Фин. Пром. и Торговли». Другое мое заключеніе касается пріемовъ «изслѣдованія» г. С. и состоитъ оно въ томъ, что, игнорируя факты и отдаваясь въ сферѣ научныхъ вопросовъ произвольнымъ умствованіямъ, «этотъ профессоръ высшаго учебнаго заведенія готовитъ не ученыхъ изслѣдователей, а развязныхъ фельетонистовъ не особенно серьезной экономической газеты». Изъ отвѣта г. С. мы не могли усмотрѣть, признаетъ онъ или отвергаетъ первое наше положеніе. Но въ немъ, во всякомъ случаѣ, находится заявленіе, что, «живя не въ столицѣ, а въ маленькомъ городкѣ, и имѣя подъ руками бѣдно обставленную библіотеку, не всегда возможно добыть тѣ статистическіе матеріалы, которыми можно было бы воспользоваться». По поводу этого оправданія мы можемъ только выразить удивленіе, что библіотека высшаго с.-х. учебнаго заведенія не имѣетъ—не говоримъ—изслѣдованій, но даже періодическихъ изданій, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія объ экономической жизни, не получаетъ даже «Вѣстн. Фин., Пром. и Торг.» (гдѣ г. Скворцовъ могъ бы почерпнуть новѣйшія данныя о большей части предметовъ, указанныхъ въ нашей замѣткѣ) и что профессора этого заведенія вынуждены просвѣтлять юношество по части экономическихъ отношеній, не имѣя обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, что совершается въ сферѣ этихъ отношеній въ послѣднія 15 лѣтъ. Въ частности, по поводу приведенія въ книгѣ г. Скворцова устарѣлыхъ (70-хъ и даже 60-хъ г.) данныхъ о стоимости транспорта по жел. дорогамъ, въ то время какъ имѣется новѣйшее оффиціальное изслѣдованіе по этому предмету, г. С. говоритъ, что онъ пользовался старымъ сочиненіемъ пр. Чупрова, потому что тамъ находятся нужныя для его цѣли относительныя величины. «Ничего такого я не нашелъ-бы въ оффиціальныхъ изданіяхъ, гдѣ къ тому же группировка отдѣльныхъ видовъ расходовъ совершенно не соотвѣтствуетъ *подчасъ* требова-

ніямъ научной систематики ихъ». Такъ какъ г. С. не подтверждаетъ этого объясненія фактами, то мы въ правѣ остаться при мнѣніи, что ссылки на устарѣлыя данныя были результатомъ незнакомства автора съ новѣйшими изслѣдованіями по этому предмету.

«Но самое пикантное мѣсто критики,—говоритъ г. Скворцовъ,—заключается въ доказательствѣ моего (г-на С—ова) невѣжества даже по вопросамъ чисто сельскохозяйственнымъ» (стр. 119). Рѣчь идетъ о «дедуктивномъ» выводѣ г. С., что въ Россіи должны господствовать почти неизвѣстныя на западѣ хозяйства—латифундіи съ технической переработкой с.-х. продуктовъ, преимущественно съ сахароваренiемъ. Останавливаясь на указанномъ авторомъ признакѣ такихъ хозяйствъ—отношени добываемой въ хозяйствѣ свеклы къ общей массѣ перерабатываемаго на заводѣ корнеплода,—мы показали, что Россія въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ Германіи—что, конечно, должно бы быть извѣстно и г. С., если бы онъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ области хозяйства. На это г. С. ввзражаетъ, что приводимыя мною данныя потому лишь «блистательно опровергаютъ» его положеніе, что относятся къ концу 90-хъ гг. «Комизмъ этого опроверженія,—продолжаетъ онъ далѣе,—заключается въ томъ, что тотъ процессъ, о которомъ я говорю (развитіе свеклосахарнаго производства), происходилъ въ 60—70-хъ гг., а мой критикъ противопоставляетъ мнѣ то, что происходитъ 20—30 и даже 40 годами позже» (стр. 119). Мы считали нужнымъ привести данныя, касающіяся послѣднихъ лѣтъ, потому что на с. 233 «Основъ» г. С. утверждаетъ, что хозяйства-латифундіи «*у насъ*, можно сказать, *съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе* въ связи съ винокуреннымъ и, особенно, свеклосахарнымъ производствомъ»; и мы показали, что наоборотъ, съ каждымъ годомъ послѣднихъ лѣтъ хозяйства эти (судя по признаку, указанному выше) сокращаются. Нынѣ г-ну С. угодно позабыть объ этомъ своемъ утвержденіи и онъ ссылается на прошлое вмѣсто настоящаго. Хотя эта ссылка не подтверждается имъ фактическими указаніями, почему мы въ правѣ были бы прямо-таки отрицать ея доказательное значеніе, но мы произведемъ за г. С. необходимую справку и, чтобы не затруднять автора провѣркой, беремъ требуемыя цифры изъ книгъ—нужно полагать имѣющихся даже въ библіотекѣ Новоалександрійскаго института: изъ «Книжки Хозяина», № 10, 1899 г. и «Истор.-стат. обзора промышленности Россіи», изд. 1886 г. Въ теченіе второй половины 70-хъ гг. германскими сахарными заводами переработано всего 1.300 милл. пуд. свеклы, изъ коихъ 865 милл. или 66% получено съ заводскихъ плантацій; въ Россіи въ теченіе того же періода поступило на заводы (не считая Царства Польскаго) 69 мил. берковцевъ, изъ того числа заводамъ принадлежало 37 милл. берк. или 54%. Итакъ, то, что было 20—25 лѣтъ назадъ, еще болѣе противорѣчитъ «дедуктивному» выводу г. Скворцова, нежели то, что есть въ настоящее время. По этому выводу нѣмецкимъ сахарнымъ заводамъ полагается перерабатывать наиглавнѣйшимъ образомъ плантаторскую свеклу, а русскимъ—заводскую. По даннымъ же игнорируемой г. Скворцовымъ статистики, въ настоящее время въ обѣихъ странахъ заводы перерабатываютъ до 40% своей свеклы и 60% чужой (что показано г-ну Скворцову въ моей рецензіи), а 20 — 25 лѣтъ тому назадъ, нѣмецкіе заводы перерабатывали своей свеклы больше (66%), чѣмъ русскіе (54%) и, слѣдуя методу разсужденія г. Скворцова, нужно было бы признать, что русское сельское хозяйство въ 70-хъ гг.

стояло выше нѣмецкаго. Таковы результаты примѣненія метода, рекомендуемаго г. Скворцовымъ въ сельскохозяйственной экономикѣ.

«Послѣ этого пассажа едва ли нужно говорить, насколько основательны остальныя возраженія моего критика», скажемъ мы словами г. Скворцова. Возраженія эти касаются фактическаго опроверженія другого «дедуктивнаго» заключенія г. Скворцова—что «наше льняное волокно почти *цѣликомъ* уходитъ за границу» («Основы», стр. 283). Хотя приведенная выдержка не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что г. С. говоритъ о всемъ нашемъ льнѣ, тѣмъ не менѣе онъ пытается доказать, что это положеніе относится ко льну только «извѣстныхъ сортовъ». Это утвержденіе, однако, прямо опровергается тѣмъ мѣстомъ «Основъ экономики земледѣлія», гдѣ перечисляются матеріалы, переработка которыхъ въ ткани и т. п. по «дедуктивному» выводу г. С. «должна быть сосредоточена въ странахъ богатыхъ». Матеріалы эти: «ленъ, шелкъ и *тонкая шерсть*» (стр. 282). Выдѣленіе «извѣстныхъ сортовъ» сдѣлано только для шерсти, но не для льна.

Мы разобрали всѣ сколько-нибудь существенныя основанія, приводимыя г. Скворцовымъ для того, чтобы обвинить насъ въ недобросовѣстномъ поведеніи. Заключеніе же по этому дѣлу предоставляемъ сдѣлать читателю.

В. В.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

